Японские древности Выпуск 2-й

Японские древности

восточноазиатское обозрение

Выпуск 2-й

Уральский государственный юридический
университет имени В.Ф. Яковлева
Кафедра истории государства и права

Японские древности: восточноазиатское обозрение
(историко-правовые исследования)

Сборник научных трудов
Выпуск 2-й

Екатеринбург
2024

УДК 340, 340.140, 340.141, 340.130, 340.152, 340.153, 94 (510).01-02, (520).01
ББК 67.2, 63.3(0), 63.3(3)
Т 63

Рецензенты:
Филиппов А.В. – доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой японоведения Восточного факультета,
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)
Кузьмин В.А. – Заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения
Департамента международных отношений Уральского гуманитарного
института Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Редакционная коллегия:
доктор филологических наук, профессор Л.М. Ермакова
кандидат культурологии, доцент Е.С. Бакшеев
кандидат исторических наук, доцент Д.А. Суровень

Т 63 **Японские** древности: восточноазиатское обозрение (историко-правовые исследования): сборник научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2024. – Вып. 2-й. – 352 с.

ISBN-978-5-7845-0760-0

В сборник включены переводы китайских и японских источников, а также научные статьи, посвящённые истории общества, государства и права древней и раннесредневековой Японии (до конца VIII века). Публикуется статья В.Н. Горегляда, касающаяся отражения процессов генезиса государства, формирования ранней государственности и этногенеза в древнеяпонских мифах и сказаниях. Дан перевод на русский язык фрагментов *фудоки* (историко-географических описаний провинций), выполненный Л.М. Ермаковой. Анализируется процесс становления культа божества–покровителя династии Ямато. Ряд статей посвящён анализу результатов археологических находок бронзовых зеркал, являвшихся символами введения в должность и наделения властью, на основе чего были сделаны выводы о процессах политогенеза в древней Японии. Исследуются древнеяпонские правовые обычаи, связанные с родами и родильными домиками.

Для научных работников академических учреждений, преподавателей, аспирантов, студентов восточных и исторических факультетов, и всех интересующихся проблемами истории древней и раннесредневековой Японии.

ISBN-978-5-7845-0760-0

© Авторы статей, 2024
© Уральский государственный юридический университет, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск сборника научных трудов «Японские древности: восточноазиатское обозрение» посвящён исследованию вопросов истории древнеяпонского общества, государства и права и статусу древнеяпонских государств в системе международных отношений в Восточной Азии, центром которой являлась древнекитайская цивилизация. По содержанию материалы сборника делятся на три раздела: первый раздел посвящён памяти знаменитого учёного, известного японоведа В.Н. Горегляда; второй включает переводы источников; третий – исследования по истории общества, государства и права древней Японии.

В первом разделе опубликована статья Владислава Никаноровича Горегляда «Мифы древней Японии: отражение процесса генезиса государства, становления ранней государственности и этнической истории в сказаниях древней Японии». В исследовании характеризуются этногенез и политогенез в первобытной и древней Японии, а также процесс становления ранней государственности на Японских островах. Анализ этих процессов основан на материалах сказаний, зафиксированных в «Кодзики», «Нихон сёки», *фудоки* и «Когосюи».

Второй раздел включает продолжение[1] переводов на русский язык разделов о японцах из китайских династийных историй («Цзинь шу», «Сун шу», «Нань Ци шу» и «Лян шу»), выполенное С.В. Лаптевым, с обширным комментарием, который составил Д.А. Суровень; затем идёт исследование Л.М. Ермаковой «Фрагменты фудоки: мифическое и юридическое», предваряющее перевод сохранившихся фрагментов из «Цу-но куни-но фудоки», «Ямасиро-но куни-но фудоки» и «Исэ-но куни-но фудоки», впервые переведённых на русский язык автором.

Третий раздел начинается со статьи Е.К. Симоновой-Гудзенко «О появлении богини Аматэрасу в японском пантеоне: формирование

[1] Начало см.: *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 206-235.

культа божества–покровителя династии Ямато». В статье анализируется процесс формирования культа богини Аматэрасу на основе анализа древних сказаний, зафиксированных в японских источниках.

Затем идёт группа статей и материалов о бронзовых зеркалах, которые из ценных экзотических импортных предметов роскоши в рамках китаецентрической «даннической системы» и в процессе политогенеза и формирования ранней японской государственности трансформировались в символ культа, престижа, статуса и власти в древней Японии, а в итоге – в синтоистскую реликвию и в важнейшую из регалий японских императоров. Открывает данную группу статей исследование Е.С. Бакшеева «Бронзовые зеркала периодов *яёй* и *кофун* и процесс политогенеза и формирования ранней государственности в Японии», потом идёт приложение к данной статье – «Бронзовые изделия периода *яёй* как символы социальной стратификации и ранней государственности Японии». Завершает эту группу статей исследование С.А. Ханова «Китайские бронзовые зеркала в древней Евразии и история их изучения в России» с большим библиографическим списком публикаций о китайских зеркалах. В третьем разделе также помещена статья М.В. Щепетуниной «Некоторые аспекты семейного права в древней Японии – ритуализация и табуирование родов», посвящённая малоизвестным институтам древнеяпонского брачно-семейного права.

Данные переводы и исследования дают важные материалы по истории общества, государства и права древней Японии и могут быть использованы при чтении учебных курсов по истории древнего Востока, истории стран Азии и Африки в средние века, истории Японии, истории государства и права зарубежных стран.

УДК 340.152, 94 (520).01

Горегляд В.Н.

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ[1]: ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ГЕНЕЗИСА ГОСУДАРСТВА, СТАНОВЛЕНИЯ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В СКАЗАНИЯХ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

В статье проанализированы материалы древнеяпонских мифов, легенд и сказаний, связанных с формированием древнеяпонского этноса и возникновением ранней государственности на территории Японских островов.

Ключевые слова: древняя Япония; Яматай; Ямато; этногенез; политогенез; ранняя государственность.

Мифология Японии уникальна. Географическое положение страны и стечение исторических обстоятельств предохранили японские мифы от подавляющего влияния китайских идей. Странный, ни на что не похожий мир открывается перед нами.

Из первоначального хаоса стали возникать первобоги, бесследно исчезая после своего появления. Потом появились другие боги и начали творить мир – Огонь, Солнце, Ветер, Страну Восьми Больших Островов... Мифы о создании и обустройстве мира образовали священные тексты синто – «Пути богов» – национальной религии японцев.

Эта религия формировалась на заре государственности из суммы верований, ритуалов, примет. В ней соединилось бесчисленное множество богов и почитание предков, существовали святилища, окруженные рощами из священных деревьев.

Японцы начали записывать свои мифы сравнительно рано – в начале VIII в., когда они ещё были живы в памяти сказителей.

[Переселение протояпонцев][2]

Протояпонские племена, постепенно тесня живших на островах древних насельников айнского и малайско-полинезийского происхождения, переселились на север острова Кюсю и юго-запад острова Хонсю с Корейского полуострова на рубеже IV и III вв. до н.э. Это было земледельческое население. Переселенцы привезли с собой домашних животных, культуру поливного

Горегляд Владислав Никанорович (1932-2002 гг.) – профессор, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВР РАН (*Россия*, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18).

[1] Впервые опубликовано: *Горегляд В.Н.* Мифы древней Японии // Кодзики: Записи о деяниях древности», св. 1-й: Мифы. – СПб.: ШАР, 1994. – С. 7-26.

[2] Текст в квадратных скобках […] добавлен редакционной коллегией для уточнения и пояснения.

риса и навыки изготовления медных и бронзовых орудий. Для их культуры характерно обилие церемониальных бронзовых мечей, бронзовых зеркал и колоколов.[1] Появился новый тип жилищ – свайные постройки с приподнятым над землей полом и массивной кровлей с большим выносом, напоминающие жилища народов Юго-Восточной Азии.

[Формирование ранней государственности]

В I в. н.э. у предков современных японцев стали формироваться родовые и племенные союзы[2], вожди которых выполняли также сакральные функции. Род был скреплён родственными узами, территорией, культом бога-основателя и подчинён одному вождю, который осуществлял контакты с соседними родами, судил членов рода и был верховным шаманом. Родовая организация носила следы матриархата.[3]

Во второй половине III в. наступает ранний железный век («курганный период»). При захоронении вождей, а затем и знатнейших членов рода стали насыпать круглые (позднее – квадратно-круглые, в плане напоминающие замочную скважину) курганы, в которых археологи находят разнообразный погребальный инвентарь: от ритуального на раннем этапе до воинского на более позднем. Наряду с бронзовыми орудиями и украшениями здесь встречаются предметы из железа и стали (лезвия мечей), глиняные фигурки *ханива*, изображающие предметы быта, оружие, животных и людей.[4] По-видимому, назначение *ханива* было разным – от обозначения границ курганного захоронения (керамические цилиндры) до имитации жертвоприношений.

В III веке существовало три племенных объединения. Началось формирование раннеклассового государства под эгидой главы племени Ямато (центральная часть юга острова Хонсю). В пределах всего государства "царь"[5] почитался как прямой потомок богини Солнца. Культ этой богини стал главенствовать над местными культами и распространился на всю территорию государства Ямато. В провинции Исэ, на берегу Тихого океана, был воздвигнут храмовый комплекс для поклонения богине Солнца – Аматэрасу.

Символами власти "царя" считались три священные регалии – меч, яшма и бронзовое зеркало, полученные, согласно мифам, от божественных предков и передаваемые от поколения к поколению. Вожди наиболее сильных племён, вошедших в Ямато, были провозглашены спутниками Ниниги-но *микото*, внука богини Аматэрасу, посланного ею с Равнины Высокого Неба управлять Землей. Каждый род имел собственное святилище, где совершалось поклонение предкам рода. Многие места поклонения были связаны с обожеств-

[1] [См. статьи Е.С. Бакшеева в данном сборнике. – *Прим. ред*.].
[2] [Союзы *территориальных* общин, формировавшие *сложные вождества*, на основе которых возникнет ранняя форма государства в виде *общин–государств*. – *Прим. ред*.].
[3] [Общество с *матрилинейным* счётом родства. – *Прим. ред*.].
[4] [См. фотографии *ханива* на обложке сборника. – *Прим. ред*.].
[5] [Первоначально правитель носил титул *кими,* затем – *оо-кими*. – *Прим. ред*.].

лением гор, рек, водопадов, старых деревьев, явлений природы. Большую роль играл ритуал очищения, связанный с омовением водой и произнесением особых молитвословий.

Первые государственные образования не имели постоянной столицы. Каждый "царь" переносил административный центр в новое место, что было связано и с представлением об осквернении смертью прежней столицы, и с распрями сильнейших родов. В 710 г. столица (г. Нара) впервые стала постоянной.

[Составление хроник]

Весной 712 года придворный историограф О-но Ясумаро (?–723 гг.) представил "царице" Гэммэй три свитка «Записей о деяниях древности» («Ко́дзики»), включивших мифы (от сотворения Неба и Земли до ближайших предков первых императоров) и древние предания, сказки и песни, а также изложенные в хронологическом порядке события истории страны до начала VII века. Запись производилась со слов старца (или старицы[1]) Хиэда-но Арэ.

Самые ранние рукописные списки «Кодзики» не сохранились. Старейшая рукопись, хранящаяся в скриптории буддийского храма Симпукудзи г. Нагоя, датируется 1371-1372 гг. и в колофоне содержит отсылку к протографу XIII в. Одно время даже бытовало мнение, что этот памятник создан не в 712 г., а является подделкой XIII в., что сказитель по имени Хиэда-но Арэ и записавший мифы с его голоса придворный О-но Ясумаро – вымышленные лица и в действительности их никогда не существовало. Поэтому настоящей сенсацией в научном мире оказалось обнаружение уже в конце XX в. древнего захоронения с останками самого О-но Ясумаро[2] (его имя начертано в гробнице, подлинность находки подтверждена лабораторными анализами[3]). Древние японские мифы снова оказались в центре внимания учёных и всех интересующихся Японией, её историей и культурой.

До сих пор на русский язык были переведены только небольшие фрагменты «Кодзики». Теперь же всем русским читателям предоставлена воз-

---

[1] [Хиэда-но Арэ 稗田 阿禮 носил титул *тонэри*, который получати придворные охранники–мужчины, в то время как придворные женщины носили титул *унэмэ*. – Кодзики 古事記 (из серии "Нихон котэн дзэнсю̄" 日本古典全集). – Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. – T. I. – С. 170; см.: *Сакамото Тарō* 坂本 太郎. Нихон кодай-си сōкō 日本古代史叢考. – . Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1983. – С. 262; *Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 213. – *Прим. ред.*].

[2] [Подробнее см.: См.: Ō-no Yasumaro // Monumenta Nipponica. – 1979, summer. – Vol. 34. – No. 2. – P. 257; *Куно Ю̄итирō* 久野 雄一郎. Кодай киндзоку-о тадзунэтэ 古代金属をたずねて: Ō-но Ясумаро-но боси надо 太安萬侶墓誌など // Тэцу то кō 鐵と鋼 (Нихон тэцукō кē̄кай кайси 日本鐵鋼協會會誌). – 1982, октябрь. – Т. 64. – № 14. – С. 2054 (190); *Murayama Shichiro*, *Miller Roy Andrew*. The Inariyama tumulus sword inscription // Journal of Japanese studies. – 1979, summer. – Vol. 5. – No. 2. – P. 417; 417, note 6. – *Прим. ред.*].

[3] [Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Хронология древней Японии. – Екатеринбург: ООО Универсальная типография «Альфа Принт», 2023. – Т. I. – С. 155-156. – *Прим. ред.*].

можность полнее ознакомиться с мифами и легендами Японии, включенными в «Записи о деяниях древности».[1]

В книге чётко проведена идея наследственной преемственности от первобогов–сотворителей мира к небесным богам, от них к богам земным, а от земных богов к царям Ямато, далеким предкам нынешних японских императоров.

Через восемь лет после «Кодзики» появился ещё один письменный памятник, в который вошли те же мифы. В 720 г. коллегия под руководством принца Тонэри (676-725) завершила составление «Анналов Японии» («Нихон сёки», или «Нихонги»).[2] Состав «Анналов» почти тот же, что и «Записей о деяниях древности»: 30 книг начинаются с того же миротворческого мифа и завершаются изложением исторических событий 679 г. Но отличаются они от предшествующего собрания тем, что приводят варианты (иногда несколько) мифологических эпизодов. И написан второй памятник не на японском языке, а на китайском, бывшем в то время языком межгосударственного общения народов Дальнего Востока. Есть также разночтения в датировке событий.

Сборники мифов, легенд и преданий, не вошедших в названные два памятника – «Собрание упущенных прежде древних речений» («Кого сюи», начало IX в.)[3], «Установления годов Энги» («Энгисики», 927 г.) и естественно-географические и этнографические описания провинций – *фудоки* (VIII в.)[4] показывают, что более краткое или иначе построенное изложение не даёт связной картины обожествления правящего рода Ямато и родовой верхушки времен перехода к ранней государственности. Поэтому цикл мифов, записанный в «Кодзики», считается наиболее цельным, и памятник этот превратился в священную книгу национальной японской религии синто.

«Нихонги», по замыслу их составителей, были ориентированы на внеш-

---

[1] [Данный фрагмент о списках «Кодзики» и переводах хроники перенесён сюда из конечного раздела статьи. Полный перевод «Кодзики» на русский язык см.: Кодзики: Записи о деяниях древности, свиток 1-й / Пер. Е.М. Пинус. – СПб: Шар, 1994. – Т. I. – 320 с.; Кодзики: Записи о деяниях древности: свиток 1-й. – СПб.: Кристалл, 2000. – 608 с.; Кодзики: Записи о деяниях древности, свитки 2-й и 3-й / Пер. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. – СПб.: Шар, 1994. – Т. II. – 256 с. – *Прим. ред.*].

[2] [Перевод на русский язык см.: Нихон сёки: Анналы Японии / Пер. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – 496 с.; Нихон-сёки: Анналы Японии / Пер. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. II. – 432 с. – *Прим. ред.*].

[3] [Перевод на русский язык см.: Когосюи. Дополнение к древним сказаниям в одной книге с предисловием / Пер., предисл. Н.А. Невского, комм. Л.М. Ермаковой // Петербургское востоковедение. Вып. 8. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – С. 301-325; Когосюи // Синто: путь японских богов / Пер. Е.К. Симоновой-Гудзенко. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 84-100. – *Прим. ред.*].

[4] [Переводы на русский язык см.: Идзумо-фудоки / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, 1966. – 222 с.; Древние фудоки / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, 1969. – 340 с. См. перевод Л.М. Ермаковой фрагментов «Цу-но куни-но фудоки ицубун», «Ямасиро-но куни-но фудоки ицубун» и «Исэ-но куни-но фудоки ицубун» в данном сборнике. – *Прим. ред.*].

ний мир. Главные особенности страны и добродетели её населения изложены здесь с оглядкой на китайские понятийные категории: «Издревле Небо и Земля не были разделены, а *инь* и *ян* (тёмное и светлое начала – *В.Г.*) ещё не различались»; предсмертная речь «императора» Юряку V в[ека] повторяет слова китайского императора Гао-цзу (ум. в 604 г.); «император» Нинтоку (IV в.)[1] демонстрирует конфуцианские добродетели[2] и т.д.

Иначе дело обстоит с другими памятниками. *Фудоки*, составленные в VIII в. по образцу древнекитайских «*фынтуцзи*», включили в себя многие фрагменты мифов, преданий и легенд, не вошедших в «Кодзики» и «Нихонги». Они не представляют связной картины, и вошедший в них материал имеет по большей части топонимическую направленность. В «Установлениях годов Энги» делается упор на синтоистские церемонии и празднества, и приводятся тексты большинства древних молитвословий *но́рито*.[3]

Составитель «Собрания упущенных прежде древних речений» Имбэ-но Хиронари принадлежал к старинному роду высших синтоистских жрецов, оттеснённому в середине VII в. с прежних позиций его соперниками. В 807 г. он представил запись мифов, хранившихся поколениями его предков, воспевающих генеалогию рода Имбэ (Имубэ) и важную роль, которую тот играл в государстве. Естественно, эти мифы несколько отличаются от общепризнанных.

[Древние мифы и сказания]

Древние японские мифы условно можно разделить на миротворческие и мироустроительные. Они и вошли в первую книгу «Записей о деяниях древности». Следующий слой архаичного фольклора относится к «строительству страны» (*кунидзукури*)[4], периоду формирования япон-

---

[1] [Результаты ревизии древнеяпонской хронологии, осуществлённой исследователями в конце XIX – XX веках, показали, что Нинтоку правил в начале V века (в 418 – 425/427 годах [испр. хрон.]). – См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. – М.: Наука, 1980. – С. 22-28; *Суровень Д.А.* Политическая борьба в государстве Ямато и его внешнеполитические связи в 10-е – 20-е годы V века // Уральское востоковедение. Международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 4-24; *Суровень Д.А.* Реконструкция хронологии первой половины V века (царствований государей Нинтоку – Ингё). Ч. 1: Хронология второй четверти V века // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 3. – С. 22-46. – *Прим. ред.*].

[2] [Эти идеи отражают идеологию древнего общества, выражавшую необходимость заботы о *рядовых общинниках*, составлявших основную численность *общинного ополчения*. Разорение *рядовых общинников* означало бы уменьшение численности *общинного ополчения*. – *Прим. ред.*].

[3] [Перевод на русский язык см.: Норито // *Невский Н.А.* Культовая поэзия древней Японии // Восток: литература Китая и Японии. – М.-Л.: Academia, 1935. – С. 15-30; Норито // Норито. Сэммё / Пер. Л.М. Ермаковой. – М.: Наука, 1991. – С. 89-133; Но- рито // Молитвословия *норито* из “Уложения эры Энги” / Перевод Л.М. Ермаковой // Синто: путь японских богов. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. II. – С. 151-169. – *Прим. ред.*].

[4] [О *куни-дзукури* (*куни-цукури*) в области Идзумо см.: *Суровень Д.А.* Сведения местных сказаний области Идзумо о коллективном фонде общины времени правления в сложном вождестве Идзумо вождя Ō-намоти // Фольклор и фольклористика XXI в.: Актуальные направления и перспективы исследовательских практик. Материалы III Международной научно-практ. конф. (8 июня

ского государства. Это эпоха первых земных потомков небесных богов – императоров Японии. Большая часть сюжетов о «строительстве страны» вошла во вторую книгу «Записей о деяниях древности».[1]

Итак, мир первоначально состоял из хаоса. Из хаоса стали зарождаться боги. Последними на свет появились бог Идзанаги и богиня Идзанами. Они получили повеление приступить к акту творения. Стоя на Мосту, Плавающем в Небе (на радуге?), божественная чета окунула в море копье с наконечником из драгоценностей и стала размешивать соленую воду до тех пор, пока та не загустела. Капли, упавшие с наконечника копья, образовали остров, на который та чета и сошла, чтобы продолжить акт творения. Теперь они приступили к созданию божеств моря, грязи, гор, воды, огня... Бог Огня при своём появлении на свет опалил матери лоно, следовательно, новые божества появлялись на свет естественным путём. Ни до них, ни после это не было обязательным.

Идзанами погибла, и её божественному супругу не удалось вызволить любимую из Страны Тьмы (в мифах нет границ между тремя мирами – Равниной Высокого Неба, Тростниковой Равниной-Серединной Страной и Страной Тьмы, до поры до времени герои мифов могли свободно передвигаться между этими мирами). Он возвратился домой и новых богов стал производить на свет один. Множество богов появилось из его одежды, обуви, из родимых пятен на теле, из капель воды, падающих с него во время ритуального омовения. В числе этих последних основные герои последующих мифов – богиня Солнца Аматэрасу *оо-ми-ками* и бог Бури Суса-но-о-но *микото*.

Богиня Солнца считается прародительницей императорского дома: [её] внук Ниниги-но *микото*, получивший от бабушки три священных регалии и посланный ею управлять Восемью Большими островами (Тростниковой Равниной-Серединной Страной – Японией), стал впоследствии прапрадедом первого императора страны, Дзимму-*тэннō* (Каму-Ямато Иварэхико-но *микото*, родился в 711 г. до н.э. [традиционной хронологии[2] – *прим. ред.*]).

Статусом главной богини и определяется её поведение со времени сокрытия в Небесный грот (вызывающее ассоциацию с затмением солнца) до посылки внука управлять Тростниковой Равниной. Не так обстоит дело с богом Бури. Проследив за его поведением, мы с удивлением обнаруживаем, что оно коренным образом меняется от появления Суса-но-о на свет до сошествия его в страну Корней.

2024 г., Уфа), посвященной 85-летию профессора БГПУ им. М. Акмуллы А.М. Сулейманова (1939-2016). Ч. 1. / Ответ. ред. Р.А. Султангареева, сост. Г.Х. Бухарова, Н.А. Хуббитдинова, Ш.Р. Шакурова, Л.И. Шарафитдинова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2024. – С. 216-217. – *Прим. ред.*].

[1] [Во 2-м свитке «Кодзики» уже описывается раннеисторический период в истории древней Японии. – *Прим. ред.*].

[2] [Исследования учёных по реконструкции древнеяпонской хронологии показали, что государство Ямато возникло на рубеже III–IV вв. н.э. Год восшествия государя Дзимму на престол – год *каното-тори* (58-й год цикла) в начале IV в. н.э. приходится на 301 год н.э. – *Прим. ред.*].

Вначале это неистовый бог Бури. Он вне себя от того, что в ведение ему отдана Равнина Моря: плачем иссушив горы и водоёмы, бесчинствует он во владениях сестры, за что подвергается богами суровому наказанию и изгоняется с Равнины Высокого Неба. Но едва Суса-но-о-но *микото* спустился на землю, как вмиг превратился в доброго бога – спасает обречённую на смерть девушку, убивает восьмиголового змея-людоеда, строит восьмиярусный терем для возлюбленной[1] и, находясь в подземном мире, даёт полезные советы умыкнувшему его дочь беглецу Оо-кунинуси.

Налицо явное совмещение двух мифологических циклов – того, в котором Суса-но-о является божеством посторонним, и того, для которого он – божество органичное. Исследователи отмечают в древней Японии следы двух таких циклов. Наиболее развит представленный в «Кодзики» и «Нихонги» цикл мифов племени Ямато. Параллельно ему существовала в достаточно организованном виде мифология племени Идзумо, обитавшего на юго-западе острова Хонсю. К пантеону Идзумо наряду с Суса-но-о-но *микото* принадлежали Оо-кунинуси-но *ками*, Сукуна-Бикона-но *ками* и ещё несколько богов, включенных после присоединения Идзумо к союзу племен Ямато в общий пантеон. Но поскольку в общеяпонской мифологии преобладала идея главенства богов Ямато, ранг богов Идзумо оказался несколько ниже.

[Формирование *сложных вождеств*]

В «Кодзики» отсутствует мотив *кунибики* («подтягивания земель»), отражающий, по всей вероятности, эпоху укрепления племени Идзумо и завоевания им близлежащих территорий. В «Идзумо-фудоки» он изложен следующим образом: «Бог Яцукамидзу-омицуно, совершивший *кунибики*, изрёк: “Страна облаков (Идзумо), где, клубясь, поднимаются восьмиярусные облака, – юная страна, узкая, как полоска полотна. Она была создана маленькой, поэтому мне хотелось бы присоединить к ней [другие земли]. Если взглянуть на мыс Мисаки в стране Сираги, белой, как ночная одежда *такубусума*, не лишний ли он в стране, то видишь, что мыс этот – лишний”, – так он сказал. И тогда, взяв заступ, широкий и плоский, как грудь молодой девушки, вонзил он его [в землю], как вонзают [острогу] в жабры большой рыбы, отрубил он землю, колыхавшуюся, словно флаги расцветшего камыша *сусуки*, набросил он на землю крепкую веревку, свитую из трёх прядей, и начал медленно-медленно, как лодку, поднимающуюся по реке, тянуть её, подтягивать, черную, как плод *симоцудзура*, беря и перебирая веревку руками и приговаривая: “Земля, иди сюда, земля, иди сюда!”. Подтянутая и присоединенная к стране земля стала [морским побережьем], и там, где была излучина Кодзу, образовался мыс Кидзуки – “Многоземельный”. А

[1] [Подробнее см.: *Суровень Д.А*. Сведения древнеяпонских источников о расселении тунгусо-маньчжурского народа *идзумо* на острове Хонсю // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – Киров, 2013. – № 1 (1). – С. 72-87. – *Прим. ред.*].

крепко вбитый в землю кол (к нему была привязана веревка, за которую бог тянул землю) стал границей между провинциями Ивами и Идзумо. И [теперь] там стоит гора Сахимэ. А веревка, за которую бог тянул землю, превратилась в длинное морское побережье Соно»[1] (пер. К.А. Попова).

Таким же способом бог Яцукамидзу-омицуно присоединил к Идзумо ещё несколько земель, после чего возвестил о завершении *кунибики* и воткнул свой жезл в храмовую рощу Оу. Присоединение каждой новой земли описано в *фудоки* отдельно, но с точным повторением всех речевых оборотов, включая сравнения.[2]

В традиции Идзумо главным божеством был Оо-кунинуси-но *ками*, выступавший под несколькими именами. Под именем Оо-намоти он постоянно именуется «великим богом, создавшим Поднебесную».[3]

Переход Поднебесной (т.е. всей Японии) во власть потомков Аматэрасу объясняется в мифах как «передача страны» (*куниюдзури*). В традиции Ямато говорится, что Аматэрасу собрала своих подданных на берегу реки и сказала им, что в стране Идзумо живет много «буйных богов», которых нужно усмирить. Один за другим для этой цели отправляются на землю три божества. Сошествие первых двух не привело к покорению страны, но третий своей цели добился. Оо-кунинуси-но *ками* передал ему владение страной, удалился во дворец Кидзуки и оговорил себе право управлять страной Идзумо. В версии «Идзумо-фудоки» это событие описано в следующих словах: «Великий бог Оо-намоти, создавший Поднебесную, усмирив восемь земель в Коси, возвратился домой и по прибытии на гору Нагаэ изрек: “Страну, которую я создал и которой владею и управляю, я хочу передать тебе, потомку богов. Спокойно владей и управляй ею века. Только страну Идзумо, страну, где я нахожусь, откуда поднимаются, клубясь, восьмиярусные облака, окружу я зелеными горами наподобие изгороди, поставлю в ней свою *тама* и оставлю себе и буду охранять”»[4] (пер. К.А. Попова).

По-видимому, изначально не был связан с племенем Ямато и миф о боге Нининги-но *микото*, провозглашенном затем внуком богини Аматэрасу *ооми-ками*. Миф зародился на юго-востоке острова Кюсю, в стране Химука (впоследствии провинция Хюга). Об этом можно судить и по дошедшим до наших дней фрагментам «Хюга-фудоки», и по косвенным данным – сравнению с мифами малайско-полинезийского происхождения, в древности, очевидно, бытовавшими среди отдельных неяпонских племен этого региона.

---

[1] Идзумо-фудоки / Пер., предисл., коммент. К.А. Попова. – М.: Наука, 1966. – С. 19-20.

[2] [О *кунибики* см.: *Суровень Д.А*. Сведения древнеяпонских источников о расселении тунгусо-маньчжурского народа *идзумо* на острове Хонсю. С. 72-87. – *Прим. ред*.].

[3] [О деятельности Ō-намоти в области Идзумо см.: *Суровень Д.А*. Сведения местных сказаний области Идзумо о коллективном фонде общины времени правления в сложном вождестве Идзумо вождя Ō-намоти. С. 216-217. – *Прим. ред*.].

[4] Идзумо-фудоки, 1966. С. 21-22.

Связанные воедино три мифологические традиции получили вид законченного повествования. Сын богини Солнца Аматэрасу *оо-ми-ками* взял себе в жёны дочь Такамимусуби-но *ками*, одного из первобогов, явившегося из хаоса раньше Идзанаги и Идзанами. От этого брака родился бог Ниниги-но *микото*. Такамимусуби захотел сделать своего внука правителем Тростниковой Равнины-Серединной Страны. В той стране (ею тогда управлял Оо-кунинуси-но *ками*) было бесчисленное множество богов, которые сияли, как светлячки, и злых божеств, которые жужжали, как мухи. Деревья и травы, росшие там, могли говорить.

Попытка овладеть этой страной оказалась успешной. С Равнины Высокого Неба для переговоров с Оо-кунинуси-но *ками* спустился бог Такэмикадзути, некогда родившийся из крови на лезвии меча, которым Идзанаги зарубил своего сына, бога Огня. Тогда Ниниги-но *микото* с пятью спутниками сошёл на вершину горы Такатихо в стране Химука, имея на руках знаки царской власти – священный меч, зерцало и драгоценный камень.

[Основание государства Ямато]

Правнук бога Ниниги-но *микото*, Камиямато Иварэбико, в 667 г. до н.э. спустился с горы Такатихо, чтобы начать «восточный поход», и 11 февраля (1-й день 1-й луны по лунному календарю) 660 г. до н.э.[1] занял царский престол в новом дворце на равнине Касивабара у подножья горы Унэби. Потомкам он известен под именем Дзимму-*тэнно*, присвоенным первому японскому императору после его смерти.

От детей пяти спутников Ниниги-но *микото* вели свою родословную важнейшие аристократические роды древней Японии.

Естественно возникает вопрос о времени формирования единого мифологического цикла объединенного Ямато. Совокупность данных многих наук свидетельствует, что объединение Ямато произошло в середине IV в. н.э. или немного раньше. Ему предшествовали многочисленные набеги на соседние племена, в том числе и на родственные Ямато. Некоторые из этих набегов легли в основу легенд о принце Ямато *такэру*.

В возрасте 16 лет[2] он, переодевшись в женские одежды, пробирается в покои вождя племени *кумасо* и убивает его, спящего после пира. Став взрослым, он совершает множество подвигов в схватках с племенами *эбису* на востоке, в том числе при помощи волшебного меча Кусунаги-но *суруги*.

Согласно выкладкам японского учёного Канда Хидэо, отец Ямато *такэру* – император Кэйко вступил на престол около 300 г. н.э.[3] Из этих рассуждений следует вполне правдоподобный вывод: наиболее ранние общеяпонские мифы и легенды о первых императорах используют исторические факты, имевшие место от начала III до середины IV вв. н.э.

[1] [301 г. н.э. (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].
[2] [Скорее всего, Ямато-*такэру* был более старшего возраста. – *Прим. ред.*].
[3] [В год *каното-хицудзи* – в 337 г. (испр. хрон.). – *Прим. ред.*].

В эпоху формирования мифов древние японцы, помимо внутренних контактов, имели и внешние – с неяпонским населением островов. Это были *кумасо*, *эбису* (айны), корейцы, китайцы, а через посредников и другие восточноазиатские народы. Следы этих контактов в мифах обнаруживаются.

Специалисты по японской мифологии высказывали много предположений об исторической подоплеке[1] мифа о Хоори-но *микото* и потерянном им рыболовном крючке. Действие мифа нередко привязывают к реальным географическим районам Японии, усматривают в его сюжете отражение борьбы между племенами с разным хозяйственным укладом.[2]

Но вот профессор Масуда Кацуми привёл свидетельство о существовании на острове Целебес (Сулавеси) автохтонной легенды, в корне подрывающей подобные построения.[3]

Индонезийская легенда повествует о двух братьях, богатом и бедном. Первый занимался рыболовством, второй охотой и собиранием моллюсков на берегу моря. Выпросив на время у брата рыболовный крючок, бедняк упустил его: крючок проглотила большая рыба.

Впоследствии оказалось, что это – царь подводной страны. Крючок пронзил ему горло, и он страдал от невыносимой боли. Бедняк, вынужденный по требованию богатого брата отправиться в поисках крючка на морское дно, избавил царя от страданий и возвратился домой не только с крючком, но и с волшебной наградой – побегом бананового дерева, приносящего золотые плоды.

В конце концов, бедняк оказался полностью отмщённым, а вся семья богача поступила к нему в услужение. В легенде, как и в японском мифе, фигурирует предмет, вызывающий по желанию его владельца то грозу, то засуху (это браслет, полученный в дар от солнца).

Вручение богиней Аматэрасу *оо-ми-ками* «божественного указа» её внуку Нинигги-но *микото* имеет чёткое функциональное сходство с вручением Буддой Шакьямуни своим ученикам «Закона» на вершине горы Гридхракута, описанным в «Сутре золотого света». Рассказ о зарождении мира из первоначального хаоса широко распространен в мифологиях разных народов, но та его разновидность, которая содержит упоминание бога Амэ-но Минакануси (Владыка Божественного Центра Неба), имеет, по определению известного

---

[1] [Об этом см.: *Суровень Д.А*. Верхние слои сказания о двух братьях и морской и горной удаче как источник по истории юго-западной Японии периода позднего яёй // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2018. – № 3 (11). – С. 63-91. – *Прим. ред.*].

[2] [См.: Там же. – *Прим. ред.*].

[3] *Масуда Кацуми* 益田 勝実. Умисати Ямасати 海幸 山幸 [Удачливый на море, удачливый в горах] // Нихон синва 日本神話 [Японские мифы: сб. ст.]. – Токио 東京: Юсэйдō сюппан 有精堂出版, 1970. – С. 164-165.

японского специалиста по мифологии Ōбаяси Тарё̄, общие «характеристики с традицией Творца, обитающего на небе, известного как Гангала в Полинезии (Самоа, острова Общества) и как Гангандава в Индонезии (остров Целебес). С другой стороны, Тэнгри (или Тангри, Тянгара, Тангара, Тагара), божество, почитаемое кочевниками Центральной Азии, языки которых принадлежат к алтайской семье, имеет более тесное сходство с Амэ-но Минакануси в том, что также является верховным божеством, пребывающим на небесах в окружении подчинённых ему богов. Полагают, что культ Тэнгри проник в Японию через Корею, достиг Полинезии через Индонезию и Восточную Азию».[1]

К явлениям сходного характера относятся и соответствия между китайским демиургом Паньгу и мертвой богиней пищи Укэмоти в «Кодзики». На темени богини появились бык и лошадь, на верхней части лба – просо, на бровях – тутовый шелкопряд, между глазами – могар (вид проса), в животе – рис, в гениталиях – пшеница, большие и малые бобы. Появление практически всех перечисленных объектов на Японских островах характеризует земледельческое общество и датируется по археологическим находкам.

Анализ этих датировок показывает, что само описание не могло появиться раньше III–IV вв. н.э., а вернее всего, ещё позднее, когда возникла идеологическая потребность вписать японский мифологический ряд в континентальный культурный контекст. Многорядные соответствия выявляются в японо-корейских сюжетах.

Возьмём, к примеру, описание путешествия Суса-но-о-но *микото* и его сына Исонотакэру-но *ками* в страну Силла (название древнекорейского королевства), где они жили в местности Сисимори, и возвращение на глиняной лодке к горе Торигаминэ у истоков реки Хи в провинции Идзумо, или слова бога Ниниги-но *микото* о том, что гора Такатихо, на которую он сошёл с Равнины Высокого Неба, расположена напротив земли Кара – Кореи. Топонимы «Куси» и «Фуру» в корейских легендах повторяются много раз и относятся к корейской территории.

В японских мифах они входят составной частью в топонимы Кусифуруно *такэ* и Хюга-но Такатихо-но *минэ* Кусифуру, которые относятся к Японии.[2] Схождение царя с неба – мотив североазиатского (возможно, тунгусского) происхождения; и в японском, и в корейском варианте он включает общие детали: схождение на гору, обладание божественным мандатом и священными регалиями, облачение в определённую одежду.

---

[1] *Konishi Jin'ichi*. A History of Japanese literature. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – Vol. 1. – P. 172-173. См. также: *Ōбаяси Тарё̄* 大林 太良. Кики-но синва-то нансэй сётō-но дэнсё̄ 記紀の神話と南西諸島の伝承 [Мифы «Кодзики» и «Нихонги» и традиции юго-западных островов] // Нихон синва 日本神話 [Японские мифы: сб. ст.]. – Токио 東京: Юсэйдō сюппан 有精堂出版, 1970. – С. 40-41.

[2] *Ishida Eiichiro*. Japanese Culture: A Study of origins and characteristics. – Tokyo: University of Tokyo Press, 1974. – P. 81-82.

Ведущий специалист по корейским мифам М.И. Никитина сделала интересное наблюдение над сюжетом о сокрытии Аматэрасу *оо-ми-ками* в Небесный грот: «Миф о рождении Дочери Солнца при освоении его шаманской традицией переводился в "вертикальную плоскость". Пример тому – миф "Кодзики" об извлечении богини Аматэрасу из пещеры, в котором одним из вариантов материализованного воплощения мифа о рождении Дочери Солнца является дерево с яшмовыми магатама на верхних ветвях, кусочками ткани на нижних и зеркалом на средних – очевидная модель шаманского дерева с ярко выраженным тройственным делением по вертикали. В корейской культуре такой перевод можно усмотреть в повествовании о том, как сын основателя королевства Когурё Чумона – Юри наследовал его престол ... и в авторских комментариях Ли Гюбо к поэме "Тонмён-ван"»[1] (Ли Гюбо – крупнейший корейский поэт, 1169-1241).

Таким образом, прослеживается не только искусно выстроенная система заимствований, но и генетическая общность японских мифологических сюжетов и древнейших элементов культуры с корейскими и тунгусо-маньчжурскими. Это вторая линия ареальных связей японского архаичного фольклора.

В японской филологической традиции древнейшие, сюжетно оформленные повествования о богах называются *синва* («рассказы о богах»); если же их связь с мироустроительной функцией богов ослаблена или утеряна, то такие повествования обычно именуются *сэцува* – «то, о чём рассказывают». Этим же термином обозначают инородные пояснительные вставки в основное повествование, имеющие признаки самостоятельного сюжета. В более позднее время *сэцува* организуются в особый вид прозы.

В *фудоки* многие *сэцува* представляют собой объяснения явлений окружающего мира. Вообще же, ценность повествовательных частей *фудоки*, находящихся на зыбкой границе между мифом, легендой, преданием и волшебной сказкой (в особенности, если они структурно разрушены и не носят следов поздней реставрации), в том, что ими маркируется определённый тип мифологического сознания, лежащий в основе культурного субстрата ареала. Изначальные условия жизни народа – носителя мифа и древнейшие его внешние связи можно восстановить и по характеру тотемных животных.

В этой функции в мифе о двух братьях выступает крокодил. В других мифах дочь морского царя оказывается непонятным образом связанной с миром звезд (очевидно, в основе этой связи лежит забытый к моменту письменной фиксации миф). Другим тотемным животным, многократно упоминаемым в древних японских памятниках, является змея (точнее – змей: он вступает в брачную связь с женщиной или девушкой, от него рождается дитя с необычными свойствами). В «Записях о деяниях древности» это миф о горе

[1] *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. – М.: Наука, 1982. – С. 298.

Мива (горе Трёх Колец), в котором облик змея принимает Оо-кунинуси-но *ками*, в «Хидзэн-фудоки» – миф о горе Хирэфури (на её вершине находилось озеро, и женщина, выследившая приходившего к ней по ночам мужчину, обнаружила его спящим здесь: тело его было человеческим и находилось в воде, а голова змеиная, и она лежала на берегу), в «Хитати-фудоки» – это несколько сюжетов, и в первую очередь – о горе Курэфуси.

«Есть село Убараки. Севернее этого села высокий холм. Его называют гора Курэфуси. Старики рассказывают: жили [старший] брат и [младшая] сестра. Имя брата было Нукабико, а сестры – Нукабимэ.

Однажды, когда сестра была в опочивальне, туда вошел человек, имя которого неизвестно, и стал часто тайком пробираться [к ней], он приходил вечером, а уходил утром. Наконец они стали супругами. В одну из ночей [сестра] забеременела. Когда подошло время рожать, она родила змееныша. Когда светало, он ничего не говорил, а когда темнело, он разговаривал с матерью. Мать и дядя очень удивлялись этому и тайне думали, что он, видимо, сын бога. [Мать] положила его в чистый сосуд *цуки* и, соорудив подставку *утэна*, поставила на него сосуд. [Змеёныш] за одну ночь так вырос, что заполнил весь *цуки*.

Тогда [мать] переложила его в сосуд *хирака*, но там он так вырос, что заполнил весь сосуд. Так было три-четыре раза, и уже не было сосуда, который можно было использовать. [Тогда] мать сказала сыну: “Судя по твоим способностям, я поняла, что ты сын бога и уже не в силах нашей семье взращивать тебя. Иди к своему отцу. Тебе нельзя здесь [больше] оставаться”, – так она сказала. Тогда сын горестно заплакал, по затем вытер лицо и ответил: “[Я] подчиняюсь приказу матери и не отвергаю его. Но я не хочу идти совсем один, я прошу дать мне хотя бы одного спутника – ребенка”. Мать сказала [ему]: “В нашем доме только [твоя] мать и дядя, и ты [сам] хорошо знаешь это. Нет человека, который мог бы сопровождать тебя”. Змеёныш, затаив злобу, ничего не сказал. Когда наступило время расставаться, то от великой злобы он ударом молнии убил [своего] дядю и намеревался подняться на небо, но в это время мать, испугавшись, схватила сосуд *хирака*, бросила [в сына], попала в него, и он [потеряв божественную силу] не смог подняться [на небо]. Поэтому он остался на том холме [Курэфуси]. А сосуды *хирака* и *мика* и по сей день в деревне Катаока. Его потомки возвели храм и поклоняются ему непрерывно из поколения в поколение...» (пер. К.А. Попова).[1]

У змея, так же, как и у черепахи, с одной стороны, прослеживаются связи с водной стихией, с другой – с небом. Вариантами мифов, в которых фи-

[1] Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) / Пер., предисл., коммент. К.А. Попова. – М.: Наука, 1969. – С. 53-54.

гурируют змеи, являются сюжеты с тотемным животным – червем. Хисамацу Сэнъити подчёркивает, что в сходных функциях змеи описываются и в корейском архаичном фольклоре, образцы которого приводятся в сочинении Ким Бусика (XII в.) «Исторические записи Трёх государств» («Самгук саги»).[1]

Внешние связи японских мифов устанавливаются на разных уровнях – от субстратной общности в доисторические времена до заимствования мотивов или даже целого сюжета в письменную эпоху (типа рассказа о рыбаке Урасима, побывавшего в подводном мире; на земле за время его отсутствия сменилось много поколений людей). Это предполагает повышенную способность японцев к адаптации и объяснению иноземных сюжетов в рамках их собственных понятийных категорий. Эти рамки подвижны. Нововведения группируются вокруг опорных местных понятий, обогащая их и натурализуясь от общения с ними.

Специфика японской мифологии – деление богов на две категории: богов небесных и богов земных. Соответственно и святилища, посвященные этим богам, делятся на небесные (*амацуясиро*) и земные (*куницуясиро*).

Даже «великие прегрешения», зафиксированные в синтоистских «Молитвословиях Великого Очищения», делятся на те же две категории – небесные и земные. Это явление восходит к двум мифологическим традициям, отмеченным выше: небесные боги (и все, что с ними связано) восходят к традиции Ямато, а земные – главным образом к традиции Идзумо. Культ небесных богов во главе с богиней Солнца Аматэрасу *оо-ми-ками* сформировался в земледельческом обществе. Это подтверждает и миф о богине пищи Укамоти, находившейся несомненным покровительством Аматэрасу, и перечисление проступков Суса-но-о из мифа об удалении Аматэрасу в Небесный грот. Косвенным свидетельством земледельческого характера культуры солнцепоклонников Ямато является представление о зависимости Аматэрасу от стихий, управляемых Суса-но-о.

Соотношение исторического факта, народных верований и мифа (легенды) – особая тема. Такаги Тосио в своих «Исследованиях японских мифов и легенд» рассуждает по этому поводу так: «Легенды, разумеется, вышли из истории. Но утверждение о том, что история – мать легенды, есть научный спор, в котором просто рассматривается сущность легенды как таковой. При соотнесении с действительностью встречается много случаев, когда этот спор следует до определённой степени видоизменить. Почему? Да потому, что в то самое время, когда легенда рождается из истории, она в свою очередь рождает легенду... Вторичная легенда рождает легенду третьего порядка, та рождает легенду четвертого, после чего следуют легенды пятого, шестого, седьмого порядка – и так далее до бесконечности, поэтому при изучении не-

[1] *Хисамацу Сэнъити* 久松 潜一. Синва, дэнсэцу, сэцува бунгаку 神話傳說・說話文學 [Мифы, предания, литература легенд]. – Токио 東京: Сибундō 至文堂, 1962. – С. 125.

коей отдельной легенды прежде всего необходимо исследовать, является ли матерью этой легенды и с т о р и ч е с к и й ф а к т непосредственно или же косвенно, через другую легенду».

Учёный замечает затем, что исторический факт и легенда находятся и очень сложных отношениях, так что в легендарном преломлении исходный факт не всегда можно распознать («Это не такой простой процесс, как тот, при котором кошка рождает котенка»).[1]

Если принять его суждение (а оно представляется вполне резонным), можно предположить, что за сюжетами о Ямато *такэру* стоят сражения древних японцев с соседними племенами малайско-полинезийского происхождения (*кумасо* и *хаято* – *прим. ред.*) и с *айнами*. Многими фантастическими подробностями обросли в «Кодзики» и «Нихонги» повествования о царствованиях первых императоров.

В описание царствования [государыни] Дзинго-*кōгō*, жившей, по преданию, сто лет[2], включено немало красочных эпизодов о её военных походах против соседей, и среди этих эпизодов значительное место отводится рассказу о её походе против корейского государства Силла.[3] При переходе через море, говорится здесь, путь её кораблям указывал сам бог морской поверхности Сумиёси (кстати, традиция утверждает, что в благодарность за это царица Дзингō построила возле нынешнего города Осака святилище, посвящённое его культу), а когда во время этого плаванья поднялся шторм, из морских глубин поднялись большие рыбы и не дали потонуть царским кораблям. Почувствовав во время корейского похода беременность, царица поясом прибинтовала к себе камень и на целых три года[4], до окончания похода, задержала роды.

Здесь мифологический элемент вплетается в легенду, возникшую на основе реальных событий. Мифологические представления в Японии не вытеснялись ни принятым в VI в[еке] буддизмом, ни конфуцианством.

Упомянутые представления о змее и его связи с небесной и водной стихиями зафиксированы в IX в. писателем Мияко-но Ёсика в жизнеописании буддийского монаха Додзё-хоси, в XII в. – в нескольких сборниках легенд (*сэцува*), а ещё через несколько столетий – в коротких повестях *отогидзоси*, бытовавших в устной традиции.

Другое устойчивое представление в мифологическом сознании японцев относится к божественной сущности гор. Анализируя разные описания

---

[1] *Такаги Тосио*, *Ōбаяси Тарē* 大林 太良. Нихон синва дэнсэцу-но кэнкю̄ [Исследования японских мифов и легенд]. – Токио: Хэйбон-ся 平凡社, 1981. – Т. 2. – С. 5-6.

[2] [Правила с 347 по 389 гг. [испр. хрон.], прожила около 69 лет. См.: *Суровень Д.А*. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингӯ) и Хомуда-вакэ (государя Ōдзина) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 1-226. – *Прим. ред.*].

[3] [По корейским источникам этот поход состоялся в 346 году. – *Прим. ред.*].

[4] [По «Нихон сёки» – три месяца. – *Прим. ред*.].

высоких гор в ранних письменных памятниках Японии, Такаги Тосио выделяет следующие пункты: высокая гора – символ гениальности; существует древний народный обычай восхождения на горы; распространена вера в божественность высоких гор.

К третьему из этих пунктов учёный относит сюжеты о вершине Асо-но *такэ* из «Цукуси-фудоки», о горе Цукуба из «Хитати-фудоки», о священной горе Фудзи из поэтической антологии VIII века «Манъёсю».

В древних японских преданиях, отмечает этот учёный, зафиксированы представления о том, что высокие горы спустились с неба. «Среди *макуракотоба* (постоянных эпитетов – *В.Г.*) в песнях "Манъёсю" есть такой: *аморицуку*. Это слово объясняется как *ама ори цуку* – "попавшая на землю, спустившись с неба". Среди них самая главная – Спустившаяся с Неба Небесная Кагуяма (Аморицуку Ама-но Кагуяма) или Спустившаяся с Неба Гора Богов Кагуяма (Аморицуку Ками-но Кагуяма). *Ама-но* – определение, которое наиболее часто употребляется в японских мифах; если судить с наших позиций, это, в сущности, небесный мир по отношению к земному миру, мир богов по отношению к миру людей». Всё это свидетельствует о вере не только в существование небесного мира, но и в контакт между небесным и земным миром, в сообщение между ними, в связь чувств обитателей обоих миров, – заключает профессор Такаги.[1]

Считается, что большая часть мифов и народных преданий о сошествии богов-предков с неба на вершины гор была утеряна: унифицированная структура и «Записей о деяниях древности» [Кодзики], и «Анналов Японии» [Нихон-сёки] противоречила их сохранению (достаточно было одного мифа о сошествии на вершину Такатихо бога Нининги-но *микото*), а подавляющее большинство кратких записей *фудоки* не дошло до нашего времени. Тем не менее, об их распространенности можно судить не только по сохранившимся древним письменным источникам, но и по народным верованиям, характерным для Японии вплоть до наших дней.

Два основных памятника, последовательно изложившие древнеяпонские мифы, обладают одной особенностью, на которую обычно не обращают внимания исследователи. Они включают в свою художественную ткань все сюжеты, устраивающие составителей этих памятников с идейной, композиционной или иной точки зрения, независимо от их происхождения. И это не исключение, а сквозная традиция для всей японской культуры. В VIII веке были созданы только самые ранние из сохранившихся до наших дней памятники, впитавшие давние и новейшие заимствования из иноземных культур. Выявив в тексте мифов эти заимствования, мы не обнаружим в именах или названиях местностей, фигурирующих в них, и намека на иноземное происхождение. Все они японизированы. В дальнейшем подобные сюжеты начи-

[1] *Такаги Тосио*, *Ōбаяси Тарē*. Нихон синва дэнсэцу-но кэнкю̄. Т. 2. С. 48-54.

нали функционировать в литературе и художественном сознании японцев как апробированные, местные по духу и происхождению.

На примере европейской античной модели (мифе о Персее и Андромеде) В.Я. Пропп заключил, «что в мифе, в отличие от сказки, все действующие лица и все места, где происходит действие, имеют название».[1]

Японские мифы в этом отношении не отличаются от европейских. Но эта же черта присуща и многим японским сказкам. В художественной же авторской прозе к ней часто добавляется ещё одна особенность – наличие точной датировки события, описанного в произведении. Начало этому также положено в «Записях о деяниях древности» и «Анналах Японии», где, к слову сказать, одни и те же события датированы по-разному. Древние письменные памятники по необходимости комплексны: в культуре существовало слово и его воспроизведение на письме – без жанровой и видовой дифференциации. Слово имело душу (*котодама*), которая оказывала магическое влияние на людей и на события. Поэтому обращаться с ним надлежало уважительно, как общаются с духами.

Вера в душу слова диктовала подбор благопожелательных иероглифов при написании имён богов и тщательную шлифовку лексики в синтоистских молитвословиях. Можно предположить, что в этой вере и лежали истоки японской этикетной речи, пережившей многие сотни лет.

В отличие от большинства других народов, для которых мифы – это следы младенческого состояния их культуры, многие японцы воспринимают свои мифы как отражение реальности. Мало того что эти мифы прочно вплетены в ткань синто – в его обряды, церемонии, представления, но и доктрины большого числа «новых религий» Японии (а их насчитывается несколько десятков) отталкиваются от представлений о богах и их характеристик, сообщённых в «Записях о деяниях древности» и «Анналах Японии».

В обыденном сознании многих японцев и теперь отсутствует непреодолимый барьер между миром живых и миром мертвых: предки, умершие много лет назад, могут стать богами и участвовать в жизни потомков (даже очень отдаленных) – помогать им в делах или мешать в зависимости от того, как те сами относятся к своим предкам.

Источники и использованная литература:

1. Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Хидзэн) / Пер., предисл., коммент. К.А. Попова. – М.: Наука, 1969. – 340 с.
2. Идзумо-фудоки / Пер., предисл., коммент. К.А. Попова. – М.: Наука, 1966. – 222 с.
3. *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. – М.: Наука, 1982. – 328 с.
4. *Пропп В.Я.* Русская сказка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 335 с.
5. *Масуда Кацуми* 益田 勝実. Умисати Ямасати 海幸 山幸 [Удачливый на море, удачливый в горах] // Нихон синва 日本神話 [Японские мифы: сб. ст.]. – Токио

[1] *Пропп В.Я.* Русская сказка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – С. 238.

東京: Ю̄сэйдō сюппан 有精堂出版, 1970. – С. 163-165.
6. *Ō̄баяси Тарē̄* 大林 太良. Кики-но синва-то нансэй сётō-но дэнсē̄ 記紀の神話と南西諸島の伝承 [Мифы «Кодзики» и «Нихонги» и традиции юго-западных островов] // Нихон синва 日本神話 [Японские мифы: сб. ст.]. – Токио 東京: Ю̄сэйдō сюппан 有精堂出版, 1970. – С. 40-41.
7. *Такаги Тосио* 高木 敏雄, *Ō̄баяси Тарē̄* 大林 太良. Нихон синва дэнсэцу-но кэнкю̄ 日本神話の研究 [Исследования японских мифов и легенд]. – Токио 東京: Хэйбон-ся 平凡社, 1981. – Т. 2. – 464 с.
8. *Хисамацу Сэнъити*. Синва, дэнсэцу, сэцува бунгаку 神話・伝説・説話文学 [Мифы, предания, литература легенд]. – Токио 東京: Сибундō 至文堂, 1962. – 209 с.
9. *Ishida Eiichiro*. Japanese Culture: A Study of origins and characteristics. – Tokyo: University of Tokyo Press, 1974. – ix, 156 p.
10. *Konishi Jin'ichi*. A History of Japanese literature. – Princeton: Princeton University Press, 1984. – Vol. 1. – xx, 475 p.

Goreglyad V.N.

Myths of ancient Japan: a reflection of the process of the genesis of the state, the formation of early statehood and ethnic history in the legends of ancient Japan

The article analyzes the materials of ancient Japanese myths, legends and stories related to the formation of the ancient Japanese ethnic groups and the emergence of early statehood on the territory of the Japanese islands.

Keywords: ancient Japan; Yamatai; Yamato; ethnogenesis; politogenesis; early statehood.

Goreglyad Vladislav Nikanorovich (1932-2002) – professor, doctor of philological sciences, leading researcher at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (*Russia*, St. Petersburg, Dvortsovaya nab., 18).

УДК 340.152, 94 (520).01

«ОПИСАНИЯ ВО» В КИТАЙСКИХ ДИНАСТИЙНЫХ ИСТОРИЯХ («ЦЗИНЬ ШУ», «СУН ШУ», «НАНЬ-ЦИ ШУ», «ЛЯН ШУ»)[1]

Пер. и комм. С.В. Лаптева[2]

Цзинь шу («История династии Цзинь» (265-420 гг.), составлена при династии Тан (618-907 гг.) под руководством Фан Сюань-лина (579-648 гг.)). Глава «Описание четырёх народов восточных иноземцев (*сы и*)» (гл. 97), раздел «Люди *во*»:

«Люди *во*[а] живут в море к юго-востоку от Дайфана.[б] [Их] страна состоит из гористых островов. На их земле много гор и лесов и нет хороших [пахотных] полей[3], [поэтому они] питаются продуктами моря.[в]

В древности [у них] было свыше ста маленьких государств[г], соседствующих друг с другом.[4] [д] К эпохе Вэй было 30 государств, поддерживавших дружеские отношения [друг с другом[е]].[5] Имелось 70 тысяч дворов.[6] Мужчины, без различия между взрослыми и детьми[ж], все тату-

---

Лаптев Сергей Валерианович – – кандидат исторических наук, специальный научный сотрудник Музея Михо (*Япония*, префектура Сига, г. Сигараки).
E-mail: l-sergey@miho.jp

[1] Впервые опубликовано: «Описания Во» в китайских династийных историях («Цзинь шу», «Сун шу», «Нань-Ци шу», «Лян шу», «Бэй-ши») / Пер. и коммент. С.В. Лаптева // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. – М.: МГУ, 1999. – Вып. II. – С. 109-118.

[2] Начало темы: *Лаптев С.В.* Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. – М.: Институт практического востоковедения, 2003. – С. 100-130. Вступительная статья и перевод с измененными комментариями позже были опубликованы в: Вестник древней истории. – 2010. – № 4. – С. 223-249. Этот перевод с подробным комментарием дан в: *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках н.э. // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 206-235; Комментарий к переводам китайских династийных историй (*Д.А. Суровень*) // Там же. С. 236-418.

[3] Словà «нет хороших земель» в более ранней хронике «Вэй чжи» (III в.), которая послужила источником для «Цзинь шу», отнесены только к островам Цусима, хотя они справедливы и для всей Японии.

[4] Словà «соседствовавших друг с другом» – отсутствуют в «Вэй чжи».

[5] Словà «хорошо связанных [между собой]» также отсутствуют в «Вэй чжи».

[6] В «Вэй чжи» эти цифры относятся только к Яматай, а не ко всем 30 государствам. Возможно, что эти сведения идут от искажения текста, близкого к «Вэй чжи».

ируют лицо и раскрашивают тело.(ж) [Они] сами называют себя потомками Тай-бо[1] (з), говорят, что в глубокой древности их послы прибывали в Серединное государство, все [они] называли себя *дафу* (знатными людьми) (и).

Некогда сын *ся*ского Шао-кана(к) получил уезд в Гуйцзи, [где] обрезали волосы и раскрашивали тело, чтобы избегнуть вреда от водяного дракона. Ныне *во*сцы любят нырять в глубину, чтобы ловить рыбу, и также раскрашивают тело, чтобы тем отпугивать водных птиц.[2] (л)

[Если] измерить расстояния [к ним, то] следует [начинать с] Гуйцзи и Дунъе(м) [и двигаться на] восток.

Их мужчины [3] носят поперечные полотнища, которые всего лишь связывают вместе для закрепления и почти никогда не сшиваются. Женская одежда подобна простыне, в центре которой проделано отверстие, чтобы [туда] просунуть голову. Также все[4] носят волосы распущенными[5], ходят босыми.[6]

Их земля тёплая. Обычно выращивают чумизу, рис, коноплю для изготовления тканей, кроме того выкармливают шелкопряда, сажают тутовые деревья, ткут и прядут.[7] У них нет коров и лошадей.[8] (н) Имеют ножи, щиты, луки, стрелы. Изготавливают наконечники стрел из железа.[9]

Имеют дома. Отцы, матери, старшие и младшие братья спят и отдыхают в разных местах. Едят и пьют, используя низенький столик («*такацуки*»). При бракосочетании не дарят денег или тканей, а встречают не-

---

[1] Тай-бо – основатель царства У в начале периода Чжоу (XII в. до н.э.), сын чжоуского Тай-*ван*а, отца основателя чжоуской династии Вэнь-*ван*а (XII в. до н.э.) и деда первого царя У-вана (1135-1115 г. до н.э.). В «Вэй чжи» этих сведений нет, но они есть в «Вэй люэ».

[2] В «Вэй чжи»: «больших рыб и морских птиц».

[3] Сведения о головных уборах, имеющиеся в «Вэй чжи» – здесь отсутствуют.

[4] В тексте «Цзинь шу» [издания] Хасимото Масукити слово «все» отсутствует.

[5] В «Вэй чжи» только женщины распускают волосы. – Нихон сёки 日本書記 (Анналы Японии) / Сер. «Кокуси тайкэй» 國史体系 . – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 経済雑誌社, 1897. – Т. I–II. – С. 5.

[6] Такая информация впервые появляется в «Хоу-Хань шу», но отсутствует в «Вэй чжи».

[7] В «Цзинь шу» отсутствует продолжение фразы, имеющееся далее в «Вэй чжи»: «изготавливают тонкое конопляное полотно, белое шёлковое полотно, шёлковую вату» (см. выше).

[8] В «Вэй чжи» далее: «тигров, леопардов, баранов, сорок». Отметим, что с IV века лошади в Японии уже несомненно имелись; поэтому сведения об их отсутствии, видимо, просто механически переписаны из «Вэй чжи».

[9] По «Вэй чжи» наконечники бамбуковых стрел делались иногда из кости, иногда из железа.

весту, преподнося ей одежду.[1]

Умерших кладут во внутренний гроб, без внешнего; [над могилой] насыпают холм. В начале траура плачут и не едят мяса.[2] После погребения всей семьей идут в воду мыться, [чтобы] очистить себя и тем избежать несчастья.[3] (о)

Когда они начинают большое дело[4], то нагревают на огне кости, определяя тем самым счастье и несчастье.(п) Не знают правильного года и его четырёх времен.(р) Считают только время осеннего урожая, при помощи этого ведут счёт лет.[5] (с) Среди них много долголетних, [им] сто лет или восемьдесят-девяносто.(т) [В их] государстве много женщин.(у) [Они] не развратны и не ревнивы.(ф) Нет ссор.[6] (х) Совершивших лёгкое преступление лишают их жён и детей, у совершивших тяжкое преступление уничтожают их семью и весь род.(ц)

В старину властителем становился мужчина.(ч) В конце Хань у *во* случился мятеж, ходили походами, но не [смогли] усмирить. Тогда поставили правителем женщину, по имени Химико.(ш) Когда Сюань-*ди*[7] усмирил род Гунсунь(щ), эта правительница [стала] посылать посольства в Дайфан и ко двору.(ъ) После неё присылка дани и даров не прерывалась.(ы)

Во время, когда Вэнь-*ди*[8] был [главным] министром (при Вэй) [*во*сцы] опять прибывали несколько раз. В начале годов *Тай-ши* (265-274 гг.) прислали посольство и снова представили дань».[9] (ь)

---

[1] Данных о свадьбах нет в «Вэй чжи» и «Хоу-Хань шу».

[2] Согласно «Вэй чжи», не едят мяса в течение всего периода траура, а плачет только распоряжающийся трауром, в то время как другие поют и танцуют. Также в «Хоу-Хань шу» говорится: «поют и танцуют, чтобы создать веселье».

[3] Слова «[чтобы] очистить себя и тем избежать несчастья» также отсутствуют в «Вэй чжи», такая версия впервые появляется в «Цзинь шу».

[4] По «Вэй чжи» только когда отправляются в путешествия.

[5] Эти две фразы пересказ из «Вэй люэ» в комментарии Пэй Сун-чжи, который как раз в этом месте приведён в «Вэй чжи», что наводит на мысль, что он мог быть взят автором именно из «Вэй чжи».

[6] По «Хоу-Хань шу» и «Вэй чжи» – «редки ссоры».

[7] Сюань-*ди* (Сыма И, 179-251 гг.), дед первого императора Цзинь – У-ди (265-290 гг.), сподвижник Цао Цао. В 249 г. совершил переворот в Вэй и стал фактическим правителем Вэй. У-*ди*, взойдя на престол в 265 г., сменил династию Вэй, присвоил Сыма И почётный титул Сюань-*ди*.

[8] Сыма Чжао (211-265 гг.), сын Сыма И, отец первого императора У-*ди*, первый министр и полководец в 255-265 гг., после смерти старшего брата Сыма Ши (208-255 гг.). Через несколько месяцев после его смерти его сын стал императором и посмертно присвоил отцу титул Вэнь-ди.

[9] *Ики Итиро̄* 壱岐 一郎. Тю̄гоку сэйдзи-но кодай Ниппон кироку 中国正史の古代日本記録 (Записи о древней Японии в китайских официальных историях): тексты и пе-

***

Сун шу («История династии Сун»), составлена Шэнь Юэ (441-513 гг.) при династии Лян (502-557 гг.), то есть не только намного раньше «Цзинь шу», но и близко к описываемой эпохе Сун (420-479 гг.). В «Сун шу», в гл. 97 («Описания восточных и южных иноземцев») даётся информация абсолютно новая по сравнению с «Хоу-Хань шу», «Вэй чжи» и «Цзинь шу»:

«Государство *Во* расположено посреди океана к юго-востоку от Корё (кит. Гаоли).[1] (аа) Из поколения в поколение [оно] присылает дань в связи со вступлением в должность правителя.(бб)

Во 2-й год [правления под девизом] *Юн-чу* (421 г.) Гао-цзу[2] издал указ, [в котором] говорилось: "*Во*ский [правитель] **Сан** (кит. Цзань), [находящийся] за десять тысяч *ли* [3] прислал дань[4] по случаю [своего] вступления в должность. Верность [проявленную] издалека [следует] непременно сделать известной [всем]. Можно ему пожаловать [титул]».[5] (вв)

Во 2-й год эры *Юань-цзя* (425 г.) правления Тай-цзу[6] Сан опять прислал управляющего лошадьми[7] Сōдацу (кит. Цаода) представить доклад[8] и преподнести продукты местных промыслов.(гг)

[После] смерти Сана на престол вступил его младший брат **Тин** (кит. Чжэнь) (дд), [который] прислал посольство с подношениями(ее), называя себя Уполномоченным, несущим жезл, Единолично управляющим всеми

ревод. – Фукуока 福岡: Аси сёбō 葦書房, 1992. – С. 131-132, 69-71; *Накаяма Кю̄сирō* 中山 久四郎. Сина сэйдзи Ниппонкокудэн 支那正史日本國傳 («Описания Японии» в китайских официальных историях). – Токио 東京: [б. и.], 1934. – С. 10-11; [*Фан Сюань-лин* 房 玄齡]. Цзинь шу 晉書 (История династии Цзинь), составлена императором Танским Тай-цзуном 太宗 (Вэнь-*ди* 文帝), цз. 1-130. – [Б. м.], 1870. – Цз. 97, С. 5 б-7 б; *Хасимото Масукити* 橋本 增吉. Тōē̄си-дзē̄ ёри митару Ниппон дзē̄коси кэнкю̄ 東洋史上より見たる日本上古史研究 (Древняя история Японии с точки зрения истории Дальнего Востока) / Сер. «Тōē̄ бунко ронсō» 東洋文庫論叢. № 38. – Токио 東京: Тōē̄бунко 東洋文庫, 1956. – С. 802-803.

[1] Как отмечает Саэки Арикиё, упоминание здесь Корё (Когурё) отражает его особое значение в регионе.

[2] Гао-цзу (У-*ди*, 420-422 гг.), основатель династии Сун.

[3] Цифра условная.

[4] В «Нань ши» говорится, что посольство 413 г. к Цзинь было также прислано Саном.

[5] Видимо, имеется в виду титул «*ван*».

[6] Тай-цзу (Сунский Вэнь-*ди*) правил в 424-453 гг.

[7] [司馬 кит. *сы-мă* – …2) *ист.* воевода; начальник войскового приказа… – БКРС. Т. III. С. 104. – *Прим. ред*.].

[8] [表 кит. *бя̆о – сущ*. …6) официальный документ (меморандум), доклад, представление. – БКРС. Т. III. С. 884. – *Прим. ред*].

военными делами шести государств – Во, Пэкче (кит. Байци[1], японск. Кудара), Силла (кит. Синьло, японск. Сираги), Имна (кит. Жэньна, японск. Мимана), Чинхан (кит. Циньхань, японск. Синкан, Мохан (кит. Мухань, японск. Бокан), Великим полководцем умиротворяющим Восток, правителем государства Во[2], в докладе прося утвердить его титул. Приказано утвердить [за ним] титул «великий полководец умиротворяющий Восток, *ван* государства Во».**(жж)** Тин также просил утвердить Вадзуя[3] и других тринадцать человек в рангах умиротворяющего запад, покоряющего варваров, главнокомандующего, помогающего династии полководца. Приказано: соответственно назначить.[4] **(зз)**

В 20-й год [*Юань-цзя*] (443 г.) правитель государства Во – **Сай** (кит. Цзи) прислал посольство и преподнёс дань.**(ии)** Снова поставлен Великим полководцем, умиротворяющим Восток, *ван*ом государства Во. В 28-м году (451 г.) [ему] добавлен [титул] Уполномоченного, несущего жезл, Единоличного управляющего всеми военными делами шести государств – Во, Силла, Имна, Кара (кит. Цзяло), Чинхан, Мохан, как он имел и прежде. Кроме того, представленные [им] 23 человека утверждены на военных и административных должностях.[5] **(кк)** Когда Сай умер, наслед-

---

[1] [百済 кит. *Боцзи* – корейское государство Пэкче. – *Прим. ред.*].

[2] Согласно исследованиям, титул типичный для некитайских вассалов (зависимых правителей – *прим. ред.*) в период Южных династий. Самоличное присвоение титулов тоже не было явлением исключительным. Однако Тин присвоил себе титул максимально высокий в китайской табели о рангах: «Уполномоченный, несущий жезл, единолично управляющий всеми военными делами» (1-й из 5-ти рангов). Другой титул – «Великий полководец умиротворяющий...» – не был столь значителен (*Сакамото Ёситанэ* 坂元 義種. Го сэйки-ни окэру Ва кокуō-но сёгō-ни цуйтэ — току-ни «дзисэцу, тотоку сёгундзи»-о мэгуттэ 五世紀における倭國王の称号について ー 特に「持節・都督将軍事」をめぐって (О титуле правителей государства Во в V веке – особенно касательно титула «обладающий полномочиями, управляющий всеми военными делами») // Ниппон рэкиси 日本歴史. – 1970, март. – № 262. – С. 50). Так, на Востоке [от Китая] такой же титул имело и [государство] Пэкче. Тем не менее, здесь мы видим, что Тин претендует не только на высший ранг вассала (зависимых правителей – *прим. ред.*), но и добивается признания своих прав на власть над всей Кореей (кроме Когурё – его соперника).

[3] Или «*во*ского Дзуя» (кит. Во суй).

[4] Вэнь-*ди* отказывается от признания столь высокого титула за Тином и даёт ему титул ниже, чем правителю Пэкче. Однако этот титул выше, чем был у старшего брата Тина. Одновременно Сун утверждает титулы 13 высших сановников Во, повышая авторитет Тина во внутренних делах.

[5] Таким образом, лишь через 26 лет Сун соглашается признать за ваном Во и высший титул, и право властвования над Южной Кореей, за исключением Пэкче, старого союзника Южных династий, замененного в этом титуле на Кара. 23 сановника получают

ный принц **Кō** (кит. Син) прислал послов преподнести дань.[лл]

В 6-м году *Да-мин* (462 г.) Ши-цзу[1] издал указ, [в котором] говорилось: «Наследник *во*сского вана Кō, из поколения в поколение проявляющий преданность, будучи нашим вассалом [защищая нас] за морем, исполняя наши приказания, умиротворял границы, почтительно представлял дань и дары. Ныне [он] снова унаследовал обязанности по охране границ. Непременно следует пожаловать ему титул. Можно [назначить его] Великим полководцем, умиротворяющим Восток, ваном государства Во».[2] [После] смерти Кō, на престол вступил его младший брат **Бу** (кит. У). Самолично именовался Уполномоченным, несущим жезл, Единолично управляющим всеми военными делами семи государств – Во, Пэкче, Силла, Имна, Кара, Чинхан, Мохан, Великим полководцем умиротворяющим Восток, правителем государства Во.[мм]

Во 2-й год эры *Шэн-мин* (478 г.) императора Шунь-ди[3], [Бу] прислал посольство и представил доклад, говорящий: «Государство Вашего вассала находится вдалеке. Моё государство является Вашим внешним вассалом с древности, [когда мой] предок Дэй / Нэ (кит. Ни)[4], самолично облачившись в броню и шлем, нёс тяготы пути по горам и рекам, не имея спокойного места, чтобы отдохнуть. На востоке [он] покорил 55 государств Волосатых людей (яп. *Монин*, кит. *Мао жэнь*), на западе подчинил 66 государств различных *И* («восточных иноземцев»), пересёк Спокойное море (кит. *Пин-хай*), и на севере [покорил] 95 государств.[5] Истинный путь ванов стал сияющим и гармоничным. [Он] расширил территорию, удаляя границы [своей земли]. Несколько поколений подряд [мои предки верноподданнически] являлись на аудиенции, не пропуская срока. Я, Ваш подданный, хотя и низок, и глуп, исполнен почтения к славным делам предков, понуждаю всех управляемых [мною], вернуться в пределы Величественного Неба. [Мы] снарядили корабли в дальнюю дорогу[6] [через] Пэкче. Но [Ко]гурё перегородило путь, замышляя [всё] поглотить, захватить и ограбить окраинных подданных. Без конца совершали набеги и грабежи. Каждый раз, когда [мы] посылали [посольства] – задерживали

ранги. Тем не менее, мы видим, что Сун идёт на это признание явно неохотно, возможно, вынужденно признавая существующее положение дел на полуострове.

[1] Сунский Сяо-у-*ди* (453-464 гг.).

[2] Итак, титул фактически был снова понижен, ниже Пэкче и Когурё.

[3] Шунь-*ди*, правил в 477-479 гг.

[4] Или просто «предок».

[5] Эти строки отражают борьбу за объединение страны, под государствами «на севере» имеется в виду, видимо, юг Кореи.

[6] В тексте «Чжунхуа шуцзюй»: «в дорогу».

[их]. И потому мы потеряли хорошую возможность [посылать дань]. Хотя и приказывали [посольствам] отправится в дорогу, не знали доберутся они или нет. Покойный отец Вашего подданного, Сай, действительно рассердился, что разбойники и враги преграждают Небесный путь [к сунскому двору]. Сотни десятков тысяч [воинов] натянули тетивы луков и пришли в возбуждение от клича, выражающего справедливость. Со всех концов [страны] хотели все подняться [в поход], но [их] задержала смерть [моего] отца и старшего брата. [Отец и брат] наказали [мне] завершить это дело (поход), [для которого] не хватило лишь мелочи («корзинки земли»). Сидя в траурном покое, [я] не трогал воинские доспехи[1], тем самым прекратив военные действия, не добившись военной победы. Ныне хочу тренировать [воинов закованных в] броню и готовить воинов, повторяя [и исполняя] тем желание отца и старшего брата. Справедливые воины, быстрые как тигры, старательно выполняют гражданские и военные [обязанности]. Белые ножи (лезвия) скрещены впереди, и [мы] не повернём назад. Если нам будет покровительствовать божественная сила «*дэ*», [то мы] разрушим межи [наших] врагов, сможем преодолеть трудности в умиротворении сторон света, не превознося прежние заслуги. Я сам принял ранги *кайфу*, *итун-саньсы* (сановника, ритуал которого таков же, как и у трёх *гун*ов)[2], кроме того дал всем другим самочинно ранги, тем самым [побуждая их] к усердию и верности" [*конец доклада*].

Приказано: также утвердить Бу Уполномоченным, несущим жезл, Единолично управляющим всеми военными делами шести государств – Во, Силла, Имна, Кара, Чинхан, Мохан, Великим полководцем умиротворяющим Восток, *во*ским ваном».[3] **(нн)**

***

Нань-Ци шу («Истории Южной династии Ци», 479-502 гг.), составлена Сяо Цзы-сянем (489-537 гг.) уже при следующей династии Лян (502-557 гг.), содержит «Описание Во» – наиболее краткое из всех династийных историй:

«Государство *Во* расположено на островах в океане к юго-востоку от Дайфана. Начиная с конца Хань на престол вступали женщины-правительницы. Обычаи [их] земли уже описаны в прежних историях.**(оо)**

В начальный год эры *Цзянь-юань* (479 г). Уполномоченному, несущему

---

[1] По мнению Ики Итиро, возможно, отражает влияние буддизма (*Ики Итирō*. Тю̄гоку сэйдзи-но кодай Ниппон кироку, 1992. С. 75).

[2] *Итун-саньсы* – сановник высшего ранга.

[3] *Ики Итирō*. Указ. соч. С. 132-133, 72-75; *Накаяма Кю̄сирō*. Сина сэйдзи Ниппонкокудэн, 1934. С. 12-13; *Хасимото Масукити*. Тō̄ёси-дзё̄ ёри митару Ниппон дзё̄коси кэнкю̄, 1956. С. 801-802.

жезл, единолично Управляющему всеми военными делами шести государств – Во, Силла, Имна, Кара, Чинхан[1], Великому полководцу, умиротворяющему Восток, *во*скому вану Бу снова был дополнительно предоставлен титул «Великого полководца усмиряющего Восток».[2] (ппп)

***

Лян шу («История династии Лян», 502-557 гг.), составлена под руководством Яо Сы-ляна в эпоху Тан (618-917 гг.). Здесь имеется подробное «Описание Во» (цз. 54 «Описания всех *и* (восточных иноземцев)», раздел «Восточные *и*»):

«*Во* называют себя потомками Тай-бо.[3] (ааа) Согласно их обычаям все раскрашивают тело.(ббб) От Дайфана [до них] добираться 12 000 *ли*.[4] Находятся примерно к востоку от Гуйцзи.[5] Сильно удалены от нас. [Чтобы] добраться до *во* – от Дайфана плывут по кромке моря. Достигнув государств Хан[6], поворачивают то на юг, то на восток, [так плывут] свыше 7 000 ли. Сначала пересекают одно море. Море необозримо простирается на тысячу с лишним *ли*. Называется оно Безбрежное море. Прибывают в государство Ики.[7] Снова пересекают море, 1 000 с лишним *ли* [и прибывают] в государство Мацура. Двигаясь по суше на юго-восток, через 500 *ли* прибывают в государство Ито. Снова пройдя 100 *ли* на юго-восток, прибывают в государство На. Опять пройдя 100 *ли* на восток прибывают в государство Фуми. Ещё проплыв 20 дней на юг, прибывают в государство Тома. Снова проплыв десять дней на юг и [или (?)] пройдя по суше один месяц (день?), прибывают в государство Яматай. Именно там живет *во*ский *ван*. Их чиновники – *исима*, следующий именуется *мимакакуки*[8], следующий называется *накадэй*.(ввв)

Народ выращивает чумизу, рис, коноплю для изготовления тканей, выкармливает шелкопряда, сажает тутовые деревья, ткут и прядут. Есть имбирь, багряник японский, мандариновое дерево, перечное дерево, перилла нанкинская.[9] Вывозят черных фазанов[10], жемчуг и сапфиры.[1*] Есть зверь, подоб-

[1] Здесь перечислено только пять государств, в тексте пропущено Моханг.

[2] *Ики Итирō*. Тōгоку сэйдзи-но кодай Ниппон кироку, 1992. С. 147, 76-77; *Накаяма Кōсирō*. Сина сэйдзи Ниппонкокудэн, 1934. С. 14.

[3] Информация взята из «Вэй люэ».

[4] Эти данные соответствуют «Вэй чжи». Здесь и далее следует пересказ сведений «Вэй чжи».

[5] [Населённый пункт в низовьях реки Янцзы. – *Прим. ред*].

[6] В «Вэй чжи»: «ханского государства Куя» [в южной Корее. – *Прим. ред*.].

[7] [Остров Ики. – *Прим. ред*.]. Здесь – ошибка: пропущена Цусима, подробно описанная в «Вэй чжи».

[8] В «Вэй чжи» *мимакакуки* упоминается только третьим. В «Лян шу» пропущен *мимасē*.

[9] В «Вэй чжи» отсутствуют багряник японский и перилла нанкинская.

[10] В «Вэй чжи» говорится о том, что вывозят жемчуг и сапфиры, а черных фазанов – просто разводят. Здесь – очевидная ошибка составителя.

ный быку, называемый горной крысой (кит. *шаньшу*, японск. *сансо*). Есть ещё Огромный змей, который заглатывает этого зверя. Кожа змея тверда и её нельзя разрубить. В верхней части [змея] есть отверстие, которое то открывается, то закрывается, иногда из него исходит свечение. Если пустить в это отверстие стрелу, то зверь умирает.[2]

Вещи, производимые ими, в основном схожи с таковыми из Чжуяя и Даньэра.[3] (ггг) [Их] земля теплая. Нравы не развратные. Мужчины и женщины все ходят с непокрытыми волосами, связанными узлом.[4]

Богатые и знатные делают головные уборы из парчи, вышитой различными цветами, подобно китайскому «*хугунтоу*».[5] Едят и пьют, используя низенький столик. Их умерших кладут во внутренний гроб, но не используют внешний [гроб]. Опуская его в землю, делают насыпь.(ддд) В их обычае склонность к вину.

Согласно их обычаям, не знают правильного года.(еее) Много долголетних [стариков]. Многие достигают восьмидесяти-девяноста, некоторые – ста лет.(ёёё) У них обычно женщин много, мужчин – мало. Знатные имеют до 4-5 жён, низкие[6] и то – по 2-3. Жены не развратны и не ревнивы.(жжж) Нет воровства, редки ссоры. Что касается нарушивших закон, то если преступление их лёгкое, лишают жён и детей, если преступление их тяжелое, то истребляют весь их род.(ззз)

В годы *Гуан-хэ* (178-183 гг.) правления ханьского Лин-*ди*[7], в государстве *Во* случился мятеж. В течение ряда лет ходили друг на друга походами.(иии) Затем совместно поставили правителем одну женщину, Химико. [Хи]мико[8]

[1*] Буквально «голубую яшму» (кит. *цинь юй*). Здесь заканчивается краткий пересказ «Вэй чжи».

[2] Сведения, очевидно, носят легендарный характер. Происхождение этой легенды нам неизвестно, хотя по стилю она очень похожа на описания «Шань-хай цзина», что позволяет предполагать её китайское начало.

[3] Информация взята, видимо, из «Хоу-Хань шу». [Уезд *Чжуяй* находился на северо-востоке острова Хайнань, *Даньэр* – на западе острова Хайнань. – *Прим. ред*].

[4] Снова начинается пересказ сведений «Вэй чжи».

[5] Данные – новые, отсутствующие в предыдущих источниках. Возможно, отражают развитие общества эпохи *кофун* (IV – сер. VII вв.).

[6] [То есть *рядовые общинники. – Прим. ред*.].

[7] Слова «в годы *Гуан-хэ* правления ханьского Лин-*ди*» отсутствуют в «Хоу-Хань шу» и «Вэй чжи». Они конкретизируют время крупного мятежа *во*, однако их первоисточник – неизвестен.

[8] [Кроме ошибки в написании имени Би*миху* (яп. Хи*мико*), бином 彌呼 кит. *миху*, яп. *мико* может быть фонетической записью японского термина *мико* 巫女 – *синт*. храмовая жрица; прорицательница; шаманка; колдунья, предсказательница судьбы. – См.: Японско-русский словарь. – М.: Русск. яз., 1984. – С. 366; *Фельдман-Конрад Н.И.* Японско-русский учебный словарь иероглифов. – М.: Русск.яз., 1977. – С. 202. – *Прим. ред.*].

не имела мужа, магией могла одурачить народ. Потому люди [той] страны посадили (кит. *лù* – досл. "поставили" – *прим. ред.*) её на престол.(ккк) Был мужчина – младший брат, помогавший ей управлять государством.(ллл) С того времени, как она стала правительницей, мало было видевших её. Её обслуживали тысячи прислужниц, но только одному мужчине велено было выходя и входя [к ней и от неё] передавать [её] поручения и приказы.(ммм) Во дворце, где [она] жила, постоянно несли стражу воины.(ннн)

С наступлением 3-го года *вэй*ской эры *Цзин-чу* (239 г.), после казни Гунсунь Юаня[1], Химико начала посылать посольства с подношениями [вэйскому] двору. Вэй объявило её «дружественным Вэй *ван*ом» и пожаловало [ей] золотую печать с фиолетовой кистью.[2] (ммм)

В годы *Чжэн-ши* (240-248 гг.) Хими[ко] умерла.[3] Снова на престол посадили правителя-мужчину. В государстве не подчинились [ему], снова казнили и убивали друг друга. Опять возвели на престол женщину из рода Химико – Тайё.[4] (ооо) После неё снова возводили на престол правителей-мужчин, [которые] поочередно получали назначение на должность из Срединного государства.(ппп)

Во времена *цзинь*ского императора Ань-*ди* был *во*ский *ван* Сан (кит. Цзань).(ррр) [Когда] Сан умер, на престол возвели [его] младшего брата Би (кит. Ми)[5] (ссс), [когда] Би умер, на престол возвели [его] сына Сая (кит. Цзи) (ттт), [когда] Сай умер, на престол возвели [его] сына Кō (кит. Син)(ууу). [Когда] Кō умер, на престол возвели [его] младшего брата Бу (кит. У).[6] (ффф)

В *ци*ские годы правления *Цзянь-юань* (479-482 гг.) Бу был назначен Несущим жезл, Единолично управляющим всеми военными делами шести государств – Во, Силла, Имна, Кара, Чинхан, Мохан, Великим полководцем, усмиряющим Восток.[7] (ххх)

Император Гао-цзу, [когда] взошёл на престол, то повысил ранг Бу до

---

[1] В «Описании Во» «Вэй чжи» ничего не говорится о казни Гунсуня, но об этом есть информация в рассматриваемом *цзюане* в «Цзинь шу».

[2] В современном тексте «Вэй чжи», который здесь пересказывается, дата посольства – 2-й год эры *Цзин-чу*, а в «Вэй чжи», цитируемом в «Тай-пин юйлань» – 3-й год *Цзин-чу*. Это может косвенно подтвердить, что в сохранившемся ныне тексте «Вэй чжи» – дата ошибочна, её следует читать как «3-й год *Цзин-чу*».

[3] В «Вэй чжи» не сообщается, когда точно умерла Химико.

[4] В «Лян шу» и в «Бэй ши» вместо Иё написано Тайё (можно читать и как Тоё [*Ики Итирō*. Тōгоку сэйдзи-но кодай Ниппон кироку, 1992. С. 85]). На этом заканчивается пересказ «Вэй чжи».

[5] В «Сун шу» следующим правителем и младшим братом Сана назван не Би, а Тин (кит. Чжэнь).

[6] Здесь идёт краткий пересказ «Сун шу».

[7] Повторяются сведения «Нань-ци шу», однако, в титуле пропущено слово «Уполномоченный».

Великого полководца, покоряющего Восток.[1] (щщ)

К югу от них (*во*) есть государство Чжужу, [где] люди ростом 3-4 *чи*.(ччч)

Дальше на юге находятся страны Чернозубых и Нагих. От *во* они удалены на 4 000 с лишним *ли*. Если проплыть по морю один год, то можно достичь их.[2] (шшш)

Ещё в 10 000 *ли* на юго-запад есть Люди Моря. Их тело чёрное, а глаза белые. Они нагие и безобразные. Их мясо превосходно. Некоторые путешественники стреляют их и едят[3]».[4] (щщщ)

Источники и использованная литература:

Источники:

1. *Иваи Хиросато* 岩井 大慧. Сина сисё-ни араварэтару Ниппон 支那史書に現はれたる日本 (Япония в китайских династийных историях) // Сер. «Иванами кōдза Ниппон рэкиси» 岩波講座日本歴史. Вып. 9-й 第9. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1935. – С. 1-61.
2. *Ики Итирō* 壱岐 一郎. Тю̄гоку сэйдзи-но кодай Ниппон кироку 中国正史の古代日本記録 (Записи о древней Японии в китайских официальных историях): тексты и перевод. – Фукуока 福岡: Аси сёбō 葦書房, 1992. – 181 с.
3. *Накаяма Кю̄сирō* 中山 久四郎. Сина сэйдзи Ниппонкокудэн 支那正史日本國傳 («Описания Японии» в китайских официальных историях). – Токио 東京: [б. и.], 1934. – 85 с.
4. Нихон сёки 日本書記 (Анналы Японии) / Сер. «Кокуси тайкэй» 國史体系 . – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 経済雑誌社, 1897. – Т. I–II. – 574 с.
5. *Ли Янь-шоу* 李 延壽. Бэй ши 北史 (История Северных династий), цз. 94-95. – [Б. м.], [13 век].
6. *Фань Е* 范 曄. Хоу-Хань шу 後漢書 (История Поздней династии Хань), цз. 1-120. – [Б. м.], 1870.
7. [*Фан Сюань-лин* 房 玄齢]. Цзинь шу 晉書 (История династии Цзинь), составлена императором Танским Тай-цзуном 太宗 (Вэнь-*ди* 文帝), цз. 1-130. – [Б. м.], 1870.
8. *Чжансунь У-цзи* 長孫 無忌 и др. Суй шу 隋書 (История династии Суй), цз. 1-85. – [Б. м.], 1870.
9. *Чэнь Шоу* 陳 壽. Сань-го чжи 三國志 (Записи трёх царств), с комм. Пэй Сун-чжи, цз. 1-65. – [Б. м.], 1870.

Общая и специальная литература:

10. Дзусэцу сирē Ниппонси 図説資料日本史 (Объяснительные таблицы и материалы

[1] Лянский У-*ди*, взошёл на престол в 502 г. (502-549 гг.). Это единственная информация о контактах с династией Лян (502-557 гг.)

[2] Практически дословно взято из «Вэй чжи».

[3] Эта информация также впервые появляется в «Лян шу».

[4] *Ики Итирō*. Тю̄гоку сэйси-но кодай Ниппон кироку, 1992. С. 133-135, 78-81; *Накаяма Кю̄сирō*. Сина сэйдзи Ниппонкокудэн, 1934. С. 15-16; *Хасимото Масукити*. Тōē̄си-дзē ёри митару Ниппон дзē̄коси кэнкю̄, 1956. С. 804-805.

по японской истории). – Нагоя 名古屋: Хамасима сётэн 浜島書店, 1989. – 142 с.
11. Кёдай кофун-ва надзэ цукурарэта. Тэцу-но ōтē кокусай сэнряку 巨大古墳はなぜ作られた。鉄の王朝国際戦略 (Почему строились огромные курганы? Международная стратегия династии правителей эпохи железа) // Дōдō Ниппонси 堂堂日本史 (Величественная история Японии). – Нагоя 名古屋: Тю̄ō сюппан 中央出版, 1997. – Т. VIII. – С. 163-208.
12. *Сакамото Ёситанэ* 坂元 義種. Го сэйки-ни окэру Ва кокуō-но сē̄гō-ни цуйтэ — току-ни «дзисэцу, тотоку сёгундзи»-о мэгуттэ 五世紀における倭國王の称号について — 特に「持節・都督将軍事」をめぐって (О титуле правителей государства Во в V веке – особенно касательно титула «обладающий полномочиями, управляющий всеми военными делами») // Ниппон рэкиси 日本歴史. – 1970, март. – № 262. – С. 40-54.
13. *Саэки Арикиё* 佐伯 有清. Кодай-но Тōадзиа-то Ниппон 古代の東アジアと日本 (Древняя Восточная Азия и Япония) / Сер. «Рэкиси синсё» 歴史新書. – Токио 東京: Кē̄ику-ся 教育社, 1977. – Т. I. – 214 с.
14. *Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тōē̄си-дзē ёри митару Ниппон дзē̄коси кэнкю̄ 東洋史上より見たる日本上古史研究 (Древняя история Японии с точки зрения истории Дальнего Востока) / Сер. «Тōē̄ бунко ронсō» 東洋文庫論叢. № 38. – Токио 東京: Тōē̄бунко 東洋文庫, 1956. – 1033 с.

Lapteff Sergey – Ph.D. in History, Special Researcher, Miho Museum (300, Momodani, Tashiro, Shigaraki-cho, Shiga-ken, *Japan*).
E-mail: l-sergey@miho.jp

Комментарии к переводам китайских династийных историй
(*Д.А. Суровень*)

«Цзинь шу»

а. 倭 кит. *вō – сущ.* 1) лилипут, карлик; 2) *устар.* японец, японцы; японский; кит. *вэ̄й – прил.* 1) изогнутый, извилистый; 2) безобразный, уродливый, некрасивый.[1] В конце периода Ранней Хань, по сообщениям китайских источников, в юго-западной Японии было некое объединение японцев, чьё название *Вэй*-мянь (委面 досл. “край [местность] *Вэй*”)[2], как можно понять из комментариев, изначально было похоже на произношение *Вэй* (委)[3] [др.-яп. *Ви*].[4] Отсюда, видимо, произошло корейское название Японии – «страна *Вэ*». Но впоследствии финаль *–эй* данного слога *вэй* (委→倭) изменилась и стала произноситься как финаль слова *мо* (т.е. *-о*) – в результате, вместо В э й-*го* (委國→倭國) появился топоним Во-*го* (倭國 яп. Ва-*коку*)[5], что и стало китайским названием Японии.[6]

б. «Японцы находятся на юго-восток от Дайфан, среди Большого моря. Обитая на горах и островах, образуют страну»[7] (пер. Н.В. Кюнера) [Цзинь-шу, гл. 97, *вожэнь*]. Комментатор Жу Чунь говорил о Японии: она «…находится на юго-восток от Дайфана (китайского òкруга в Корее – *С.Д.*) [через] десять тысяч *ли*».[8] Комментатор Ши Гу сообщает: «…“Вэй-люэ” сообщает: “[Страна] *Во* (Япония) находится от [òкруга] Дайфан на юго-восток посреди океана…”».[9]

в. Информация о плохих полях и питании морепродуктами в других династий-

---

[1] Большой китайско-русский словарь. – М.: Наука, 1983. – Т. IV. – С. 1041 (далее: БКРС).

[2] 委面 – Хань-шу 漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1962. – Т. VI. – С. 1659, прим. 10; Хань-шу 漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1999. – Т. II. – С. 1322, прим. 10.

[3] 「臣瓚 曰:『倭 是ㇾ國名、…故謂ㇾ之 委 也。』」 – Хань-шу, 1962. T. VI. C. 1659, прим. 10; Хань-шу, 1999. T. II. C. 1322, прим. 10.

[4] Подробнее о Вэй-*мянь* и её отождествлении японскими исследователями со страной Ама-*куни* см.: *Суровень Д.А.* Комментарий к переводам китайских династийных истории // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 240-242, коммент. «**г**».

[5] 「師古 曰:「如淳 云:『如墨委面』、蓋音 委字 耳、此音 非也。倭音 一戈反、今猶 有ㇾ倭國…』。」 – Хань-шу, 1962. T. VI. C. 1659, прим. 10; Хань-шу, 1999. T. II. C. 1322, прим. 10.

[6] Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. – Вып. 6-й. – С. 138; *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 240-241, коммент. «**г**».

[7] *Кюнер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – С. 256;「倭人 在 帶方東南 大海中。依 山島 爲 國…」 – Цзинь-шу 晉書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. IV. – С. 2173.

[8] 「如淳 曰:『… 在 帶方東南 萬里。』」 – Цит. по: Хань-шу, 1962. T. VI. C. 1659, прим. 10; Хань-шу, 1999. T. II. C. 1322, прим. 10.

[9] 「師古 曰: …魏略 云:『倭 在 帶方東南 大海中…』。」 – Цит. по: Хань-шу, 1962. T. VI. C. 1659, прим. 10; Хань-шу, 1999. T. II. C. 1322, прим. 10.

ных историях относится к островам Цусима и Ики.[1] Китайские источники подобную информацию дают об острове Цусима: «Место, [где они] живут, [является] отдельным островом со стороной, [протяжённостью], возможно, свыше 400 *ли*. Качество почвы и расположение участков (кит. *тў-дù*)[2] [таково] – [это] горная [и] недоступная [местность], много глухих лесов, дороги подобны и звериным тропам (досл. "тропам птиц и зверей").[3] [Населения] имеется свыше тысячи дворов. Нет хороших рисовых полей. Едят морепродукты, чтобы поддерживать своё существование собственными средствами (кит. *цзы̀-хó* [4]). Садясь на корабли, на юге и на севере на рынках закупают зерно»[5] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*]. В «Тайпин-юй-лань» сказано: «Прибываешь в Дуйма-*го* (яп. *Цусима*), дворов[6] тысяча с лишком, [живут] деревнями (кит. *ли*, яп. *сато*). … Место, [где они] живут, [является] отдельным островом со стороной, [протяжённостью] свыше 400 *ли*. [В их] землях много гор и лесов. Нет хороших рисовых полей. Едят морепродукты, чтобы поддерживать своё существование собственными средствами (кит. *цзы̀-хó*). Садясь на корабли, на юге и на севере на рынках закупают зерно»[7] [Тайпин-юй-лань, Вэй-чжи, *вожэнь*]. Отрывок этого описания повторен в «Цзинь-шу»: «[В их] землях много гор и лесов. Нет хороших рисовых полей. Едят морепродукты…»[8] [Цзинь-шу, св. 97-й, *вожэнь*].

г. По материалам китайских и корейских источников, самые ранние гражданские общины (яп. *кунù*, кит. *го́*) у *вожэнь* (так в Китае называли японцев) возникли на рубеже нашей эры на острове Кюсю[9] в процессе объединения

---

[1] См.: *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках нашей эры // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 221; *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 243, 256.

[2] 土地 кит. *тў-дù* – 1) качество почвы и расположение участка; измерять землю; кит. *тўдù´* – 1) земля; грунт; почва… 2) территория (*напр. страны*) (БКРС. Т. II. С. 99).

[3] 禽鹿經 кит. *цúнь-лў цзин*; где 禽鹿 кит. *цúнь-лў – вм.* 禽獸 кит. *цúньшоу´* – 1) птицы и звери; жи- вотные… 2) зверь; звериный… (БКРС. Т. III. С. 334).

[4] 自活 кит. *цзы̀-хó* – содержать себя, поддерживать своё существование собственными средствами, обеспечивать самого себя (БКРС. Т. II. С. 631).

[5]「始 度ㇾ一海千餘里、至ㇾ對馬國、其大官 曰ㇾ卑拘、副 曰ㇾ卑奴母離。所居ㇾ絶島、方 可ㇾ四百餘里。土地 山險、多 深林、道路 如ㇾ禽鹿經。有ㇾ千餘戶。無ㇾ良田、食ㇾ海物、自活。乘ㇾ船 南北 布 糴…」– Саньго-чжи 三國志 (из серии «Эр ши сы ши цюань и» 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 545.

[6] Если это「戶千餘 里」только не ошибка вместо:「一海千餘里」«одно море [протяжённостью] свыше 1000 *ли*».

[7]「至ㇾ對馬國、戶千餘 里。<…> 所居ㇾ絶島、方四百餘里。地 多山林。無ㇾ良田、食ㇾ海物、自活。乘ㇾ船 南北 布 糴…」– Тайпин-юй-лань 太平御覽. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1995. – Т. IV. – С. 3464.

[8]「地 多山林。無ㇾ良田、食ㇾ海物。」– Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2172.

[9] Подробнее о процессе генезиса государственности в Японии см.: *Суровень Д.А*. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н.э. – III век н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.-Магнитогорск: Ин-т археологии РАН – МГПИ, 1995. – Вып. 2. – С. 150-175; *Суровень Д.А*. Первые политические объединения в юго-западной Японии в I – сере-

(*синойкизма*) прежних первобытных соседских общин–поселений (яп. *мура̀*)[1] в *территориальные* общины (яп. *сато̀*, т.е. простые вождества), а их – в *сложные вождества* (яп. *кунѝ*); в связи с развитием классовой и сословной (т.е. социальной) дифференциации, в результате чего органы управления общин стали выполнять и политические функции, что превратило их в *общины–государства*.[2] Впервые эти общины появились на международной арене Восточной Азии в 50 г. до н.э.: «Люди *Вэ* (японцы – *С.Д.*) двинули войска, чтобы напасть на окраинные земли (общины–государства Сонаболь, ядра будущего территориального государства Силла в юго-восточной Корее – *С.Д.*), но, услышав о священных добродетелях Основателя (династии Силла – правителя Сонаболь по имени Пак Хёккосе – *С.Д.*) ушли обратно»[3] [Самкуксаги, кн. 1-я, летописи Силла, Пак Хёккосе, 8-й год пр. (50 г. до н.э.)].

В конце династии Ранняя Хань – начале династии Поздняя Хань на территории Японии сформировалось свыше ста политий (кит. *го́*, яп. *кунѝ*). «Посреди моря [за] Лэланом есть [народ] *вожэнь*, [который] делится (кит. *фэ̄ньвэ́й*) более чем на сто владений (кит. *го́*). Ежегодно (кит. *сы̀й-ши́* – букв. “в подходящее [или: назначенное] время года”)[4] прибывают [в Лэлан / Лолан], принося дань и получая аудиенцию»[5] [Хань-

---

дине II веков н.э. и их международные отношения // Вестник Челябинского государственного университета. Политические науки. Востоковедение. Вып. 14. – 2013. – № 23 (314). – С. 78-97; *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 110-268; *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2020. – Вып. 11-й. – С. 241-318. См. также статью Е.С. Бакшеева в данном сборнике.

[1] 村・邑・里 яп. *мура* – досл. “деревня, селение”. – См.: *Vargö L.* Social and economic conditions for the formation of the early Japanese state. – Stockholm: Stockholm university, 1982. – P. IV; *Ямао Юкихиса* 山尾 幸久. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон 日本古代王権形成史論. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1983. – С. 131; *Уэда Масааки* 上田 正明, *Мори Кōити* 森 浩一, *Ямада Мунэмуцу* 山田 宗睦. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Тикума сёбо 筑摩書房, 1980. – С. 84, 98; *Кузнецов Ю.Д.*, *Навлицкая Г.Б.*, *Сырицын И.М.* История Японии. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 15; Japan: its land, people and culture. – Tokyo: Printing Bureau, Ministry of Finance, 1958. – P. 16; *Ishii Ryosuke*. A history of political institutions in Japan. – Tokyo: University of Tokyo Press, 1980. – P. 4; *Сиодзава Кимио* 塩沢 君夫. Кодай сэнсэй-кокка-но кōдзō 古代専制国家の構造. – Токио 東京: Отя-но мидзу сёбō 御茶の水書房, 1958. – С. 77.

[2] В связи с этим исследователи иногда называют гражданские общины этого периода в Японии “*протогосударственными* (от *прото-* “ранне-”, т.е. раннегосударственными – *С.Д.*) образованиями”. – *Деопик Д.В.*, *Крюков М.В.* Древнеяпонские государства // История древнего Востока / Под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 397.

[3] *Ким Бусик*. Самкук саги. – М.: Изд. вост. лит., 1959. – Т. I. – С. 72.

[4] 歳時 кит. *сы̀й-ши́* – букв. “в подходящее время года” (т.е. в течение года); 1) времена года; 2) год и сезон (время года). – БКРС. Т. IV. С. 252; где 時 кит. *ши́* – …2) время года, сезон; 4) подходящее (нужное) время; удобный случай, подходящий момент; 5) время; течение времени… 7) назначенное время, положенный срок… – БКРС. Т. III. С. 40.

[5]「樂浪海中 有 倭人、分爲 百餘國、以歲時 來獻見 云。」– Хань-шу, 1962. T. VI. C. 1658; Хань-шу, 1999. T. II. C. 1322; Хань-шу 漢書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 750; Нихон дзэнси 日本全史. – Токио 東京: Тōкē̄-дайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1958. – Т. I. – С. 294; *Сано Ямато* 佐野 大和. Нихон-но акэбоно 日本のあけぼの. – Токио 東京: Сē̄хō сётэн 小峰書店, 1959. – С. 16, 106, 134; Дай-канва дзитэн 大漢和辞典. – Токио 東京: Тайсō̄кан сётэн 大修館書店, 1925. – Т. I. –

шу; цз. 28, л. 22]. Сходная информация дана в «Тун-дянь»: «Во… находится от Дайфана на юго-восток посреди великого моря, по гористым островам обитают, всего свыше ста владений (кит. *го́*)»[1] [Тун-дянь, Бянь-фан – *дунъи*, 1-й раздел, Боцзи – Синьло – Во-*го*]; «всего ... около ста владений (кит. *го́*)»[2] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)[3]; Хоу-хань-шу, св. 115, ле-чжуань, 75, *дунъи*, Во]. То же самое повторено в «Тайпин-юй-лань»[4] [Тайпин-юй-лань, св. 780-й, *сы-и-бу*, ч. III, дунъи, ч. 3-я]. В «Вэй-чжи» также сказано: «Вожэнь (японцы)… по гористым островам образуют уделы (кит. *го́-ù*; яп. *коку-ю̄*). В древности [было] свыше ста государств (кит. *го́*, яп. *кунù*). Во времена [династии] Хань [они] были являвшимися ко двору на аудиенции…»[5] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, вожэнь, л. 23 б, 6]. Термин источника *го́-ù* (яп. *коку-ю̄*), переведённый как "удел", с самого начала прилагался китайцами к территориям, где правили местные династии.[6] В «Тайпин-юй-лань» в этой же фразе из «Вэй-чжи» использован термин "*ся̌о-го́*"[7] (яп. *сё̄-коку* – досл. "м а л ы е г о с у д а р с т в а"), что как раз и указывает на то, что речь шла об *общинах–государствах*.[8] В «Тайпин-юй-лань» сообщается: «В "Вэй-чжи" говорится: Страна *Во* (кит. Во-*го́*, т.е. Япония)… по гористым островам образовывали в древности государства – свыше ста м а л ы х г о с у д а р с т в (кит. *ся̌о-го́*). Во времена [династии] Хань [они] были являвшимися

С. 848; *Такикава Сэйдзирō* 瀧川 清次郎. Нихон-сякай-си 日本社会史. – Токио 東京: Сōгэнся 創元社, 1956. – С. 10; *Уэда М.* и др. Нихон кодай-си. С. 56; *Миура Ёнин* 三浦 洋人. Хадака нихон-си はだか日本史. – Токио 東京: Сайкō синся 彩光新社, 1958. – С. 130; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй-кокка-но кōдзō. С. 81; *Мори Киёто* 森 清人. Нихон синси 日本新史. – Токио 東京: Кинсэйся 錦正社, 1962. – С. 114, 90; *Мацумото Сэйтē* 松本 清張. Сэйтē-цӯси 清張通史. – Токио 東京: Кōданся 講談社, 1977. – Т. II. – С. 10; *Иэнага Сабуро*. История японской культуры. – М.: Прогресс, 1972. – С. 30; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии // Избранные труды: история. – М.: Наука, 1974. – С. 12; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. – М.: Наука, 1980. – С. 79; *Воробьев М.В.* Древняя Япония. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – С. 70; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония // История древнего мира. Кн. 3: Упадок древних обществ. – М.: Наука, 1989. – С. 213; *Деопик Д.В.*, *Крюков М.В.* Древнеяпонские государства. С. 397; Japan: its land... P. 18; *Yoshido Harada*. China and Japan: ancient cultural relations // China Reconstructs. – Peiping, 1957. – Vol. 6. – No. 8. – P. 5-6.

[1] 「 倭 … 在 帶方東南 大海中、依 山島 爲 居、凡百餘國。」 – Тун-дянь 通典. – Пекин 北京: Чжун- хуа шуцзюй 中華書局, 1988. – С. 4993.

[2] 「凡 分爲 百餘國。」 – Хоу-хань-шу 後漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2000. – С. 822; Хоу-хань-шу 後漢書 (из серии "Эр ши сы ши цюань и" 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. III. – С. 1706.

[3] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. II. – С. 34.

[4] 「後漢書 曰: 倭… 凡 分爲 百餘國。」 – Тайпин-юй-лань, 1995. T. IV. С. 3464а.

[5] 「倭人… 依山島 爲 國邑。舊百餘國、漢時 有 朝見者…」 – Саньго-чжи 三國志 (из серии "Эр ши сы ши" 二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1971. – Т. III. – С. 854; Саньго-чжи 三國志 (из серии "Эр ши сы ши" 二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1999. – С. 633; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 544. Ср.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 243.

[6] См.: *Воробьев М.В.* Япония в III-VII вв. С. 89-90.

[7] 小國 кит. *ся̌о-го́* – досл. "малое государство".

[8] Иногда не совсем точно называемых "городами–государствами". А это – «государства, возведённ[ые] на о б щ и н н о й о с н о в е» . – См.: Город и государство в древних обществах. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – С. 133.

ко двору на аудиенции…»[1]; и далее говорится о 21-м “*ся̆о-го́*” (“малом государстве”) на севере и востоке Кюсю[2]: «…“малых государств” (кит. *ся̆о-го́*) имеется 21 [община]…»[3] [Тайпин-юй-лань, св. 780-й, *сы-и-бу*, ч. III, дунъи, ч. 3-я; фрагмент «Вэй-чжи»].

д. О “малых государствах” (кит. *ся̆о-го́*) говорится и в «Цзинь-шу»: «В древности имели свыше ста малых государств (кит. *ся̆о-го́*), взаимно граничащих друг с другом[4] (кит. *ся̄н-цзе̄*)»[5] [Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и*, *дунъи*, *вожэнь*; Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь].

е. Как сказано в «Хоу-хань-шу», из этих ста японских территориальных общин, после разгрома в 108 г. до н.э. древнекорейского государства Чосон (кит. *Чаосянь*) и создания на его землях китайских округòв, более тридцати формирующихся *общин–государств* (кит. *го́*, яп. *кунù*) установили отношения с Китаем. «…[Народ] *вожэнь* ... ежегодно (кит. *сӳй-ши́*) прибывают [в Лолан], принося дань и получая аудиенцию»[6] [Хань-шу; цз. 28, л. 22]. «С того времени, как …У-ди покорил Чаосянь, 108 г. до [н.э.], более (кит. *сю̆й* – букв. “вероятно (около)” – *С.Д.*) 30-ти владений открыли через [послов]–переводчиков[7] сообщение с Домом Хань»[8] [Хоу-хань-шу, св. 115, Во], но названия их неизвестны.[9] В «Вэй-чжи» также сказано: «*Вожэнь* (японцы)… Во времена [династии] Хань [они] были являвшимися

---

[1] 「倭國… 依山島 爲 舊國、百餘 小國、漢時 有 朝見者…」 – Тайпин-юй-лань, 1995. T. IV. C. 3464 а.

[2] *Арутюнов С.А*. Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии: Восточно-азиатский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 145; *Young J*. The Location of Yamatai: a case study in Japanese historiography, 720-1945. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1958. – P. 72; *Иноуэ Каору* 井上 薫. Яматай-коку-мондай то кэнкӣо-но гэндзе̄ 邪馬台国問題と研究の現状 // Нихон-рэкйси 日本歴史. – 1969. – № 248. – С. 156; см.: *Хора Томио* 洞 富雄. Яматай дзёо̄-коку-но мэцубо 邪馬臺女王国の滅亡 // Нихон рэкйси 日本歴史. – 1954, январь. – № 68. – С. 7.

[3] 「… 小國 有 二十一…」 – Тайпин-юй-лань, 1995. T. IV. C. 3464 б.

[4] Последняя фраза в русском переводе выпущена. – См.: *Кюнер Н.В*. Китайские известия... С. 243.

[5] 「舊 有 百餘 小國、相接。」 – Цзинь-шу 晉書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1974. – T. VIII. – С. 2535; Цзинь-шу, 2004. T. IV. C. 2172. Ср.: *Кюнер Н.В*. Китайские известия... С. 243.

[6] 「…倭人、…以歲時 來獻見 云。」 – Хань-шу, 1962. T. VI. C. 1658; Хань-шу, 2004. T. II. C. 750; Хань-шу, 1999. T. II. C. 1322; Нихон дзэнси. T. I. C. 294; *Сано Я*. Нихон-но акэбоно. С. 16, 106, 134; Дай-канва дзитэн, 1925. T. I. C. 848; *Такикава С*. Нихон сякай-си. С. 10; *Уэда М*. и др. Нихон кодай-си. С. 56; *Миура Ё*. Хадака нихон-си. С. 130; *Сиодзава К*. Кодай сэнсэй-кокка-но кōдзō. С. 81; *Мори К*. Нихон синси. С. 114, 90; *Мацумото С*. Сэйтӗ-цӯси. T. II. C. 10; *Иэнага С*. История японской культуры. С. 30; *Конрад Н.И*. Лекции по истории Японии (1937 г.): Древняя история (с древнейших времён до переворота Тайка, 645 г.) (*избранные фрагменты*) // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень . – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 12; *Воробьев М.В*. Япония в III–VII веках. С. 79; *Воробьев М.В*. Древняя Япония. С. 70; *Дьяконова Е.М*. Древняя Япония. С. 213; *Деопик Д.В*., *Крюков М.В*. Древнеяпонские государства. С. 397; Japan: its land... P. 18; *Yoshido H*. China and Japan: ancient cultural relations. P. 5-6.

[7] 使驛 кит. *шийù – стар*. посол и переводчик (БКРС. T. IV. C. 70); посланные китайским правительством для сбора сведений о неизвестных народах. – *Бичурин Н.Я*. Собрание сведений... T. II. C. 94, прим. 4.

[8] *Бичурин Н.Я*. Собрание сведений... T. II. C. 34; 「自 武帝 滅 朝鮮、使驛通 於 漢者三十許國。」 – Хоу-хань-шу, 2004. T. II. C. 1706; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

[9] *Сано Я*. Нихон-но акэбоно. С. 106.

ко двору на аудиенции…»[1] [Саньго-чжи, гл. 30, Во]. То же самое повторено в «Тайпин-юй-лань»[2] [Тайпин-юй-лань, св. 780, *сы-и*, ч. III, *дунъи*, ч. 3-я].

ж. «Мужчины, большие и малые, все татуировали лица, разрисовывали тела»[3] (перевод Н.В. Кюнера) [Цзинь-шу, гл. 97, Японцы (*во-жэнь*)]. «Мужчины (кит. *нáнь-цзы*)[4], не считаясь со[5] старшинством – старшие [они] или младшие[6] [по положению], все (кит. *сī*) татуируют лица (кит. *цúн-мя̀нь* – *букв.* клеймят лица[7]) [и] татуируют тело (кит. *вэ́ньшэ́нь*[8])».[9] В других китайских источниках (в цитате «Вэй-люэ» в «Хань-юань»[10], в списке «Вэй-чжи» в «Тайпин юй-лань»[11], в «Лян-шу» и «Бэй-ши») также сообщается, что все *вожэнь* татуируют лица и тела.[12]

---

[1]「倭人… 漢時 有 朝見者…」– Саньго-чжи, 1959. T. III. C. 854; Саньго-чжи, 1971. T. III. C. 854; Саньго-чжи, 1999. C. 633; Саньго-чжи, 2004. T. II. C. 544. Ср.: *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 243.

[2]「倭國… 漢時 有 朝見者…」– Тайпин-юй-лань, 1995. T. IV. C. 3464 a.

[3] *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 256.

[4] 男子 кит. *нáнь-цзы* – мужчина, муж (БКРС. T. III. C. 568).

[5] 無 кит. *ý* – … A. *как глагол* … 3) *переходный глагол, соответствует* 蔑 – считать несуществующим, не считаться с... (БКРС. T. IV. C. 912).

[6] 大小 кит. *дàся̀о* – …3) старшинство; кит. *дà-ся̀о* – 1) больше или меньше; 2) *диал.* старые и малые, взрослые и дети (БКРС. T. III. C. 630); где 大 кит. *дà* – … 5) первый (*в ряду*), старший (*напр. из братьев*); уважаемый, почтенный; пожилой… (БКРС. T. III. C. 618); 小 кит. *ся̀о* – *прил.* …5) младший (*в ряду, напр. братьев*); малолетний, молодой… 6) детский; малолетний… 7) мелкий, не- значительный; несостоятельный, небогатый; 8)… низший; 11)… худородный; незнатный; рядовой, простой… *сущ.* … 2) ребёнок… дети; 3) маленький (неважный, невлиятельный, незнатный, простой) человек… (БКРС. T. IV. C. 771).

[7] 黥面 кит. *цúн-мя̀нь* – ставить клеймо на лицо, клеймить лицо [татуировкой]; где 黥 кит. *цúн* – *гл.* клеймить (*лицо преступника*); ср.: 以 墨 黥 其面 заклеймить ему лицо тушью; *сущ.* клеймение; татуировка; метка… (БКРС. T. IV. C. 800).

[8] 文身 кит. *вэ́нь-шэ̄нь* – татуировать[ся], делать татуировку (наколку); татуировка (БКРС. T. IV. C. 61).

[9]「男子 無 大小、悉 黥面 文身。」– Цзинь-шу, 2004. T. IV. C. 2173.

[10]「其俗 男子 皆 黥 而 文。」«[По] их обычаям мужчины все татуируют лица и тела» – (Вэй-люэ (ицубун 5) из «Хань-юань» св. 30-й 魏略（逸文5）翰苑 卷三十 // URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/giryaku/itsubunn05/giryaku_itsubunn05.htm (дата обращения: 22.05.2022); также цит. по: *Хань Шэн* 韓 昇. Жибэнь гудай-дэ далу иминь яньцзю 日本古代的大陸移民研究. – Тайбэй 臺北: Вэнь-цзинь чубаньшэ 文津出版社, 1992. – С. 5; *Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тōē̄-си-дзē̄-ёри митару нихон дзē̄-ко-си кэнкю̄ 東洋史上より見たる日本上古史研究. – Токио 東京: Тōē̄бунко 東洋文庫, 1956. – С. 12; *Мицуки Тарō* 三木 太郎. “Тайхэй-горан (кит. Тайпин-юй-лань)”-сёин “Гиси-вакоку-дэн (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)”-ни цуйтэ『太平御覧』所引『魏志倭人伝』について // Нихон-рэкйси 日本歴史. – 1977. – № 349. – С. 59; ср.: *Ван Юн* 王 勇. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь 吴越移民与古代日本. – Чжэцзян 浙江: Гочжи вэньхуа гунфан 国际文化工房, 2001. – С. 56.

[11]「其俗 男子 無 大小、皆 黥面 文身。」– Цит. по: *Мицуки Тарō*. Указ. соч. С. 59; *Ван Юн*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56.

[12]「俗 皆 文身。」– Лян-шу 梁書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – С. 729; также цит. по: *Ван Юн*. Указ. соч. С. 56;「俗 皆 文身。」– Бэй-ши 北史 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – T. IV. – С. 2562; также цит по: *Ван Юн*. Указ. соч. С. 56.

Указанием на то, что под “старшими и младшими” подразумевались *знатные люди* (старшие [по положению]) и *рядовые общинники* (младшие [по положению]), является сообщение «Хоу-хань-шу» (описывающей события I в. до н.э. – II в. н.э.): «По расположению татуировки слева или справа и по её размеру отличают знатных от низких».[1] «Мужчины вообще татуируют себе лицо и тело и по величине черт, равно по правой или левой стороне, отличают знатных от низких»[2] (перевод Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII. Во]. То есть, общинная знать в I в. н.э. уже выделилась настолько, что социальное положение стало отмечаться татуировкой[3], стало возможным навсегда закрепить за человеком его место в обществе.[4] Татуировка обозначала разный социальный статус *знатных людей* и *рядовых общинников*. «Старшие и младшие (или: *благородные* и *низкие*[5] – *С.Д.*) имеют различный ранг. Вторые целиком подчиняются первым»[6] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30]. «*Благородные* [и] *низкие* все имеют различный ранг (кит. *чā*, *чāй*)[7], [идущие ниже рангом по] порядку (кит. *сю̀й*) полностью (кит. *цзу́*) подчиняются[8] [вышестоящим]»[9] [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 2-3].

Кроме того, в I–III вв. татуировкой также определялась социальная **принадлежность** человека **к** той или иной **общине**. «Разрисовка тела в разных владениях различается, то левая, то правая, то крупная, то мелкая…»[10] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «[Во] всех общинах (кит. *го́*, яп. *кунй*) узоры (кит. *вэ́нь*) (татуировки) [в] каждом [случае] различаются: то левая, то правая, то большая, то маленькая…»[11] [Вэйчжи,

---

[1] Хоу Хань-шу, Описание Восточных иноземцев. Раздел Во / Перевод С.В. Лаптева // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 215.

[2] *Бичурин Н.Я*. Собрание сведений… Т. II. С. 34.

[3] *Воробьев М.В*. Некоторые формы зависимости в древней Японии // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. – М.: Наука, 1984. – С. 241.

[4] *Воробьев М.В*. Япония в III–VII веках. С. 86.

[5] Употреблены иероглифы: 尊 кит. *цзӯнь* – “благородный”, “старший” (досл. «почитаемый, благородный; глава, начальник». – БКРС. Т. III. С. 53) и 卑 кит. *бэ̄й*, *бēй* – “низкий; человек низкого положения”, “младший” (БКРС. Т. II. С. 811). – См.: Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; ср.: 卑 яп. *хи* / *иясий* – простой (*по происхождению*); бедный, низкий (*Фельдман-Конрад Н.И*. Японско-русский учебный словарь иероглифов. – М.: Русск.яз., 1977. – С. 118; далее: ЯРУСИ).

[6] *Кюнер Н.В*. Китайские известия... С. 247.

[7] 差 кит. *чā* – 1) …различие… 6) *чāй* – …должность… 8) *цы̄*, *чā* – порядок, иерархия … ранг (БКРС. Т. II. С. 70).

[8] 臣服 кит. *чэ́нь фӯ΄* – 1) подчиняться, покоряться; 2) становиться вассалом; признавать себя подданным. Здесь употреблен иероглиф 臣 *чэнь*, имеющий оттенок подчинённости в политическом плане: *гл.* 1) служить (государю); выполнять долг вассала (подданного, подчинённого); 2) признавать своё подданство … 3) делать (*кого-л.*) своим подданным; подчинять, покорять (БКРС. Т. II. С. 328).

[9] 「尊卑 各有 差、序足相 臣服。」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; см.: *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн кэйсэй сирон. С. 129; *Мураяма Кэндзи* 村山 健二. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку 誰にも書けなかった邪馬台国. – Токио 東京: Кбсэй сюппан-ся 佼成出版社, 1980. –. С. 61.

[10] *Кюнер Н.В*. Китайские известия... С. 245.

[11] 「諸國文身 各異、或左、或右、或大、或小…」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 129.

цз. 30, *вожэнь*, л. 25 а, 8-9]. Тексты китайских источников не оставляют никаких сомнений в том, что речь идёт об *общинной знати* и *рядовых общинниках* – это два слоя **единого общинного коллектива**.

В связи с тем, что для гражданской общины, возникающей в раннеклассовый период, характерно отсутствие ещё особого аппарата принуждения, функции которого по отношению к эксплуатируемому производителю выполняла община в целом.[1] Поэтому в данный период только община могла гарантировать человеку защиту его интересов. Это объясняется тем, что существование самой общины лишало всех, кто не входил в неё, свободного доступа к основному средству производства – земле и ставило их в бесправное положение.[2] Поэтому в рабовладельческом праве статус гражданства был связан с правом собственности на землю. Следствием чего было то, что не все свободные люди были одинаково правоспособны.

Но вне зависимости от роли в управлении общинным коллективом в древности везде оба слоя общины (*знать* и *рядовые общинники*) **обладали неотъемлемым правом на землю**[3] и **сохраняли гражданские права**[4], в том числе и **гарантию защиты прав лица**, что резко отличало экономическое и социальное положение членов общины от положения лиц, не входивших в общинный коллектив (*чужаков* и *рабов*).[5]

з. Примечательно то, что во многих китайских источниках (в цитате «Вэй-люэ» в «Хань-юань», в списке «Вэй-чжи» в «Тайпин юй-лань»[6], в «Цзинь-шу»[7], в «Лян-шу»[8] и «Бэй-ши»[9]) сообщается, что **сами** люди народа *вожэнь* **своим предком считали китайца Тай-бо** 太伯. Список «Вэй-люэ» в «Тун-дянь» говорит: «*Вожэнь* **сами** [о се-

---

[1] *Шилюк Н.Ф.* Закономерности развития государства в рабовладельческом обществе // Вопросы политической организации рабовладельческого и феодального общества. – Свердловск: Изд-во СЮИ, 1984. – С. 4.

[2] *Шилюк Н.Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982. – С. 22.

[3] См.: *Ильин Г.Ф.* Древневосточное общество и проблемы его социально-экономической структуры // Вестник древней истории. – 1983. – № 3. – С. 20; *Дьяконов И.М.* Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. – 1963. – № 1. – С. 20, 21, 19, 29, 33-34; История древнего мира. – М.: Наука, 1982. – Кн. I–III; История древнего мира. – М.: Наука, 1989. – Кн. I–III.

[4] Там же.

[5] *Шилюк Н.Ф.* Закономерности развития рабовладельческого общества, 1982. С. 21; *Ильин Г.Ф.* Указ. соч. С. 29; История древнего мира. Кн. 1: Ранняя древность. – М.: Наука, 1982. – С. 37-38; 1989. – С. 40; *Шилюк Н.Ф.* Закономерности процесса перехода к классовому обществу и государству // История древнего мира: Древний Восток. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 13; см.: *Суровень Д.А.* Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии. С. 152-155; *Суровень Д.А.* Правовое положение населения в древней Японии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс: сб. науч. ст. / Отв. ред. В.В. Захаров. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. – Вып. 3. – С. 133-155; *Суровень Д.А.* Правосубъектность в древней Японии // История государства и права. – 2011. – № 7. – С. 15-19.

[6] Цит. по: Цит. по: *Мицуки Т.* “Тайхэй-го-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59; *Ван Ю.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56.

[7] Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2535; Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173; также цит. по: *Ван Ю.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56; ср.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 256.

[8] Лян-шу, 2004. С. 729; также цит. по: *Ван Ю.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56.

[9] Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2562; также цит. по: *Ван Ю.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56.

бе] **говорят**, [что являются] потомством Тай-бо».[1] Список «Вэй-люэ» в «Хань-юань» уточняет: «Слышали, [по] **их древним сказаниям**, [*вожэнь*] сами [о себе] говорят, [что являются] потомством (кит. *хоу*) Тай-бо».[2] То же самое сказано в списке «Вожэнь-цзюань» из «Вэй-чжи» в «Тайпин-юй-лань».[3] Более поздние династийные истории – «Цзинь-шу»[4], «Лян-шу»[5] и «Бэй-ши»[6] повторяют сказание японцев о происхождении людей *вожэнь* от Тай-бо[7] (Хань-юань, св. 30-й; Тайпин юй-лань, св. 782-й; Цзинь-шу, св. 97-й; Лян-шу, св. 54-й; Бэй-ши, св. 94-й). Следует обратить внимание на то, что о происхождении от Тай-бо говорили не китайцы, а **сами** японцы (кит. *вожэнь*) рассказывали китайским послам о своём предке.[8]

Тай-бо приходился дядей чжоускому Вэнь-вану (Чану Си-бо).[9] Тай-бо и его младшие братья Чжун-юн и Цзи-ли (ок. 1124 – ок. 1095 гг. до н.э.)[10] жили **в конце XII – начале XI вв**. **до н.э**. Начало событий описано в 4-й главе «Ши-цзи», когда *чжоу*-цев возглавлял вождь Гу-гун Дань-фу (? – ок. 1124 гг. до н.э.[11]).[12] Гу-гун Дань-фу, из-за нападений народов *жун* и *ди*, «…вместе с домочадцами поспешно покинул Бинь … и остановился у подножия гор Цишань. Все жители Бинь … перешли к Гугуну у подножия гор Цишань. Многие жители соседних владений, услышав о челове-

---

[1] 「【魏略 云: 倭人 自謂 太伯之後。】」 – Тун-дянь, 1988. С. 4994; также цит. по: *Хасимото М.* Тōē-си-дзē-ёри митару нихон-дзē-ко-си-кэнкю̄, 1956. С. 13; *Мицуки Т.* «Тайхэй-го-ран" (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин "Гиси-вакоку-дэн" (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59; *Ван Ю*. Указ. соч. С. 56; Тун-дянь, Бянь-фан – Дунъи, 1-й раздел, Боцзи – Синьло – Во-го『通典』邊防 東夷 上 百濟 新羅 倭國 // URL: http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/tuden.html#mendo (дата обращения: 28.05.2018).

[2] 「聞、其**舊語**、自謂 **太伯**之**後**。」 – Цит. по: *Мицуки Т.* «Тайхэй-го-ран" (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин "Гиси-вакоку-дэн" (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59; *Цай Фэнмин* 蔡 丰明. У Юэ вэньхуа-дэ юэ-хайдун-чжуань юй любу 吴越文化的越海东传与流布 (Eastern Towards Transmission of Wu and Yue Culture). – Шанхай 上海: Сюэлин чубаньшэ 学林出版社, 2006. – С. 55; *Хань Ш.* Жибэнь гудай-дэ далу иминь яньцзю. С. 5; *Ван Юн*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 28, 56; Хань-юань, св. 30-й, Фань-и-бу, Во-го 翰苑、卷第卅、蕃夷部より 倭國（原文）// URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/kannenn/kannenn_gen.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[3] 「聞、其舊語、自謂 太伯之後。」 – Тайпин-юй-лань, 1995. T. IV. С. 3464 б; Тайпин-юй-лань // URL: http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/gyorn.html (дата обращения: 28.05.2018); *Цай Ф*. У Юэ вэньхуа-дэ юэ-хайдун-чжуань юй любу. С. 64; *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56.

[4] 「自謂 太伯之後。」 – Цзинь-шу, 1974. С. 2535; Цзинь-шу, 2004. С. 2173; также цит. по: *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56; ср.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 256.

[5] 「倭者、自云 太伯之後。」 – Лян-шу, 2004. С. 729; также цит. по: *Ван Ю*. Указ. соч. С. 56.

[6] 「自云 太伯之後。」 – Бэй-ши, 2004. T. IV. С. 2562; также цит. по: *Ван Ю*. Указ. соч. С. 56.

[7] См.: *Цай Ф*. У Юэ вэньхуа-дэ юэ-хайдун-чжуань юй любу. С. 18.

[8] *Хань Ш*. Жибэнь гудай-дэ далу иминь яньцзю. С. 6; *Ван Ю*. Указ. соч. С. 57.

[9] См.: *Brownlee J.S*. Japanese Historians and the National Myths, 1600–1945: The Age of the Gods and Emperor Jimmu. – Vancouver: University of British Columbia Press; Tokyo: University of Tokyo Press, 1999. – P. 25.

[10] Бамбуковые анналы: древний текст (Гу бэнь чжу шу цзи нянь). – М.: Вост. лит, 2005. – С. 150, прим. 75.

[11] Бамбуковые анналы, 2005. С. 150, прим. 75.

[12] *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. Р.В. Вяткина. – М.: Наука, 1987. – Т. V. – С. 220, прим. 2; *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. – М.: Наука, 1972. – Т. I. – С. 305, прим. 19; об этом см.: Там же. С. 180-181.

колюбии Гу-гуна, также перешли к нему…»[1] (Ши-цзи, гл. 4-я, Гу-гун); см.: (Цзинь-бэнь Чжу-шу цзи-нянь, гл. 3-я, 3.27.4[2]; Чжуан-цзы, гл. 8-я "Жан-ван"[3]). Переезд Гу-гуна Дань-фу в западную часть долины реки Вэйхэ[4] привёл к созданию на новом месте (примерно в 120-130 *км* к западу от современной Сиани) политического центра чжоусцев, получившего наименование Чжоуюань.[5] С правления Гу-гуна Дань-фу начинается формирование раннего государства Чжоу.[6]

Здесь, в Чжоуюани, в жизни Тай-бо и произошли переломные события. «Ши-цзи» (в гл. 4-й) продолжает: «Старшего сына Гу-гуна звали Тай-бо[7], второго сына звали Юй-чжун (он же – Чжун-юн[8] – *С.Д.*). [Жена Гу-гуна] Тай-цзян родила младшего сына Цзи-ли»[9] (также звали Гун-цзи).[10] Отсутствие упоминания о матери старших сыновей Гу-гуна и последующая передача ими власти младшему сыну Гу-гуна дали основание средневековым китайским историкам высказать предположение о том, что у трёх братьев были разные матери.[11] «Цзи-ли [вырос и] женился на Тай-жэнь»[12], которая происходила из знатного *инь*ского рода (о чём сказано в «Ши-цзин»).[13] «[Когда у Тай-жэнь] родился сын по имени Чан, появилось благовещее знамение. Гу-гун сказал: "В моём роду кто-то должен возвыситься, не будет ли это Чан?" Старшие сыновья Тай-бо и Юй-чжун поняли, что Гу-гун намерен поставить у власти Цзи-ли, чтобы впоследствии ему наследовал Чан, и они оба бежали к ***цзин*ским *маням***. [Там они] **татуировали тело**, **обрèзали волосы**, тем самым уступив [право наследования] Цзи-ли»[14] [Ши-цзи, гл. 4-я, Гу-гун].

В «Ши-цзи», в 31-м свитке "*У Тай-бо ши-цзя*" ("Наследственный дом *у*ского Тай-бо"), об этих событиях сказано: «*У*ский Тай-бо и его младший брат Чжун-юн были сыновьями *чжоу*ского Тай-*ван*а и старшими братьями правителя Цзи-ли. Цзи-ли сам был талантливым человеком и имел мудрого сына Чана, [поэтому] Тай-ван решил возвести на престол Цзи-ли, чтобы потом [престол перешёл] к Чану. Тогда Тай-бо и Чжун-юн бежали к **цзинским *маням***, где **покрыли свои тела татуировкой**, **обреза-**

---

[1] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 181.
[2] См.: Бамбуковые анналы, 2005. С. 210.
[3] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 305, прим. 17.
[4] Бамбуковые анналы, 2005. С. 150, прим. 75.
[5] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 305, прим. 17.
[6] Бамбуковые анналы, 2005. С. 150, прим. 75.
[7] 太伯 кит. *Тай-бо*; где *бо* 伯 – имеет значение "старший", поэтому "Тай-бо" – это не собственное имя, а, скорее, прозвище, указывающее на старшинство среди братьев. – *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. Т. V. С. 220, прим. 2; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 306, прим. 23.
[8] Точно так же *чжун* 仲 в имени Чжун-юна указывает на то, что это был второй, или средний, сын. В анналах «Ши-цзи» (в гл. 4-й), и в «Цзо-чжуань» (5-й год правления Си-гуна) средний сын именуется Юй-чжуном (*Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. Т. V. С. 220, прим. 2; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 306, прим. 23).
[9] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 181.
[10] Иероглиф *цзи* 季 в имени Цзи-ли 季歷 означает, что он младший сын. Его посмертное имя – Ван-цзи, он именовался также Гун-цзи. – *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. Т. V. С. 220, прим. 2; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 306, прим. 23; см.: Там же. С. 181.
[11] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 305, прим. 20.
[12] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 181.
[13] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 306, прим. 21.
[14] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 181.

ли волосы, чтобы показать, что их нельзя больше использовать (возводить на престол), и, тем самым, уступили [власть] Цзи-ли. Цзи-ли действительно встал у власти и стал правителем (*чжоу*сцев – *С.Д.*) [с титулом] Ван-цзи, а [затем] Чан стал Вэнь-ваном. Тай-бо, бежав к **цзинским *манам***, назвал себя Гоу-у. ***Мани***, жившие на землях **Цзин**, оценили [Тай-бо] за его справедливость, и более тысячи семей последовали за ним, под его руку, и поставили его у власти как *у*ского Тай-бо»[1] [Ши-цзи, гл. 31-я].

Сходные сведения даны в «Хань-шу» (св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й, ч. 2, У). «[Когда] путь [династии] Инь уже приходил в упадок, *чжоу*ский Тай-*ван* Дань-фу процветал в местности Ци[шань] и Лян[шань]. [Его] старшим сыном [был] Тай-бо, следующего звали Чжун-юн, младшего звали Гун-цзи. Гун-цзи имел одарённого сына (кит. *шэ̀н-цзы́* – досл. “мудреца”) [по имени] Чан. Тай-ван решил [ему] передать страну [в управление]. Тай-бо [и] Чжун-юн [поэтому] отказались [от власти] (кит. *цы́*), собрали снадобья (лекарственные растения)[2] [и], в конце концов, бежали к ***цзин*ским *манам***. Гун-цзи [т.е. Цзи-ли] унаследовал пост [правителя], [а затем власть] перешла к [его сыну] Чану, [который] стал [носить прозвище] Си-бо (“Повелитель Запада”), получил мандат [Неба на управление Поднебесной и титул] *ван* … [Ещё] говорят: “Юй-чжун к **восточным варварам** (***и***) убежал, жил в уединении (кит. *йньцзю̄й*)…».[3] В комментарии к тексту «Хань-шу» сказано: «…Юй-чжун – [он] же Чжун-юн. [К] **восточным варварам** (***и***) бежал (кит. *ù*), [как] говорят, **скрылся в** [**землях**] ***мань-и*** и [так] удалился (на покой). Жил в уединении (кит. *йньцзю̄й*)…».[4] Далее в «Хань-шу» говорится: «Тай-бо сначала бежал к ***цзин*ским *манам***. ***Цзин*ские *мани*** перешли к нему, [Тай-бо получил] второе имя (кит. *хà*о) Гоу-у (“Гоу ***уский***”)»[5] [Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й, ч. 2, У].

Таким образом, Тай-бо, оставив трон своему племяннику Чану Си-бо (Вэнь-вану), бежал в низовья реки Янцзы. Почему именно сюда – не известно. Но следует обратить внимание на то, что здесь – в низовьях реки Янцзы когда-то находился центр древней государственности (культура Лянчжу, 3000–2000 гг. до н.э.).[6] Согласно новейшим археологическим данным, древнейшая в Восточной Азии **государственность**

---

[1] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 26; см.: *Ван Ю*. Указ. соч. С. 57.

[2] 采藥 кит. *сáйяо* – собирание снадобья (лекарственных растений) (БКРС. T. III. C. 734, 739).

[3]「殷道 既 衰、周大王亶父 興ㇾ𠂤邠 梁之地、長子 大伯、次 曰ㇾ仲雍、少 曰ㇾ公季。公季 有ㇾ聖子 昌、大王 欲傳ㇾ國 焉。大伯、仲雍 辭行、采ㇾ藥、遂奔ㇾ荊蠻。公季 嗣ㇾ位、至ㇾ昌 為ㇾ西伯、受ㇾ命 而 王。… 謂:『虞仲 夷 逸、隱居…』。」– Хань-шу, 2004. T. II. C. 754; Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й, ч. 2 (от У до Хуан-чжи) 『漢書』卷二十八 下、地理志、第八 下(抄) 自吳至黃支 // URL: http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/kan-tiri2. html (accessed 28 May 2022); Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й, ч.2, У-ди-*тяо* 漢書、卷二十八 下、地理志 第八 下、吳地条 // URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/kanjo/kanjo_frame/kanjo_chirishi_gochi_01_frame.htm (accessed 28 May 2022); *Цай Ф.* У Юэ вэньхуа-дэ юэ-хайдун-чжуань юй любу. С. 56.

[4]【師古 曰:『…虞仲、即 仲雍 也。夷逸、言 竄 於 蠻夷 而 遁逸 也。隱居…』。】– Хань-шу, 1962. T. VI. C. 1667, прим. 1.

[5]「大伯 初奔 荊蠻、荊蠻 歸 之、號 曰 句吳。」– Хань-шу, 2004. T. II. C. 754.

[6] *Лаптев С.В.* Происхождение и развитие культуры *Учэн* (в контексте межкультурных контактов населения бронзового века бассейна нижней Янцзы и Индокитайского полуострова) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4 (44). – С. 93, 94; см.: *Лаптев С.В.* Предыстория и история народов Вьет: археология Нижнего Янцзы и Юго-Восточного Китая периода от раннего неолита до раннего железного века. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2006. – Т. I. – С. 37-12.

возникла здесь в середине III тыс. до н.э. в период энеолита (2500–1900/1800 гг. до н.э.), в рамках позднего периода культуры Лянчжу (Лянчжу-3, 2400-1900 гг. до н.э.). У "прото-**усцев**", "прото-***юэ*усцев**" и «**хуайских *и***» в бассейне нижнего течения Янцзы, в районе озера Тайху (памятники Моцзяошань, Лянчжу, Фаньшань, Яошань и др.), сформировался ряд небольших **ранних государств** «***номового***» **типа** (обозначенных учёными так по аналогии с классическим Востоком), т.е. *общин–государств*.[1] Из них самое крупное и лучше всего изученное, первое из известных в настоящее время в Китае бесспорных **ранних государственных образований** – условно называемое «государством *Мо*» (было предложено его именовать так по сокращённому названию археологического памятника *Моцзяошань*).[2]

Кроме того, во времена Тай-бо, в низовье Янцзы шёл последний век существования культуры *Учэн* (1500-1000 гг. до н.э.)[3], обладавшей признаками имущественной и социальной дифференциации[4] и своей (отличной от *шан*ской) достаточно высокоразвитой и широко распространённой письменностью.[5] Учэн – это крупное городское укреплённое поселение (с чётким делением на кварталы) – по-видимому, крупный центр или столица какого-то государства, город с хорошо развитым производством бронзы (периода развитой бронзы) и керамики.[6] Поэтому бегство Тай-бо именно в низовье реки Янцзы – «к *цзинским маням*» могло быть неслучайным.

---

[1] *Кучера С.И.*, *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Древний Китай (III–II тыс. до н.э.) // Всемирная история. В 6-ти тт. Т. 1: Древний мир. – М.: Наука, 2011. – С. 157; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н.э. // XLII научная конференция «Общество и государство в Китае». Учёные записки отдела Китая. – М.: ИВ РАН, 2012. – Вып. 6-й. – Т. 1. – С. 51-52; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н.э.: складывание «двуединого» Региона // 42-я научная конференция «Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 3: Учёные записки отдела Китая. Вып. 7-й. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 18, 26; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Завершение формирования «двуединого» исторического региона Восточная Азия после возникновения государственности у *хуася* во II тыс. до н.э. // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». – М.: ИВ РАН, 2013. – Т. XIII. – Ч. 1. – С. 17; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Ранние городские поселения Восточной Азии (рубеж 3-2 тыс. до н.э.): к вопросу о возникновении государственности в историческом регионе Восточная Азия // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 15 апреля 2013 г.). – М.: ИД "Ключ-С", 2013. – С. 18; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты. Ч. 1 // Вопросы эпиграфики. Вып. V. – М., 2011. – С. 21, 77.

[2] *Кучера С.И. и др*. Древний Китай (III–II тыс. до н.э.). С. 157-158; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н.э. С. 51; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н.э. С. 18; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Ранние городские поселения Восточной Азии. С. 18; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты. С. 22, 25-42, 48-60; *Деопик Д.В.*, *Ульянов М.Ю.* Ранняя аустрическая письменность: массив надписей V тыс. до н.э. из Шуандуня (пров. Аньхой, КНР) // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 ноября 2011 г.). – М.: ИД «Ключ-С», 2011. – С. 67-70.

[3] *Лаптев С.В.* Происхождение и развитие культуры *Учэн*. С. 95; см.: Там же. С. 93-102; *Лаптев С.В.* Предыстория и история народов Вьет. С. 205-216.

[4] *Лаптев С.В.* Происхождение и развитие культуры *Учэн*. С. 95.

[5] *Лаптев С.В.* Происхождение и развитие культуры *Учэн*. С. 98; *Лаптев С.В.* Предыстория и история народов Вьет. С. 216.

[6] *Лаптев С.В.* Предыстория и история народов Вьет. С. 216.

Мань – это общее название "**южных варваров**". Определение "***цзин***"[1] – более позднего происхождения и локализует район пребывания данной ветви южных иноплеменников на землях государств Чу, У и Юэ. Фактически же речь идёт о более узкой группе жителей юга, живших **в нижнем течении реки Янцзы**. Сыма Чжэнь называет даже точное местоположение владения Тай-бо – местечко Мэйли в уезде Уси (на сев. побережье оз. Тайху) округа Чанчжоу в современной пров. Цзянсу (городской округ Сучжоу[2]), где, по преданию, находилась и могила Тай-бо.[3]

Около 1000 г. до н.э. Учэнская культура исчезла без следа, возможно, как предполагают учёные (на основании найденных в последних слоях земляного вала на городище Учэн человеческих останков со следами насильственной смерти), вследствие военного поражения. Вышележащие слои свидетельствуют о том, что Учэнское городище прекратило своё существование, да и весь район озера Поянху пришёл в запустение. В отложениях следующего за учэнским периода бронзовые вещи практически отсутствуют.[4] Связаны ли упадок и дальнейшее исчезновение городища Учэн (город был заброшен[5]) с появлением здесь Тай-бо и его людей – неясно.

«Ши-цзи» продолжает рассказывать о судьбе потомков Тай-бо: «Когда Тай-бо умер, то [потому, что] у него не было сыновей, к власти пришёл его младший брат Чжун-юн; это был *у*ский правитель Чжун-юн»[6] (Ши-цзи, гл. 31-я). После Чжун-юна в местности У правили ещё три человека (в середине – третьей четверти XI в. до н.э.). «После смерти Чжун-юна у власти встал его сын Цзи-цзянь. Когда умер Цзи-цзянь, у власти встал его сын Шу-да. После смерти Шу-да у власти встал его сын Чжоу-чжан. В это время [**в 1027 г**. **до н**.**э**.[7]] чжоуский У-ван одержал победу над [домом] Инь. Он стал отыскивать потомков Тай-бо и Чжун-юна и нашёл Чжоу-чжана. Чжоу-чжан уже правил [царством] У, поэтому [У-ван] пожаловал ему земли У…»[8] (Ши-цзи, гл. 31-я). Сходные сведения даны в «Хань-шу»: «Тай-бо скончался (кит. *цзу́*), Чжун-юн взошёл на престол. [Когда] достигли [правления его] правнука [по имени] Чжоу-чжан, то тогда [в 1027 г. до н.э.] У-*ван* победил [династию] Инь, поэтому [У-*ван*] тогда выделил ему [Чжоу-чжану] земли [У] в управление (кит. *фэ̄н*)…»[9] (Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й). Далее в «Ши-цзи» сказано: «С тех пор как Тай-бо создал царство У, при его пятом правителе (Чжоу-чжане – *С.Д.*) чжоуский У-ван одержал победу над [домом] Инь и пожаловал потомкам Тай-бо … владени[е] … У, находившееся в **землях** [**варваров**] ***и*** и ***мань***»[10] [Ши-цзи, гл. 31-я].

Следует обратить внимание на то, что (по сообщению «Ши-цзи» и «Хань-шу») в

---

[1] 荊 кит. *цзӣн* – …5) *миф.* Цзин (*одна из девяти областей Китая … занимавшая территории нынешних пров. Хунань и Хубэй*); 6) *ист.* царство Чу (*эпоха Чуньцю*)… (БКРС. Т. II. С. 1002).

[2] *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 57.

[3] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 220, прим. 3; *Mizuno Yu*. Origins of the Japanese people // Understanding Japan. – Tōkyō, 1968. – No. 22. – P. 16.

[4] *Лаптев С.В.* Происхождение и развитие культуры *Учэн*. С. 101; см.: *Лаптев С.В.* Предыстория и история народов Вьет. С. 368-384, особенно: С. 375.

[5] *Лаптев С.В.* Предыстория и история народов Вьет. С. 375.

[6] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 26.

[7] См.: БКРС. Т. I. С. 64.

[8] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 26.

[9] 「大伯 卒、仲雍 立、至ㇾ曾孫 周章、而 武王 克 殷、因而 封ㇾ之。」 – Хань-шу, 1962. С. 1667.

[10] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 27.

землях У обитали не только народы южного происхождения – *мань*, но и так называемые "восточные иноземцы" – *и*. Таким образом, территория У представляла собой земли со смешанным населением *мань* и *и*. Хотя, следует отметить: имеющийся материал не даёт возможности выделить районы преобладания *аустронезийской* культуры в бассейне Янцзы[1], а У. Мичем выступил против гипотезы о присутствии *протомалайского* (*аустронезийского*) населения в дельте Янцзы.[2]

Таким образом, вплоть до начала эпохи *Чжань-го* в долине Хуайхэ и прилегающих прибрежных районах жили **народы**, называвшиеся "***и***"; по всей вероятности, они являлись прямыми потомками создателей неолитических культур этого региона. Этнически близким к ним было коренное население южных государств **У** и **Юэ**, по языку и культуре резко отличавшееся от жителей Среднекитайской равнины.[3]

В «Ши-цзи» рассказывается о событиях периода войн между южнокитайскими государствами У, Юэ и Чу середины I тыс. до н.э. В 31-м свитке «Ши-цзи» ("Наследственный дом *у*ского Тай-бо") сказано: в царствование государя Шоу-мэна (585-561 гг. до н.э.) «…возвысилось царство У, [находившееся в землях] *и* и *мань*»[4] [Ши-цзи, гл. 31-я, Шоу-мэн). В «Ши-цзи» Шоу-мэн назван *ван*ом[5] [Ши-цзи, гл. 31-я, Шоу-мэн, 25-й год пр. [561 г. до н.э.]]. В «Хань-шу» сообщается: «…Тогда *у*ский *цзы цзин*ских *маней* [по имени] Шоу-мэн [585-561 гг. до н.э.] величественно (кит. *шэндà*) стал именоваться *ван*ом»[6] [Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й]. На втором году правления Шоу-мэна (584 г. до н.э.) «…царство У впервые вступило в отношения с срединными государствами. Царство У напало на Чу…»[7] [Ши-цзи, гл. 31-я, Шоу-мэн, 2-й год пр.]. В «Цзо-чжуань», под 7-м годом Чэн-*гун*а (584 г.) сообщается, что войска государства У вошли в *чу*ский Чжоулай (ныне уезд Фэнтай в землях современной провинции Аньхой).[8]

Война между южно-китайскими государствами Юэ и У закончилась **в 473 году до н.э**. победой Юэ.[9] «На шестнадцатом году правления Хуэй-вана (473 г.) царство Юэ уничтожило царство У»[10] [Ши-цзи, гл. 40-я, Хуэй-ван, 16-й год пр.]. Древнее государство У было ликвидировано. «Юэский *ван* Гоу-цзянь решил переселить уского *ван*а **Фу-ча** [495-473 гг. до н.э.] в Юндун (на территории современного уезда Динхай провинции Чжэцзян [на островах Чжоушаньского архипелага][11] – *С.Д.*) и, выделив ему сто семей, поселить его там. Уский *ван* сказал: "Я уже стар и не смогу служить Вам, *ван*. ... После этого он перерезал себе горло и умер. Юэский *ван* уничтожил княжество У…»[12] [Ши-цзи, гл. 31-я, 473 г. до н.э., 11-я луна, день

---

[1] *Лаптев С.В.* Происхождение и развитие культуры *Учэн*. С. 101.
[2] *Лаптев С.В.* Происхождение и развитие культуры *Учэн*. С. 100.
[3] *Крюков М.В.*, *Софронов М.В.*, *Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М.: Наука, 1978. – С. 191.
[4] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. Т. V. С. 27.
[5] Там же.
[6] 「…而 荊蠻之吳子 壽夢 盛大 稱𠂢王。」 – Хань-шу, 1962. С. 1667.
[7] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. Т. V. С. 27.
[8] Там же. С. 221, прим. 11.
[9] *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56, 57.
[10] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. Т. V. С. 201.
[11] Там же. С. 227, прим. 77.
[12] Там же. С. 38.

дин-мао]. В «Хань-шу», в связи с этим, сказано: «…*Ван* Юэ – Гоу-цзянь [в 473 г. до н.э.[1]] уничтожил [государство У]»[2] [Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й].

В «Ши-цзи», в 40-м свитке, по этому поводу сообщается: «В это время царство Юэ уже покончило с У, но не смогло ещё распространить свою власть на землях к северу от рек Янцзы и Хуайхэ»[3] [Ши-цзи, гл. 40-я, Чу, Хуэй-ван, 44-й год пр.]. В «Ши-цзи» далее сказано: «Тем временем, **Чу** стало захватывать земли **на востоке**, расширив территорию вплоть до берегов реки Сышуй»[4] (река Сышуй текла вдоль южной границы государства Лу, занимавшего земли у юго-западного основания полуострова Шаньдун) (Ши-цзи, гл. 40-я, Чу, Хуэй-ван, 44-й год пр.). Следует обратить внимание на то, что одно из **последних упоминаний** о **«восточных *и*»** относится **к 473 году до н.э.**, когда против них выступило **Чу**.[5] После этого упоминания о них, как **жителях восточного побережья Китая**, в источниках **исчезают**. Позднее термином «**восточные *и***» (кит. *дун-и*) стали называть обитателей Маньчжурии, Кореи и Японских островов.[6]

Используя сведения древнекитайских источников о разгроме в 473 г. до н.э. южно-китайского государства У государством Юэ[7] [Ши-цзи, гл. 40-я, Хуэй-ван, 16-й год пр.[8]; гл. 31-я, 473 г. до н.э., 11-я луна, день *дин-мао*[9]; Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й[10]] и сообщение «Цзичжи тун-цзянь» (1084 г.), где сказано, что «[предки людей] нынешней Японии также, [как] говорят, были потомками Тай-бо из [страны] У. Вероятно, когда У было разрушено, потомство боковой ветви[11] его [семьи] ушли в море и стали [людьми] *во*»[12] (Цзинь Люй-сян (1232-1303) в «Тунцзянь цянь-бянь» [св. 18-й, раздел “Падение [страны] У”] повторил эту информацию[13] [Тунцзянь цянь-

---

[1] См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 38.

[2] 「…為ㇾ粤王 句踐 所滅。」– Хань-шу, 1962. C. 1667.

[3] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 201.

[4] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 201.

[5] *Крюков М.В.*, *Софронов М.В.*, *Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. С. 191.

[6] *Джарылгасинова Р.Ш.* Некоторые вопросы источниковедения Когурё // Историография и источниковедение стран зарубежного Востока: Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. – М.: Наука, 1967. – С. 61-62.

[7] *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56, 57.

[8] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1987. T. V. C. 201.

[9] Там же. С. 38.

[10] 「…為ㇾ粤王 句踐 所滅。」– Хань-шу, 1962. T. VI. C. 1667; Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й, ч. 2 (от У до Хуан-чжи)『漢書』卷二十八 下、地理志、第八 下(抄) 自呉至黄支 // URL: http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/ kan-tiri2.html (дата обращения: 28.05.2018); Хань-шу, св. 28-й, ч. 2-я, Дили-чжи, раздел 8-й, ч. 2, У-ди-*тяо* 漢書、卷二十八 下、地理志 第八 下、呉地条 // URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/ dassai/kanjo/kanjo_frame/kanjo_chirishi_gochi_01_frame.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[11] 支庶 кит. *чжй-шу̀* – потомство по внебрачной линии; сын наложницы (БКРС. T. III. C. 1018); где 庶 кит. *шу̀ – сущ.* 1)* все люди; челна, масса; 2)* простолюдины, незнатные люди; 3) сын от младшей (второстепенной) жены; боковая ветвь рода (БКРС. T. IV. C. 924).

[12] 資治通鑑:「今日本 又 云ㇾ吳太伯之後。蓋 吳亡、其支庶 入ㇾ海、為ㇾ倭。」– Цит. по: *Цай Ф.* У Юэ вэньхуа-дэ юэ-хайдун-чжуань юй любу. С. 64. См.: Цзичжи тунцзянь 資治通鑑 // URL: http: //www.guoxue.com/shibu/zztj/zztjml.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[13] 金履祥《通鑑前編·吳亡條》:「今日本 又云: 為ㇾ吳太伯之後。蓋吳亡、其支庶 入ㇾ海、為ㇾ倭。」

бянь, св. 18-й, 68]) – некоторые японские учёные, подхватив эту идею, стали выводить династию Ямато от Тай-бо и его потомков – правителей государства У.

Ещё Тю̄ган Энгэцу (1300-1375), буддийский монах и японский поэт, заявил, что первый государь Ямато – Дзимму-*тэннō* являлся потомком *у*ского Тай-бо.[1] В 1341 году, как передают, Тю̄ган Энгэцу выпустил издание «Нихон-сёки», которое императорский двор приказал сжечь из-за упоминания в нём данной теории происхождения династии Ямато.[2] Итидзё Канэра (1402-1481) в своём сочинении «Нихон-сёки сансо» («Интерпретации Нихон-сёки») снова выдвинул гипотезу происхождения династии Ямато от Тай-бо, но её опять отвергли как искажение.[3]

Эта гипотеза появилось снова в период Токугава. Хаяси Радзан (1583-1657) также высказал мысль (опираясь на сведения «Вэй-чжи»), что японцы – потомки выходцев из государства У.[4] В работе «Дзимму-тэннō рон» («Рассуждение о императоре Дзимму») Хаяси Радзан написал, что потомки бежавшего к цзинским *маням* Тай-бо прибыли на Цукуси (Северный Кюсю). Учёный выдвинул предположение: не нашло ли это событие отражение в японском сказании о сошествии народа *тэнсон* на пик Такатихо в Химука? Потомки рода Цзи (а *у*ский Тай-бо носил родовое имя Цзи – фамилию правителей Чжоуской династии) могли разрастись в течение многих поколений на основные и боковые линии родства, сородичей. От этих *у*сцев пошла линия правителей, одним из которых стал основатель династии Ямато – государь Дзимму, в 45 лет отправившийся в свой Восточный поход в Центральную Японию.[5] Эту же мысль Хаяси Радзан высказал в работе «Хонтē цӯган»: «Первопредки японцев – это потомки (яп. *ин*, кит. *ìнь*) *у*ского Тай-бо».[6]

Другой японский учёный – Фудзивара Тэйкан (1732-1797), поддержав идеи Тю̄ган Энгэцу и Хаяси Радзана, в работе «Тю̄кэйхацу»[7] писал, что потомки Тай-бо из

– Тунцзянь цянь-бянь 通鑑前編 (御批資治通鑑綱目前編, 卷十八, 68) // URL: http://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter= 135590 (дата обращения: 28.05.2018); цит. по: *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 56, 60, 63; *Цай Ф*. У Юэ вэньхуа-дэ юэ-хайдун-чжуань юй любу. С. 18, 64.

[1] 中岩 圓月 яп. *Тю̄ган Энгэцу*. – См.: *Чэнь Хэн* 陳 恒, *Гэн Сян-синь* 耿 相新. Булаодайэр-дэ ичань 布勞岱爾的遺產 (The heritage of Fernand Braudel). – Тайбэй 臺北: Чжаомин чубань 昭明出版, 2006. – С. 230; *Brownlee J.S*. Japanese Historians and the National Myths, 1600–1945: The Age of the Gods and Emperor Jimmu. P. 25.

[2] *Brownlee J.S*. Op. cit. P. 25.

[3] *Brownlee J.S*. Op. cit. P. 25.

[4] *Конрад Н.И*. Япония: народ и государство. – Пг.: Наука и школа, 1923. – С. 45; *Конрад Н.И*. Япония: народ и государство: Исторический очерк // История Японии. – М.: Евролинц – Русская панорама, 2004. – С. 207; *Чэнь Х.*, *Гэн С*. Булаодайэр-дэ ичань. С. 230.

[5] 「太伯 逃ㇾ荊蠻 … 其子孫 來ㇾ筑紫 … 是天孫 降ㇾ日向高千穗之謂 耶？… 神武四十五歲東征 … 嗚呼！姬氏之子孫（吳太伯本姓姬）可本支百世、萬世 為ㇾ君矣、不亦盛哉！彼強大之吳、雖滅于越、我邦之寶祚、於 天地 而 無窮、於 是愈信 太伯之至德。」. – *Хаяси Радзан* 林 羅山. Дзимму-тэннō рон 神武天皇論 // Хаяси Радзан бунсю̄ 林羅山文集 / Сост. Тōкē-сисэки-кай 京都史蹟会編. – Токио 東京: Perikan-sha ぺりかん社, 1979. – T. 1. – P. 280, 282; см. также: Хаяси Радзан бунсю̄. С. 408; *Brownlee J.S*. Op. cit. P. 25, 26.

[6] 林羅山《本朝通鑑》:「日本始祖、吳太伯之胤 也。」. См.: *Чэнь Х.*, *Гэн С*. Булаодайэр-дэ ичань. С. 230; *Хаяси Радзан* 林 羅山. Хонтē-цӯган 本朝通鑑. – Токио 東京: Кокусё канкōкай 国書刊行会, 1920. – T. I. – 477 с.

[7] 藤原 貞幹《冲冂發》. – *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 15.

Цзян-нани[1], следуя через острова Рюкю, прибыли на Японские острова.[2]

Таким образом, эти учёные предположили, что после того как на рубеже XII–XI вв. до н.э. правитель У – Тай-бо умер бездетным, его младший брат – Чжун Юн (вместе со своим старшим братом бежавший к *цзин*ским *маням*), унаследовал пост главы У. Много веков спустя, после падения государства У в 473 г. до н.э., потомки Чжун Юна уплыли в море, и, по одной из гипотез, стали предками *вожэнь*, основавшими государство Ематай-*го* (яп. Яматай-*куни*). В связи с этим, следует обратить внимание на сведения «Синсэн-сёдзи-року» о родах китайских переселенцев из У (др.-яп. Курэ), мигрировавших в Японию. Так вот, род Мацуно-но *мурадзи* происходил от древнекитайского *у*ского *вана* **Фу-ча**[3] (495-473 гг. пр. до н.э.) [Синсэн-сёдзи-року, св. 23-й, (837) Мацуно-но *мурадзи*]. Это означает, что **отпрыски Фу-ча**, после поражения 473 г. до н.э., рано или поздно **добрались до Японских островов**.

Здесь, наверно, более правильно было бы говорить о том, что часть знати Северного Кюсю I–III вв. н.э. выводила своё происхождение от *у*ского правителя Фу-ча (495-473 гг. пр. до н.э.), а через него – от *у*ского Чжун Юна и его старшего брата – от Тай-бо (начала XI в. до н.э.). А часть рядовых общинников Северного Кюсю, скорее всего, были потомками тех *усцев* (*цзин*ских *мань* и *и* по этнической принадлежности), которые, в своё время (в начале XI в. до н.э.) оказались под властью Тай-бо и потом управлялись его преемниками.[4] Однако далеко не все исследователи принимают такую точку зрения.[5]

Таким образом, как установили исследователи, получается, что **в середине I тыс. до н.э**.[6] этномасса рисоводов – южных монголоидов[7] 〔т.е. часть ***цзин*ских *мань***, **восточных**, ***хуай*ских** (в том числе, **южных *хуай*ских**) и **южных *и***, среди которых были также и *у*сцы, и *юэ*сцы (из Чжэцзяни)[8], а также одна из двадцати шести этнических групп *мань* и *и*, называвшейся народом ***вожэнь*** (обитавшим рядом с *юэ*)〕 мигрировали из прибрежных районов восточного и юго-восточного Китая, а также низовий реки Янцзы, т.е. из Цзян-нани (Южного Китая).[9]

---

[1] 江南 кит. *Цзян-нань* – досл. “[территории] к югу от реки [Янцзы-]*цзян*”.

[2] *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 15.

[3] 右京、諸蕃、漢:「松野連。出㆑自 呉王㆒**夫差** 也。」– Синсэн-сёдзи-року, в 3-х частях 新撰姓氏録 // *Саэки Арикиё* 佐伯 有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкю̄. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇. – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. – С. 295; ср.:「松野連(まつののむらじ)。呉王㆒**夫差**より出づ。」– Синсэн-сёдзи-року, св. 23-й 新撰姓氏録。第廿三巻 // URL: http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/28syouji.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[4] См. подробнее: *Суровень Д.А*. Древние государства южного Китая и этногенез народа *вожэнь* // Китай: история и современность. Материалы научно-практической конференции, 11-12 ноября 2009 г. – Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2010. – С. 116-123.

[5] См.: *Конрад Н.И*. Япония: народ и государство, 1923. С. 45; *Конрад Н.И*. Япония: народ и государство, 2004. С. 207; *Mizuno Yu*. Origins of the Japanese people. P. 17.

[6] *Воробьев М.В*. Древняя Япония. С. 105; *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 27. См., например: *Мещеряков А.Н*. Древнеяпонская цивилизация // Древние цивилизации. – М.: Мысль, 1989. – С. 282; *Сано Я*. Нихон-но акэбоно. С. 51; *Таксами Ч.М*., *Косарев В.Д*. Кто вы, айны? – М.: Мысль, 1990. – С. 113.

[7] *Воробьев М.В*. Древняя Япония. С. 105.

[8] *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 27-28, 52, 54, 57.

[9] *Воробьев М.В*. Япония в III-VII веках. С. 56; *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 15, 52, 53; см.: *Арутюнов С.А*. К оценке роли миграций в древней истории Японии // Советская этногра-

Вывод о миграции выходцев из Южного Китая на Японские острова находит подтверждение и в генетическом материале японцев. Генетические исследования *гаплогрупп* Y-хромосом населения Южного Китая и Юго-Восточной Азии привели учёных к следующим выводам. Данные, полученные учёными–генетиками, поддерживают гипотезу, что Y-гаплогруппы O-M122 (т.е. O-M134 и O-LINE), а также последовательность O-M95 в пределах O-P31, пришли в Японию с распространением культуры *яёй* (начиная с 400 г. до н.э.). Высокая частота этих линий у населения юго-за- падной Японии, Кореи и Юго-Восточной Азии, вероятно, объясняют близость этого населения в поле MDS. Как было предложено исследователями, вся гаплогруппа O должна происходить из Юго-Восточной Азии. Фактически, почти все генетические последовательности в пределах субклада O-M175, кроме O-SRY$_{465}$ и O-47z, присутствуют в их самой большой частоте (например, O-M95, O-P31*, M122*, O-LINE, O-M119) в Юго-Восточной Азии / Океании и, как было предложено учёными, **должны были возникнуть в Южном Китае**. Их распространение в расположенные вокруг этого центра области, вероятно, сопровождалось быстрым ростом неолитической культуры и увеличением производства риса. Исследователи выдвинули гипотезу, что расселение неолитических земледельцев из Юго-Восточной Азии также принесли линии *гаплогруппы* O в Корею и, в конечном счёте, в период *яёй* – **в Японию**.[1]

Как считают исследователи, путь рисоводов из Южного Китая не пролегал непосредственно из Южного Китая на Японские острова, а проходил через Южную Корею, сыгравшую роль "промежуточной остановки".[2] По мнению Эгами Намио, эти древние мореплаватели из южно-китайских приморских областей поплыли вдоль побережья Восточного Китая (до Шаньдунского полуострова[3]), через Жёлтое море, и при-

---

фия. – 1960. – № 1. – С. 64; *Kidder E*. Ancient Japan. – Oxford: Elsevier-Phaidon, 1977. – С. 47; *Уэда М*. и др. Нихон кодай-си. С. 35; *Сано Я*. Нихон-но акэбоно. С. 8, 51, 84, 85; *Явата Итиро* 八幡 一郎. Хоко то татэ 矛と楯 // Кодай-си кэнкю̄: Яматай-коку 古代史研究: 邪馬台国. – Токио 東京, 1956. – Т. I. – С. 201; *Мацумото Сэйтэ̄* 松本 清張. Сэйтэ̄-цӯси 清張通史. – Токио 東京: Кōданся 講談社, 1978. – Т. III. – С. 252, 269, 238; Нихон дзэнси, 1958. Т. I. С. 145-146, 149; *Григоренко Б.Г*. О времени и условиях проникновения земледелия в Японию // Центральная Азия и Тибет. – Новосибирск, 1972. – С. 48; *Ōbayashi Taryō*. The origins of Japanese mythology // Studies on ancient Japanese history (Acta Asiatica, № 31). – Tokyo: The Tōhō gakkai, 1977. – P. 10; *Цай Ф*. У Юэ вэньхуа-дэ юэ-хайдун-чжуань юй любу. С. 64; *Лаптев С.В*. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. – М.: Изд-во МГУЛ, 2003. – С. 56-57, 63, 65, 85; *Лаптев С.В.* Очерки по археологии и истории Японии. – М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2007. – С. 30.

[1] *Hammer M.F.*, *Karafet T.M.*, *Park Hwayong*, *Omoto Keiichi*, *Harihara Shinji*, *Stoneking M.*, *Horai Satoshi*. Dual origins of the Japanese: common ground for hunter-gatherer and farmer Y chromosomes // Journal of Human Genetics. – 2006. – No. 51. – P. 56.

[2] *Хасимото М*. Тōэ̄-си-дзэ̄-ёри митару нихон-дзэ̄-ко-си-кэнкю̄, 1956. С. 7; *Мори К*. Нихон синси. С. 90; *Уэда М*. и др. Нихон кодай-си. С. 56-58; *Сано Я*. Нихон-но акэбоно. С. 51; *Мацумото С*. Сэйтэ̄-цӯси. Т. III. С. 269; Т. II. С. 248; История народов Восточной и Центральной Азии: с древнейших времен до наших дней. – М.: Наука, 1986. – С. 118; *Воробьев М.В*., *Соколова Г.А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. – М.: Наука, 1976. – С. 7; *Вовин А.В*. К вопросу об этногенезе японцев // Народы Азии и Африки. – 1988. – № 4. – С. 90; *Левин М.Г*. Этническая антропология Японии. – М.: Наука, 1971. – С. 185; *Деопик Д.В., Крюков М.В*. Древнеяпонские государства. С. 396; *Лисовой Н.Н*. Сквозь века, традиции и стили // Искусство стран Востока. – М.: Просвещение, 1986. – С. 273, 274; *Арутюнов С.А*. К оценке роли миграций в древней истории Японии. С. 63-64; *Лаптев С.В*. Контакты древнего населения Японии… С. 56.

[3] *Тихонов В.М*. История каяских протогосударств (вторая половина V в. – 562 г.). – М.: Вост.

были на **западное** и **южное побережье Кореи**, а отсюда – далее в Японию.[1]

и. Термин «*дà-фý*» (яп. *дайбу* – досл. “великий муж”)[2] в Китае обозначал сановника[3], а в период Хань ещё и главу «*ù*» (т.е. *главу* «города, поселения, деревни; уезда, района; владения подданного»[4]) – термин, который переводят как «начальник уезда».[5]

к. В разделах о японцах, китайские хроники начинают свой рассказ с событий правления **Шао-кана**[6], шестого вождя (кит. *хòу*) из рода [династии] вождей предгосударственного образования (“вождества”, англ. *chiefdom*) Ся[7] (XXI–XVI вв. до н.э.), возникшего в среднем течении реки Хуанхэ и реки Вэйхэ.[8] Китайский исследователь Сюй Сюэ-шэн в 50-е гг. XX века, систематизировав упоминания о событиях периода Ся, содержащиеся в таких древнекитайских памятниках, как «Цзо-чжуань», «Го-юй» и «Чжу-шу цзи-нянь», попытался определить район, к которому относятся эти свидетельства. Выяснилось, что таких районов, собственно говоря, два. Первый – равнина близ Лояна в Хэнани (включая долину реки Иншуй, а также Дэнфэн и Юйсянь), второй – примыкающая с севера юго-западная часть провинции Шаньси.[9] Археологические исследования, проводимые в Китае с 50-х гг. XX века, сделали очевидным, что период Ся, изложение которого у Сыма Цяня по своему характеру весьма близко к Инь (и существенно отличается от эпохи “пяти *ди*”), не может быть мифом. Достаточно вспомнить, что «Ши-цзи» дают нам подробное генеалогическое древо правителей Ся, а аналогичные сведения об *инь*ских правителях полностью подтвердили эпиграфические памятники.[10] С данным *потестарным* образованием народа *ся* исследователи связывают позднеголитическую культуру Луньшань (龍山文化, конец III – начало II тыс. до н.э.; 2600–2000 гг. до н.э.[11]), появившейся в конце III тыс. до н.э. и пришедшей на смену неолитической культуре Яншао на всём протяжении сред-

---

лит. РАН, 1998. – С. 30.

[1] *Mizuno Yu*. Origins of the Japanese people. P. 64. См.: *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 52, 54.

[2] 大夫 яп. *дайбу*, кит. *дà-фý* – 1) мудрый (великий) муж... – См.: БКРС. Т. III. С. 626.

[3] *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). – М.: Наука, 1984. – Т. III. – С. 936; 大夫 кит. *dàfȳ* – 1) *устар.* дафу, сановник, чиновник, гражданский чин… – БКРС. Т. IV. С. 357; Т. III. С. 626.

[4] См.: БКРС. Т. IV. С. 357.

[5] 大夫 кит. *dà-fý* – …2) *ист*. начальник уезда (邑, *дин. Хань*). – БКРС. Т. III. С. 626.

[6] *Mizuno Yu*. Origins of the Japanese people. P. 16. О Шао-кане см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 87, 164, 277.

[7] 夏后 кит. *ся́ хòу* – …2) повелитель Ся (об императоре первой династии…); где 夏 кит. *ся́* – собств. 1) Ся (древнее название Китая); 2) Ся (…первая династия в Китае 2205-1786 гг. до н.э.)… – БКРС. Т. IV. С. 6.

[8] Подробнее см.: *Суровень Д.А*. К вопросу о династии Ся: сложное вождество в древнем Китае // Древний мир: история и археология: сб. науч. ст. / Отв. ред. Ф.А. Михайловский; сост. и общ. ред. Ю.В. Куликова. – М.: МПГУ, 2022. – С. 58-78; *Суровень Д.А*. Сложное вождество Ся в древнем Китае // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / Глав. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2022. – Вып. 18-й. – С. 456-722.

[9] *Крюков М.В*., *Софронов М.В*., *Чебоксаров Н.Н*. Древние китайцы: проблемы этногенеза. С. 153.

[10] Там же. С. 154.

[11] *Demattè Paola*. Longshan-era urbanism: The role of cities in Predynastic China // Asian Perspectives. – University of Hawai’i Press, 1999, fall. – Vol. 38. – No. 2. – P. 120; см.: *Васильев Л.С*. Древний Китай: в 3-х тт. – М.: Вост. лит., 1995. – Т. I. – С. 131, 136.

него и нижнего течения реки Хуанхэ.[1] В свою очередь, культура Луншань легла в основу культуры *Эрлитоу* (二里頭文化, XX / XIX–XVII вв. до н.э.), возникшей на базе хэнаньского Луншаня, возможно, также и под влиянием шаньдунского Луншаня.[2] В связи с этим, учёные высказали предположение, что Эрлитоу – это как раз и есть то связующее звено, которое должно соединить реальную историческую эпоху Инь с полулегендарной эпохой Ся.[3] Четыре археологических слоя городища Эрлитоу полностью покрывают период династии Ся и даже немного – раннего Инь (Шан).[4] Ныне исследователи отождествляют поселения периода Ся 夏 (ок. XXI–XVII / XVI вв. до н.э.[5]) с городищами раннебронзовой археологической культуры Эрлитоу (XX / XIX–XVII вв. до н.э.[6]), возникшей в среднем течении реки Хуанхэ.[7]

---

[1] История Китая с древнейших времён до наших дней. – М.: ГРВЛ, 1974. – С. 9; см.: *Крюков М.В.*, *Софронов М.В.*, *Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. С. 152, 153.

[2] *Schinz Alfred*. The magic square: cities in ancient China. – Stuttgart: Axel Menges, 1996. – P. 27; *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 39; см.: *Блюмхен С.И.* «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня // История и современность. – 2007, март. – № 1. – С. 139; *Campbell Roderick B.* Archaeology of the Chinese Bronze Age: from Erlitou to Anyang. – Los Angeles: University of California, The Cotsen Institute of Archaeology Press, 2014. – P. 19; *Chang K.C.* Sandai archaeology and the formation of states in ancient China: processual aspects of the origins of Chinese civilization // The origins of Chinese civilization / Ed. by D.N. Keightley. – Berkley–Los Angeles–London: University of California Press, 1983. – P. 504, 506.

[3] *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. – М.: Наука, 1976. – С. 304.

[4] *Schinz A*. The magic square: cities in ancient China. P. 27; *Li Liu*, *Xingcan Chen*. The Archaeology of China: from the Late Paleolithic to the Early Bronze Age. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – P. 259.

[5] *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи): в 9-ти тт. / Пер. Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. – М.: Вост. лит., 2001. – Т. 1. – С. 252, прим. 1; *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. – М.: Наука, 1983. – С. 64; *Demattè P*. Longshan-era urbanism: The role of cities in Predynastic China. P. 119; *Блюмхен С.И.* «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня. С. 139.

[6] *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. I. С. 136; *Блюмхен С.И.* «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня. С. 139; *Блюмхен С.И.* Становление династии Ся и «Событие 4200BP» в свете исследований китайских и западных учёных. С. 70-88; *Мартыненко Н.П.* Загадка «династии Ся» и символика сельскохозяйственного цикла // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 6. – С. 124-135; *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. С. 304-305; *Fitzgerald-Huber L*. The Bo Capital and the Questions Concerning Xia and Early Shang // Early China. – 1988. – No. 13. – P. 52, 68, note 34; *Schinz A*. The magic square: cities in ancient China. P. 27; *Li Liu*, *Xingcan Chen*. The Archaeology of China. P. 254, 259-260, 266; *Allan Sarah*. Erlitou and the Formation of Chinese Civilization: Toward a New Paradigm // The Journal of Asian Studies. – 2007. – No. 66. – P. 485, 489; *Childs-Johnson Elizabeth*. Big Ding 鼎 and China Power: Divine authority and legitimacy // Asian perspectives. – 2012, Fall. – No. 51(2). – P. 170; *Campbell Roderick B.* Archaeology of the Chinese Bronze Age: from Erlitou to Anyang. – Los Angeles: University of California, The Cotsen Institute of Archaeology Press, 2014. – P. 17, 19, 59; *Chang K.C.* Sandai archaeology and the formation of states in ancient China. P. 505, 506.

[7] *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. I. С. 136; *Nivison David Shepherd.* The riddle of the Bamboo Annals (竹書紀年解謎). – Taipei: Airiti Press, 2009. – P. 69, 70; *Fitzgerald-Huber L*. The Bo Capital and the Questions Concerning Xia and Early Shang. p. 51; *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. С. 64, 82-83, 73-76; *Крюков М.В.*, *Софронов М.В.*, *Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. С. 153; *Блюмхен С.И.* «Жемчужное дерево» Хуан-ди и гибель городов Луншаня. С. 139; *Мартыненко Н.П.* Загадка «династии Ся» и символика сельскохозяйственного цикла. С. 124-135; *Li Liu*, *Hong Xu.* Rethinking Erlitou: legend, history and Chinese archaeology // Antiquity. 2007. – No. 81 (314). – P. 886; *Бокщанин А.А.*, *Непомнин О.Е.*, *Степугина Т.В.* История Ки-

Современные историки относят период «династии Ся» к эпохе разложения первобытнообщинного строя и зарождения первого классового общества.[1] Такое отождествление позволяет признать время «династии Ся» – конечным этапом *генезиса государства*.[2] Точных датировок, конечно, в данный период не существовало. Но, с учётом того, что это было шестое (из семнадцати) правлений вождей Ся, то можно приблизительно датировать время правления Шао-кана **началом XIX в. до н.э.** (новой хронологии).

Имя сына Шао-кана, получившего в управление земли Гуй-цзи в Юэ, в «Ши-цзи» не сохранилось, но упомянуто в «У Юэ чунь-цю». «У Юэ чунь-цю» цитируется в комментариях к «Ши-цзи», где названо имя этого сына – У-юй 無餘 , который был сыном Шао-кана от младшей жены.[3]

л. Из «Ши-цзи» известно, что сын Шао-кана (по «У Юэ чунь-цю»: У-юй 無餘) стал предком рода вождей народа *юэ*, живших на территории юго-восточного побережья Китая (в землях современной провинции Чжэцзян). В 41-м свитке «Ши-цзи» (раздел 11-й "Наследственный дом *юэ*ского *ван*а Гоу-цзяня") по этому поводу сказано: «*Ван* [государства] Юэ [по имени] Гоу-цзянь. Его предок – сын от младшей (второстепенной) жены (кит. *шӯ-цзы*) [правителя] Шао-кана – *хоу-ди* (государя–первопредка)[4] [из династии] Ся и при этом потомка [первопредка] Юя [основателя династии Ся]. [Этот сын] получил в управление земли (кит. *фэн*) в **Гуй-цзи**, чтобы иметь честь охранять культ [покойного] Юя.[5] [Сын Шао-кана и его люди–*юэ*сцы] татуировали тело [и] обрѐзали волосы на голове, раздвинули (кит. *пӣ*, *пэ̄й*) дикорастущие травы (кит. *цӑолáй*) и [построили] поселение–столицу (кит. *ù*)[6], [где жили]»[7] [Ши-цзи, св. 41-й, раздел 13-й]. «…[*Юэ*сцы] татуировали свои тела, стригли коротко свои волосы на голове, срезали

тая. – М.: Вост. лит., 2010. – С. 16; см.: *Васильев Л.С.* Древний Китай. Т. I. С. 143; *Allan S.* Erlitou and the Formation of Chinese Civilization. P. 475, 489.

[1] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1972. Т. I. С. 252; *Allan S.* Erlitou and the Formation of Chinese Civilization. P. 25.

[2] См: *Фань Вэнь-лань*. Древняя история Китая. С. 39-40.

[3] 「【正義】吳越春秋 云:『…封ㇾ**少康庶子 無餘** 於 越…』」– Ши-цзи 史記. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. – Т. X. – С. 3309, прим. 1; где 庶子 кит. *шӯ-цзы* – 1) сын младшей (второстепенной) жены… (БКРС. Т. IV. С. 924).

[4] 夏后帝 кит. *Ся хоу-ди* – досл. "государь (*хоу*) – первопредок (*ди*) [династии] Ся"; где 后 кит. *хòу* – …2)* государь, император, царь, князь... (БКРС. Т. II. С. 437-438); 帝 кит. *дù – сущ*. 1) император… монарх… (БКРС. Т. III. С. 307).

[5] С горой Гуйцзи связано немалое число легенд. Её считают местом захоронения легендарного Юя и местом, где он якобы занимался подсчетом *гуй* (заслуг *чжухоу*), где совещался с богами и т.п. (см. об этом также *Го-юй,* гл. 2) (*Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. Р.В. Вяткина. – М.: Наука, 1992. – Т. VI. – С. 283, прим. 2).

[6] 邑 кит. *ù – сущ*. 1) город, городское поселение; 2) *ист*. столица (*особенно*: *бывшая или без храма предков*); ср.: 夏(商)邑 столица дин. Ся (*или*: Шан); 3) поселение, населённый пункт; посёлок, деревня; 4) уезд; район, насёлённая местность; 5) *ист*. владение императора… место кормления; владение… (*Сыма Цянь*. Исторические записки, 1992. Т. VI. С. 357).

[7] 「越王 句踐。其先 禹之苗裔 而 夏后帝 少康之庶子 也、封ㇾ於 會稽、以 奉守ㇾ禹之祀。文ㇾ身、斷ㇾ髮、披ㇾ草萊 而 邑 焉。」– Ши-цзи 史記 (из серии "Эр ши сы ши цюань и" 二十四史全譯). Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. I. – С. 657.

тростник и устраивались жить в этих местах»[1] [Ши-цзи, гл. 41-я]. В заключительной, 130-й, главе «Ши-цзи» Сыма Цянь также связывает происхождение правителей *юэ*-сцев с Шао-каном (от его первого сына по имени У-юй 無餘 [2]) и подчёркивает дикие нравы жителей этого региона.[3] «Потомки (букв. сын[4] – *С.Д.*) Шао Кана полностью подчинили [народы на побережье] Южного моря.[5] [Люди там] покрывали тела татуировками, [коротко] обрезали волосы, мирно соседствовали с большими морскими черепахами[6] (или саламандрами [кит. *юáнь*][7] и морскими крокодилами [кит. *мó*][8] – *С.Д.*), издавна владели [горой] Фэнъюй[9], приносили жертвы Юю»[10] [Ши-цзи, гл. 130, [XLI]). В комментариях к «Ши-цзи» цитируется «У Юэ чунь-цю», где приведены похожие сведения о пожаловании в управление сыну от младшей жены Шао-кана земель народа *юэ* и почитании там Юя у горы Гуй-цзи в землях народа *юэ*, пожалованных в управление У-юю 無餘, сыну Шао-кана от младшей жены.[11] Таким образом, сын Ся-*хоу* Шао-кана по имени У-юй считался предком дома правителей народа *юэ* в

---

[1] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1992. Т. VI. С. 16.

[2] Shao Kang // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Shaokang (accessed 28 May 2022).

[3] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 1992. С. 282, прим. 1.

[4] 「少康之子」– Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309; где 子 кит. *цзы – сущ.* 1) сын; 2) *уст.* [ближайший] потомок, дитя; сын; дочь… (БКРС. Т. II. С. 1084).

[5] 南海 кит. *Наньхай* – досл. “Южное море” (Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309). Термин *Наньхай* имеет и более узкое географическое значение – согласно «Собранию карт по истории Китая», начиная с периода *Чжаньго*, так называли территорию, примерно совпадающую с восточной частью совр. пров. Гуандун. При Цинь здесь разместился одноимённый округ. Однако, несмотря на то, что на тех же картах в этом районе отмечено проживание *юэ*ских племён, ядро княжества Юэ, как известно, размещалось на территории совр. пров. Чжэцзян, довольно далеко от Гуандуна. Хотя Юэ было далеко от того, чтобы подчинить себе всё южное побережье, оно так или иначе занимало самую южную прибрежную часть китайской ойкумены. – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи) / Пер. А. Р. Вяткина. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. IX. – С. 524, прим. 136.

[6] 「**黿鼉**與處」– Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309.

[7] 黿 кит. *юáнь – сущ.* 1) *зоол*. Pelochelys bibroni (*крупная морская черепаха*); 2) * ящерица (БКРС. Т. IV. С. 372) – *вм.* 鼋 кит. *юáнь* – 1) большая мягкотелая черепаха Кантора (*лат. Pelochelys cantorii*); 2) саламандра; 蚖 кит. *юáнь – сущ.* саламандра (*один из видов*) (БКРС. Т. IV. С. 414). См.: (Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309, прим. 2). В комментарии к тексту «Ши-цзи» сказано: 「【索隱】…[黿] 元…音。】」«[В] “Со-инь” [говорится]: … произношение [иероглифа 黿 звучит как] …*юáнь*» (Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309, прим. 2).

[8] В комментарии к тексту «Ши-цзи» сказано: 「【索隱】…鱓、…鼉 [*мó*]…音。」«[В] “Со-инь” [говорится]: … произношение [иероглифа] 鱓 [звучит как] …鼉 [*мó*]» (Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309, прим. 2); где 鱓 кит. *шàнь*, *мó – сущ.* 1) *шàнь вм.* 鳝 (*угорь*); 2) *мó вм.* 鼉 (*крокодил*) (БКРС. Т. II. С. 910); где 鼉 кит. *мó* – китайский аллигатор (*Alligator sinensis*), крокодил (БКРС. Т. IV. С. 371).

[9] Сюй Гуан поясняет, что эта гора находилась на юге уезда Укан「【集解】徐廣 曰:「封禺山 在武康縣南。」(в 40 *км* к северо-западу от совр. города Ханчжоу). – *Сыма Цянь*. Исторические записки, 2010. Т. IX. С. 524, прим. 137; Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3310, прим. 3.

[10] *Сыма Цянь*. Исторические записки, 2010. Т. IX. С. 330;「少康之子、實窴南海、文身斷髮、**黿鼉**與處、既守 封禺、奉禹之祀。」– Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309.

[11] 「【正義】吳越春秋 云:『啟使歲時 祭ㄏ禹 於 越、立ㄏ宗廟 南山之上、封ㄏ**少康庶子 無餘** 於 越、使祠 禹、至ㄏ句踐 遷都 山陰, 立ㄏ禹廟 為ㄏ始祖廟、越亡 遂廢 也。』案: 今 禹廟 在 會稽山下。」– Ши-цзи, 1959. Т. X. С. 3309, прим. 1.

области Гуй-цзи, которая стала центром культа Великого Юя.[1]

Китайцы упоминают сына Шао-кана в связи с тем, что японцы *вожэнь* имели такие же обычаи, что и народ *юэ* из местности **Гуй-цзи**.[2] После фразы о том, что сын Ся-*хоу* Шао-кана и его люди обрезали волосы и татуировали тело, в источниках говорится: «[И] ныне японские (*во*) пловцы любят, нырнув, ловить рыб и устриц. Разрисовка тела (кит. *вэ́ньшэ̄нь* – татуировка на теле – *С.Д.*) служила для отпугивания больших рыб и водных животных, потом постепенно стали считать её украшением. Разрисовка тела в разных владениях различается, то левая, то правая, то крупная, то мелкая. Почётные и низкие также имеют различия»[3] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. И «теперь японцы любят нырять, ловить рыбу. Также разрисовывают (кит. *вэ́ньшэ̄нь* – татуируют – *С.Д.*) тело, чтобы отвратить морских животных»[4] [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь]. Исследователи обращают внимание на то, что обычай татуировать лицо и тело – обычай южных народов (прежде всего, *юэ*[5]). Составитель «Саньго-чжи» Чэнь Шоу явно рассматривал народ *во* как народ южного происхождения.[6]

Культура *яёй* в Японии характеризовалась наличием у *вожэнь* ритуальных бронзовых колоколов *до̄таку*. С.В. Лаптев отмечает, что во второй половине II тыс. до н.э. бронзовый колокол (колокольчик) являлся важным ритуальным предметом для Южного Китая в целом, и он преобладает в материалах из бронзы, обнаруженных в провинции Фуцзянь. Позднее важным религиозным символом становится бронзовый барабан, но происходит это только в донгшонский период (VIII–I вв. до н.э.).[7] Характерной чертой материальной культуры *юэ* были бронзовые барабаны, использовавшиеся при совершении религиозных церемоний [аналогичными культовыми предметами у *вожэнь* являлись бронзовые колокола *до̄таку*].[8] Изображения на этих барабанах позволяют установить, что жили *юэ* в свайных постройках [сходные изображения имеются на колоколах *до̄таку* в Японии]. По свидетельству источников, *юэ* обитали в зарослях бамбука по речным долинам в нижнем и среднем течении реки Янцзы, предпочитали воевать с использованием лодок, коротко стригли волосы и татуировали тело [как *вожэнь*].[9] Обнаруженное исследователями сходство материальной культуры

---

[1] См.: Шань хай цзин // Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Пер. Э.М. Яншиной. 2-е изд., испр. – М.: Наталис, 2004. – С. 271, прим. 13.

[2] См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. С. 58.

[3] *Кюнер Н. В.* Китайские известия… С. 245;「今 倭水人 好沈沒捕 魚蛤、文身 亦 以厭 大魚・水禽、後稍 以爲〻飾。諸國文身 各 異、或左 或右、或大 或小、尊卑 有〻差。」– Саньго-чжи, 1959. С. 855; Саньго-чжи, 1971. С. 855; *Ван Ю.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 53; *Цай Ф.* У Юэ вэньхуа-дэ юэ-хайдун-чжуань юй любу. С. 55.

[4] *Кюнер Н. В.* Китайские известия… С. 256;「今 倭人 好沈沒 取 魚、亦 文身 以厭 水禽。」– Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2535; Цзинь-шу, 2004. С. 2173; где 水禽 кит. *шуйцю́нь* – водоплавающая птица (БКРС. Т. III. С. 808); 禽 кит. *цю́нь* – 1) птицы… 2) птицы и звери… животные… (БКРС. Т. III. С. 334).

[5] *Ван Ю.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 54.

[6] См.: Бункэн-ва катару – Тюгоку-кокуси, соно 3 文献は語る – 中国国史・その 3 // URL: http://www.inoues.net/yamahonpen3-5-2.html (дата обращения: 22.05.2022).

[7] *Лаптев С.В.* Происхождение и развитие культуры *Учэн*. С. 96, 95.

[8] См.: *Лаптев С.В.* Контакты древнего населения Японии … С. 67-68.

[9] См.: *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 60, 62, 63; *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. – М.: Наука, 1974. – С. 25-29; История народов Восточной и Центральной Азии, 1986. С. 32; *Лаптев С.В.* Контакты древнего населения Японии… С. 66-67; *Решетов А.М.* Проблемы этно-

южно-китайского народа *юэ* и японского народа *вожэнь* может указывать на миграцию какой-то этнической группы народа *юэ* из Цзян-нани в Японию.[1]

м. Топонимы в низовьях реки Янцзы.

н. Местные лошади Юго-Восточной Азии и Японских островов, несомненно, происходили от китайских местных лошадей. Китайские лошади классифицируются на два типа с разным размером тела: монгольский конь и юго-западный горный пони. Возможно, что юго-западный горный пони является лишь карликовым типом монгольского коня, который был выведен для использования в горной местности.[2] Низкорослые лошади, выращенные в регионе Юго-Восточной Азии, по-видимому, произошли из популяции китайского юго-западного горного пони.[3]

Местные лошади, выращенные в Корее и Японии, как считают учёные, в основном происходили от монгольской лошади. Селекционная история местных лошадей острова Чеджу (в юго-западной Корее) предполагает такой вывод.[4]

Останки лошадей были раскопаны на памятниках как периода *дзёмон*, так и периода *яёй* в Японии в 75 местах на пространстве от Хоккайдо до Окинавы, и есть образцы периода раннего *дзёмон*, но много образцов эпохи от периода позднего *дзёмон* до периода *яёй*.[5] Учёные исследовали останки этих древних лошадей. Они оценили размер лошадей по костям конечностей, раскопанным на нескольких археологических памятниках. В японской префектуре Кагосима были раскопаны кости низкорослых лошадей (периода позднего *дзёмон*а), по оценкам учёных, ростом в 115 *см*, весом менее 200 *кг*. Найдены кости лошадей среднего размера ростом 130 *см* и весом в 280 *кг* на стоянках в Хираи (префектура Айти, поздний *дзёмон*) и Камои (Канагава, период *яёй*). Таким образом, древних японских лошадей было два типа: низкорослые и средних размеров. Но примечательно, что низкорослых лошадей раскопали на археологических памятниках *дзёмон*, а мелких и средних лошадей – из руин после периода *яёй*.[6]

Обоснованность гипотезы о том, что низкорослые лошади в островов Окинава и Амами в Японии произошли от китайского юго-западного горного пони – исследователями считается сомнительной, потому что эта гипотеза была основана на предположении что лошади появились на японских островах (включая юго-западные острова японского архипелага, а именно – Окинаву и цепь островов Амами) с периода *дзёмон*.[7] Возможно, как мы полагаем, низкорослые лошади попали на острова Амами и Окинава – и далее в юго-западную Японию из Юго-Восточной Азии, т.к. исследователи указывают, что небольшие по размеру местные лошади на юго-западных островах Японии – считаются низкорослым типом японских местных лошадей, которые из-

---

графии древних *юэ* в отечественной науке // Этносы и этнические процессы. – М.: Вост. лит., 1993. – С. 39.

[1] См: *Ван Ю*. У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 46, 54.

[2] *Нидзава Кэн* 野澤 謙 (*Nizawa Ken*). Tōa to Ниппон-дзайрай-ба-но кигэн то кэйтō 東亜と日本在来馬の起源と系統 (Origin and ancestry of native horses in Eastern Asia and Japan) // Japanese Journal of Equine Science. – 1992. – No. 3 (1). – С. 1, 4, 15; С. 4, рис. 2.

[3] Там же. С. 1, 6-7, 15.

[4] Там же. С. 1, 6, 7, 15.

[5] Там же. С. 9.

[6] Там же. С. 9.

[7] *Нидзава К*. Tōa to Ниппон-дзайрай-ба-но кигэн то кэйтō. С. 1, 8-9, 15.

начально происходили с материка.[1] Таким образом, исследователи пришли к выводу, что в Японии низкорослые лошади с континента попали в период двух волн переселения – сначала через юго-западные острова, а затем через Корейский полуостров.[2]

Нет никаких признаков появления конных боевых колесниц в Японии. Династия Инь в Китае использовала боевые колесницы примерно до 1100 г. до н.э., а кавалерия появилась там впервые в 500 г. до н.э. в эпоху от периода Западного Чжоу до периода Чуньцю, заменив боевые колесницы. Поэтому временем прибытия лошадей из Китая в Японию считается период уже после этих годов.[3]

Другими словами, большинство обнаруженных на сегодняшний день костей лошадей, которые можно достоверно проверить, относятся к периоду *кофуна* или более позднему. Кроме того, из замеров вскрытых костей лошадей – высота коней в холке оценивается от минимум 109 *см* и до максимум 139 *см*, при среднем значении 126,4 *см*. А низкорослые лошади, как правило, относятся к более старым косным останкам.[4]

Находки конской сбруи и глиняных фигур *ханива* в виде лошадей относятся исключительно к периоду *кофун*.[5] Именно после начала периода *кофун* разведение лошадей может быть подтверждено в древнеяпонских исторических документах.[6] Поэтому последние археологические раскопки показывают, что коневодство (как отрасль хозяйства) началось в Японии в период *кофун*. Если это так, то более правильно считать, что лошади монгольского типа были впервые привезены в Японию в период *кофун* через Корейский полуостров.[7]

В 1989-1991 годах Ниси Накагава и его помощники по исследованиям предприняли попытку перечислить все случаи обнаружения при раскопках костей лошадей, *ханива* и глиняных фигурок в виде коней из древних стоянок во всей Японии. Общее количество останков, выкопанных с лошадиными костями, составляет 587, из которых 229 находятся в регионе Кантō (т.е. в восточной Японии). Из этого общего числа – **57** периода *дзёмон*, **34** – периода *яёй*, 110 – периода *кофун*, остальные 386 – периода Нара.[8]

о. Погребальный обряд *вожэнь*: «Покойника держат (незахороненным – *С.Д.*) более десяти дней. Домашние плачут по нём. Не подают ни вина, ни пищи, а увеселяются песнями и плясками»[9] (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII. Япония]. Во фразе «покойника держат незахороненным (кит. *ти́н са̀н* – досл. “готовят (тело) к положению в гроб, соблюдая траурный обряд”[10]) более десяти дней» речь идёт о *мо-*

---

[1] См.: *Нидзава К.* Tōa to Ниппон-дзайрай-ба-но кигэн то кэйтō. С. 1, 6-7, 7-8, 14, 15.
[2] Там же. С. 10.
[3] Там же. С. 10.
[4] Там же. С. 14.
[5] См.: *Нидзава К.* Tōa to Ниппон-дзайрай-ба-но кигэн то кэйтō. С. 14.
[6] *Нидзава К.* Tōa to Ниппон-дзайрай-ба-но кигэн то кэйтō. С. 10.
[7] Там же. С. 1, 7, 13. См. также: *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. С. 60.
[8] *Нидзава К.* Tōa to Ниппон-дзайрай-ба-но кигэн то кэйтō. С. 14.
[9] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 35; 「其死 停喪 十餘日、家人 哭泣、不進 酒食 而等類、就 歌舞、爲ㇾ樂。」 – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.
[10] 「停喪」 кит. *ти́н са̀н* – досл. “готовят (тело) к положению в гроб, соблюдая траурный обряд”; где 停 кит. *ти́н* – *…гл.* Б. … 3) *рит.* приготовить (*тело*) к положению в гроб … (БКРС. Т. II. С. 1044); 喪 кит. *са̀н* – *гл.* А. 1) справлять траур… соблюдать траурный обряд… *са̄н* – *сущ.* траур; похороны… 2)* гроб с телом покойника… (БКРС. Т. III. С. 853).

гари – обряде временного захоронения.[1] О дальнейших действиях сказано в «Вэй-чжи»: «После смерти прекращают траур через 10 с лишком дней. В это время не едят мяса. Когда глава, [распоряжающийся] трауром (кит. *сāнчжӯ* – главный распорядитель на похоронах[2] – *С.Д.*), проливает слезы, остальные тотчас поют и пляшут, пьют вино. После погребения всей семьей идут в воду и омываются, как бы упражняются в мытье»[3] (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 25 б, 7]. «В начале траура плачут, не едят мясного. После погребения вся семья входит в воду, омывается и очищает себя, чтобы отстранить несчастье»[4] (пер. Н.В. Кюнера) [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь]. Здесь, в конце разделов, описан обряд, похожий на обряд *ō-хараи* (“великого очищения”) в *синтō*.

п. О гадании источники сообщают следующее: «Ворожат по сжигаемым костям, и решают благополучие и неблагополучие»[5] (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII. Япония]. «Их обычаи: когда начинают дело, уезжают или приезжают, имеют что-нибудь сказанное или сделанное, тотчас обжигают кость, чтобы гадать о счастье или несчастье. Сперва говорят, о чём гадают. Их слова точно приказывают образцу [панцирю] черепахи, затем, посмотрев трещины от огня, предсказывают»[6] (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 а, 6-8]. «[В] государстве Во, [когда начинают] большое дело, то тут же обжигают кость, чтобы гадать (кит. *бӯ*)[7]; сначала приказывают (кит. *сāнь-лӣн*)[8] подобно чжунчжоускому (*хэнань*скому) приказу [при] гадании на черепашьем панцире (кит. *лӣн-гӯй*)[9];

---

[1] Подробнее см.: *Бакшеев Е.С.* Древнейшие истоки погребального обряда *могари* по археологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии. – М.: ИВ РАН – «Крафт+», 2001. – С. 7-25; *Бакшеев Е.С.* Ритуальная система обряда *могари* // Человек и духовная культура Востока. Вып. II. – М.: Огни, 2003. – С. 147-172.

[2] 喪主 кит. *сāнчжӯ* – главный распорядитель на похоронах (*обычно старший сын или старший внук умершего*). – БКРС. Т. III. С. 853.

[3] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 246;「始死 停喪 十餘日、當時 不食ㇾ肉、喪主哭泣、他人 就歌 舞 飲 酒。」– Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 855.

[4] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 256; 「初喪、哭泣、不食ㇾ肉。已葬、舉家 入 水、澡浴 自潔、以除 不祥。」– Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2536.

[5] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 35;「其死 停喪 十餘日、家人 哭泣、不進 酒食 而等類、就 歌舞、爲 樂。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

[6] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 246;「其俗: 舉 事、行來、有ㇾ所 云爲、輒 灼骨 而 卜、以占吉凶、先告 所卜、其 辭 如令 龜 法、視ㇾ火坼、占兆。」– Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 856; см.: *Мицуки Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59.

[7] 卜 кит. *бӯ* – *гл.* 1) гадать на панцире черепахи; гадать [о, по, на]; 2) предсказывать, предрекать; *сущ.* – гадание (*особенно*: *на панцире черепахи*). – БКРС. Т. II. С. 710.

[8]「先令」кит. *сāнь-лӣн* – досл. “сначала приказывают”; (*тж.* предсмертный наказ, завещание. – БКРС. Т. IV. С. 432).

[9]「令龜」кит. *лӣн=гӯй*; где 令 кит. *лӣн* – 1) приказ, предписание, указание… *гл.* 1) приказывать… (БКРС. Т. II. С. 753); 龜 *сокр. вм.* 龜 кит. *гӯй* – *сущ.* 1) *зоол.* пресноводная черепаха (*Clemmys chinensis*)… 7) черепаха-оракул, гадание на черепашьем панцире… 龜 кит. *цзӣонь* – *гл.* потрескаться, пойти трещинами… (БКРС. Т. IV. С. 402, 372).

[а затем] присматривают, как трескается (кит. *чэ̀*)[1] (или: разламывается – кит. *чāй* [2]) [кость] – гадая: будет удача или несчастье»[3] [«Вэй-люэ» в «Бэй-ху (цза)лу, цзи-луань-бу»]. «Когда начинают большое дело, то сразу прижигают кость, чтобы погадать, счастлив или неблагополучен будет исход»[4] (пер. Н.В. Кюнера) [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь].

р. О календарной системе японцев ю г о - в о с т о ч н о й Я п о н и и I–III в в. в древнекитайском источнике «Вэй-люэ», цитируемом в «Вэй-чжи», сказано: «*В* “*Вэй-лио*” (Вэй-люэ – *С.Д.*) *говорится*: “По их обычаю **не знают правильного года**, **четырёх времён года**”. **Записи ведут** только по **весенней пахоте** и **осенней жатве**»[5] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «По их обычаям **не знают правильного года** (кит. *чжэ̀н-сю̀й* – досл. “первого месяца года”[6]) [из/и] **четырёх сезонов**, только исчисляют (вар.: **записывают**[7])[8] **весеннюю пахоту** [и] **осенний сбор** (**урожая**) **для счёта годов** (для исчисления возраста) [кит. *ня́нь цзѝ*][9] (делая **годичные** записи)...»[10] [Вэйчжи, вожэнь-чжуань, цз. 30, л. 26 а, 8-9; фрагмент Вэй-люэ]. В словаре «Цзинь-дянь» приве-

---

[1] 坼 кит. *чэ̀ – гл.* 1) лопаться, трескаться… *сущ.* трещина… (БКРС. Т. II. С. 742).

[2] 拆 кит. *чāй – гл.* 1)… разламывать, ломать; разрушать… – Там же.

[3] 北戸(雑)録卜:「倭國 大事、輒 灼骨 以占、先令、如ㇾ中州令亀、視 坼(拆)、占ㇾ吉凶 也。」– Цит. по: *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 16; *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 59-60; см.: Дзусэ-цу нихон сёмин сэйкацу-си 図説日本庶民生活史. – Токио 東京: Кавадэ-сёбō-синся 河出書房新社, 1962. – Т. I. – С. 88.

[4] *Кюнер Н.В*. Китайские известия… С. 256;「其擧 大事、輒 灼骨 以占 吉凶。」– Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2536.

[5] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 246.

[6] 正歳 кит. *чжэ̀н-сю̀й* – *первый месяц года (*при дин*. Ся*; *соответствует третьему месяцу по лунному календарю*). – БКРС. Т. II. С. 227; 歳 кит. *сю̀й* – 1) год... 4) новый год, новогодний рубеж... *собств*. 1) *кит*. *астр*. Суй, планета Юпитер... – БКРС. Т. IV. С. 252.

[7] 記 кит. *цзѝ – гл.* 1) сохранять в памяти... 2) отмечать, записывать, делать заметки; протоколировать; подробно излагать, описывать; *сущ.* 1) запись; сочинение; документ; официальная бумага, доклад; 2) *лит*. записки; летопись... – БКРС. Т. IV. С. 335.

[8] В одном из списков «Вэй-люэ» вместо иероглифа 計 кит. *цзѝ* – “исчислять” употреблён иероглиф 記 кит. *цзѝ* – “записывать”:「…但 **記**ㇾ春耕秋収、爲ㇾ年紀。」(цит. по: *Мицуки Т*. “Тайхэй-го-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 60); в этом случае перевод получится: «[По] их обычаям не знают правильного года (или: первого месяца года – кит. *чжэ̀н-сю̀й*) [и/из] четырех сезонов, только з а п и с ы в а ю т (делают заметки) [по] весенней пахоте [и] осеннему сбору (урожая); [а также] делают годичные записи».

[9] 年紀 кит. *ня́ньцзѝ* – возраст, летà; кит. *ня́ньцзѝʹ* – с ч ё т г о д о в , г о д ы ; где 年 кит. *нянь – сущ.* 1) год (*как календарная единица*)*;* годичный; ежегодный; 2) год (*как отрезок времени*)*;* годовой; 3) возраст, год, годы, лета; 4) Новый год, новогодний; 5)* урожайный год, у р о ж а й … (БКРС. Т. II. С. 892, 891); 紀 кит. *цзѝ*, *цзӣ – сущ.* …3) з а п и с и , з а м е т к и ; п о в е с т в о в а н и е ; *лит.* л е т о п и с ь д е я н и й , а н н а л ы , х р о н и к а (*правления императоров*); 4) * и с т о ч н и к и л е т о с ч и с л е н и я ; г о д ы , в о з р а с т … (БКРС. Т. IV. С. 338).

[10]「魏略 曰ㇾ其俗 不知ㇾ正歳四節、但 **計**ㇾ春耕秋収、爲ㇾ年紀。」– Саньго-чжи 三國志 (из серии “Эр ши сы ши” 二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. – Т. III. – С. 856, прим. 1; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856, прим. 1; Саньго-чжи, 1999. С. 634, прим. 1; также цит. по: *Хасимото М.* Тōē-си-дзē-ёри митару нихон дзē-ко-си кэнкю̄, 1956. С. 13; *Мицуки Т*. “Тайхэй-го-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэй- чжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 60; *Мори К*. Нихон синси. С. 115; *Воробьев М.В*. Япония в III-VII веках. С. 100, 226; ср.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 246.

дены схожие сведения: «[По] их обычаям не знают правильного года (кит. *чжэ̀н-сӯй*) [из] четырёх времён [года]. Только **записывают весеннюю пахоту** [и] **осенний сбор** (урожая) **для счёта годов** (для исчисления возраста) [кит. *ня̀ньцзѝ*] (делая **годичные** записи)».[1] «Лян-шу», говоря о периоде I–III веков, также сообщает: «[По их] обычаям **не знают правильного года** (кит. *чжэ̀н-сӯй*)»[2] (досл. "первого месяца года")[3] [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48; *чжу-и*, *дунъи*, Во].

То есть у японцев в юго-западной Японии (на Кюсю) в III веке существовала какая-то самостоятельная, отличная от китайской, календарная система, основанная не на четырёх сезонах, а **на двух периодах** (зимний – летний, с весны до осени и с осени до весны). **Двухсезонность** данного календаря определялась климатическими условиями юго-западной Японии с её мягким влажным субтропическим климатом с почти круглогодичным вегетационным периодом (220-280 дней и более) и отсутствием выраженных четырёх сезонов[4] (в отличие от центрального Хонсю). Мягкий климат делал возможным сбор урожая **дважды в год**: «Климат мягкий.[5] Зимой и летом родятся овощи и зелень[6]»[7] [Хоу-хань-шу, Описание Восточных иноземцев, раздел Во]. «Климат тёплый. Зимою и летом растёт всякий овощ»[8] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII]. В связи с этим, в юго-западной Японии был особый календарь, отличный от календарной системы центральной Японии. По мнению Мотоори Норинага, это был в крайней степени простой чисто **японский** способ летосчисления.[9] Как можно предполагать, исходя из описания японского календаря III века в древнекитайских источниках, он мог быть "вечным" календарём "вёсен и осеней" (яп. *сюндзю̄-нага-рэки*[10]), следы которого, по мнению исследователей, прослеживаются в «Нихон-сёки».[11]

В связи с этим, начале XX века Вильям Брамсэн высказал идею, что до правления Нинтоку (государя *Ō-садзаки*) [**до начала III века** традиционной хронологии] летосчисление велось солнечными **полугодиями** (от равноденствия до равноденствия).[12]

---

[1] 「不知ㇾ正歲正歲四節、但 **記**ㇾ春耕秋收、爲ㇾ年紀。」– Цит. по: *Хасимото М.* Указ. соч. С. 13.

[2] 「俗 不知ㇾ正歲。」– Лян-шу, 2004. С. 730; Лян-шу, Во-го 梁書 倭國 // URL: http://inoues.net/yamahonpen4.html (дата обращения: 08.08.2016).

[3] 正歲 кит. *чжэ̀н-сӯй* – *первый месяц года – см. выше.

[4] Современная Япония: справочник. – М.: Наука, 1968. – С. 10.

[5] 溫 **腰**[暾](燉) кит. *вэ̄нь-нуӑнь*(*нӯнь*) – 1) тёплый, мягкий (*напр. о климате*). – См.: БКРС. Т. II. С. 287.

[6] 菜茹 кит. *цà̆й-жӯ* – овощи, зелень… – БКРС. Т. III. С. 736.

[7] Цит. по: *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках нашей эры // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сб. воспоминаний и науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 215; 「氣 溫暾、冬夏生ㇾ菜茹。」– Хоу-хань-шу 後漢書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1965. – Т. X. – С. 2820-2821; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706.

[8] Цит. по: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 34.

[9] *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 114.

[10] 春秋長暦 яп. *сюндзю̄-нага-рэки*; где 長暦 яп. *нага-рэки*, кит. *чá̆н-лѝ* – вечный календарь (*особенно*: *определяющий сроки новолуний на века вперед*). – БКРС. Т. III. С. 864.

[11] См.: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 157.

[12] *Bramsen W.* Japanese Chronological Tables... P. 81; *Ginzel F.K.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. – Leipzig: J.C. Hinrichs, 1906. – Band I. – S. 495.

Эту гипотезу о “годовых” полугодиях в конце XX – начале XXI веков поддержали члены научного общества Фурута Такэхико – прежде всего, сам Фурута Такэхико и, в частности, Кога Тацуя.[1] Подобные взгляды основывались на сообщениях китайских источников (в первую очередь, на цитате «Вэй-люэ» в «Вэй-чжи»)[2] о том, что японцы «...исчисляют (вар.: записывают[3])[4] **весеннюю пахоту** [и] **осенний сбор** (**урожая**) для **счёта годов** (кит. *ня́ньцзѝ*)...»[5] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, вожэнь, цз. 30-й, л. 26 а, 8-9, Вэй-люэ]; и на записи в словаре «Цзинь-дянь»: «Только записывают **весеннюю пахоту** [и] **осенний сбор** (**урожая**) для **счёта годов** (кит. *ня́нь-цзѝ*)».[6] Как можно предположить, исходя из цитат, ежегодные **записи вели по весне и осенью** – дважды за период солнечного года, поэтому “лет” получилось вдвое больше. Этим должна была быть объяснена растянутая хронология древнейшего периода, так как при счёте полугодиями количество исчисляемых периодов удваивалось. Таким способом исследователи пытались объяснить большое количество японских долгожителей, доживавших до 80, 90 и 100 лет, о которых говорилось в китайских источниках.[7] (см. комментарий «**т**»). Если это был счёт полугодиями, то получалось, что реальный возраст данных “долгожителей” – в два раза меньше (т.е. 40-45, 50 лет).[8] Гипотеза интересная, однако, далеко не все учёные приняли её. Ещё в 1906 году Фридрих К. Гинцель подверг сомнению подобную точку зрения.[9]

---

[1] См.: *Koga Tatsuya*. A study on the long lives described in the classic // Phoenix: The Journal of the International human observation society. – Higashi-Ōsaka: April 2007. – No. 1. – P. 11-12; *Кога Тацуя* 古賀 達也. Буцуда-но нибай-нэн-рэки (ч. 1-я) 仏陀の二倍年暦（前編） // Фурута сигаку-кайхō 古田史学会報. – 2002, август. – № 51 2002 年、8 月、8 日、51 号 // URL: http://www. furutasigaku.jp/jfuruta/kaihou51/koga51.html (дата обращения: 08.08. 2017); *Кога Тацуя* 古賀 達也. Буцуда-но нибай-нэн-рэки (ч. 2-я) 仏陀の二倍年暦（後編） // Фурута сигаку-кай- хō 古田史学会報. – 2002, август. – № 52 2002 年、10 月、1 日、52 号 // URL: http://www.furutasigaku.jp/jfuruta/kaihou52/ koga52.html (дата обращения: 08.08.2017); *Кога Тацуя* 古賀 達也. Нибай-нэн-рэки-но сэйкай 二倍年暦の世界 // Син-кодайгаку. Сб. 7-й. – 2004.『新・古代学』第7集、2004 年 // URL: http://www. furutasigaku.jp/jfuruta/sinkodai7/koga72ba.html (дата обращения: 08.08.2017); *Кога Тацуя* 古賀 達也. Сёку Нибай-нэн-рэки-но сэйкай 二倍年暦の世界 // Син-кодайгаку. Сб. 8-й. – 2005.『新・古代学』第 8 集、2005 年 // URL: http://www.furutasigaku.jp/jfuruta/sinkodai7/koga82ba.html (дата обращения: 08.08.2017).

[2] *Koga T*. A study on the long lives described in the classic. P. 11.

[3] 記 кит. *цзѝ – гл*. 1) сохранять в памяти... 2) отмечать, записывать, делать заметки; протоколировать; подробно излагать, описывать; *сущ.* 1) запись; сочинение; документ; официальная бумага, доклад; 2) *лит*. записки; летопись... – БКРС. Т. IV. С. 335.

[4] Цит. по: *Мицуки Т*. “Тайхэй-гё-ран (кит. Тайпин-юй-лань)”-сёин “Гиси-вакоку-дэн (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)”-ни цуйтэ. С. 60.

[5]「魏略 曰: 其俗 不知ㇾ正歳四節、但 計ㇾ春耕秋収、爲 年紀。」– Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; также цит. по: *Хасимото М.* Тōē-си-дзё-ёри митару нихон дзē-кō-си кэнкю̄, 1956. С. 13; *Мицуки Т*. “Тайхэй-гё-ран (кит. Тайпин-юй-лань)”-сёин “Гиси-вакоку-дэн (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)”-ни цуйтэ. С. 60; *Мори К*. Нихон синси. С. 115; *Воробьёв М.В*. Япония в III-VII веках. С. 100, 226; ср.: *Кюнер Н.В*. Китайские известия... С. 246.

[6]「不知ㇾ正歳正歳四節、但 記ㇾ春耕秋収、爲ㇾ年紀。」– Цит. по: *Хасимото М.* Указ. соч. С. 13.

[7] См.: *Koga T*. A study on the long lives described in the classic. P. 11, 12.

[8] *Koga T*. A study on the long lives described in the classic. P. 11, 12.

[9] *Ginzel F.K.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie. S. 495.

И это всё, что нам известно о системе летосчисления в древней Японии в период **Яматай** (I–III веков).

с. В **Ямато** в центральной Японии, в связи с более прохладным, чем на Кюсю, климатом, распространилась несколько **иная** *система летосчисления* (отличная от календарной системы юго-западной Японии), основанная на делении года **на четыре сезона** (чего в III веке на Кюсю, как видно из древнекитайских источников, не делали). Это определялось природными особенностями Центральной Японии, в которой климат (по сравнению с юго-западной Японией) более суровый и присутствует выраженная сезонность климатических циклов (весна, лето, осень, зима).

Возможно, уже о календаре государства Ямато как раз и говорится в более поздней китайской хронике «Цзинь-шу» («Истории Цзинь», 265-420), составление которой началось в период династии Южная Ци (479-501), а завершилось в начале династии Тан (618-907) в первой половине VII века.[1] «Цзинь-шу», в разделе "Во-*цзюань*", говорит: «Не знают правильного года [из/и] четырёх сезонов. Только **исчисляют** время **осеннего урожая**, чтобы **считать порядок лет**»[2] [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь]. «Не знают правильного года (кит. *чжэн-суй*) [из/и] четырёх сезонов. Только считают время **осеннего сбора** (урожая) для **счёта годов** (для исчисления возраста) [кит. *нянь цзи*]»[3] [Цзинь-шу, св. 97-й, ле-чжуань, 67, *сы-и*, *вожэнь*]. Здесь следует обратить внимание на то, что исчисление лет уже велось только **по осени** – по окончанию сбора урожая.

О некоторых особенностях данного календаря сообщают китайские династийные истории: японцы «ещё не знают начала года (букв. "правильного года")»[4] [Нань-ши, гл. 79, IV; Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*; Цзинь-шу, св. 97-й, ле-чжуань, 67, *сы-и*, *вожэнь*]. По мнению Н.Я. Бичурина, эта фраза означала, что начало года не было определено законом.[5] На наш взгляд, это говорило о том, что **начало года** у японцев сначала **не совпадало** с датой начала года у китайцев – так как китайское начало Нового года (кит. *чжэншо́* – "день новолуния в первом лунном месяце; первый день Нового года") приходилось на период конца зимы – начала весны, а началом собственно **древнеяпонского Нового года** считалось **зимнее солнцестояние**[6] (21-22 декабря) – т.е. день, когда "свет побеждал тьму" и начинался рост продолжительности дня.

В связи с этим, следует обратить внимание на исследования японского учёного

---

[1] Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. – М.: Наука, 1980. – С. 5; см.: Материалы по истории кочевых народов в Китае. – М.: Наука, 1992. – Т. III. – С. 5.

[2] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 256.

[3] 「不知ㇾ正歲正歲四節、但 計ㇾ春耕秋収、爲ㇾ年紀。」– Цзинь-шу, 1974. T. VIII. C. 2536; Цзинь-шу, 2004. T. IV. C. 2173; также цит. по: *Хасимото М.* Тōё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю, 1956. С. 13. Ср. с пер. Н.В. Кюнера. – *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 256.

[4] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 44;「俗 不知ㇾ正歲。」– Нань-ши 南史(из серии "Эр ши сы ши" 二十四史). – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975. – С. 1974; Нань-ши 南史 (из серии "Эр ши сы ши цюань и" 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 1673;「不知ㇾ正歲」– Цзинь-шу, 1974. С. 2536; Цзинь-шу, 2004. С. 2173; также цит. по: *Хасимото М.* Указ. соч. С. 13. Ср. с переводом Н.В. Кюнера. – *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 256.

[5] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 44, прим. 2.

[6] *Palmer Edwina*. Land of the Rising Sun. The predominant east-west axis among the early Japanese // Monumenta Nipponica. – 1991, spring. – Vol. 46. – No. 1. – P. 85.

Ōва Ивао, который внимательно проанализировал ориентацию древнейших могильных насыпей в курганной группе Мива (датированных 290-390 гг.).[1] Выяснилось, что курган государя *Мимаки* (Судзина) [по сути дела, фактически, **первого правителя** династии Мива] сориентирован на восход солнца над горой Юдзукига-*дакэ* в день зимнего солнцестояния (21 декабря, т.е. в день **японского** Нового года).[2] Группа Мива включает курган Исидзука – **самую старую могильную насыпь** в виде "замочной скважины" (яп. *дзэмпō-кōэн-фун* – досл. "спереди квадратный, сзади круглый курган") в Ямато. Ōва Ивао отмечает, что, судя по остаткам отверстия в земле на южной стороне "талии" кургана, на Исидзука было установлено нечто вроде столба. Линия наблюдения, идущая от круглой части насыпи, если смотреть через этот столб, вела к точке азимута, где солнце поднималось **над горой Мива при зимнем солнцестоянии** (собственно **древнеяпонском начале Нового года**).[3]

По некоторым данным, самым первым календарём в Ямато был "***календарь трёх небес***" (яп. *сан-тэн-рэки*).[4] В основу его исчисления были положены **день**, **месяц**, **год с четырьмя** земледельческими **сезонами** (весна, лето, осень, зима). Видимо, как считают учёные, этот календарь относился к категории ***лунных календарей***, дающих, как известно наибольшие расхождения между календарным и истинным временем.[5]

т. Во многих китайских династийных историях, рассказывающих о периоде I–III в., упоминаются долголетние японцы. «**Много стариков**, и очень многие живут **более ста лет**»[6] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII]. «Много долголетних (кит. *шòу-кăо*)[7], достигших **ста** [и] **более лет** очень много»[8] [Хоу-хань-шу, св. 115, ле-чжуань, 75, *дун-и*, Во; Хоу-хань-шу, св. 85, *дун-и* ле-чжуань, 75, Во]. «Их жители **долголетни** – **до 100**, либо **80-90 лет**»[9] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «Их люди – **долголетние**, одни – **ста лет**, другие – **80-90 лет**»[10] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, *вожэнь*, цз. 30, л. 26 а, 9-10]. «Среди жителей много **долголетних**, по **100 лет** или **80-90 лет**»[11] [Цзинь-шу, гл. 97,

---

[1] *Palmer E.* Op. cit. P. 84-85.
[2] *Palmer E.* Op. cit. P. 86.
[3] *Palmer E.* Land of the Rising Sun. P. 84-85.
[4] 三天暦 яп. *сан-тэн-рэки* – досл. "календарь трёх небес"; где 三天 яп. *сан-тэн*, кит. *сāнь-тя̄нь* – 1) три неба (а) *даос. см.* 三清; б) *будд. см.* 三界); 2) три дня; где 三清 кит. *сāнь-цīн* – *даос.* три чистых (а) *высших мира*: 玉清, 太清, 上清, *обиталища даосских божеств*; б) *верховные божества*: 元始天尊, 太上老君 *и* 太上道君 *или* 靈寶道君); 三界 кит. *сāнь-цзè* – 1) три сферы (*в знач.*: а) *небо*, *земля*, *люди*; б) *верх*, *середина*, *низ*); 2) три ступени; 3) *будд.* три категории, три ступени, три стадии [(*Trailoka*) развития сознательных существ…]. – БКРС. Т. II. С. 33, 32, 30.
[5] *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 226; *Воробьев М.В.*, *Соколова Г.А.* Очерки истории науки, техники и ремесла в Японии. С. 8; *Фельдман Н.И.* Японский календарь // Народы Азии и Африки. – 1970. – № 4. – С. 152.
[6] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 35.
[7] 寿考 кит. *шòу-кăо* – глубокая старость, долголетие; престарелый, долголетний, старый. – БКРС. Т. III. С. 22.
[8]「多**壽考**、至〻百余歲者 甚衆。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.
[9] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 247; см.: *Мори К.* Нихон синси. С. 260.
[10]「其人**壽考**、或百年 或八九十年。」– Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 1999. С. 634; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; см.: *Мори К.* Нихон синси. С. 260.
[11] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 256;「人多**壽** 百年 或八九十。」– Цзинь-шу, 1974. С. 2536;

вожэнь; Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и*, *дун-и*, *вожэнь*]. «[Среди *вожэнь*] много долголетних, много достигших **80-90 лет**, некоторые достигают **100-летнего возраста**»[1] [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, *чжу-и*]. «Много **долголетних**, доживающих до **80**, **90** и даже до **100 лет**»[2] [Нань-ши, гл. 79, IV Япония]. Если в это время в юго-западной Японии был счёт полугодиями (см. комментарий «**р**»), то получалось, что реальный возраст данных "долгожителей" – в д в а р а з а м е н ь ш е (т.е. 40-45, 50 лет).[3]

у. В I–III вв. н.э. существовала *большая семья* (яп. *ко* – "двор"), в которую входило несколько малых семей (яп. *монко*). В «Хоу-хань-шу» сказано: «Много девушек, и знатные имеют по четыре и по пяти жён, а другие по две и по три» [4] (перевод Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII, Во]. «[В] стране много девушек. *Да´жэ́нь* все имеют 4-5 жён, остальные [из] них – кто-то две, кто-то три [жены]»[5] [Хоу-хань-шу, св. 115, *дунъи*-ле-чжуань, 75, Во]. Причём, как указано в «Вэй-чжи», «по обычаю государственные вельможи (кит. *го́-да´жэ́нь*, др.-яп. *куни-но опо-бито*, совр.-яп. *куни-но о̄-бито* – большие люди владения[6] – *С.Д.*) все[7] имеют 4–5 жён[8], [некоторые] бедные дворы (кит. *ся̀ху´*, яп. *гэко* – букв. "низшие дворы" – *С.Д.*) – 2-3 жён».[9] Сказанное означает, что у японцев в I–III вв. н.э. существовала социальная *полигамия*. Исследователи обратили внимание на то, что оборот «большие люди владения», когда речь идёт о количестве жён, в тексте «Вэй-чжи» оформлен знаком «все» (кит. *цзе̄*), а бином «низшие дворы» (кит. *ся̀ху´*, яп. *гэко*) такого знака перед собой не имеет. В тексте использован иероглиф *хо̀* – «кто-то».[10] Последнее может указывать, что не все рядовые общинники имели двух-трёх жён, а только некоторые.[11]

Цзинь-шу, 2004. С. 2173.

[1] 「多**壽考、**多 至ㇾ八九十、或 至ㇾ百歲。」– Лян-шу, 2004. С. 730; цит. по: *Мори К.* Указ. соч. С. 260.

[2] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 44; 「多**壽考、**或 至ㇾ八九十、或百歲。」– Нань-ши, 1975. С. 1974; Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1673.

[3] *Koga T.* A study on the long lives described in the classic. P. 11, 12.

[4] См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35.

[5] 「國 多 女子、大人 **皆**有ㇾ四五妻、其余 或兩 或三。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

[6] 國大人 кит. *го́-да´жэ́нь*, яп. *куни-но о̄-бито* – большие люди *го́* (владения, *общины-государства*). – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; *Ямао Ю.* Нихон кодай о̄кэн-кэйсэй сирон. С. 130-131.

[7] 皆 яп. *мина*, кит. *цзе̄* – (*обобщающее слово, указывающее, что действие или свойство, обозначаемое сказуемым, в равной мере распространяется на все предметы, обозначенные подлежащим или подлежащими*) 1) все; весь, всё; везде; всегда, каждый раз; в равной степени (БКРС. Т. II. С. 607); употребляется постпозитивно: 民皆 весь народ; поэтому: 國大人皆 кит. *го́-да´жэ́нь цзе̄* – досл. «все великие люди владения» (Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547).

[8] 婦 кит. *фу̀* – замужняя женщина; жена; супруга (БКРС. Т. III. С. 304).

[9] 「國 多 女子、大人 **皆**有ㇾ四五妻、其余 或兩 或三。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

[10] 或 яп. *ару*, кит. *хо̀* – *местоим.* 1) некто; кто-то… – БКРС. Т. IV. С. 233.

[11] Ср.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 88; См.: *Маки Кэндзи* 牧 健二. Дай-ни-сан-сэйкини окэру вадзин-но сякай 第二・三世紀における倭人の社会 // Сирин 史林. – Киото 京都, 1962.

Японский исследователь Маки Кэндзи предлагает вариант толкования сведений о *полигамии* (в форме *полигинии* – многоженстве). Если судить по тексту «Вэй-чжи», среди древнеяпонской знати существовала определённая социальная иерархия. Можно выделить местную общинную знать – «больших людей» (главных) поселений (кит. *го́-ù*, яп. *коку-ю̄*[1]; или «уделов»[2]) и «больших людей» владений (кит. *го́*, яп. *кунѝ* – *общин–государств*). «Большие люди» владений – это члены рода правителей, ближайшее окружение правителя (кит. *ван*, др.-яп. *кими*), обладатели должностных званий. Они не включали в свои ряды «больших людей» поселений, или "уделов"[3] (китайский термин *ù* [яп. *ю̄*[4]] в биноме *го́-ù* [яп. *коку-ю̄*] обозначал *территориальные* общины в составе *общины–государства*, что, видимо, соответствовало собственно японскому понятию *сато̀* "сельский округ" [яп. *го̄* / *сато̀*[5]]). Маки Кэндзи предполагает, что в ситуации полигамных браков четырёх–пять жён имели «большие люди» владений, а двух-трёх жён среди *ся̀хэ̀ ́* (яп. *гэко*) имели «большие люди» селений[6] ("уделов", сельских округов, т.е. территориальных общин[7]).

Несмотря на победу патриархального начала в целом, в обществе древней Японии, в быту, существовали элементы *матрилокального* брака.[8] Хотя в эпоху раннего древнего общества положение, обеспечивавшее политическое господство, стало передаваться из поколения в поколение, наследование совершалось уже по отцовской линии, брак, как правило, совершался в форме *цумадои*.[9] Поэтому основной формой брака в среде знати являлся особый дислокальный и полигамный японский брак *цумадои* (др.-яп. *тумадови*)[10], при котором муж жил отдельно и периодически свободно посещал жену, сохраняя, по сути, раздельное проживание.[11] Муж и жена не вели совместного хозяйства. Дети от такой связи оставались с матерью, получая имя по матери. И счёт родства вёлся по материнской линии.[12]

– Т. 45. – № 2. – С. 17; *Саэки Юсэй* 佐伯 有精. Кодай кокка-но кэйсэй 古代国家の形成 // Нихон-рэкйси 日本歴史. – 1969, июль. – № 254. – С. 77.

[1] 國邑 кит. *го́-ù*, яп. *коку-ю̄* – досл. "(главное) поселение общины–*государства* (яп. *куни*)"; где 邑 яп. *ю̄*, кит. *ù* – *сущ.* 1) город, городское поселение… 3) поселение; населённый пункт; посёлок, деревня; 4) у е з д; р а й о н, населённая местность… 5) *ист.* владение… – БКРС. Т. IV. С. 357.

[2] Исследователи истолковывают термин *го-и* (яп. *коку-ю̄*) как "удел". – *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 89-90.

[3] См.: *Маки К.* Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 17.

[4] 邑 яп. *ю̄ / мура* – досл. "деревня, село". – См.: ЯРУСИ. С. 597; Японско-русский словарь. – М.: Русск.яз., 1984. – С. 384 (далее: ЯРС).

[5] См.: 郷 яп. *го̄* – 1) п р о в и н ц и я; 2) деревня, село; 3) в о л о с т ь (*в Китае*); 郷 яп. *сато* – родная деревня, родные места, родина; *иначе* 里 яп. *сато* – 1) деревня; сельская местность; 2) родная деревня, родина; *иначе* 郷. – См.: ЯРС. С. 118, 483; ЯРУСИ. С. 598, 602.

[6] См.: *Маки К.* Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 17.

[7] Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 184-186.

[8] См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 256.

[9] См.: *Иэнага С.* История японской культуры. С. 46.

[10] *Мещеряков А.Н.*, *Грачёв М.В.* История древней Японии. – СПб.: Гиперион, 2002. – С. 399.

[11] См.: *Иэнага С.* История японской культуры. С. 27; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 256.

[12] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 256; Нихон-сёки: Анналы Японии / Пер. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперион, 1997. – Т. I. – С. 441, прим. 4; *Иэнага С.* История японской культуры. С. 46.

Рядовые общинники и неполноправные свободные, судя по всему, проживали *патрилокальными* семьями (жёны переходили жить в дом мужа; здесь же проживали дети, рождённые от данных связей). Об этом может свидетельствовать песня народа *кумэ*[1], записанная в «Кодзики» (в разделе «Дзимму-ки», сказание о "Восточном походе Дзимму", под 298 годом [испр. хрон.]), которая указывает на совместное проживание жён в *полигамной семье* простолюдинов.[2] «…Если прежняя жена / Еды попросит, / Пусть съест столько… / Если новая жена / Еды попросит, / Пусть ест без счёта…».[3] Необходимость содержания всех жён мужем говорит о том, что они жили в его доме.

ф. В «Хоу-хань-шу» сообщается следующее: «Жёны не похотливы и не ревнивы» (пер. Н.Я. Бичурина)[4] [Хоу-хань-шу, гл. 115, Во]. В «Вэй-чжи» даны сходные сведения: «[Замужние] женщины не развратные (не порочные) [и] не ревнивые»[5] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*].

х. При описании *правовой системы* Японии китайцы употребляют такие сложные термины как «нарушение закона (правонарушение)» (кит. *фàнь-фǎ* 犯法 [6]), «тяжба» (кит. *чжэ̄н-сýн* 爭(爭)訟 [7]), «судебный процесс» (кит. *сýн* 訟 [8]), что не проходит незамеченным мимо исследователей, работающих с данными текстами. Аргументом тех, кто отрицает подобную ситуацию в Японии в II–III веках, является лишь то, что этого не могло быть у *вожэнь* в столь раннее время (типичный пример рассуждений *гиперкритицистов*). Решение данной проблемы коренится в проблеме уровня развитости государственности в Японии начала нашей эры. Если это было бы первобытное общество, то действительно – такого там быть не могло. Но мы, на основе анализа имеющегося материала, должны признать, что древнеяпонское общество являлось уже классовым, и государство уже было.[9] Поэтому отрицать факт существования правовой системы в древней Японии II–III веков мы не можем.[10]

---

[1] *Ермакова Л.М.* Речи богов и песни людей. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 39.

[2] См.: Кодзики: Записи о деяниях древности, свитки 2-й и 3-й / Пер. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Шар, 1994. – Т. II. – С. 39.

[3] Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 39.

[4] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 35;「女人 不淫、不妒。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; где 淫 кит. *и́нь – прил. / наречие* – 1) развратный, порочный… 2) похотливый, распутный; блудливый… (БКРС. Т. II. С. 154); 妒 кит. *дù – гл.* … 2) ревновать (БКРС. Т. III. С. 385).

[5]「婦人 不淫、不妒忌。」– Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; где 婦人 кит. *фýжэ́нь* – 1) [замужняя] женщина… (БКРС. Т. III. С. 304); 妒忌 кит. *дùцзì – диал.* … ревновать… ревность (БКРС. Т. III. С. 385).

[6] 犯法 кит. *фàнь–фǎ* – нарушать закон; правонарушение. – БКРС. Т. IV. С. 324.

[7] 爭訟 (諍訟) кит. *чжэ̄н-сýн* – судиться, вести тяжбу; тяжба. – БКРС. Т. III. С. 99.

[8] 訟 кит. *сýн – сущ.* 1) тяжба, судебный спор (процесс, *особенно: гражданский, имущественный*)… *гл.* 1) *сýн*, *сӯн*, *ю́н* – судиться; спорить, оспаривать; 2) *сýн* – обвинять, осуждать; 3) *сýн* – жаловаться (*на кого-л.*). – БКРС. Т. IV. С. 962.

[9] См.: *Суровень Д.А.* Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии. С. 150-175; *Суровень Д.А.* Первые политические объединения в юго-западной Японии в I – середине II веков н.э. и их международные отношения. С. 78-97; *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 110-268.

[10] См.: *Суровень Д.А.* Возникновение права и источники права древней Японии // Проблемы курса истории государства и права. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2004. – С. 198-226.

Здесь есть ещё один момент: некоторые исследователи–переводчики интерпретируют термины *чжэ̄н-сӯн* (судиться, вести тяжбу; тяжба)[1] как «спор» («мало споров» – например, Н.В. Кюнер)[2], в лучшем случае как «мало споров и тяжб» (Н.Я. Бичурин).[3] В обычной жизни такая ситуация выглядит неестественной – споры, несогласия, конфликты возникают между людьми достаточно часто. Следовательно, под термином *чжэ̄н-сӯн* понимается не простая ссора (значение, кстати, которого это слово не имеет), а именно судебное разбирательство, которое на ранних этапах развития классового общества и государства было явлением нечастым, что и отмечают китайские информаторы.

ц. О *правовой системе* древних японцев (*вожэнь*) известно немного, только отдельные правовые нормы *вожэнь*: «*Законы* (кит. *фǎ – С.Д.*) и обыкновения (кит. *сӯ* – досл. "*обычаи*" – *С.Д.*) были строги»[4] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во-*го*); Бимиху]; «Законы (кит. *фǎ*) [и] обычаи (кит. *сӯ*) строгие (суровые)»[5] [Хоу-хань-шу, св. 115, *дунъи*-ле-чжуань, 75, Во]. «Ещё обычаи: нет краж (кит. *дàоцѐ*), мало тяжб (кит. *чжэ̄н-сӯн*). [У] правонарушителей (кит. *фàньфǎ-чжэ̄*)[6] конфискуют в казну (кит. *мō*[7] – *С.Д.*) его жену [и] детей[8] (обращая их в рабство – *С.Д.*), [у] тяжких [преступников] уничтожают их кровный род (кит. *мэ́ньцзӯ*[9])»[10] [Хоу-хань-шу, св. 115; *дунъи*-ле-чжуань, 75, Во]. «Воровства нет. Мало споров и тяжб. У преступников отбирают жену с детьми в неволю; за важные преступления истребляют весь дом»[11] (перевод Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во-*го*)]; «Не воруют[12], мало тяжб (судебных споров)[13]; [что касается] их правонарушений, [то] у лёгких [преступников] берут в казну (кит. *мò* – конфискуют) их жён [и] детей[14]; у тяжёлых [преступников] уничтожают (истреб-

---

[1] 「少 爭(爭)訟。」 «Мало тяжб». – Хоу-хань-шу, 2004. T. III. C. 1707; где 爭 *вм.* 爭 (БКРС. T. III. C. 98); 爭訟 кит. *чжэ̄н-сӯн* – судиться, вести тяжбу; тяжба (Там же. C. 99); 「少 諍訟。」 «Мало тяжб». – Саньго-чжи, 1959. T. III. C. 856; Саньго-чжи, 1971. T. III. C. 856; Саньго-чжи, 2004. T. II. C. 547; где 諍訟 кит. *чжэ̄н-сӯн – см.* 爭訟 (БКРС. T. III. C. 99).

[2] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 247.

[3] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… T. II. C. 35.

[4] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… T. II. C. 35.

[5] 「法俗 嚴(嚴)峻」 кит. *фǎ сӯ янь-цзюнь*. – Хоу-хань-шу, 2000. C. 822; также цит. по: *Маки К.* Дайни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 3; где 法俗 кит. *фǎ сӯ* – законы и обычаи; 法 кит. *фǎ* – закон; право; норма... (БКРС. T. IV. C. 952); 俗 кит. *сӯ* – нравы; обычаи... (БКРС. T. II. C. 513); 嚴 *вм.* 嚴 ; 嚴峻 кит. *янь-цзюнь* – строгий; серьёзный; суровый, жёсткий (БКРС. T. III. C. 1068).

[6] 犯法者 кит. *фàньфǎ-чжэ̄* – правонарушитель, нарушитель закона (Хоу-хань-шу, 2000. C. 822); где 犯法 кит. *фàнь–фǎ* – нарушать закон; правонарушение. – БКРС. T. IV. C. 324.

[7] 没 кит. *мò – гл.* …Б. … 4) отбирать; конфисковать, реквизировать… – БКРС. T. IV. C. 1033.

[8] 「犯法者 没ㇾ其妻子。」 – Хоу-хань-шу, 2004. T. III. C. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. C. 822.

[9] 門族 кит. *мэ́нь-цзӯ* – 1) семья, род; клан… – БКРС. T. III. C. 123.

[10] 「又俗 不盜竊、少 諍訟。犯法者 没ㇾ其妻子、重者 滅ㇾ其門族。」 – Хоу-хань-шу, 2000. C. 822; Хоу-хань-шу, 2004. T. III. C. 1707.

[11] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… T. II. C. 35.

[12] 盜竊 кит. *дàоцѐ* – присваивать, похищать, красть; воровство, хищение, кража. – БКРС. T. II. C. 292.

[13] 諍訟 кит. *чжэ̄н-сӯн* – судиться, вести тяжбу; тяжба. – БКРС. T. III. C. 98.

[14] 「其犯法、輕者 没ㇾ其妻子。」 – Саньго-чжи, 2004. T. II. C. 547.

ляют) их семью и кровный род (кит. *мэ́ньхӯ* [1])»[2] [Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 1-2]; «Нет споров. У совершивших лёгкий проступок берут в казну (кит. *мо̄* – *С.Д.*) его жену и детей[3] (кит. *цӣ-нйо́й* [4] – *С.Д.*). У преступников, совершивших тяжёлый проступок, уничтожают (кит. *мѐ* – *С.Д.*) весь его род»[5] (пер. Н.В. Кюнера) [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь]. «[Что касается] преступлений… [из] рода (родни, родственников) [человека], совершившего тяжкое [преступление][6] – истребляют (кит. *мѐ*) его семью (кит. *цзя̄* – семейство, двор)»[7] [Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и*, *дунъи*, *вожэнь*].

ч. Предположительно, около 100 г. н.э. владение Иду-*го* (яп. Ито-но *куни*), располагавшееся на полуострове Ито-*сима* в северо-западной части Кюсю[8], создало новое объединение общин под возможным названием **Во-мянь-ту-*го***, часто именуемое просто “Во-*го*”. Поэтому в данном отрывке речь идёт о начале правления в этом объединении Во-мянь-ту-*го* государя–мужчины, прислашего посольство в Китай в 107 году. «При Ань-*ди*, в первое лето правления, 107 [г.], государь–предводитель страны Японии (Во-*го* – *С.Д.*), вступив на престол (кит. *во̄-го́-ва́н-шуа̀й ш̄эн-дз̆н*[9] – *С.Д.*), представил 160 пленников (кит. *ш̄энкӯ* [10] – *С.Д.*). Они просили представиться государю»[11] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII].[12] Сходная информация дана в другом источнике – «Тун-дянь».[13]

Наиболее трудным для толкования местом у учёных является фраза “*во̄-го́-ва́н-шуа̀й ш̄эн-дз̆н*”. Н.Я. Бичурин перевел её, сильно сократив, просто как «японский государь».[14] Н.В. Кюнер, обратив внимание на эту неточность, перевёл как «государь–

---

[1] 門戸 кит. *мэ́нь хӯ* – досл. “семья, род”; где 門 кит. *мэ́нь* – …3) семья, род. – БКРС. Т. III. С. 123; 戸 кит. *хӯ* – …3) семья, род… – Там же. С. 383.

[2]「其犯法、輕者 沒㆑其妻子、重者 滅㆑其門戸。」– Саньго-чжи, 1959. Т. III. С. 856.

[3]「犯、輕罪者 没㆑其妻孥。」– Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173.

[4] 妻孥 кит. *цӣ-нйо́й* – жена и дети. – БКРС. Т. IV. С. 1018.

[5] См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 257.

[6]「重者族」; где 重者 кит. *чжӯнчжэ̆* – досл. “тот, кто [совершил] тяжкое преступление”; *тж.* в более серьёзных случаях… – См.: БКРС. Т. II. С. 214; 591.

[7]「犯… 重者族 滅 其家。」– Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173; где 家 кит. *цзя̄* – 1) семья, семейство; род; дом, двор (*как семья*)… – БКРС. Т. III. С. 840.

[8] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 79.

[9]「倭國王帥 升等…」кит. *Во̄-го́-ва́н-шуа̀й ш̄эн-дз̆н*... – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

[10] Эти пленники (生口яп. *сэйкӣ*, кит. *ш̄эн-кӯ* [БКРС. Т. II. С. 189]) были неполноправными свободными. Об их правовом статусе см.: *Суровень Д.А.* Правовое положение населения в древней Японии. С. 120-130; *Суровень Д.А*. Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: *сэйкӣ* в I–III веках // Право. Законодательство. Личность. – 2012. – № 1 (14). – С. 14-22.

[11] См.: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 35; *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 342.

[12] См.: *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 66; *Хиго Кадзуо* 肥後 和男. Ямато-то сйтэ-но Яматай-коку 大和として邪馬臺 // Кодайси-кэнкӯ: Яматай-коку 古代史研究: 邪馬台国. – Токио 東京, 1956. – С. 30-31; *Мураяма К*. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 65; *Сано Я.* Нихонно акэбоно. С. 17, 117; Нихон дзэнси. Т. I. С. 295; Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. – М.: Наука, 1987. – С. 257.

[13]「安帝永初元年、倭國王帥升等 獻㆑生口㇀百六十人。」– Тун-дянь, 1988. С. 4993; в других списках «Тун-дянь» указано:「倭面土國王師升 獻㆑生口。」– Там же. С. 5006, прим. 69.

[14] *Бичурин Н.Я*. Собрание сведений... Т. II. С. 35.

предводитель страны Японии, вступив на престол...»[1], где иероглиф “*шэ̄н*” берётся в глагольном значении “подниматься, восходить”[2], а иероглиф “*дэ̆н*”, видимо, в значении “ранг, степень”.[3]

В 1806 году Бан Нобутомо заявил, что *вō-го́-ва́н-шуа̀й* – правитель на северном Кюсю.[4] Оставалось только выяснить, какой именно общины–государства. Есть поздние китайские свидетельства (из «Цзю Тан-шу» и «Синь Тан-шу»), которые отождествляли союз общин во главе с Ну-*го* со страной Во-*го*. Кроме того, в «Бэй-ши» в разделах «Во-*го*» и «Ань-*ди* бэнь-*цзи*», а также в «Суй-шу» в разделе «Во-*го*» сообщается, что посольство 107 года было от государства Во-ну-*го* (яп. Ва-на-*коку*). «[Во времена правления императора] Ань-*ди* (107-126 гг. – *С.Д.*), о п я т ь прислали дань [ко] двору [от государства], называемого Во-ну-*го*»[5] [Бэй-ши, св. 94, *ле-чжу- ань*, Во]. «При государе Ань-*ди*, 107-126 [гг.], е щ ё (владетель японский – *С.Д.*) отправил посланника ко Двору с данью, и царство своё называл В о н у...»[6] [Суйшу, гл. 81, V. Япония; 107-126 гг.]. Поэтому Ямао Юкихиса считал, что и посольство 57 г., и посольство 107 г. были отправлены главой союза Ну-*го*.[7]

Но в китайском энциклопедическом словаре «Хань-юань» и некоторых списках «Тун-дянь» цитируется текст из «Хоу-хань-шу» о посольстве 107 года, где японский “государь–предводитель”[8] *Шэн*(-дэн) назван правителем не государства Во-*го*, а *ва*ном страны Во-мянь-шан-*го*[9] (или: Во-мянь-ту-*го*[10]). Кроме того, в «Сяку-нихонги» («Нихонги [с] комментарием») в разделе “*кай-дай*” говорится: «“Хоу-хань-шу” передает: [В правление императора] Сяо-ань-*хуан-ди* (Ань-*ди* – *С.Д.*) в начальный год *Юн-чу*, зимой, [в] 10-й луне, [государство] Во-мянь-*го* прислало посольство [для] поднесения дани».[11] Поэтому Ямао Юкихиса посчитал указание «Хоу-хань-шу» просто

---

[1] *Кюнер Н.В*. Китайские известия... С. 342.

[2] 升 кит. *шэ̄н – гл*. 1) подниматься, восходить; повышаться, возвышаться; *также*: 升 кит. *шэ̄н – сущ*. мера сыпучих тел; *собств*. Шэн (*фамилия*). – БКРС. Т. II. С. 979.

[3] 等 кит. *дэ̆н – сущ*. ранг, степень. – БКРС. Т. III. С. 49. Дискуссию о “*во-го-ван шуай шэн-дэн*” подробнее см.: *Суровень Д.А*. Комментарий… 2022. С. 316-319, коммент. «**жж**».

[4] *Young J*. The Location of Yamatai. P. 83.

[5]「安帝時、又遣ㇾ朝貢。謂ㇾ之 倭奴國。」– Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2565; также цит. по: *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 48.

[6] См.: *Бичурин Н.Я*. Собрание сведений… Т. II. С. 94.「安帝時、又遣ㇾ朝貢。謂ㇾ之 倭奴國。」– Суй-шу 隋書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – Т. II. – С. 1652.

[7] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 48.

[8] 王師; где 師 кит. *шӣ*, видимо, ошибка *вм*. 帥 кит. *шуа́й* – предводитель. См.: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 47, 66.

[9]「**倭面上國**王帥升。」– Хань-юань, св. 30-й, Фань-и-бу, Во-го 翰苑、卷第卅、蕃夷部より 倭國（原文）// URL: http://www001.upp.so-net.ne.jp/dassai/kannenn/kannenn_gen.htm (дата обращения: 28.05.2018).

[10]「倭面土國王師升等」– Тун-дянь, 1988. С. 5006, прим. 69; см.: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 47, 66; Нихон дзэнси. Т. I. С. 295; *Сано Я*. Нихон-но акэбоно. С. 107; Дзусэцу нихон сёмин сэйкацу-си. Т. I. С. 248; *Воробьев М. В*. Япония в III-VII веках. С. 79, 312; *Хиго К*. Ямато-то сйтэ-но Яматай. С. 30; *Мураяма К*. Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 66.

[11]「後漢書 云、孝安皇帝、永初元年、冬、十月、**倭面國** 遣ㇾ使 奉ㇾ献。」(釋日本紀、開題). – Сяку-нихонги 釋日本紀 // Кокуси-тайкэй 國史大系. – Токио 東京: Кэйдзай дзасси-ся 経済雑誌社,

на государство «Во-*го*» или ошибкой, или поздним сообщением, или сокращённой записью от «Во-мянь-ту-*го*».[1]

ш. Дата смерти “государя–предводителя” Во-мянь-ту-*го* неизвестна, поэтому год начала “великих замешательств” точно установить невозможно, но возможно приблизительно вычислить время этой многолетней войны по данным китайских и корейских источников. В 158 году (скорее всего, когда Япония находилась в состоянии мира) в Силла приезжало посольство от японцев (кор. *вэ-ин*).[2] Таким образом, по материалам корейских источников “государь–предводитель” должен был править некоторое время после 158 года [может быть, до 1 6 0–1 6 5 гг.], т.к. (по «Самкук-саги») следующее же посольство 173 года было уже от «правительницы Вэ (кор. Вэ-*нёван*) **Бимиху**»[3] [Самкук-саги, летописи Силла, Адалла, 5-й год пр. (158 г.); 20-й год пр. (173 г.)].[4]

После смерти “государя–предводителя” (после 158 г.) в объединении общин северо-западного Кюсю и островов Корейского пролива началась борьба за престол – получается, что война шла в период между 158-173 гг.[5], скорее всего в 6 0-е г о д ы I I в е к а. «Во времена [государей] Хуань-[*ди*] [и] Лин-[*ди*] (147-189 гг.) в государстве Во-(*го*) происходили великие замешательства (кит. *дà-луàнь*[6]): снова (кит. *гэ̄н*) взаимно (друг на друга) нападали, [поэтому] сряду [несколько] лет не имели государя (кит. *чжў*[7])»[8] [Хоу-хань-шу, св. 115-й, Во, 147-189 гг.]. То же самое сказано в «Тун-дянь» (раздел “Во”): «[Во] времена [императоров] Хуань-[*ди*] и Лин-[*ди*] [в стране] Во-*го* (Японии) были великие беспорядки (великая смута). Снова друг на друга нападали (пошли войной). В течение ряда лет не имели государя»[9] [Тун-дянь, Бянь-фан –

1901. – Т. 7. – С. 521; также цит. по: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 48.

[1] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 66. Подробнее о Во-мянь-ту-*го* см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 319-324, коммент. «**жж**».

[2] 「五年、春、三月。<…> 倭人 来聘。」«5-й год [правления Адалла (158 г.), весна, 3-я луна… Японцы (кит. *вбжэ̀нь*, кор. *вэ-ин*) пришли, прислав посла с визитом [в Силла]». – Самкук саги, св. 1-й – 50-й 三國史記。卷第1−50. – Сеул 京城: Чосон сахак-хве 朝鮮史学会, 1928. – Кн. 2. – С. 1; где 聘 кор. *бинъ* (빙), кит. *пìнь* – посылать посла с визитом (*в другое царство, княжество*). – БКРС. Т. III. С. 491.

[3] 「二十年、夏、五月。倭女王 **卑彌乎** 遣ㇾ使 来聘。」«Японская женщина-государь (Вэ-*нё- ван*) [по имени] **Бимиху** прислала посла прийти с визитом [в Силла]». – Самгук саги, 1928. Кн. 2. С. 2.

[4] См.: *Ким Бусик*. Самкук саги. Т. I. С. 91, 93.

[5] Хиго Кадзуо даёт датировку «около середины II века н.э.» – *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 31. Аналогично поступает Хасимото Масукити. – *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history // *Хасимото Масукити*. Тōё̄-си-дзё̄-ёри митару нихон дзё̄-ко-си кэнкю̄. – Токио: Тōё̄бунко, 1956. – P. 7.

[6] 大亂(乱) кит. *дà-луàнь* – «великие замешательства»; досл. «полнейший беспорядок» (БКРС. Т. IV. С. 275); где 亂 кит. *луàнь – сущ.* 1) беспорядок… 2) смута, смятение; бунт, мятеж, война (*особенно*: *междоусобица*). – БКРС. Т. IV. С. 275.

[7] 主 кит. *чжў* – 1) хозяин; 2) ...глава [государства]; государь; владыка (БКРС. Т. II. С. 167).

[8] 「桓•靈間、倭國 大乱、更相 攻伐、歷年 無ㇾ主。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. II. С. 1707; Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; также цит. по: *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 64; *Мори К.* Нихон синси. С. 147; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй кокка-но кōдзō. С. 82. См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 35.

[9] (『通典』邊防 東夷上 百濟 新羅 倭國)「桓、靈間、倭國 大亂、更相 攻伐、歷年 無ㇾ主。」– Тун-

Дунъи, 1-й раздел, Боцзи–Синьло–Во-*го*]. «Япония пришла в смятение, сражались друг с другом годами»[1] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Другие династийные истории сообщают: «В к о н ц е ханьской династии японцы возмутились, беспрерывно нападали друг на друга»[2] [Цзинь-шу, гл. 97, *вожэнь*; Цзинь-шу, св. 97-й, *сы-и*, *дунъи*, *вожэнь*[3]]. «В период [царствования императоров] Хуань[-*ди*] [и] Лин [-*ди*] (147-189 гг.) в этой стране [Во-*го* происходили] великие замешательства (кит. *да-луàнь – С.Д.*), поочерёдно друг на друга нападали [поэтому] сряду [несколько] лет не имели государя (кит. *чжӯ*)»[4] [Суй-шу, св. 81-й, *дунъи*, Во-*го*; Суйшу, гл. 81, V, 147-190 гг.).

Причины и события «великой смуты» (кит. *дà-луàнь*) точно не известны, но определённо можно сказать, что это была борьба за трон правителя между различными претендентами – по этой причине *вожэнь* «сряду несколько лет не имели государя (кит. *чжӯ*)»[5] [Хоу-хань-шу, св. 115-й, Во, 147-189 гг.]. Накаяма Хэйдзиро (в 1914-1916 гг.) предположил, что, возможно, это был конфликт между Ематай-*го* (яп. Яматай-но *куни*) и Ну-*го* (яп. На-но *куни*). В это время у династии Хань были свои внутренние проблемы, поэтому Ну-*го* не могло надеяться на помощь от Хань. Ну-*го* было разбито силами Ематай-*го*. Видимо, беженцы (правитель Ну-*го* с приближёнными [?] – *С.Д.*) укрылись на острове Сига около побережья владения Ну-*го*, и там была спрятана от врагов золотая печать, полученная правителем Ну-*го* в 57 году.[6] В это же время (в 1914-1916 гг.) Касай Синъя, хотя Накаяма Хэйдзиро возражал ему[7], высказал точку зрения, что выложенная камнем полость, где была найдена золотая печать 57 года, являлась могилой, в которой в каменном гробу типа "*ава*", широко использовавшегося в то время в окрестностях залива Хаката (где располагалось владение Ну-*го*), был захоронен правитель (кит. *ван*, яп. *кими*) данного владения.[8] Результатом этой войны, кроме того, очевидно, явилось резкое сокращение числа *куни*.[9]

Исследователи считают, что эти столкновения привели к тому, что вместо старого объединения Мяньту-*го*[10] в начале 70-х гг. II века (до 173 г.) на части территории Кюсю установилось более крупное объединение, получившее в китайских источниках название **Нюй-ван-*го*** (досл. "Государство женщины–государя"[11]) с центром во владении *Ематай* (яп. Яматай)[12] – одной из гражданских общин вглубь от северо-запад-

---

дянь, 1988. С. 4993.

[1] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 247;「倭國 亂。相攻伐 歷年。」«[В стране] Во-*го* [были] беспорядки (смута, мятеж). Друг на друга нападали (пошли войной) в течение ряда лет». – Саньго-чжи, 2004. С. 547; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64.

[2] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 247.

[3]「漢末、倭人 亂、攻伐 不定。」– Цзинь-шу, 2004. T. IV. C. 2173.

[4] См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 94;「桓、靈之間、其國 大亂、遞相攻伐、歷年無ㇾ主。」– Суй-шу, 2004. T. II. C. 1652.

[5]「歷年 無ㇾ主。」– Хоу-хань-шу, 2004. T. II. C. 1707; также цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64.

[6] *Young J.* The Location of Yamatai. P. 120.

[7] *Young J.* Op. cit. P. 119.

[8] Ibid. P. 120.

[9] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 80; Japan: its land... P. 18.

[10] *Сигэмацу Акихиса* 重松 明久. "Гиси-вадзин-дэн" (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру ни-санно мондай 魏志倭人伝をめぐる二、三の問題 // Нихон-рэкйси 日本歴史. – 1973. – № 301. – С. 104.

[11] 女王國 кит. *Нйой-ва́н-го́*, яп. *Дзёо-коку* – досл. "государство женщины–правителя".

[12] Или сменившее старый союз во главе с Мяньту (со столицей в Ито или ранним Ематай [?]) –

ного побережья Кюсю, так как китайская династийная история о периоде II века сообщает: «Главный японский государь живёт в княжестве (кит. *го́ – С.Д.*) Ематай»[1] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII].

После завершения войны на престол нового политического объединения, как сообщают источники, была и з б р а н а «девица (кит. *нйой-цзы́*[2] *– С.Д.*) по имени Бимиху. Она была в летах, но не выходила замуж; занималась колдовством (кит. *гӯй-шэ́нь-да̀о – С.Д.*) и могла обольщать народ чудесами (кит. *хо̀чжӯн*[3] *– С.Д.*); почему с общего согласия поставили (кит. *гӯнлù*[4] *– С.Д.*) её государем (кит. *ван – С.Д.*)»[5] (пер. Н.Я. Бичурина) [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во)]. Эта же информация дана в «Тундянь».[6] «Затем совместно поставили (кит. *гӯнлù – С.Д.*) одну девицу (кит. *нйой-цзы́ – С.Д.*) государем (кит. *ван – С.Д.*). Она звалась Бимиху, служила учению духов (кит. *гӯй-да̀о* – [занималась] чёрной магией, колдовством[7] *– С.Д.*), могла вводить в заблуждение народ (кит. *хо̀чжӯн – С.Д.*). Летами она была уже взрослая, мужа не имела (кит. *фӯ-сю̀й*[8] *– С.Д.*)»[9] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 а,

---

общиной, с которой отождествляют посольство 107 года некоторые исследователи; или же центр прежнего объединения начала II века н.э. переместился в Ематай. Может быть, или ещё сам *ван-шуай* мог избрать центром своего объединения Ематай, или новая правительница Нюй-ван-*го* по имени Бимиху перенесла (или установила) центр своего объединения в Ематай. – См.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 247, 248; *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 33; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 80; Japan: its land… P. 18; *Ishii R.* A history of political institution in Japan. P. 5; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 136; *Сиодзава К.* Кодай сэнсэй кокка-но кōдзō. С. 82; *Маки К.* Дай-ни-сан-сэйки-ни окэру вадзин-но сякай. С. 4; *Маки Кэндзи* 牧 健二. “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзёкэн『魏志倭人伝』正解の条件 // Сирин 史林. – Киото 京都, 1970. – Т. 53. – № 5. – С. 95; *Ishii R.* A history of political institutions in Japan. P. 5; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 166.

[1] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 34;「其大倭王 居ㇾ邪馬臺國。」– Хоу-хань-шу, 1965. Т. X. С. 2820; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706.

[2] 女子 кит. *нйой-цзы́* – 1) девушка… 2) *диал.* дочь; 3) женщина…. – БКРС. Т. IV. С. 1010.

[3] 惑衆 кит. *хо̀чжӯн* – 1) вводить в заблуждение народ; сбивать людей с толку… – БКРС. Т. IV. С. 891.

[4] 共立 кит. *гӯнлù* – … 2) совместно учреждать (основывать). – БКРС. Т. IV. С. 630.

[5] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 36;「有 一女子 名 曰ㇾ卑彌呼。年長、不嫁、事ㇾ鬼神道、能 以妖ㇾ惑衆。於是 共立 為ㇾ王。」– Хоу-хань-шу, 1965. Т. X. С. 2821; Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1701; цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64.

[6]「有 一女子 名 曰ㇾ卑彌呼、年長、不嫁、事ㇾ鬼道、能 以妖ㇾ惑衆、於是 共立 爲ㇾ王。」– Тундянь, 1988. С. 4993.

[7] 鬼道 кит. *гӯй-да̀о* – 1) пути (способы) демонов (нечистой силы); 2) чёрная магия, колдовство; тайные приёмы… (БКРС. Т. IV. С. 479); где 鬼 кит. *гӯй* – 1) душа умершего; умерший; принадлежащий умершему (*покойнику*); 2) душа предка; местное низшее божество, дух; 3) оборотень, привидение; нечистая сила; 4) злой дух; чёрт, бес, демон… (Там же. С. 478).

[8] 夫壻 кит. *фӯ-сю̀й – книжн.* [мой] супруг. – БКРС. Т. III. С. 681.

[9] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 247;「乃 共立 一女子 爲 王、名 曰 卑彌呼、事 鬼道、能 惑衆、年已 長大、無 夫壻。」– Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; Саньго-чжи, 1999. С. 634; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64. Ср. перевод М.Н. Пака: «В стране Вэ… тогда возвели в качестве *вана* женщину по имени Бимиху, которая служила духам и вызывала волнение народа. Даже в летах она не имела мужа». – Цит. по: *Ким Бусик*. Самкук саги. Т. I. С. 305.

1-2]. «Тогда поставили (кит. *лù*) одну девицу (кит. *нюй-цзы́*), сделав [её] государем (кит. *ван*). Звалась Бимиху. Занималась колдовством (кит. *гýй-дàо*), могла вводить в заблуждение народ (кит. *хòчжòн*). Сами [японцы] говорили, что годами [она] уже была взрослая, [но] не имела мужа (кит. *фý-сюй*)»[1] [Тайпин-юй-лань, фрагмент «Вэй-чжи»]. В «Цзинь-шу» сказано кратко: «Тогда поставили (кит. *лù – С.Д.*) государем девушку. Она звалась Бимиху»[2] [Цзинь-шу, гл. 97, Вожэнь].

По всей видимости, Бимиху была жрицей культа, впоследствии получившего название *синтō*[3] – именно так трактуют исследователи термин источника *гýй-дàо*[4] или *гýй-шэ́нь-дàо*[5] и в подтверждение переводят имя Бимиху как *хи-мико* (досл. “жрица солнца”[6], где *мико* означает жрицу при синтоистском храме[7]). Другой вариант прочтения имени: *химэ-ко* («принцесса», «княжна»).[8]

Исходя из сведений «Тайпин-юй-лань» (где цитируется один из списков «Вэй-чжи»), можно утверждать, что даже после восшествия Бимиху на престол борьба за власть в Нюй-ван-*го* продолжилась: «В [годы] *Гуан-хэ* (178-184 гг.) ханьского императора Лин-*ди*, [в] государстве Во-*го* были беспорядки (кит. *луàнь*)[9], нападали друг на друга, не было покоя»[10] [Тайпин-юй-лань, фрагмент «Вэй-чжи»]. В «Лян-шу» сказано: «В [годы] *Гуан-хэ* (178-184 гг.) ханьского императора Лин-(*ди*), [в] государстве Во-(*го*) были беспорядки (кит. *луàнь*), нападали друг на друга сряду [несколько] лет»[11] [Лян-шу, гл. 54, Во]. В «Бэй-ши» сообщается: «В [годы] *Гуан-хэ* (178-184 гг.) императора Лин-(*ди*), [в] этой стране были беспорядки (кит. *луàнь*), поочерёдно (кит. *дù*) друг на

---

[1] 「乃 立 一女子 爲 王。名 卑彌呼。事 鬼道、能 惑衆。自 謂 年已 長大、無 夫壻。」– Тайпин-юй-лань, 1995. T. IV. C. 3464 б; цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64.

[2] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 257;「乃 立 女子 為 王、名 曰 卑彌呼。」– Цзинь-шу, 2004. T. IV. C. 2173.

[3] 神道 яп. *синтō* – синтоизм. – *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 109.

[4] 鬼道 кит. *гýй-дàо* – 1) пути (способы) демонов (нечистой силы); 2) чёрная магия, колдовство; тайные приёмы… – БКРС. T. IV. C. 479.

[5] 鬼神道 кит. *гýй-шэ́нь-дàо* – досл. “путь злых и добрых духов”; где 鬼神 кит. *гуй-шэ́нь* – 1) бесы и божества; злые и добрые духи; сверхъестественные силы; 2) души покойников (БКРС. T. IV. C. 478); 神道 кит. *шэ́нь-дàо* – 1) божественная истина, божественное дао; 2) порядок, установленный свыше (*опора власти правителя*)… 4) вера в духов; с и н т о и з м… – БКРС. T. II. C. 935.

[6] 日巫女 яп. *хи-мико* – досл. “храмовая жрица солнца”.

[7] 巫女 яп. *мико – синт*. храмовая жрица; прорицательница; шаманка; колдунья, предсказательница судьбы. – См.: ЯРС. С. 366; ЯРУСИ. С. 202.

[8] 姫子 яп. *химэ-ко* – “принцесса, княжна” (см.: ЯРС. С. 153). О переводах имени *Бимиху* см.: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 19, 109; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 63, 95; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 213; *Aston W.G.* Early Japanese history // Transactions of the Asiatic society of Japan. – Yokohama, 1889. – Vol. XVI. – P. 55, note 22; *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 7.

[9] 亂(乱) кит. *луàнь – сущ.* 1) беспорядок… 2) смута, смятение; бунт, мятеж, война (*особенно*: *междоусобица*). – БКРС. T. IV. C. 275.

[10]「漢靈帝光和中、倭國 乱、相攻伐、無定。」– Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464; цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64; *Сигэмацу А.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-о мэгуру нисан-но мондай. С. 108.

[11]「漢靈帝光和中、倭國 亂、相攻伐 歷年。」– Лян-шу, 2004. С. 730; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64.

друга нападали»[1] [Бэй-ши, св. 94-й, Во-*го*]. Как можно предполагать, «**война годов *Гуан-хэ***» (**178-184 гг**.) – это события, когда на Кюсю противники Бимиху подняли мятеж и начали междоусобную войну (кит. *луàнь* – «беспорядки»). Зачинщиками «войны годов *Гуан-хэ*» могли выступить общины северо-западного побережья Кюсю и, прежде всего, прежний центр конфедерации Во-мянь-ту-*го* – Иду-*го* (яп. Ито-но *куни*) и его союзник – владение Ну-*го* (яп. На-но *куни*).[2]

Хасимото Масукити предположил, что для установления порядка и прекращения междоусобиц – Бимиху пришлось применить силу, в результате чего она добилась контроля над Северным Кюсю.[3] Подтверждением этого может быть упоминание императором Мин-*ди* (дин. Вэй; 227-240 гг.) в своём письме к Бимиху о том, что её послы Нань-шэнми и Души-нюли докладывали ему об «умиротворении соплеменников»[4], проведённом Бимиху[5] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, письмо Мин-*ди*; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 б, 6].

Вероятно, потерпев поражение, часть мятежников могла бежать во владение Тоума-*го* (отождествляемого с яп. Сацума-но *куни*)[6] в южном Кюсю. Это находит подтверждение в археологическом материале, где прослеживается проникновение культуры северного Кюсю в южный Кюсю в период *позднего яёй*. Керамика типа *Сугу* (Сугу – поселение на северном Кюсю на территории На-но *куни*, входившее в состав Нюй-ван-*го* – *С.Д.*) в период *позднего яёй* смогла проникнуть в южные районы, где под её влияние попала керамика типа *Ōсуми* префектуры Кагосима. Вероятно, мода на характерный для изделий *Сугу* широкий и плоский ободок горловины и, возможно, также на тщательную отделку глиняных валиков проникла даже в самые отдалённые районы острова Кюсю, в частности в Миядзаки – в конце позднего *яёй*.[7]

Кроме того, исследование распространения древнейших топонимов владения Ито-но *куни* с элементом *-мару* (яп. *мару-тимэй*) и связанных с ними археологических объектов, проведённое Исии Ёсими, показало, что в период позднего *яёй* (во II в.) топонимы владения Ито-но *куни* (кит. Иду-*го*) и соответствующие им

---

[1] 「靈帝光和中、其國 亂、遞相 攻伐。」 – Бэй-ши, 2004. T. IV. C. 2562; цит. по: Бураку-си-ни кансуру сōгōтэки кэнкю̄ 部落史に関する綜合的研究. – Токио 東京: Янагихара сётэн 柳原書店, 1956. – T. I. – C. 12.

[2] Подрорбнее см.: *Суровень Д.А*. Верхние слои сказания о двух братьях и морской и горной удаче как источник по истории юго-западной Японии периода позднего яёй // Вестник Северо-Восточ- ного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2018. – № 3 (11). – С. 63-91.

[3] *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 7.

[4] 「綏撫」種人」 кит. *сӯй-фӯ чжӯн-жэ́нь* – «умиротворить соплеменников» (Саньго-чжи, 2004. T. II. C. 548); где 綏撫 кит. *сӯй-фӯ* успокоить, умиротворить (БКРС. T. IV. C. 1047); 種人 кит. *чжӯн-жэ́нь* – этнический представитель, представитель расы (БКРС. T. II. C. 219).

[5] См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 248.

[6] *Уэмура Сэйдзи* 植村 清二. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку 邪馬臺国・狗奴国・投馬国 // Сигаку-дзасси 史学雑誌. – 1955. – T. 64. – № 12. – C. 30, 28; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 98; *Wedemeyer A*. Japanische Frühgeschichte. (bis 5 Jh.n.). – Tokyo: Dt. Gesellsch. f. Natur- u. Völkerkunde Ostasiens, 1930. – S. 194; *Арутюнов С.А*. Этническая история Японии на рубеже н.э. С. 164; Нихон дзэнси. T. I. C. 299.

[7] *Киддер Дж.Э.* Япония до буддизма: Острова, заселённые богами. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – С. 159-160.

поселения (археологические объекты) появились в северной части области Хюга, а в первой половине III в. – в южной части области Хюга[1], что может указывать на пути миграций из Северного Кюсю.[2]

Таким образом, археологический и топонимический материал даёт возможность предполагать установление связей Южного Кюсю с федерацией Нюй-ван-*го* в конце II – первой половине III вв. Это – также время возможного переселения в Химука беженцев из северо-западного Кюсю (района поселения Сугу в общине На-но *куни*), среди которых оказался и предок рода правителей Ямато (прадед Дзимму).[3]

щ. О государстве Янь династии Гунсунь (189-238 гг.) на территории южной Маньчжурии в конце II в. и его отношениях и федерации общин Нюй-ван-*го* (яп. *Дзёо-коку* – досл. “страна государя-женщины”)[4], возникшей на острове Кюсю во второй половине II в., известно следующее. В Китае на исходе периода Поздней Хань развернулась ожесточенная внутренняя борьба за власть, проходившая на фоне мятежей знати и восстаний населения. В этой ситуации контроль китайской империи над корейскими владениями ослаб, в результате чего «в конце правления Хуань-[*ди*] и Лин-[*ди*] (147-188) могущество владений Хань (кор. [Сам]хан – *С.Д.*) и Вэй (кор. Е; владение в Корее – *С.Д.*) расцвело; [установленные китайцами] области и уезды не могли обуздать их, много жителей бежало в Хань [Южную Корею]»[5] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Хань, Махань, 196-220 гг.[6]]. Пограничная провинция Ляодун постоянно подвергалась нападениям *пуё*, *когурё* и других народов. «Саньго-чжи», «Хоу-хань-шу» и «Самкук-саги» пестрят сообщениями о походах когурёсцев на Ляодун.[7] В 189 году *хоу* (начальник) округа Ляодун – Гунсунь Ду, основатель династии Гунсуней, объявил себя независимым правителем (*му*) области Ляодун и начал расширять свои владения. Вскоре он подчинил округа Лолан и Сюаньту.[8] «В конце Поздней Хань Гунсунь Ду объявил себя правителем Пинчжоу. Ему наследовал его сын [Гунсунь] Кан, а Кану – его сын [Гунсунь] Вэнь-и (Юань). Они были полновластными правителями Ляодуна и заставили повиноваться все девять племён *дун-и*»[9] [Цзинь-шу, гл. 14, л. 11 б].

---

[1] *Исии Ёсими* 石井 好. Онкӗ кōгаку-но кантэн-кара мита дзӗдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпа-но кэнкӣо 音響工学の観点からみた上代地名(伊都の丸地名)の伝播の研究 // Кэнкӣо киӗ 研究紀要 (Тōкӗ торицу кōкӯ кōгӗ кōто сэммон гаккō дэнси кōгакука 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). – 1999, сентябрь. – № 36. – С. 54, 55, рис. 5.

[2] *Исии Ёсими* 石井 好. Дзӗдай тимэй дэмпа-ни кан-суру сӯти дзиккэн: Тōсэн-сэцу-но сэйтōсэй 上代地名伝播に関する数値実験: 東遷説の正当性 // Кэнкӣо киӗ 研究紀要 (Тōкӗ торицу кōкӯ кōгӗ кōто сэммон гаккō дэнси кōгакука 東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). – 2000, сентябрь. – № 37. – С. 27, 28, 30, рис. 4.

[3] Подробнее см.: *Суровень Д.А*. Верхние слои сказания о двух братьях… С. 66-69.

[4] 女王國 кит. *Нюй-ван-го*, яп. *Дзёо-коку* – досл. “страна государя-женщины”.

[5] 「桓・靈之末、韓・濊 彊盛、郡縣 不能制、民 多 流入〻韓國。」 – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 851; Саньго-чжи, 1999. С. 631; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 542; также цит. по: *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 116.

[6] См.: *Кюнер Н.В*. Китайские известия... С. 239.

[7] *Джарылгасинова Р.Ш*. Китай и Корея в V веке до н.э. – III веке н.э. // Китай и соседи в древности и средневековье. – М.: Наука, 1970. – С. 98.

[8] *Бутин Ю.М*. Корея: от Чосона к Трём государствам (II век до н.э. – IV век н.э.). – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 36.

[9] Цит. по: *Бутин Ю.М*. Корея... С. 53.

«В годы правления *Цзяньань* (196-220) Гунсунь Кан выделил уезд Тунь-ю. Из южных пустующих земель (расположенных на юг от Лолана и уезда Тунь-ю[1] – *С.Д.*) сделал область Дайфан, послал Гунсунь Мо, Чжан Ди и прочих собрать оставшихся жителей (китайских округов – *С.Д.*), поднять войско (китайцев в Корее – *С.Д.*) и напасть на Хань и Вэй (кор. Самхан и Е – *С.Д.*). Старые жители (кит. *цзюминь* – досл. "старый народ" китайских округов – *С.Д.*) немного оправились. После этого Во (Япония)[2] и Хань (Южная Корея) последовательно подчинились Дайфану...»[3] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Хань, 196-220 гг.; Вэй-чжи, Хань, годы *Цзяньань*].[4] Как считают исследователи, это произошло в 204 году (9-й год *Цзяньань*[5]), т.к. в этом году Гунсунь Кан унаследовал власть.[6] В состав Дайфана вошла и часть территории страны Чин-*гук* (в Южной Корее). Владения Гунсуней, охватывавшие Ляодун и северо-западную Корею, были практически независимым государством[7], получившим название **Янь**. Как видно из цитаты, Южная Корея (кит. Хань) и страна Во (Япония) "подчинились" (кит. *шу*)[8] династии Гунсуней. Это означало, что правители общин–государств (кор. *кук*) Самхана и, как считает Ямао Юкихиса, правительница федерации Нюй-ван-*го* (на острове Кюсю) по имени Бимиху, видимо, прислали посольства[9] с подарками–подношениями ("данью") ко двору Гунсуней, установив традиционные отношения зависимости.[10] Но, почему-то, эти сведения о контактах японцев с династией правителей нового государства Янь не попали в раздел о *вожэнь* (японцах) китайской хроники. М.В. Воробьёв, в связи с этим, выдвигает предположение, что, может быть, тогда постоянных связей не было, так как стороны не видели в них большого смысла.[11]

В разделе о *вожэнь* в «Вэй-чжи» есть два места, содержание которых можно расценить как указание на существование в этот период дипломатических связей японцев с Дайфаном, Лоланом и Ляодуном, хотя точной датировки в этих отрывках нет. В

---

[1] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 72; *Сано Я*. Нихон-но акэбоно. С. 136; *Мори К*. Нихон синси. С. 178; *Сайто Тадаси* 齋藤 忠. Яматай-коку-но ити 邪馬台国の位置 // Кодайси кэнкю: Яматай-коку 古代史研究。邪馬台国. – Токио 東京, 1956. – С. 71.

[2] В «Вэй-люэ» в разделе о Самхан (Хань) иероглифа "Во" нет. Возможно, он добавлен автором «Вэй-чжи» Чэнь Шоу. – *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 72.

[3] См.: *Кюнер Н.В*. Китайские известия… С. 239-240.

[4]「建安中、公孫康 分ㇾ屯有縣。以南 荒地 為ㇾ帯方郡、遣ㇾ公孫莫 張敵等、収集ㇾ遺民、興ㇾ兵伐ㇾ韓、濊、旧民 稍出。是後、倭、韓、遂 屬ㇾ帯方。」– Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 851; Саньго-чжи, 1999. С. 631; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 542; также цит. по: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 72, 114.

[5] *Бутин Ю.М*. Корея… С. 10; *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 114; *Мори К*. Нихон синси. С. 179.

[6] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 114.

[7] *Бутин Ю.М*. Указ. соч. С. 36; см. также: С. 40-41; см. также: *Джарылгасинова Р.Ш*. Китай и Корея... С. 98-99; *Воробьев М.В*. Япония в III-VII веках. С. 80.

[8] 屬 кит. *шў* – 1) принадлежать [к...], относиться [к...]; входить в [состав], быть (становиться) [составной] частью (*чего-л.*); 2) находиться (быть) в (*чьём-л.*) ведении (подчинении), подчиняться; поступать в (*чьё-л.*) ведение (подчинение); быть (становиться) зависимым [от...]; покоряться; следовать за...; примыкать [к...]. – БКРС. Т. III. С. 466; см.: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 72.

[9] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 71; *Оба Осаму* 大庭 脩. Футари-но кэн-тб-си ханкан 二人の遣唐使判官 // Асука-но рэкйси то бунгаку 飛鳥の歴史と文学. – Киото 京都, 1980. – С. 167.

[10] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 72.

[11] *Воробьев М.В*. Япония в III-VII веках. С. 80.

Иду-*го* (округ Ито в северо-западном Кюсю) «посланцы из областей (кит. *цзюнь*)[1] [Лолан, Дайфан и Ляодун (?)], уходя и приходя, постоянно (обычно) в [этом] месте останавливаются»[2] [Саньго-чжи, Вэйчжи, цз. 30, Во, л. 24 а; 9-10]; «Послы от областей (кит. *цзюнь*) [Лолан, Дайфан, Ляодун (?)] и от всех владений (*го*) [Сам]хана [в] Японии (Во-*го*), все, прибыв в гавань [Иду], [всё] досконально разузнают и заявляют [о себе], передают и посылают служебные письма (официальные документы) и подарки, [чтобы] представиться (явиться) к государю–женщине, [в этом случае] не должно быть ошибки»[3] [Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 26 б, 6-8]. Под термином "области" (кит. *цзюнь*, яп. *гун*) понимались китайские владения в Корее, среди которых был и созданный в 204 году округ Дайфан. Как видно из второго отрывка, дипломатические отношения с Нюй-ван-*го* поддерживали и владения (кор. *кук*; кит. *го́*) в Южной Корее.[4] В «Цзинь-шу» есть сведения о связях *вожэнь* с государством Гунсуней и их округом Дайфан в Корее – китайский источник сообщает о Бимиху: «Эта женщина–государь (кит. *нюй-ван*) (Бимиху – *С.Д.*) отправила посла в Дайфан, [чтобы] явиться на аудиенцию (кит. *ча́оцзя̀нь ́*). После этого приношение дани (кит. *гӯн*) и посылки послов с визитами не прекращались, и, [когда] Вэнь-*ди* (220-227 гг.) стал регентом (кит. *ся̄н*), тогда [ещё] несколько [посольств] прибыло [из Во-*го*]...»[5] [Цзинь-шу, цз. 97, Вожэнь[6]].

Образовавшееся после 220 года в Северном Китае государство Вэй[7] к 30-м гг. III века окрепло и решило восстановить контроль над северовосточной периферией, а также прежние связи с "восточными иноземцами" (*дун-и*). Но этому мешало полунезависимое существование государства Гунсуней на Ляодуне: «Когда поднялась династия Вэй... Гунсунь Юань[8] по-прежнему в течение трёх поколений при отце и дяде держал Ляодун. Сын Неба считал эту область отдалённым краем и поручил ему заморские дела. Затем, будучи разделёнными, восточные иноземцы не могли сноситься с Китаем»[9] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, л. 1, Введение к 3-му разделу].

К тому же в дела региона активно вмешивалось южно-китайское государство У, находившееся в Цзян-нани. Оно боролось с Вэй и, по этой причине, было заинтересовано в союзниках в Корее и Маньчжурии, которые бы угрожали Вэй с тыла. По-

---

[1] 郡 кит. *цзюнь* – область, уезд.

[2] 「郡遣 往來ㇾ常所駐。」. – Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 854; Саньго-чжи, 1999. С. 633; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; также цит. по: *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 22; у Н.В. Кюнера этот кусок текста выпущен. – См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 243.

[3] См.: *Мори К.* Нихон синси. С. 229. Ср.: перевод Н.В. Кюнера. – *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 247.

[4] См.: *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 29; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 63.

[5] 「其女王 遣ㇾ使 至ㇾ帯方、朝見。其後 貢ㇾ聘ㇾ不絶、及 文帝 作ㇾ相、又数 至。」– Цзинь-шу, 2004. Т. IV. С. 2173; Цзинь-шу, 1974. Т. VIII. С. 2536; также цит. по: *Мицуки Т.* "Тайхэй-гё-ран (кит. Тайпин-юй-лань)"-сёин "Гиси-вакоку-дэн (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)"-ни цуйтэ. С. 65; 朝見 кит. *ча́оцз'янь* – 1) быть (явиться) на [высочайшей] аудиенции (БКРС. Т. II. С. 168); 貢 кит. *гӯн – сущ.* 1) дань... *гл.* 1) приносить дань... (БКРС. Т. IV. С. 670-671); 聘 кит. *пѝнь – гл.* ... 4) посылать посла с визитом (в другое царство, княжество)... (БКРС. Т. III. С. 491); 相 кит. *ся̄н* – 1) канцлер, регент; министр; царский советник (БКРС. Т. II. С. 615).

[6] Ср.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 257.

[7] История Китая, 1974. С. 51.

[8] 公孫淵 Гунсунь Юань. – *Мацумото С.* Сэйтё-цӯси. Т. III. С. 250.

[9] См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 227.

слы У и Гунсунь Юаня постоянно ездили туда и обратно. Уские послы, выплывая из устья реки Янцзы, двигаясь на север вдоль побережья и огибая полуостров Шаньдун, прибывали на Ляодун, отсюда могли попасть в Когурё.[1]

Однако, почувствовав ненадёжность Гунсунь Юаня, У стало искать союзника в лице *когурё*ского *ван*а Тончхона (227-247), с которым у правителя У – Сунь Цюаня (императора Да-*ди*, 222-252) поначалу установились дружеские отношения (Тончхон отправил обратно *у*ского посла с подарками и докладом, в котором именовал себя подданным [кит. *чэнь*][2]).[3] В 235 году *когурё*цы вошли в кратковременный союз с У, но уже в 238 году они выступили на стороне *вэй*ских войск, действовавших против сторонников У в Ляодуне.[4]

В 238 году (2-й год *Цзин-чу*), в 8-й луне, государство Вэй организовало против Ляодуна военную экспедицию в составе многотысячной армии, которую возглавил лучший *вэй*ский полководец Сыма И. После многомесячной осады столица Ляодуна – крепость Сянпин – пала, её защитники были перебиты. Погиб и сам Гунсунь Юань[5] [Саньго-чжи, гл. 8, л. 17б]. «В годы правления *Цзинчу* (237-239) император [Вэй], подняв большую армию, казнил (Гунсунь) Юаня. Продвинувшийся далее корпус переплыл море, вернул области Лолан и Дайфан, и после за морем было спокойно…»[6] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, л. 1 а, Введение к 3-му разделу]. Владение семьи Гунсуней (государство Янь) было ликвидировано, а на их землях – созданы новые округа: Ляодун, Чанли, Сюаньту, Дайфан, Лолан [Цзинь-шу, гл. 14, л. 11 б].[7]

Возникает вопрос: куда делись родичи свергнутого Гунсунь Юаня? Материалы японских источников позволяют сделать вывод, что, видимо, члены семьи Гунсуней бежали в Японию (с которой они с 204 года поддерживали отношения) и осели, вероятно, на острове Кюсю в государстве Нюй-ван-*го*, дав начало новому роду Токоёно *мурадзи* (досл. "главы группы [людей из страны] Токоё"), родоначальником которого считался Гунсунь Юань. В «Синсэн-сёдзи-року» трижды (в 21-м, 23-м и 28-м свитках) сказано: «[Люди рода] Токоё-но *мурадзи* – происходят от правителя (кит. *ван*) государства Янь [по имени] Гунсунь Юань»[8] [Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й, Токоё-но *мурадзи*; св. 23-й, Токоё-но *мурадзи*; св. 28-й, Токоё-но *мурадзи*]. Таким образом, получается, что топонимом "**Токоё**" (кит. Чан-ши) японцы называли, прежде всего, территории китайского государства **Янь в Южной Маньчжурии** с центром **на Ляодуне**.

---

[1] *Мацумото С.* Сэйтё-цуси. Т. III. С. 250.

[2] 臣 кит. *чэнь* – подданный. См.: *Мацумото С.* Сэйтё-цуси. Т. III. С. 250.

[3] *Мацумото С.* Сэйтё-цуси. Т. III. С. 250.

[4] *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 34.

[5] Цит. по: *Бутин Ю.М.* Корея... С. 52; см.: С. 53; Нихон-но акэбоно. С. 109.

[6] См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 227.

[7] Цит. по: *Бутин Ю.М.* Корея… С. 53; см. также: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 114.

[8] (750) 左京、諸蕃、漢:「常世連。出㆑自 燕国王㆓公孫淵 也。」– *Саэки А.* "Синсэн-сёдзи-року"-но кэнкю, 1962. С. 281; (829) 右京、諸蕃、漢:「常世連。出㆑自 燕国王㆓公孫淵 也。」– Там же. С. 294; (1017) 右京、諸蕃、漢:「常世連。出㆑自 燕国王㆓公孫淵 也。」– Там же. С. 324; ср.:「常世連(とこよのむらじ)。燕国王、公孫淵より出づ。」– Синсэн-сёдзи-року, св. 21-й, 23-й, 28-й // URL: http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/26syouji.htm, ~26syouji.htm и ~34syouji.htm (дата обращения: 28.06.2016).

Члены рода Токоё-но *мурадзи* (рода потомков семьи Гунсуней), жившие на Кюсю, в конце III века н.э. могли принять участие в Восточном походе Дзимму (по мнению исследователей, основавшего государство Ямато в Центральной Японии на рубеже III–IV веков н.э.)[1], так как в период Ямато (в IV – середине VII веков) и позже отпрыски Гунсунь Юаня жили уже в Центральной Японии. Когда во время этой военной экспедиции в год *цутиноэ-ума* (55-м году цикла [298 г. испр. хрон.]) сложилась тяжёлая ситуация, брат Дзимму – Микэ-ирино-но *микото* (он же: Микэно-но *микото*, Микэну-но *микото*, Вака-микэно-но *микото*[2]), как сказано в «Нихон-сёки», ушёл в страну Токоё-но *куни*[3] (кит. Чан-ши-*сян*). Проводниками в земли южной Маньчжурии ему могли послужить потомки семьи Гунсуней (и, может быть, другие китайцы, например, *у*сцы). Таким образом, они вместе с японцами, под руководством старшего брата Дзимму – Микэ-ирино-но *микото*, могли отправиться на континент – в Ляодун (страну Токоё-но *куни* у японцев; т.е. в земли прежнего государства Янь). С какой целью он туда отправился – неизвестно. Возможно, для получения военно-дипломатической поддержки со стороны китайских властей.

О том, что это было не переселение, а некая дипломатическая миссия, говорит тот факт, что Микэ-ирино-но *микото* со спутниками (в том числе, и китайцами [?]) не остался насовсем в стране Токоё-но *куни* (т.е. в южной Маньчжурии), а вернулся в Японию. В местных сказаниях острова Кюсю есть сведения о дальнейшей судьбе Микэ-ирино-но *микото*. В предании (яп. *дэнсэ̄*) местности Такатихо (в юго-восточном Кюсю) сообщается, что Микэ-ирино-но *микото* вернулся из Токоё-но *куни* (т.е. из южной Маньчжурии) в Химука.[4] В одном из преданий (яп. *дэнсэ̄*) рода Асо-*удзи* также говорится, что Микэну-но *микото* (т.е. Микэ-ирино-но *микото*) потом вернулся на свою родину – в местность Такатихо в южном Кюсю. Когда член рода Ō-*удзи* – Такэ-ива-тацу из местности Удзи (области Ямасиро), находившейся под властью государя Суйдзэя (2-го), бежал на родину своего деда – Дзимму, т.е. на остров Кюсю, и пришёл в местность Такатихо – этой землёй управлял Микэну-но *микото*, старший брат государя Дзимму.[5]

Таким образом, в начале III века государство Янь установило дипломатические отношения с японским государством в Северном Кюсю, которое китайцы называли Нюй-ван-*го*. Эти отношения продолжались до 238 года, когда империя Вэй вернула

---

[1] Об этом подробнее см.: *Суровень Д.А.* Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико* // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1998. – С. 175-198.

[2] О нём см.: Нихон-сёки: Анналы Японии. – Т. I. С. 176; Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. I. С. 96.

[3] 常世郷 яп. *Токоё-но куни*. – досл. “селение (яп. *сато* / *мура*; т.е. община) Токоё” (кит. *Чан-ши-сян*). – Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 國史大系). – Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. – Ч. I. – Т. I. – С. 116. Здесь 郷 кит. *ся̄н* – 1) деревня, село; 3) страна, земля, место; 4) в о л о с т ь (*подразделение уезда*). – БКРС. Т. II. С. 792.

[4] Адзуми-*удзи* – Адзуми-*удзи* 阿曇氏・安曇氏 // URL: http://homepage2.nifty.com/amanokuni/azumi.htm (дата обращения: 28.05.2016).

[5] 「元々山城国宇治から阿蘇に来たとの伝承あり。叔父の2綏靖天皇の支配する宇治の地を避けて祖父神武の故郷である九州に行き、祖父の兄ミケヌノミコトが支配している高千穂を避け…」 – Ō-удзи кō (цуки: Асо-удзи, Канэсаси-*удзи* 多（おお）氏考（付：阿蘇氏・金刺氏） // URL: http://www17.ocn.ne.jp/~kanada/1234-7-31.html (дата обращения: 28.05.2016).

земли Ляодуна, Дайфана и Лолана под свой контроль. После чего члены рода Гунсуней бежали в Японию, дав начало уже японскому роду Токоё-но *мурадзи*.

ъ. В 6-й луне 239 года (3-го года *Цзинчу*) на месте бывших владений Гунсуней была создана область Пинчжоу[1], состоявшая из пяти уездов: Ляодун, Чанли (или Ляоси)[2], Сюаньту, Дайфан, Лолан. В составе Пинчжоу было выделено особое воеводство "Ху дун-и цзяо-вэй" (наместничество для управления восточными иноземцами) с резиденцией в Сянпине [Цзинь-шу, гл. 14, л. 11 б].[3] В этот, уже *вэй*ский, Дайфан и прибыло посольство из десяти человек от японского государства Нюй-ван-*го* во главе с "*дафу*"[4] Наньшэнми[5] и вторым послом (кит. *цы-ши*) Души Нюли[6] «с просьбой разрешить явиться к Сыну Неба и представить дань»[7] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во; Вэй-чжи, цз. 30, л. 27 а, 9-10].

В разделе о *вожэнь* это событие ошибочно датировано 2-м годом *Цзинчу* (6-й луной 238 года), то есть за два месяца до начала военной операции войск династии Вэй против Гунсунь Юаня, что явно является ошибкой, так как должен быть «3-й год *Цзинчу*» (239 г.) – именно так записано во фрагменте «Вэй чжи», приводимом в «Тай-пин юйлань»[8], а также в «Нихон-сёки», где цитируется данный текст из «Вэй-чжи»[9] [Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингу, 39-й год; Nihongi, IX, 25]. В 12-й луне этого же года японское посольство прибыло в столицу Вэй – Янь-цзин (Пекин).[10] Император Мин-*ди* принял Наньшэнми и второго посла – Души Нюли, выслушал их доклад, взял подарки от Бимиху – четырёх мужчин–*шэ̄нкӯ* ("пленников") и шесть женщин–*шэ̄нкӯ* ("пленниц") [о *шэ̄н-кӯ*, яп. *сэйкō* – см. комментарий «**ч**»], «различного цвета холста два куска длиною в две сажени», – и был «очень растроган»[11] (пер. Н.В. Кюнера) [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, 238 год (239 г.), 12-я луна].

---

[1] *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэ сирон. С. 114.
[2] *Бутин Ю.М.* Корея... С. 255, прим. 258.
[3] Цит. по: *Бутин Ю.М.* Корея… С. 53; см. также: Там же. С. 36; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 114.
[4] См. комментарий «**и**».
[5] 難升米 кит. *Нань-шэн-ми* – досл. "Мера риса [на период] трудностей"; А. Ведемэйер по-японски читает это имя как "*Нас*(*с*)*оми*"; С.В. Лаптев – как " Нансёмэй"; Цунода Рюсаку – как "*Насёнми*" ("*Насёмми*"); Кудзира Киёси – как "*Насёми*"; Окада Хидэхиро предлагает читать его имя как «Нансёбэй» (Окада Хидэхиро, 1994. С. 68), Ики Итиро и Саэки Арикиё – «Нансёмай» – См.: *Wedemeyer A*. Japanische Frühgeschichte. S. 182; *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках, 2022. С. 231; Sources of the Japanese tradition. – New York – London: Routledge and Kegan Paul, 1965. – Vol. I. – P. 6; *Кудзира Киёси* 鯨 清. Нихон-коку-тандзё̄-но надзо 日本国誕生の謎. – Токио 東京: Нихон бунгэйся 日本文芸社, 1978. – С. 148; *Ики Итиро̄* 壱岐 一郎. Тōгоку сэйси-но кодай Ниппон кироку 中国正史の古代日本記録. – Фукуока 福岡: Аси сёбō 葦書房, 1992. – С. 60; *Саэки Арикиё* 佐伯 有清. Кодай-но Тōадзиа-то Ниппон 古代の東アジアと日本 / Сер. «Рэкиси синсё» 歴史新書. – Токио 東京: Кēику-ся 教育社, 1977. – Т. I. – С. 61.
[6]「次使 都市牛利」– Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 857; Саньго-чжи, 1999. С. 635; Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548; 都市牛利 кит. *Души Нюли*, яп. *Тоси Гюри* – досл. "столичного рынка коров удаляющий".
[7]「景初二 (三) 年六月、倭女王 遣ㇾ大夫 難升米等 詣ㇾ郡、求詣ㇾ天子 朝獻。」– Там же.
[8] В тексте «Вэй чжи», приводимом в «Тай-пин юйлань» – 3-й год эры *Цзин-чу*, т.е. 239 г. н.э.
[9] См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 277; Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / Transl. by W.G. Aston. – London: Allen, 1956. – Part I. – P. 245.
[10] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 80-81.
[11] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 248.

В «Вэй чжи» сказано: «В 6-м месяце 2-го года эры *Цзин-чу* (238 г.) [239 г. – *С.Д.*], женщина–правительница Во[1] послала [своего] *дафу*[2] Нансёмэй (кит. Наньшэнми) и других посетить округ (Дайфан), чтобы просить об аудиенции для подношений Сыну Неба. *Тайшоу* (правитель округа) Лю Ся послал чиновника, чтобы сопровождать их в столицу.[3]

В 12-м месяце того же года был объявлен высочайший указ женщине–правителю Во, гласивший: "Императорский указ дружественному Вэй правителю Во – Химико.

Правитель округа Дайфан – Лю Ся прислал посла, сопровождающего твоего *дафу* Нансёмэя и второго посла Тосигюри (кит. Душинюли).[4] Они вручили преподнесённых тобой четырёх рабов-мужчин (кит. *шэнкоу* – пленников[5] – *прим. ред.*), шесть рабынь (кит. *шэнкоу* – пленников – *прим. ред.*), разной материи два куска длиной в два *чжана*.[6] Ты находишься очень далеко, но прислала послов и преподнесла дань. В этом [проявились] твои преданность и почтительность. Я очень растроган.

Ныне, поскольку ты являешься дружественным Вэй *ван*ом Во[7], жалую тебе золотую печать с фиолетовой кистью. Упакованную и запечатанную передам её правителю округа Дайфан для вручения тебе. Умиротворяй твоих соплеменников, будь старательной в дочерней почтительности и верности. Послы, которых ты прислала, Нансёмэй и Гюри, прошли долгий путь и усердно потрудились. Ныне назначаю Нансёмэя *шуайшань-чжунланцяном*[8], а Гюри – *шуайшань-сяовэем*[9] и вручаю им

---

[1] То есть Пимико (кит. Бимиху).

[2] *Дафу* 大夫 – в Китае ранг аристократии, здесь очевиден перенос китайского термина на реалии другой страны, в какой степени он адекватен положению Нансёмэя – не ясно. – *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках, 2022. С. 231, прим. 2. См. коммент. «**и**».
Тем не менее, очевидно его высокое положение при дворе Химико.

[3] Несмотря на влияние усцев, Химико идёт на политический союз с Вэй. Это подтверждается ис- пользованием вэйского летосчисления в надписях на бронзовых зеркалах. – *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках, 2022. С. 231, прим. 4.

[4] Саэки Арикиё предлагает читать «Цусигори». – *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках, 2022. С. 231, прим. 5.

[5] о *шэнкоу* (яп. *сэйкō*) см. комментарий «**ч**».

[6] 4 *м* 80 *см*. Иноуэ Хидэо считает, что столь незначительные подарки свидетельствуют о слабости государства во, в отличие от Суйсё, приславшего посольство в 106 г.н.э. со 160 *шэнкоу* в подарок. Однако, по-видимому, дело здесь вовсе не в слабости или силе Яматай, а в его меньшей заинтересованности в Вэй. – См.: *Лаптев С.В.* Указ. соч. С. 231, прим. 7.

[7] Согласно исследованиям Курихара Томонобу, титул «дружественный *ван*» являлся высшим рангом, присуждавшимся «внешним вассалам» (*вай чэнь* – [внешним подданным – *прим. ред.*]). Такого же ранга династия Вэй удостоила только правителя Кушанского царства. – *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках, 2022. С. 232, прим. 1.

[8] Видимо, придворная и одновременно военная должность, так как включает в себя звание *чжунланцзян* – «начальник охраны дворца», отдельно *чжун лан* также значит «камергер среднего ранга»; *шуайшань*, видимо, подчёркивает почётность данных титулов (*Лаптев С.В.* Указ. соч. С. 232, прим. 2). Звание *шуа̀й-ша̀нь чжӯн-ла́н-цзя̀н* 率善中郎將 (Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548) можно истолковать следующим образом: звание *чжӯн-ла́н-цзя̀н* 中郎將 – *ист.* начальник дворцовой стражи (БКРС. Т. II. С. 922) (*в периоды Цинь и Хань*. – См.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши-цзи). Т. III. С. 682, 938; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 34; Sources of the Japanese traditions. – New York – London: Routledge and Kegan Paul, 1965. – Vol. I. – P. 6), по мнению Иноуэ Каору, было связано с командованием службами ночных караулов во дворце, личной охраны государя, дежурства при высокопоставленных лицах (*Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю-но гэндзё. С. 153, 154). Именно в таком значении понимают титул,

по серебряной печати с голубыми кистями. Они потрудились, добиваясь аудиенции, [и поэтому ныне] награждаю их и отправляю обратно. Ныне посылаю красную шёлковую ткань (*цзян-ди*), 5 кусков парчи с изображением перекрещивающихся драконов, 10 креповых зернистых ковров, 50 кусков светло-красных, 50 сине-зеленых. Этим я возмещаю тебе стоимость преподнесённых даров. Особо преподношу тебе 3 куска синей шелковой парчи со значками и надписями, 50 кусков белого тонкого шёлка, 8 *лян*ов золота[1], 2 меча длиной в 5 *чи*[2], 100 бронзовых зеркал, по 50 *цзинней*[3] жемчуга и свинцовых пилюль.[4]

Все это, упаковав и запечатав, передаем Нансэ̄мэю и Гю̄ри, чтобы по возвращении они передали тебе, вместе с копией [списка]. Всё это можешь показать своим соплеменникам, чтобы дать им знать, что [наша] страна сочувствует тебе, поэтому торжественно дарует тебе хорошие [ценные] вещи".

В начальный год *Чжэн-ши* (240 г.) правитель округа (Дайфан) Гун Цзунь послал *цзяньчжун-сяовэя*[5] Ти Цзюня и других, вручив ему печать с кисточками и письмо в страну Во, чтобы передать их *во*скому *ван*у[6], а также преподнести ему в подарок

полученный японскими посланниками (Наньшэнми, Исегоу; возможно, Ишэнци и ещё восемь человек) некоторые исследователи (*Young J.* The Location of Yamatai. P. 34; Sources of Japanese traditions. P. 6). Но Иноуэ Каору обратил внимание на то, что перед титулом "*чжӯн-лáн-цзя̀н*" стоѝт приставка "*шуа̀й-ша̀нь-*", где "*шуа̀й*" 率 означает "вести за собой; вставать во главе; возглавить, к о м а н д о в а т ь, во главе; предводитель, начальник; полководец, командир" (БКРС. Т. II. С. 821); а "*ша̀нь*" 善 – "лучшие люди" (善 кит. *ша̀нь – прил.* 1) хороший, прекрасный… н а и л у ч ш и й… 2) у м е л ы й, и с к у с н ы й; знающий… *сущ.* …2) л у ч ш и е л ю д и. – БКРС. Т. II. С. 464), что можно перевести как "предводительствующий лучшими людьми". Иноуэ Каору указывает, что подобных званий "*чжӯн-лáн-цзя̀н*" и "*ся̀о-вэ̯̀й*" с приставкой "*шуа̀й-ша̀нь-*" при дворе Вэй не было, поэтому исследователь стал рассматривать данный бином как эвфемизм (красивое название) (*Иноуэ К.* Указ. соч. С. 154). В общем, перевод титула "*шуа̀й-ша̀нь чжӯн-лáн-цзя̀н*" звучит как "предводительствующий лучшими людьми начальник дворцовой стражи".

[9] Проблема с титулом "*шуа̀й-ша̀нь ся̀о-вэ̯̀й*" (полученным Души Нюли) решается аналогичным образом: 率善 "*шуа̀й-ша̀нь-*" ("предводительствующий лучшими людьми") – украшательная приставка; 校尉 "*ся̀о-вэ̯̀й*" – "воевода, полководец" (*с династии Хань*) (БКРС. Т. IV. С. 55). Иноуэ Каору приводит мнение двух японских учёных (Вата и Исихара) относительно титула "*шуа̀й-ша̀нь ся̀о-вэ̯̀й*": по их мнению, это было должностное лицо, руководившее дежурной службой (при высокопоставленном лице) (侍値 кит. *шѝ-чжѝ* – дежурить, нести службу (*при высокопоставленном лице*). – БКРС. Т. III. С. 44), ночными караулами во дворце и личной охраной государя (宿衛 кит. *сӯ-вэ̀й* – [нести] ночной караул (*во дворце*); личная охрана (*государя*). – БКРС. Т. II. С. 612) в дворцовом (запретном) городе (宮城 кит. *гӯнчэ́н′* – Там же. С. 542). – *Иноуэ К.* Указ. соч. С. 154.

[1] 125 *г*.

[2] 120 *см*.

[3] 12,5 *кг*.

[4] По Хасимото Масукити – «свинца и киновари».

[5] То есть военного чиновника. Звание 建忠校尉 *цзя̀нь-чжӯн ся̀о-вэ̯̀й* – досл. "устанавливающий [отношения] верности (преданности) воевода (полководец)"; где 建 кит. *цзя̀нь – гл.* 2)… устанавливать [отношения]… (см.: БКРС. Т. IV. С. 178); 忠 кит. *чжӯн – сущ.* 1) верность, преданность; лояльность… (Там же. С. 876); 校尉 кит. *ся̀о-вэ̯̀й* – 1) *ист*. воевода, полководец (Там же. С. 55).

[6] То есть правителю японского государства на Северном Кюсю.

золото, ткани, парчовые ковры, мечи, зеркала и цветные предметы, [указывающие ранг властителя]. Японская правительница отправила [посольство] поднести доклад и в ответ благодарить за высочайшую милость (пожалование).

В 4-й год той же эры (243 г.) правительница Во снова отправила послами [своих] *дафу* Исэйки (кит. Ишэнци), Экияку (кит. Еегоу) и других восемь человек преподнести рабов(ееееe), *во*скую парчу, красные и голубые тонкие шелковые ткани, одежду на (шёлковой) вате, шёлковое полотно, красное дерево, имбирь, короткий лук со стрелами. Экияку и другие пожалованы званиями *шуайшань-чжунлан-цзяна* и печатями с кисточками.

В 6-й год той же эры (245 г.) было поведено наградить *во*ского Нансёмэя желтым стягом и передать [его] в округ (Дайфан) для вручения» (пер. С.В. Лаптева)[1] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, цз. 30, Во, 238 г. [239 г.], 240, 243, 245 гг.]

ы. Последнее посольство от правительницы Химико (др.-яп. Пимико, кит. Бимиху) в Китай было в 247 году. Его отправка связана с тем, что с середины 40-х годов III века начинается открытая борьба между Нюй-ван-*го*, главой которого была верховная жрица–правительница Химико, и государством Гоуну-*го* (яп. Куна-*коку* / Куна-но *куни*) в Среднем Кюсю. О государстве Гоуну-*го* известно немного: оно было независимым от Нюй-ван-*го*, а его правитель (кит. *нань-ван*[2]) по имени Бими Гун-ху[-су] (яп. *Хи-ми ку-ко*[-*со*])[3] враждовал с правительницей Нюй-ван-*го*.[4]

Как сказано в «Вэй-чжи», в 247 году «японский государь–женщина Бимиху вместе с государем–мужчиной страны Гоуну-*го* – Бими-гун Хусу не были в мире...».[5] Для того, чтобы получить помощь и поддержку от Вэй, Бимиху послала *цзай-сы* (должностное лицо, связанное с заключением договоров)[6] Уюэ и других в Дайфан, дабы «договориться о совместном нападении на Куна». Согласие было получено, из Китая прибыл специальный посол, но в это время Бимиху умерла[7] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.]. Как считают исследователи, Гоуну-*го* не выражало покорности Китаю и внешне[8] и, видимо, не имело с династией Вэй дипломатических отношений.

Ход войны с Куна нам не известен, и, хотя об этой стране в источниках больше ничего не говорится. Нюй-ван-*го*, вероятно, не удалось достичь решающих успехов. Победе над Куна должны были помешать внутренние распри, возникшие после смерти правительницы. Тогда на престол в Нюй-ван-*го* был избран государь–мужчина (кит. *нань-ван*), но «в стране не подчинились, опять друг друга убивали, в то время

---

[1] Цит. по: *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках, 2022. С. 231-233.

[2] 男王 кит. *нань-ван*. – См.: *Саэки Ю.* Кодай кокка-но кэйсэй. С. 81, 82; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 109; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 76; *Сакамото Тарō* 坂本 太郎. "Гиси-вадзин-дэн" (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō 魏志倭人伝雑考 // Кодайси-кэнкю̄: Яматай-коку 古代史研究。邪馬台国. – Токио 東京, 1956. С. 137.

[3] 卑彌弓呼〔素〕кит. *Би-ми гун-ху*(-*су*), яп. *Хи-ми ку-ко*(-*со*). – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 548; *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 250; см.: *Саэки Ю.* Указ. соч. С. 81, 82; *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 24; *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 76, 46; *Wedemeyer A*. Japanische Frühgeschichte. S. 229-230. О его имени см.: *Суровень Д.А*. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 245-246.

[4] *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 98.

[5] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 250.

[6] См.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 403, коммент. «**ооооо**».

[7] См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 250.

[8] *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 80, 98.

убили тысячу человек»[1] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.]. Сопоставление сведений древнеяпонского сказания о "сошествии" Ниги-хаяхи-но *микото* в область Ямато[2] (изложенном, прежде всего, в «Кудзи-хонки» и кратко – в «Нихон-сёки») с сообщениями китайских династийных историй о событиях в юго-западной Японии середины III века приводит нас к выводу о том, что Ниги-хаяхи-но *микото* и сопровождавшие его люди могли быть участниками борьбы за власть, развернувшейся в государстве Нюй-ван-*го* (яп. Дзёо-*коку*) после смерти правительницы Бимиху (др.-яп. Пимико, совр.-яп. Химико) в 247-248 гг. Ниги-хаяхи-но *микото* и его сторонники, можно полагать, выступили против И-юй (яп. Иё; преемницы Бимиху). Видимо, сторонники Ниги-хаяхи-но *микото* потерпели поражение в этой смуте и вынуждены были бежать во главе с Ниги-хаяхи-но *микото* из Северного Кюсю (судя по названию местностей в северо-западном Кюсю, откуда были выходцами сподвижники Ниги-хаяхи-но *микото*[3]) в Центральную Японию.[4]

В результате недолгой борьбы за власть на престол возвели «побочную дочь» (кит. *цзун-нюй*) Бимиху по имени Йюй (яп. *Иё*, или в другом написании – *Тоё*) тринадцати лет отроду, «в стране затем всё пришло в порядок»[5] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.; Вэй-чжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 28 б, 7-8]. Июй не могла быть ребенком женщины, всю жизнь проведшей в безбрачии, но бесспорно одно – в Нюй-ван-*го* (в Ематай-*го*) определился клан, поставляющий правителей.[6] На это указывает и термин «*цзун-нюй*» («дочь члена императорской фамилий [рода]»). Последовательный приход к власти двух правительниц не является чем-то необычным для Кюсю: сведения о женщинах–правительницах в этом регионе не редкость.

Возраст правительницы Июй свидетельствует в пользу того, что она явно явля-

---

[1] *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 250; *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках н.э., 2022. С. 234.

[2] Прибыв в Центральную Японию, Ниги-хаяхи, высадившись со своего корабля, назвал её «Страна *Ямато*, видимая с неба» (虛空見日本國 яп. *Сора-мицу Ямато-но куни* – досл. "Видимая с небес ('пустоты неба') страна Ямато"). Однако В. Астон отмечает, что по-настоящему термин *сора-мицу* означает "Наполняющее небеса", т.е. достигающее границ горизонта. – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 132-133; Nihongi. Part I. P. 135; ср.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 194.

[3] Анализ топонимики показывает, что переселенцы (прежде всего, люди рода Мононобэ-*удзи* и *неполноправные свободные* работники корпораций Мононо*бэ*) были изначально связаны с местностью нынешнего уезда **Куратэ** префектуры Фукуока и речного **бассейна реки Онга**, где и ныне очень много святилищ, где почитаются боги и предки клана Мононобэ. Подробнее см.: Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Сказание о "сошествии" Ниги-хаяхи-но *микото* как источник о миграции группы населения с острова Кюсю в Центральную Японию в середине III в. н.э. // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2020. – № 2 (18). – С. 38-63. *Суровень Д.А.* Состав переселенцев с острова Кюсю и места их расселения в центральной Японии в середине III в. н.э. (по материалам сказания о "сошествии" Ниги-хаяхи-но *микото*) // Там же. 2021. № 1 (21). С. 78-104.

[4] *Исии Ёсими*. Онкӗ кōгаку-но кантэн-кара мита дзӗдай тимэй (Ито-но Мару-тимэй)-но дэмпано кэнкю̄. С. 52, 54. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Состав переселенцев… С. 78-104.

[5] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 250; *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках н.э., 2022. С. 234. См. подробнее: *Суровень Д.А*. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии. С. 169; *Суровень Д.А*. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 246-247.

[6] *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 94; см.: *Кудзира К.* Нихон-коку тандзё-но надзо. С. 147-148, 153-154; *Ямао* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 69; *Ishii R.* A History of political institutions in Japan. P. 7; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 34.

лась ставленницей общинной знати, различные группировки которой, не сумев в открытой борьбе за власть захватить трон, «поставили» (выбрали) удобного кандидата – Июй, при которой влиятельные лица, оставаясь в тени, имели, тем не менее, реальные властные полномочия для управления страной.

Взойдя на престол, Июй вместе с китайским послом, привезшим согласие Вэй на военный союз, отправила к вэйскому двору Посольство с подарками, (в том числе 30 *шэнкоу* [пленников])[1] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, 247 г.]. На этом повествование «Вэй-чжи» обрывается.

Если судить по материалам «Самкук-саги» и «Тонгук-тхонгам», при Июй сохранялся дуализм в организации власти – она (также как Бимиху) имела мужчину–соправителя. В этих корейских источниках в 4-й луне 249 года упоминаются «правительница (кор. *ван-пи*)[2] [государства] Вэ» (яп. Ва, кит. Во) – это, несомненно, Июй; и «правитель (кор. *ван*) [государства] Вэ» – мужчина, выполнявший при пятнадцатилетней уже девушке роль помощника в управлении, т.е. верховная жрица–правительница и её мужчина–соправитель. Такая *диархия* власти в японской традиции получила название системы «*химэ–хико*» («управление страной знатной женщиной ("принцессой") и [её родственником] знатным мужчиной ("принцем")»).[3]

ь. В 265 году династия Вэй пала, Сыма Янь (император У-*ди*, 265-290 гг.) основал династию Западная Цзинь (265-316 гг.). В начале годов правления *Тайши* (265-275 гг.), во 2-й год *Тайши*[4] (266 г.), люди Во сделали попытку вступить в контакт с новой династией: «В начале годов правления *Тайши* (цзиньского императора У-*ди*, 265-275 гг.) прислали посла в качестве переводчика и представили дань»[5] [Цзиньшу, гл. 97, Вожэнь, годы *Тайши*]. В «Нихон-сёки» цитируются более точные сведения: «...Этот год [был] вторым годом [периода] *Тайши* императора У-*ди* династии Цзинь. В ″Пояснениях к начальному периоду Цзинь″ сказано: "В 10-й луне 2-го года *Тайши* императора У-*ди* [династии Цзинь], женщина–государь [страны] Во прислала переводчиков [с] данью"»[6] [Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингӯ, 66-й год; Nihongi, IX, 33]. Все исследователи сходятся на том, что данной женщиной–государем была Июй[7], которой в это время было около 31-го года.

«Сун шу»

аа. Здесь географическое описание положения Японского государства (кит. Во) («посреди океана к юго-востоку от Гаоли», т.е. Когурё) указывает на то, что речь идёт не о государстве Яматай (II–III вв.), располагавшегося в юго-западной Японии (прежде всего, на острове Кюсю), а о государстве **Ямато**, в V веке занимавшего большую

---

[1] *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 250; *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках н.э., 2022. С. 234.

[2] 王妃 кор. *ван-пи* (*ванъ-би* 왕비), кит. *ва́н-фэ̄й* – досл. "жена правителя", принцесса, королева; где 妃 кит. *фэ̄й – сущ.* 1)* супруга; жена (*напр. наследника престола*, *принца*)… – БКРС. Т. IV. С. 339.

[3] Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 247-251.

[4] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 82; *Мори К.* Нихон синси. С. 176.

[5] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 257.

[6] 「【是年、晋武帝泰初二年。晋起居 注云:『武帝〻泰初二年十月。倭女王 遣〻重訳 貢献。』】」– Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 264. Ср.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 283.

[7] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 82; *Хора Т.* Яматай-дзёбкоку-но мэцубо. С. 7, 8; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 18; Нихон дзэнси. Т. I. С. 296; *Кудзира К.* Нихон-коку тандзё̄-но надзо. С. 162, 183-184; Бураку-си... Т. I. С. 18.

часть о́строва Хонсю, острова̀ Сикоку и Кюсю.

бб. После длительного перерыва в посольствах ко двору Китая (266-412 гг.), как сообщают китайские династийные истории, правитель Японии из династии **Ямато**, которого китайцы именуют *ван Цзань*[1], в **413 году** вновь установил дипломатические отношения с Китаем[2] [Цзинь-шу, Ань-ди *цзи*, 9-й год *Иси* (413 г.)[3]; Сун-шу, *и-мань*, Во-*го*[4]; Нань-ши, Во-*го*[5]; Нань-ши, гл. 79, IV Япония, 397-419 гг.].

С учётом обнаруженного ещё в конце XIX века удревнения японских официальных датировок на два 60-летних цикла (**120 лет**)[6], исследователи пришли к выводу, что данное событие должно было произойти в царствование государя Хомуда (посмертное почётное имя Ōдзин). Хасимото Масукити указывает, что сведения о япон-

---

[1] 贊, 讃 кит. *Цзань*.

[2] *Хора Т*. Яматай-дзёбо-коку-но мэцубо. С. 7.

[3] Цит. по: *Ямао Ю*. Нихон кодай бокэн-кэйсэй сирон. С. 296.

[4] Цит. по: *Хасимото М*. Тобё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-кб-си кэнкю, 1956. С. 801.

[5] Цит. по: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 297.

[6] В результате сравнения сообщений «Нихон-сёки» с материалами корейских источников («Самгук-саги» и «Тонгук тхонгам»), посвящённых аналогичным событиям, показывает, что изложенные в японской хронике факты, в целом, имеют под собой историческую основу, но большая часть датировок «Нихон-сёки» была искусственно “удревнена” на два 60-летних цикла. Чтобы получить достоверную дату, необходимо прибавить к ним 120 лет. Таким образом, события второй половины IV века оказались отнесены ко второй половине III века. Исследователями было установлено, что царствование государя Хомуда (известного под посмертным почётным именем Ōдзин) приходится на 390 – конец 414 / начало 415 гг. [испр. хрон.]. О реконструкции хронологии подробнее см.: *Нака Митиё* 那珂 通世. Дзёсэй нэнги кб 上世年紀考 // Гайкб эки-си 外交繹史, ч. 1-я 巻之一 // Нака Митиё исё 那珂通世遺書 / Сост. Ко Нака-хакасэ кбсэки кинэн-кай 故那珂博士功績紀念会 編. – Токио 東京: Дай-нихон-тосё 大日本図書, 1915 – С. 36-39; *Кумэ Кунитакэ* 久米 邦武. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Васэда-дайгаку сюппамбу 早稲田大学出版部, 1905. – С. 681-682; *Кумэ Кунитакэ* 久米 邦武. Нихон кодай-си 日本古代史. – Токио 東京: Васэда-дайгаку сюппамбу 早稲田大学出版部, 1907. – С. 691-692; *Хасимото Масукити* 橋本 増吉. Тобё-си-дзё-ёри митару нихон дзё-ко-си кэнкю. Ч. 1-я: Яматай-коку ронкб 東洋史上より見たる日本上古史研究。第 1 (邪馬台国論考). – Токио 東京: Бокаяма сётэн канкб 大岡山書店刊行, 1932. – С. 609-610; Nihongi, 1956. Part I. P. 247-267; см.: *Dickins Viktor F*. The originsof the Japanese state // The English historical review. – 1899, Apr. – Vol. 14. – No. LIV. – P. 213, note 11; *Воробьев М.В*. Япония в III–VII веках. С. 24; 27, табл. 4; *Тихонов В.М*. История каяских протогосударств. С. 15; *Ledyard G*. Galloping along with the Horseriders // Journal of Japanese studies. – 1975, spring. – Vol. 1. – No. 2. – P. 217, 237-238; *Young J*. The Location of Yamatai. P. 54; *Kidder J.E*. Himiko and Japan’s Elusive Chiefdom of Yamatai. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2007. – P. 24; *Brownlee J.S*. Japanese Historians and the National Myths, 1600-1945. P. 112; *Szcześniak B*. The Kōtaiō monument // Monumenta Nipponica. – 1951. – Vol. 7. – No. 1/2. – P. 249; *Szcześniak B*. Some revisions of the ancient Japanese chronology Ōjin tenno period // Monumenta Nipponica. – 1952. – Vol. 8. – No. 1/2. – P. 7, 12; Szcześniak B. Japanese-Korean wars in A.D. 391-407 and their chronology // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – 1946, April. – No. 1. – P. 55. Подробнее о хронологии данного периода см.: *Суровень Д.А*. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингў) и Хомуда-вакэ (государя Ōдзина) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 1-226; *Суровень Д.А*. Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: Международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 8-45; *Суровень Д.А*. Япония в конце IV – V веках: период среднего Ямато. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. – Т. I. – С. 6-90.

ском посольстве **413 года – первом посольстве двора Ямато в Южный Китай**, даны в «Нихон-сёки» **в разделе** “**37-й год пр**. **Ōдзина**”.[1]

Там говорится: корейцы «Ати-но *оми* и Цуга-но *оми* были посланы в У (яп. *Ку-рэ*)...» (формально, с приказом найти там швей–мастериц [портних][2]).[3] Но так как это была первая поездка японцев в Южный Китай – никто из них не знал туда пути. Добираться до Южного Китая пришлось через недружественное Когурё – чтобы получить там проводников, так как эта северокорейская страна тогда поддерживала связи с Южно-китайскими династиями в районе современного Нанкина (там, где раньше, ещё в III веке н.э., располагалось государство У[4]).[5] «…Тогда Ати-но *оми* [и] другие [его спутники] переплыли [через море] в страну Ко[гу]рё, желая [оттуда] достичь [страны] У. Но, [когда они] прибыли в Ко[гу]рё, [там никто] нисколько не знал дороги [в страну У – куда дальше плыть], [и тогда Ати-но оми и его спутники] попросили [дать им] человека, знающего дорогу [в страну У, из людей, находившихся] в Ко[гу]рё. *Ван* Ко[гу]рё в этом случае помог[6] [им и послал с ними] двух человек, [которых звали] Ку-не-пха (др.-яп. *Ку-рэ*-па) и Ку-не-чжи (др.-яп. *Ку-рэ*-си)[7], сделав [их] проводниками (яп. *до*)[8] [для японцев]. Поэтому [Ати-но оми и его спутники] смогли добраться до [страны] У…»[9] (то есть до низовий реки Янцзы)[10] [Нихон-сёки, св. 10-й, Ōдзин, 37-й год пр.; Nihongi, X, 19].

---

[1] *Хасимото М.* Тōē-си-дзē-ёри митару нихон дзē-ко-си кэнкю̄, 1956. С. 611.

[2] 縫工 др.-яп. *нуи-такуми*, яп. *хō-кō*, кит. *фэ́н-гӯн* – портной; 縫工女 др.-яп. *нуи-та-куми-онна*, яп. *хō-кō-дзē*, кит. *фэ́н-гӯн-нюй* – портниха. – См.: БКРС. T. IV. С. 108.

[3]『日本書紀』巻十、応神天皇、三七年(丙寅)、二月、戊午朔:「卅七年、春、二月、戊午朔。遣ㇾ阿知使主、都加使主於呉、令ㇾ求ㇾ縫工女。」– Нихон-сёки, 1957. Ч. I. T. I. С. 282; ср.: Нихон-сёки: Анналы Японии. T. I. С. 295.

[4] *Ishii R*. A history of political institutions in Japan. P. 7; «Самкук-саги» сообщает, что в 236 году «…весной, во втором месяце, Сун Цюань, правитель царства У, прислал посла Ху Вэя, чтобы установить мирные отношения». – *Ким Бусик*. Самгук саги. – М.: Вост. лит., 1995. – Т. II. – С. 68. Факт прибытия посольства из У в Когурё подтверждается и китайскими источниками (Саньго-чжи, Вэй-чжи, Минь-*ди* цзи, 4-й год эры *Цинлун*). – Там же. Т. II. С. 333, прим. 3.

[5] См.: *Мори К.* Нихон синси. С. 320.

[6] 副 яп. *фуку*, кит. *фӯ* – …2) помогать, оказывать помощь… – БКРС. T. II. С. 1001.

[7] 久禮波 кор. *Ку-не-пха*, яп. *Курэ-па*; 久禮志 кор. *Ку-не-чжи*, яп. *Курэ-си*. – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. T. I. С. 282.

[8] 導 др.-яп. *митибуки*, яп. *дō*, кит. *дǎо* – *сущ.* 1) ведущий; проводник, гид; поводырь … – БКРС. T. III. С. 66.

[9]『日本書紀』巻十、応神天皇、三七年(丙寅)、二月、戊午朔:「爰阿知使主等、渡ㇾ高麗國、欲達ㇾ于呉。則至ㇾ高麗、更不知ㇾ道路。乞ㇾ知道者於高麗。高麗王乃副ㇾ久禮波、久禮志〻二人、爲ㇾ導者。由是得通ㇾ呉。」– Нихон-сёки, 1957. Ч. I. T. I. С. 282; ср.: Нихон-сёки: Анналы Японии. T. I. С. 295; см.: *Лаптев С.В.* Сведения японских источников «Кодзики» и «Нихон сёки» о контактах японцев с жителями материковой Азии / Пер. с древнеяпон. С.В. Лаптева // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 419-421.

[10] См.: *Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 192; Нихон дзэнси. Т. I. С. 316-317.

Поэтому под именем 賛 ***Цзань*** (яп. Сан) 413 года в написании иероглифа без детерминатива слева[1] (на что обратил внимание Ямао Юкихиса[2]) – подразумевается **государь Хомуда** (Ōдзин)[3], так как иероглиф "*цзань*", по их мнению, может иметь и чтение "*хомуда*".[4] Здесь, скорее всего, должно иметься в виду его детское имя, которое Хомуда (Ōдзин) получил при рождении – ***Идза****са-вакэ* (др.-яп. *Изаса-вакэ*).[5] Из сопоставления материалов «Нихон-сёки» и китайских источников, следует, что посольство 413 года было **послано государем *Хомуда*** (Ōдзином), видимо, **с участием** его сына – **принца *Ō-садзаки*** (будущего государя Нинтоку)[6], занимавшегося в конце царствования *Хомуда* (Ōдзина) государственными делами, будучи помощником и советником наследного принца *Удзи-но вака-ирацуко* (др.-яп. *Уди-но ваки-иратуко*).

вв. Имя 讃 *Цзань* (яп. Сан) в разделах 421 и 425 гг. написано в другом начертании (с детерминативом слева)[7], как считают исследователи – это государь Нинтоку (с учётом ревизии хронологии), так как его прижизненное имя *Ō-сад*з а *ки / Ō-сасаги* созвучно по произношению имени Ц з а *нь*.[8]

В 421 году (по сообщению китайских источников) из Японии прибыло второе посольство от государя *Цзань*, с которым исследователи отождествили государя *Ō-садзаки* (Нинтоку). В «Нихон-сёки» сведения о результатах этого второго посольства Ямато к южно-китайской династии Сун приведены в разделе "5 8 - й год правления Нинтоку". В древнеяпонской хронике сообщается, что в этом году друг за другом привезли подарки ("дань") двору Ямато из *Курэ* (кит. *У*, т.е. из Южного Китая) и Когурё. «Зимой, в 10-м месяце одновременно была доставлена дань от страны *Курэ* [китайское царство У] и страны Когурё».[9] «Этого [года], зимой, в 10-м месяце, государство *Курэ* (кит. *У*) [и] государство Ко[гу]рё последовательно принесли дань двору [Ямато]»[10] [Нихон-сёки, св. 11-й, Нинтоку, 58-й год пр., 10-я луна].

гг. Из китайских источников известно, что последнее посольство от японского правителя *Цзань* (т.е. Нинтоку) прибыло **в 425 году**.[11] «Сун-шу» в разделе *Во-*

---

[1] 賛 *Цзань* в разделе 413 года. – *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 297.

[2] 賛 *Цзань* в разделе 413 года и 讃 *Цзань* в разделе 421 года в «Лян шу». – Там же. С. 297.

[3] *Воробьёв М.В.* Указ. соч. С. 26; *Уэда М. и др.* Нихон кодай-си. С. 178; *Сано Я.* Указ. соч. С. 28.

[4] *Воробьёв М.В.* Япония в III-VII веках. С. 26.

[5] См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 284.

[6] Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Развитие Японии в конце IV – начале V вв. С. 37-45; *Суровень Д.А.* Политическая борьба в государстве Ямато и его внешнеполитические связи в 10-е – 20-е годы V века // Уральское востоковедение. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – Вып. 2. – С. 4-7.

[7] 讃 *Цзань* в разделах 421 и 425 годов. – *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 297.

[8] *Хасимото М.* Указ. соч. С. 592; Кодзики 古事記 (из серии "Нихон котэн дзэнсю" 日本古典全集). – Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社刊, 1968. – Т. II. – С. 17; Нихон дзэнси. Т. I. С. 316; Бураку-си-ни кансуру соготэки кэнкю. Т. I. С. 19; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 26. *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 7; *Lewin B.* Aya und Hata: Bevölkerungsgruppen Altjapans kontinentaler Herkunft. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1962. – S. 30; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 105; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 28, 29; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 213.

[9] Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 316.

[10] 「『日本書紀』巻十一、仁徳天皇、五十八年〔庚午〕、十月:『冬十月。呉國、高麗國 並 朝貢。』」 – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 313.

[11] *Исида Итиро* 石田 一浪. Синва то рэкйси 神話と歴史. – Токио 東京: Синтёся 新潮社, 1960. – С. 20.

цзюань сообщает: «Тай-цзу [Вэнь-*ди*, 424-453], 2-й год *Юань-цзя* [425 г.], *Цзань* о п я т ь прислал [посла по имени] *Цао-да* (яп. *Сō-таицу* – досл. “слуга–мудрец”) [в ранге] “*сы-ма*” (начальник военного отряда, воевода, начальник войскового приказа)[1] поднести доклад (кит. *бя̆о*)[2] [и] дань местными изделиями»[3] [Сун-шу, Тай-цзу, 2-й год *Юань-цзя*]. Слово “опять”, видимо, может означать, что Цао-да уже приезжал в 421 году. «Нань-ши» сообщает то же самое: «При Вэнь-*ди*, во второе лето правления *Юань-гя* (*Юань-цзя – С.Д.*), 425 [г.], *Цзань* ещё прислал *сы-ма Цао-да* с докладом (кит. *бя̆о* – письменным документом – *С.Д.*) и местными произведениями»[4] [Нань-ши, гл. 79, Во-*го*, 425 г.]. В «Цэ-фу юань-гуй» (раздел “Вайчэнь-бу”, св. 963-й, Фэнцэ) под 2-м годом *Юань-цзя* говорится: «В этот год, японский [правитель] *Цзань* прислал посла поднести доклад (кит. *бя̆о*) [и] дань местными изделиями»[5] [Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 963-й, Фэнцэ, ч. 1-я, 2-й год *Юань-цзя*]. Больше от *Цзаня* (т.е. от Нинтоку) посольств **не было**. Это означает, что Нинтоку (*Цзань*) **умер после 425 года**.

По сведениям «Нихон-сёки», Нинтоку скончался в 36-м году цикла.[6] При этом, его царствование должно относиться к первой четверти V века (посольства *Цзаня*, т.е. Нинтоку, в Китай были в 413, 421 и 425 годах). Для летосчисления царствований второй четверти V века (до 455 г.) в «Нихон-сёки» **использован цикл из «*Пэкче-синчхан*»** (отличающийся от истинных циклических показателей на **26 лет**).[7] В ре-

---

[1] 司馬 кит. *сы̄-мя̆* – …2) *ист.* воевода; начальник войскового приказа… – БКРС. Т. III. С. 104.

[2] 表 кит. *бя̆о – сущ.* …6) официальный документ (меморандум), доклад, представление. – БКРС. Т. III. С. 884.

[3] 「太祖 元嘉二年、讚又遣ㇾ司馬 曹達、奉ㇾ表 献 方物。」– Цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 294; где 司馬 кит. *сы̄-мя̆* – 1) Сыма (*фамилия*); 2) *ист.* воевода; начальник войскового приказа… (БКРС. Т. III. С. 104); 曹 кит. *цяо – сущ.* 1) *книж.* компания, группа; соратники, люди одного поколения… 3)* служащий; слуга; подчинённые; 4) присутственное место, присутствие; ведомство; приказ, министерство… (БКРС. Т. II. С. 574); 曹 яп. *сō – в соч. входит в названия* чинов (ЯРУСИ. С. 302); 達 кит. *дя́ – сущ.* … 2)* мудрец, эрудит… (БКРС. Т. IV. С. 105).

[4] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 44.「文帝 元嘉二年、讚 又遣ㇾ司馬 曹達、奉ㇾ表 獻ㇾ方物。」– Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1673; где 方物 кит. *фāн-ӯ* – 1) изделия местного производства… – БКРС. Т. III. С. 416.

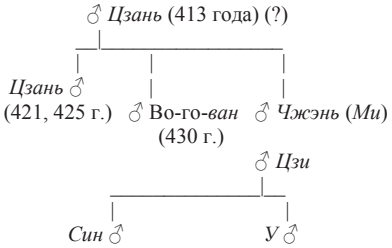
[5] 冊府外臣部封冊、元嘉二年:「是年、倭讚、遣ㇾ使 奉ㇾ表 献 方物。」– Цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 294; Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 963-й, Фэнцэ, ч. 1-я 冊府元龜·外臣部 卷 963·封冊 第一 // URL: http://www.zwbk.org/MyLemmaShow.aspx?zh=zh-tw&lid=224084 (дата обращения: 28.05.2018).

[6]「〔己亥〕」яп. *цутиното-и* – 36-й год цикла. – Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 316.

[7] *Шестой год цикла* в первой половине V века приходится на 429 год. Но из корейской истории известно, что Кэро-*ван* вступил на трон **в 455 году** (в 32-й год цикла – год *ыль-ми*) [Самгук-саги, летописи Пэкче, кн. 25, Кэро-ван, 1-й год пр. (455 г.); кн. 30, Хронология (погодные таблицы)] (*Ким Бусик*. Самгук саги. Т. II. С. 159, 256; см.: Nihongi. Part I. P. 339, note 1). На это ещё в конце XIX века обратил внимание В. Астон (см.: Nihongi. Part I. P. 339, note 1), однако он не сделал из данного факта никаких выводов. А выводы получаются очень важные. Судя по всему, **в «Пэкче-синчхан»** была применена **неправильная датировка** по циклическим знакам **с ошибкой в 26 лет** (*истинный* 32-й год цикла – *ошибочный* 6-й год цикла = 26 лет), т.е. 60-летний цикл оказался **смещён** от истинных показателей **на 26 лет вглубь времён** – поэтому в «Пэкче-синчхан» и получилось, что событие 455 года в циклических обозначениях оказывалось удревнено до 429 года. Видимо, составители «Нихон-сёки», не имея собственной точной

зультате, 36-й год цикла, смещённый на 26 лет, выпадет **на 425 год** (2-й год **истинного** цикла).[1] Получается, что третье посольство от Ямато в Южный Китай **425 года**, по циклическим обозначениям «Нихон-сёки» (с учётом их смещения на 26 лет), приходилось на год смерти Нинтоку (*Цзаня*) – **425 год** [испр. хрон.]. По материалам «Кодзики», где "**годы кончины**" (яп. *хōнэн*) государей от Нинтоку до Ингё̄ **даны по истинному циклу**, Нинтоку умер **в 427 году** (4-й год цикла).

дд. Японские правители V века в китайских источниках даны в следующей последовательности: 1) *Цзань* (=Ōдзин[?]–Нинтоку) – правил около 413-425 гг.; 2) анонимный государь (=Ритю̄) – возможно от него было посольство 430 г.; 3) *Чжэнь* (или *Ми*) (=Ханcё̄) – правил около 438 г.; 4) *Цзи* (=Ингё̄) – правил около 443-451 гг.; 5) "*шӣ-цзы*" (наследный принц) *Син* (=Анкō?) – он упомянут в 462 г.; 6) *У* (=Ю̄ряку) – от него были посольства 477 (?), 478, 479 годов, его имя упомянуто в 502 году при раздаче титулов императором новой, только что установившейся династии Лян.[2]



В «Сун-шу» и «Нань-ши» родственные связи "пяти *ван*ов" охарактеризованы так: сначала назван *Цзань*; когда *Цзань* умер, на трон вступил его младший брат *Чжэнь*; затем правил *Цзи* (его родство с *Цзанем* и *Чжэнем* не определено); после его смерти править стал его наследный принц *Син*; когда *Син* умер, на трон вступил его младший брат *У*[3] [Сун-шу, св. 97-й, ле-чжуань, *и-мань*, Во; Нань-ши, гл. 79, IV. Япония]. В «Лян-шу» (раздел "Во") сказано: «Во времена императора Ань-*ди* династии Цзинь, был правитель Японии (Во-*ван*) *Цзань*. [Когда] *Цзань* умер, на престол взошёл [его] младший брат *Ми* (он же *Чжэнь – С.Д.*). [Когда] *Ми* умер, на трон вступил [его] сын *Цзи*. [Когда] *Цзи* умер, на трон взошёл [его] сын *Син*. [Когда] *Син* умер, на трон вступил [его] младший брат *У*…»[4] [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, *чжу-и*, *дунъи*, Во].

Но есть три неточности (несовпадения) в китайских источниках: 1) *Чжэнь* (или *Ми*), отождествляемый с Ханcё̄ – назван младшим братом *Цзань* (а Ханcё̄ – сын Нинтоку), а в «Лян-шу» – отцом *Цзи* (Ингё̄ – младший брат Ханcё̄); 2) *Чжэнь* (*Ми*) правил после смерти *Цзань* (а Ханcё̄ унаследовал трон от своего старшего брата Ритю̄);

хронологии для первой полови- ны V века, использовали для привязки датировок японских событий циклические обозначения «Пэкче-синчхан», заимствовав, таким образом, из данного сочинения и ошибочный "удревнённый на 26 лет цикл".

[1] 36-й год цикла + 26 лет = 2-й год цикла. См.: *Цыбульский В.В.* Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. – М.: Наука, 1987. – С. 113.

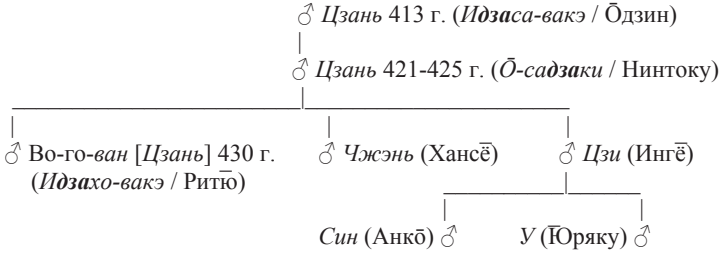
[2] См.: Лян-шу, 1973. Т. I. С. 36.

[3] См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 44-45.

[4]「晋安帝時、有𠂢倭王賛。賛 死、立𠂢弟 彌。彌 死、立𠂢子 濟。濟 死、立𠂢子 興。興 死、立𠂢弟 武。」– Лян-шу, 2004. С. 730.

3) по исправленной хронологии, предлагаемой исследователями, и по дате, сообщаемой комментаторами «Кодзики» (год *хиното-уси*, 14-й год цикла[1]), получается, что Хансӗ умер в 437 году, а в китайских источниках посольство от *Чжэнь* датировано 438 годом.

Видимо, здесь можно предполагать, что китайцы, не зная имени Ритю̄ [*Идзахо-вакэ*] (посольство от *Во-го-вана* 430 года) или спутав его с прижизненным именем Нинтоку [*Ō-садзаки*], смешали Ритю̄ [*Идзахо-вакэ*] с Нинтоку [*Ō-садзаки*], назвав их обоих именем *Цзань*. И получилось, что старший брат (сведения о Ритю̄) *Чжэня* (*Ми*) (сведения о Хансӗ) был правителем *Цзань* (Нинтоку). Кроме того, в «Лян-шу» о *Ми* (*Чжэне*) сообщены сведения, отсутствующие в «Сун-шу» и «Нань-ши» – сыном *Ми* назван *Цзи* (тогда как Ингӗ – младший брат Хансӗ). Исходя из того, что подобные неточности в сообщениях китайских источников известны в отношении генеалогии корейских правителей[2], можно говорить о том, что такая же путаница, видимо, присутствует в сообщениях китайцев о "пяти *ван*ах" Японии. С учётом вышесказанного, получается такая генеалогия (см. схему ниже).



ее. Японского правителя (Во-го-*ван*) по имени *Чжэнь* (вариант: *Ми* в «Лян-шу»[3]) исследователи отождествляют с *Ми*дзуха (Хансӗ), так как знаки "*Чжэнь*" (яп. *мэдзурасий*) и "*Ми*" имеют графическое и фонетическое сходство с его именем (а так же имеется совпадение знака "*Ми*" на мече из Фунаяма).[4]

Но есть три неточности (несовпадения) в китайских источниках: 1) *Чжэнь* (*Ми*) – назван младшим братом *Цзань* (а Хансӗ – сын Нинтоку); 2) *Чжэнь* (*Ми*) правил после смерти *Цзань* (а Хансӗ унаследовал трон от своего старшего брата Ритю̄). Видимо, здесь можно предполагать, что китайцы, не зная имени Ритю̄ (посольство от Во-го-*вана*), смешали его с Нинтоку (*Цзань*), и получилось, что старший брат (сведе-

[1] Кодзики, 1968. Т. II. С. 14.

[2] Так, например, при дворе династии Сун не знали, что после Чонджи (405-420 гг.; в китайских летописях Чон, или Ён) в Пэкче правил Куисин, и время правления Куисина (421-427 гг.) представляли как продолжение царствования Чонджи [Сун-шу, св. 97-й, *и-мань*, Боцзи; Нань-ши, гл. 79, Бо-цзи[2]]. – См.: *Ким Бусик*. Самгук саги. Т. II. С. 359, прим. 10, 20; См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 41, 41, прим. 3.

[3] 彌 яп. *ми*. – Лян-шу, 2004. С. 730; см.: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 22.

[4] В китайских источниках 珍 кит. *чжэнь*; яп. *мэдзурасий* (краткая форма 珎); в «Нихон-сёки»: 瑞 кит. *жуй*; яп. *мидзу*, *мидзусий*; 彌 кит. *ми*; яп. *ми* (краткая форма 弥 ; ср.: 珎 кит. *чжэнь*); кроме того знак *ми* совпадает с первым иероглифом в написании имени *Мидзуха* 彌図歯 на мече из Фунаяма. – *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 312; *Хасимото М.* Тбӗ-си-дзӗ-ёри митару нихон дзӗ-ко-си кэнкю̄, 1956. С. 591; *Wedemeyer A*. Japanische Frühgeschichte. S. 102; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 26.

ния о Ритю̄) *Чжэня* (*Ми*) (сведения о Хансē) был *Цзань* (Нинтоку). 3) По исправленной хронологии, предлагаемой исследователями, и по дате, сообщаемой комментаторами «Кодзики» (год *хиното-уси*, 14-й год цикла[1]), получается, что Хансē умер в 437 году, а в китайских источниках посольство *Чжэнь* датировано 438 годом. Причина может быть следующей. Начало правления Хансē в «Нихон-сёки» датируется годом *хиноэ-ума* (43-й год цикла), что по сбою циклических обозначений в 26 лет приходится на 432 год [испр. хрон.]. 1-й год правления следующего государя – Ингē обозначен как год *мидзуноэ-нэ* (49-й год цикла), который выпадает (по тому же правилу) на 438 год [испр. хрон.]. Это означает, что правление Хансē должно было закончиться в 437 году. Такую дату смерти Хансē дают «Кодзики» – 7-я луна года *хиното-уси* (437 год).[2] С 432 по 437 – шесть лет правления. Но «Нихон-сёки» говорит о пяти годах правления Хансē (столько же указано во вводной части раздела о правлении Ингē).[3] Такое несоответствие пояснил В. Астон: «Первоначальное чтение – 6-й год правления. Редактор издания "Сюкай" изменил эту датировку на 5-й год правления, взятый из "Кюдзики"».[4] Поэтому в своём переводе «Нихонги» В. Астон указал «6-й год правления».[5] Следовательно, Хансē (1-й – 6-й годы пр.) правил **шесть лет с 432 по 437 год**.

Учитывая сведения «Кодзики» (что предыдущий государь – Ритю̄ умер в год *мидзуноэ-сару* [9-й год цикла], то есть в 432 году [испр. хрон.]) и китайских источников (о посольстве 438 года от *вана Чжэнь*), можно по-иному датировать правление Хансё – **433-438** годами (1-й – 6-й годы пр.). Такой вывод возможен с учётом того, что следующий государь – Ингē вступил на престо только **в 12-й луне 438 года** [испр. хрон.].[6] В этом случае, у Хансē (яп. Мидзуха-вакэ; кит. *Чжэнь* или *Ми*) **в 4-й луне 438 года** было время отправить посольство в Китай до того как он умер.

жж. «Сун-шу» в разделе "15-й год *Юань-цзя* (438 г.)" сообщает: «В этот год правитель У-ду (У-ду-*ван*), государство Хэнань, государство Ко[гу]рё, государство Япония (*Во-го*), государство Фунань, государство Линьи, поочередно присылали послов поднести дань местными изделиями».[7] Там же (в «Сун-шу»), в разделе "бэнь-цзи" (под датой 15-й год *Юань-цзя*, 4-я луна, день *цзи-сы*), сообщается, что правитель японского государства (Во-го-*ван*) *Чжэнь* стал «успокаивающим восток полководцем» (*ань-дун цзян-цзюнь*)»[8] (в «Цэфу юань-гуй», в разделе "Вайчэнь-бу", глава "Фэнцэ" – такая же запись).[9] Ямао Юкихиса считает, что это было второе посольст-

---

[1] Кодзики, 1968. Т. II. С. 14.

[2] Кодзики 古事記 (из серии "Нихон котэн бунгаку дзэнсю̄" 日本古典文学全集). – Токио 東京: Сē̄гаккан 小学館, 2001. – С. 316, прим. 1.

[3] Нихон-сёки, 1957. Ч. I. Т. I. С. 331, 335; Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 327, 328; Nihongi. Part I. P. 311, 312.

[4] Nihongi. Part I. P. 311, note 3.

[5] Nihongi. Part I. P. 311.

[6] См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 329-330.

[7]「是歲、武都王・河南國・高麗國・倭國・扶南國・林邑國、並遣ㇾ使 献ㇾ方物。」– Сун-шу 宋書. – Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1974. – Т. I. – С. 85; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 295.

[8]「己巳、倭國王珍 為ㇾ安東 将軍。」– Сун-шу, 1974. Т. I. С. 85; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 295.

[9] *Ямао Ю.* Нихон кодай бōкэн-кэйсэй сирон. С. 295;「十五年… 四月以 倭國王 珍 爲ㇾ安東將軍。」– Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 963-й, Фэнцэ, ч. 1-я // URL: Ibid.

во за этот год.[1] В «Нань-ши», в разделе “бэнь-цзи”, в абзаце 438 года, есть запись о присылке японского посольства для поднесения дани.[2] В «Хань-юань» сказано: «В годы *Юань-цзя* (424-453) [японский правитель] *Цзань* умер. [Его] младший брат *Чжэнь* вступил на престол. С а м [себя] именовал *шйчӣцзе́* (военачальник в ранге посла), *дӯдӯ* (единолично управляющий), “успокаивающий Восток военный предводитель” (*ань-дун цзян-цзюнь*), правитель государства Япония (*Во-го-ван*)»[3] [Хань-юань, Фань-и-бу, Во-*го*]. В «Сун-шу» (в разделе “*и-мань*”), дано более подробное сообщение: «[Когда] умер *Цзань*, [его] младший брат *Чжэнь* взошёл [на трон]. [Он] прислал посла принести дань. [*Чжэнь*] себя именовал *шйчӣцзе́*, единолично управляющий (*дӯдӯ*) всеми военными делами (*чжуцзюнь-ши*) шести государств – Во (Японии), Боцзи (Пэкче), Синьло (Силла), Жэньна (Имна), Циньхань (Чинхан), Мухань (Мохан), “успокаивающий Восток военный предводитель” (*ань-дун цзян-цзюнь*), правитель государства Япония (*Во-го-ван*). Докладом испрашивал утверждения [этих титулов]. Приказано утвердить: “успокаивающий восток полководец” (*ань-дун цзян-цзюнь*) [и] “правитель государства Япония” (*Во-го-ван*)»[4] [Сун-шу, св. 97-й, *и-мань*, Во-*го*]. То же самое сказано в «Нань-ши»[5] [Нань-ши, св. 79-й, *дунъи*, Во-*го*].

Примечательно здесь то, что в титулатуре, которой именовал сам себя *Чжэнь*–Хансӗ, указаны южнокорейские государства и территории: «единолично управляющий (*дӯдӯ*) всеми военными делами (*чжуцзюнь-ши*) шести государств – Японии, П э к ч е, С и л л а, И м н а, Ч и н х а н а, М а х а н а».[6] В списке южнокорейских государств есть Имна (кит. Жэньна, яп. М и м а н а – в Южном Кая), но нет Кара (кит. Цзяло – в Северном Кая). Следует подчеркнуть, что японский правитель претендовал на военный контроль над Пэкче (которое было союзником Ямато) и Маханом (над южными районами Махана, которые не входили в состав Пэкче), над Силла (которая приносила двору Ямато дары, которые рассматривались японцами как дань и проявление зависимости) и Чинханом (над теми районами, которые ещё не входили в состав Силла), а также над И м н а. Хон Вонтхак обратил внимание на то, что в данном списке нет К а р а[7] (т.е. Северного Кая с центром в Тэгая / Тхэ-кара). Это может

---

[1] *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 295; см.: Там же. С. 312.

[2] 「是歲、…高麗・倭… 並遣ㇾ使 朝貢。」– Нань-ши, 1975. T. I. C. 45; см.: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 295.

[3] 「…元嘉中、讚 死、弟 珍 立、自稱ㇾ使時(持)節 都督 安東大將軍 倭国王。」– Хань-юань, Фань-и-бу (Во-го-пу)『翰苑』蕃夷部（倭國条）// URL: http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/kanen-wa.html; “Хань-юань, Фань-и-бу, Во-го” дзэмбун「翰苑 蕃夷部 倭國」全文 // URL: http://home.p07.itscom.net/strmdrf/kyusyu_ref11.htm (дата обращения: 28.02.2018).

[4] 「讚 死、弟珍 立、遣ㇾ使 貢献。自称ㇾ使持節、都督ㇾ倭・百済・新羅・任那・秦韓・慕韓〻六國諸軍事、安東大将軍、倭國王、表求除所正、安東 将軍、倭國王。」– Сун-шу, 2004. T. III. C. 2036; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 295 и *Хасимото М.* Указ. соч. С. 801; см.: Кодзики, 1968. T. II. C. 17.

[5] 「讚 死、弟珍 立、遣ㇾ使 貢獻、自稱ㇾ使持節、都督ㇾ倭・百濟・新羅・任那・秦韓・慕韓〻六國諸軍事、安東大將軍、倭國王、表求 除正。詔 除ㇾ安東將軍、倭國王。」– Нань-ши, 2004. T. II. C. 1673; см.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… T. II. C. 44-45.

[6] 「都督ㇾ倭・百済・新羅・任那・秦韓・慕韓〻六國 諸軍事」– Сун-шу, 2004. T. III. C. 2036; Нань-ши, 2004. T. II. C. 1673; также цит. по: *Мори К.* Нихон синси. С. 183-184; *Хасимото М.* Указ. соч. С. 801; см.: *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 121.

[7] *Hong Wontack*. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. – Seoul: Kudara International,

означать, что государство Ямато, претендуя на территории Имна в Пёнхане (кит. Бяньхань), которые японцы со второй половины IV века называли Мимана), тем не менее, вероятно, считалось с притязаниями своего союзника – Пэкче на Кара (кит. Цзяло) в Северном Кая (хотя китайские династии прав Пэкче на Кара не признавали).

Однако, как мы видим, китайский император утвердил *Чжэню* только звания "успокаивающий восток полководец" (*ань-дун цзян-цзюнь*)[1] и "правитель государства Япония" (*Во-го-ван*). Династия Сун тогда (исходя из своей оценки ситуации в Южной Корее) не признала титул японского правителя *Мидзуха-вакэ* (Хансё) "единолично управляющий всеми военными делами шести государств", означавший право на контроль над военными делами в Южной Корее (кроме Кара). Как отмечает М.В. Воробьев, это были лишь притязания государей Ямато, хотя и не лишенные основания. Внешняя политика и военное присутствие Ямато в Корее позволяли претендовать на подобные титулы, хотя реальная ситуация в тот период была несколько иной.[2]

Причина непризнания может заключаться во временном ослаблении позиций Ямато в Южной Корее в первой половине V века, что стало результатом побед когурёского правителя Квангэтхо-*ван*а (392-413), а также, видимо, той внешней политики, которую проводил его преемник – Чансу-*ван* (413-491). В 427 году столицу Когурё перенесли с берегов реки Амнок*кан* (на северной границе Кореи) на юг – в город Пхеньян (ныне – столица КНДР), центр плодородной равнины в долине реки Тэдон*ган*. Этим Чансу-*ван* стремился укрепить свою власть в отношении придворной знати, не имевшей на новом месте того влияния, какое было у неё в долине Амнок*кан*а, а также активизировать когурёскую экспансию далее на юг – в долину реки Ханган.[3] Таким образом, государство Когурё претендовало на гегемонию над Южной Кореей. Кроме того, Чансу проводил сложную политику по отношению к китайским государствам, признавая формально свою зависимость от могущественной северной династии Поздняя Вэй (386-534) и, в то же время, поддерживая активные отношения с соперником Вэй – южно-китайской династией Сун (420-479), тем самым, сдерживая агрессивные притязания вэйцев.[4] Когурё, завладев значительной частью маньчжурских земель (Восточного Пуё в низовьях реки Тумэнь, данниками когурёсцев стали общины северо-восточного прототунгусского народа *сушэнь*), выросло в серьёзную военно-политическую силу, с которой приходилось считаться и правителям китайских династий.[5] Можно полагать, что император Южной Сун отказал японскому государю в утверждении титулов именно потому, что не хотел ущемить притязания Когурё на гегемонию в Южной Корее. По сути дела, Силла оказалась в сфере влияния Когурё, а активность внешней политики Ямато на Корейском полуострове снизилась.

33. Кроме того, «*Чжэнь* ещё просил утвердить японцу (кит. *во*) [по фамилии] Суй

1994. – P. 255.

[1] См.: Кодзики, 1968. Т. II. С. 17; *Кузнецов Ю.Д. и др.* История Японии. С. 28.

[2] *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 122. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Регулирование Китаем военно-политического статуса правителей древнеяпонского и древнекорейских государств в отношении территорий Южной Кореи во второй половине IV – начале VI веков // Китай: история и современность. Материалы VII международной научно-практической конференции Екатеринбург, 17–19 октября 2013 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 132-186.

[3] *Тихонов В.М.* История Кореи. Т. I. С. 121.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 120.

(яп. *Дзуй*) и другим 13-ти людям титулы: "успокаивающий Запад" (*пи́н-сӣ*), "покоряющий инородцев" (*чжэ̄н-лӯ*), "главнокомандующий" (*гуа̀нь-цзю̄нь*)[1], "почётный воевода" (*фӯ-го́ цзя̄н-цзю̄нь*).[2] [Было] приказано утвердить вместе [все эти титулы]».[3] Ямао Юкихиса обратил также внимание на титул японца Дзуя – *пин-си* ("успокаивающий Запад"). По мнению японского учёного под "западом" подразумевались территории Кюсю.[4] Чем было вызвано то, что Дзуй назван в китайских источниках по фамилии (кит. Суй), что делалось крайне редко – неизвестно. Возможно, это определялось высоким положением данного человека при дворе Ямато, который управлял отдалёнными землями Кюсю (успокаивать, видимо, надо было Южный Кюсю, населённый народами *кумасо* и *хаято*). Отождествить этого Дзуя с каким-либо лицом в японских источниках – не удаётся.

ии. Правитель *Цзи* (яп. Сай; упомянут в 443, 451 гг.), по параллелям в степенях и линиях родства (он – отец *шѝ-цзы̆* Сина=Анкō и *вана* У=Юряку), отождествляется исследователями с государем Ингӗ.[5] Кроме родства здесь совпадают: 1) хронология правления Ингӗ (трад. 412-453 гг.) и посольств от *Цзи* (443 и 451 гг.); 2) часть фонетической записи прижизненного имени Ингӗ – *цу-ма / дзу-ма* (др.-яп. *ду-ма*)[6] в *Воаса*-цу-ма-*ваку-го*[7] – с японским чтением иероглифа "*цзи*" – "*сэ̆суму / суми / дзуми*"[8]; 3) одинаковые значения иероглифов "*цзи*" и "*цу*" (в "*-цу-ма-*") – "переправа"[9]; 4) причём японское *он*ное чтение знака "*цу*" – "*син*" и китайское чтение знака "*цу*" – "*цзинь*" звучат очень похоже на "*цзи*".[10] Следует также обратить внимание на то, что посольства от *вана Цзи* в разделе "Во-*го* " в «Сун-шу» (443 и 451 гг.) совпадают со сведениями раздела "*ди-цзи*" этого же источника о посольствах из страны Во-*го* (Японии) и от *вана Цзи* 443 и 451 годов, которые относятся к периоду царствования в Китае императора Вэнь-*ди* (424-453 гг.). Следовательно, сообщение о смерти *вана Цзи* (т.е. государя Ингӗ), помещённое в разделе "Во-*го*" сразу после

---

[1] 冠軍 кит. *гуа̀нь-цзю̄нь* – … 4) главнокомандующий, полководец; 5) главный инспектор (*царской свиты*)… – БКРС. Т. IV. С. 418.

[2] 輔國将軍 кит. *фӯ-го́ цзя̄н-цзю̄нь* – почётный воевода (*императорский родственник 10-й степени*); где 輔國 кит. *фӯ-го́* – помогать стране, служить опорой государству… – БКРС. Т. III. С. 221.

[3] 「珍 又 求ㇾ除正 倭隋等十三人、平西、征虜、冠軍、輔國将軍 号。詔ㇾ並聽(之)。」 – Сун-шу, 2004. Т. III. С. 2036; Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1672-1673; также цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 295 и *Хасимото М.* Тбӗ-си-дзӗ-ёри митару нихон дзӗ-ко-си кэнкю, 1956. С. 801; ср.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений. Т. II. С. 45.

[4] *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 312.

[5] *Хасимото М.* Тбӗ-си-дзӗ-ёри митару нихон дзӗ-ко-си кэнкю, 1956. С. 591; Кодзики, 1968. Т. II. С. 17; *Арутюнов С.А.* Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 11; *Wedemeyer A.* Japanische Frühgeschichte. S. 101; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 26, табл. 3.

[6] 津間 др.-яп. *ду-ма*, совр.-яп. *цу-ма / дзу-ма*.

[7] В "Нихон-сёки": 雄朝**津間**稚子 *Во-аса*-цу-ма-*ваку-го* (в "Кодзики": 弟淺**津間**若子 – Кодзики, 1968. Т. II. С. 231).

[8] 濟 кит. *цзи*, яп. *суму / суми / дзуми* (БКРС. Т. II. С. 959; см.: ЯРУСИ. С. 359).

[9] 濟 кит. *цзи* – 1) переправляться [через реку]; 2) переправа (БКРС. Т. II. С. 959); 津 яп. *цу* – переправа (ЯРУСИ. С. 352); см.: *Wedemeyer A.* Op. cit. S. 101; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 29; *Хасимото М.* Указ. соч. С. 591; *Арутюнов С.А.* Указ. соч. С. 11; Кодзики, 1968. Т. II. С. 17.

[10] 津 яп. *син / цу*, кит. *цзинь* (ЯРУСИ. С. 352; см.: БКРС. Т. II. С. 901).

материалов о посольстве 451 года, должно также относиться к периоду правления императора Вэнь-*ди*, умершего в 453 году.[1] Таким образом, *ван Цзи* (он же Ингё) должен был умереть около 453 года, что совпадает с хронологией «Нихон-сёки».

В 443 году правитель Японии (*Во-го-ван*) *Цзи* прислал ко двору Южной Сун посольство. В «Сун-шу» и «Нань-ши» (в разделах "Во-*го*") сказано: «20-й год [*Юань-цзя*] (443 г.), правитель японского государства (*Во-го-ван*) *Цзи* прислал посла преподнести дань, опять [его] сделали "успокаивающим Восток полководцем" (*ань-дун цзян-цзюнь*) и "правителем государства Япония" (*Во-го-ван*)»[2] [Сун-шу, св. 97-й, Во-*го*, *Юань-цзя*, 20-й год; Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*, *Юань-цзя*, 20-й год]. В «Сун-шу» и «Нань-ши»(в разделах *бэнь-цзи*, 20-й год *Юань-цзя* [443 г.]) сообщается: «В этом году... Япония (*Во-го*)... прислала посла с данью из местных изделий»[3] [Сун-шу, *бэнь-цзи*, св. 5-й, *Юань-цзя*, 20-й год; Нань-ши, *бэнь-цзи*, св. 2-й, *Юань-цзя*, 20-й год; см.: Нань-ши, гл. 79, IV[4]]. О поднесении дани японским государем сообщается также в «Цэфу юаньгуй» [Вайчэнь-бу, Фэнцэ, ч. 1-я; *Юань-цзя*, 20-й год].[5]

В подтверждение своих притязаний на контроль над военными делами в Корее, в 4-й луне 444 года японские войска осадили Кымсон (столицу Силла). «В двадцать восьмом году (правления государя Нульчжи – *С.Д.*) (444 г.). Летом, в четвёртом месяце, войска Вэ в течение десяти дней осаждали Кымсон, но с истощением продовольствия ушли…». То есть, когда кончилось продовольствие, осада была снята. «*Ван* (Силла Нульчжи – *С.Д.*) хотел вывести войска для преследования их, но окружающие сказали, что воинское учение гласит: "Не преследуй голодных разбойников"[6], [и поэтому] *ван* должен оставить их в покое. Но, не послушавшись совета, [*ван*] повёл несколько тысяч всадников на преследование [врага] …». То есть, нарушив каноны военного искусства, правитель Силла – Нульчжи стал преследовать отступающего противника и ввязался в бой. «…И к востоку от Токсана вступил в сражение и потерпел от врага полное поражение: более половины воинов (– силласцев – *С.Д.*) было перебито, а растерявшийся *ван* бросил лошадь и [пешком] взобрался на гору, которую враги окружили плотным кольцом…». Вот-вот, и правитель Силла попал бы в плен. Но Нульчжи-*ван*у чудом удалось спастись, так как опустился плотный туман – «что ничего нельзя было разобрать даже на расстоянии шага, поэтому враги… собрали

---

[1] См.: БКРС. Т. I. С. 144.

[2]「二十年、倭國王 濟 遣ㇾ使 奉獻、復以爲ㇾ安東将軍、倭國王。」– Сун-шу, 2004. T. III. C. 2036; Нань-ши, 2004. T. II. C. 1674; также цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 293 и *Хасимото М.* Указ. соч. С. 801; см.: Кодзики, 1968. Т. II. С. 17.

[3]「二十年／是歳、河西國、高麗國、百濟國、**倭國**、並 遣ㇾ使 獻ㇾ方物。」– Сун-шу, 1974. T. I. C. 91; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 293;「二十年／是歳、河西、高麗、百濟、**倭國**、並 遣ㇾ使 朝貢。」– Нань-ши, 1975. T. I. C. 48.

[4] См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 45.

[5]「二十年、倭國王 濟 遣ㇾ使 奉ㇾ獻。複以爲ㇾ安東將軍 倭國王。」– Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 963-й, Фэнцэ, ч. 1-я // URL: Ibid.

[6] Здесь имеется в виду часть изречения древнекитайского военного теоретика Сунь-цзы, говорившего:「歸師 勿遏、圍師 必闕、窮師 勿追。」«Если войско [противника] идёт домой, не останавливай его; если окружаешь войско [противника], оставь открытой одну сторону; если он находится в безвыходном положении, не нажимай на него». – Цит. по: *Ким. Бусик*. Самкук саги. Т. I. С. 309, прим. 20.

своё войско и отступили назад, [домой]»[1] [Самкук-саги, летописи Силла, кн. 3, Нульчжи, 28-й год пр. (444 г.)].

кк. Изменившаяся военно-политическая ситуация в Южной Корее позволила японскому монарху получить титулы, подтверждавшие военную роль Японии в данном регионе. В 451 году *Цзи–* Ингё вновь прислал посольство ко двору Южной Сун и получил новые титулы: «28-й год [*Юань-цзя*] добавлены [титулы правителю *Цзи*] *шйчи́цзе* (титул военачальника в ранге посла), “единолично управляющий» (кит. *дӯдӯ*) военными делами (кит. *чжуцзюньши*) всех шести государств: Во (Япония), Синьло (Силла), Жэньна (Имна), Цзяло (Кара), Циньхань (Чинхан), Мухань (Мохан)”, “успокаивающий Восток полководец” (кит. *ань-дун цзян-цзюнь*), [остальные титулы] как прежде (кит. *жу́гӯ*).[2] Кроме того, что [указано] выше, утверждены [титулы] представленным 23 людям – войсковые [и] окружные (звания)[3]»[4] [«Сун-шу», Во-*го*, 28-й год *Юань-цзя*; Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*, 28-й год *Юань-цзя*; см.: Нань-ши, гл. 79, IV Япония[5]]. В «Сун-шу» (в раздел *бэнь-цзи*, 28-й год *Юань-цзя* [451 г.]) сказано: «осенью, [в] седьмой луне, [в день] *цзя-чэнь* (41-й цикл. знак), “успокаивающему Восток полководцу” (*ань-дун цзян-цзюнь*), правителю Японии (*Во-ван*) [по имени] *Во Цзи*[6] представлен титул “великий полководец, успокаивающий Восток” (*ань-дун* да-*цзян-цзюнь*)»[7] (в «Нань-ши», в разделе *бэнь-цзи*[8], и в «Цэфу юаньгуй», раздел “Вайчэнь-бу”, глава “Фэнцэ” – такие же записи[9]).[10]

Повышение титулов японского правителя китайским императором, видимо, отражало ситуацию укрепления позиций Японии в Корее. Здесь следует обратить внимание на титул *дӯ-дӯ* (единолично управляющий, прежде всего, военными делами).[11] Исследователи истолковывают звание *дӯ-дӯ* как начальника над войсками и управ-

---

[1] *Ким Бусик*. Самкук саги. Т. I. С. 117.

[2] 如故 кит. *жу́гӯ* – 1) по-старому; как и прежде… – БКРС. Т. II. С. 421.

[3] В «Сун-шу»:「二十三人軍、郡」; в «Нань-ши»:「二十三人職」, т.е. вместе фраза выглядит как 「二十三人軍・郡職」 «звания в войсках [и] округах 23-м людям»; где 職 кит. *чжи́* – 1) должность, служебный пост; ранг (звание) чиновника… – БКРС. Т. IV. С. 211.

[4]「…二十八年、加ㇾ使持節、都督 倭・新羅・任那・加羅・秦韓・慕韓〻六國〻諸軍事、安東将軍、如故。并除所上 二十三人軍、郡。」– Сун-шу, 2004. Т. III. С. 2036;「…二十八年、加ㇾ使持節、都督倭・新羅・任那・加羅・秦韓・慕韓〻六國〻諸軍事、安東将軍、如故。并除所上 二十三人職。」– Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1674; также цит. по: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 293 и *Хасимото М*. Указ. соч. С. 801; см.: Japan in the Chinese dynastic histories: Later Han through Ming Dynasties / Translated by Ryusaka Tsunoda, edited by L. Carrington Goodrich. – South Pasadena: P.D. and I. Perkins, 1951. – P. 23; *Hong Wontack*. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. P. 255.

[5] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 45.

[6] В «Нань-ши», вместо 倭濟 кит. *Во Цзи* – “Японский *Цзи*”, записано: 綏濟 кит. *Суй Цзи* – “Мирный *Цзи*”.

[7]「秋 七月 甲辰、安東将軍・倭王 倭濟 進號ㇾ大安東将軍。」– Сун-шу, 1974. Т. I. С. 100; также цит. по: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 293.

[8]「秋 七月 甲辰、進ㇾ安東将軍・倭王 綏濟 爲ㇾ大安東将軍。」– Нань-ши, 1975. Т. I. С. 53.

[9]「二十八年 七月、安東將軍 倭王 濟 進號ㇾ安東大將軍。」– Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 963-й, Фэнцэ, ч. 1-я // URL: Ibid.

[10] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 293.

[11] 都督 кит. *дӯ-дӯ* – единолично управлять (особенно, *военными делами*). – БКРС. Т. II. С. 778.

ляющего всеми военными делами в административном округе (иногда переводится как "военный губернатор").[1] Таким образом, китайский двор признал за Ямато контроль и военное руководство на большей части территории Южной Кореи (за исключением земель союзного Ямато государства Пэкче): в Имна (Южном Кая) и, теперь уже, и в Кара (Северном Кая), Силла, соседних неподвластных ей землях Чинхана, а также на не захваченных ещё государством Пэкче землях Махана (видимо, в Южном Махане). Хон Вонтхак обратил внимание на то, что по сравнению со списком стран Южной Кореи, на руководство военными делами которых в 438 году претендовал японский правитель *Чжэнь* (Хансē) – китайский двор признал также контроль и над Кара [2], т.е. Северным Кая (с центром в Тэгая). «В титуле [японского государя] – [страна] Пэкче, с которой двор Сун был в дружеских отношениях, была заменена на Кала [Кара]…».[3] Корейский исследователь попытался объяснить признание китайским императором за правителем Ямато титулов военного руководителя шести южнокорейских государств тем, что с этими странами китайский двор не поддерживал дипломатических отношений. «Для двора [династии] Лю Сун, за исключением Пэкче, все шесть стран, перечисленных в титуле [японского государя], представляли [собой], дипломатически, неизвестные образования».[4] Однако возникает вопрос – если эти территории были "дипломатически" неизвестны двору Сун в 451 году, то в 438 году они должны были быть ещё более неизвестными. Однако в 438 году самовольно принятые государем *Чжэнем* (Хансē) титулы не были утверждены императором Сун. Это говорит о том, что дарование титулов не являлось каким-то дежурным мероприятием, когда удовлетворялись все притязания, может быть, за небольшими исключениями. Китайский двор ревностно следил за тем, чтобы уровень притязаний соответствовал существующему положению государств в системе международных отношений. Таким образом, китайский двор признал за Ямато контроль и военное руководство на большей части территории Южной Кореи (за исключением земель союзного Ямато государства Пэкче): на не захваченных ещё государством Пэкче землях Махана (видимо, в Южном Махане), в Силла и соседних с ней неподвластных этой стране землях Чинхана, в Имна (Южном Кая), а также теперь – и в Кара (Северном Кая). Тем самым, южно-китайская династия проигнорировала притязания Пэкче на земли Кара (кит. Цзяло) в Северном Кая, признав эти территории сферой военно-политического контроля и управления Японии.

Из «Нань-ши», со слов правителя У (Юряку, 457-479) известно, что незадолго до смерти (в 453 г.) правитель *Цзи* (Ингē) готовился предпринять «великий поход» (кит. *да-цзюй* – досл. "большие действия") против Когурё, но он не состоялся из-за кончины *Цзи.* «[Правитель] *Цзи* [т.е. Ингē] – покойный отец (кит. *као*) [Вашего] слуги (кит. *чэнь*) [государя Юряку], сильно гневаясь на неприятеля (кит. *коучоу*)[5] – [людей Когурё], загородил (кит. *юнсэ*) губительный путь сотнями десятков тысяч

[1] Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье. С. 146, прим. 346.
[2] См.: *Hong Wontack*. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. P. 255.
[3] *Hong Wontack*. Paekche of Korea and the origin of Yamato Japan. P. 255.
[4] Ibid.
[5] 寇(寇)讎 кит. *коучоу´* – враг, противник; неприятель; где 寇 кит. *коу – сущ.* 1) бандиты, воры, налётчики, грабители; 2) разбойник (*обр. также о враге*, *противнике*, *сопернике, неприятеле*)… (БКРС. Т. IV. С. 418); 讎 кит. *чоу – сущ.* …враг… – БКРС. Т. II. С. 337.

лучников (кит. *кӯнся́нь*)[1], мужественные голоса взволновали [неприятеля]. [*Цзи*] намеревался [предпринять] большие действия (кит. *да-цзӣй*)[2] [против Когурё]. [Из-за] внезапной кончины отца [т.е. *Цзи*–Ингё] [и] старшего брата [наследного принца *Син*–Анкō], повелевавшими (кит. *шй*) близившимся к завершению (кит. *чу́й-чэ́н*)[3] делом (кит. *гун*), не удалось (кит. *хэ́*) [получить даже куска земли размером в одну] корзинку для переноски земли (кит. *кӯй*)[4] [т.е. “не пяди земли”]»[5] [Сун-шу, св. 97-й, Во-*го*; см.: Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*[6]; Нань-ши, гл. 79, IV Япония, 478 г.[7]]. Подготовка к походу против Когурё была связана с обострением силланско-когурёских отношений – Когурё готовило нападение на Силла и Пэкче. В этой ситуации силланский правитель *марипкан* Нульчжи (417-458)[8] вынужден был искать союзников. Видимо, в связи с возникшей опасностью *ван* Силла начал сближение с союзником Пэкче – государством Ямато. Однако глава государства Ямато – Во-асадума-ваку-го (Ингё) скончался.

лл. Смерть Ингё (в 453 / начале 454 года) вызвала кровавую борьбу за власть среди принцев царствующего дома[9], поддерживаемых правящим при монархе кланом Кацураги (др.-яп. Кадураки; который выдвигал на престол наследного принца Кару), и его противником – кланом Хэгури (др.-яп. Пэгури; который выдвигал *Анапо* / совр.-яп. *Анахо* / Анкō). Таким образом, клану Хэгури (др.-яп. Пэгури) удалось возвести на престол “своего” претендента – правителя Анахо (др.-яп. *Анапо*[10] / **Анкō**, 454-456), причём, благодаря также ещё и поддержке служилых людей (яп. *хяккан*[11]).

Косвенно, борьба за власть при воцарении Анахо нашла отражение и в сообщениях китайских источников. Новый государь Ямато – Анахо (кит. *Син*[12]), ощущая слабость своего положения, попытался получить поддержку китайских императоров –

---

[1] 控弦 кит. *кӯнся́нь* – 1) натягивать лук; 2) лучник. – БКРС. Т. II. С. 82.

[2] 大舉(擧) кит. *да-цзӣй* – 1) большое дело; великий акт… – БКРС. Т. III. С. 622.

[3] 垂成 кит. *чу́й-чэ́н* – близиться к завершению. – БКРС. Т. II. С. 200.

[4] 簣 кит. *кӯй – сущ.** корзина (плетёнка) для переноски земли. – БКРС. Т. IV. С. 679.

[5]「臣亡考濟、實忿ㇾ冦讎、擁塞 夭路、控弦 百萬、義聲 感激。方欲ㇾ大舉、奄喪 父兄、使ㇾ垂成之功、不獲ㇾ簣。」– Сун-шу, 2004. Т. III. С. 2036-2037; также цит. по: *Хасимото М.* Указ. соч. С. 801.

[6]「臣亡考濟、方欲ㇾ大舉、奄喪 父兄、使ㇾ垂成之功、不獲ㇾ一簣。」– Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1674; см.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 45-46.

[7] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 45-46.

[8] См.: *Ким Бусик.* Самкук саги. Т. I. С. 114. Титул *марипкан* истолковывается как «[сидящий на] самом высоком столбике» (месте государя). – См.: Там же. С. 308, прим. 17.

[9] *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 59.

[10] *Анапо* – топоним в провинции Ямато (ныне префектура Нара). – Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 480, прим. 32.

[11] 百官 яп. *хяккан – кн.* все [государственные] чиновники (Большой японско-русский словарь. – М.: Русск. яз. – Живой язык, 2000. – Т. II. – С. 517). – См.: Кодзики, 1968. Т. II. С. 239; Кодзики, 2001. С. 320.

[12] Кодзики, 1968. Т. II. С. 17; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 28, 29. Под наследным принцем *Сином* исследователи, обычно, подразумевают принца *Анахо* (Анкō), так как китайское имя *Син* (яп. *Ко*) и конечная частица *-хо* (др.-яп. *-по*) в имени *Ана-хо* (др.-яп. *Ана-по*) имеют одинаковое значение “процветать”, хотя и записываются разными знаками. – См.: *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 28-29; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 26, таблица 3.

для чего он (видимо, в 454 году) отправил посольство ко двору династии Южная Сун. «Сун-шу» в разделе «Во-*го*» сообщает: «[Правитель Японии] *Цзи* (т.е. Ингё – *С.Д.*) умер (в 453 году – *С.Д.*), наследник княжеского дома (кит. *шù-цзы̆*) *Син* прислал посла поднести дань»[1] [Сун-шу, св. 97-й, Во-*го*, *Син*; Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*, *Син*]. Здесь бросается в глаза то, что в отличие от записей о посольствах предыдущих государей Ямато, *Син*–Анахо не назван титулом "*ван*", а именуется "*шù-цзы̆*", т.е. только "наследным принцем" (*шù-цзы̆* – "наследником княжеского дома"[2]). Таким образом, для императоров Китая, Анахо не являлся законным правителем Японии.

мм. Только в 462 году – с большим запозданием (Анахо умер ещё в 456 г.), когда на троне Ямато уже находится сын Анахо – *Ō-хацусэ-но Вака-такэ* (др.-яп. *Опо-патусэ-но Вака-такэру* / Юряку), китайский император Сяо-у-*ди* (454-464) наконец-то решил поощрить *шù-цзы̆ Син*а и признать его государем Японии. Анахо (кит. *Син*) получил титул "*ань-дун цзян-цзюнь*, *Во-го-ван*" («успокаивающий Восток полководец, правитель государства Япония»). «Шестой год [правления] родоначальника (кит. *шù-цзў*)[3] [Сяо-у-*ди*] под девизом правления *Да-мин* (462 г.). Указ гласил: "Наследный принц японского государя (кит. *Во-ван шù-цзы̆*)[4] [по имени] *Син* поколение за поколением (кит. *ù-шù*) снова [и снова] (кит. *цзàй*) проявлял лояльность, будучи [нашим] отдалённым зависимым правителем (кит. *фáнь*) [в] открытом море (кит. *вàй-хǎй*).[5] [Он] докладывал (кит. *бйн*) об изменениях [и] умиротворении границ; почтительно вёл себя, принося дань (кит. *гýн-чжи́*).[6] [*Син*] – новый преемник (кит. *сы̀* – наследник)[7] [японского престола], и, вместе с тем, [уже] получил наследство (кит. *è*)[8] (т.е. фактически уже был государем Японии – *С.Д.*). [Поэтому] до́лжно (кит. *ù*)[9] [теперь его] жаловать китайскими титулами (кит. *шдý-цзюэ̄-хàо*).[10] Разрешаю (кит. *кэ̆*)[11] [именоваться званиями] "успокаивающий Восток полководец" (*ань-дун цзян-*

---

[1] 「濟 死、世子 興 遣ㇾ使 貢献。」 – Сун-шу, 2004. Т. III. С. 2036; Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1674; также цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 293 и *Хасимото М.* Тōē-си-дзē-ёри митару нихон дзē-ко-си кэнкю̄, 1956. С. 801.

[2] 世子 кит. *шù-цзы̆* – наследник княжеского дома, сын владетельного князя; принц. – БКРС. Т. II. С. 330.

[3] 世祖 кит. *шù-цзў* – основоположник династии; родоначальник. – БКРС. Т. II. С. 329.

[4] 倭王世子 кит. *Во-ван шù-цзы̆* – досл. "наследный принц японского государя". – Сун-шу, 2004. Т. III. С. 2036; также цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 293 и *Хасимото М.* Указ. соч. С. 801.

[5] 藩外海 кит. *фáнь вàй-хǎй* – досл. "зависимый правитель в открытом море"; где 藩 кит. *фáнь* – *сущ.* …3) *ист.* дальние владения; вассальные земли… – БКРС. Т. II. С. 656.

[6] 貢職 кит. *гýн-чжи́* – *ист.* дань. – БКРС. Т. IV. С. 671.

[7] 嗣 кит. *сы̀* – *сущ.* потомок; наследник, преемник. – БКРС. Т. III. С. 107.

[8] 業 кит. *è* – *гл.* …2) наследовать, получать в наследство… – БКРС. Т. III. С. 761.

[9] 宜 кит. *и́* – *гл.* 1) быть должным, должно, следует; следовало бы, полагалось бы… 4) быть пригодным, подходить, годиться… – БКРС. Т. II. С. 276.

[10] 授爵 кит. *шдý-цзюэ̄* – пожаловать титул; *ист.* даровать китайский титул, принять в состав империи. – БКРС. Т. III. С. 1015; 爵號 кит. *цзюэ́-хàо* – титул, почётное звание. – БКРС.Т. III. С. 31.

[11] 可 кит. *кэ̆* – *гл.* 1) можно, возможно; допустимо, позволительно; разрешается; мочь … 2) быть согласным, не возражать; одобрять; давать разрешение; санкционировать; согласен!, разрешаю!, добро!... – БКРС. Т. II. С. 1058-1059.

цзюнь), “правитель государства Япония” (*Во-го-ван*)“»[1] [Сун-шу, св. 97-й, Во-*го*, 6-й год *Дамин*]. «[В царствование императора] Сяо-у, 6-й год *Дамин* [462 г.], приказано назначить на должность (кит. *шоу*) *Сина*, [сделав его] “успокаивающим Восток полководцем” (*ань-дун цзян-цзюнь*) [и] правителем государства Япония” (*Во-го-ван*)»[2] [Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*, 6-й год *Дамин*]. В «Сун-шу» и «Нань-ши», в разделе “бэнь-цзи”, 6-й год *Да-мин* (462 г.), 3-я луна, день *жэнь-инь* (39-й цикл. знак), сказано: «Наследный принц государя страны Японии (кит. *Вого-ван шй-цзы*) *Син* сделан “успокаивающим Восток полководцем” (*ань-дун цзян-цзюнь*)».[3] «[Отныне] японский наследный принц (кит. *Во-шй-цзы*) *Син* сделан “успокаивающим Восток полководцем” [и] правителем государства Япония” (*Во-го-ван*)»[4] [Сун-шу, бэнь-цзи, св. 6-й, *Да-мин*, 6-й год, 3-я луна; Нань-ши, бэнь-цзи, св. 2-й, *Да-мин*, 6-й год, 3-я луна]. Такая же запись есть в «Цэфу юаньгуй»[5] (раздел “Вайчэнь-бу”, глава “Фэнцэ”[6]). То, что титулы Анахо были дарованы уже в правление *Ō-хацусэ-но Вака-такэру* (Юряку), подтверждается и сведениями «Нихон-сёки», где говорится, что в 6-й год правления Юряку (462 г.), через месяц после дарования титулов китайским императором, «весной, в 4-й месяц; государство Курэ (кит. У) (т.е. южно-китайское государство династии Сун – *С.Д.*) прислало посла поднести дань»[7] [Нихон-сёки, св. 14-й, Юряку, 6-й год правления, 4-я луна[8]]. Надо полагать, что именно это посольство и привезло в Ямато сообщение о даровании титулов “наследнику престола” *Сину* (Анахо). Однако японский источник никаких подробностей о переговорах с китайцами не сообщает. С точки зрения японцев, ситуация длительного непризнания Китаем прав на престол за принцем Анахо (государем Анкō) выглядела не очень “прилично” – и поэтому хроники Ямато умалчивают о целях китайского посольства.

Во 2-й луне 464 года было отправлено посольство в Южный Китай. «Весной 8-го года, во 2-м месяце государь послал в страну *Курэ*… Муса-но *сугури* Аво и Пинокума-но Тамитукапи Пака-токо»[9] [Нихон-сёки, св. 14-й, Юряку, 8-й год пр., 2-я луна]. Вернулось посольство в 466 году. В 4-й день 9-й луны 10-го года пр. (466 г.) Муса-но *сугури* Аво и другие прибыли в Цукуси (др.-яп. Тукуси), привезя подарки от императора Южной Сун. В 4-й день 4-й луны 12-го года пр. (468 г.) Муса-но *сугури* Аво и Пи-но Кума-но Тамитукапи Патако снова были отправлены с посольством в

---

[1]「世祖 大明六年、詔曰:『倭王世子興、奕世載 忠、作ㇾ藩外海、稟ㇾ化寧 境、恭修 貢職、新嗣 邊業、宜授ㇾ爵號、可ㇾ安東 将軍 倭國王』。」– Сун-шу, 2004. T. III. C. 2036; также цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 293 и *Хасимото М.* Указ. соч. С. 801.

[2]「孝武ゝ大明六年、詔授ㇾ興 安東將軍、倭國王。」– Нань-ши, 2004. T. II. C. 1674.

[3]「六年 / 三月 …壬寅、以 倭國王世子 興 爲ㇾ安東將軍。」– Сун-шу, 1974. T. I. C. 129; также цит. по: *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 294.

[4]「六年 / 三月 …壬寅、以 倭世子 興 爲ㇾ安東將軍、倭國王。」– Нань-ши, 1975. T. I. C. 65.

[5] *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 294.

[6]「六年 三月、以 倭國王世子 興 爲ㇾ安東將軍 倭國王。」– Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 963-й, Фэнцэ, ч. 1-я // URL: Op. cit.

[7]「春、四月。呉國 遣ㇾ使 貢獻。」– Нихон-сёки. Ч. I. T. I. C. 369; см.: *Мори К.* Нихон синси. С. 320.

[8] В русском переводе ошибочно вместо «4-й луны» написан «4-й год». – См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. T. I. C. 353.

[9] Нихон-сёки: Анналы Японии. T. I. C. 356; Нихон-сёки, 1957. Ч. I. T. I. C. 372.

Южный Китай. В 13-й день 1-й луны 14-го года пр. (470 г.) это посольство вернулось из поездки. «…Муса-но *сугури* Аво и его спутники, вместе с посланцем из Курэ…, бросили якорь в Суминоэ, привезя с собой искусных мастеров, посланных от[1] двора Курэ, – а именно, ткачей *ая* и ткачей *курэ*, а также швей по шёлку Э-пимэ и Ото-пимэ».[2] Китайские источники об этом посольстве не упоминают.

Для облегчения поездок в Южный Китай и обратно в этом же месяце[3] дорогу для гостей из Курэ, которая доходила до дороги Сипату-*мити*. Новая дорога получила название Курэ-сака.[4] «В 3-м месяце был отдан приказ *оми* и *мурадзи* встречать посланцев из Курэ. Поселили людей Курэ в Пи-но Кума-но но. Поэтому это место зовётся Курэ-*пара*, Поле [людей из] Курэ»[5] [Нихон-сёки, св. 14-й, Ю̄ряку, 11-й, 12-й, 14-й годы пр.]. «Кодзики» в связи с этим сообщает, что «в это время [в Ямато] переправились люди из Курэ. Эти люди из Курэ обосновались в Курэ*пара*. Поэтому это место и называют Курэ*пара*» (досл. “Равнина [людей из] Курэ”).[6] «Швею Э-пимэ отдали служить божеству Опо-мива-но *ками*. Ото-пимэ сделали главой рода–корпорации швей Ая-но *кину-нупи-бэ*. А портные–ткачи *ая* и *курэ* стали предками рода–корпорации Асука-но *кину-ну-пи-бэ* и Исэ-но *кину-нупи-*(*бэ*)».[7] По прибытии (в 1-й день 4-й луны 14-го года пр., 470 г.) им был устроен пышный приём и пир.[8]

В 477 году Ō-хацусэ-но Вака-*такэру* (кит. У-*ван*) прислал посольство ко двору династии Южная Сун. В 1-й год *Шэнмин* (477 г.), 11-ю луну, день *цзи-ю* (46-й год цикла) «Японское государство (*Во-го*) прислало посла поднести дань местными изделиями»[9] [Сун-шу, бэнь-цзи, св. 10-й, Шунь-*ди*, *Шэнмин*, 1-й год, 11-я луна]. В «Цэфу юаньгуй» (“Вайчэнь-бу”, “Чаогун”) тоже есть сообщение об этом посольстве.[10] Раздел «Во-*го*» содержит более подробные сведения. «[После того как] *Син* (государь Анапо / Анкō – *С.Д.*) умер, [его] младший брат *У* взошёл на трон. Сам себя именовал *шй-чй-цзе́* (военачальник в ранге посла)[11], *дӯ-дӯ* (единолично управляющий)[12] всеми военными делами семи государств – Во (Японии), Боцзи (Пэкче), Синьло (Силла), Жэньна (Имна), Цзяло (Кара), Циньхань (Чинхан), [Мухань (Мохан)], “успокаивающий Восток великий военный предводитель” (*ань-дун да-цзян-цзюнь*), правитель

---

[1] В русском переводе указано «ко двору Курэ». – См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 365.
[2] См.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 317; *Yoshido Harada*. China and Japan: ancient cultural relations. P. 7.
[3] Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 365.
[4] Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 383. В русском переводе фраза о названии дороги пропущена (см.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 365).
[5] Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 362, 364-365.
[6] Кодзики: Записи о деяниях древности. Т. II. С. 193; Кодзики, 1968. Т. II. С. 254; Кодзики, 2001. С. 336.
[7] В одном из списков «Нихон-сёки» в последнем случае использован иероглиф 部 *бэ* – корпорация. – Нихон-сёки, 1957. С. 384, прим.; см.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 365.
[8] См.: Нихон-сёки: Анналы Японии. Т. I. С. 341.
[9] 「倭國 遣ㇾ使 献ㇾ方物。」 – Сун-шу, 1974. Т. I. С. 195; также цит. по: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 295.
[10] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 294. 「順帝㫐昇明元年、倭國 遣ㇾ使 献ㇾ方物。」 – Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 968-й, Чаогун, ч. 1-я // URL: Ibid.
[11] 使持節 кит. *шй-чй-цзе – ист*. шичицзе (*титул военачальника в ранге посла*, дин. Цзинь). – БКРС. Т. IV. С. 70.
[12] 都督 кит. *дӯ-дӯ* – единолично управлять (особенно, *военными делами*). – БКРС. Т. II. С. 778.

государства Япония (*Во-го-ван*)»[1] [Сун-шу, св. 97-й, Во-*го*]. Титулы, которые присвоил себе Ō-хацусэ-но Вака-*такэру* (Ю̄ряку) такие же, как и у Во-аса-цума-вакуго (Инге̄) в 451 году, за одним исключением – здесь (вместо шести стран) названы семь стран – добавлена страна Пэкче (кит. Боцзи) (хотя в списке пропущены, видимо, земли Махана [кит. Мухань]). То есть, правители Ямато продолжали настаивать (ещё с 438 года) на том, что военные дела союзного им государства Пэкче были под военным управлением Японии. Кроме того, государь Японии считал себя лицом, осуществляющим военное руководство в Кая: в Имна (яп. Мимана) и Кара (которое ранее – в первой половине V века признавалось японскими властями находящимся вне сферы влияния Ямато). Однако в династийных историях об утверждении этих титулов китайским двором ничего не сказано.

нн. В 5-й луне 478 года Ō-хацусэ-но Вака-*такэру* (Ю̄ряку, кит. У-*ван*) снова прислал посольство поднести доклад[2] [Сун-шу, св. 97-й, Во-го, 2-й год *Шэнмин*; Нань-ши, св. 97-й, Во-го, 2-й год *Шэнмин*]. В «Сун-шу» (источнике 513 г.[3]), в разделе “бэнь-цзи” сказано, что во 2-й год *Шэнмин* (478 г.), «…5-ю луну, день *у-у* (55-й циклический знак), правитель японского государства (кит. *Во-го-ван*) [по имени] *У* прислал посольство поднести дань местными изделиями. Поэтому *У* сделан “успокаивающим Восток великим полководцем»[4] [Сун-шу, бэнь-цзи, св. 10-й, Шунь-*ди*, *Шэнмин*, 2-й год, 5-я луна]. Записи об этом поднесении дани есть в «Цэфу юаньгуй» (“Вайчэнь-бу”, “Фэнцэ”[5]).[6]

Причём, в «Сун-шу» (в разделе “Во-*го*”) о японском правителе У-*ване* (Ю̄ряку)[7] сообщается: «Шунь-*ди*, 2-й год *Шэнмин* (478 г.), [Япония] прислала посла поднести доклад (кит. *бя̆о*)[8], <…>[9] Не ради прежних заслуг, украдкой (кит. *цѐ-цзы̀* – воров-

---

[1] 「興 死、弟武 立。自称ㇾ使持節・都督・倭・百済・新羅・任那・加羅・秦韓ㇷ七國諸軍事、安東大将軍、倭國王。」– Сун-шу, 2004. T. III. C. 2036; также цит. по: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 295 и *Хасимото М*. Указ. соч. С. 801; см.: Кодзики, 1968. T. II. C. 17. См. также: Sources of Japanese tradition. Vol. I. P. 8.

[2] 「順帝昇明二年、遣ㇾ使 上ㇾ表…」– Сун-шу, 2004. T. III. C. 2036; Нань-ши, 2004. T. II. C. 1674.

[3] *Kanzaki Ivan Hisao*. San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. A paper submitted to the Faculty of the Department of history in partial fulfillment of the requirements for a degree with honors. Annapolis, Maryland: United States Naval Academy, 16 December 2002. – P. 4.

[4] 「昇明二年／五月 戊午、倭國王 武 遣ㇾ使 獻ㇾ方物、以 武 爲ㇾ安東大將軍。」– Сун-шу, 1974. T. I. C. 179; цит. также по: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 294; 「二年… 五月 戊午、以倭國王武 爲ㇾ安東大將軍。」– Нань-ши, 1975. T. I. C. 91.

[5] 「(昇明)二年、倭國・高麗國… 并 遣ㇾ使 献ㇾ方物。」– Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 968-й, Чаогун, ч. 1-я // URL: Op. cit.

[6] *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 294.

[7] Нихон дзэнси 日本全史. – Токио 東京: Tōkē̄-дайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1958. – T. III. – C. 320.

[8] 表 кит. *бя̆о* – *сущ*. …6) официальный документ (меморандум), доклад, представление; 上表 кит. *шан-бя̆о* – представить доклад. – БКРС. Т. III. С. 884.

[9] Текст доклада см.: *Суровень Д.А*. Япония в конце IV – V веках: период среднего Ямато. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2020. – Т. II. – С. 309-312.

ски, не по заслугам)[1] [японский *ван* У] себе жаловал (кит. *цзя́*)[2] [титул] *ка̄йфӯ ӣту́нса̄ньсы̄* (“господин губернатор[3] , имеющий свою канцелярию и штат сановник высшего ранга”[4]). Прочим (кит. *цю́йой*) всем вместе [и] каждому [из своих приближённых] (неофициально) жаловал [титулы и] назначал на должность (кит. *цзя́ шӣу*), тем самым поощряя (кит. *цюа̀нь*) преданность (кит. *чжӯн*) [и] верность (кит. *цзе́*).[5] [Китайский император Шунь-*ди*] приказал назначить на должности (кит. *чу́*)[6] [японского правителя] У, [а именно: на должности] *шӣ-чӣ-цзе́* (военачальник в ранге посла)[7], *дӯ* (главнокомандующий)[8] (или сокр. от: *дӯ-дӯ* – единолично управляющий[9] как в «Нань-ши» – *С.Д.*) всеми военными делами ш е с т и государств – Во (Японии), Синьло (Силла), Жэньна (Имна), Цзяло (Кара), Циньхань (Чинхан), Мухань (Мохан), “успокаивающий Восток в е л и к и й военный предводитель” (*ань-дун да-цзянцзюнь*), правитель государства Япония (*Во-го-ван*) (в «Нань-ши»: *Во-ван – С.Д.*)» [10] [Сун-шу, св. 97-й, Во-*го*, 6-й год *Шэнмин*]. В «Нань-ши», в разделе «Во-*го*», текст доклада У-*вана* (яп. Ō-хацусэ-но Вака-*такэру*) повторен с некоторыми сокращениями[11] [Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*, 6-й год *Шэнмин*; Нань-ши, гл. 79, IV. Япония, 478 г.]. [12] «Хань-

---

[1] 竊 кит. *цѐ – наречие* 1) воровски; украдкой, тайком; втихомолку… 2) не по достоинству, не по заслугам (*офиц., уничижит. ...*)… – БКРС. Т. III. С. 335.

[2] 假 кит. *цзя́* – 1) прикидываться… 4)* давать, жаловать… – БКРС. Т. III. С. 992.

[3] 開府 кит. *ка̄й-фӯ* – 1) *ист.* иметь свою канцелярию и штат; 2) *вежл.* господин губернатор (*о* 督撫 кит. *дӯфӯ – ист.* высшие местные начальники; генерал-губернатор и губернатор; наместник и губернатор; *после Хань*). – БКРС. Т. III. С. 137; Т. II. С. 629.

[4] 義同三司 кит. *ӣ-ту́н са̄нь-сы̄ – ист.* итун (*букв.: служебный долг таков же, как у трёх государственных министров* 三司), высший ранг сановника (*дин. Хань – Мин*) (см.: БКРС. Т. IV. С. 220); где 三司 кит. *са̄нь-сы̄* – три государственных министра (司馬, 司空, 司徒, *с дин. Вост. Хань*). – БКРС. Т. II. С. 31.

[5]「無替ㇾ前功、竊自 假ㇾ開府 儀同三司、其餘 咸各 假授、以勸ㇾ忠節。」– Сун-шу, 2004. Т. III. С. 2037.

[6] 除 кит. *чу́* – …5) *стар.* назначение очередного кандидата на освободившуюся должность… – БКРС. Т. IV. С. 833.

[7] 使持節 кит. *шӣ-чӣ-цзе́ – ист.* шичицзе (*титул военачальника в ранге посла*, дин. Цзинь). – БКРС. Т. IV. С. 70.

[8] 督 кит. *дӯ – сущ.* 1) глава, начальник… 2) полководец, главнокомандующий; 3) *ист. сокр.* генерал-губернатор. – БКРС. Т. II. С. 629.

[9] 都督 кит. *дӯ-дӯ* – единолично управлять (особенно, *военными делами*). – БКРС. Т. II. С. 778.

[10]「詔除ㇾ武 使持節、督ㇾ倭・新羅・任那・加羅・秦韓・慕韓、六國諸軍事、安東大将軍、倭國王。」– Сун-шу, 2004. Т. III. С. 2037.

[11]「詔除ㇾ武 使持節、都督ㇾ倭・新羅・任那・加羅・秦韓・慕韓、六國諸軍事、安東大將軍、倭王。」– Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1674; также цит. по: *Хасимото М.* Указ. соч. С. 801; см. также: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 294, 295; Бураку-си… Т. I. С. 18; Кодзики, 1968. Т. II. С. 17, 18, 24; Sources of Japanese tradition. Vol. I. P. 8; *Kanzaki I.H.* San kan sei-batsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. P. 4; *Уэда М.* и др. Нихон-кодай-си. С. 175; *Исида И.* Синва то рэкйси. С. 30; *Согабэ Сидзуо* 曽我部 静雄. Тэмму иро-кабанэ-но ёмиката 天武色姓の読み方 // Нихон-рэкйси 日本歴史. – 1954. – № 68. – С. 7; *Мацумото С.* Сэйтё̄-цӯси. Т. III. С. 18; Т. IV. С. 15; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 213.

[12] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 45-46. См. также: *Мори К.* Нихон синси. С. 127; *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 112; *Конрад Н.И.* Древняя история Японии. С. 26;

юань»[1] и « Тун-дянь»[2], в сокращённом виде цитируя этот доклад, тоже приводят фразу о завоёванных *кунù* [Тун-дянь, Приграничные дунъи, Верхний раздел, Во-*го*; Хань-юань, Фань-и-бу, Во-*го*-пу].

В китайской династийной истории сказано, что У-*ван* (Юряку) присвоил себе титул *кāйфў úтýн-сāньсы* (“господин губернатор, имеющий свою канцелярию и штат сановник высшего ранга”) Из китайских и корейских источников известно, что титул *кāйфў úтýн-сāньсы* в конце династии Сун (в 463 г.)[3] от китайского двора получил когурёский правитель Чансу-*ван*[4] [Нань Ци-шу, св. 58-й, ле-чжуань, разд. 39-й, *мань дун-нань-и*; Самгук-саги, летописи Когурё, кн. 18-я, Чансу, 51-й год пр. (463 г.)]. Здесь же мы видим, что самовольно присвоенный У-*ваном* (Юряку) титул *кāйфў úтýн-сāньсы* – китайским императором не был утверждён.

Если сравнить титулы, которыми в 477 году себя именовал У-*ван* (Юряку), и титулы, утверждённые китайским императором в 478 году, то обнаруживается следующее различие. В 477 году У-*ван* (Юряку) «…сам себя именовал *шй-чù-цзе* (военачальник в ранге посла), *дў-дў* (единолично управляющий)[5] всеми военными делами (*чжуцзюньши*) семи государств – Во (Японии), Боцзи (Пэкче), Синьло (Силла), Жэньна (Имна), Цзяло (Кара), Циньхань (Чинхан), [Мухань (Мохан)], “успокаивающий Восток великий военный предводитель” (*ань-дун да-цзян-цзюнь*), правитель государства Япония (*Во-го-ван*)»[6] [Сун-шу, св. 97-й, Во-*го*]. Теперь же, в 478 году китайским императором было приказано «…назначить на должности (кит. *чў*)[7] [японского правителя] У, [а именно: на должности] *шй-чù-цзé* (военачальник в

Гольдберг Д.И. Япония в III-XII веках // История стран зарубежной Азии в средние века. – М.: Наука, 1970. – С. 20.

[1] 「順帝時、遣ㇾ使 上ㇾ表 云:『自昔 禰、東 征ㇾ毛人 五十五國、西 服ㇾ衆夷 六〔闕「十六」〕。渡ㇾ平ㇾ海北 九十五國。』」 – Хань-юань, Фань-и-бу (Во-го-пу)『翰苑』蕃夷部 (倭國条) // URL: http://www.ceres.dti.ne.jp/~alex-x/kanseki/kanen-wa.html (дата обращения: 20.07.2020); “Хань-юань, Фань-и-бу, Во-го” дзэмбун「翰苑 蕃夷部 倭國」全文 // URL: http://home.p07.itscom.net/strmdrf/kyusyu_ref11.htm (дата обращения: 20.07.2020).

[2]『通典』邊防 東夷上 倭國:「東 征ㇾ毛人 五十五國、西 服ㇾ衆夷 六十六國、渡平ㇾ海北 九十五國。」. – Тун-дянь 通典. – Пекин 北京: Чжун-хуа шуцзюй 中華書局, 1988. – С. 4994.

[3] *Ким Бусик.* Самгук-саги. T. II. С. 85.

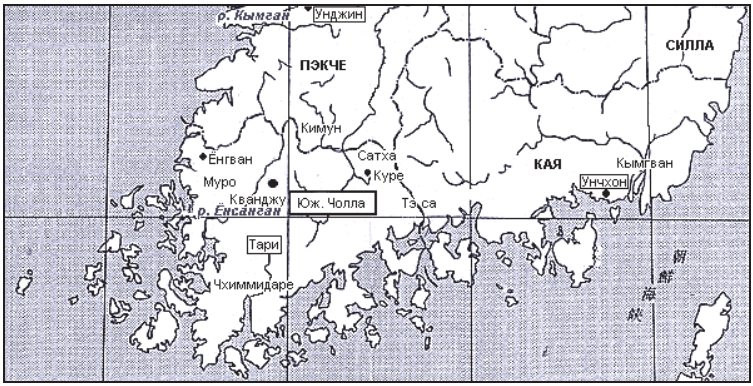
[4] 「東夷、高麗國、西 與 魏虜 接界。宋末、高麗王・樂浪公 高璉 爲ㇾ使持節、散騎常侍、都督營平二州諸軍事、車騎大將軍、開府儀同三司。」 – Нань Ци-шу 南齊書 (из серии “Эр ши сы ши цюань и” 二十四史全譯). – Шанхай 上海: Хань-юй дацыдянь чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. – С. 777.

[5] 都督 кит. *дў-дў* – единолично управлять (особенно, *военными делами*). – БКРС. T. II. С. 778.

[6] 「興死、弟武立。自称ㇾ使持節、都督、倭・百済・新羅・任那・加羅・秦韓、七國諸軍事、安東大将軍、倭國王。」 – Сун-шу, 2004. T. III. С. 2036; также цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 295 и *Хасимото М.* Указ. соч. С. 801; см.: Кодзики, 1968. T. II. С. 17. См. также: Sources of Japanese tradition. Vol. I. P. 8; *Ногути Ёсихиро* 野口 義廣. “Ботё-гаку”-кото хадзимэ кангаэру「防長学」事始め // Ямагути-кэнрицу кокусай бункагаку-бу киё 山口県立大学国際文化学部紀要。. – 1997. – № 3. – С. 52.

[7] 除 кит. *чў* – …5) *стар.* назначение очередного кандидата на освободившуюся должность… – БКРС. T. IV. С. 833.

ранге посла)[1], *дӯ* (главнокомандующий)[2] (сокр. от: *дӯ-дӯ* – единолично управляющий) всеми военными делами шести государств – Во (Японии), Синьло (Силла), Жэньна (Имна), Цзяло (Кара), Циньхань (Чинхан), Мухань (Мохан), “успокаивающий Восток великий военный предводитель” (*ань-дун да-цзян-цзюнь*), правитель государства Япония (*Во-го-ван*)»[3] [Сун-шу, св. 97-й, Во-*го*, 6-й год *Шэнмин*; Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*, 6-й год *Шэнмин*]. Из списка семи государств, на управление воен-



ными делами которых претендовал У-*ван* (Юряку), китайский император снова убрал Боцзи (кор. Пэкче), но признал притязания на контроль над Маханом [кит. *Мухань*], на территории которого и сложилось государство Пэкче. Видимо, здесь под Маханом подразумевался, прежде всего, Южный Махан, где располагались подконтрольные японцам земли Чхиммидаре, Тари, Конна (земли в юго-западной Корее: в Кванджу и далее на юг до морского побережья [см. карту выше]). Китайский император подтвердил притязания Японии на руководство военным и делами в Кая (в Имна – в южном Кая; и Кара – в северном Кая). Также были признаны претензии Ямато на контроль над военными делами в Силла (одновременно – в Чинхане, на территории которого располагалось государство Силла).

оо. См. коменнтарии «**б**», «**ш**», «**ы**».

---

[1] 使持節 кит. *шй-чй-цзе́ – ист*. шичицзе (*титул военачальника в ранге посла*, дин. Цзинь). – БКРС. Т. IV. С. 70.

[2] 督 кит. *дӯ – сущ*. 1) глава, начальник… 2) полководец, главнокомандующий; 3) *ист. сокр*. генерал-губернатор. – БКРС. Т. II. С. 629.

[3]「詔除𠂉武 使持節、督𠂉倭・新羅・任那・加羅・秦韓・慕韓〆六國諸軍事、安東大将軍、倭國王。」– Сун-шу, 2004. Т. III. С. 2037;「詔除𠂉武 使持節、都督𠂉倭・新羅・任那・加羅・秦韓・慕韓〆六國諸軍事、安東大將軍、倭王。」– Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1674; также цит. по: *Хасимото М.* Тōē-сидзē-ёри митару нихон дзē-ко-си кэнкю̄, 1956. С. 801; см. также: *Ямао Ю.* Нихон кодай бōкэнкэйсэй сирон. С. 294, 295; Бураку-си… Т. I. С. 18; Кодзики, 1968. Т. II. С. 17, 18, 24; Sources of Japanese tradition. Vol. I. P. 8; *Kanzaki I.H.* San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. P. 4; *Уэда М.* и др. Нихон кодай-си. С. 175; *Исида И.* Синва то рэкйси. С. 30; *Согабэ С.* Тэмму иро-кабанэ-но ёмиката. С. 7; *Мацумото С.* Сэйтē-цӯси. Т. III. С. 18; Т. IV. С. 15; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 213.

пп. В 479 году император Гао-*ди* (479-482) новой южно-китайской династии Южная Ци утвердил новые титулы японскому правителю У-*ван*у (Юряку). «1-й год *Цзянь-юань* (479 г.), [Гао-*ди* приказал] взять на службу (кит. *цзя̀нь*), заново (кит. *синь*) назначив на должности (кит. *чу́*) *шйчѝцзе́* (военачальника в ранге посла), *дӯдӯ* (единолично управляющего) всеми военными делами (*чжуцзюньши*) шести государств – Во (Японии), Синьло (Силла), Жэньна (Имна), Цзяло (Кара), Циньхань (Чинхан), [Мухань (Мохан)], "успокаивающего Восток великого полководца" (*аньдун да-цзянцзюнь*), японского правителя (*Во-ван*) [по имени] *У*, [также его] титулом (кит. *хао̀*) сделав [звание] "умиротворяющий Восток великий полководец" (*чжэньдун да-цзян-цзюнь*)»[1] [Нань Ци-шу, св. 58-й, *дун-нань-и*, Во-*го*]. Однако, как думает Ямао Юкихиса, посольство не было отправлено.[2] Хотя в тексте «Нань Ци-шу» в перечне шести государств названо пять, т.к. пропущен Мухань (кор. Мохан), т.е. Махан – о нём говорится в «Лян-шу» и «Нань-ши».[3] Кроме того, в «Лян-шу» вместо *дӯдӯ* ("единолично управляющий" – титула, указанного в «Нань-ши») употреблён титул *дӯ*[4] ("главнокомандующий", который может быть сокращением первого титула).[5] В «Лян-шу» и «Нань-ши» вместо титула *шйчѝцзе́* (военачальник в ранге посла[6]; употреблённого в «Нань Ци-шу») использован титул *чѝцзе́* (посол с верительной биркой)[7], что может быть ошибкой или сокращённым написанием титула *шйчѝцзе́*. В «Лян-шу» и «Нань-ши» (разделы "Во-*го*") сказано: «В [годы] *Цзянь-юань* [династии Южная] Ци (479-482) назначили [японского правителя] *У* на должности [*шй*]*чѝцзе́* ([военачальника в ранге] посла с верительной биркой), *дӯ* (главнокомандующего; или в "Нань-ши": *дӯдӯ* – единолично управляющего) всеми военными делами (*чжуцзюньши*) шести государств – Во (Японии), Синьло (кор. Силла), Жэньна (кор. Имна), Цзяло (кор. Кара), Циньхань (кор. Чинхан), Мухань (кор. Мохан [Махан]), "умиротворяющего Восток великого полководца" (*чжэньдун да-цзянцзюнь*)»[8] [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, *чжу-и*, *дунъи*, Во, годы *Цзянь-юань*; Нань-ши, св. 79-й, Во-*го*, годы *Цзянь-юань*]. Уже новая династия – Южная Ци снова подтвердила право Японии на руководство военными делами в Кая (в Имна – в Южном Кая; и Кара – в Северном Кая). Также были подтверждены претензии Ямато на кон-

---

[1] 「建元元年、進新除ㇾ使持節、都督ㇾ倭・新羅・任那・加羅・秦韓・(慕韓)ノ六國諸軍事、安東大將軍、倭王武 號為ㇾ鎮東大將軍。」– Нань Ци-шу, 2004. С. 779; *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 297-298; см.: Кодзики, 1968. Т. II. С. 18.

[2] *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 298.

[3] 「**督**ㇾ倭・新羅・任那・伽羅・秦韓・**慕韓**ノ六國諸軍事」– Лян-шу, 2004. С. 730-731; 「**都督**ㇾ倭・新羅・任那・加羅・秦韓・**慕韓**ノ六國諸軍事」– Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1674.

[4] 督 кит. *дӯ – сущ.* 1) глава, начальник… 2) полководец, главнокомандующий; 3) *ист. сокр.* генерал-губернатор. – БКРС. Т. II. С. 629.

[5] См. выше; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 298.

[6] 使持節 кит. *шйчѝцзе – ист.* шичицзе (*титул военачальника в ранге посла*, дин. Цзинь).

[7] 持節 кит. *чи́-цзе́* – 1) держать верительную бирку (бунчук); иметь полномочия; направляться в качестве посла… (БКРС. Т. III. С. 48). См.: Лян-шу, 2004. С. 730; Нань-ши, 2004. С. 1674.

[8] 「齊ノ建元中、除ㇾ武 持節、都ㇾ倭・新羅・任那・加羅・秦韓・慕韓ノ六國諸軍事、鎮東大將軍。」– Лян-шу, 2004. С. 730-731; 「齊ノ建元中、除ㇾ武 持節、都督ㇾ倭・新羅・任那・加羅・秦韓・慕韓ノ六國諸軍事、鎮東大將軍。」– Нань-ши, 2004. С. 1674.

троль над военными делами в Силла (одновременно – в Чинхане, на территории которого располагалось это государство). В списке ш е с т и государств по-прежнему нет Боцзи (кор. Пэкче), но признаются права на контроль над Маханом [кит. *Мухань*] (на территории которого и сложилось государство Пэкче) – и, прежде всего, над Южным Маханом. Китайский двор опять признавал самостоятельную роль Пэкче в военно-политических делах Южной Кореи. Поэтому на следующий год (480 г.), в 3-й луне, новый *ван* Пэкче – Тонсон (Модэ, 479-501) также получил от о с н о в а т е л я Южной Ци – императора Гао-*ди* титулы *шйчӣцзе́* (военачальник в ранге посла), *дӯдӯ* (единолично управляющий) всеми военными делами Боцзи (Боцзи *чжу-цзюньши*), "у м и р о т в о р я ю щ и й Восток великий военный предводитель" (*чжэнь-дун дацзянцзюнь*)»[1] [Цэфу юань-гуй, Вайчэнь-бу, Фэнцэ, 2-й год *Цзянь-юань*; Нань Ци-шу, св. 58-й, Боцзи, *Моуда*]. Об этом же говорится в корейской хронике «Самгук-саги», цитирующей китайский источник «Цэфу юаньгуй».[2]

Лян шу

ааа. О Тай-бо как предке японцев см. комментарий «**з**».

ббб. Татуировании тела и лиц общинников имело социальное значение. В I–III вв. социальная принадлежность человека к той или иной общине определялась татуировкой. «Разрисовка тела в разных владениях различается, то левая, то правая, то крупная, то мелкая…»[3] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. «[Во] всех владениях (кит. *го́*, яп. *кунѝ* – гражданских общинах) узоры (кит. *вэ́нь*) (татуировки) [в] каждой [общине] различаются: то левая, то правая, то большая, то маленькая…»[4] [Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 25 а, 8-9]. О татуировании тел и лиц см. комментарий «**ж**».[5]

ввв. Эти владения (кит. *го́*, яп. *кунѝ*) Цусима (см. комментарий «**б**»), Ики, Мацура, Ито, На, Фуми, Тома и Яматай локализуются современными исследователями на островах Цусима, Ики и Кюсю.[6]

Наиболее разветвленный аппарат управления был в общине Ематай-*го* (Яматайно *куни*), где находилась резиденция государя–женщины. Здесь было четыре, ве- роятно, высших должностных лица. В порядке убывающего старшинства это: *ӣ-чжӣ-ма́* (яп. *и-си-ма*), *ми́-ма́-шэ̄н* (яп. *ми-ма-ну*), *ми́-ма́-хо̀-чжӣ* (яп. *ми-ма-ка-си*), *ну́-цзя̄-ти́* (яп. *ну-ка-тэ*[*й*])[7] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Йематай]. Об их функциях в

---

[1] 「(建元)二年 三月、百濟王 牟都 遣ㇾ使 貢獻。詔 曰:『…可即授ㇾ使持節、都督ㇾ百済諸軍事、鎮東大将軍。』」 – Цэфу юаньгуй, Вайчэнь-бу, св. 963-й, Фэнцэ, ч. 1-я // URL: Ibid., также цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 298; 「牟大… 爲ㇾ使持節、都督ㇾ百濟諸軍事、鎮東大將軍。」 – Нань Ци-шу, 2004. С. 778; см.: Кодзики, 1968. Т. II. С. 18.

[2] *Ким Бусик*. Самгук-саги. Т. II. С. 169.

[3] *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 245.

[4] 「諸國文身 各異、或左、或右、或大、或小…」 – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 546; см.: *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 129.

[5] О татуировании тела и лиц общинников и о социальном значении татуировок подробнее см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 281-283, коммент. «**у**».

[6] Подробнее см.: Там же. С. 252-254, 257-261, 270-271, 272-273, коммент. «**ж**», «**и**», «**м**», «**о**».

[7] Японское прочтение терминов по кн.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 96; 伊支馬 кит. *ӣ-чжӣ-ма́*; 彌馬升 кит. *ми́-ма́-шэ̄н*; 彌馬獲支 кит. *ми́-ма́-хо̀-чжӣ*; 奴佳鞮 кит. *ну́-цзя̄-ти́*. – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; см.: Нихон дзэнси. Т. I. С. 300. В «Нань-ши» указано т р и должности

источнике ничего не говорится. Палеолингвистический анализ показывает, что эти слова в качестве географических названий и местных имён встречаются в «фудоки», «Кодзики» и «Нихон-сёки».[1] Практически все исследователи читают названия должностей чисто фонетически, пытаясь найти какие-нибудь соответствия в японском языке.[2]

Если попытаться перевести должностные звания через значения их иероглифов, то получится следующая картина: *ӣ-чжӣ-мӑ* – «начальник военного отряда задержки (преграждения пути)»[3]; *ми́-мӑ-шэ̄н* – «восполняющий лошадей [за счёт] поставок и сборов»[4]; *ми-мӑ-хо̀-чжи* – «восполняющий лошадей [за счёт] захваченной (собранной) части (имущества) / трофеев»[5]; *ну́-цзя̄-ти́* – «наилучший переводчик (толмач) (для языков западных инородцев)–рабов»[6] (есть вариант записи: *ну́-вӑн-ти́* – «походный переводчик (толмач) (для языков западных инородцев)–рабов»[7]). То есть *ӣ-чжӣ-мӑ* мог выполнять функции начальника гвардий (дворцовой стражи), о которой сообщается в «Хоу-хань-шу» и «Вэй-чжи» [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимиху; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Бимиху]; *ми́-мӑ-шэ̄н* занимался комплектацией войска лошадьми и (возможно) другим снаряжением; *ми́-мӑ-хо̀-чжӣ* – занимался имуществом, захваченным в качестве трофеев и, может быть, дани с зависимых территорий; *ну́-цзя̄-тӣ* – как видно из последнего иероглифа, был переводчиком (или главой переводчиков) с языков западных инородцев (корейцев?), которые могли быть и в составе пленных (*ша̄н-кӧу*) и рабов (*ну́*), а также главой переводчиков для военных и дипломатических миссий. В общем, видимо, это были крупные чиновники.

(без *ми-ма-шэн*), а последняя должность записана как 奴往鞮 кит. *ну́-вӑн-ти́* (яп. *ну-ō-тэ*[*ӣ*]): 「其官 有ㇾ伊支馬、次曰ㇾ彌馬獲支、次曰ㇾ奴往鞮。」– Нань-ши, 2004. Т. II. С. 1673.

[1] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 96; *Сакамото Т.* “Гиси-вадзин-дэн” (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-дзаккō. С. 134-135; Нихон дзэнси. Т. I. С. 300.

[2] См.: *Сакамото Т.* Указ. соч. С. 134-135; Нихон дзэнси. Т. I. С. 300; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 96.

[3] 伊支馬 кит. *ӣ-чжӣ-мӑ*; где 伊 кит. *ӣ* – *гл.* * останавливать, задерживать, преграждать путь (БКРС. Т. III. С. 385); 支 кит. *чжӣ* – *гл.* 1) поддерживать, держать, подпирать; *сущ.* …7) *счётное слово*: … б) *для воинских частей и групп* (БКРС. Т. III. С. 1016); 馬 кит. *мӑ* – 1) лошадь; конь… 7) начальник военного отряда (*с дин. Шан*). – БКРС. Т. III. С. 527, 528.

[4] 彌馬升 кит. *ми́-мӑ-шэ̄н*; где 彌 кит. *ми́* – 1) наполнять, восполнять… – БКРС. Т. III. С. 322; 馬 кит. *мӑ* (*см. выше*); 升 кит. *шэ̄н* – *гл.* … 1) преподностить… 2) поставлять (БКРС. Т. III. С. 979). В списке «Вэй-чжи» в «Тайпин-юй-лань» название второго должностного лица в Ематай-*го* – *ми́-мӑ-шэ̄н* записано несколько иначе: 彌馬叔 кит. *ми́-мӑ-шӯ* (Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464 б; *Мицуки Т.* “Тайхэй-гё-ран” (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин “Гиси-вакоку-дэн” (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 63); где 叔 кит. *шӯ* – *сущ.* 1) дядя (*мл. брат отца*); 2) деверь (*мл. брат мужа*); третий из 4-х братьев (伯仲叔李); 4) младший… *гл.* с о б и р а т ь… (БКРС. Т. III. С. 974), что можно перевести как “*ми́-мӑ* – младший”, или “младший ‘восполняющий лошадей’ ”, или как “восполняющий лошадей [за счёт] сборов”.

[5] 彌馬獲支 кит. *ми́-мӑ-хо̀-чжӣ*; где 彌馬 кит. *ми́-мӑ* (*см. выше*); 獲 кит. *хо̀* – *гл.* 1) получать, приобретать; 2) собирать (*урожай*)… 3) ловить, хватать; арестовывать; д о б ы в а т ь (*на охоте*, *в бою*)… *сущ.* 1) д о б ы ч а, т р о ф е й; 2)* рабыня. – Там же. С. 1001; 支 кит. *чжӣ* – здесь: …7) *счётное слово*:… 2) часть (*имущества*), статья расхода. – Там же. С. 1016.

[6] 奴佳鞮 кит. *ну́-цзя̄-ти́*; где 奴 кит. *ну́* – раб; 佳 кит. *цзя̄* – *прил.* 1) прекрасный… наилучший (БКРС. Т. II. С. 107); 鞮 кит. *дӣ*, *ти́* – *сущ.* … 2) переводчик (толмач) для языков западных инородцев (*с дин. Чжоу*). – БКРС. Т. III. С. 947.

[7] В варианте 奴往鞮 кит. *ну́-вӑн-ти́*: 往 кит. *вӑн* – *гл.* 1) уходить, уезжать… *сущ.* 1) * пройденное расстояние; маршрут, переход. – БКРС. Т. II. С. 171.

ггг. «…В общем … н е д а л е к о от **Чжуяй** и **Дань-эр**; и потому их законы и обычаи во многом сходствуют»[1] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VII Во-го]. В «Хоу-хань-шу» эта интересная фраза о Чжуяй и Даньэр, видимо, попала в данную летопись, видимо, из более раннего источника, утверждавшего, что земли предков японцев – *вожэнь* находились в южном Китае. В «Суй-шу» и «Бэй-ши» повторено: «…Неподалёку от Дань-эр»[2] [Суй-шу, св. 81-й, ле-чжуань, 46, *дун-и*, Во-*го*; Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, 82, Во]. Близкая мысль звучит в «Нань-ши» и «Лян-шу»: «Местные произведения (кит. *ỳ-ча̌нь* – досл. "продукция" народа *вожэнь* – *С.Д.*) сходны с произведениями (досл. "почти одно и тоже" – *С.Д.*) в **Дань-эр** и **Чжуяй**»[3] [Нань-ши, св. 79-й, ле-чжуань, 69, *и-мо*, ч. 2-я, Во-*го*; Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, *чжу-и*, Во]. «Саньго-чжи» отмечает отличие в оружии *вожэнь* и людей Дань-эр и Чжуяй: «Как оружие употребляют копье, щит, большой лук, деревянный лук [короткий книзу, длинный наверху], бамбуковые стрелы либо с железным наконечником, либо с костяным, что у них н е о д и н а к о в о с Даньэрр и Чжу-яй»[4] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. ***Чжуяй*** – народ в **южном Гуандуне**[5] (см. комментарий «**р**») и поселение на севере острова Хайнань в Южно-китайском море[6], а также название округа на этом острове.[7] ***Дань-эр*** – округ на том же острове Хайнань[8] [Вьет шы лыок, кн. I, анналы Чиеу, Тхуат Зыонг *выонг* 1]. Сведения древнекитайского трактата «Лунь-хэн» указывают на южнокитайскую прародину предков японцев – народа ***вожэнь***.[9]

ддд. О погребальных обычаях древних японцев см. коммент «**аа**» (2022 г.).[10]

еее. См комментарий «**р**».[11]

---

[1] 「其地 大較 在… 與 朱崖･儋耳 相近、故 其法俗 多同。」– Хоу-хань-шу, 2000. С. 822; см.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 34; *Маки К.* "Гиси-вадзин-дэн" (кит. Вэйчжи-вожэнь-цзюань)-сэйкай-но дзэ̄кэн. С. 86; *Хиго К.* Ямато то сйтэ-но Яматай. С. 8; *Лаптев С.В.* Контакты древнего населения Японии… 2003. С. 114.

[2] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 94;「與 儋耳 相近。」– Суй-шу, 2004. С. 1652;「與 儋耳 相近。」– Бэй-ши, 2004. С. 2562.

[3] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 44; ср.:「物産 略 與 儋耳･朱崖 同。」– Нань-ши, 2004. С. 1673;「物産 略 與 儋耳･朱崖 同。」– Лян-шу, 2004. С. 730.

[4] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 246; см.: *Ван Ю.* У Юэ иминь юй гудай Жибэнь. С. 53.

[5] Шань-хай-цзин цзяочжу 山海經校注. – Чэнду 成都, 1992. – С. 318, прим. 2 к "Ли-эр *го*".

[6] См.: *Крюков М.В.*, *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. – М.: Наука, 1979. – С. 259, 262, 271.

[7] Округ *Чжуяй* был образован при династии Ранняя Хань в период годов *Юань-фэн* (110-105 годы до н.э.). В 116 году н.э. округ был ликвидирован и восстановлен в 242 году. – *Чжоу Цюй-фэй*. За хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). – М.: Вост. лит., 2001. – С. 484, 460; см.: Там же. С. 104, 122.

[8] В 5 году н.э. он был ликвидирован и его территории были включены в округ Чжуяй. – *Чжоу Цюй-фэй*. За хребтами… С. 484, 460; см.: Там же. С. 104, 122; *Сыма Цянь*. Исторические записки, 2010. Т. IX. С. 506, прим. 104; Шань-хай-цзин, 1992. С. 318, прим. 2 к "Ли-эр *го*".

[9]「倭(*wō*)人：古代 称ㇾ日本人。」– Лунь-хэн 論衡. – Гуйян 貴阳: Гуйчжоу жэньминь чубаньшэ 貴州人民出版社, 1993. – С. 303, прим. 2; С. 303. Подробнее о народе *юэ-чан* и соседствующим с ним народе *вожэнь* в Южном Китае см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 275-281.

[10] О погребальных обрядах древних японцев см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 300-301, коммент. «**аа**».

[11] Подробнее о календарной системе см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 295-297, коммент. «**щ**». О системах летосчисления эпохи первобытности, периода Яматай (I–III вв.) и Яма-

ёёё. См. комментарий «**т**».[1]

жжж. См. комментарий «**ф**».[2]

ззз. См. комментарий «**ц**».[3]

иии. О мятеже годов *Гуан-хэ* («войне годов *Гуан-хэ*» 178-184 гг.) см. комментарий «**ш**».[4]

ккк. В «Лян-шу» сказано: «Тогда совместно поставили (кит. *гу̀н-лѝ ´*)[5] одну девицу (кит. *нйой-цзы̆*) [по имени] Бимиху, сделав её государем (кит. *ван*). [Би]миху[6] не имела супруга (кит. *фу̀-сю̀й*), обладала (кит. *цзя́*) [умением] колдовства (кит. *гўй-да̀о*), [поэтому] могла вводить в заблуждение народ (кит. *хо̀-чжу̀н*). Поэтому [она была] возведена на престол (кит. *лѝ* – досл. "поставлена") людьми (т.е. общинниками – *С.Д.*) [этого] государства (кит. *го́жэ́нь*)»[7] [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, раздел 48-й, *чжу-и*, Во]. Сходная информация дана в «Суй-шу» и «Бэй-ши». «Была девица (кит. *нйой-цзы̆*), [которую] звали Бимиху. [Из-за того, что она] могла волшебством (кит. *гўй-да̀о*) вводить в заблуждение народ (кит. *хо̀-чжу̀н*), в этом государстве люди (кит. *го́жэ́нь*, т.е. общинники – *С.Д.*) совместно поставили (кит. *гу̀нлѝ ´*) [её на трон], сделав государем (кит. *ван*)»[8] [Суй-шу, цз. 81, Во-*го*; ср.: Суйшу, гл. 81, V, 147-190 гг.; Бэй-ши, св. 94-й, ле-чжуань, 82, Во]. Как видно, избрание Бимиху было осуществлено *общинниками* на *народном собрании* (органе, в работе которого принимают участие все граждане), т.е. всеми «людьми государства» (кит. *го́жэ́нь* – досл. "люди [нашей] страны, [наши] соотечественники"[9]) – так как в древности под термином «люди», «народ» понимались общинники (т.е. *полноправные свободные* = граждане).[10] Избрание происходило на основе традиций, обычаев и законов того общества: М.В. Воробьёв ука-

---

то (IV – сер. VII вв.) см.: *Суровень Д.А.* Хронология древней Японии. – Екатеринбург: Альфа-принт, 2023. – Т. I. – С. 294-406.

[1] О долголетии и возможном "двойном" счёте лет (полугодиями) см.: *Суровень Д.А.* Хронология древней Японии. Т. I. С. 295-299; *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 291-295, коммент. «**ш**».

[2] Подробнее о системе *полигамии* в форме *полигинии* (многожёнства) см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 295-297, коммент. «**щ**», «**ы**».

[3] Подробнее о правовой системе древних японцев периода Яматай (I–III вв.) см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 297-300, коммент. «**э**», «**ю**», «**я**».

[4] Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Верхние слои сказания о двух братьях и морской и горной удаче как источник по истории юго-западной Японии периода позднего яёй. С. 63-91; *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 328-330, коммент. «**ии**».

[5] 共立 кит. *гу̀нлѝ ´* – …2) совместно учреждать (основывать). – БКРС. Т. IV. С. 630.

[6] 彌呼 кит. *миху*, яп. *мико* – может фонетической записью японского термина *мико* 巫女 – *синт.* храмовая жрица; прорицательница; шаманка; колдунья, предсказательница судьбы. – См.: ЯРС. С. 366; ЯРУСИ. С. 202.

[7] 「乃 共立ㇾ一女子 卑彌呼 為ㇾ王。**彌呼** 無ㇾ夫婿、挾ㇾ鬼道、能ㇾ惑衆、故 國人 立ㇾ之。」 – Лян-шу, 2004. С. 730; также цит. по: *Ямао Ю.* Указ. соч. С. 64.

[8] 「有ㇾ女子 名ㇾ卑彌呼、能ㇾ以鬼道 惑衆、於 是國人 共立 為ㇾ王。」 – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652; 「有ㇾ女子 名ㇾ卑彌呼、能ㇾ以鬼道 惑衆、國人 共立 為ㇾ王。」 – Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2562. Ср.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 94.

[9] 國人 кит. *го́жэ́нь*. – БКРС. Т. II. С. 685.

[10] 人 кит. *жэ́нь* – 1) человек… 3) люди… 6) г р а ж д а н и н; г р а ж д а н е; н а р о д … – БКРС. Т. III. С. 585; 民 кит. *минь* – 1) народ… 3) г р а ж д а н с к о е с о с л о в и е… г р а ж д а н и н … – БКРС. Т. IV. С. 197.

зывает, что "совместное выдвижение" (кит. *гу̀нлù*) правителя являлось для *вожэнь* чем-то вроде "законов и обычаев".[1] О Химико (др.-яп. Пимико, кит. Бимиху) см. комментарий «**ш**».[2]

ллл. Судя по «Вэй-чжи», «Лян-шу» и «Суй-шу», реально страной управляла не сама Бимиху, а её брат–соправтель. «Был мужчина–младший брат (кит. *на́ньдù*), он помогал (Бимиху – *С.Д.*) управлять страною» (кит. *цзŏ чжù (лй) го́*)[3] [Саньго-чжи, гл. 30, Во, Бимиху; Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 а, 2-4; Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, Во; Суй-шу, св. 81-й, ле-чжуань, 46, *дунъи*, Во-*го*]. Исходя из значений иероглифов, можно предполагать, что младший брат выступал при Бимиху советником и помощником (кит. *цзŏ*)[4]; правил страной, выполняя функции наведения и поддержания порядка (кит. *чжù* и *лй*); осуществлял наказания, а также проводил карательные мероприятия против непокорных и выполнял военные функции (кит. *чжù*)[5]; разбирал судебные дела, занимался организацией межрегионального обмена и торговли, занимался текущими делами и решением различных повседневных вопросов (кит. *лй*).[6] Речь идёт о такой *форме правления* как *диархия* (двоевластие).[7]

ммм. Источники сообщают, что Бимиху жила затворницей в безбрачии, причём, объяснить это можно только её ролью жрицы (что требовало соблюдения религиозных запретов, воздержания и религиозного очищения[8]): «При ней было около 1 000 прислужниц (кит. *бù* – "рабынь–служанок"[9] – *С.Д.*), но редкие из них видали её. Был один мужчина, который подавал ей платье и пищу; передавал приказания»[10] [Хоу-

---

[1] *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. С. 91.

[2] Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 325, 327-331, коммент. «**зз**», «**кк**», «**ии**».

[3] 「有ㇾ男弟 佐治ㇾ國。」– Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547; 「有ㇾ男弟 佐治ㇾ國。」– Лян-шу, 2004. С. 730; 「有ㇾ男弟、佐ㇾ卑彌 理ㇾ國。」«Был младший брат, помогал Бими[ху] управлять государством». – Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652. Н.Я. Бичурин не понял данный текст из-за ошибки (?) переписчика, указавшего имя Бимиху неполностью (Бими). – См.: *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. С. 94.

[4] 「佐治ㇾ國。」кит. *цзŏ чжù го́*; где 佐 кит. *цзŏ* – 1) помогать… 2) предлагать, советовать… – БКРС. Т. II. С. 76; см.: *Иноуэ К.* Яматай-коку-мондай то кэнкю̄-но гэндзэ̄. С. 157.

[5] 治 кит. *чжù* – 1) держать в порядке; устанавливать порядок в...; п р а в и т ь ; ведать, распоряжаться (*кем-л., чем-л.*); … 3) призывать к порядку; н а к а з ы в а т ь; о б у з д ы в а т ь, подавлять; у с м и р я т ь… 4) вести борьбу с...; истреблять; расправляться с... – БКРС. Т. II. С. 538; см.: *Иноуэ К.* Указ. соч. С. 157.

[6] 「佐ㇾ… 理ㇾ國。」кит. *цзŏ лй го́*, где 理 кит. *лй* – 1) упорядочивать, приводить в порядок… 2) у п р а в л я т ь (*с т р а н о й*); ведать (*делами*); с у д и т ь (*о т я ж б е*); в е с т и (*напр. т о р г*); распоряжаться (*делом*); решать (*вопрос*). – БКРС. Т. II. С. 205.

[7] Подробнее о *диархии* см.: *Суровень Д.А.* Комментарий… 2022. С. 333-339, комент. «**оо**»; *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 224-230.

[8] *Исимода Сэ̄* 石母田 正. Нихон-но кодай кокка 日本の古代国家. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1971. – С. 5, 7; Нихон дзэнси. Т. I. С. 248; *Уэда М.* и др. Нихон-кодай-си. С. 77; *Сано Я.* Нихон-но акэбоно. С. 13; См.: *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 63; *Дьяконова Е.М.* Древняя Япония. С. 213; *Кудзира К.* Нихон-коку тандзэ̄-но надзо. С. 132-133.

[9] 侍婢 кит. *шùбù* – служанка, прислужница (БКРС. Т. III. С. 44); где 婢 кит. *бù* – 1) служанка; рабыня… – БКРС. Т. II. С. 814.

[10] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 35; 「侍婢千人、少 有ㇾ見者。唯 有ㇾ男子一人 給ㇾ

хань-шу, гл. 115, VIII (Во), Бимиху]. Те же сведения сообщены в «Тун-дянь».[1] «Летами она была уже взрослая, мужа не имела. … С тех пор как она стала государем, мало было видевших её. Её обслуживали тысячи прислужниц (кит. *би* – "рабынь" – *С.Д.*). Был только один мужчина, он давал ей пить и есть, передавал её слова, выходил [из дворца] и входил [в него]»[2] [Саньго-чжи, гл. 30, Во, Бимиху; Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 а, 2-4]. Сокращённо данная информация дана в «Тайпин-юй-лань»: «(С того момента как [она] стала государем, мало было видевших [её]). Рабынь (кит. *бù*) 1 000 человек служили [ей]. Только был один мужчина, [который] подавал [ей всё необходимое], еду и питьё (кит. *йньшй*), передавал [её] слова, входил и выходил [из дворца]».[3] «Суй-шу» также говорит о тысячи прислужниц–рабынь (кит. *шùбù*), редкие из которых видели лицо правительницы (кит. *ван*), но утверждает, что помощников, приносивших еду и питьё, передававших слова – было д в а человека.[4] Возможно, помочь могут сведения «Лян-шу», где (помимо сведений о мало видевших Бимиху и о 1 000 рабынь служанок) говорится, что был один мужчина, которого посылали (кит. *шй*) входить и выходить в покои правительницы, чтобы передавать её указы и наставления (кит. *цзяо-лùн*).[5] Может быть, он и есть второй мужчина (помимо первого, приносившего еду и питьё).[6]

ннн. Резиденция правительницы Бимиху находилась в главном владении страны – Ематай-*го* (яп. Яматай-*куни* – можно истолковать как "Горные башни" или "Горный двор правителя"[7]): «На юг достигаешь страны Ематай, где находится резиденция (кит. *дȳ*[8] – *С.Д.*) государя–женщины (*нюй-ван*)»[1]* [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во, Йема-

---

飲食、傅ㇾ辭語。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707.

[1]「侍婢千人、少 有ㇾ見者。唯 有ㇾ男子一人 給ㇾ飲食、傅ㇾ辭 出入。」– Тун-дянь, 1988. С. 4993-4994.

[2]「年已 長大、無ㇾ夫壻、<…> 自爲王以來、少 有ㇾ見者、以婢千人 自侍、唯 有ㇾ男子一人 給ㇾ飲食、傅ㇾ辭 出入。」– Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547. См.: *Исимода С.* Нихон-но кодай кокка. С. 7; *Кудзира К.* Нихон-коку тандзӗ-но надзо. С. 146; *Ким Бусик.* Самкук саги. Т. I. С. 305; *Кузнецов Ю.Д.* и др. История Японии. С. 19.

[3]「(自爲王以來、少 有ㇾ見者)、以婢千人 自侍。唯 有ㇾ男子一人 給ㇾ飲食、傅ㇾ辭、出入。」– Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464 б.

[4]「其王 有ㇾ侍婢千人、罕 有ㇾ見其面者、唯 有ㇾ男子二人 給王飲食、通傳言語。」– Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652.

[5]「自 為ㇾ王、少 有ㇾ見者、以婢千人自侍、唯 使ㇾ一男子 出入 傳ㇾ教令。」– Лян-шу, 2004. С. 730; где 教令 кит. *цзяо-лùн* – 1) указ… 2) инструкция; наказ; наставление, указание. – БКРС. Т. III. С. 1070.

[6] Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 222-224.

[7] 邪馬臺國 кит. Ематай-*го* (яп. Яматай-но *куни* – фонетически как "Горные 山 (邪馬 *яма*) башни" или "Горный 山 (邪馬 *яма*) двор правителя"); где 臺 (台) яп. *тай*, *дай*, кит. *тáй*, *тāй* – 1) земляная терраса; земляные уступы (ступени); плато… 4) *архит.* башня (*напр. городских ворот*); вышка, шатёр (*башни*); высокое здание; дворец; 5) *ист.* центральный правительственный аппарат… – БКРС. Т. II. С. 139.

[8] 都 кит. *дȳ* – 1) [крупный] город (*резиденция правителя*); столица… 4) *ист.* крупное селение (*в первый период оседлости*). – БКРС. Т. II. С. 778.

тай]. «Главный японский государь (кит. *да-во-ван*)[2] живёт в княжестве (кит. *го́ – С.Д.*) Сематай»[3] (Ематай-*го*)[4] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII]. Данное поселение, где находился дворец Бимиху, если судить по использованному термину (кит. *дӯ*), было крупное, самое многочисленное по числу дворов (70 тыс.)[5] и, вероятно, самое крупное территориально.

Сама Бимиху жила во дворце «с башнями и павильонами; стены и палисады были строго устроены. Постоянно были вооруженные люди, несшие караул»[6] [Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во-*го*]. В «Саньго-чжи» и «Тун-дянь» дворец Бимиху, описан одинаково. «Дворовые помещения (кит. *гӯн-шӣ´*)[7], где [она] постоянно жила, башни (кит. *ло́у* – наблюдательные вышки)[8] [и] дозорные вышки по бокам выездных ворот (кит. *гуа̀нь*)[9], крепостные стены (кит. *чэ́н*)[10] [и] укрепления (кит. *чжа̀* – палисады; частокол)[11] [были] крепко устроены. Постоянно были люди, держащие в руках оружие, несущие караул»[12] [Саньго-чжи, Вэйчжи, цз. 30, *вожэнь*, л. 27 а; 4-5]. «Местом проживания [были] дворцовые здания (кит. *гӯнши´*) [с] башнями (кит. *ло́у* – наблюдательными вышками) [и] дозорными вышками по бокам выездных ворот (кит. *гуа̀нь*), крепостные стены (кит. *чэ́н*) [и] укрепления (кит. *чжа̀* – палисады; частокол) [были] крепко устроены. Постоянно были люди, держащие в руках оружие, несущие караул»[13] [Тун-дянь, *дунъи*, Во-*го*]. Чуть короче цитата вы «Тайпин-юй-лань»: «Местом её проживания был дворцовые здания (кит. *гӯнши´*) [с] башнями (кит. *ло́у* – наблюдательными вышками) [и] дозорными вышками по бокам выездных ворот (кит. *гуа̀нь*); крепостные стены (кит. *чэ́н*) [и] укрепления (кит. *чжа̀* – палисады; частокол), охраняемые караулами, [были] крепко устроены»[14] [Тайпин-юй-лань, список «Вэй-чжи, вожэнь-цзюань»].

Остальные источники более кратко дают сходные сведения. «Дворцовые поме-

---

[1]* *Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 244;「南至丫邪馬壹國、女王之所都。」(в основном списке «Вэй-чжи») – Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 545; также цит. по: *Мицуки Т.* "Тайхэй-гё-ран" (кит. Тайпин-юй-лань)-сёин "Гиси-вакоку-дэн" (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 63.

[2] 大倭王 кит. *да-во-ван* – "главный японский государь". – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706.

[3] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 34.

[4]「其大倭王 居丫邪馬臺國。」– Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1706.

[5]「…邪馬臺國、七戶萬…」(в списке «Вэй-чжи» в «Тайпин-юй-лань»). – Тайпин-юй-лань, 1995. С. 3464 б; цит. по: *Мицуки Т.* Указ. соч. С. 63.

[6] *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 248.

[7] 宮屋 кит. *гӯнши´* – 1) дворцовые здания; [царский] дворец… – БКРС. Т. II. С. 542.

[8] 樓 кит. *ло́у – сущ.* 1) башня, вышка; двухъярусный дом; многоэтажное здание; 2) терем; вышка, башенка, надстройка в виде башни… 4) терем. – БКРС. Т. IV. С. 1024.

[9] 觀 кит. *гуа̄нь*, *гуа̀нь – сущ.*… 5) *стар.* дозорные вышки (башни) по бокам выездных ворот. – БКРС. Т. IV. С. 460; 樓觀 кит. *ло́угуа̀нь* – 1) большой (многоэтажный) дом; наблюдательная вышка… – БКРС. Т. IV. С. 1024.

[10] 城 кит. *чэ́н – сущ.* 1) крепостная (городская) стена; 2) город. – БКРС. Т. IV. С. 257.

[11] 柵 кит. *чжа* – 1) изгородь, забор, ограда, палисад, частокол; 2) крепость, укрепление. – БКРС. Т. III. С. 342.

[12]「居處 宮室、樓觀、城柵 嚴設。常有丫人、持兵、守衛。」– Саньго-чжи, 2004. Т. II. С. 547.

[13]「居處 宮室、樓觀、城柵 嚴設。常有丫人、持兵、守衛。」– Тун-дянь, 1988. С. 4994.

[14]「其居處 宮室、樓觀、城柵 守衛 嚴設。」– Тайпин-юй-лань, 1995. Т. IV. С. 3464.

щения, где пребывала [государыня], башни и терема[1], стены и палисады окружены были караулами»[2] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII (Во); Бимиху] «Дворцовые помещения, где [она] постоянно жила, башни (кит. *лóу* – наблюдательные вышки) [и] дозорные вышки по бокам выездных ворот (кит. *гуàнь*), крепостные стены (кит. *чэ́н*) [и] укрепления (кит. *чжà* – палисады; частокол), всё [охраняли люди], держащие в руках оружие и несущие караул»[3] [Хоу-хань-шу, св. 115, *дунъи*-ле-чжуань, 75, Во]. «Дворцовые здания (кит. *гӯншӣ´*), где [Бимиху жила], были постоянно [окружены] воинами, несущими караул»[4] [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, раздел 48, *чжу-и*, Во]. «Сия владетельница (Бимиху – *С.Д.*) имела дворец, огороженный тыном (частоколом – *С.Д.*) и охраняемый вооруженною стражею»[5] [Суй-шу, гл. 81, V]. «Эта [женщина]–государь имела дворцовые здания (кит. *гӯншӣ´*) [с] наблюдательными вышками (кит. *лóугуàнь* – теремами–надстройками в виде башенок [кит. *лóу*] и дозорными вышками по бокам выездных ворот [кит. *гуàнь*]), [с] крепостными стенами (кит. *чэ́н*) [и] укреплениями (кит. *чжà* – частоколом), всё [охраняли люди], держащие в руках оружие и несущие караул»[6] [Суй-шу, св. 81-й, *дунъи*, Во-*го*]. Эта фраза дословно повторена в «Бэй-ши» (в разделе «ле-чжуань, Во»[7]).[8]

В «Хоу-хань-шу» и «Тун-дянь» сказано о существовании «городов» (поселений с укреплениями по периметру[9]) – в древности город (или поселение) всегда был центром общины. На Северном Кюсю развалины крепостей тех времен сохранились до наших дней[10], они представлены, в том числе, и небольшими каменными стенами.[11]

ммм. О посольстве 239 года см. комментарий «**ъ**».

ооо. О событиях 247-248 гг. см. комментарий «**ы**».

ппп. В «Лян-шу» (в разделе "Во-цзюань") после фразы об избрании Июй (в тек-

---

[1] 樓觀 кит. *лóу-гуàнь*. – Хоу-хань-шу, 2000. С. 822. См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 342; 342, прим. 1.

[2] Перевод Н.В. Кюнера (*Кюнер Н.В.* Указ. соч. С. 342). Ср.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений... Т. II. С. 35; Sources of Japanese tradition, 1965. Vol. I. P. 7; Japan in the Chinese dynastic histories. P. 7; см.: Нихон-но кэнгоку. С. 13; *Ямао Ю.* Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 75; *Миура Ё.* Хадака нихон-си. С. 130; *Маэдзава Тэрумаса* 前澤 輝政. Яёи-функюбо то кофун-но сōсюцу 弥生墳丘墓と古墳の創出 // Нихон-рэкйси 日本歴史. – 1990. – № 501. – С. 66; *Кудзира К.* Нихон-коку-тандзэ̄-но надзо. С. 132.

[3] 「居處 宮屋、樓觀、城柵。皆 持兵、守衛。」– Хоу-хань-шу, 2000. С. 822.

[4] 「居處 宮屋、常有 兵、守衛。」– Лян-шу, 2004. С. 730.

[5] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 94; Т. III. С. 323.

[6] 「其王 有ㇾ宮室、樓觀、城柵。皆持兵、守衛。」– Суй-шу, 2004. Т. II. С. 1652.

[7] 「其王 有ㇾ宮室、樓觀、城柵。皆持兵、守衛。」– Бэй-ши, 2004. Т. IV. С. 2562.

[8] О попытках локализации поселения Яматай на Кюсю см.: *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 221-222.

[9] 「有ㇾ城、柵屋室。」(Тун-дянь, 1988. С. 4995); 「有ㇾ城、柵屋室。」(Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707): «Имеют города [обнесенные стеной] и окружают тыном дома» (пер. Н.В. Кюнера). – *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 342, прим. к с. 34.

[10] *Воробьев М.В.* Япония в III-VII веках. С. 78; *Hashimoto M.* Ancient Japan studied in the light of Far Eastern history. P. 4; *Уэмура С.* Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку. С. 22; *Young J.* The Location of Yamatai. P. 121; *Мураяма К.* Дарэ-ни-мо какэнакатта Яматай-коку. С. 68; Нихон дзэнси. Т. I. С. 303; *Навлицкая Г.Б.* Осака. – М.: Наука, 1983. – С. 14.

[11] *Young J.* The Location of Yamatai. P. 121; *Уэмура С.* Указ. соч. С. 22.

сте её имя записано как Тай-юй, яп. Тайё) на должность правителя (кит. *ван*) Нюй-ван-*го* сообщается: «После этого [правления Июй] снова (кит. *фу̀*) установили (кит. *ли̌*) мужчину–государя (кит. *нань-ван*); и вместе с тем (кит. *бѝн*) [он] получил [из] Срединного государства титул (кит. *цзюэ́*) [с] приказом о назначении на должность (или: жалованную грамоту, верительную бирку, скипетр – кит. *мѝн*)»[1] [Лян-шу, св. 54-й, лечжуань, 48, *чжу-и*, Во]. То есть, получается, что после правления Июй на трон Нюй-ван-*го* уже в третий раз[2] был избран правитель–мужчина (когда – неизвестно, но после 266 г.). Как долго ему удалось процарствовать – тоже неизвестно. Однако если проводить параллели, то в двух предыдущих случаях правление мужчин–государей было недолговременным и заканчивалось тем, что в стране начиналась смута (т.к. все политические группировки новый глава государства не устраивал). Мужчину–правителя свергали, и борющиеся за власть политические группировки избирали на трон (как компромиссную фигуру) женщину–правительницу, при которой был мужчина–соправитель, обычно – родственник верховной жрицы (как это было в случае с Бимиху и Июй). Возможно, такая же судьба постигла и мужчину–правителя в конце III в. н.э.[3]

Падение сначала династии Вэй (в 265 г.), а затем династии Западная Цзинь (в 317 г.) и перенос политического центра на юг в Цзянькан (Нанкин) новой династией Восточная Цзинь (317-420 гг.) разрушили одну из внешнеполитических опор Нюй-ван-*го* (Ематай) и облегчили как действие местных центробежных сил, так и действия соседних государств[4] – возможно, ещё существовавшего государства Куна – старого врага Ематай (Нюй-ван-*го*), и нового возникшего на рубеже III–IV веков – государства Ямато (в Кинай), которое после падения Западной Цзинь (в 317 г.) во второй четверти IV в. н.э. захватило Кюсю.[5]

ppp. О правителе Цзань (яп. Сан) см. комментарии «**аа**», «**бб**», «**вв**», «**гг**», «**дд**».

ссс. О правителе Ми (яп. Би; также Чжэнь, яп. Мэдзу[расий]) см. комментарии «**ее**», «**жж**», «**зз**».

ттт. О правителе Цзи (яп. Сай) см. комментарии «**ии**», «**кк**».

ууу. О наследном принце Син (яп. Кō) см. комментарии «**лл**», «**мм**».

ффф. О правителе У (яп. Бу) см. комментарии «**мм**», «**нн**», «**пп**».

---

[1] 「其後 復 立ㇾ男王、並 受ㇾ中國爵命。」 – Лян-шу, 2004. С. 730.

[2] Первый раз – после смерти "государя–предводителя" (*во-го-ван-шуай*) и перед восшествием Бимиху; второй раз – после смерти Бимиху и перед восшествием Июй.

[3] О возможных кандидатурах на роль данного правителя подробнее см.: *Суровень Д.А.* Конфедерация Ямато (вторая половина 10-х – первая половина 20-х годов IV века) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / Глав. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2021. – Вып. 15-й. – С. 261-262.

[4] *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 82; *Ishii R.* A History of political institutions in Japan. P. 7.

[5] *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 94. Подробнее см.: *Суровень Д.А.* Проблема периода "восьми правителей" и развитие государства Ямато в царствование *Мимаки* (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета: гуманитарные науки. Вып. 2. Екатеринбург: УрГУ, 1999. № 13. С. 89-113; *Суровень Д.А.* Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н.э. в правление Ōтараси-хйко (государя Кэйко) // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. – Екатеринбург: УрГПУ, 2002. – С. 180-196; *Суровень Д.А.* Сведения японских источников о подготовке правительницей Дзингу Корейского похода в Силла 346 г.: Окинага-тараси-химэ в юго-западной Японии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2013. – № 2 (114). – С. 150-167.

xxx. О посольстве 479 г. см. комментарий «**ппп**».

ццц. В китайских источниках имя правителя *У*, отождествляемого с Юряку (яп. [*Ō-хацусэ-вака-*]*такэ* = кит. *У*), упомянуто под 502 г.[1], когда первый император **новой** южно-китайской династии Лян (502-557) – *У-ди* (502-519) при вступлении на трон в 502 году «повысил титул *Ву* (*У – С.Д.*) на “покоряющего Восток великого полководца”»[2] [Нань-ши, гл. 79, IV Япония]. «1-й год *Тянь-цзянь* (502 г.), лето, 4-я луна, [день] *у-чэнь* (5-й цикл. знак)… “умиротворяющий Восток великий полководец” (кит. *чжэнь-дун да-цзян-цзюнь*) – правитель Японского государства (Во-го-*ван*) [по имени] *У* был пожалован титулом “покоряющий[3] Восток полководец” (кит. *чжэн-дун цзян-цзюнь*)»[4] [Лян-шу, ди-цзи, У-*ди*-цзи, *Тянь-цзянь*, 1-й год, 4-я луна]. В разделе “Во-цзюань” «Лян-шу» сказано: «Высокий предок (кит. *Гао-цзу*, т.е. основатель династии Лян – император У-*ди*), взойдя на престол [в 502 г.], дал [государю Ямато по имени] *У* титул “покоряющий Восток великий полководец” (кит. *чжэн-дун да-цзян-цзюнь*)»[5] [Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, *чжу-и*, *дунъи*, Во].

Что же касается упоминания У-*вана* в разделе 502 года, то можно сказать определённо, что по китайской традиции основатели новых династий (в данном случае, император *У-ди* [502-519] из новой династии Лян [502-557]), при восшествии на престол утверждали титулы “зависимых” правителей. В случае с Японией последним правителем, присылавшим посольство в Китай в 478 году, был *ван У* (Юряку). Поэтому основатель новой династии Лян, не обладая информацией, как изменилась ситуация в Ямато, и кто там правит, повысил титул последнему известному ему японскому государю – *вану У*, не подозревая, что тот уже скончался.[6]

ччч. Чжужу-*го* (досл. “владение малорослых людей [карликов]”)[7], где «люди ростом в 3-4 фута» на юге от Ематай-*го* на «4000 с лишком *ли*»[8] [Хоу-хань-шу, гл. 115, VIII; Саньго-чжи, Вэй-чжи, гл. 30, Во]. Это, как определяют учёные, видимо, владение на островах Рюкю (Окинаве [?]), ориентируясь на южное направление (от Кюсю) и указывая, что жители островов Рюкю по сравнению с японцами более низкого роста.[9]

---

[1] См.: *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй сирон. С. 401.

[2] Перевод Н.В. Кюнера. – См.: *Кюнер Н.В.* Китайские известия... С. 347.

[3] 征 кит. *чжэн – гл.* 1) идти походом (войной); покорять; карать, наказывать; приводить к повиновению… – БКРС. Т. II. С. 228.

[4]「天監元年、夏、四月 / 戊辰、…鎮東大將軍 倭國王武、進ㇾ號 征東將軍。」– Лян-шу 梁書 (из серии “Эр ши сы ши” 二十四史). – Пекин 北京: Чжун-хуа шуцзюй 中華書局, 1973. – Т. I. – С. 36.

[5]「高祖 即位、進ㇾ武 號ㇾ征東大將軍。」– Лян-шу, 2004. С. 731.

[6] Подробнее о времени окончания царствования правителя Юряку см.: *Суровень Д.А.* Япония в конце IV – V веках Т. I. С. 17-23.

[7] 侏儒國 кит. Чжужу́-*го* – досл. “владение карликов”. – Хоу-хань-шу, 2004. Т. III. С. 1707; Саньго-чжи, 1971. Т. III. С. 856; см.: *Танада Ё*. Сйеманг-*го* (яп. Ямави-*коку*) то кинрин-но куни-гуни-но китэй. С. 116; где 侏儒 кит. *чжужу́* – 1) карлик, лилипут, пигмей; коротышка… (БКРС. Т. III. С. 758, 756); в списке «Вэй-чжи» в «Тайпин юй-лань» название записано: 朱中國 кит. Чжу-чжу́н-*го́* – досл. “багряная (*в знач.*: находящаяся на юге) срединная страна” (см.: *Ямао Ю*. Указ. соч. С. 20, 16-17); или: 朱中儒國 кит. Чжу-чжу́н-жу́-*го́* (Тайпин-юй-лань. Т. IV. С. 3465 а); где 朱 кит. *чжу* – 1) красная краска, киноварь; цвет киновари; ярко-красный; чистый (багряный) красный цвет (*в древней космогонии – один из основных цветов*, *ассоциируемый с Югом*)… – БКРС. Т. III. С. 756.

[8] См.: *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 36; *Кюнер Н.В.* Китайские известия… С. 248.

[9] *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений… Т. II. С. 36, прим. 1; *Ямао Ю*. Нихон кодай бкэн-кэйсэй си-

шшш. «…страны Чернозубых и Нагих»[1] – видимо, речь идёт о жителях островов Тихого океана, расположенные на юг от островов Рюкю.

щщщ. «…Люди Моря. Их тело чёрное, а глаза белые…»[2] – возможно, речь идёт о австролоидах Юго-Восточной Азии, Австралии или Западной Океании (отличающихся очень тёмной пигментацией кожи).

рон. С. 16-17, 20; *Мицуки Т.* "Тайхэй-гё-ран" (кит. Тайпин юй-лань)-сёин "Гиси-вакоку-дэн" (кит. Вэйчжи-вого-цзюань)-ни цуйтэ. С. 59-60; *Кузнецов Ю.Д.* и др. История Японии. С. 19; *Aston W.G.* Early Japanese history. P. 55.

[1] 「又南 黒齒國、裸國。」 – Лян-шу, 2004. С. 731.

[2] 「海人、身黒 眼白。」 – Там же.

УДК 340.140, 340.152, 94 (520).01

Ермакова Л.М.

ФРАГМЕНТЫ ФУДОКИ: МИФИЧЕСКОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ

В этой публикации будет предложен перевод нескольких фрагментов средневековых текстов в жанре «фудоки», ещё не становившихся объектами перевода в отечественном японоведении, а также краткое описание этого жанра с добавлением некоторых частных соображений переводчика.

Ключевые слова: древняя Япония; Ямато; период Нара; историко-географические описания провинций; *фудоки*; фрагменты *фудоки*; *фудоки ицубун*; Цу-но куни-но *фудоки ицубун*; Ямасиро-но куни-но *фудоки ицубун*; Исэ-но куни-но *фудоки ицубун*.

Обычно в тексты *фудоки* включались мифы и местные предания, историческо-летописные данные, сведения по топографии, экономической географии и т.д. Как известно, в японской словесности жанр *фудоки* сформировался ещё в период Нара под влиянием «*фэнтуцзи*» – описаний различных местностей Китая, впервые появившихся в Китае во II веке. К.А. Попов, переводчик и исследователь «Фудоки», пишет в своём фундаментальном труде[1], что составление рукописей с описаниями разных земель было частью строительства японского государства наряду с составлением свода законов, учреждения постоянной столицы, написания официальной истории («Нихон сёки») и т.п. Как он говорит далее в своём предисловии, первые фудоки были составлены по указу императрицы Гэммэй, датированному 713 годом. Этот указ был направлен всем наместникам провинций (их тогда насчитывалось около пятидесяти).

Приведем текст этого указа: «5-я луна, 2-й день. Приказано записать хорошими иероглифами все уезды и села во всех провинциях в Кинай и в семи округах. А также приказано сделать тщательные записи относительно имеющихся в этих уездах серебра, меди, красителей,

Ермакова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, заслуженный профессор Муниципального Университета иностранных языков [Kobe City University for Foreign Studies] (г. Кобэ, *Япония*).

E-mail: lermakova@gmail.com

[1] Древние фудоки / Пер. К.А. Попова (серия «Памятники письменности Востока» XVIII). – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – 340 с. Отметим здесь же, что это был первый перевод собрания «Древние фудоки» на европейский язык.

трав, деревьев, птиц, зверей, рыб и насекомых, а также записать сведения относительно качества земель, происхождения названий гор, рек, долин и полей, положить на бумагу рассказываемые стариками древние предания и диковинные истории. Эти сведения подать наверх».[1]

Само же название этого жанра – слово «*фудоки*» – остаётся не вполне разгаданным. Понятно, что часть «*ки*» – это «записи», проблему составляет перевод иероглифического бинома *фудо* (кит. *фэнту*). Бином состоит из двух иероглифов – «ветер» и «земля», и в китайской древности слово это означало метаморфозы жизненной силы местности, в зависимости от насылаемого небом дождя, жары и т.д. Современные китаеязычные словари определяют его значение как «природные условия местности; местные условия; климат».

Сам К.А. Попов предпочёл не переводить это выражение, а оставить в качестве термина и названия книги японское слово без перевода, подав при этом пример трактовки слова «*фудоки*» как русского существительного во множественном числе (согласовав с ним прилагательное в форме «древние»). Интересно, что в английском переводе Митико Й. Аоки, вышедшем в 1997 г., название переведено буквально, по значению иероглифов – «wind and earth».[2] В разных англоязычных исследованиях встречаются и другие толковательные варианты перевода этого термина: «topographical records», «natural conditions and social customs», у нас иногда его переводят как «описания нравов и земель», «обычаев и характеров» и т.п. Любопытно также употребление некоторыми западными исследователями слова «gazetteers», представляющее средневековую европейскую разновидность жанра, хоть и далековатую от японской.

Первая публикация *фудоки* была осуществлена в середине XVII века, но к тому времени в более или менее полном виде сохранились списки только пяти фудоки, касающихся провинций Идзумо, Хитати, Харима, Бунго и Хидзэн, которые существуют в русском переводе благодаря К.А. Попову.

---

[1] Продолжение «Анналов Японии». Сёку нихонги / Пер. А.Н. Мещерякова. – М.: Дело, 2018. – С. 33.

[2] Records of Wind and Earth: A Translation of *Fudoki* / With introduction and commentaries by Michiko Y. Aoki. – Ann Arbor, Michigan: Association for Asian Studies, 1997. – xii, 347 p.

Как пишет Е.К. Симонова-Гудзенко, «принято считать, что к 740 г. описания провинций были завершены, однако наличие указа 926 г. о проверке *фудоки* и отправке в центр свидетельствует, что первый указ был выполнен далеко не во всех провинциях». Исследователь приводит и сам этот указ, адресованный управителям «пяти провинций и семи областей-трактов»: «Приказываю управляющим провинциями срочно выслать [*фудоки*]. Если в провинциальных управлениях отсутствуют, следует составить их, опросив стариков, и незамедлительно представить. Не задерживать выполнение, отправить по получении указа».[1]

В результате исторически сложилось так, что *фудоки* многих провинций полностью не сохранились или, может быть, никогда и не существовали в полном объеме, мы можем судить о них по упоминаниям о них в других дошедших до нас письменных памятниках или по цитатам из них. Соответственно, фрагменты эти взяты из разных средневековых книг и относятся к разным периодам японской истории. Отбор и число этих фрагментов также неоднозначны и разнятся в зависимости от публикатора, поскольку их предположительная датировка и оценка их достоверности колеблется в зависимости от суждения и позиции конкретного исследователя.

Пять описаний провинций, переведенные К.А. Поповым, принято назвать кофудоки – «древние фудоки», но надо сказать, что их древность тоже достаточно условна. Например, самый ранний список «Харима-фудоки» относится к концу периода Хэйан и объявлен национальным сокровищем, а вот «Идзумо-фудоки», указ о составлении которого также был отдан в начале VIII в., хоть и существует в 70 списках, но самый ранний из них относится к 1597 году. Тем более, фрагменты не сохранившихся *фудоки*, все они почерпнуты из письменных памятников более позднего времени – большая часть их относится к концу периода Хэйан – начале Камакура и позже того.

Тем не менее, эти тексты представляют огромный интерес для исследователя, и, хотя они ещё не были переведены у нас и не выходили как отдельное издание, они часто привлекаются отечественными

[1] Фудоки / Сер.: Нихон котэн бунгаку тайкэй (Собрание японской классической литературы). – Токио: Иванами сётэн, 1973. – Т. 2. – С. 22. Цит. по: *Симонова-Гудзенко Е.К.* Отрывки фудоки как источник по исторической географии Японии // Николай Невский: жизнь и наследие / Сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – С. 95.

специалистами как важные письменные источники. На основе фрагментов *фудоки* строит многие свои работы по древней истории Японии Д.А. Суровень.[1] Выше мы упомянули статью Е.К. Симоновой-Гудзенко, это обзорная работа, специально посвященная кругу сохранившихся отрывков *фудоки*; автора интересует прежде всего отразившаяся в них историческая география, но она рассматривает тему шире, например, предлагает классификацию их по объектам – элементам рельефа, видам растительности, типам построек и т.д.

Надо сказать, что сам по себе жанр *фудоки* вообще оказался чрезвычайно продуктивным, и в том или ином виде составление текстов в этом жанре никогда не прекращалось и продолжается и по сей день.

И это в большой мере объяснимо: понятие пространства и места, очевидно, является фундаментальным для любой культуры, тем более в её фольклорной, обрядовой, мифо-поэтической сфере. Японская же культура в этой области нашла и, можно сказать, культивирует специфические и специальные средства.

Вообще говоря, хотя структурирование и разметка пространства – специальная цель жанра фудоки, но сама эта деятельность по категоризации пространства начинается в японской культуре ещё до этого, и результаты ее видны уже в самых первых памятниках. Когда только начали записываться мифологические своды, их составители, собственно, и начали с того, что занялись первичной категоризацией пространства и фиксацией этапов его освоения.

Здесь стоит подчеркнуть главный универсальный принцип: именно этот род деятельности – классификация мирового пространства – и есть универсальная отправная точка космологического повествования. Самым первым актом сотворения космоса из хаоса становится разделение неопределенно-сущего на небо и землю, а после этого начинается сотворение отдельных элементов мира. Это действие, с точки зрения построения нарратива, представляет собой не что иное, как заполнение неопределенного пространства собственными именами. Эти имена, сначала теонимы, потом топонимы, появляются

[1] См., например: *Суровень Д.А*. Покорение государством Ямато области Танива в начале IV века (по материалам «Танго-фудоки») // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 44. – 2011. – № 9 (224). – С. 105-115; фрагменты из фудоки разных областей использованы в его же работе «Поход государства Ямато в Силла 346 года» // Научный диалог. – 2015. – № 1 (37). – С. 8-65.

в японских мифологических текстах как таковые, без характеристик и описаний, то есть их мифологическое значение представлено самими этими именами. И эти первые лексемы можно считать одновременно и именами собственными, и именами нарицательными, поскольку по смыслу частей имени они еще дают описание его носителя, другими словами, представляют краткий сюжет мифа об этом персонаже или месте или точке пространства; как известно, имя – это и есть повествование о персонаже или местности в свернутом виде, его эмбриональная форма.

Многие из этих собственных имен совмещают функции и теонимов, и топонимов, то есть имя божества и обозначение места, которое занимает божество, могут совпасть. Пространство вообще, как известно, осваивается человеком раньше, чем время, недаром в разных языках мира слова, связанные с временно́й протяженностью, часто пользуются пространственными характеристиками – мы говорим «долгий», «короткий» (яп. *нагай*, *мидзикай*), имея в виду время.

Как пишет Ямаори Тэцуо, «опространствление богов» (спациализация [от англ. *spatialization*], 空間化 *кӯканка*) с течением времени становится в японской культуре генеральной тенденцией. Например, в уложении «Энгисики» неоднократно повторяется такой способ наименования богов, как «бог, пребывающий в Асука», «бог, пребывающий в Сумиёси», и т.п. «Вместо мифологического сюжета о внутренней сущности божества мы имеем дело с пространственным распределением, или же пространственным развертыванием богов».[1]

Чаще всего, желая подчеркнуть особую, повышенную значимость понятия пространства и места в японской космологии и культуре в целом, исследователи вспоминают о феноменальной распространенности в культуре приема *ута-макура* («песенное изголовье», песенный зачин), это поэтическое явление встречается ещё в песнях персонажей мифологических сводов, затем в наиболее древнем пласте песен «Манъёсю̄». Суть этого приёма в том, что названию определённого места, топониму приписывается клишированный эпитет. Топоним вместе с этим постоянным определением образует некое ритуально-смысловое единство – вроде выражения «Исэ, где дует ветер богов».

[1] *Ямаори Тэцуо*. Блуждания богов в пространстве японской культуры / Предисл., пер. с яп. и коммент. Л.М. Ермаковой // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 83.

Возникнув в древности, *ута-макура* со временем только возрастали в числе. В период Камакура был составлен 38-томный реестр *ута-макура* («Ута-макура-наёсэ»), т.е. топонимов, слитых со своими постоянными эпитетами и проиллюстрированных поэтическими примерами. То есть, можно, наверно, сказать, что такие реестры *ута-макура* – своего рода *фудоки*, только перенесённые в литературную сферу.

Эти *ута-макура*, обороты поэтической речи, составленные из топонима и его характеристики, – упорядочены в реестре «Ута-макура-наёсэ» по восьми большим областям страны, там представлено более шести десятков провинций. В списках «Ута-макура-наёсэ» содержится около трёх тысяч таких топографических клише, т.е. топонимов с приданным им определением, а в качестве иллюстрации к ним приведено около семи тысяч пятистиший танка.

На основе подобных средневековых реестров возникает субкультура позднего средневековья, а затем и нового и новейшего времени, это сфера *мэйсё* – «мест, имеющих имя», т.е. примечательных, памятных мест, ставших объектами традиционного воспевания в стихах, паломничества и туризма. Архаический песенный троп таким образом материализуется и претерпевает значительную социокультурную трансформацию.

И в самом деле, композиция и цель этих поэтологических реестров представляется весьма схожей с идеей и целью составления фудоки, топонимы с эпитетами так же, как в фудоки, располагаются по географическому принципу.

И тут, как нам представляется, очень важно сказать, что описания пространства в японской древности имели не только хозяйственное и административное назначение. Разумеется, перепись природных ресурсов, местных ремёсел и профессий, климатических и погодных особенностей имели огромное значение для различных видов деятельности раннего государства. Но на самом деле не меньший вес имели те фрагменты текста, которые многие исследователи относили к категории «а также». Как это сформулировано, например, у К.А. Попова, – «а также значительный фольклорный материал (мифы, легенды, сказания, песни и поговорки)».[1]

Хочется подчеркнуть, что этот фольклорный материал применительно к эпохе древности и раннего средневековья как раз имел

[1] Древние фудоки, 1969. С. 15.

преимущественный вес и авторитет по сравнению с прочими сведениями. Во многих случаях фиксация мифов и сказаний была чем-то вроде составления государственных актов; с их помощью закреплялось положение дел, достигнутое мифологическими персонажами-первопредками, таким образом осуществлялась и легитимация прав их потомков.

Собственно, уже само по себе описание объекта и/или нарекание его определенным именем (в том числе замена прежнего имени на новое) в древности равносильны были обряду его пацификации и овладения им, эти действия переводили объект в подчинение агенсу и легитимизировали его права собственника.

В фольклористике принято понятие этиологического мифа, объясняющего происхождение природных или социальных объектов («вот почему море солёное», «вот почему возник такой обычай»). В японских мифологических нарративах, включая повествования жанра фудоки, мы имеем дело, в основном, с двумя видами этиологических мифов – это истории о том, как было определено место для святилища того или иного божества, и – гораздо более многочисленная группа мотивов – почему и при каких обстоятельствах было дано название тому или иному месту. То есть, в некотором смысле этиология удивительно часто принимает характер этимологии.

Надо сказать, что и в японских мифологических сводах можно увидеть большое число сюжетов о том, кто, как и почему назвал данное место таким именем. Очевидно, что разметка пространства и называние его составных частей на период составления мифологических сводов и географических описаний *фудоки* равнозначны были освоению и присвоению частей этого пространства. В ходе присвоения и наречения именами происходило сотворение государственной территории, т.е. владений верховного владетеля и его приближенных.

Во фрагментах *фудоки* эта, так сказать, «этимологическая этиология» занимает основной массив текста. И составители фудоки сознавали важность преданий о происхождении топонима – вспомним цитированный выше указ 713 г. о составлении «Фудоки»: «записать сведения относительно качества земель, *происхождения названий* (курсив наш – *Л.Е.*) гор, рек, долин и полей». Т.е., объект пространства, чьё название впервые прозвучало в эпоху богов, или который получил своё имя из уст мифологического персонажа, тем самым получал статус государственного имущества.

Автор исследования о культах территорий в древней Японии, Г. Доменик (Gaudenz Domenig)[1], в частности, ставит целью реконструировать ритуалы, подтверждающие владение той или иной местностью. В связи с этим он особо подчёркивает важность вопрошания о названии территории, куда приходит мифологический персонаж, приравнивая такой вопросо-ответный ритуал к политическим декларациям. Так, Г. Доменик насчитывает восемь случаев таких ритуалов в «Кōтайдзингӯ гисикитё̄» («Ритуальные реестры святилищ богов императорской семьи», т.е. святилищ Исэ), и шестнадцать – в «Ямато-химэ-но микото-сэйки» (Жизнеописание [принцессы-жрицы] Ямато-химэ-но микото»).[2]

В качестве примера приведём 11-й раздел из «Ямато-химэ-но микото сэйки»:

«Пришел также с выражениями почтения управитель провинции Такэхиката-но микото. «Как зовется твоя земля?» – спросила [Ямато-химэ-но микото]. Тот почтительно ответил: «Земля Исэ, где дует ветер богов», и назначил в приближенные жрице Ямато-химэ своего младшего брата, Иниката-но микото, а также поднес хорошие священные поля и село *камубэ*.[3]

Затем почтительно явился Оохико-но микото, предок управителей Кавамата. «Как зовется твоя земля?» – спросила [Ямато-химэ-но микото]. Тот почтительно в ответ: «Осихояма, Гора Пышного Колоса в Нагахаси, в Масагэ-судзука». И воздвиг там кумирню, и попросил о том, чтобы Великая богиня туда пожаловала. Еще [тот же Оохико] поднес Ямато-химэ божественные поля и село *камубэ*.

Затем [Ямато-химэ-но микото] спросила у Куваси-оо-но микото, предка управителей земли Ано: «Как зовется твоя земля?» Тот почтительно в ответ: «Земля Ано в Кусафука», и поднес Ямато-химэ божественные поля и село *камубэ*.

Затем [Ямато-химэ-но микото] спросила у Такэси-коно-но микото, предка управителей Итиси: «Как зовется твоя земля?» Тот почтительно в ответ: «Земля Асака, где помехи на пути», и поднес Ямато-

[1] *Domenig Gaudenz*. Founding Territorial Cults in Early Japan. Traces of a Forgotten Ritual in Ancient Myths and Legends. – Leiden: Brill, 2024. – Vol. 76. – xiv, 324 p.

[2] См. рус. пер.: Жизнеописание [принцессы-жрицы] Ямато-химэ-но микото // *Ермакова Л.М*. Когда раскрылись Небо и Земля: Миф, ритуал, поэзия ранней Японии. Т. II: Переводы. – М.: Наука–Вост. лит., 2020. – С. 531-591.

[3] Имеется в виду, что жителям этого села было назначено обрабатывать поля, являющиеся собственностью святилища.

химэ божественные поля и село *камубэ*».[1]

С точки зрения Г. Доменика, вопрос Ямато-химэ вождю местности означает «готов ли ты уступить свою землю?». Открывая ей название местности, вождь отвечает согласием и сразу же совершает подношение в виде полей и людей.[2]

Исследователь объясняет суть этого ритуала, т.е. оглашения топонима, наличием в названии места магической «души слова» (*котодама*) и приводит такую аналогию: в древности, называя юноше своё имя, девушка тем самым давала согласие на брачный союз. Точно так же, открывая табуированную информацию о названии местности, её глава соглашается передать права на неё другому человеку.

Развивая эту мысль, Г. Доменик предполагает, что эпитет *ута-макура*, встречающийся в одном поэтическом тропе с топонимом, некогда замещал этот топоним, употреблялся вместо него и, возможно, был формальным элементом, который использовался при ритуальном заключении контракта об уступке земли. При этом, как считает исследователь, в ряде случаев в эвфемистическом обороте *ута-макура*, замещающем топоним, в свернутом виде могла содержаться мифологическая история данного места.[3]

Как видно из представленных здесь фрагментов *фудоки*, сам топоним, обстоятельства его происхождения, его состав не только носят мифо-поэтический характер, но и выполняют ритуально-юридическую функцию, маркируя государственный (подведомственный императору) или прихрамовый статус.

В этом коротком предисловии к переводу вне зоны нашего внимания остались многие важные стороны этих текстов – отражённая в них древняя история, структура населения, стратегии власти и внутренней политики правящих групп Ямато, лингвистические аспекты записи текста и многое другое, за ними отсылаем к поименованным выше работам российских и зарубежных исследователей. Прибавлю к этому списку ещё одну.[4] В работе Эдвины Палмер исследуется понятие «непокорных богов» (*арабуру ками*) в японской мифологии и прежде всего – в нарративах *фудоки* и фрагментов *фу-*

[1] *Ермакова Л.М*. Когда открылись небо и земля. С. 555.
[2] *Domenig G*. Op. cit. P. 164.
[3] Ibid. P. 165-166.
[4] *Palmer Edwina*. Calming the Killing 'Kami': The Supernatural, Nature and Culture in 'Fudoki' // Japan Review. – 2001. – No. 13. – P. 3-31.

доки. С точки зрения исследовательницы, это «дикие духи» женских речных божеств, и повествование в разных фудоки она представляет как усмирение местных речных духов с помощью проведения каналов и мер по предупреждению паводков; работы эти проводит правящая элита или иммигранты с Корейского полуострова (эти понятия, по её мнению часто идентичны). Согласно её выводам, скрытый смысл этих мифов заключается в том, что корейская технология, корейская «культура» одерживает верх над японской «природой». При всей категоричности этого утверждения, в нём, вероятно, содержится и историческая правда.

Но нас в данной публикации прежде всего интересовал мифологический аспект этих текстов, в том числе и прагматическое использование мифических сюжетов в социальной практике.

Перевод выполнен с опорой на три издания разного времени:

1. Фудоки 風土記 // Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系 / Иссл. и комм. Акимото Китиро 秋本 吉郎. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1958. – Т. 2 – 529 с.
2. Фудоки 風土記 // Нихон котэн бунгаку дзэнсю̄ 日本古典文学全集 / Иссл. и комм. Уэгаки Сэцуя 植垣 節也. – Токио 東京: Сё̄гаккан 小学館, 1997. – Т. 5. – 634 с.
3. *Ибараки Ёсиюки* 荊木 美行. Фудоки ицубун кэнкю̄ ню̄мон 風土記逸文研究入門 (Введение в исследование фрагментов фудоки). – Токио 東京: Кокусё канко̄кай 国書刊行会, 1997. – 144 с.

ФРАГМЕНТЫ ФУДОКИ

Перевод

[ПРОВИНЦИЯ ЦУ]

Суминоэ

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования* “*Нихонги”*»), *список дома Маэда*, *том 6*, *раздел* «*Великий бог Суминоэ*»].[1]

(В Описаниях обыкновений и земель страны Цу сказано)[2]:

Именуется Суминоэ потому, что в древности, во времена государыни Окинагатарасихимэ-но микото[3] явился великий бог Суминоэ[4], и облетел он Поднебесную в поисках подходящей земли, чтобы жить на ней. Вот, добрался он до мыса Нагаока, что в Нунакура[5] (это как раз то место, что к югу от нынешнего святилища божества) и так изволил сказать: «Воистину это земля, где жить хорошо». И после этого произнес такую хвалу-заклятие: «Истинно благое, истинно благое место». И там было учреждено святилище.

Сейчас люди кратко именуют его Суминоэ.

Мацубара на мысе Химэсима

[*Фрагмент из* «*Манъёсю тюсяку*» («*Примечания к* “*Манъёсю*”»), *список*, *хранящийся в Институте национальной литературы*, *том 2*, *раздел песни № 228*].

---

[1] Текст курсивом в квадратных скобках – пометы и конъектуры переводчика.

[2] Текст в круглых скобках – часть оригинала, вписанная более мелкими знаками. По-видимому, это обозначает более поздние вставки – пояснения и комментарии переписчика и т.п.

[3] Имеется в виду императрица Дзингӯ, описанная в сводах «Кодзики» и «Нихон сёки» как завоевательница земель Корейского полуострова. В мифах в корейский поход её сопровождал бог Суминоэ.

[4] Под название Великий бог Суминоэ объединены три божества, рождённые богом-первопредком Идзанаки во время его омовения после посещения Страны Мрака Ёми. Это божество морской поверхности, божество средних слоев воды и божество глубин, ставшие покровителями морских путешествий.

[5] Сейчас это святилище Сумиёси-тайся в г. Осака.

(Записано на обороте, на вклейке, изложено мною)[1]

Вышеприведенное название появилось так: во времена государя, который правил миром во дворце Карусима Тоёакира, жила в стране Силла богиня. Она убежала от своего супруга и через какое-то время поселилась в Ивахи-но химэсима (это название места) в земле Цукуси.[2]

И вот, сказала она: «Этот мыс расположен не так далеко [от королевства Силла]. Если поселиться здесь, то мой муж-бог сюда доберется». И поэтому она решила переселиться в другое место и в конце концов остановилась на этом мысе[3]. А название этому месту она взяла прежнее [то же, что было на острове Цукуси], нарекла им то место, где стала жить, и стало оно названием мыса.

(Так записано, из чего следует, что Мацубара на мысе Химэсима находится в стране Цу).

Нагара

[*Фрагмент из* «*Манъёсю̄ тю̄сяку*» («*Примечания к* "*Манъёсю̄*"»), *т.2, раздел песни №228, список, хранящийся в Институте национальной литературы*].

(В Описаниях обыкновений и земель страны Цу сказано):

Нагара. Название местности. По-видимому, поблизости от неё и находилось [Мацубара на мысе Химэсима].

Граница с Ямасиро

[*Фрагмент из* «*Ута-макура наёсэ*» («*Имена, эпитеты к которым составляют «песенное изголовье»*), *том 3*, *раздел песни № 616* «*Минасэ*». *Список из коллекции Эйсэй бунко*, *изначально принадлежавшей роду Хосокава*].

(В Описаниях обыкновений и земель страны Цу сказано):

Уезд Сима-но ками этой провинции расположен на границе с Ямасиро.

---

[1] Предполагается, что эти слова принадлежат буддийскому наставнику Гэнкаку, который, по-видимому, отдал распоряжение о копировании текста. Гэнкаку известен прежде всего как создатель копии раннесредневекового текста «Манъёсю̄ тю̄сяку» («Примечания к "Манъёсю̄"») с собственными маргиналиями и комментариями.

[2] Цукуси – старое название острова Кюсю.

[3] Имеется в виду мыс в стране Цу, т.е. на острове Хонсю.

Поле Имэно, поле Тогано

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования* "*Нихонги*"»), *список дома Маэда*, *том 12*, *раздел* «*Олень Тогано*»].

(В Описаниях обыкновений и земель страны Цу сказано):

Уезд Вотомо. Там есть поле Имэно (Поле Снов)[1].

От отцов и старцев передают так: в давние времена в поле Тогано жил олень. И еще говорят, что его жена-олениха тоже жила в этом поле, а его возлюбленная жила на острове Авадзи, в Нодзима[2]. Олень частенько переправлялся в Нодзима, и любовь их с той оленихой не знала себе равных.

И вот пришел он как-то к супруге и заночевал у нее. На следующее утро он сказал жене: «Приснилось мне ночью, что на спину мне насыпало много снегу. И еще увидел я, будто на спине моей вырос тростник сусуки. Что может предвещать этот сон?»

А жене его несносно было думать, что её муж ходит к этой другой оленихе, и она поведала ему такую ложь[3]: «Если на спине вырастает трава, это предвещает, что в спину вопьются стрелы. А если засыпает снегом, это значит, что [твое] мясо будет посыпано толченой солью [и станет едой]. То есть, если ты поплывешь [через пролив], чтобы добраться в Нодзима на острове Авадзи, то непременно повстречаешься с рыбаками, они выпустят в тебя стрелы, и ты погибнешь посреди моря. Не ходи туда больше».

Но олень не смог перебороть свою любовь и снова поплыл в Нодзима. В море он случайно повстречался с ладьей, и его в конце концов застрелили.

И вот назвали это поле Полем Снов. Местные люди так это толкуют: «Даже олень, стоящий в поле Тогано, [встречает свою судьбу] согласно предвестиям снов».[4]

---

[1] Сейчас это место, по-видимому, соответствует кварталу Имэно-тё̄ в районе Хёго г. Кобе.

[2] Нодзима находится в северной части острова Авадзи.

[3] Комментаторы полагают, что, говоря ложь, жена рассчитывала на магическую силу слова *котодама* («душа слова», и её вымышленное толкование сна носит характер заклинания или порчи.

[4] По-видимому, эта поговорка означает нечто вроде «от судьбы не уйдешь». Этот сюжет служит ярким примером гадания по снам, известного еще по записям в мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон сёки». Подробнее о гаданиях, в частности, гаданиях по снам см. также: *Ермакова Л.М.* Синтактика и прагматика древне-

Холм Хаигури-но ока, гора Утагаки-яма[1]

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования "Нихонги"*»), *список дома Маэда*, *том 13*, *раздел* «*Место песенных сборищ*»].

(В Описаниях обыкновений и земель страны Цу сказано):

Уезд Вотомо.

Холм Хаигури.

К западу от этого холма есть гора Утагаки-яма. В старину мужчины и женщины, собравшись вместе, поднимались на её вершину и часто устраивали там утагаки. Отсюда и название.

Божество мыса Минумэ-но саки

[*Фрагмент из* «*Энги-сики*» («*Законоуложения годов Энги*», *список из хранения библиотеки г. Тэнри*, *том 9*, *раздел* «*Свод имен богов*», *записано на обороте документа*].

Божество мыса Минумэ-но саки. Обряды этому божеству проводили во время похода государыни Дзингӯ [в Корею].[2]

японских гаданий // Фольклор: структура, типология, семиотика. – 2022. – Т. 5. – № 4. – С. 10-34.

[1] Этот холм находится в преф. Осака, уезде Тоёно. Слово *хаигури* однозначно не толкуется, *утагаки* – от яп. *утакакэ*, «вызов на песню», песенные переклички, упоминания о которых содержатся в различных древних источниках. Это обрядовые поочерёдные пения, в ходе которых составлялись пары, т.е. участие в этом обряде гарантировало что-то вроде легитимации и общественного одобрения брачного союза. Нередко в таких случаях участники привлекались из разных, в том числе дальних деревень, чтобы избежать близкородственных связей.

[2] [По корейским источникам «Самгук саги» и «Тонгук-тхонгам», этот поход состоялся в **346 году**. Ещё в конце XIX века японскими и европейскими исследователями было обнаружено, что циклические датировки событий правления государыни Дзингӯ и царствования государя Ōдзин смещены в древность на два 60-летних цикла. Поэтому традиционные даты их правлений должны быть увеличены на 120 лет, в результате чего Дзингӯ правила в середине – второй половине IV века [347-389 гг. испр. хрон.], а государь Ōдзин – в конце IV – начале V веков [390 – нач. 415 г. испр. хрон.]. Кроме того, даты царствования государя Тӣюая, начального периода регентства Дзингӯ и царствования Ритӣо, Хансӗ и Ингӗ, вслед за корейским источником «Пэкче синчхан», по циклическим датировкам 60-летнего цикла смещены в древность на 26 лет (подробнее см.: *Суровень Д.А*. Япония в середине – второй половине IV века. – Екатеринбург: Альфапринт, 2021. – С. 5-6, *Суровень Д.А*. О хронологии правлений Окинага-тарасихимэ (государыни Дзингӯ) и Хомуда-вакэ (государя Ōдзина) // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 16-21); *Суровень Д.А.* Япония конце IV – V веках. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. – Т. I. – С. 36-41. – *Прим. ред.*].

Минумэ в Мацубара

[*Фрагмент из* «*Манъёсю тюсяку*», *список дома Рэйдзэй* («*Примечания к* "*Манъёсю*"»), *том 3*, *раздел песни № 250*].

(В Описаниях обыкновений и земель страны Цу сказано):

Минумэ в Мацубара.

В нынешнее время есть божество, которое именуют Минумэ. Изначально это божество изволило пребывать на горе Минумэ уезда Носэ.

В старину, когда государыня Окинага-тарасихимэ отправлялась в землю Цукуси, все боги неба, боги земли собрались в Мацубара, на мысу Камусаки уезда Каванобэ [провинции Цу].

Изволила государыня вознести прошение о счастье-удаче [своих планов]. А это божество тоже тогда участвовало в собрании богов. И рекло: «Я тоже буду оберегать [тебя] и дало такое наставление: «На горе, где я живу, есть криптомерия. Сруби ее надлежащим образом, повели построить из нее ладью, на ней ты и отправишься. И будет тебе счастье-удача».

Государыня, следуя повеления божества, приказала построить ладью.

И в конце концов благополучно переправилась в Силла. (А в одной [книге] говорится: в те времена эта ладья издавала громкий звук, словно бык ревет, и она сама собой вернулась из моря Цусима. И не пришлось управлять ею, чтобы плыть, а просто проводили обряд гадание [обращаясь к тому божеству] и было при этом речено: «таково будет пожелание священной души божества». Так об этом передают люди).

И вот ладья остановилась, и по возвращении государыня совершила обряд восславления того божества в этой бухте [т.е. в бухте Минумэ в Мацубара][1] и свою ладью тоже здесь оставила и поднесла божеству.

Потому и нарекли это место Минумэ, Дева воды.

[1] В настоящее время это квартал пристаней Мая в портовом районе Кобэ. Согласно песням «Манъёсю» №№ 1065-1067, гавань была так живописна, что туда непременно заходили все корабли. Например, песня №1066: «Как в зеркало кристальное глядишь / На воды чистые залива Минумэ./ Не те здесь берега, / Чтоб сотни кораблей / Могли пройти, не залюбуясь красотой!» (пер. А.Е. Глускиной).

Сио-но Хараяма (Соляная Луговая гора), **солевой кипяток**, **Кумути-но кава (река Кумути)**

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования* “*Нихонги*”»), *список дома Маэда*, *том 14*, *раздел* «*Отрадный путь к горячим источникам Арима в провинции Цу*»]

(В Описаниях обыкновений и земель страны Цу сказано):

Уезд Арима

Есть там гора Сио-но хараяма, Соляная Луговая гора. Поблизости от этой горы бьет солевой кипяток. Потому так и назвали.

Река Кумути

Это название дали по названию горы. В старину гора называлась гора Кути.[1]

[И вот почему]. Однажды в старину, во времена государя, правившего Поднебесной из дворца Тоёсаки, что в Нагара, в Нанива[2], решил государь совершить выезд к горячим источникам и возвёл там себе временную обитель. Древесину для постройки добывали тогда на горе Кумути. Там древесина была превосходная.

И государь тогда изрек высочайшее повеление [яп. *микотонори*]: «Эта гора – гора *куу* [«прекрасный», «несравненный»] . Потому и назвали гору Кути [«превосходная земля»]. А люди со временем стали ошибочно называть её Кумути.

А ещё государь изрек: «Впервые увидел я соленый кипяток». А местные люди говорят, что не знают, во время какого государя это было: «Знаем только, что было это во времена великого министра острова[3]».

Гора Ситаби[4]

[*Фрагмент из* «*Манъёдайсёки*» («*Записок о мастерстве* “*Манъ-*

---

[1] Ныне – гора в квартале Ямагути г. Ниси-но мия.

[2] По мнению ряда комментаторов, имеется в виду император Кōтоку (645-654). В соответствующем разделе «Нихон сёки» упоминается о поездке этого императора в Арима.

[3] Видимо, имеется в виду Сога-но Умако, это государственный деятель служил при дворах трех императоров и одной императрицы – Бидацу, Ёмэй, Сусюн и Суйко.

[4] Скорее всего, речь идёт о горе в провинции Цу, уезде Носэ, в местности Ниари. Это предположение делается на основе средневекового комментария к песне «Манъёсю» № 1792. В песне есть строка: «Словно воды, что текут / У подножия горы / Ситаби, А наверху / их не видно...» (пер. А.Е. Глускиной.).

ёсю”») *Кэйтю*[1] *первый типографский набор*, *том 9*, *раздел песни № 1792*].

(Гора Ситаби. Находится в стране Цу. Так сказано в «Описаниях обыкновений и земель страны Цу»).

В старину был великий бог. Звали его Ама-цу-вани [«Небесная акула»].[2] Он обратился в орла и обосновался на этой горе. Если переходит гору десять человек, то пятеро пройдут, а ещё пятеро становились его добычей.

А был тогда человек по имени Кувао. Пришел он на ту гору, лёг ничком и по подземным водопропускным трубам добрался до жилища Ама-цу-вани и, выйдя из этих труб, вознес моления Ама-цу-вани.

Потому и назвали гору Ситаби [«нижние/подземные трубы»].

Гора Инакура

[*Фрагмент из* «*Кодзики урагаки*» («*Записи на обороте* “*Кодзики*”»)][3]

(В «Описаниях обыкновений и земель страны Цу» сказано):

Гора Инакура.[4]

В старину [богиня] Тоёука-но мэ, находясь в на этой горе, пожаловала много риса. Посему и была наречена гора.

Цутигумо

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования* “*Нихонги*”), *список дома Маэда*, *том 9*, *раздел Цутигумо*»]

(В «Описаниях обыкновений и земель страны Цу» сказано):

Во времена государя, который правил Поднебесной из дворца

[1] Кэйтю (1640-1701) – буддийский монах школы Сингон, поэт пятистиший филолог Школы национальной науки (Кокугакуха).

[2] Этот бог не упоминается нигде, кроме данного текста.

[3] Т.е. комментарии к «Кодзики»; время составления текста и авторство не установлены. Текст сохранился в единственном экземпляре в книгохранилище комплекса святилищ Исэ дзингу. Есть предположения, что автор комментариев – Урабэ Канэфуми, а также Китабатакэ Тикафуса и др.

[4] Локализация этой горы не установлена. По иероглифам ороним Инакура толкуется как «рисовый амбар»

Касихара в Унэби[1], жили обманщики цутикумо [«земляные пауки»].[2]

(Эти люди всегда жили в землянках, поэтому было им высочающе дано это наименование – «земляные пауки)».

[ПРОВИНЦИЯ ЯМАСИРО]

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования* "*Нихонги*"»), *список дома Маэда*, *том 9*, *раздел* «*Ворон Ятагарасу*»[3]]

Святилище Камо

(В «Записях обыкновений и земель провинции Ямасиро» говорится:)

Святилище Камо.

Называется Камо, потому что бог, который спустился на пик Химука-но Со, по имени господин Камо-но такэру-но цуноми-но микото встал [во главе похода на восток] государя Каму-ямато-ихарэхико[4] и пребывал там, а потом переместился на пик горы Кадзураки в провинции Ямато. Оттуда он тоже перебрался в иное место – в Камо, что в Окада в провинции Ямасиро[5], спустился по реке Ямасиро[6] и дошел до места, где сливались реки Кадзуно-но кава и Камо-но кава[7], оглядел реку Камо-но кава и рек: «Хоть река и узкая, но чистая, с каменистым дном». И назвал ее «узкая река с каменистыми теснинами». Поднялся он вверх по этой реке и нашел покой у подножия горы на севере земли Куга.[8] С тех пор называют [святилище, где он нашел

[1] Первоимператор Дзимму-тэннō [исследования учёных показывают, что государство Ямато было основано на рубеже III–IV вв. н.э., а государь Дзимму правил в начале IV века. – *Прим. ред*.].

[2] Записи о племени «земляных пауков» встречается практически во всех древних японских памятниках.

[3] Это волшебный ворон, участвующий в сюжетах «Кодзики» и «Нихон сёки» как проводник императора Дзимму. Имя ятагарасу складывается из части «ята» – «восемь пядей» (яп. «та» – мера длины примерно в 18 см) и карасу – ворон, как обычно это принято переводить, хотя, скорее, это ворона, т.е. другая птица с точки зрения орнитологии.

[4] Император Дзимму.

[5] Сейчас это святилище, находящееся в окрестностях Киото.

[6] Современная река Кидзугава в префектуре Киото.

[7] Нынешние Кацурагава и Камогава.

[8] Имеется в виду святилище Куга на севере нынешнего г. Киото, это святилище входит в список внутренних святилищ в уложении 10 в. «Энгисики».

покой] – святилищем Камо.

А Камо-но такэру-но цуноми-но микото взял в жены Икакоя-химэ, богиню Равнины богов [яп. Камино] земли Таниха[1], и рожденного тогда младенца [мужского пола] нарекли Тамаёри-хико. А следующее дитя [женского пола] нарекли Тамаёри-химэ.

Однажды, когда Тамаёри-химэ играла у узкой речки с каменистыми отмелями, с верховьев приплыла стрела, покрытая киноварью. Взяла она ее домой и воткнула в пол рядом со своим ложем. Через какое-то время она понесла, и у нее родился мальчик.

Когда он стал [взрослым] человеком[2], то его внешний[3] дед, Цуноми-но микото, воздвиг обитель в восемь хиро[4], поставил[5] двери ее восьми палат, изготовил восемь кувшинов рисового вина, собрал богов и устроил пир, который длился семь дней, семь ночей, и сказал тому отроку: «Поднеси это вино тому богу, кого считаешь своим отцом».

И вот, взял отрок в руки чашу с вином, обратившись к небу, вознес слова хвалебной молитвы, а затем, рассекая черепицу крыши, поднялся на небо. Поэтому назвали его, исходя из имени его деда по матери – Вакэ-икадзути-но микото из Камо [Молодой Господин грома из Камо].[6]

А стрела, крашенная киноварью, – это бог Хо-но икадзути-но микото [Огненный бог грома], тот пребывает в уезде Отокуни[7].

Камо-но такэру-но цуноми-но микото, Икакоя-химэ из Таниха и Тамаёри-химэ – эти три божества-столпа пребывают в святилище Мии, что в селении Тадэкура.

---

[1] Современное название местности – Тамба, она занимает территорию, часть которой относится к преф. Киото, часть – к Хёго.

[2] Т.е. когда проходил обряд посвящения в мужчины.

[3] Т.е. дед по матери (*гай софу* 外祖父). В описываемом обряде он замещал отца младенца, т.е. красную стрелу. Сюжет о чудесном рождении от приплывшей по реке красной стрелы зафиксирован также в мифологических сводах: в «Кодзики» это сюжет о браке девы с божеством горы Мива.

[4] Восемь – магическое число со значением «великое множество», «изобилие» и т.п. Хиро – мера длины, равная расстоянию между кончиками пальцев двух раскинутых рук.

[5] Комментаторы понимают слово «поставил», «установил» (*матэру* 竪) как «запер».

[6] С помощью этого этиологического сюжета устанавливается первопрецедент строительства святилища Камигамо-*дзиндзя* (т.е. Верхнего Камо), посвященного богу Вакэ-икадзути-но *микото*.

[7] По мнению комментаторов, концовка этого текста – более поздняя вставка.

Святилище Мии

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования “Нихонги”*»), *список дома Маэда*, *том 9*, *раздел* «*Ворон ятагарасу*»]

(Еще сказано [в «Ямасиро фудоки»]:)

Селение Тадэкура.

Святилище Мими.

Называется Мими, потому что там пребывают три бога-столпа, три формы-облика – Такэру-но цуноми-но микото из Камо, Икакоя-химэ из Таниха и Тамаёри-химэ. Потом и назвали святилищем Мими, что там пребывают три формы-облика [яп. *мими* 三身].

Время прошло, и ныне стали говорить святилище Мии.[1]

Удзи

[*Фрагмент из* «*Сирин сайёсё*» («*Извлечения из “собранных листьев” рощи слов», свод комментариев к* «*Манъёсю*» *1366 г.*, *автор – Юа*, *буддийский монах и филолог*]

(В «Ямасиро фудоки» сказано:)

Название Удзи произошло от того, что Удзи-но Ваки-ирацуко[2], сын государя, правившего Поднебесной из дворца Акира-но мия в Карусима[3], воздвиг себе в этой местности государев дворец Хикэта в Кирихара. Исходя из имени этого принца и дали это имя – Удзи. А изначальное имя было Конокуни, земля Коно.

Святилище Кохата

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования “Нихонги”*»), *список дома Маэда*, *том 8*, *раздел* «*Масакацу-акацу-кати-хаяхи-амэ-но*

[1] По иероглифам слово Мии (三井) означает «три колодца», однако это значение нигде не проявляется. По-видимому, иероглифы использованы в фонетической функции.

[2] Это имя упоминается в «Нихон сёки» как имя наследного принца, но в повествовании «Нихон сёки» императором он не становится. С другой стороны, в «Харима-фудоки» в разделе «Холмы Камихако, Симохако, пристань Набэ и поле Око» упоминается некий император Удзи. [Государь Удзи (415-417 гг. [испр. хрон.]) является непризнанным правителем Ямато, поэтому не внесён в список правивших монархов династии Ямато. – См.: Древние фудоки. – М.: Наука, 1969. – С. 258; *Суровень Д.А.* Япония в конце IV – V веках. Т. I. С. 63; Т. II. С. 3-4. – *Прим. ред.*].

[3] Император Одзин (390 – кон. 414 / нач. 415 гг. [испр. хрон.]. – *Прим. ред.*).

осихо-мими-но микото»[1]]

(В «Ямасиро фудоки» сказано:)

Уезд Удзи. Кумирня Кохата. (Кумирня земного божества[2]).

Его имя – Ама-но осихо-но наганэ-но микото[3].

Кумирня Арауми

[*Фрагмент из* «*Исэ сёбэцугӯ*» («*Все кумирни [на территории комплекса святилищ] Исэ*», *раздел* «*кумирня Эдзиндзя*». *Рукопись середины 13 в. принадлежит северной ветви рода Канэсава – Канэсава хōдзё̄. Запись сделана на обороте 20-й тетради*].[4]

(В «Ямасиро фудоки» сказано:)

Кумирня Арауми. (Кумирня земного божества). Имя ее [божества] – Оотоси-но ками.[5]

Кумирня Намикури

[*Фрагмент из* «*Энгисики*» («*Уложение годов Энги*») *книгохранилища Тэнри*, *запись на обороте раздела* «*Перечень имен богов*»]

(Кумирня Намикури, о ней в Фудоки сказано:)

Кумирня Намикури. (Посвящена земному божеству). Имя его – Мунаката-но Аратаси-но ками.[6] Селение [где находится кумирня] на-

---

[1] Это имя божества, в «Нихон сёки» это божество рождается между Сусаноо и Аматэрасу, когда каждый берет в рот и жует предмет, принадлежащий другому: Аматэрасу грызет меч Сусаноо, Сусаноо – ожерелье Аматэрасу: «Тогда Сусаново-но микото попросил у Аматэрасу-опо-*ками* ее низку из пяти сотен камней драгоценной яшмы длиной в восемь мер, омыл их в Ама-но манави, Священном Колодце Неба, положил в рот и разжевал с грохотом. Бог, родившийся из тумана его выдохов, был наименован Масака-акату-кати-паяпи-ама-но осипо-мими-но *микото*».

[2] Японские божества делятся на два разряда – божества неба и божества земли.

[3] Это имя можно перевести как “Небесный повелитель тучного колоса и длинных корней”.

[4] Эдзиндзя – кумирня на территории Внутреннего святилища, посвященного Аматэрасу. Сама кумирня, как считается, это место, где возносятся молебны божествам урожая пяти злаков.

[5] Оотоси – «обильный урожай».

[6] Видимо, божество рода Мунаката на Кюсю. В «Нихон сёки» божество с этим именем появляется в сюжете, когда Аматэрасу и Сусаноо по обету рождают детей из меча и ожерелья друг друга. Как считается в комментаторской традиции, Мунаката – общее название ряда божеств, которым поклоняются в местности, прилегающей к святилищу Мунаката в нынешней преф. Фукуока на Кюсю.

звали Намикури.[1]

Кумирня Мито

[*Фрагмент из* «*Сякунихонги*» («*Толкования "Нихонги"*»), *список дома Маэда*, *том 8*, *раздел* «*Тоётама-химэ*»]

(В «Ямасиро фудоки» сказано:)

Уезд Кусэ. Кумирня Мито. (Посвящена земным божествам). Имена их – Освещающий небо Таками-мусуби-но микото[2] и Тоётама-химэ-но микото, [дочь божества морской равнины] Ватацуми.

Кумирня Исэда

[*Фрагмент из* «*Исэ сёбэцугӯ*» («*Все кумирни* [*на территории комплекса святилищ*] *Исэ*», *раздел* «*кумирня Юта*». *Рукопись середины 13 в. принадлежит северной ветви рода Канэсава – Канэсава хōдзё̄. Запись сделана на обороте 16-й тетради*).]

(В «Ямасиро фудоки» сказано:)

Кумирня Исэда.

(Посвящена земным божествам). Это принц Оотоси-но но миояно микото[3], восемь столпов-деревьев.[4]

Кумирня Касэ

[*Фрагмент из «Энги-сики» («Законоуложения годов Энги», список из хранения библиотеки г. Тэнри, том 9, раздел «Свод имен богов», записано на обороте документа*].

(Кумирня земного божества в Окада, согласно [«Ямасиро] фудоки» находится в уезде Сагарака).

Селение Куни. Кумирня Касэ. (Кумирня земного божества). Имя его – Касэ-но оо-миками-во-но ками.

---

[1] На протяжении этой короткой записи топоним Намикури записывается двумя разными способами – как 南郡 и 並栗. Надо думать, это попытки придать смысл несуществующему слову, возможно, относящемуся к одному из древнекорейских наречий.

[2] Одно из первых божеств эпохи творения в японских мифологических сводах.

[3] Возможное толкование этого имени – господин-отец великого урожая [риса].

[4] Имеется в виду, что это божество вселяется во множество («восемь») деревьев. Дерево – временное обиталище божества, куда оно вселяется во время обряда.

[ПРОВИНЦИЯ ИСЭ]

[Фрагмент содержится в нескольких источниках: «*Манъёсю тюсяку*» («*Примечания к "Манъёсю"*»), *список дома Рэйдзэй*, *т. 1*, *раздел песни № 81*; «*Сякунихонги*» («*Толкования "Нихонги"*»), *список дома Маэда*, *том 23*, *раздел* «*Море Исэ*, *где дует ветер богов*» *и др.*]

(В «Описаниях обыкновений и земель провинции Исэ» сказано:)

Название провинции Исэ (1)

Провинция Исэ – это место, которое усмирил Амэ-но хивакэ-но микото[1], двенадцатый внук Амэ-но минака-нуси-но микото.[2]

Когда впервые Амэ-но хивакэ-но микото отправился в восточные земли[3] из Западного дворца[4] Каму-Ямато-Иварэбико-но микото[5], он сопутствовал этому государю и так добрался до деревни Кумано в стране Ки.[6] Ведомые золотым вороном, они вошли в срединную часть провинции [Ямато] и достигли нижних угодий в Уда.

И государь рек повеление Хиоми-но микото рода Оотомо[7]: «Надо как можно скорее поразить Нагасунэ[8] из Икома, что в Ата». А

---

[1] Историк Окада Сэйси полагал, что Амэ-но хивакэ-но *микото* – бог предок клана Ватараи в Исэ.

[2] Амэ-но минака-нуси-но *микото* в мифологических сводах божество, появляющееся в числе первых, видимо, китайского происхождения. В сводах он – бог-одиночка, не имеющий ни супруги, ни потомков.

[3] [По косвенным свидетельствам корейских источников, исследователи датируют время Восточного похода Дзимму 294-300 гг. [испр. хрон.]. – См.: *Арутюнов С.А.* Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 10; *Воробьев М.В.* Япония в III–VII веках. – М.: Наука, 1980. – С. 109; *Суровень Д.А.* К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // Genesis: исторические исследования». – 2015. – № 3. – С. 172-177. – *Прим. ред.*].

[4] Обитель, куда, согласно мифу, впервые спустился с неба внук Аматэрасу Нинигино микото. [Это – или дворец в юго-восточном Кюсю в области Химука (родины государя Дзимму), или дворец в северном Кюсю (где государь Дзимму собирал силы союзников для Восточного похода). – *Прим. ред.*].

[5] [Государь Дзимму (годы правления: 301-316 гг. [испр. хрон.]). – См.: *Арутюнов С.А.* Указ. соч. С. 10; *Воробьев М.В.* Указ. соч. С. 109; *Суровень Д.А.* Указ. соч. С. 182-185, 188-190. – *Прим. ред.*].

[6] Впоследствии топоним Ки стал произноситься как Кии.

[7] Хиоми фигурирует в «Нихон сёки» как предок военного рода Оотомо, сопровождавшего императора Дзимму.

[8] Нагасунэ – по-видимому, местный вождь, собравший войско на горе Икома (нынешняя преф. Нара) и оказавший сопротивление пришельцам. Этот эпизод изложен в «Нихон сёки».

еще рек повеление Амэ-но хивакэ-но микото: «Есть земля, что находится в стороне небесного залива[1]. Надобно ее усмирить». И пожаловал ему от себя меч.

Тогда Амэ-но хивакэ-но микото продвинулся на восток на несколько сотен *camo*[2], и там в селении жил бог, звали его Исэцу-хико [т.е. отрок из Исэ]. Амэ-но хивакэ-но микото спросил его: «Поднесешь ли ты свою землю Небесному внуку?» Тот ответил: «С тех пор, как начал я притязать на эту землю и живу здесь, уж много дней миновало. С какой стати я буду слушать чьи-то повеления?» Тогда Амэ-но хивакэ-но микото поднял свое войско и собрался убить Исэцу-хико. Тут Исэцу-хико распростерся ниц и сказал: «Всю эту землю подношу я небесному внуку. Сам уж не стану здесь жить».

Амэ-но хивакэ-но микото вопросил его: «Какой знак подашь ты, когда будешь покидать это место?» Тот ответил: «Сегодня ввечеру я подыму восемь ветров, морскую воду раздую и, оседлав волну, двинусь на восток. Это и будет значить, что я отступаю отсюда».

Амэ-но хивакэ-но микото собрал своих воинов и стал тайком смотреть. Вот наступил вечер, и с четырех сторон задул ветер, поднялись волны. Все вокруг засверкало блеском, подобным солнцу, и суша, и море стали светлы. И вот, оседлав волны, [Исэцу-но хико] отбыл на восток.

В старинных речениях говорится: «земля Исэ, где дует ветер богов, земля, куда достигают волны вечной страны Токоё». И эти слова наверняка об этом [событии]. (А бог Исэцу-но ками, покинув то место, отправился в страну Синано).

Амэ-но хивакэ-но микото, усмирив и смягчив эту землю, государю об этом донес. Государь, безмерно обрадовавшись, изволил сказать: «Вот как раз и возьмем имя этого земного бога [Исэцу-хико] и так и назовем эту землю». И сделал эту землю владением Амэ-но хивакэ-но микото, а местом возведения его обители назначил деревню Миминаси в Ямато.

(В одной книге сказано: Амэ-но хивакэ-но микото, воплощая повеление государя, из селения Кумано прямиком[3] отправился в про-

[1] Небесный залив – не вполне понятное выражение. Как указывают комментаторы, возможно, что имеется в виду далекая земля по ту сторону моря.

[2] Сато (более известное потом как яп. ри) – мера длины, разнящаяся в Китае, Корее и Японии. Предполагается, что в японской древности 1 *camo* = 300 шагов.

[3] Т.е. не заходя в Уда.

винцию Исэ, буйных богов убил, непокорных усмирил, горами и реками определил границы провинции. А после этого проследовал во дворец Касихара[1]).

Название провинции Исэ (2) (Исики)

[*Фрагмент из «“Нихон сёки” сикэнбун» («“Анналы Японии” в личном опыте»), раздел «О том, что именуется “Исэ, где дует ветер богов”», 1426 г., автор Митиёси, рукопись находится в хранении комплекса святилищ Исэ.*]

(В «Описаниях обыкновений и земель провинции Исэ» сказано... И еще сказано:)

Название Исэ произошло таким образом. Бог, пребывавший в святилище Анаси в Ига, сын бога Идзумо, по имени Идзумо-такэру-но мико-но микото, еще одно его имя – Исэцу-хико-но ками, еще одно его имя – Амэ-Куситама-но микото, так вот, этот бог в древности построил из камней крепость и поселился на этой земле.

Пришел туда бог Ахэси-хико-но *ками*[2], хотел отнять эту крепость, но победить не смог и вернулся восвояси. Поэтому так и назвали эту местность.[3]

Бухта Матоката

[*Фрагмент из «Манъёсю тюсяку», список дома Рэйдзэй («Примечания к “Манъёсю”»), том 1, раздел песни № 61*].

(В «Описаниях обыкновений и земель провинции Исэ» сказано:)

Бухта Матоката так названа, потому что очертания этой бухты похожи на мишень.[4] Поэтому так и назвали. Сейчас прибрежье уже превратилось в мелководье.

Когда государыня[5] изволила выехать на этот берег, она сложила так:

---

[1] Резиденция императора Дзимму.

[2] Первопредок рода Ахэ в Ига.

[3] По мнению комментаторов, смысл этого фрагмента в том, что иероглифический бином «каменная крепость» – в японском чтении *исики* – послужил основанием для образования топонима Исэ.

[4] Предполагается, что залив был круглой формы. Слово «*мато*» означает мишень, *ката* – «форма».

[5] Имеется в виду императрица Дзитō, отрекшаяся от престола.

Масурао-но	Доблестный воин
Сацуя табасами	Стрелу охотника в руке зажав
Мукаитати	Стоит перед
Иру я матоката	Мишенью, чтоб выстрелить.
Хама-но саякэса.	Как чиста эта бухта [под названием Форма Мишени]![1]

Уезд Ватараи

[*Фрагмент записан на обороте списка* «*Ямато-химэ-но микото сэйки*»].

(В «Описаниях обыкновений и земель провинции Исэ» сказано:)

Почему волость назвали Ватараи: Каму-Ямато-ихарэхико-но микото из дворца в Унэби, в Касихара, желая отыскать подходящую местность, поручил это Амэ-но хивакэ-но микото. И тот увидел дым на вершине Кариса в Ватараи и спросил: «Есть ли тут староста?» и послал гонца. Его посланец вернулся и доложил: «Здесь имеется божество Оокуни-тама-но ками[2]».

Тогда Амэ-но хивакэ-но микото направился в Кариса, а в это самое время Оокуни-тама-но ками сам послал гонца и вышел навстречу. Амэ-но хивакэ-но микото и его спутники как раз начали ладить мост, чтобы пройти в Кариса, и Оокуни-тама-но ками появился, когда мост еще не был достроен.

Тогда Оокуни-тама-но ками приспособил лук из дерева *адзуса* в качестве моста и перевел по нему Амэ-но хивакэ-но микото. И еще [Оокуни-тама-но ками] привел деву Мидзу-сасара-химэ, встретил ее в селении Окамото, где земляной мост.[3] А Амэ-но хивакэ-но микото совершил обозрение страны[4], потом пришел туда и рек: «Перешел [мост] (яп. *ватариаицу*) и встретил жену». Так [слово Ватараи] и стало названием местности.[5]

---

[1] В «Манъёсю» это стихотворение (№ 61) приписывается другому автору: «*Песня девицы из рода Тонэри, сложенная во время следования за паланкином экс-императрицы* [*Дзито*]»

[2] По одному из толкований, это божество – «грубая душа» божества Оокуни-нуси-но *ками*.

[3] Деревянный мост с земляной насыпью.

[4] Имеется в виду обряд *куними* – обозревая окрестности, персонаж утверждал границы своего владения, кроме того, этот обряд был также средством пацификации земли.

[5] Этот сюжет с изменениями и вариантами имеется в «Ямато-химэ-но микото сэйки».

Святилище Асака

[*Фрагмент из «Дайдзингӯ гисикигэ»* («*Толкования церемоний Великих святилищ*», *раздел 2*)]

(«Описания обыкновений и земель провинции Исэ»).

Великая богиня Аматэрасу[1], выйдя из земли Мино, прибыла в обитель Фудзиката-катахи-но мия в Ано. А тогда на горе Асака жил неистовый бог. Из ста проходящих он умерщвлял пятьдесят человек, из сорока – двадцать. И потому Ямато-химэ-но микото не водворялась в обители в верховьях реки Исудзу, в Удзи, что в Ватараи, а продолжала свое служение в Фудзиката-катахи-но мия. И вот послала она к государю Оокасима-но микото из рода жрецов Накатоми, Оовакуго-но микото из рода [управителей] Исэ и Тамакуси-но микото из рода [священнослужителей] Имибэ, чтобы они доложили при дворе о деяниях этого злокозненного божества. Государь[2] изволил изречь: «Горы в этой провинции были усмирены божеством Амэ-но хивакэ-но микото, дальним предком Оовакуго-но микото. Пусть Оовакуго-но микото проведет обряд служения этому божеству и введет Ямато-химэ-но микото во дворец Исудзу-но мия», – так рек. И пожаловал драгоценные дары всевозможных видов.

И вот, Оовакуго-но микото совершил службы перед тем божеством, полностью его усмирил и восставил святилище в Асака.[3]

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Древние фудоки / Пер. К.А. Попова (серия «Памятники письменности Востока» XVIII). – М.: Наука, ГРВЛ, 1969. – 340 с.
2. Жизнеописание [принцессы-жрицы] Ямато-химэ-но микото // *Ермакова Л.М.* Когда раскрылись Небо и Земля: Миф, ритуал, поэзия ранней Япо- нии. Т. II: Переводы. – М.: Наука–Вост. лит., 2020. – С. 531-591.
3. Продолжение «Анналов Японии». Сёку нихонги / Пер. А.Н. Мещеряко- ва. – М.: Дело, 2018. – 328 с.
4. Records of Wind and Earth: A Translation of *Fudoki* / With introduction and commentaries by Michiko Y. Aoki. – Ann Arbor, Michigan: Association for Asian Studies, 1997. – xii, 347 p.

[1] Великая богиня Аматэрасу перемещалась в пространстве в виде своей жрицы, Ямато-химэ. В «Ямато-химэ-но микото сэйки» в тексте вместо Аматэрасу стоит имя Ямато-химэ.

[2] Имеется в виду император Суйнин.

[3] Этот сюжет с изменениями, в том числе, в именах богов, помещён и в «Ямато-химэ-но микото сэйки».

5. *Ибараки Ёсиюки* 荊木 美行. Фудоки ицубун кэнкю̄ ню̄мон 風土記逸文研究入門 (Введение в исследование фрагментов фудоки). – Токио 東京: Ко- кусё канкю̄кай 国書刊行会, 1997. – 144 с.
6. Фудоки 風土記 // Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系 / Иссл. и комм. Акимото Китиро 秋本 吉郎. – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1958. – Т. 2 – 529 с.
7. Фудоки 風土記 // Нихон котэн бунгаку дзэнсю̄ 日本古典文学全集 / Иссл. и комм. Уэгаки Сэцуя 植垣 節也. – Токио 東京: Сё̄гаккан 小学館, 1997. – Т. 5. – 634 с.

Общая и специальная литература:

8. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Отрывки фудоки как источник по исторической географии Японии // Николай Невский: жизнь и наследие / Сост. и отв. ред. Е.С. Бакшеев и В.В. Щепкин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – С. 95-106.
9. *Суровень Д.А*. Покорение государством Ямато области Танива в начале IV века (по материалам «Танго-фудоки») // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 44. – 2011. – № 9 (224). – С. 105-115.
10. *Суровень Д.А.* Поход государства Ямато в Силла 346 года // Научный диалог. – 2015. – № 1 (37). – С. 8-65.
11. *Ямаори Тэцуо*. Блуждания богов в пространстве японской культуры / Предисл., пер. с яп. и коммент. Л.М. Ермаковой // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 80-100.
12. *Domenig Gaudenz*. Founding Territorial Cults in Early Japan. Traces of a Forgotten Ritual in Ancient Myths and Legends. – Leiden: Brill, 2024. – Vol. 76. – xiv, 324 p.
13. *Palmer Edwina*. Calming the Killing ‘Kami’: The Supernatural, Nature and Culture in ‘Fudoki’ // Japan Review. – 2001. – No. 13. – P. 3-31.

Ermakova L.M.
Fragments of *Fudoki*: mythical and legal

This publication will offer a translation of several fragments of medieval texts in the genre of “fudoki”, which have not yet become objects of translation in domestic Japanese studies, as well as the brief description of this genre with the addition of some special considerations of the translator.

Keywords: ancient Japan; Yamato; Nara period; historical-geographic descriptions of provinces; *fudoki*; fragments of *fudoki*; *fudoki itsubun*; Tsu-no kuni-no *fudoki itsubun*; Yamashiro-no kuni-no *fudoki itsubun*; Ise-no kuni-no *fudoki itsubun*.

Ermakova Lyudmila Michaylovna – Doctor of Philology, Honored Professor of the Kobe City University for Foreign Studies (Kobe, *Japan*).
E-mail: lermakova@gmail.com

УДК 340.140, 340.152, 94 (520).01

Симонова-Гудзенко Е.К.

О ПОЯВЛЕНИИ БОГИНИ АМАТЭРАСУ В ЯПОНСКОМ ПАНТЕОНЕ: ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТА БОЖЕСТВА–ПОКРОВИТЕЛЯ ДИНАСТИИ ЯМАТО[1]

В статье анализируется процесс формирования культа богини Аматэрасу на основе анализа древних сказаний, зафиксированных в японских источниках. Установлено существование двух культурных комплексов, участвовавших в создании японской мифологии. Включение в мифологический пантеон богини Аматэрасу, верховной богини императорского рода, происходит именно на стадии соединения мифологических систем нескольких этнических групп, и вводится она в неизменяющуюся архаическую часть, так как наибольшая древность означала и высокий статус.

Ключевые слова: древняя Япония; Ямато; два культовых комплекса; божество Солнца; Оохирумэ-мути; Сита-тэру-химэ; Ама-тэрасу; Сусаноо; синтоизм.

Зафиксированная в источниках японская мифологическая концепция даёт картину эволюции мифа, общую для большинства мифологических систем. Это позволяет рассматривать японскую мифологию как развивающуюся по тем же законам, что и другие, хотя и изолированно.

Синтоизм возник из слияния первобытных верований – культа предков, земледельческих культов, тотемизма и др. Это и определило его содержание, заключающееся в утверждении, что в природе всё, в том числе и человек как неотъемлемая её часть, может стать богом – *ками*. Синтоизм, как и любая религия, «включает в себя два элемента – теоретический и практический, а именно веру в силы, стоящие над

Симонова–Гудзенко Екатерина Кирилловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (*Россия*, Москва, ул. Моховая, д. 11).

E-mail: eksimonova@mail.ru

[1] Впервые опубликовано: *Симонова–Гудзенко Е.К.* О появлении богини Аматэрасу в японском пантеоне // Советская этнография. – 1988. – № 1. – С. 102-109.

От редакции сборника: статья написана почти 40 лет назад, но она не утратила своего значения, в ней представлен отличный от традиционно принятого в российском японоведении взгляд на развитие японской мифологии.

человеком, и стремление сделать их благосклонными или угодить им».[1]

Раннее проникновение буддизма и конфуцианства в Японию, а также неизбежная борьба идеологий обусловили ускоренное оформление синто в качестве государственной идеологической концепции уже на начальных этапах его существования. Этим, видимо, можно объяснить отсутствие в синтоизме собственного канона, свода морально-нравственных догм, свойственных развитым монотеистическим религиям, собственной гносеологии, верховного божества, религиозной философии. Священную историю синтоизма составляют лишь мифология и длинные списки имён богов.

Ранняя кодификация синтоизма определяла специфику фиксации мифов. Мифы записывались в памятниках разного типа. По цели создания и подчинённой ей системе изложения все памятники можно разделить на три группы.

Первая группа – источники, содержащие канонизированные мифы: «Кодзики»[2] (712 г.) и «Нихон сёки»[3] (720 г.). Главной задачей авторов, составивших их, было документально подтвердить право императорского дома на власть, а также тот факт, что не только это право даровано императору богами, но и сам он – прямой потомок богов. В связи с этим первая часть текстов «Кодзики» и «Нихон сёки» представляет мифологический рассказ, доказывающий происхождение императорского дома от богов, а вторая часть – императорские хроники, переплетенные с мифами и легендами.

Вторая группа – источники, зафиксировавшие мифы в том виде, в котором они функционировали. Это – «Норито»[4] (вероятно, впервые записаны в «Энгисики» IX–X вв.) и «Фудоки»[5] (713 г.). «Но-

---

[1] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. – М.-Л.: ОГИЗ, 1931. – Т. 1. – С. 65.

[2] Кодзики. Норито 古事記。祝詞 (Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系、第 1). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1972. – 463 с.; Kojiki / Transl. B.H. Chamberlain. – Tokyo: Charles E. Tuttle Co., 1982. – 445 p.; Kojiki / Transl. D.L. Philippi. – Tokyo: Tokyo University Press, 1969. – 655 p.

[3] Нихон сёки 日本書記 (Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系 67). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1974. – Т. 1. – 654 с.; Nihongi / Transl. W.G. Aston. – Tokyo: C.E. Tuttle Co., 1975. – 443 p.

[4] Кодзики, Норито. Часть норито в переводе Н.А. Невского см.: *Невский Н.А.* Культовая поэзия древней Японии (VI–VIII вв.) // Восток. Сб. 1-й: Литература Китая и Японии. – М.-Л.: Academia, 1935. – С. 15-30.

[5] Фудоки 風土記 (Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系、第2). – Токио

рито» – молитвословия, «но не молитвы в собственном смысле слова; они скорее могут быть названы заклинаниями, построенными на том принципе примитивной магии, по которому первобытный человек заключал, что подобное вызывает подобное».[1] «Норито» – наиболее древний из широкого круга памятников синтоистских молитв и, видимо, самый древний из дошедших до нас.

«Фудоки», с точки зрения японских мифологических текстов – особый вид источника. Перед его авторами-составителями стояла задача охарактеризовать районы Японии, находящиеся под контролем центральной власти. Это географическое, хозяйственное описание районов с включенными в него легендами, в основном топонимическими. Их сюжеты разнообразны, но, как правило, не очень сложны, боги монофункциональны, и их действия связаны с земледелием, водой и храмовыми праздниками. Таким образом, в источники второй группы вошли наиболее архаичные слои японского мифа.

Третья группа источников, зафиксировавшая мифы, переплетённые с историей родов, включает «Сэндай кудзи хонги»[2] и «Когосюи».[3] В обоих памятниках излагается история родов, происхождение которых, видимо, не менее древнее, чем императорского (это предопределило сходство структуры источников первой и третьей групп при совершенно разных задачах составителей). В мифологической и исторической частях важны лишь события, касающиеся родов Сога («Сэндай кудзи хонги») и Имубэ («Когосюи»).

Все охарактеризованные памятники традиционно датируются VII – VIII вв.; начальная часть их представляет искаженную временем и переписчиками фиксацию архаических мифов. Впервые мифы были записаны, видимо, не раньше IV–VI вв., так как только в тот период в Японию была занесена иероглифическая письменность с материка, а канонизированные мифологические своды, которые дошли до нас,

---

東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1972. – 529 с.; Идзумо фудоки / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, 1966. – 222 с.; Древние фудоки / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, 1969. – 340 с.

[6] *Невский Н.А.* Указ. раб. С. 17.

[2] Сэндай кудзи хонги 先代舊事本紀 // Кодзики, Сэндай кудзи хонги, Синтō гобусё 古事記・先代旧事本紀・神道五部書 (Сер. Синтэй дзōхо кокуси тайкэй 新訂增補國史大系). – Токио 東京: Дзэнсō сōсё 全集叢書, 1936. – Т. 7. – 373 с.

[3] Когосюи. Такахаси удзи буми 古語拾遺。高橋氏文 (Сер. Синдзэн нихон котэн бунко 新撰日本古典文庫 4). – Токио 東京: Гэндай ситē-ся 現代思潮社, 1976. – 398 с.; Kogoshūi: Gleanings from Ancient Stories. – Tokyo: Curzon Press, 1972. – 120 p.

созданы, вероятно, в VIII–XII вв. В устоявшейся устной традиции бытовал уже миф, включенный в религиозную практику.

Бóльшая часть текстов японских мифов сохранилась, как правило, всего лишь в одном из списков каждого памятника. В полном объеме мы имеем только мифологические тексты, содержащие генеалогию императорского дома. В связи с этим реконструкция японского мифа может осуществляться путём сравнения разных памятников, трактующих одни и те же сюжеты. Следует отметить, что своеобразие бытования мифов в традиционной и современной духовной культуре Японии, сакрализация императорской власти привели к ряду особенностей хранения японского мифа. Они проявляются в трактовке мифов как действительной истории страны вплоть до окончания второй мировой войны, т.е. до середины XX в. Такое отношение к мифам делало почти невозможным изучение древних памятников и соответственно древней истории и культуры страны на материалах этих памятников. Только после войны «с изъятием мифов была восстановлена действительная история».[1] Это объясняет отсутствие до войны (исключение составляет период *Тайсё̄* – 1912-1926 гг.) и в первое десятилетие после нее национальной школы критики текста, ставящей проблемы реконструкции памятников и решение различных проблем древней истории и культуры на базе этой реконструкции. Становление текстологического анализа в японской историографии происходит только в 1960-х – начале 1970-х годов.[2]

Задачей настоящей статьи является реконструкция ранних слоев японских мифов. Осуществляется она на материале их поздних фиксаций в древних письменных памятниках путём детального анализа упоминаемых в мифах имен богов. Подобный подход определяется своеобразием японского мифологического текста, особенно его архаичной части, где имена составляют основную часть сюжета.

Главную семантическую нагрузку несёт имя. В этом смысле японский миф не представляет исключения: как и в мифологиях большинства народов, имена богов значимы, поскольку «сам миф есть раз-

---

[1] *Мисина Акахидэ* 三品 彰英. Нихон синва рон 日本神話論 (Теория японской мифологии) // Нихон рэкиси 日本歴史 (История Японии). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1964. – Т. 2. – С. 301.

[2] *Симонова-Гудзенко Е.К.* Японская национальная историография по проблеме реконструкции мифа // Восточная литература древности и средневековья в современных зарубежных исследованиях. – М.: ИНИОН АН СССР, 1982. – С. 119-130.

вёрнутое магическое имя».[1] Имя богу, как правило, даётся с момента его возникновения; бог без имени в мифе не существует, так как «миф и имя непосредственно связаны по своей природе. В известном смысле они взаимоопределяемы, одно сводится к другому, миф – персонален (номинационен), имя – мифологично».[2] Итак, имя – это древнейшая часть мифа, а перевод имен, как показывает опыт, даёт нам лаконичный, почти сюжетный рассказ. Более поздние модификации мифа касаются отношений между именами и отношений новых авторов к именам, но имена обычно остаются незатронутыми. Не затрагивает их и влияние иноземной культуры. Даже если сюжет в источниках записан по-китайски, то собственные имена и топонимы – по-японски, *манъёганой*.

Японское мифологическое имя длинно, сложно и имеет богатую семантику. В японской мифологии имя больше чем где-либо является знаком ситуации, так как сюжет мифа, его динамика, связи персонажей построены на родственных отношениях богов, имена которых всегда сохраняются.

Таким образом, текст японского мифа – это структурированный через список имён «родственников» мифологический рассказ («Кудзики», «Кодзики», «Нихон сёки», «Когосюи»). Первая часть каждого источника состоит из списка богов, сгруппированных определённым образом и соединённых очень краткими рассказами о событиях в мире богов. Сам рассказ кроме сюжета включает указания на родственные связи и «числовые группы» (пятерки, восьмерки и т.д. богов).

«Сущность мифа, – отмечает К. Леви-Строс, – заключена не в стиле, не в манере изложения и не в синтаксисе, а в истории, которая в нем рассказывается» (разрядка моя – *Е. С.-Г.*).[3] Если реконструкция архетипа любого мифа предполагает в первую очередь воссоздание «рассказанной истории», то для реконструкции японского мифа необходимы не только исследование сюжета, но и расшифровка «рассказа именами», так как в японской мифологии архетип мифа заключён, как уже отмечалось, в наиболее архаичной его части – именах.

Сопоставляя варианты одного и того же мифа, зафиксированно-

[1] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. – М.: [б. и.], 1930. – С. 239.
[2] *Лотман Ю.М.*, *Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. – 1973. – Вып. VI. – С. 287.
[3] *Леви-Строс К.* Структура мифа // Вопросы философии. – 1970. – № 7. – С. 154.

го в разных памятниках, можно реконструировать историю развития японской мифологии, архетип японского мифа (точнее, канву мифологического рассказа на базе «рассказа именами») и определить вероятное время и место введения богини Аматэрасу в мифологический пантеон.

Процесс заселения японских островов различными этническими группами – носителями разнотипных культур предопределил сложный синкретический характер мифологического пантеона, который сегодня известен как японский. Детальный анализ древних письменных памятников позволяет предположить, что в создании японской мифологии участвовали по крайней мере два разных культурных комплекса, которые условно мною названы «земной» и «небесный». Каждый из них, видимо, имел развитую систему астральных и хтонических богов. Однако самый архаический слой мифологии – описание нерасчлененного мира и мироустройства – был, вероятно, единым для обоих комплексов, созданным протоайнскими этническими группами, являвшимися либо аборигенами островов, либо теми пришлыми, которые оказались «достаточно устойчивыми и не были поглощены во время миграций в эпоху неолита».[1] Два культурных комплекса – «земной» и «небесный» – возникли как бы на следующем этапе развития человеческой общности на японских островах. Взаимоотношения этих по меньшей мере трёх (древнейший синкретический, «земной» и «небесный») культурных комплексов и нашли отражение в японской мифологии, неизменной на уровне мирообъяснения и варьирующейся на уровне мироустройства.

Включение в мифологический пантеон богини Аматэрасу, верховной богини императорского рода, происходит именно на стадии соединения мифологических систем нескольких племенных групп, и вводится она в неизменяющуюся архаическую часть, так как наибольшая древность означала и высокий статус.

Этот процесс достаточно четко прослеживается в схеме архетипа японского мифа, примерную реконструкцию которого можно осуществить на основе исследования древних памятников.

Архаическая совокупность мифологических богов

Отражением наиболее древних слоев японского мифа являются «ранние двойные имена», образованные из имён двух богов, сходных

[1] *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. – М.: Наука, 1974. – С. 29-30.

по функциям, что, возможно, связано с устной традицией бытования мифа. Имена этого типа, хотя и немногочисленные (9), встречаются или в памятниках, зафиксировавших миф в том виде, в каком он функционировал в обществе («Фудоки», «Норито»), или в самых архаических частях ранних канонизированных памятников («Нихон сёки»).[1]

Две постархаические структуры

«Земной» и «небесный» комплексы, видимо, представляли собой развитую мифологическую систему. Определить верховное божество «земного» комплекса по материалам рассматриваемых нами письменных памятников оказалось невозможным, в то время как реконструкция верховного божества в раннем «небесном» комплексе, на мой взгляд, вполне осуществима. Им, вероятно, был Сусаноо-но *микото*.

Активная роль небесных богов.
Начало взаимодействия систем

Видимо, одним из этапов формирования единой японской мифологии был процесс соединения–взаимопоглощения достаточно развитых мифологических систем двух разных племенных групп, условно названных «земной» и «небесной». Об этом свидетельствует цикл мифов о завоевании японских островов потомками Ниниги-но микото («небесными»), изложенный во всех рассматриваемых памятниках.

Сложение синкретической системы

Примерно в период создания мифов о покорении Земли возникает традиция поздних двойных имен с параобразующим компонентом «небо / земля» (например: *Ама тэру-куни тэру Хико хо-но акарино микото*, где *ама* – «небо», *куни* – «земля»). Имена этого типа встречаются в «Кодзики» и «Нихон сёки». Они являются как бы синкретическими именами богов, представляющих мифологию двух разных культурных традиций. Доказывает это не только параобразующий компонент, но и то, что он присоединен к имени в начале, как бы искусственно. Кроме того, имена эти поздние по своему месту в мифологической иерархии.

Таким образом, тип двойных имен преследовал, видимо, цели примирения «земного» и «небесного» мифологических комплексов в рамках одной мифологии.

---

[1] Схему реконструкции архетипа японского мифа подробнее см.: *Симонова-Гудзенко Е.К.* Японский миф и его роль в древней истории Японии: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1979. – 22 с.

Унификация племенных вариантов в единой «государственной» мифологии

На определённом историческом этапе происходит соединение функций богов стихий и разных племенных богов, что находит отражение в структуре изложения мифов, т.е. происходит соединение мифов разных племенных групп в рамках одной мифологической системы.

На самых ранних этапах развития японского общества существовало, вероятно, как уже отмечалось, мифологическое единство на уровне мирообъяснения, что предопределило создание единого ритуального комплекса. При характерном для того исторического периода этническом многообразии, божества, олицетворяя одни и те же стихии и явления природы, могли иметь разные названия. В дальнейшем, с усложнением социальных отношений, с формированием отдельных родов, усложняются и функции богов: многие из них становятся богами-охранителями того или иного рода. Вероятно, именно в этот период и появляется богиня Аматэрасу – как богиня одного рода, который впоследствии стал императорским. При возникновении протогосударства идеологическую власть в нём мог символизировать лишь единый ритуальный комплекс, притом самый древний. Поэтому необходимо было не только получить звание первосвященника этого древнего культа, что давало власть над всеми слоями населения, включая и родо-племенную верхушку (как известно, на ранних этапах развития человеческого общества характерно объединение духовной и светской власти), но и не менее важно было ввести своего родового бога в древний пантеон. Синкретический характер Аматэрасу отмечают и японские исследователи: «Аматэрасу возникла в качестве синтеза великого божества, являющегося божественным предком двора Ямато, и солнечного божества Исэ. С тех пор божество солнца, главное среди прочих божеств природы в Исэ, превратилось божественную прародительницу японского императорского дома».[1]

Следовательно, можно предположить, что включение богини Аматэрасу (видимо, клановой богини императорского рода) в исходный пантеон – явление относительно позднее. Приведём аргументацию, подтверждающую это предположение (см. далее разделы I–VI).

[1] *Кэндзо Тангэ.* Архитектура Японии. – М.: Прогресс, 1975. – С. 34.

I. Упоминание богини Солнца без имени в мифе «Когосюи». «Говорят (согласно традиции), когда Небо и Земля начались, боги Идзанаги и Идзанами, вступив в супружеские отношения, породили страну восьми островов, горы, реки, травы и деревья. Потом богов Солнца и Луны. И последним бога Сусаноо».[1] Единственным божеством, имеющим имя, является Сусаноо, что свидетельствует, видимо, и о древности его происхождения, и о его популярности в момент фиксации.

II. Наличие среди «земных богов» богини Солнца. В одном из мифов небесный посланец Амэ-вакэ-хико женится на земной богине *Сита-тэру-химэ*[2] – «низ освещающей деве», т.е. богине Солнца какого-то «земного» мифологического комплекса. Тот факт, что в пантеоне «земных» богов уже существовало солнечное божество, служит подтверждение довольно длительного развития «земного» комплекса.

Необходимо обратить внимание на запись этого имени. В «Кодзики»[3] и «Нихон сёки»[4] она различается (см. рис. 1).

下光日賣　　下照姬

1　　*2*

Рис. 1. Запись имени богини Солнца Сита-тэру-химэ в «Кодзики» (*1*) и в «Нихон сёки» (*2*)

Это, вероятно, указывает на то, что в момент фиксации миф ещё не был полностью канонизирован.

Как уже говорилось, названные памятники создавались на основе каких-то более архаических текстов, возникших, вероятно, в период формирования японского письменного языка. Имена в тот период записывались фонетически и в нескольких списках, а порой даже в одном, но в различных частях его, могли быть записаны разными иероглифами. Если же «Кодзики» и «Нихон сёки» появились в более поздний исторический период, то, возможно, для их авторов- составителей имя Сита тэру химэ, как и имя Сусаноо, могло быть чужим, что и привело к разным вариантам его фонетической фиксации.

Запись имени солнечного божества в «Нихон сёки» невольно наводит на мысль, что позже по аналогии с ним было создано в общеяпонской мифологической традиции имя Аматэрасу (см. рис. 2).

---

[1] Когосюи, 1976. С. 24.
[2] Нихон сёки, 1974. С. 135.
[3] Кодзики, 1972. С. 113.
[4] Нихон сёки, 1974. С. 135.

下照姫　→天照大御神
1　　*2*

Рис. 2. Запись имен Сита тэру химэ (1) и Аматэрасу (2)

III. Упоминание о двойном рождении богини Солнца в тексте «Нихон сёки». У богов Идзанаги и Идзанами в процессе творения мира рождается трое богов, которые впоследствии рождаются «второй раз» у бога Идзанаги во время обряда очищения после возвращения его из страны мрака. Миф о «первом рождении» этих богов представлен в двух вариантах полностью и в нескольких – модификацией имён.

Первый полный вариант[1]: «Идзанаги-но *микото* и Идзанами-но *микото* произвели на свет страну восьми великих островов с горами, реками, травами и деревьями. Почему бы не произвести правителя Поднебесной, и они породили богиню Солнца – Оохирумэ-но мути».[2] Далее в тексте идут два неполных варианта, в которых даны только разные написания одного и того же имени: «В одном источнике её называют *Ама тэрасу-но ооками*»; «В одном источнике её называют *Ама тэрасу оохирумэ-но мути*» (курсив мой – *Е. С.-Г.*). Заключение для всех трёх вариантов звучит следующим образом: «Великолепное сияние этого ребенка освещало шесть частей (север, юг, восток, запад, верх, низ), и поэтому её направили управлять Небом».[3]

Четвёртый полный вариант: «В одном источнике говорится: Идзанаги-но *микото* сказал: „Я хочу породить дорогих детей, которые будут править миром”.[4] Для этого он взял бронзовое зеркало в левую руку, и из него явилось божество *Оохирумэ-но микото.* Он взял бронзовое зеркало в правую руку, и божество, которое явилось из него, стало называться *Цукиёми-но микото.* А когда он повернул голову и взглянул искоса, явилось божество, которое назвали *Сусаноо-но микото*...» (курсив мой – *Е. С.-Г.*).[5]

Приведённые примеры позволяют, на мой взгляд, проследить процесс введения «пришлой» богини в устоявшийся мифологический

[1] «Нихон сёки» – особый тип памятника. Сюжет в нем хотя и излагается последовательно, но всякий отдельный эпизод дан в нескольких вариантах, каждый из которых начинается словами: «В одном источнике говорится...»; источники же никогда не называются. Подобных вариантов может быть от двух до 11. В полном варианте сюжет представлен целиком, а не перечислением имен или вариантом части мифа.

[2] Нихон сёки, 1974. С. 86.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 87, 88.

[5] Там же. С. 88.

пантеон. Наличие в тексте «Нихон сёки» дополнительных неполных вариантов, в целом согласующихся со структурой памятника, показывает, что включение имени Аматэрасу было явно искусственным. Более того, в третьем варианте имя представлено как слияние имен из первых двух вариантов, т.е. в это время миф не только был еще живой, но и происходило введение в его архаический слой родовой богини Аматэрасу.

Вторым рождается бог Луны Цукиёми, запись имени которого тоже имеет несколько вариантов. Это свидетельствует о древности происхождения имени и о том, что в момент фиксации миф ещё не был канонизирован. Первые два бога были светоносными, любили друг друга, и поэтому их направили управлять Небом. Третьим рождается божество Сусаноо (тоже представлены варианты имен), от рождения обладавший «злыми» функциями: он должен был отправиться управлять Подземным миром – *Нэ-но куни.*

Надо сказать, что четвертый полный вариант мифа о «первом рождении» структурно иной, он предвосхищает миф о «вторичном рождении» – единственный, который вводит Аматэрасу в последовательном мифологическом рассказе «Кодзики». Родителем богов в четвёртом полном варианте мифа «о первом рождении» и в мифе о «вторичном рождении» выступает один Идзанаги.

В четвертом варианте божества появляются из бронзового зеркала одного из основных элементов ритуального комплекса (меч, зеркало, *магатама*) японцев. Когда Идзанаги берёт зеркало в *левую* руку, рождается Оохирумэ-но мути (божество Солнца), в *правую* руку – Цукиёми (божество Луны), а когда он, повернув голову, смотрит в зеркало искоса – появляется Сусаноо.[1]

В мифе о «вторичном рождении» божества появляются у Идзанаги во время обряда омовения: из *левого* глаза – Аматэрасу, из *правого* – Цукиёми, из носа – Сусаноо.[2]

Таким образом, и в первом и в четвёртом вариантах мифа о «первом рождении» в качестве имени богини Солнца фигурирует Оохирумэ-но мути, Аматэрасу же вводится только дополнительными вариациям имени. Первый вариант мифа, видимо, наиболее древняя интерпретация возникновения богов Солнца, Луны и Подземного мира. В дальнейшем с развитием мифологического сознания, с появле-

[1] Нихон сёки, 1974. С. 88.
[2] Там же. С. 95, 96; Кодзики, 1972. С. 71.

нием понятий-оппозиций (правый/левый), создаётся второй вариант. Миф же «о вторичном рождении», будучи дальнейшим развитием мифологического комплекса известного нам как единого, «демонстрирует желание узаконить подобной интерпретацией объединение культов Аматэрасу и Сусаноо».[1] Высказанное предположение подтверждают последующие сюжеты, в которых Аматэрасу и Сусаноо выступают уже не как божества, олицетворяющие разные стихии, а как представители разных культурных комплексов. Кроме того, столь популярное в мифологиях других «земледельческих народов противопоставление Солнце/Луна, на японском материале не выявляется. Бог Луны – Цукиёми практически не участвует в последующих сюжетах, его роль исполняет Сусаноо.

Итак, приведенные доводы (I–III) свидетельствуют о том, что в менее канонизированных, чем «Кодзики», памятниках отражены два мифологических комплекса, каждый из которых имел свою богиню Солнца: «небесный» – Оохирумэ-но мути, «земной» – Сита-тэру-химэ. Существование имён у богинь доказывает, видимо, что оба комплекса обладали достаточно разветвленным мифологическим пантеоном. Более поздние модификации мифа эту «неединственность» снимали.

IV. О позднем включении Аматэрасу в уже устоявшийся синтоистский пантеон свидетельствует факт её мифического брака с Сусаноо – верховным и, вероятно, более древним божеством сложившейся мифологической системы. Этой теме в источниках посвящена целая группа мифов. Рассмотрим их структуру (список сюжетов, посвященных спору богов, сокрытию Аматэрасу в Небесном гроте, её извлечению и изгнанию Сусаноо на землю) в разных памятниках (табл. 1).

Бросается в глаза неодинаковый порядок сюжетов в разных источниках; наиболее последовательное и пространное изложение событий мы встречаем в «Кодзики», а самый древний вариант, поскольку он без мотивировок[2] – в «Когосюи».

По «Когосюи», Идзанаги и Идзанами решают, что раз мастерство Сусаноо настолько злое, что приносит лишь несчастья, то он не может оставаться среди богов и должен спуститься в Нэ-но куни (Подземный мир). Таким образом, по «Когосюи», в отличие от «Кодзики» и «Нихон сёки», Сусаноо отправляют не на землю, и не после

[1] *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. С. 34.
[2] См.: *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – С. 98.

совершения им страшных «земледельческих» преступлений, и не после сокрытия Аматэрасу в гроте, а только из-за присущих ему с момента рождения функций, т.е. практически повторяется сюжет первого варианта мифа о «первом рождении» трех божеств: Аматэрасу, Цукиёми и Сусаноо. Вероятно, авторы источников использовали одни и те же древние материалы или источники были составлены в разное время, причём «Когосюи» ранее остальных, этот памятник самый архаичный.

Таблица 1

Структура мифов в разных источниках

Сюжеты	«Кодзики»	«Нихон сёки»	«Когосюи»
1	Раздел сфер правления между тремя богами. Сусаноо недоволен.	Раздел сфер правления между тремя богами; Цукиёми недоволен и убивает богиню пищи Укэ-моти.	Идзанаги и Идзанами решают отправить Сусаноо в Нэ-но куни, так как его мастерство приносит зло. Он прощается с Аматэрасу, преподносит ей магатама; спор
2	Спор Сусаноо и Аматэрасу, обмен дарами – мифический брак, рождение детей; Сусаноо недоволен. Три преступления Сусаноо	Спор Сусаноо и Аматэрасу о сферах правления, три концепции мифического брака	Перечислены шесть преступлений Сусаноо. Аматэрасу обиделась и скрылась в Небесном гроте
3	Обида Аматэрасу, сокрытие ее в гроте, извлечение из грота, решение изгнать Сусаноо из Небесной страны	Сокрытие Аматэрасу в гроте, извлечение из грота. Преступления Сусаноо и решение изгнать его на землю	Извлечение Аматэрасу из грота
4	Последнее перед спуском на землю преступление Сусаноо – убийство богини пищи Огэцу-химэ		

Далее сюжет в «Когосюи» развивается так: перед тем как уйти из Небесной страны, Сусаноо решает проститься со своей божественной сестрой, богиней Солнца, имя которой в первом мифе «о возникновении мира» не упоминается. По пути его встречает Куси Акару-тама-но *микото* (предок рода Имубэ из Идзумо) и преподносит ему священное ожерелье из магатама, которое Сусаноо дарит Аматэрасу (в данном мифе богиня названа уже этим именем). Потом, в результате спора-соревнования между Аматэрасу и Сусаноо, у Аматэрасу из подаренных *магатама* родился Акацу-но *микото* – один из божественных предков императоров.

В этом варианте мы встречаемся с концепцией мифического брака Сусаноо и Аматэрасу при одностороннем дарении, что может свидетельствовать и о том, что Сусаноо, отдавая дар и не получив взамен равноценного дара, тем самым устанавливает своё превосходство над Аматэрасу, поскольку «идея, что дар, который не возмещен равноценным даром, ставит одаренного в унизительную и опасную для его чести, свободы и самой жизни зависимость от дарителя».[1] Подобным актом дарения Сусаноо, как божество местного культа, видимо, утверждает своё право главенства над привнесенным божеством Аматэрасу, которое претендует на верховную власть.

Эта версия, хотя и рассказанная родом Имубэ, отражает и тот факт, что Сусаноо был связан с Идзумо[2] (там он встретил Куси Акару-тама, давшего ему магатама). Возможно, в Идзумо был культ Сусаноо, а Имубэ являлись служителями этого древнего культа. Аматэрасу, «к которой отправляется Сусаноо», была божеством другой родовой группы.

Изобразим эту версию схематически:

магатама		*магатама*
Куси Акару-тама	→ Сусаноо →	Аматэрасу, Акацу-но *микото*
(предок рода Имубэ)		(предок японских императоров)
район Идзумо		

Таким образом: 1) Имубэ явились инициаторами мифического

[1] *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М.: Высш. школа, 1970. – С. 67.

[2] Идзумо – район, расположенный в центральной части острова Хонсю. Место образования древнеяпонского государства Ямато.

брака богов и (как следствие этого) появления японских императоров от богини Аматэрасу; 2) истоки японской традиции – в районе Идзумо.

Далее Аматэрасу обиделась и скрылась в гроте, но никаких преступлений Сусаноо не совершает.

Рассмотрим «несоответствия» в изложении этих сюжетов в текста «Нихон сёки» и других памятников. Начнем с сюжета о разделе сфер правления и возникшем разногласии между Аматэрасу и Сусаноо.

Во-первых, в роли Сусаноо в данном варианте «Нихон сёки» выступает Цукиёми. Спор между Цукиёми и Аматэрасу происходит из-за того, что он убивает богиню пищи Укэ-моти.

Это более естественная для мифологического мышления трактовка разногласий между богами, так как «аналогия с другими мифологиями предполагает, что бог, чьи родственные связи с солнцем, с одной стороны, супружеские, а с другой – враждебные, должен быть бог Луны и он должен выполнять три взаимосвязанные функции – мрака, бури и ночи».[1]

Во-вторых, миф об убийстве богини пищи в «Нихон сёки» является первым поводом к разногласиям между богами, а в «Кодзики» – последним преступлением перед «спуском» Сусаноо на землю.

Сюжет о последующем споре Сусаноо и Аматэрасу представлен в «Нихон сёки» в четырех вариантах с участием 11 божеств (сначала спой между Цукиёми и Аматэрасу, потом место Цукиёми занимает Сусаноо). По «Нихон сёки» (все четыре варианта) и «Кодзики», у Аматэрасу рождаются три богини, а у Сусаноо (все варианты, кроме третьего) – пять богов. Все божества, упоминаемые в «Нихон сёки», фигурируют и в тексте аналогичного мифа в «Кодзики».

Миф в третьем варианте в «Нихон сёки» и структурно, и по числу богов, и по набору их имен резко отличается от изложенных в остальных вариантах и в «Кодзики», но напоминает миф в «Когосюи». Начинается третий вариант так: «Когда Сусаноо собирался вернуться на Небо, было божество по имени Ха-акару-тама. Это божество пришло к Сусаноо и подарило ему прекрасные магатама из яшмы».[2] Далее Сусаноо подарил эти *магатама* своей божественной сестре, а она породила из них трёх богинь. Отличие от других вариан-

[1] *Aston W.G.* Shinto (the way of gods). – London–New York– Bombay: Longmans, Green, and Co., 1905. – P. 138-139.
[2] Нихон сёки, 1974. С. 108.

тов и от «Кодзики», но сходство с «Когосюи» заключается в том, что: 1) появляется божество-посредник, преподнесшее магатама, и 2) Аматэрасу производит на свет детей из магатама, а не из меча.

Во всех вариантах «Нихон сёки» Аматэрасу родила трёх богинь: Тагори-бимэ, Тагицу-бимэ (их имена упомянуты также в «Кодзики») и Итикисима-бимэ (названа в первом и четвёртом вариантах и в «Нихон сёки») или Окицусима-бимэ (во втором и четвертом вариантах).

По «Кодзики», у Аматэрасу первой рождается Такири-бимэ-но *микото*, но далее сообщается, что у неё же есть ещё имя Окицусима-химэ-но *микото*. В современном издании памятника «Кодзики» сказано, что в «Нихон сёки» данная богиня выступает под именем Тагори-бимэ.[1]

Итак, если брать за основу текст «Кодзики», то во втором и четвёртом вариантах «Нихон сёки» дважды упоминается одна и та же богиня. Но если рассматривать эти варианты «Нихон сёки» как более ранние по сравнению с «Кодзики», то в «Кодзики» мы сталкиваемся с фактом объединения функций двух богинь в одной, что встречается на довольно поздних этапах развития религиозно-мифологического мышления.

Структурное различие вариантов проявляется в концепциях мифического брака божеств и в предметах, из которых они порождали божеств.

Таблица 2

Предметы, из которых Аматэрасу и Сусаноо «рожают» богов

Божество	**«Нихон сёки», варианты**				**«Кодзики»**	**«Когосюи»**
	первый	**второй**	**третий**	**четвертый**		
Аматэрасу	Из меча Сусаноо	Из своего меча	Из магатама, полученных Сусаноо от посредника и подаренных ей	Из своего меча	Из меча Сусаноо	Из магатама, полученных Сусаноо от посредника и подаренных ей
Сусаноо	Из магатама Аматэрасу	Из своих магатама	Из своего меча	Из своих магатама	Из магатама Аматэрасу	–

[1] Кодзики, 1972. С. 77, прим. 2.

Таким образом, названы три концепции мифического брака (см. табл. 2): обоюдный обмен дарами (первый вариант; «Кодзики»); одностороннее (Сусаноо→Аматэрасу) дарение (третий вариант; «Когосюи»); заключение «брака» без обмена даров (второй и третий варианты), т.е. как бы на началах равенства.

Можно предположить, что первая и третья концепции отражают заключение союза между равноправными богами, в то время как одностороннее дарение, видимо, предполагает какую-то форму подчинения одного божества (в данном случае Аматэрасу) другому (Сусаноо). Вторая концепция «мифического брака» – видимо, наиболее ранняя трактовка отношений мифологических персонажей двух культурных традиций.

Сусаноо совершает три тягчайших «преступления», и боги решают наказать его и изгнать на землю. Оскорблённая богиня Аматэрасу скрывается в Небесном гроте.

Миф о преступлениях Сусаноо и сокрытии Аматэрасу в гроте структурно различается. В «Кодзики» он состоит как бы из двух отдельных сюжетов: преступления Сусаноо и сокрытие Аматэрасу. В пяти вариантах «Нихон сёки» два отдельных сюжета «Кодзики» объединены. Причём пятый вариант мифа выделяется порядком действий: Сусаноо, отправляясь прощаться со своей божественной сестрой после того, как боги решили изгнать его на землю за тягчайшие преступления, говорит: «Если у меня злые намерения, то у меня сейчас родятся дети женского пола и их можно отправить на землю, если же добрые, то дети мужского пола, а они должны управлять небом».[1] И он «порождает» пять богов мужского пола из своих магатама; Аматэрасу тоже использует свой меч, но остается неизвестным, рождается ли у неё кто-нибудь. Этот вариант отражает процесс длительной борьбы между Сусаноо и Аматэрасу, являющихся, вероятно, культовыми божествами разных племен.

Наиболее краткий вариант мифа опять представлен в «Когосюи», но в данном случае краткость объясняется не отсутствием мотивировок, а лаконичностью изложения. Сообщается, что Аматэрасу, обидевшись на Сусаноо, скрывается в гроте.

Таким образом, спор Сусаноо и Аматэрасу, их мифический брак-союз свидетельствуют о том, что речь идёт не о синхронных верхов-

[1] Нихон сёки, 1974. С. 120.

ных божествах разных племенных групп, а о борьбе более древнего верховного божества Сусаноо со сравнительно поздним, «вторичным» божеством. Аматэрасу с трудом (спор, борьба) вводится в пантеон небесных богов, причём на самую высокую ступень мифологической иерархии, заняв место богини Солнца – главного божества любого древнего аграрного комплекса.

Мифологический сюжет о сокрытии богини Солнца в Небесном гроте и извлечении её оттуда достаточно древен и присущ мифологическим комплексам многих народов. Исчезновение Солнца было связано с нарушением нормального течения жизни, поэтому его необходимо было вернуть. Человеку на архаической стадии было свойственно «оживление явлений природы, потому что он не мог их объяснить иначе, как действиями высших существ, обладающих теми же свойствами и чертами, что и он сам», т.е. «явление по существу не изменялось, а приобретало способность чувствовать и следовать действиям человека, как он сам бы поступил в данных условиях».[1]

Сюжет извлечения Аматэрасу из грота упоминается в «Кодзики», «Нихон сёки» и «Когосюи». Самое подробное его описание – в «Когосюи», где сюжет расширен вследствие увеличения числа участвующие богов: в это число включены божества предков родов ремесленников, в частности различных ветвей рода Имубэ. Так, в соответствующем мифе в «Когосюи» участвуют 17 божеств, тогда как в «Кодзики» лишь 8, а в норме[2] «Нихон сёки» – 7. Уже сам факт расширения сюжета в мифе об Аматэрасу показывает, что миф в момент фиксации ещё не был канонизирован. Введение в сюжет предков рода Имубэ говорит, возможно, о примирении священнослужителей культа Сусаноо с культом новой богини.

V. Верховные функции и принятие решения о покорении земли небесными богами осуществляет по «Кодзики» – Аматэрасу, по «Фудоки» – Камируми камируги, а по «Нихон сёки» (вторая часть «Эры богов») – Таками мусуби. Это свидетельствует либо об одновременном составлении источников, но на материале различных культурных традиций либо о том, что источники были составлены в разное время, причем Аматэрасу – божество позднее, искусственно введенное в ран-

[1] *Богаевскій Л.Б.* Земледѣльческая религія Аѳинъ. – Пг.: Тип-фия М.А. Александрова, 1916. – Т. I. – С. 8, 9.

[2] «Норма» – наиболее часто повторяющееся число божеств и их имена, которые должны быть упомянуты в некотором среднем по величине списке имен, варианте мифа.

ний «небесный» слой японского мифологического пантеона.

VI. Миф в момент его фиксации в разных памятниках был ещё живой, о чём говорит разная система записи одних и тех же имён в разных источниках, например имени Сусаноо (см. рис. 3).

1 *2*

Рис. 3. Трактовка иероглифической записи имени Сусаноо:
1 – по «Кодзики» (с. 71, прим. 24), *2* – по «Нихон сёки» (с. 95, прим. 2)

Существуют две трактовки имени: от названия местности Суса в провинции Идзумо и от глагола *сусабу* – «становиться свирепым, яростным». Смысл имени сохраняется, но запись его разная, ибо последняя была не так важна, как звучание (имя долго существовало в устной традиции). Автор-составитель был, очевидно, представителем иной культурной традиции, и ему были чужды и имя божества (Сусаноо), и его функции. К записи имен относились так же, как к записи топонимов, когда «знаками *манъёгана* писцы заносили те топонимы, значение которых им было непонятно».[1] Аналогично и в имени бога значимая часть *суса* обозначена фонетическими иероглифами.

Имя богини Аматэрасу, которое должно было быть не менее древним, чем имя Сусаноо, и тоже сохраняться в устной традиции, всегда и везде записывается и трактуется одинаково.

Итак, по́зднее включение Аматэрасу в ранний слой японского пантеона подтверждают следующие соображения:

— «неединственность» богини Солнца, причем у каждого комплекса «земного» и «небесного» была своя богиня Солнца;

— структура изложения сюжетов о двойном рождении богини Аматэрасу в тексте «Нихон сёки», демонстрирующая искусственное введение её в архаический слой японского мифологического пантеона;

— факт мифического брака Сусаноо и Аматэрасу. Ситуация включения Аматэрасу в цикл мифов о Сусаноо, вероятнее всего, следствие победы одного племени над другим, что, естественно, требовало уравнения «пришлого» божества с популярнейшим местным архаичным божеством;

— принцип записи имени. Имя Аматэрасу, например, во всех источниках записано одинаково, а имя Сусаноо – по-разному, т.е. для

[1] *Попов К.А.* Некоторые вопросы топонимики Харима-но куни // Топонимика Востока. – М.: ГРВЛ, 1969. – С. 73.

авторов-составителей первое было близким и понятным по значению, второе – нет;

— осуществление функций верховного божества то богиней Аматэрасу, то другими богами.

Все приведённые соображения свидетельствуют либо о разном времени составления источников, либо о разных культурных традициях, отраженных в них.

Источники и использованная литература:

Источники:

1. Древние фудоки / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, 1969. – 340 с.
2. Идзумо фудоки / Пер. К.А. Попова. – М.: Наука, 1966. – 222 с.
3. Kogoshūi: Gleanings from Ancient Stories. – Tokyo: Curzon Press, 1972. – 120 p.
4. Kojiki / Transl. D.L. Philippi. – Tokyo: Tokyo University Press, 1969. – 655 p.
5. Kojiki / Transl. B.H. Chamberlain. – Tokyo: Charles E. Tuttle Co., 1982. – 445 p.
6. Nihongi / Transl. W.G. Aston. – Tokyo: C.E. Tuttle Co., 1975. – 443 p.
7. Когосюи. Такахаси удзи буми 古語拾遺。高橋氏文 (Сер. Синдзэн нихон котэн бунко 新撰日本古典文庫 4). – Токио 東京: Гэндай ситэ̄-ся 現代思潮社, 1976. – 398 с.
8. Кодзики. Норито 古事記。祝詞 (Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系、第 1). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1972. – 463 с.
9. Фудоки 風土記 (Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系、第2). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1972. – 529 с.
10. Нихон сёки 日本書記 (Сер. Нихон котэн бунгаку тайкэй 日本古典文学大系 67). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1974. – Т. 1. – 654 с.
11. Сэндай кудзи хонги 先代舊事本紀 // Кодзики, Сэндай кудзи хонги, Синтō гобусё 古事記・先代旧事本紀・神道五部書 (Сер. Синтэй дзōхо кокуси тайкэй 新訂増補國史大系). – Токио 東京: Дзэнсю̄ сōсё 全集叢書, 1936. – Т. 7. – 373 с.

Общая и специальная литература:

12. *Богаевскій Л.Б.* Земледѣльческая религія Аѳинъ. – Пг.: Тип-фия М.А. Александрова, 1916. – Т. I. – VIII, 240 с.
13. *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. – М.: Высш. шк., 1970. – 224 с.
14. *Иофан Н.А.* Культура древней Японии. – М.: Наука, 1974. – 261 с.
15. *Кэндзо Тангэ.* Архитектура Японии. – М.: Прогресс, 1975. – 239 с.
16. *Леви-Строс К.* Структура мифа // Вопросы философии. – 1970. – № 7. – С. 152-164.
17. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа. – М.: [б. и.], 1930. – 268 с.
18. *Лотман Ю.М.*, *Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. – 1973. – Вып. VI. – С. 282-303.
19. *Невский Н.А.* Культовая поэзия древней Японии (VI–VIII вв.) // Восток. Сб. 1-й: Литература Китая и Японии. – М.-Л.: Academia, 1935. – С. 15-30.
20. *Попов К.А.* Некоторые вопросы топонимики Харима-но куни // Топонимика Востока. – М.: ГРВЛ, 1969. – С. 71-87.

21. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – 330 с.
22. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Японская национальная историография по проблеме реконструкции мифа // Восточная литература древности и средневековья в современных зарубежных исследованиях. – М.: ИНИОН АН СССР, 1982. – С. 119-130.
23. *Симонова-Гудзенко Е.К.* Японский миф и его роль в древней истории Японии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1979. – 22 с.
24. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. – М.-Л.: ОГИЗ, 1931. – Т. 1. – 336 с.
25. *Aston W.G.* Shinto (the way of gods). – London–New York– Bombay: Longmans, Green, and Co., 1905. – II, 390 p.
26. *Мисина Акахидэ* 三品 彰英. Нихон синва рон 日本神話論 (Теория японской мифологии) // Нихон рэкиси 日本歴史 (История Японии). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1964. – Т. 2. – 396, 15 с.

Simonova-Gudzenko E.K

On appearance of goddess Amaterasu in Japanese pantheon: formation of patron deity's cult of Yamato dynasty

The article analyzes the process of formation of the cult of the goddess Amaterasu based on the analysis of ancient legends recorded in Japanese sources. The existence of two cultural complexes involved in the creation of Japanese mythology has been established. The inclusion of the goddess Amaterasu, the supreme goddess of the imperial family, into the mythological pantheon occurs precisely at the stage of combining the mythological systems of several ethnic groups, and she is introduced into the unchanging archaic part, since the greatest antiquity also meant a high status.

Keywords: ancient Japan; myth; Yamato; two religious complex; Sun deity; Oohirume-muchi; Shita-teru-hime; Ama-terasu; Susanowo; shintō.

Simonova-Gudzenko Ekaterina Kirillovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University (*Russia*, Moscow, Mohovaya st., 11).
E-mail: eksimonova@mail.ru.

УДК 340.140, 340.152, 94 (520).01

Бакшеев Е.С.

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА ПЕРИОДОВ *ЯЁЙ* И *КОФУН* И ПРОЦЕСС ПОЛИТОГЕНЕЗА И ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ЯПОНИИ

В статье анализируются типы бронзовых зеркал (китайских, корейских и японских) и их бытование в Японии периодов *яёй* 弥生時代 (около V в. до н.э. – сер. III в. н.э.) и *кофун* 古墳時代 (сер. III в. н.э. – сер. VI в. / нач. VII в. н.э.). Бронзовые зеркала рассматриваются и как погребальный инвентарь «царских могил» правителей *политий* («общин–государств» *куни* 国) Северного Кюсю и элитных курганных захоронений *кофун* в Кинай (о. Хонсю), и как «предметы престижа» в «престижном обществе» *яёй* и *кофун*. Прослеживается, как бронзовые зеркала из ценных экзотических импортных предметов роскоши в рамках китаецентрической «даннической системы» и в процессе политогенеза и формирования ранней японской государственности трансформировались в символ культа, престижа, статуса и власти в древней Японии, а в итоге – в синтоистскую реликвию и в важнейшую из регалий японских императоров.

Ключевые слова: бронзовые зеркала; древняя Япония; *яёй*; *кофун*; «предметы престижа»; символ культа, престижа, статуса и власти; «общины–государства» *куни* 国; социальная стратификация; политогенез; формирование японской государственности; синтоистская реликвия; регалия японских императоров.

Зеркало как культурный феномен занимает особое место в истории человечества. У его древней ипостаси, бронзового зеркала (его двух основных видов – с вертикальной ручкой, прикрепленной снизу, и круглого с «петлёй» на обратной стороне), длинная и богатая история. К бронзовому веку (ок. IV – I тыс. до н.э.) зеркала изготавливали в различных регионах Ойкумены из меди, бронзы или серебра. Зеркала (с ручкой) из полированной меди делали в Месопотамии ок. 4000 г. до н.э., а в древнем Египте – ок. 3000 г. до н.э.

(1) Бронзовые зеркала в древнем Китае

Древний Китай известен своей развитой культурой бронзовых изделий, в т. ч. ритуальных. Бронзовые зеркала[1] занимали среди них

Бакшеев Евгений Сергеевич – кандидат культурологии, консультант Нового института культурологии (*Россия*, г. Москва, ул. Васильевская, д. 13, стр. 1).
E-mail: e.baksheev@yandex.ru.

важное, но отнюдь не главное, место.[1] Самые древние бронзовые зеркала (круглые) в Китае[2] относились к культуре *Цицзя*.[3] При этом до периода Сражающихся царств 戰國時代 (475-221 гг. до н.э.) бронзовые зеркала были немногочисленны.[4] В период Сражающихся царств, когда культура бронз, таких как ритуальные сосуды, в целом испытывала упадок[5], производство бронзовых зеркал, напротив, возросло, они

---

[1] В древнем Китае имелись оба основных вида бронзовых зеркал – с вертикальной ручкой, прикрепленной снизу, и круглое с «петлёй» («ушком») на обратной стороне. Зеркала первого вида использовались как бытовые предметы, второго – также и как ритуальные. Большинство «круглых» зеркал (с «ушком») действительно имели сферическую форму, но встречались и квадратные, и в форме октаэдра. Китайская традиция была воспринята и в Японии (например, *экагами* 柄鏡 – традиционное зеркало с ручкой, ставшее популярным в эпоху Муромати, 1336–1573 гг.). В этой статье речь пойдет о «круглых» бронзовых зеркалах, как о наиболее выдающемся социокультурном феномене.

[1] Напротив, в Японии именно бронзовые зеркала, в итоге, заняли главное место среди бронз. С другой стороны, например, во Вьетнаме бронзовые зеркала не имели такого широкого распространения как в Китае или Корее, не говоря уж о Японии; это объясняется тем, что во Вьетнаме они не имели такого ритуального значения как в странах Восточной Азии (*Lapteff Sergey*. A Comparison of Technological Characteristics of Ancient Bronze Mirrors in China, Korea, Japan, and South Siberia // Historia scientiarum. – 2008. – Vol. 17-3. – P. 249). Действительно, магико-религиозное и ритуально-церемониальное значение бронзовых зеркал в Корее и, особенно, в Японии могло подпитываться проникшими туда (в Японию через Корейский п-ов) шаманистическими верованиями Северо-Восточной Азии.

[2] См.: *Cahill Suzanne*. All is contained in its reflection: A History of Chinese bronze mirrors // Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors / Ed. by Lothar von Falkenhausen, Suzanne Cahill. Vol. I: Catalogue. – Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. – P. 27, 29; *Li Jaang*. Long-Distance Interactions as Reflected in the Earliest Chinese Bronze Mirrors // Ibid. Vol. II: Studies. 2011. P. 34-49.

[3] Культура *Цицзя* (齊家文化, 2200-1600 гг. до н.э.) развилась в верховьях реки Хуанхэ (запад совр. пров. Ганьсу и восток пров. Цинхай). Её относят к позднему неолиту или же к первому этапу раннего бронзового века. Считается, что в этот исторический регион (Верхняя Хуанхэ) технологии бронзового литья пришли из Южной Сибири (История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10-ти тт. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н.э. / Гл. ред.: С.Л. Тихвинский; отв. ред.: А.П. Деревянко. – М.: Наука, 2016. – С. 411).

[4] Таких зеркал найдено всего ок. 20 шт.

[5] При этом, в это время в Китае бронзолитейные технологии и художественное мастерство ремесленников и мастеров-литейщиков достигли высочайшего уровня. Для производства зеркал использовалась та же технология, что и для бронзовых ритуальных сосудов. (*Cahill S.* All is contained in its reflection: A History of Chinese bronze mirrors. P. 20). В технологическом плане зеркала эпох Хань и Тан были самыми совершенными; после Тан их качество снижалось, а количество уменьшалось, но они оста-

Илл. 1. Лакированная шкатулка, шелковый мешочек для пудры (IV-VI вв. н.э.), шерстяная пуховка, шелковый футляр для бронзового зеркала (III в. н.э.), зеркало (диам. 7,6 *см*, вес 90 *г*; Поздняя Хань, 25-220 гг. н.э.) с благопожелательной надписью 長宜子孫 (кит. *чан и цзысун* – «Долгие лета твоим детям и внукам!»; такая же надпись на футляре)[1]

стали популярны. Однако, только в эпоху Хань (202 г. до н. э. – 220 г. н.э.) их стали изготавливать[2] в массовом порядке и со стандартными типами дизайна (включая т. н. зеркала с орнаментом в форме букв

вались популярными в течение всей эпохи Сун. Затем бронзовые зеркала постепенно теряли свою популярность; их производство прекратилось после появления зеркал европейского типа во времена династий Мин и Цин.

[1] Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors / Ed. by Lothar von Falkenhausen, Suzanne Cahill. Vol. I: Catalogue. – Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. – Plates 66-67.

[2] В период Хань химический состав зеркал в среднем был таким: медь 71%, олово 26%, свинец 3%, а также незначительное количество цинка. Такое относительно высокое содержание олова давало твердую и гладкую поверхность серого или белесого цвета, которая при тщательной полировке прекрасно подходила для отражения (*Cahill S.* Op. cit. P. 20).

TLV и с четырьмя мифическими животными-божествами, яп. *хōкаку-кику сисинкē* 方格規矩四神鏡) – именно в эту эпоху производство бронзовых зеркал достигло своего максимума. Государственные бронзолитейные мастерские (при Ранней Хань в г. Чанъань) снабжали императорский двор[1] и правительство, а частные мастерские продавали свою продукцию на рынке.

Бронзовые зеркала ханьского времени[2] часто находят в захоронениях того времени. Так, почти во всех захоронениях эпохи Поздняя Хань (25-220 гг. н.э.) были обнаружены бронзовые зеркала. При этом, в отличие от Японии (захоронения периодов *яёй* и *кофун*), в Китае в захоронениях их полагали в небольшом количестве: обычно, по 1-2 шт. на одного погребенного. Всего археологами было обнаружено 1165 ханьских зеркал и только 130 доханьских. В эпоху Хань бронзовые зеркала использовались и как бытовые (туалетные) принадлежности[3] (см. илл. 1), и как ритуальные объекты с символическим значением; в их декоре и символике отчётливо проявляется сильное влияние даосизма.[4]

Исследователи также отмечают, что в раннем имперском Китае вручение даров от имени государства было важнейшей официальной функцией императора. В частности, в системе даннических отношений в Восточной Азии дипломатические дары от имени китайского императора правителям тех народов, которые поддерживали официальные отношения, например, с ханьским двором, играли важную роль.[5] При этом, среди таких даров особое место занимали бронзовые

---

[1] В принципе, в то время (примерно с 110 г. до н.э.) производство бронзовых изделий официально было монополией императора.

[2] Обычно, это небольшие зеркала диаметром ок. 15 *см* и толщиной 0,5 *см*.

[3] См. также: *Бакшеев Е.С*. Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун* (вместо комментария к статье С.В. Лаптева) // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 223, фотография № 1.

[4] Там же. С. 223, фотография № 2.

[5] Государства и *политии* (протогосударственные образования), которые входили в китаецентричную данническую систему, подражали гегемону: так, королевский двор Пэкче пытался поддерживать дружественные отношения с соседними *политиями*, одаривая их элиты драгоценными украшениями (см.: *Kim Minkoo*. Collective action and leadership strategies in the Mahan polities: An examination of grave goods from Bogam-ri Tomb, Naju, Korea // Archaeological Research in Asia. – 2020. – Vol. 23. – P. 13). То же в

зеркала. Например, ханьские зеркала были широко распространены за пределами Китая[1] – гораздо шире, чем другие китайские бронзовые изделия той эпохи.[2]

Пожалование ценного дара от имени императором как «демонстрация щедрости» имело своей целью установить прочные отношения между дарителем и одаряемым и, тем самым, сделать последнего зависимым, подчинить его своей власти. Китайские императоры своими богатыми дарами (бронзовые зеркала, роскошные шелковые ткани и пр.)[3] несомненно стремились произвести впечатление на одаряемого правителя и его народ, чтобы показать своё превосходство и, в то же время, продемонстрировать свою милость.[4]

(2) Бронзовые зеркала в **древней Корее**[5]

«Бронзовые зеркала с несколькими ушками» 多紐鏡[6] и простым геометрическим узором появились в северном поясе континентальной

Японии, где местные «гегемоны» (Яматай-*коку* при *яёй* или Ямато при *кофун*) одаривали правителей мелких *политий* бронзовыми зеркалами.

[1] См. в настоящем сборнике статью: *Ханов С.А.* Китайские бронзовые зеркала в древней Ев- разии и история их изучения в России. – Вступительная статья и библиографический список.

[2] Разумеется, бронзовые зеркала выступали не только в качестве объектов дарения, но и в виде товаров.

[3] С.В. Лаптев, рассматривая культово-политическое значение нефрита в Китае, которое имело определённое место и в Японии, указывает, что в захоронении Сугу-Окамото и в могиле правителя в Мигумо 三雲 (период *яёй*, Кю̄сю̄) найдены «кольцевидные» украшения, подобные китайским нефритовым и стеклянным дискам *би* 璧; эти украшения могли быть пожалованием (даром) китайского императора местному японскому правителю из Мигумо или же подражанием таким ценным дарам (*Лаптев С.В.* Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. уни-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 198-99). Можно предположить, что такие круглые диски *би*, являясь ценными и престижными импортными предметами, не только походили по форме на бронзовые зеркала, но, в некотором смысле, предвосхищали их роль и ритуальное значение.

[4] См. ниже указ императора Вэй к Химико, правительнице Яматай-*коку*.

[5] Об этом также см.: *Horlyck Charlotte*. Mirrors in Early Korea // Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors / Ed. by Lothar von Falkenhausen, Suzanne Cahill. Vol. II: Studies. – Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. – P. 120-129.

[6] Обычно с двумя (или тремя) «ушками»; они расположены в ряд в верхней части (обратной стороны зеркала) (см. илл. 2 и 3), в отличие от китайских зеркал, у которых единственное «ушко» («кнопка») расположена в центре.

Илл. 2. Бронзовые зеркало типа *татӯсомонкӗ*, 多紐粗紋鏡 [1]
(«зеркало с несколькими ушками и грубым узором»,
время периода Весен и осеней, VIII–VII вв. до н.э.)

Восточной Азии (в северо-восточном Китае и юго-восточной Манчжурии [2]) [3] примерно в VIII в. до н.э. [4] Там же сформировался т.н.

[1] Здесь и в других китайских и японских названиях бронзовых зеркал в значении «узор; рисунок; декор» используется как знак 文, так и 紋.

[2] Современные провинция Ляонин 遼寧省/辽宁省 и автономный район Внутренняя Монголия 内蒙古自治区.

[3] Примерно в то же время такие зеркала также появились в Приморье (около г. Хабаровск) (*Lapteff Sergey*. A Comparison of Technological Characteristics of Ancient Bronze Mirrors in China, Korea, Japan, and South Siberia. P. 246).

[4] Период раннего бронзового века в Корее.

бронзовый кинжал (короткий меч) ляонинского типа 遼寧式銅剣 (иначе, скрипковидный, или *пипа*-образный).

Илл. 3. Корейское бронзовые зеркало типа *татю̄саймонкё̄,* 多鈕細文鏡 («зеркало с несколькими ушками и тонким узором») с пам. Ёситакэ-Такаги 吉武高木遺跡 (период *яёй*; г. Фукуока, о. Кю̄сю̄).

Исследователи считают, что на Корейском полуострове изготовление бронзовых зеркал местного типа началось не позднее IV в. до н.э.; их выделка и своеобразная иконография указывают на зрелую и устойчивую местную традицию их производства и использования.[1] Действительно, «бронзовый пакет» (зеркала с несколькими ушками и

[1] *Horlyck Ch*. Mirrors in Early Korea. P. 120.

кинжалы ляонинского типа) распространился на Корейский полуостров[1], где под влиянием таких зеркал в V / III в. до н.э. оформились оригинальные «зеркала с несколькими ушками и грубым узором» *матю̄сомонкё̄* 多紐粗文鏡 (см. илл. 2). Эти зеркала демонстрируют культурные связи Корейского полуострова со степями северо-восточной Азии II – начала I тыс. до н.э.[2]

Одновременно, начиная с конца IV – начала III вв. до н.э. (т.е. ближе к периоду железа) на всем протяжении этого пояса от Южной Маньчжурии до Южной Кореи скрипковидные кинжалы (ляонинского типа) трансформируются в т.н. «узкие» кинжалы[3] (с узким, почти прямым лезвием).[4] Затем, ко II в. до н.э. в Корее «зеркала с грубым узором» трансформировались в «зеркала с несколькими ушками и тонким узором» *матю̄саймонкё̄* 多鈕細文鏡 [5] (см. илл. 3). Зеркала этого типа примерно во II в. до н.э. почти одновременно проникли на самый юг Корейского полуострова, на острова Цусимского пролива 対馬海峡 [6] и на Северный Кю̄сю̄. Таким образом, корейские «зеркала с несколькими ушками и тонким узором» *матю̄саймонкё̄* были первыми бронзовыми зеркалами, которые попали в Японию.[7] Итак, корейские зеркала попали на Северный Кю̄сю̄ в первой половине среднего *яёй*; на пам. Уки-Кундэн 宇木汲田遺跡 12 号甕棺墓 (урновое захоронение № 12; г. Карацу) и пам. Ёситакэ-Такаги 吉武遺跡群高木遺跡 3 号 木棺

[1] Именно бронзовые кинжалы такого типа и бронзовые зеркала являются характерными артефактами этого периода 琵琶 *типа* (прототип японской *бива*) – китайский струнный музыкальный инструмент из семейства лютневых.

[2] *Moyer Alexandra Caroline*. Deep Reflection: An Archaeological Analysis of Mirrors in Iron Age Eurasia. – Dissertation … degree of doctor of philosophy. – Minnesota: University of Minnesota, 2012. – P. 201.

[3] Именно такие «узкие» мечи (в японской номенклатуре тип 細形銅剣 *хосогата дōкэн*) попали на Японские о-ва (например, бронзовые мечи из «царских» захоронений на пам. Ёсиногари, Сев. Кю̄сю̄ (см. об этом статью Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике. С. 260-262, 265, илл. 7, 8 а, 8 б и 11).

[4] *Тихонов В.М.*, *Кан Мангиль*. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41). – М.: Наталис, 2011. – С. 50.

[5] Иначе, 粗文鏡 и 精文鏡 соответственно.

[6] Восточный проход Корейского пролива между о. Цусима и о. Ики.

[7] См.: *Lapteff S.* A Comparison of Technological Characteristics of Ancient Bronze Mirrors in China, Korea, Japan, and South Siberia. P. 246; *Horlyck Ch.* Mirrors in Early Korea. P. 120-129; *Moyer A.C.* Deep reflection: An Archaeological analysis of mirrors in Iron Age Eurasia. P. 198-203.

墓 (захоронение № 3 с деревянным гробом; г. Фукуока) было найдено более 10-ти таких зеркал, но уже со второй половины среднего *яёй* их сменили раннеханьские зеркала.

На Корейском полуострове бронзовые зеркала (местного типа) впервые появились в погребениях бронзового века (начало I тыс. до н.э. — IV–III вв. до н. э.). До III в. н.э. они были важным компонентом сопроводительного инвентаря элитных захоронений[1], но в целом их было гораздо меньше (особенно китайских зеркал), чем на Японских островах. На юге Корейского полуострова китайские зеркала появились ок. I в. до н.э., т.е. примерно в то же время, что и в Японии. Во времена развитой культуры железа[2] на Корейском полуострове присутствовало несколько видов зеркал: наиболее ценные и редкие китайские зеркала, которые укладывались в погребения богатых и знатных людей; копии китайских зеркал корейского производства, характеризовавшиеся более низким качеством металла и относительной дешевизной, по сравнению с китайскими оригинальными зеркалами; собственно корейские зеркала, наиболее доступные для населения.

(3) Бронзовые изделия[3] и бронзовые зеркала[4] в древней Японии: политическая экономика и идеология

Начало периода *яёй* археологически совпадает с прибытием на Сев. Кюсю с Корейского полуострова носителей заливного рисоводства, принадлежавших к культуре *сонгунни*.[5] Культура *сонгунни* сло-

---

[1] Сообщается, что в Корее бронзовые зеркала продолжали включать в состав погребального инвентаря элитных захоронений до конца XIII в. (*Moyer A.C.* Deep reflection: An Archaeological analysis of mirrors in Iron Age Eurasia. P. 198).

[2] IV–III вв. до н. э. — наступление эпохи раннего железа на Корейском п-ове — решающий этап в процессе перехода к раннеклассовому обществу. Рубеж II–I вв. до н. э. — распространение железа до самого юга полуострова (*Тихонов В.М.*, *Кан Мангиль*. История Кореи. С. 499).

[3] О культах и культуре бронз периода *яёй* и *кофун* подробнее см. статью Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике, а также: *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй // Вещь в японской культуре. – М.: Восточная лит-ра, 2003. – С. 28-59.

[4] О бронзовых зеркалах в древней Японии см.: *Лаптев С.В.* Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. // Японские древности. Вып. 1-й. С. 181-221; *Бакшеев Е.С.* Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун* (вместо комментария к статье С.В. Лаптева) // Там же. С. 222-243.

[5] По названию памятника (송국리 유적 / 松菊里 遺蹟 Songguk-ni / Songguk-ri) периода

жилась в X–IX вв. до н.э. на юго-западе Корейского полуострова (в бассейне реки Кымган); потомками её носителей были общины («малые государства»), входившие в ранний союз Махан, где в период поздний *мумун* (400 г. до н.э. – 50 г. н.э.) проходила революционная социо-культурная трансформация. Культура *сонгунни* бурно развивалась ещё в VIII–VI вв. до н.э.: быстрый рост населения, интенсивное сельское хозяйство, включая, заливное рисоводство[1], производство бронз, появление социальной стратификации. К VII–VI вв. до н.э. она распространилась на все регионы юго-восточной Кореи и шагнула в Корейский пролив на о. Чеджу 濟州 / 济州 и даже за море: примерно в VI в. до н.э. она достигла берегов Сев. Кюсю.[2] Самое раннее поселение (с окружающим его рвом) периода *яёй*, обнаруженное на Сев. Кюсю на побережье моря Гэнкай (玄界灘 *яп*. Гэнкай-нада), находится на памятнике Эцудзи 江辻遺跡 (Касуя-тё, преф. Фукуока), и демонстрирует элементы культуры *сонгунни.*

Японские учёные считают, что две континентальные бронзолитейные традиции были источником поступления бронзы в Японию. Одна проистекает из бронз, в частности, бронзового оружия династии Шан 商朝 (1600–1046 гг. до н.э.); вторая – это северо-восточная традиция, испытавшая сильное влияние скифских бронз, развивавшихся в северных степях Восточной Азии. При этом бронзовый век Кореи явился этапом продвижения этой степной традиции на восток; её ассортимент существенно отличается от бронз Чжоу и Хань, наследников Шан. Бронзы периода *яёй* – сочетание обеих традиций, но технологии производства бронзовых изделий были заимствованы не из Китая, а из Кореи (корейских *политий*), поскольку они базировались на производстве обоюдоострых мечей на Корейском полуострове в двухкамерных каменных литейных формах. Трансфер технологий произо-

среднего и позднего *мумун* (ок. 850-300 гг. до н.э.) в пров. Чхунчхон-Намдо 충청남도 / 忠清南道 (Юж. Корея). Период *мумун* 無文土器時代 – букв. «период гладкой (неорнаментированной) керамики» (1500-300 гг. до н.э.).

[1] В этом регионе (юго-восток Корейского п-ова) сельское хозяйство (растениеводство – рис и другие зерновые) началось ок. 1500 лет до н.э.; около 200 г. н.э. оно значительно интенсифицировалось (*Kim Minkoo*. Collective action and leadership strategies in the Mahan polities: An examination of grave goods from Bogam-ri Tomb, Naju, Korea. P. 2).

[2] *Song-nai Rhee*, *Aikens C. Melvin*, *Barnes Gina L.* Archaeology and history of Toraijin: Human, technological, and cultural flow from the Korean Peninsula to the Japanese Archipelago c. 800 BC–AD 600. – Summertown, Oxford: Archaeopress, 2022. – P. 46-47, 51. Японские археологи ранее приняли V в. до н.э. за стандартную дату начала эпохи *яёй* (Ibid. P. 46).

шёл в конце раннего *яёй* (ок. II в. до н.э.), очевидно, с юго-запада Корейского полуострова, о чём свидетельствует концентрация форм для отливки бронз в провинциях Чхунчхон-Намдо 충청남도 / 忠清南道 и Чолладо 전라도 / 全羅道, обращенных к Желтому морю.[1]

Китайская культура постепенно проникала из округа Лэлан, основанного в 108 г. до н.э., в центральную и южную Корею – на территорию трёх союзов («конфедераций») Самхан 三韓 : Махан 馬韓 [2], Чинхан 辰韓 и Пёнхан 弁韓) и на Японские острова (остров Кю̄сю̄). На археологических памятниках Сев. Кю̄сю̄ периода *яёй* было обнаружено большое количество артефактов, в том числе бронзовых изделий, произведенных в Лэлан, что свидетельствует о том, что в то время между Лэлан и Японией были проложены торговые пути через западное и южное побережье Корейского полуострова.[3]

Поток китайского импорта на Сев. Кю̄сю̄ был на пике в течение нескольких веков на рубеже эр; в элитные захоронения (в цистах и урнах) полагались китайские и корейские бронзы: ханьские зеркала, клевцы, наконечники копий и однолезвийные мечи, а также корейские двулезвийные (обоюдоострые) мечи и – очень редко – корейские «зеркала с несколькими ушками и тонким узором» *тат̄юсаймонкё̄* и небольшие корейские колокольцы.[4]

Многие импортные бронзы непосредственно полагались в индивидуальные захоронения на Сев. Кю̄сю̄, но другие переплавлялись в местные версии оружия, например, в широколезвийные ритуально-церемониальные мечи.[5] Такие мечи, по мнению японских археологов, стали одним из символов вождеского статуса в Западном Сэто (Сев. Кю̄сю̄, о. Сикоку и западная оконечность о. Хонсю); похоже, они яв-

[1] По: *Barnes Gina L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge – Taylor & Francis Group, 2007. – P. 61.

[2] Махан был самым мощным союзом, который в различные периоды объединял от 12 до 60 общин («малых государств»). Его территория охватывала площадь нынешних провинций – Чхунчхон и Чолла, откуда в конце раннего *яёй* произошел трансфер бронзолитейных технологий на Японские о-ва. Со временем эти три племенные союза превратились в государства – Пэкче, Силла и Кая. В начале I тыс. н.э. на территории Махан стало возвышаться одно из «малых государств» – Пэкче. К концу III в. н.э. Пэкче покорило все общины, входившие в союз Махан.

[3] Dictionary of Korean archaeology / Ed. by Choi In Hwa. – Daejeon: National research institute of cultural heritage, 2017. – P. 698.

[4] *Barnes Gina L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 62.

[5] См. илл. 9 в статье Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике на С. 262.

лялись более внушительными символами власти, чем импортные боевые мечи.[1]

В Японии в период от среднего *яёй* 弥生時代中期 (II в. до н.э. – I в. н.э.) до конца раннего *кофун* 古墳時代初期 (ранний курганный период; середина III – конец IV вв. н.э.) бронзовые зеркала получили чрезвычайно широкое распространение, как по их доле в составе всего бронзового инвентаря, так и по абсолютному количеству, сопоставимому с числом бронзовых зеркал в Китае, откуда они и проникли в Японию.[2] Таким образом, в Японии импорт китайских бронзовых зеркал захватил части двух периодов – и *яёй*, и *кофун*.[3] Считается, что первые бронзовые изделия попали в Японию с континента (точнее, с Корейского п-ова) в III в. до н.э., а железо — в I в. до н.э. – I в. н.э.; изделия из этих металлов использовались одновременно, но в разных целях.[4]

Как пишет С.В. Лаптев, появление инвентаря китайского происхождения в Японии связывается с образованием округа («китайской культурной провинции») Лэлан 樂浪 на севере Корейского полуострова в 108 г. до н.э. Импорт зеркал на Японские острова начался во второй половине II в. до н.э. (период средний *яёй*, что соответствует эпохе Ранняя Хань) и продолжался до конца периода *яёй* (середина III в. н.э.); он имел значительный масштаб. Проникновение китайских бронз, в первую очередь зеркал, а также мечей и монет начинается на остров Кюсю, а через него и далее в на о. Сикоку и в глубинные районы архипелага (о. Хонсю). Зеркала постепенно распространяются и в регион Кинай (там находят также зеркала корейского производства), и дальше на восток. Зеркала корейского производства типа *татюсай-монкё* 多鈕細文鏡 вначале проникли в первой половине среднего *яёй* на острова Цусимского пролива 対馬海峡 и на Сев. Кюсю; затем через некоторое время распространились по очень широкой зоне на острове Хонсю – до региона Тюбу (преф. Нагано).[5]

---

[1] Там же.

[2] *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 181.

[3] При этом, ханьские зеркала из урновых захоронений Сев. Кюсю стали важным указателем для японских археологов при датировке эпохи *яёй* уже в начале XX в.

[4] См. об этом статью Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике. С. 251-252.

[5] См.: *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй* // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифо-

Археологи определили, что технология изготовления зеркал типа *татюсаймонкэ̄* 多鈕細文鏡 («зеркала с несколькими ушками и тонким узором»), найденных в Корее (в бассейне реки Кымган) и в Японии, схожа; весьма вероятно, что на архипелаг были импортированы зеркала, произведенные на Корейском полуострове. Однако, у многих экземпляров таких зеркал с Корейского полуострова отверстия «ушек» («ручек») явно изношены, что указывает на то, что они использовались в подвешенном состоянии[1], в то время, как по образцам с Японских островов нельзя судить о том, что их подвешивали. Кроме того, большинство зеркал этого типа на Корейском полуострове были положены в захоронения, в то время как на архипелаге немало случаев, когда они были закопаны в виде «кладов». Считается, что эти различия отражают разницу в характере и роли, которую играли такие зеркала в культуре двух стран.

Поскольку бронзовые зеркала изготовлялись также в Японии по китайским образцам китайскими или японскими ремесленниками, имеется определённая сложность в определении места, где они были на самом деле изготовлены. Кроме того, достаточно сложно определить и время, когда зеркала, изготовленные в Китае, были привезены в Японию, поскольку они могли использоваться в течение длительного времени прежде, чем быть захороненными вместе с последним владельцем: к примеру, в курганах, возводившихся в период *кофун* (сер. III в. – сер. VI в. / нач. VII в.), находят зеркала, датируемые раннеханьским временем (前漢 206 г. до н.э. – 9 г. н.э.).[2]

логия, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 177, 179.

[1] Некоторые зеркала такого типа были найдены с остатками шнуров в отверстиях их «ушек», что явно указывает на то, что зеркала подвешивались, как и маленькие китайские зеркала. Этнографические описания народов Маньчжурии, Сибири и Кореи сообщают о шаманах, которые прикрепляли зеркала к своей одежде; исследователи предполагают, что в древности зеркала могли использоваться таким же образом (*Moyer A.C.* Deep reflection: An Archaeological analysis of mirrors in Iron Age Eurasia. P. 201). В Китае бронзовые зеркала в качестве оберегов также подвешивали к краям крыш жилых зданий, дворцов и храмов, на стены комнат. А в японском мифе о богине Аматэрасу бронзовое зеркало подвешивают на «шаманское дерево». Как показывает скульптура *ханива* (поздний *кофун*, V–VI вв. н.э.), оригинальные японские зеркала с бубенцами 鈴鏡 жрицы *мико* закрепляли на поясе (см. илл. 22).

[2] *Лаптев С.В.* Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 181.

Китайские бронзовые зеркала и японские подражания им (т. н. *бōсэйкē* 仿製鏡 *букв*. «подражательные зеркала»[1])[2] играли чрезвычайно важную роль в обществе элит Японских островов до IV в. н.э. (период ранний *кофун*)[3]; эта роль, изменившись, во многом сохранилась и в последующие эпохи. Эти зеркала, вначале воспринятые местными элитами как экзотические импортные предметы роскоши, имели значительную ценность и выступали как символы богатства, престижа, статуса и власти; их передавали по наследству как родовые реликвии и полагали в элитные захоронения вместе с их владельцами.

Итак, в Японии бронзовые зеркала бытовали и в период *яёй*, и в период *кофун*, но их типы и социальные функции были различными. Эти отличия позволяют проследить процесс изменения японского общества и культуры, а также формирования японской государственности. С.В. Лаптев обращает внимание на то, что общее количество зеркал, раскопанных в курганах периода *кофун*, почти в два раза превышает число зеркал, найденных в захоронениях *яёй*.[4] Это указывает на

---

[1] Форму для отливки японских бронзовых зеркал-подражаний и бусин *магатама* см.: *Бакшеев Е.С*. Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун*. С. 225, фотография № 3.

[2] С.В. Лаптев указывает, что в Японии именно китайские зеркала, а не корейские, становятся основным объектом подражания. На 1991 г. количество найденных в Японии зеркал китайского производства превышает 1000 шт., а национального производства (*бōсэйкē*) – свыше 2500 шт. При этом, действительное количество и импортированных, и изготовленных в Японии зеркал было в несколько раз больше, чем найдено археологами (*Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 182). Анализ зеркал, найденных в Японии, показывает не только существование активных контактов (в том числе, торговли) с Китаем), но и – с конца периода *яёй* (то есть, примерно, с эпохи Троецарствия в Китае) и в период *кофун* – наличие в Японии целых ремесленных школ, способных не только копировать, но и творчески развивать китайские традиции бронзовых зеркал (предположительно, из царства У 吳) (Там же. С. 197). Царство У, или Восточная У / Дун У 東吳 (222-280 гг. н.э.) – одно из трёх китайских царств эпохи Троецарствия. Название унаследовано от царства У эпохи Чуньцю.

[3] В Японии бронзовые зеркала полагались в курганные захоронения до конца периода ранний *кофун* (конец IV в. н.э.), который еще сохранял магико-религиозный характер предыдущей эпохи (*яёй*) и когда зеркала являлись для региональных элит символами власти с ритуально-культовым значением. В период средний *кофун*, который уже приобрёл воинско-вождеский характер, состав погребального инвентаря сильно изменился: вместо зеркал в погребения стали полагать железные изделия: оружие, доспехи, а также орудия труда (см.: *Barnes Gina L*. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 10).

[4] *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней

более массовое и интенсивное использование бронзовых зеркал в период *кофун* по сравнению с *яёй*, а также на то, что их значение и роль в японском обществе изменились и явно возросли.

Общее количество зеркал, найденных в захоронениях периода *яёй*, составило – по различным данным – 343 шт. (или 322 шт.), а раскопанных в курганах *кофун* (только в довоенный период) – 623 шт. Из них – большая часть зеркал из яёйских захоронений найдена на Кюсю 九州 – 319 / 301 шт. (93-93,5%); подавляющее их большинство – в совр. преф. Фукуока (206/205 шт.), которая находится на севере острова Кюсю – ближе всего к Корейскому полуострову, – и где расположены важнейшие памятники (включая захоронения) периода *яёй*. Некоторое количество зеркал также найдено в преф. Сага (26 шт.) и преф. Нагасаки (13 шт.); совсем мало – в Оита и Кумамото; не обнаружены в самых южных префектурах – Миядзаки и Кагосима.[1]

С другой стороны, зеркала из курганов периода *кофун* в основном группируются в регионе Кинай (совр. район Кансай 関西) – 250 шт. (40%), а также в Кантō 関東 – 94 шт. (15%) и в Тюгоку 中国 – 77 шт. (12%). На Кюсю найдено всего 46 зеркал, относящихся к периоду *кофун* (7%). Большинство зеркал из яёйских захоронений – 260 / 265 шт. (соответственно 76% / 82%) – китайского производства, и лишь менее четверти их производства приходится на Японию.[2]

При этом, как отмечает С.В. Лаптев, результаты раскопок показывают, что в период *яёй* зеркала концентрировались на Кюсю (подавляющее число зеркал – 93-93,5% от общего количества зеркал того периода). А в период *кофун* ситуация между Кюсю, с одной стороны, и Центральным и Восточным Хонсю, с другой, «зеркально» переменилась: центр их распространения переместился из Сев. Кюсю в Кинай[3] (в Ямато / Кинай – 40% от всех зеркал), а на Кюсю происходит резкое сокращение их количества (7%).[4] Эти расчёты подтверждают археологические и исторические данные о том, что при переходе от *яёй* к *кофун* политический центр Японских островов переместился из Севеоного Кюсю в Кинай. При этом, большинство зеркал из яёйских

Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 183.

[1] См.: Там же. С. 207, табл. 1.

[2] Там же. С. 183.

[3] Центр распространения китайских бронзовых зеркал переместился с Сев. Кюсю в Кинай в начале III в. н.э., т.е. при переходе от *яёй* к *кофун*.

[4] Там же. С. 183.

захоронений были китайского производства; а в период ранний *кофун* (примерно с середины III в. н.э.) число местных японских подражаний (*бо̄сэйкэ̄*) значительно выросло, что указывает на усвоение континентальной культуры и технологии, а также развитие национальной культуры.

(4) Бронзовые зеркала в Японии периода *яёй*

В период *яёй* в Японии сложились две социально-политические системы использования импортных бронзовых изделий (как т. н. «предметов престижа»[1]): одна – на Северном Кю̄сю̄ (регион Западный Сэто) – основывалась на использовании китайских бронзовых зеркал и китайского и корейского бронзового оружия; вторая – в Кинай и его окрестностях (Восточный Сэто) – основывалась на переплавке импортных бронз в колокола *до̄таку* 銅鐸.[2] Вследствие этого в Японии в период *яёй*[3] бытовали ритуалы двух типов с использованием бронзовых изделий.

Первый тип: индивидуальный элитарный погребальный обряд с положением в захоронение боевого бронзового оружия[4] и бронзовых (в основном, привозных китайских зеркал. Такой обряд следовал континентальным образцам и имел ограниченное распространение (на севере Кю̄сю̄).

Второй тип: коллективные общинные ритуалы сельскохозяйственного рода с закапыванием в землю ритуального бронзового оружия (мечей, наконечников копий и клевцов; центр – север Кюсю, главный символ – ритуальное копье) и бронзовых колоколов *до̄таку*

---

[1] О бронзовых зеркалах как «предметах престижа» см. ниже.

[2] *Barnes G.L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 59, 64.

[3] *Сахара Макото* 佐原 真. Нихондзин-но тандзэ̄ 日本人の誕生 // Тайкэй Нихон-но рэкйси 大系 日本の歴史. – Токио 東京: Сэ̄гакукан 小学館, 1987. – Т. 1. – С. 268-283; *Танака Мигаку* 田中 琢. Вадзин сбран 倭人争乱 // Нихон-но рэкйси 日本の歴史. – Токио 東京: Сю̄эйся 集英社, 1991. – Т. 2. – С. 167-74; *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 28-59.

[4] В Японии традиция положения оружия в захоронения началась с эпохи *яёй* (в основном бронзовые мечи) и утвердилась в начале периода *кофун* (железные мечи). Известно, что оружие — традиционный шаманский инструментарий; одной из функций этого оружия могла быть магическая защита усопшего от нападения вредоносных духов. Так, даже в современной Японии нож, который, по древнему поверью, должен отпугнуть злых духов, кладут на грудь (на буддийских похоронах) или рядом с головой (на синтоистских похоронах) (см.: *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 33-35; *Бакшеев, Е.С.* «Понятия «души», «жизни» и «сердца» в раннеяпонской духовной культуре» // Япония 2000-2001. Ежегодник. – 2001. – С. 207-225).

(центр – Кинай).[1] Такие специфические ритуалы не имели явных корейских и северокитайских прототипов и были широко распространены от Кю̄сю̄ до Кантō.

(4.1) Бронзовые зеркала, «царские могилы» и *политии* («общины–государства» *кунù* 国) Северного Кю̄сю̄

О «стране Яматай 邪馬台国» и других *политиях* («общинах–государствах» *кунù* 国)[2] Сев. Кю̄сю̄ и Зап. Японии периода *яёй* и начала *кофун* мы узнаем из китайских династийных историй, в частности, из материалов «Вэйчжи». В этих источниках сообщается, в частности, что «некогда» на Японских островах существовало «более 100» (т.е. много) таких «стран» *кунù* 国, но теперь их осталось всего около 30; многие из них поддерживали отношения с Китаем.[3]

В отношениях *политий* архипелага с китайскими династиями видное место занимали китайские бронзовые зеркала, которые, вообще, играли важную роль на Северном Кю̄сю̄ у местных элит уже в среднем *яёй* (рубеж эпох).[4] Этими зеркалами вместе с другими дипломатическими дарами – наряду с высокими рангами и почётными

---

[1] В течение периода *яёй* районирование *дōтаку* и оружия соответствовало различной погребальной практике в этих регионах (см. илл. 14, а также илл. 2 и 3а, 3б на С. 255-256 в статье Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике). Но к концу II в. н.э. в некоторых регионах (например, в Тю̄гоку) ритуальная бронзовая утварь не просто исчезла, а была замещена ритуальными символами нового типа: в Идзумо (север Тю̄гоку) – крупными квадратными могильными насыпями с четырьмя выступами по углам (для захоронения элиты) и ритуалами, совершаемыми на них, а в Киби (юго-восток Тю̄гоку, совр. Окаяма) – большими могильными насыпями с установленными на них глиняной ритуальной утварью (т.н. «особые подставки» и «особые кувшины»), которая стала прототипом *ханива* периода *кофун*. – См.: *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 54-55; *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 483-485.

[2] В этом контексте *коку / кунù* 国 обычно переводят как «страны», «государства», «владения», «уделы», а также «малые (мелкие) государства».

[3] См.: *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках нашей эры (Тексты. 1. «Хань шу». 2. «Хоу Хань-шу» 3. «Вэй чжи») // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 206-235. Также о «стране Яматай». – См.: *Kidder J.* Edward. Himiko and Japan's Elusive Chiefdom of Yamatai: Archaeology, history, mythology. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. – 416 p.

[4] В это время на востоке, в Кинаи, центральном районе о. Хонсю, местные элиты ещё не имели доступа к такому типу престижных предметов как бронзовые зеркала; там символами престижа служили большие бронзовые колокола *дōтаку.*

титулами, а также легимитизацией их власти в качестве правителей своих территорий – их наделяла империя Хань в знак признания их зависимости.

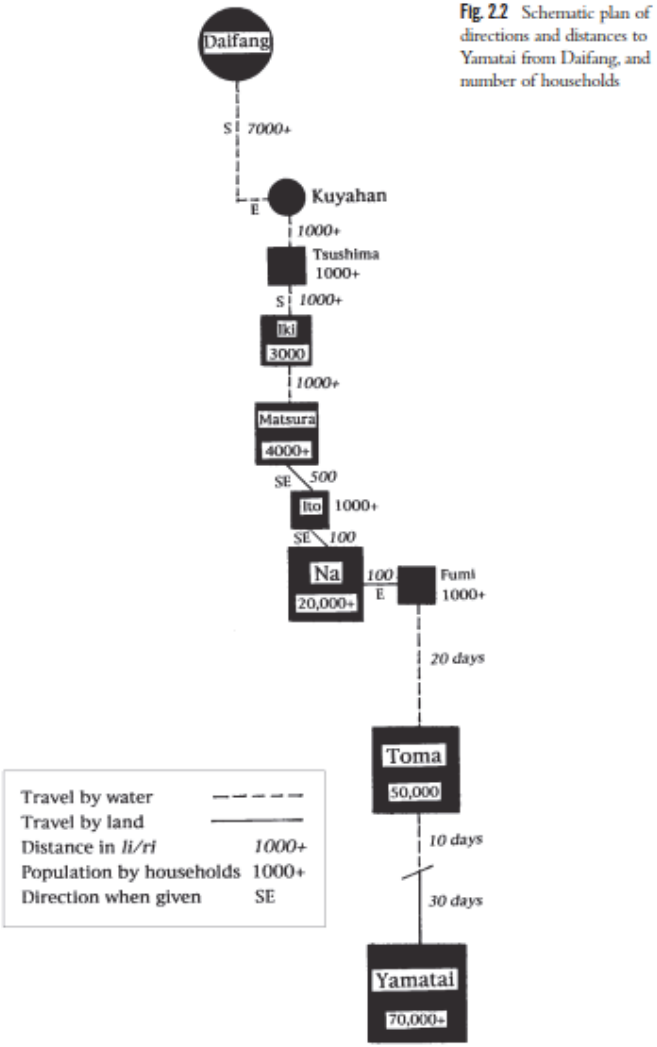
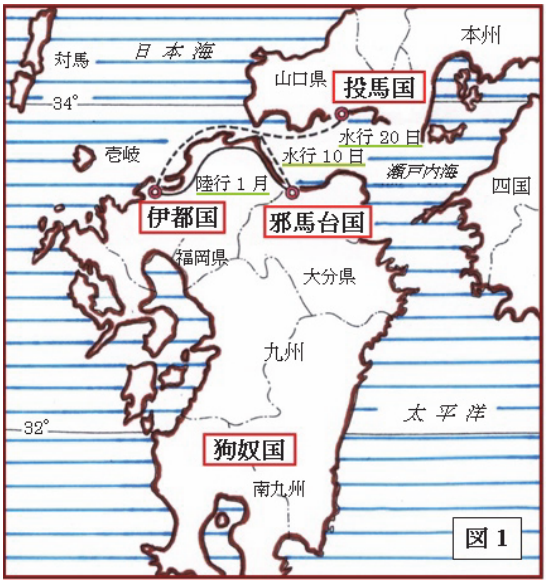


Fig. 2.2 Schematic plan of directions and distances to Yamatai from Daifang, and number of households

Илл. 4. Гипотетический маршрут путешествия из округа Дайфан в Яматай-*коку* (по материалам «Вэйчжи»)



Илл. 5. Карта о. Кю̄сю̄ и западных оконечностей о. Хонсю и о. Сикоку с одной из версий гипотетического расположения четырех «общин–государств» *кунù* 国 (Тōма, Ито, Яматай, Куну) по данным «Вэйчжи».
Вверху (в красной рамке): Тōма-*коку* 投馬国 [1];
В центре слева направо: Ито-*коку* 伊都国, Яматай-*коку* 邪馬台国;
Внизу: Куну-*коку* 狗奴国.

[1] Иначе, Цума-*коку*. Археологические памятники, ассоциированные с этим «государством», не обнаружены, поэтому его местонахождение достоверно неизвестно. С.В. Лаптев упоминает иные, чем на вышеуказанной карте, версии его локализации; он пишет, что фонетически Тōма отождествляется с Цума (в древнеяпонском языке «Тума») – населенным пунктом в преф. Миядзаки, а также с Камуцума, Симодзума и другими бывшими уездами района Цума в преф. Кумамото, с бывшим княжеством Сацума на юге Кю̄сю̄ (*Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 223, прим. 4). Некоторые учёные, пытаясь определить точное местоположение Тоума-*го*, локализовали Тоума-*го* в провинции Сацума (*Уэмура Сэйдзи* 植村 清二. Яматай-*коку*, Куна-*коку*, Тоума-*коку* 邪馬臺国・狗奴国・投馬国 // Сигаку-дзасси 史学雑誌. – 1955. – Т. 64. – № 12. – С. 28, 30; *Арутюнов С.А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии: Восточноазиатский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 164; Нихон дзэнси 日本全史. Токио 東京: Тōкē̄-дайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1958. – Т. I. – С. 299; *Суровень Д.А.* Этническая история Южного Кюсю периода *яёй* // Мир Евразии: от древности к современности; сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 28 марта 2023 г.) / Отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 41).

Figure 3.6 Location of *guo* in North Kyūshū: Iki (Island), Matsuro, Ito and Na (after Shimojō 2003: 220). Modern prefectural names appear in parentheses. This map is an oblique horizon perspective, looking north from Kyūshū to the Korean Peninsula. From Pusan, a modern city in Korea, Tsushima Island can be seen 60 km distant on a good day

X = location of gold seal find (Figure 3.2). Site names keyed to numbers:

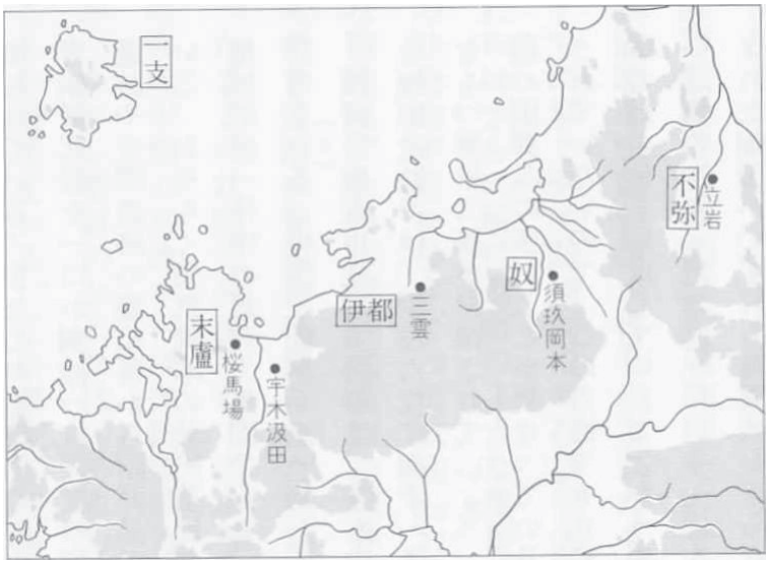
1 Haru-no-tsuji
2 Sakurababa
3 Ukikunden
4 Mikumo
5 Ihara
6 Yoshitake
7 Hirazuka
8 Sugu-Okamoto
9 Okagaki
10 Tateiwa
11 Higashi Odamine
12 Mitsueda
13 Yoshinogari
14 Kamenokō
15 Hirabaru
16 Shimogaya-no-ki

Илл. 6. Карта Сев. Кю̄сю̄ с четырьмя достоверно локализованными «общинами–государствами» *кунй* 国 (Ики, Мацуро, Ито, На) и основными археологическими памятниками периода *яёй*, связанными с ними[1]

[1] *Barnes Gina L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 72.

Илл. 7. Карта Сев. Кю̄сю̄ с другим набором четырёх локализованных «общин–государств» *кунь* 国 (Мацуро, Ито, На, Фуми[1]) и археологическими памятниками периода *яёй*, связанными с ними

[1] Фуми-но *куни* 不弥国 помещают где-то в преф. Фукуока. Обычно её отождествляют с местностью Уми (*Лаптев С.В.* Описания народа во в I–III веках нашей эры. С. 223, прим. 3).



Илл. 8. Карта Сев. Кю̄сю̄ с пятью локализованными «общинами–государствами» *кунù* 国 (Ики, Мацуро, Ито, На, Фуми) и важнейшими археологическими памятниками периода *яёй*, связанными с ними[1]

К концу раннего *яёй* на Сев. Кю̄сю̄ и на близлежащих островах появляются «вожди общин»; там расположены все их захоронения («царские могилы» 王墓); они датируются периодом до позднего *яёй*. Захоронение «царя страны Ики» (Ики-но *куни* 壱岐国 / 一支国) находится на памятнике Хару-но цудзи 原の辻遺跡 [2] (о. Ики), захоронение «царя (царицы) страны На 奴国» – на пам. Сугу-Окамото 須玖岡本遺跡, захоронения «царей страны Ито 伊都国» – на пам. Хирабару 平原遺跡, Мигумо-Минамисёдзи 三雲南小路遺跡 и Ивара-Яримидзо 井原鑓溝遺跡, захоронение «царя страны Мацура / Мацуро 末盧国»[3] – на

[1] Нихон рэкйси тайкэй 日本歴史大系. Т. 1: Гэнси-кодай 原始・古代 / Ред. Иноуэ Мицусада и др. 井上光貞ほか編. – Токио 東京: Ямакава сюппанся 山川出版社, 1984. – С. 175, илл. 32.

[2] Считается, что в древности на памятнике Хару-но цудзи находилась «царская столица» / «ставка правителя страны Ики» 一支国王都.

[3] Предположительно локализуется в районе Мацуура, ныне преф. Сага и Нагасаки. Археологически связывается с памятниками Сакуранобаба, Уки-Кундэн, Касивадзаки, Куриамадзоно (все в преф. Сага). «Мацуро» – вариант японского чтения (см.: *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 222, прим. 2). «Страна Мацура /

пам. Сакура-но баба 桜馬場遺跡 .[1]

(4.2) Правители «страны Ито 伊都国» и их «царские могилы» 王墓

«Страна (государство) Ито 伊都国» (Ито-*коку* / Ито-но *куни*, *кит*. Иду-*го*) – одна из *политий* («владений» *кунù* 國, «малых государств») на севере острова Кю̄сю̄ (см. илл. 4-7) периода *яёй* в составе т. н. «федерации Ва». Она, очевидно, находилась на территории современных городов Итосима (福岡県糸島市) и Фукуока (福岡市) в преф. Фукуока (п-ов Итосима, омывается водами моря Гэнкай 玄界灘). «Государство Ито», согласно «Вэйчжи», играло значительную роль среди других государств Сев. Кю̄сю̄, хотя это было совсем небольшое протогосударственное образование[2]: население предположительно могло составлять несколько тысяч человек («дворов – свыше тысячи»).[3] Оно было зависимым от государства Яматай (где правила Химико), главного в конфедерации «малых государств» Сев. Кю̄сю̄ («Все они сообща подчиняются государству женщины-правительницы»), но имело свою династию правителей («Из поколения в поколение имеют [на-

---

Мацуро» (на равнине Карацу) была главным входом для торговых путей, ведущих из Юж. Кореи через о. Цусима и о. Ики на о. Кю̄сю̄. На пам. Уки-Кундэн 宇木汲田遺跡 (Уки 宇木, г. Карацу 唐津市, преф. Сага) в 12 из 20 урновых захоронениях периода вторая пол. раннего *яёй* – поздний *яёй* было найдено бронзовое оружие, изготовленное на континенте («узкие» мечи 細形銅剣, «узкие» клевцы 細形銅戈, «узкие» наконечники копий 細形銅矛**)**, а также корейские «зеркала с несколькими ушками и тонким узором» 多鈕細文鏡, бусы (*магатама* и пронизки 管玉), бронзовые браслеты 銅釧, «язык» от *до̄таку* 銅鐸舌 и др. (см.: Нихон рэкйси тайкэй, 1984. Т. 1. С. 170).

[1] Также см.: *Barnes G.L*. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 71.

[2] Здесь и далее описание *политий* на Японском архипелаге периода *яёй* по данным «Вэйчжи» в переводе С.В. Лаптева (см.: *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 206-235).

[3] Согласно японским исследованиям, число жителей в одном «дворе» (домохозяйстве) в Китае при Хань и в период Троецарствия составляло 5-8 человек (по: *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 221, прим. 6). С другой стороны, Д.А. Суровень приводит данные других японских исследователей, которые на основе археологических материалов пришли к выводу, что «двор» (яп. *ко*) в «Вэйчжи» – это домохозяйство «большой» семьи (семья из несколько поколений), которая могла насчитывать от 15 до 30 человек (*Суровень Д.А*. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / Глав. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. – Вып. 6-й. – С. 126.

следственного] правителя»).[1] При этом «государство Ито» занимало важное место в сообществе Ва (протояпонцев) Сев. Кюсю: там находился высокопоставленный представитель Химико, который контролировал все торговые и дипломатические контакты с внешним миром.[2] Таким образом, «государство Ито» благодаря своему выгодному географическому положению выполняло функции своего рода торгово-дипломатического представительства[3] в интересах «государства Яматай»: оттуда отправлялись послы в Лоян, столицу империи Вэй, в округ Дайфан и в корейские государства; и, наоборот, в Ито принимали китайских послов, направлявшихся к Химико. Именно поэтому в захоронениях правителей «государства Ито» найдено огромное количество (более 100 шт.) китайских бронзовых зеркал.

«Страна Ито 伊都国» ассоциируется с археологическими памятниками Хирабару 平原, Мигумо-Минамисёдзи 三雲南小路 и Ивара-Яримидзо 井原鑓溝 (с центром в Мигумо, где найдено большое количество бронзовых зеркал[4]). На всех этих памятниках находятся захоронения «царей страны Ито».[5]

---

[1] *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 222.

[2] «К северу от государства [Яматай] женщины-правительницы [Химико] специально поставлен один Великий предводитель (кит. *и-да-шуай*), наблюдающий за всеми государствами. Все государства боятся его. Обычно находится (управляет из) владения Ито. В государстве есть [чиновники] подобные *цыши* [ревизор в Китае]. Правитель посылает послов в столицу, округ Дайфан и в государства Хан. Из округа также посылают послов в государства *во*, все [послы], приближаясь к гавани, подвергаются досмотру, проверяют письма и дары для женщины-правительницы» (цит. по: *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 228-229 /с незначительными изменениями/). «Посланцы из округа (Дайфан), прибывая в Во, часто останавливаются здесь». (Там же. С. 222).

[3] В этом смысле, японские исследователи называют «государство Ито» «внешнедипломатической базой (букв. “опорным пунктом”) 外交拠点 страны Яматай».

[4] См.: *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 222. Действительно, на захоронениях № 1 и № 2 пам. Мигумо-Минамисёдзи в совокупности найдено 57 зеркал. Описание захоронений периода *яёй* Сев. Кюсю также см.: *Иванова Д.А*. Погребальные комплексы и обрядовая практика культуры яёй, Японский архипелаг // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – Т. 33. – № 4. – С. 251-256.

[5] В захоронении № 1 пам. Хирабару 平原遺跡1号墓 (Арита, г. Итосима), которое датируется второй половиной – концом позднего *яёй*, (вторая пол. II в. н.э., «эпоха страны Яматай / эпоха Химико») найдено много зеркал (40 шт.), причём пять из них – японские подражания гигантского размера, возможные «клоны» священного Ята-но кагами. Там еще найдены украшения, в том числе, три стеклянных *магатама* синего цвета, а также 1 пара стеклянных ушных втулок 耳璫 (耳当 яп. *дзитō*, кит. *ěрдāн*) –

Как отмечает С.В. Лаптев, среди мест обнаружения зеркал на Кюсю особое положение занимают четыре захоронения, где их было найдено особенно много. Это памятники Мигумо-Минамисёдзи 三雲南小路, Ивара-Яримидзо 井原鑓溝, Сугу-Окамото 須玖岡本 и Хирабару 平原 (все в преф. Фукуока 福岡).[1] Самое большое число бронзовых зеркал (40)[2] было найдено в некрополе Хирабару (пам. Хирабару захоронение № 1 平原遺跡1号墓); затем идет захоронение № 1 памятника Мигумо-Минамисёдзи с 35 зеркалами. В некрополе Сугу-Окамото найдено 32 зеркала, изготовленных в Китае в конце Ранней Хань, среди которых преобладает тип с орнаментом TLV и четырьмя мифическими животными-божествами *хōкакукику сисинкё* 方格規矩四神鏡.[3] Далее следуют захоронение № 2 в Мигумо-Минамисёдзи с 22 зеркалами и Ивара-Яримидзо с 21 зеркалом.[4]

Из найденных в некрополе Хирабару 平原 (пам. Хирабару захоронение № 1) 40 зеркал (включая фрагментированные[5]) 35 шт. – хань-

---

популярные традиционные украшения, которые вставляли в мочки ушей знатные женщины в ханьском Китае. Оружия оказалось очень мало – 1 железный меч; очевидно, это захоронение женщины-правительницы – такой, как и жрица-шаманка Химико из Яматай (гроб-колода не сохранился, как и останки). Эта могильная насыпь *функтобо* 墳丘墓 – самая крупная (14 *м* × 12/10 *м*) из пяти захоронений (три из них относятся к периоду *яёй,* два – к *кофун*), ранее она была окружена рвом шириной ок. 2 *м*. «Царская могила» (захоронение «царей страны Ито») на пам. Мигумо-Минамисёдзи относится ко второй половине среднего *яёй* (I в. до н.э.).

[1] *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 187.

[2] Это новейшие данные; до последнего времени в публикациях указывалось 39 зеркал.

[3] Этот тип зеркал см.: *Бакшеев Е.С*. Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун*. С. 229, фотография № 5.

[4] См.: *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 187-188.

[5] Интересная особенность зеркал из Хирабару – почти все из них были фрагментированы, что достаточно необычно для захоронений периода *яёй* (см. илл. 9). Причём, похоже, что они были разбиты намеренно перед их положением в захоронение. При этом исследователи обращают внимание на аналогичный феномен на другом краю древней Восточной Азии (совр. Бурятия и Монголия), за тысячи километров от о-ва Кюсю: почти в каждом элитном захоронении *сюнну* «непременно» находят китайские бронзовые зеркала, иногда в виде фрагментов «ритуально сломанных» перед погребением ханьских зеркал (*Seyock Barbara*. The Hirabaru Site and Wajinden Research. Notes on the Archaeology of the Kings of Ito // Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasien e.V. Universität Hamburg. – 2003. – No. 173-174. – P. 212-213). Другие исследователи также полагают, что в период *яёй* из-за нехватки (целых) ханьских бронзовых зеркал элиты Сев. Кюсю для укрепления политической конфедерации, в кото-

Илл. 9. Захоронения № 1 пам. Хирабару (平原遺跡1号墓): могила и сопроводительный инвентарь (о. Кюсю).

A и B – скопления целых бронзовые зеркал;

C, D и E – скопления фрагментированных бронзовые зеркал;

B головах – железный меч *мати* 太刀; на груди – фрагментированное бронзовое зеркало и ожерелье со стеклянными *магатама*.

(*На стенде слева:*) три зеркала типа *хōкакукикукē* 方格規矩鏡 / *хōкаку-кику сисинкē* 方格規矩四神鏡 (с квадратом в центре, орнаментом TLV и с изображениями четырех мифических животных-божеств).

(*На стенде справа:*) три зеркала с орнаментом «внутренний цветок» *найкōкамонкē* 内行花文鏡 (первое сверху – большое японское зеркало) и одно с изображением четырех драконов *ситикē* 四螭鏡.

рую они входили, распределяли среди местных вождей также фрагменты таких зеркал (*Tsujita Junichiro*. The change in the distribution system of bronze mirrors at the beginning of *kofun* period Japan: as seen from fragmented bronze mirrors // Bulletin of the Society for East Asian Archaeology (BSEAA). – 2007. – No. 1. – P. 49-55). Фрагментированное бронзовое зеркало с двумя отверстиями, очевидно, для подвешивания (поздний *яёй*; пам. Караками, преф. Нагасаки). – См.: *Бакшеев Е.С.* Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун*. С. 228, фотография № 4.

ские зеркала, в том числе, 32 зеркала типа *хōкакукику сисинкē* 方格規矩四神鏡 (с квадратом в центре, орнаментом TLV и с изображениями четырёх мифических животных-божеств), одно китайское зеркало с изображением четырёх драконов *ситикē* 四螭鏡, а также два китайских зеркала с орнаментом «внутренний цветок» *найкōкамонкē* 内行花文鏡, которые послужили моделью для пяти больших японских зеркал с орнаментом «внутренний цветок» *найкōкамонкē* 内行花文鏡, которые являются самыми крупными из найденных в Японии[1] (их диаметр 46,5 *см*)[2] (см. илл. 9, 10, 11).

Илл. 10. Четыре типа зеркал из захоронения № 1 пам. Хирабару 平原遺跡1号墓 (период *яёй*; Исторический музей государства Ито 伊都国歴史博物館, Кюсю) (*слева направо*):

(1) гигантские японские зеркала с орнаментом «внутренний цветок» 超大型内行花文鏡;

(2) китайские зеркала с орнаментом «внутренний цветок» 内行花文鏡 [3];

(3) китайские зеркала с квадратом в центре, орнаментом TLV и с изображениями четырех мифических животных-божеств 方格規矩四神鏡;

(4) китайское зеркало с изображением четырех драконов 四螭鏡.

[1] В Китае таких больших зеркал этого типа не было найдено.

[2] *Seyock Barbara*. The Hirabaru Site and Wajinden Research. Notes on the Archaeology of the Kings of Ito. P. 211-212.

[3] Иногда их относят к типу 連弧文鏡. На небольших (китайских) зеркалах этого типа у «цветка» вокруг «кнопки» («ушка») 4 лепестка, на больших японских – 8.

Илл. 11. Большое японское зеркало с орнаментом «внутренний цветок» 大型内行花文鏡 из захоронения № 1 пам. Хирабару 平原遺跡1号墓 (зеркало №10; диаметр 46,5 см), Кю̄сю̄

Илл. 12. Артефакты из захоронения № 1 пам. Хирабару 平原遺跡1号墓 Стеклянные *магатама*[1], большое японское зеркало с орнаментом «внутренний цветок» 大型内行花文鏡, железный меч

[1] С финального *дзё̄мон* до позднего *кофун* коммаобразные, или каплевидные бусины *магатама* изготавливались из глины, талька, шунгита («пробирный камень»), кварца, гнейса, жадеита, нефрита, серпентинита, яшмы, стекла.

В японской археологии эти пять японских зеркал получили название «[Сверх] Большие зеркала с орнаментом «внутренний цветок» [超]大型内行花文鏡, или «зеркала с орнаментом «внутренний цветок» и восемью листьями/лепестками» 内行花文八葉鏡.[1] Столь же массивных зеркал местного производства других типов в Японии не обнаружено. При этом, захоронение Хирабару считается могилой «царицы страны Ито» 伊都国の女王墓 (Ито-но *куни* – одно из «малых государств» в составе «федерации Ва»). По мнению ряда японских исследователей, эти большие зеркала могли быть изготовлены в тех же или таких же литейных формах, что и т. н. «зеркало Ята» 八咫鏡 (*яп*. ятано кагами), т.е. «зеркало [с длиной окружности] в восемь *ата*»[2] – важнейшая из трёх регалий императорской династии Японии, которая хранится в святилище Исэ.

Указывается, что зеркала с орнаментом «внутренний цветок» *найкōкамонкē* 内行花文鏡 стандартного размера были особенно распространены в Китае в начале Поздней Хань и были найдены в различных регионах страны, а также в захоронениях округа Лэлан (Корейский п-ов); в Японию они ввозились в период с *яёй* по *кофун*. С другой стороны, утверждается, что «официальное» название таких бронзовых зеркал – 「連弧文鏡」, *рэнкомонкē*, т.е. «зеркала с орнаментом из соединяющихся дуг»[3]; в Японии же в их узоре увидели цветок («лепестки») и назвали 内行花文鏡, *найкōкамонкē* (зеркала с орнаментом «внутренний цветок»).

Археологические данные показывают, что особенно много зеркал с орнаментом «внутренний цветок» раскопали в ранний период на Сев. Кюсю; так, в захоронении № 1 памятника Мигумо-Минамисёдзи из 35 зеркал – 31 шт. относилась к этому типу. Также большое их количество найдено в Японии в периоды ранний и средний *кофун*. Их

---

[1] См.: *Бакшеев Е.С*. Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун*. С. 231, фотография № 6.

[2] В подтверждение этой гипотезы они также приводят следующие расчеты: *ата* / *та* 咫 (кит. *чжй*) – древняя мера длина окружности (ок. 18 *см*) в китаецентричном мире; диаметр больших японских зеркал с орнаментом «внутренний цветок» *найкōкамонкē* (46,5 *см*) из Хирабару в мерах длины той эпохи (династия Хань) составляет ок. 2 *сяку* 尺, а длина их окружности – 8 *ата* (круг с диаметром в 1 *сяку* = ок. 23 *см* имел длину окружности 4 *ата*).

[3] Зеркало такого типа (эпоха Ранней Хань) высокого качества было обнаружено при раскопках пам. Ёсиногари (Кюсю).

размеры самые разные – встречаются зеркала от маленьких («с ладонь») до гигантских, используемых в ритуалах. Декор тоже весьма разнообразный.[1]

Илл. 13. Зеркало японского производства с орнаментом «внутренний цветок» 内行花文鏡 и с узором *тёккомон* 直弧文 [2] (курган Синъяма-кофун 新山古墳 [3] типа «квадратно»-квадратный курган 前方後方墳, курганная группа Умами-кофунгун 馬見古墳群 (Южная подгруппа 南群), уезд Кита-Кацураги 北葛城郡, преф.Нара; 1-я пол. IV в. н.э., середина периода ранний *кофун*; диаметр 28 *см*; Императорская коллекция, Управление императорского двора).

[1] Например: 雲雷文内行花文鏡 («облака и молнии»), разновидности 雲雷文鏡, 内行花文銘帯鏡 (с благопожелательными надписями типа 長宜子孫), 直弧文縁内行花文鏡 (с «мистическим» узором *тёккомон*. – см. илл. 13) и другие.

[2] Обращает на себя внимание то, что это зеркало хранится в Императорской коллекции при Управлении императорского двора 宮内庁 *Кунай-тё̄*. Об узоре *тёккомон* 直弧文 (букв. «узор из прямых линий и дуг») в древней японской культуре см.: *Barnes Gina L. Chokkomon*: the art of death in Kofun-period Japan // East Asia Journal: Studies in Material Culture. – 2003. – Vol. 1. – No. 2. – P. 43-64.

[3] Общая длина кургана 126 *м*; он самый старый в этой группе. При его раскопках найдено 34 бронзовых зеркала, в том числе три с узором *тёккомон* 直弧文, 14 бронзовых зеркал типа 内行花文鏡, 9 – типа 三角縁神獣鏡, 4 – типа 方格規矩鏡 и 3 – типа 画文帯神獣鏡.

Исследователи обращают внимание на то, что из более чем ста зеркал из захоронений периода *яёй* наиболее распространенным оказывается тип с орнаментом TLV и изображениями «небожителей» (не менее 61 шт.), распространённый в Китае в период Синь 新 (9-23 гг. н.э.); кроме того, часто встречаются типы с орнаментом «внутренний цветок». Попадаются также зеркала с геометрическим орнаментом, характерным для Кореи. При этом, фактически, только зеркала с орнаментом «внутренний цветок» встречаются и в захоронениях периода *яёй*, и в курганах *кофун*.[1]

(4.3) «Страна На» 奴国 и её контакты с Китаем

На Северном Кю̄сю̄ благодаря заливному рисоводству возникали и росли поселения; они сливались, возникли мелкие «государства» – территориальные образования (*политии* типа «общин–государств» или вождеств), известные как *кунѝ* 国 – «владения», «уделы», «(малые) государства». Они объединяли относительно обширные территории и постепенно набирали силу: на равнине Фукуока – «Государство На-*коку*», а на равнине Итосима – Ито-*коку*. Каждое из них по-отдельности устанавливало дипотношения с Китаем; посланники этих японских правителей ездили в Китай и Корею. Исторические документы свидетельствуют, что *политии* Восточной Азии стремились к установлению дружественных отношений со своими могучими соседями (главным образом, Китаем) путём присоединения к сети «данническая системы» и «данническая («дипломатическая») торговли» с Китаем.[2]

«Страна (государство)» На-*коку* / На-но *куни* 奴国 (кит. Ну)[3] – одна из таких *политий* типа «общин–государств» или вождеств (*кунѝ*

[1] По мнению С.В. Лаптева, это совпадает, более или менее, с эволюцией орнаментов зеркал в Китае, а тот факт, что ранние типы, такие как с орнаментом «внутренний цветок», часто встречаются и в курганах, вполне может свидетельствовать лишь о значительном отставании захоронения зеркал по сравнению со временем их изготовления (Там же. С. 191). По мнению же автора данной статьи, длительное использование зеркал этого типа в периоды *яёй* и *кофун* было вызвано их особым местом среди обширного ассортимента бронзовых зеркал: очевидно, зеркалам такого типа древние японцы придавали особый смысл. Скорее всего, именно такие зеркала стали культовыми реликвиями в ранних синтоистских святилищах, а затем – одной из трёх регалий императорской династии Японии, которая хранится в святилище Исэ.

[2] См.: *Kim Minkoo*. Collective action and leadership strategies in the Mahan polities: An examination of grave goods from Bogam-ri Tomb, Naju, Korea. P. 13.

[3] Также 倭奴国 «Страна На из Ва (Японии)» (кит. «Страна Ну из Во»).

国) в составе «федерации Ва 倭» Северного Кю̄сю̄. На-*коку* очевидно располагалась на побережье залива Хаката (博多湾); оно ассоциируется с археологическими памятниками Сугу-Окамото, Хиэ[1], Нака в преф. Фукуока.

国宝 金印「漢委奴国王」

金印の通った道

Илл. 13-А. Золотая печать「漢委奴國王」, дарованная правителю На-но *куни*, и путь, который она проделала от г. Лоян 洛陽 через округ Лэлан до страны На.

В период Поздняя Хань (с 23 г. н.э.) *политии* Сев. Кю̄сю̄ были включены в ханьскую данническую систему.[2] Так, правителем «страны» На-но куни поддерживались дипломатические отношения с Китаем уже в I в. н.э. Согласно «Хоу Хань-шу» 後漢書 в 57 г. н.э. (建武中元二年) ко двору императора Гуан У-ди прибыл посол На-но *куни*. Как знак вручения инвеституры в международной даннической системе Поздней Хань правителю На-но *куни* была дарована золотая печать[3] с иероглифической надписью「漢委奴國王」(*яп*. Кан-но Ва-но

[1] Памятник Хиэ 比恵遺跡 (раскопки небольшого поселения) занимает площадь ок. 990 *кв.м* (восточная сторона – 33 *м*, западная – 36 *м*, протяженность с севера на юг – 30 *м*), окружен кольцевым рвом шириной в верхней части ок. 3 *м*, в донной части около 2 *м*; обнаружены остатки пяти жилищ типа *татэана* (полуземлянка) и *такаюка* (здание на сваях); здесь же был колодец, амбары, место для приготовления пищи, что говорит о совместном ведении хозяйства жителями этого селения (см.: *Суровень Д.А.* Комментарий к переводам китайских династийных историй // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 308, прим. 7).

[2] *Barnes G.L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 43.

[3] Эта печать была найдена в 1784 г. на о. Кю̄сю̄. См. подробнее: *Fogel Joshua A.* Japanese Historiography and the Gold Seal of 57 C.E.: Relic, text, object, fake. – Leiden–Boston: Brill, 2013. – 386 p.

На-но кокуō), которую традиционно переводят как «Царь страны Ну из Во, [вассал] Хань». Д.А. Суровень приводит современный вариант перевода этой надписи「漢委奴國王」: «[Император] Хань назначает на должность правителя государства Ну (яп. На)»[1], который ещё больше подчёркивает специфический характер взаимоотношений японских *политий* периода *яёй* с раннеимперским Китаем.[2]

Китайские хроники свидетельствуют[3], что в рамках дипломатических отношений *политий* («малых государств» *го / кунь*) Сев. Кю̄сю̄, географически ближайшего региона к материку, с китайской империей Хань правители этих протогосударственных образований наряду с инвеституройвласти получали различные китайские изделия высокого качества (напр., ткани и др.); бронзовые зеркала были самыми ценными среди таких престижных изделий. Правители этих «государств», в свою очередь, наделяли такими символами статуса, престижа и власти подвластных им или зависимых от них вождей более низкого ранга и представителей элиты; по мнению исследователей, бронзовыми зеркалами (или их фрагментами) обменивались при заключении политических союзов.[4]

Как и в Китае, в Японии бронзовые зеркала служили в качестве сопроводительного (погребального) инвентаря. Но в Японии, в отличие от Китая, положение в значительном количестве (до нескольких десятков) зеркал в одно захоронение стало общей чертой элитных погребений. Так, бронзовые зеркала в большом количестве (иногда более 30 шт.) помещали в захоронения правителей и элиты среднего и позднего *яёй* на севере о. Кю̄сю̄. Большое количество зеркал в захоронении должно было свидетельствовать о богатстве, высоком статусе и

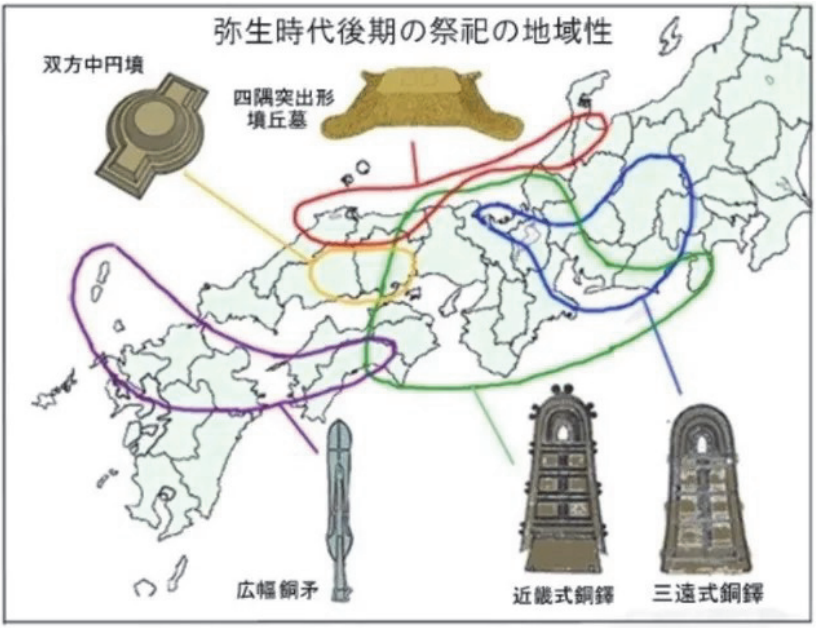
[1] См.: *Конрад Н.И.* Лекции по истории Японии: Древняя история (с древнейших времён до переворота Тайка, 645 г.) // Японские древности (историко-правовые исследования). – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 11, 12, прим. 6; *Суровень Д.А.* Комментарий к переводам китайских династийных историй. С. 308.

[2] Любопытно, что за 25 лет до того, в 32 г. н.э., Гуан У-ди принял когурёское посольство с дарами. Страны восстановили ранее фактически разорванные дипломатические отношения, и китайский император возобновил признание правителя Когурё, статус которого Ван Ман в 12 г. н.э. понизил до *хоу* 侯 (примерно соответствует европейскому титулу «маркиз»), как *вана* 王 («царь», «король»).

[3] См.: *Лаптев С.В.* Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 206-235.

[4] См.: *Tsujita Junichiro*. The change in the distribution system of bronze mirrors at the beginning of *kofun* period Japan. P. 49-55.

престиже его владельца.[1]



Илл. 14. Районирование ритуалов в Западной и Центральной Японии в период позднего *яёй*

Вверху слева направо: 双方中円墓, иначе 双方中円形墳丘墓 *сōхōтюэнкэй функюбо* – круглая могильная насыпь с двумя боковыми прямоугольными («квадратными») выступами[2]; 四隅突出形墳丘墓 *ё суми тоссюцу-кэй функюбо* – могильные насыпи с четырьмя угловыми выступами.

Внизу слева направо: 広幅銅矛 «широкие» (ритуальные) бронзовые копья; 近畿式銅鐸 *дōтаку* «стиля Кинки»; 三遠式銅鐸 *дōтаку* «стиля *санъэнсики*».

[1] Эта тенденция не только продолжилась, но и усилилась в период *кофун*: так, в кургане Сакураи Тяусуяма кофун 桜井茶臼山古墳 (207 *м*, вторая пол. III – начало IV вв., курганная группа Томияма; равнина Нара, Сакураи, преф. Нара), по новейшим данным, было найдено около сотни зеркал.

О кургане Сакураи Тяусуяма см.: *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи. С. 473-475.

[2] Характерный пример – Татэцуки функюбо 楯築墳丘墓 (регион Киби, совр. преф. Окаяма; вторая пол. II – первая пол. III вв. н.э.). См. фото Татэцуки функюбо в: *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи. С. 453, рис. 13.

(5) От *яёй* к *кофун*: погребальные обряды и ритуалы с бронзовыми изделиями[1]

В Восточной Азии бронзовые зеркала на рубеже эр играли важнейшую роль в межрегиональных («международных») отношениях; на Японском архипелаге импорт бронзовых зеркал во время финального *яёй* был монополизирован «государством» Яматай-*коку*[2], а в ранний *кофун* – режимом Ямато (в Кинай) благодаря их даннических отношениям с династиями Вэй 魏 (221-265 гг.) и Цзинь 晋 [3] (265-420 гг.).[4]

Так, Химико направляла посольства («с данью») ко двору Вэй в 239 г., 243 г. и в 247 г.; в ответ на её преданность она получила – в качестве знака инвеституры её власти в Японии – золотую печать, а также богатые дары, в том числе «сто бронзовых зеркал».[5] Указ императора Вэй гласил: «Дружественному Вэй правителю Во – Химико. … Ныне, поскольку ты являешься дружественным Вэй ваном Во, жалую тебе золотую печать с фиолетовой кистью. … Умиротворяй твоих со- племенников, будь старательной в дочерней почтительности и верности. … Всё это (дары – *Е.С.Б.*) можешь показать своим соплеменникам, чтобы дать им знать, что [наша] страна сочувствует тебе, поэтому торжественно дарует тебе хорошие [ценные] вещи». Таким образом, Химико была пожалована титулом «дружественный *ван*», который являлся высшим рангом, присуждавшимся т. н. «внешним подданным» (外臣 *вай чэнь*) Китая.[6] Цель посольства, отправленного Иё, наследницей Химико, в Зап. Цзинь в 266 г., также состояла в том, чтобы получить инвеституру на власть в федерации Ва.

В отличие от бронзовых зеркал и бронзового оружия, которые являлись собственностью отдельного лица и обнаруживаются, в основном, в индивидуальных захоронениях, *дōтаку* – ритуальная утварь, принадлежавшая всей общине и служившая благу всех её членов. При этом, бронзовое оружие, переходя в разряд ритуально-церемониаль-

[1] *Edwards Walter*. Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka kofun discovery and the question of Yamatai // Monumenta Nipponica. – 1999. – Vol. 54. – No. 1. – P. 75-110.

[2] Среди учёных до сих пор идут споры о том, где находилось это «государство»; самые убедительные гипотезы – или на Северном Кю̄сю̄, или в Кинай.

[3] Западная Цзинь 265-317 гг., Восточная Цзинь 317-420 гг.

[4] *Nakakubo Tatsuo*. Interregional interaction strategies in the early state formation of ancient Japan // Japanese journal of archaeology. – 2020. – No. 8. – P. 88.

[5] Т.е., много.

[6] *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры. С. 230-232.

ного, в некотором смысле сближалось с *дōтаку* – его массово закапывали в специальных «кладах» в ходе общинных ритуалов – часто вместе с *дōтаку*. А бронзовые зеркала в период *яёй* – подобно другим бронзовым изделиям – также обладали функциями «объектов общинных ритуалов». Однако, в отличие от оружия и, особенно, от зеркал, которые стали в Японии важнейшим культовым предметом, существование *дōтаку* оказалось недолгим. В конце периода *яёй* в различных регионах Японии прекращаются производство ритуальных бронзовых изделий (кроме зеркал) и проведение обрядов, связанных с ними[1]: так, во второй половине – конце II в. н.э. на севере Кю̄сю̄ прекратились производство ритуальных копий и обряды с ними, а в регионе Тō кай прервалось изготовление бронзовых колоколов *дōтаку* стиля *санъэнсики* 三遠式. Прекратились и другие региональные обряды с бронзовыми изделиями, только в Кинай производство *дōтаку*[2] сохранялось до конца II – начала III в. н.э. Там общинные обряды с *дōтаку* резко прервались во второй половине III в. н.э., т.е. с началом массового строительства погребальных курганов *кофун*. Другими словами, *дōтаку*, ритуальные бронзовые мечи и копья почти полностью исчезли к периоду раннего *кофун*[3]; до V в. н.э. остались только погребальные обряды с бронзовыми зеркалами. При этом, исчезновение *дōтаку* по времени совпадает с переносом в Кинай основного центра производства бронзовых зеркал.

Что же привело к прекращению использования ритуальных бронзовых изделий? По археологическим данным, до I–II вв. н.э. жилища и захоронения социальной и культовой элиты Японских островов находились вместе с аналогичными сооружениями основной массы населения, что указывает на то, что элита участвовала в общинных ритуалах, в том числе с использованием ритуальных бронзовых изделий. А в III в. н.э. в некоторых регионах жилые дома и погребения элиты начали сооружаться отдельно: её представители стали жить в усадьбах вдали от деревень, для них строили отдельные могильные

[1] О бронзовых изделиях периода *яёй* и ритуалах, связанных с ними см.: *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С.28-59; о погребальной обрядности и ритуалах с бронзовыми изделиями см.: *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода яёй – предшественники курганов периода кофун в историко-культурном контексте эпохи. С. 458-460.

[2] О культе *дōтаку* см.: Recent archaeological discoveries in Japan. – Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies, 1987. – P. 49-54.

[3] *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 54.

насыпи, которые стали предшественниками курганов периода *кофун*.

Таким образом, к концу периода *яёй*, элиты архипелага стали проводить свои собственные ритуалы – не для всей общины, а только для себя, что в итоге привело в III в. н.э. к прекращению использования *дōтаку* и других ритуальных бронзовых изделий. Другими словами, в результате быстрого социально-экономического развития и возросшей социальной стратификации характер верований и культов значительно изменился, и от *дōтаку* просто отказались. Сельскохозяйственные обряды общин с *дōтаку* и другими ритуальными бронзовыми изделиями были заменены на индивидуальные вождеские погребальные обряды на курганах с использованием зеркал. Именно с начала периода *кофун* (середина III в. н.э.) активно развились обряды, основанные на индивидуальной власти и авторитете вождей и местных правителей.[1]

Типы бронзовых зеркал из курганных захоронений *кофун*

1. С орнаментом “внутренний цветок”, *найкōкамонкē* 内行花文鏡 ;
2. С изображениями небожителей и животных, *синдзю̄кē* 神獣鏡 ;
3. С изображениями будд и животных, буцу*дзю̄кē* 仏獣鏡 ;
4. С треугольной кромкой, изображениями небожителей и животных, *санкакуэн синдзю̄кē* 三角縁神獣鏡 ;
5. С треугольной кромкой, поясом рисуночного орнамента, изображениями небожителей и животных, *санкакуэн гамонтай синдзю̄кē* 三角縁画文帯神獣鏡 ;
6. С треугольной кромкой, изображениями будд и животных, *санкакуэн буцудзю̄кē* 三角縁仏獣鏡 ;
7. С поясом рисуночного орнамента и изображениями небожителей и животных, *гамонтай синдзю̄кē* 画文帯神獣鏡 ;
8. С изображениями небожителей, животных, лошадей и повозок, *синдзин дзю̄сябакē* 神人獣車馬鏡 ;
9. С изображениями небожителей, драконов и тигров, *синдзинрю̄кокē* 神人龍虎鏡 ;
10. С орнаментом в форме “сосцов” и изображениями небожителей и животных, *ню̄синдзю̄кē* 乳神獣鏡 ;
11. С изображениями животных, *дзю̄монкē* 獣文鏡 ;
12. С головами животных, *дзю̄тōкē* 獣頭鏡 ;
13. С орнаментом в форме “сосцов” и изображениями священных животных, *ню̄дзю̄монкē* 乳獣文鏡 ;
14. С изображениями небожителей, *синдзинмонкē* 神人文鏡 ;
15. С головами небожителей, *дзинтōкē* 神頭鏡 ;
16. С изображениями небожителей, лошадей и повозок, *синдзинсябакē* 神人車馬鏡 ;
17. С орнаментом в форме букв TLV, *хōкакукикукē* 方格規矩鏡 ;

[1] *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 55-56.

18. С орнаментом в форме TLV и четырьмя мифическими животными-божествами, *хōкакукику сисинкē* 方格規矩四神鏡 ;
19. С орнаментом в форме квадрата и букв “T”, *хōкакутидзикē* 方格 T 字鏡 ;
20. С изображениями морских животных и винограда, *кайдзю̄будōкē* 海獣葡萄鏡 ;
21. С изображениями птиц, *тē̄монкē* 鳥文鏡 ;
22. С изображениями крокодилов и драконов, *дарю̄кē* 鼉龍鏡 ;
23. С изображениями драконов, *рю̄монкē* 龍文鏡 ;
24. С изображениями обезьян и фениксов, *энхōкē* 猿鳳鏡 ;
25. С орнаментом в форме “сосцов”, *ню̄монкē* 乳文鏡 ;
26. С орнаментом в форме квадрата и “сосцов”, *хōкакуню̄монкē* 方格乳文鏡 ;
27. С колокольчиками, *рэйкē* 鈴鏡 ;
28. Со сценой охоты, *сюрē̄монкē* 狩猟文鏡 ;
29. С орнаментом в форме жемчужин, *сюмонкē* 珠文鏡 ;
30. С орнаментом в виде змеек и драконов, *кирю̄монкē* 夔龍文鏡 ;
31. С гребенчатым орнаментом, *кусибамонкē* 櫛歯文鏡 ;
32. С треугольным орнаментом, *санкакумонкē* 三角文鏡 ;
33. С орнаментом из соединяющихся дуг, *рэнкомонкē* 連弧文鏡 ;
34. С орнаментом из концентрических окружностей, *дзю̄кэнмонкē* 重圏文鏡 ;
35. Со спиралевидным орнаментом, *удзумонкē* 渦文鏡 ;
36. С простым линейным орнаментом, *татю̄саймонкē* 多鈕細文鏡 ;
37. С “вихревым” орнаментом, *нэдзимонкē* 捩文鏡 ;
38. С орнаментом из буддийских свастик, *манкэй монкē* 卍系文鏡 ;
39. С орнаментом “звезды и облака”, *сэйунмонкē* 星雲文鏡 .

Илл. 15. Типы бронзовых зеркал,
найденных в курганных захоронениях Японии[1]

(6) Бронзовые зеркала в Японии периода *кофун*[2]

В Японии в период *яёй* среди китайских бронзовых зеркала бытовали такие раннеханьские типы, как зеркала с орнаментом из соединяющихся дуг *рэнкомонкē* 連孤文鏡 (иначе, с орнаментом «внутренний цветок» *найкōкамонкē* 内行花文鏡), с орнаментом «звезды и облака» *сэйунмонкē* 星雲文鏡 и другие, а также такие позднеханьские типы, как с «квадратом и орнаментом в форме букв TLV» *хōкакукикукē* 方格規矩鏡 и др.; в основном, их полагали в «царские могилы» на Сев. Кю̄сю̄. В период *кофун* в курганные захоронения, главным образом, в Кинай полагали бронзовые зеркала таких типов, как с поясом

[1] По: *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 210-211, табл. 3.
[2] См.: *Ōцука Хацусигэ* 大塚 初重, *Кобаяси Сабурō* 小林 三郎 (編集). Кофун дзитэн 古墳辞典. – Токио 東京: Токē̄дō сюппан 東京堂出版, 1982. – С. 372-390.

рисуночного орнамента и изображениями небожителей и животных *гамонтай синдзюкё* 画文帯神獣鏡, а также с треугольной кромкой и с изображениями небожителей и животных *санкакуэн синдзюкё* 三角縁神獣鏡 и др. Среди японских зеркал-подражаний имелись крупноформатные экземпляры с диаметром более 20 *см*, а также с узором *тёккомон* 直孤文, с изображениями строений *каокумон* 家屋文 [1] и др.; появлялись японские бронзовые зеркала с оригинальными дизайном и формой, например, зеркала с бубенцами *рэйкё* 鈴鏡.

В целом, можно констатировать, что в курганных захоронениях Японии были найдены зеркала, относящиеся к типам, распространенным в Китае в периоды Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) и Троецарствия 三国时代 (220-280 гг. н.э.). Некоторые из них, например, с изображениями «небожителей»[2], видимо, продолжали бытовать и в эпоху Цзинь 晋 (265-420 гг.). В их числе присутствуют и раннеханьские типы. Такое разделение типов зеркал, тем не менее, не даёт возможности точно определить место их производства, так как существовало достаточно большое количество подражаний японского производства (*бōсэйкё* 仿製鏡).[3] Например, по мнению М.В. Воробьёва, зеркала японского производства составляли 3/4 от общего числа.[4] Трудности определения требуют введения дополнительных данных (в частности, результатов химического анализа), уточняющих время и место их производства. Тем не менее, можно с большим или меньшим основа-

[1] Зеркало с изображением древнеяпонских зданий четырех типов (*каокумонкё* 家屋文鏡, IV в. н.э.).

[2] В своей статье о бронзовых зеркалах в древней Японии С.В. Лаптев (*Лаптев С.В.* Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 181-221) везде переводит「神」и「神人」в названиях типов зеркал как «небожители», но, на самом деле, за этим скрываются три вида божественных сущностей: (1) божества, вроде *Си-ван-му* 西王母 («Владычица Запада») и *Хуан-ди* 黄帝 («Жёлтый император»); (2) собственно «небожители» – *сяни* (ед.ч. *сянь*) 仙 «бессмертные»: *шэнь сянь* 神仙 – «божественный бессмертный», *тянь сянь* 天仙 – «небесный бессмертный», «небожитель»; (3) 四神 *сы шэнь* – четыре мифические животных, божества-покровители четырех сторон света (подробнее см. С. 232-233).

[3] Даже сами критерии отличения оригинальных китайских зеркал от подражаний *бōсэйкё* не совсем чёткие (*Лаптев С.В.* Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 186).

[4] *Воробьев М.В.* Древняя Япония: историко-археологический очерк / Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – С. 86.

нием предположить, что широкое распространение того или иного типа зеркал в Китае соотносится по времени с началом изготовления подражаний *бōсэйкē* данного типа в Японии.[1]

При переходе от *яёй* к *кофун* также происходит кардинальная смена типов зеркал: как отмечает С.В. Лаптев, в принципе, типы зеркал в яёйских захоронениях, как правило, не характерны для курганов за одним важным исключением – типа с орнаментом «внутренний цветок» – *найкōкамонкē* 内行花文鏡). Действительно, среди зеркал периода *кофун* зеркала с орнаментом «внутренний цветок», производившиеся в Китае в период Ранней династии Хань 前漢 (206 г. до н.э. – 9 г. н.э.), составляют большую группу – 68 шт. (13%). Присутствие столь раннего типа зеркал в курганных захоронениях[2] особенно интересно, причём наиболее распространенным он оказывается в районе Кинай 畿内 (преф. Нара 奈良).[3]

Длительное бытование типа с орнаментом «внутренний цветок» в Японии, наличие его в захоронениях как *яёй*, так и *кофун*, массовое присутствие столь раннего типа зеркал (Ранней Хань) в курганных захоронениях района Кинай, «колыбели японской государственности» – всё это подтверждает гипотезу о том, что именно этот тип бронзовых зеркал стал прототипом т. н. «зеркала Ята» 八咫鏡 (яп. *ята-но кагами*) – одной из трёх императорских регалий (см. также С. 198, прим. 1 на С. 198 данной статьи).

В целом, в период *кофун* (в период ранний *кофун*, если основываться на хронологии зеркал с треугольной кромкой и изображениями небожителей и животных *санкакуэн синдзюкē* 三角縁神獣鏡), в курганные захоронения, начиная с Кинай, стали полагать, главным образом, такие типы бронзовых зеркал как с поясом рисуночного орнамента и изображениями небожителей и животных *гамонтай синдзюкē* 画文帯神獣鏡, а также вышеуказанные зеркала с треугольной кромкой и изображениями небожителей и животных (этот и другие типы китайских зеркал относятся к периоду Вэй, III в., период Троецарствия 三国 220-280 гг.).

---

[1] *Лаптев С.В.* Указ. соч. С. 187.

[2] Захоронение китайских зеркал в Японии запаздывает по сравнению со временем их изготовления в среднем на 100-300 лет (см.: *Лаптев С.В.* Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 184, прим. 2).

[3] См.: Там же. С. 183-184; 210, табл. 3.

При этом, начало периода *кофун* в Японии отмечено важными изменениями; так, с середины III в. н.э., на равнине Нара возникает новый тип монументальных захоронений – курганы *кофун*.[1] Как раз среди предметов погребального инвентаря, характерного для этих курганов, появляется новый тип зеркала – с треугольной кромкой и с изображениями небожителей и животных (*санкакуэн синдзю̄кэ̄* 三角縁神獣鏡)[2], что свидетельствует о новой социально-политической ситуации, которая складывается в то времени на японском архипелаге.[3] Большинство зеркал этого типа найдены в районе Кинай (совр. преф. Нара, Осака, Киото) с центром в Ямато (совр. преф. Нара).

Тип зеркал с изображениями небожителей и животных (*синдзю̄кэ̄* 神獣鏡) – наиболее распространённый (121 зеркало – 23,5%).[4] В Китае этот тип появился в середине династии Восточная Хань 東漢 (иначе, Поздняя Хань 後漢) и характерен для района Янцзы 長江 конца этой династии и царства У 吳 (222-280 гг.)[5] на юге Китая.[6] Такие бронзовые зеркала были популярны в период Троецарствия и Западной Цзинь и использовались до периода Южных и Северных династий 南北朝 (420-589 гг.), что отражало популярность в народе в то время даосских идей о «небожителях» *шэньсян* 神仙.

К типу зеркал с изображениями небожителей и животных близок и тип с изображениями будд и животных (*буцудзю̄кэ̄* 仏獣鏡). Зеркала этих типов найдены в курганах по всей Японии, однако половина их сосредоточена в современном районе Кансай (особенно Киото 京都, Нара 奈良 и Хёго 兵庫).

---

[1] О могильных насыпях периода *яёй* и курганах периода *кофун* в связи со становлением государственности в древней Японии см.: *Бакшеев Е.С*. Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи. С. 432-490.

[2] См.: *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 206, илл. 2; *Бакшеев Е.С*. Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун*. С. 235, фотография № 7.

[3] *Gilaizeeu Linda*. Les miroirs sankakubuchi shinjū: témoins de l'émergence d'un pouvoir centralisé dans le Japon protohistorique (IIIe-IVe siècle) // Les marqueurs archéologiques du pouvoir (Collections: Archéo.doct). – Paris: Éditions de la Sorbonne, 2016. – P. 49-56.

[4] См.: *Лаптев С.В*. Указ. соч. С. 210, 219, табл. 3.

[5] Период Троецарствия 三国 220-280 гг.

[6] *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. С. 185.

Зеркал с треугольной кромкой и изображениями небожителей и животных, относящихся к периоду *кофун,* гораздо больше, чем было всего зеркал всех типов в период *яёй*; их отличительная характеристика: они концентрируются в нескольких больших курганах Ямато (равнина Нара); при этом, некоторые из этих зеркал были изготовлены в тех же литейных формах, что и зеркала, найденные в небольших курганах по всему архипелагу. Это дает основание японским учёным выдвигать теории о роли бронзовых зеркал и, шире, престижных бронзовых изделий в процессе политогенеза и формирования ранней государственности в Японии периодов *яёй* и *кофун*.

(7) Бронзовые зеркала и ранняя японская государственность

Как сказал один из японских исследователей, «бронзовые зеркала как погребальный инвентарь, положенный в захоронения периода *кофун*, – одно из самых важных свидетельств, проясняющих политическую структуру общества *кофун*».[1]

(7.1) Бронзовые зеркала как «предметы престижа» и «престижное общество» *яёй* и *кофун*

Систематический импорт бронз в Японию с континента начался не с самого начала периода *яёй*, а через некоторое время, с началом формирования – вследствие внедрения сельскохозяйственного производства) – относительно сложного стратифицированного общества, которому были нужны особо престижные вещи[2] – культовая и церемониальная утварь, символы власти. Так, в древнем Китае производство и функционирование бронзовых изделий контролировалось элитой; оружие и церемониальная утварь изготовлялись для поддержания ее власти. И в древней Японии также очевидно имела место манипуляция престижными материальными объектами (*исэйхин* 威勢品), которые символизировали принадлежность к группе; она осуществлялась посредством контроля над их приобретением (импортом), производством и распределением. Так, элиты Северного Кюсю, которые контролировали изготовление ритуального оружия (копий), распределяли

[1] *Уэно Ёсифуми* 上野 祥史. Кофун дзидай-ни окэру кагами-но бумпай то хоё 古墳時代における鏡の分配と保有 // Кокурицу рэкйси миндзоку хакубуцукан кэнкюхококу 国立歴史民俗博物館研究報告. – 2018. – № 210 第 211 集. – С. 109.

[2] О бронзах *яёй* как о престижных вещах, «предметах престижа» см.: *Бакшеев, Е.С.* Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун*. С. 222-243; а также статью Е.С. Бакшеева в настоящем сборнике.

его меж- ду вождями подконтрольных им территорий. Высказывается предположение, что вожди региона Кинай контролировали производство бронзовых колоколов *дōтаку* 銅鐸 и, возможно, так же раздавали их «как милость» различным общинам.[1]

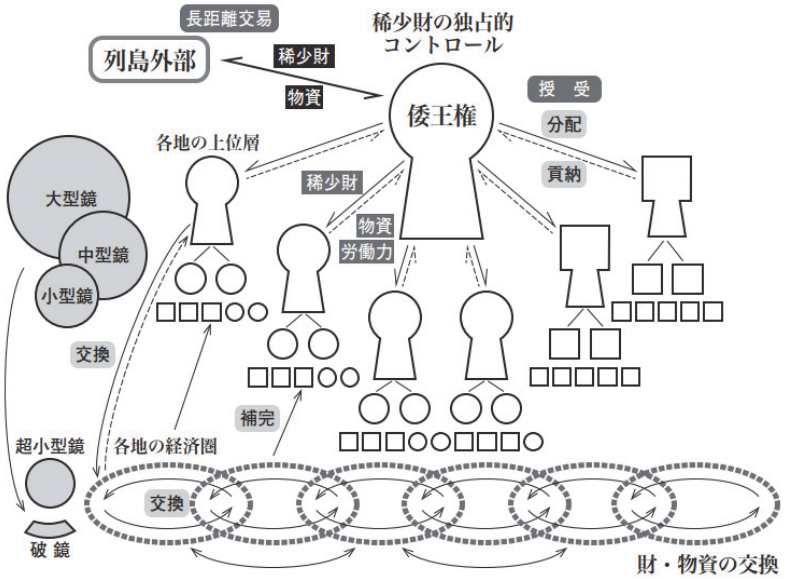


図 11　古墳時代開始期における鏡の流通にみる二重構造モデル

Илл. 16. Двухуровневая модель обращения бронзовых зеркал в японском обществе в начальный период *кофун* (начало-середина III в. н.э.): монопольный контроль «царства Ямато» (Кинай) за дефицитными вещами и материалами (иерархичность выражена через форму и размеры курганов).

В японской науке выдвинуты теории о том, что японское общество периодов *яёй* и *кофун* – это т. н. «престижное общество»[2], для

[1] Бронзовые барабаны культуры *донгшон* (Южный Китай – Северный Вьетнам), с которыми типологически сходны японские *дōтаку* 銅鐸, служили, в частности, символом власти, знаком богатства и мерилом ценностей при товарообмене. Ареал распространения бронзовых барабанов весьма обширен: от Индонезии на юго-востоке до Бирмы на западе и Монголии на севере. Ещё в XX в. у *ламетов* Лаоса они являлись показателем общественного положения и материального благополучия, выступая в качестве заменителя денег, стоимостного критерия всех остальных реальных ценностей и даже людей.

[2] О бронзовых зеркалах как предметах престижа и о «престижном обществе» периодов *яёй* и *кофун* см.: *Tsujita Jun'ichiro*. Formation and transformation of the Prestige good

которого была характерна система приобретения и распределения предметов престижа (*исиндзай хайфу сисутэму* 威信財配布システム) – в основном, импортных (а затем местных) бронзовых изделий (зеркал, оружия и колоколов *дōтаку*).[1] Например, согласно традиционной точке зрения японских ученых, для общества финального *яёй* на Сев. Кю̄сю̄ такая система сложилась в «государстве» Яматай-коку вокруг её правительницы Химико. Эта система приобретения и распределения предметов престижа, а именно бронзовых зеркал**,** возникла на Сев. Кю̄сю̄ уже во второй половине среднего *яёй* благодаря дипломатическим контактам с китайским двором; с I в. до н.э. бронзовые зеркала периодически ввозились из округа Лэлан 楽浪.[2] При этом, проблема импорта и распространения зеркал также тесно связана с проблемой времени, места и характера социального развития (стратификации) японского общества того времени (периоды *яёй* и *кофун*) – японские учёные стоят перед вопросом: появилась ли в Кинай местная элита уже в позднем *яёй* или этот регион стал центром межрегиональных политических связей только в период *кофун*?[3]

«Повсеместное отсутствие» (выражение Д. Барнс) импортных престижных вещей (в том числе, бронзовых зеркал и бронзовых изде-

---

system and identity: the case of the Japanese archipelago from the 3rd through the 5th centuries // Interaction and transformations: Bulletin of Japan society for the promotion of science. 21st Century COE Program (Humanities), East Asia and Japan. – 2006. – Vol. 4. – P. 53-89; *Tsujita Jun'ichiro*. The Change in the distribution system of bronze mirrors at the beginning of *kofun* period Japan. P. 49-55; *Barnes Gina L*. Prestige goods and class identity (mid-3rd to mid-4th centuries) // *Barnes Gina L*. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 163-177; *Mizoguchi Koji*. The Evolution of prestige good systems: an application of network analysis to the transformation of communication systems and their media // Network analysis in archaeology. New approaches to regional interaction / Edited by Carl Knappett. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 151-178; *Nakakubo Tatsuo*. Inter-regional interaction strategies in the early state formation of Ancient Japan. P. 88-90.

[1] «Предметом престижа» может выступать и высокачественная керамика, например, т.н. «чернолощёная керамика *маён* из Пэкче» 백제흑색마연토기 (*Пэкче хыксэк маён тхоги*), которую производили в юго-восточной Корее с конца III в. по сер. V в. н.э. и которая «как предмет престижа сыграла важную роль в становлении государства Пэкче» (*Nam Sangwon*, *Walsh Rory*, *Lee Gyoung-Ah*. Innovation, imitation, and identity: *Mayeon* Black ware and social complexity in Southwestern Korea // Archaeological research in Asia. – 2020. – Vol. 23. – P. 1).

[2] *Tsujita Jun'ichiro*. Formation and transformation of the Prestige good system and identity. P. 77.

[3] *Tsujita Jun'ichiro*. The change in the distribution system of bronze mirrors at the beginning of *kofun* period Japan. P. 49-55.

лий вообще) в Восточном Сэто в период средний-поздний *яёй* может означать, что этот регион в то время не находился в прямом контакте с китайским округом Лэлан в Корее. По сравнению с богатыми индивидуальными захоронениями в Сев. Кю̄сю̄ могилы в Восточном Сэто «заметно» не содержат сопроводительного инвентаря и обычно сооружались семейными группами. Все это указывает на то, что Восточный Сэто для того, чтобы вторично перерабатывать бронзовые изделия (с целью изготовления, например, *до̄таку*), не получал их напрямую с континента, а, в основном, поддерживал связи непосредственно с Западным Сэто (Кю̄сю̄).[1]

Японский историк и мифолог Мисина Сё̄эй 三品 彰英 обратил внимание на смену бронзовой ритуальной утвари в ритуалах *яёй* и *кофун*: «земные ритуалы» с *до̄таку* и ритуальным бронзовым оружием (地的宗儀である銅鐸•武器形青銅器の祭祀) сменились «небесными ритуалами» (天的宗儀である銅鏡の祭祀) с бронзовыми зеркалами.

В самом деле, в конце периода *яёй* – начале *кофун* (III в. н.э.) в результате качественной трансформации общества произошёл, начиная с региона Кинай, кардинальный переход от разнородных общинных сельскохозяйственных ритуалов (с закапыванием бронзовых изделий) к унифицированному вождескому погребальному обряду, связанному с курганами *кофун* и использованием бронзовых зеркал (в том числе, местного производства), вследствие чего *до̄таку*, хранившиеся в закопанном состоянии, так и остались в земле.[2] Бронзовые зеркала (преимущественно других типов, чем при *яёй*) по-прежнему использовались в погребальной обрядности (полагались в захоронения в курганах) на протяжении периода ранний *кофун* (сер. III – конец IV в. н.э.). При этом, как отмечают археологи (напр., Р. Пирсон), в этот период бронзовые зеркала приобрели бóльшую значимость, т.к. их функции изменились от «объектов общинных ритуалов», которыми они были подобно другим бронзовым изделиям в ходе предшествующего периода *яёй*, – к символам власти, ранга и престижа в конце *яёй* – начале *кофун*.[3] Кроме того, в период ранний *кофун* – в отличие от *яёй* – захоронения с большим количеством бронзовых зеркал (бо-

[1] *Barnes G.L.* Protohistoric Yamato: Archaeology of the first Japanese state. P. 62.
[2] *Ishino Hironobu*. Rites and rituals of the Kofun period // Japanese journal of religious studies. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 192; *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй. С. 59.
[3] *Pearson R.* Ōsaka Archaeology. P. 27.

лее 10 шт.) становятся обычной практикой; при этом, эти захоронения не ограничиваются правителями и высшей элитой, как в поздний *яёй.* В целом, для периода ранний *кофун* характерна ритуализованная власть региональных правителей, которая символизировалась бронзовыми зеркалами, а также бусами из яшмы и «зеленого туфа», которые полагались в их курганные захоронения.[1]

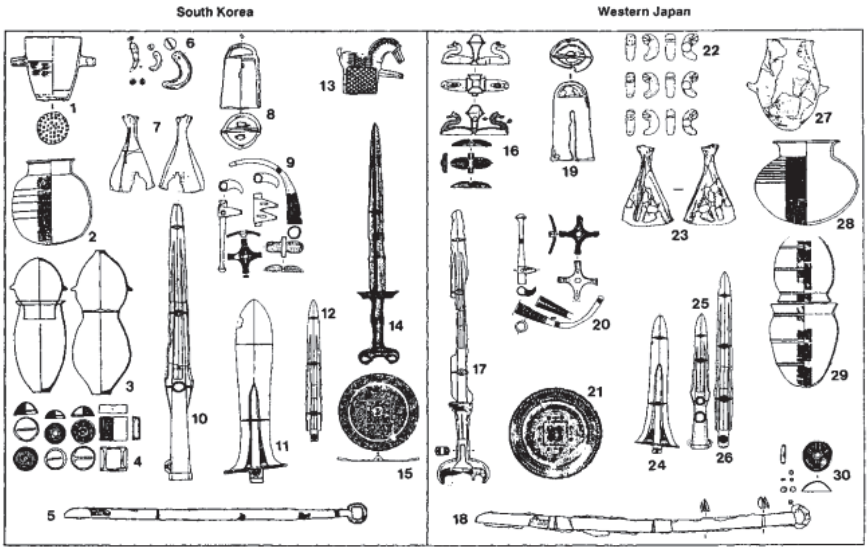
«Система приобретения и распределения предметов престижа» в Японии с раннего до среднего *кофун* (сер. III в. н.э. – конец V в. н.э.) развивалась в условиях взаимоотношений местных *политий* с китайскими династиями Вэй, Западная Цзинь и Южная Сун (南朝宋, иначе Лю Сун 劉宋 420-479 гг.), а также с (прото)государственными образованиями на Корейском полуострове.[2] Период ранний *кофун* характеризуется массовым притоком в регион Кинай бронзовых зеркал династий Поздней Хань и Вэй-Цзинь, а также принятием в Ямато (Кинай) нового унифицированного вождеского погребального обряда (со строительством курганов и положением в захоронения стандартного комплекта погребального инвентаря, включая бронзовые зеркала) и его распространением в регионах, граничащих с Кинай. Так в начале периода *кофун* по всей Японии сложилась обширная система распределения и использования предметов престижа (бронзовых зеркал), которая быстро развивалась вместе с новыми погребальными обрядами на «квадратно»-круглых курганах. Как следствие, произошла реорганизация властных взаимоотношений между регионами и режимом Ямато, а также между регионами вокруг Кинай.[3]

Таким образом, в период ранний и средний *кофун* центр(ы) получения и распределения предметов престижа (бронзовых зеркал) были сосредоточены в *политии* Ямато в Кинай. Во многих регионах вокруг Ямато развились неустойчивые, подвижные властные отношения и конкуренция за обладание бронзовыми зеркалами, символом законной власти, особенно в момент смерти прежнего вождя или смены поколений элиты. Система распределения бронзовых зеркал была сосредоточена в руках правителей режима Ямато, которые одаряли этими символами инвеституры власти местных вождей различных регионов в то время, когда они приходили к власти после смерти своих

[1] *Barnes G.L*. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 9.
[2] *Tsujita Jun'ichiro*. Formation and transformation of the Prestige good system and identity: the case of the Japanese archipelago from the 3rd through the 5th centuries. P. 74.
[3] Ibid. P. 78.

предшественников.[1]

(7.2) Япония как «вторичное государство» и влияние Китая и Кореи



Илл. 17. Артефакты (предметы сопроводительного инвентаря), общие для элитных захоронений юга Корейского п-ова и С. Кюсю в первых веках н.э.[2]

Исходя из теории о разделении ранних государств на первичные (*pristine*) и вторичные (*secondary*), Китай, безусловно, относится к первичным государствам, в то время как *политии* Корейского полуострова и Японского архипелага – ко вторичным. Первичные государства возникали в результате собственного спонтанного независимого развития в благоприятных для роста производства и численности населения природно-климатических зонах. Вторичные государства возникали по соседству с первичными под влиянием уже сформировавшихся первичных центров цивилизации. Влияние первичных государств могло быть как прямым, в виде непосредственного заимствования тех или иных институтов или структурных принципов, так и опосредованным, путём давления на «варварскую» периферию. Последнее катализировало процессы политогенеза у «менее цивили-

[1] *Tsujita Jun'ichiro*. Op. cit. P. 74.
[2] По: *Barnes G.L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 73.

Table 3.2 Comparative artefact repertoires of burials in the southern Korean Peninsula and North Kyūshū during the Commandery Period (compiled from Seyock 2003)

Proto-Three Kingdoms burials in southern Korean Peninsula	*Middle-Late Yayoi burials in Tsushima, Iki and N. Kyūshū*
Local ceramics:	
Wajil pottery (1, 3), some paddled stoneware (2)	Yayoi pottery (29)
Non-local ceramics:	
Yayoi pottery	Wajil pottery, Mumun pottery (27) stoneware (28)
Weapons:	
Chinese-style:	
halberds (11)	bronze and iron halberds (24)
socketed spearheads, iron and bronze (10)	socketed bronze and iron spearheads (25)
iron arrowheads	iron arrowheads
ring-pommelled 1-edged iron sword (5)	ring-pommelled 1-edge iron sword (18)
Peninsular-style:	
narrow bronze 2-edged swords (12)	narrrow bronze and iron 2-edged swords (26)
stone arrowheads	
Chinese bronzes:	
Han mirrors (15)	Han mirrors (21)
horse and carriage fixtures (9)	horse and carriage fixtures (16)
	Wang Mang and other coins
Nomadic bronzes:	
animal-style objects (belt hooks (13), hilts)	animal-style objects (hilts)
ornamented buttons (4)	ornamented buttons (30)
antennae 2-edged swords (14)	antennae 2-edged swords (17)
Personal ornaments:	
glass, agate, stone round, cylindrical, curved beads (6) blue, green	glass, agate, stone round, cylindrical, curved beads (22) blue, green
bracelets of different materials	bronze bracelets
Tools:	
stone and clay net-sinkers	net-sinkers
iron spade shoes	iron spade shoes
small iron knives, axes	small iron knives
stone reaping knives	stone reaping knives
stone & iron sickles	iron sickles
iron or bone fish hooks	harpoons, iron fish hooks
stone & iron adze	iron adzes
Ritual objects:	
animal scapulae oracle bones (7)	wild boar scapulae oracle bones (23)
imitation bronze mirrors	imitation bronze mirrors
bronze bell (8)	bronze bells (19)

Илл. 18. Сравнительная таблица артефактов (предметов сопроводительного инвентаря), общих для элитных захоронений юга Корейского п-ова и региона Сев. Кюсю в период ранний-средний *яёй* («легенда» к илл. 17)[1]

[1] Ibid. P. 74.

зованных» соседей. В результате, рядом с центрами архаических цивилизаций (Китай) возникли новые *политии* (*политии* Корейского полуострова и Японского архипелага).[1]

Экономическое, социально-политическое и культурное развитие *политий* Корейского полуострова и Японского архипелага на рубеже эпох проходило, в целом, однотипно, – не говоря о том, что полуостров выступал демографическим и культурным «донором» архипелага. Более того, ряд видных ученых считает, что в то время полуостров и архипелаг составляли гомогенное или единое (одно) цивилизационно-культурное пространство.[2] Северная и северо-западная часть о. Кюсю, откуда происходят наиболее ранние памятники *яёй*, ближе всего к материку Азии в области Корейского пролива, и именно материальная культура Кореи является наиболее близкой к *яёй* типологически (погребения, керамика и др.).[3] По выражению С.В. Лаптева, «фактически, на Северном Кюсю в бронзе мы видим продолжение корейской культуры».[4] Поэтому результаты научного анализа социально-политического развития Корейского подуострова накануне новой эры и в первых веках н.э. вполне приложимы к Японскому архипелагу.

В юго-западной части Корейского полуострова после появления аграрных обществ ок. 1500 г. до н.э. социальная структура стала резко усложняться. В Японии (Сев. Кюсю), где был воспринят культурный комплекс *сонгунни* из юго-западной Кореи, социальная стратификация, вероятно, началась в первых веках до н.э. Для Кореи бронзового века типичными находками того периода являются бронзовые кинжалы в форме *типа* (китайской «лютни») и корейские бронзовые зеркала; аналогичная ситуация в Японии эпохи *яёй*: только в Японии бытовал т. н. «узкий» кинжал, который оформился из *типа*-образного кинжала ещё на полуострове, а также корейские и китайские бронзовые

[1] *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. 2-е изд. – М.: Логос, 2004. – С. 183.

[2] «Единая культура корейцев (Хан 韓) и японцев (Ва 倭) по берегам Корейского пролива в первых веках н.э.» (*Seyock Barbara*. Memories from Abroad: Han 漢 Chinese and Nomadic Heritage in Korean and Japanese Archaeological Contexts // Crossroads — Studies on the History of Exchange Relations in the East Asian World / Ed. by Barbara SEYOCK and Angela Schottenhammer. Vol. 9. Special Issue: Trade and Interaction in Ancient Northeast Asia: Reassessing Archaeological and Documentary Sources. – 2014. – P. 5-6). Также: «Сфера взаимодействия вокруг Желтого моря» (Д. Барнс), «Сфера взаимодействия вокруг округа Лэлан» (южнокорейские авторы) (Op. cit. P. 74).

[3] См.: *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй*. С. 167.

[4] Там же. С. 176.

зеркала. В раннем бронзовом веке в Корее отмечался быстрый рост населения, а также происходила социальная реорганизация на региональном уровне, что повлекло сосуществование различных локальных культур. Затем, ок. 800 г. до н.э. население стало концентрироваться в некоторых местностях, что привело к началу формированию однородной культуры. В Корее в бронзовом веке уже существовали социальные слои и небольшие *политии* – т. н. «племенные государства» («племенные союзы»), которые возглавляли правители («вожди»). Эти племенные государства сформировали первые формы государственного устройства в Корее и, таким образом, представляют собой первый прототип корейской политической культуры.

Примерно с III в. до н.э. Корейский полуостров вступил в тесные и всё нарастающие контакты как с северо-восточной Азией, так и с Японским архипелагом. Контакты с ханьским Китаем, в особенности, стали главным фактором трансформации социальной организации на полуострове – ни в селениях, ни в захоронениях почти не отмечается иерархичность до III в. до н.э., после чего наблюдаются явные свидетельства социальной стратификации.[1] Три Хан 三韓 , экспортируя в Китай железное сырье, могли импортировать оттуда качественные товары – как бытовые вещи, так и престижные изделия (бронзовые зеркала). В результате этого, в обществах трёх Хан усилились социальная диверсификация, которая характеризовалась интенсификацией социальной иерархии, а также концентрация богатства у элитных групп.[2]

Согласно «Саньго чжи» 三国志 («Записи о Трёх царствах», III в. н.э.) и «Хоуханьшу» («Истории Поздней Хань», V в. н.э.), в юго-западном регионе Корейского полуострова, который стал цивилизационным «донором» Японии периода *яёй*, находилось 54 *политии* (кор. *гук* = кит. *го* = яп. *го / коку*). Они совокупно назывались Махан, который исследователи также определяют и как «племенной союз», и как «союз политий», но эти *политии* были независимы друг от друга; их называют протогосударствами, «мелкими государствами»[3] или вождествами.[4]

---

[1] *Moyer A.C.* Deep reflection: An Archaeological analysis of mirrors in Iron Age Eurasia. P. 201.

[2] Dictionary of Korean Archaeology. P. 698.

[3] Количество дворов у них разнилось – от тысячи до десятков тысяч.

[4] *Kim Minkoo*. Collective action and leadership strategies in the Mahan polities: An exami-

Исследователи отмечают, что дипломатические отношения *политий* полуострова с Китаем были не равноправными отношениями между государствами, а представляли собой уровень отношений государства (Китай) с вождествами.[1] При этом, участвуя в такой сети отношений типа «дань и инвеститура», но на более ником уровне, мелкие *политии*, испытывали давление со стороны соседних централизованных государств. Однако эти дипотношения были важны для *политий* полуострова ещё и потому, что эти отношения ослабляли напряженность между этими корейскими протогосударствами, которые постоянно враждовали между собой, и позволяли им сохранять их политическую автономию.[2]

В период *яёй* несколько японских территориальных образований (*политий* типа «общин–государств» или вождеств в составе «федерации Ва 倭») северо-западного Кю̄сю̄ в борьбе за гемонию на островах самостоятельно, по-отдельности установили контакты с китайскими династиями. Так, хорошо известно, что дипломатические отношения с Китаем в I в. н.э. поддерживались правителем «государства» На-*коку* / На-но *куни* 奴国 (кит. Ну).[3] Как уже отмечалось, в этих контактах заметную роль занимали ценные дары, особенно, бронзовые зеркала китайского производства. Этими зеркалами вместе с другими дипломатическими дарами – наряду с высокими рангами и почетными титулами, а также легимитизацией их власти в качестве правителей своих территорий – их наделяли китайские императоры в знак признания их вассалитета.[4]

(7.3) Социально-экономическое развитие и политогенез в древней Японии

В Японии в период *яёй*, т.е. примерно с 500 г. до н.э. до III в.

---

nation of grave goods from Bogam-ri Tomb, Naju, Korea. P. 2.

[1] В Японии периода средний и поздний *яёй*, где социально-политическая ситуация развивалась, в целом, сходным образом, такие *политии* исследователи называют «общинами-государствами».

[2] См.: *Kim Minkoo*. Collective action and leadership strategies in the Mahan polities: An examination of grave goods from Bogam-ri Tomb, Naju, Korea. P. 13.

[3] См.: раздел (4.3) статьи на С. 200-203 данного сборника.

[4] Таким образом, китайские бронзовые зеркала играли важную роль на Сев. Кю̄сю̄ у местных элит уже в среднем *яёй* (рубеж эпох). В это время на востоке, в Кинай, центральном районе о. Хонсю, местные элиты ещё не имели доступа к такому типу престижных предметов как бронзовые зеркала; там символами престижа служили большие бронзовые колокола *дōтаку.*

н.э., местные сообщества развились от уровня племени до вождества. Их социальное и культурное развитие в этот период, несмотря на общую производительную базу (заливное рисоводство), сильно разнилось по скорости и характеру развития и типу взаимодействия с другими регионами. Более того, взаимодействие сообществ архипелага с Китаем и Кореей играло главную роль в развитии «социальной сложности» этих сообществ. Торговля и другие контакты (дипломатические обмены) японских *политий* с китайскими округами в Корее и, в конечном итоге, с Китаем способствовали резкому усилению социальных различий в этих образованиях.

«Царские могилы» на Сев. Кю̄сю̄ датируются между концом раннего *яёй* и финальным *яёй*. В захоронениях первых вождей Сев. Кю̄сю̄ (ранний *яёй*) полагалось просто больше стандартного сопроводительного инвентаря, который присутствовал и в рядовых могилах; они располагались в центре коллективных могильников. «Царские могилы» вождей позднего *яёй* были отделены от общего кладбища; сопроводительный инвентарь включал в себя более широкий набор различных предметов, включая импортные китайские изделия (в том числе, бронзовые зеркала), что указывает на торговлю с китайскими округами на Корейском полуострове. Исходя из богатства их погребального инвентаря «царских могил» позднего *яёй*, учёные полагают, что социальная стратификация там возникла уже в период *яёй*.[1]

Внедрение заливного рисоводства стало фундаментальным фактором формирования японского этноса, а знакомство с металлическими изделиями и технологией их изготовления имело политико-правовые[2] и религиозно-магические аспекты с длительным и мощным влиянием на государственное устройство и культурные традиции Японии. Отмечалось, что железо и бронза были ввезены на Японские острова примерно в одно время. В общем, если железные орудия использовались в практических целях (сельскохозяйственные и другие бытовые режущие инструменты), то бронзовые изделия в основном имели хождение как ритуально-церемониальная утварь и сокровища. Из истории многих стран известно, что потребность в такой утвари порожда-

[1] *Barnes G.L*. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 71, 77.

[2] Японские историки применяют здесь синтоистский термин 神権 *синкэн* – букв. «власть *ками*», «священное право». Отсюда 神権政治 *синкэн сэйдзи – букв.* «политика, (основанная) на священном праве», теократия (греч. *Θεοκρατία* – «правление бога / богов»).

лась социальным развитием и усложнением структуры общества, вызванным внедрением сельскохозяйственного производства.

Особенность бронзы состоит в том, что её можно отливать в самых различных сложных формах, а готовые бронзовые изделия имеют прекрасный золотистый цвет, что, несомненно, явилось одной из причин их использования в качестве ритуальной утвари и средства накопления сокровищ. Бронзы *яёй* можно отнести к таким категориям материальной культуры (предметам, «вещам»), которые рассматриваются как знаки и символы, олицетворяющие образные представления японцев об окружающем мире. По мнению семиотиков, к таким предметам с постоянно высоким семиотическим статусом относятся украшения, амулеты, маски и т.п.; в сущности, это не «вещи», а знаки, поскольку их «вещность», утилитарность стремится к нулю, в то время как «знаковость» выражена максимально; подобные вещи безусловно относятся к духовной культуре. Эстетическое отношение древних японцев к оружию и к другим бронзам было важной причиной превращения изначально бытовых вещей в знаковые.

Как указывалось, в Японии импорт китайских зеркал начался во второй половине II в. до н.э. (период средний *яёй*, что соответствует эпохе Ранняя Хань) и продолжался до конца периода *яёй* (середина III в. н.э.); он имел значительный масштаб. Проникновение китайских бронз, в первую очередь зеркал, а также мечей и монет начинается на о. Кю̄сю̄, а через него и далее в глубинные районы архипелага (о. Хонсю).

Районирование производства и распространения бронз на Японском архипелаге происходило по двум основным культурным зонам Японского архипелага (Западный Сэто и Восточный Сэто) и менялось на протяжении периода *яёй*.[1]

1-й этап (ранний *яёй* – начало среднего *яёй*)

Западный Сэто (от Северного Кю̄сю̄ до Западного Хонсю) – зона оружия: мечи различных типов, клевцы, копья. Восточный Сэто (Центральный Хонсю) – зона *до̄таку*: главным образом, *до̄таку*, а также, в некотором количестве, мечи, копья, клевцы, но на крайнем востоке Хонсю в это время оружия нет. Центральный Сэто (пересечение этих двух зон): есть и оружие, и *до̄таку*. Другими словами, на раннем этапе эти две основные культурные зоны ещё не сделали свой

[1] См. илл. 2, 3 а, 3 б, 7, 10 (С. 255-256, 261, 264) в статье Е.С. Бакшеева в этом сборнике.

окончательный выбор, хотя тенденции к специализации уже обнаруживаются.

2-й этап (средний *яёй*)

В этот период картина усложняется, появляются местные разновидности бронз, т.е. идёт процесс формирования местных (региональных) культовых и политических центров. Западный Сэто: копья, клевцы. Восточный Сэто: *дōтаку*, оружие. Центральный Сэто: а) осакский тип клевца; б) особый, так называемый «плоский» меч 平形銅剣 (*хирагата дōкэн*) в бассейне Внутреннего моря *Сэтонайкай* (о. Сикоку: преф. Кагава, Эхимэ); в) особый тип меча из Идзумо.

3-й этап (поздний *яёй*)

Происходит унификация производимых бронз, ритуальная идентификация двух основных зон завершена; их наложения (пересечения) практически не отмечаются, а ранее зависимые от них регионы отбросили навязываемые ритуальные символы и обрели свои качественно новые ритуальные формы. Западный Сэто: сохранились копья и клевцы, а мечи исчезли. Восточный Сэто: остались почти одни *дōтаку*. Центральный Сэто: в Идзумо и на побережье *Сэтонайкай* бронз уже нет; в Киби на могильных насыпях (*функю̄бо* 墳丘墓) появляются прототипы *ханива* (погребальная пластика). Так регионы шли к политическому самоопределению через ритуальную и культурную самоидентификацию.

Малая территория, пригодная для заливного рисосеяния на Сев. Кю̄сю̄, быстрый рост населения (около 1% в год), стремительная стратификация общества *яёй* привели к появлению элит и к образованию и последующему слиянию территориальных образований (общин, яп. *кунù* 国). Конкуренция за плодородные земли, водные и пищевые ресурсы между соседними деревнями в сельскохозяйственном обществе постепенно переросла в противостояние политической силы и вооруженных формирований протогосударственных объединений. На основании археологических данных, ученые полагают, что на Сев. Кю̄сю̄ в I в. до н.э. вооруженные конфликты (в основном, за пахотную землю) между селениями и общинами были обычным делом; к концу тысячелетия они утихли, но затем в позднем *яёй* вновь вспыхнули и превратились в полномасштабную войну между «регионами»[1], т.е. «общинами-государствами». При этом, предполагается, что уже ок.

[1] См.: *Barnes G.L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 77.

100 г. н.э. произошла смена баланса сил между Сев. Кю̄сю̄ и более восточными регионами архипелага (побережье Сэтонайкай и Кинай, о. Хонсю) в пользу последних.

Илл. 19. Реконструкция территориальной иерархии «государства На-*коку*»[1]

[1] По: *Barnes G.L.* Op. cit. P. 76.

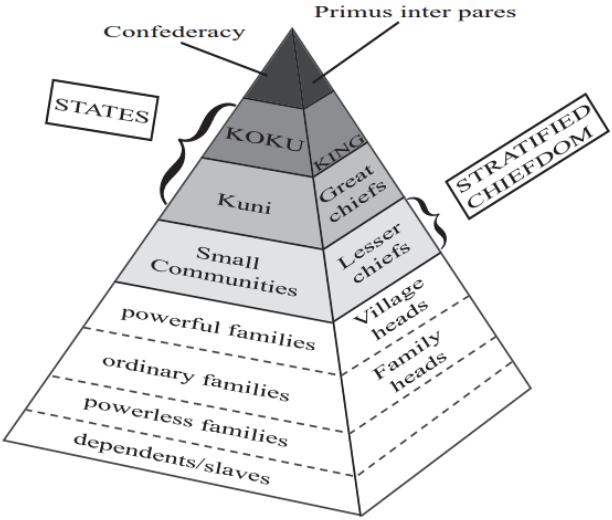


Figure 3.8 Organizational hierarchy of Yayoi *guo* hypothesized by Terasawa (adapted from Terasawa 2000: 143). Terasawa calls small communities having commoners plus Lesser chiefs 'stratified chiefdoms', while *kuni* and *koku* having commoners plus Great Chiefs or Kings are called 'states'

Илл. 20. Реконструкция структурной иерархии *кунù* 国 – «общины-государства» периода *яёй*[1]

Итак, период раннего-среднего *яёй*[2] – это время важнейших социально-политических преобразований: происходит переход от административно-политических единиц в виде «поселений» (邑 *мура*) к *территориальным* общинам (яп. *сатó* – «сёлам»), состоявшим из ряда «поселений», а затем – к т. н. «владениям» *кунù* 国, объединяющим несколько таких *территориальных* общин; эти образования *кунù* в современной науке получили название «общин–государств».[3] Дей-

[1] Op. cit. P. 75.

[2] Новая стандартная (общепринятая) хронология периода *яёй*, используемая сейчас в Японии: начальный Яёй (*сōки* 早期) — V–III вв. до н.э.; ранний *яёй* (*дзэнки* 前期), или *яёй*-I, — III–II вв. до н.э.; средний *яёй* (*тюкū* 中期) делится на три фазы: *яёй*-II — II в. до н.э., *яёй*-III — II–I вв. до н.э., *яёй*-IV — I в. до н.э. – I в. н.э.; поздний *яёй* (кōки 後期) делится на две фазы: *яёй*-V — I–II вв. н.э. и *яёй*-VI — III в. н.э. При этом, первая половина III в. н.э. – это переходный период; его также определяют и как финальный *яёй*, и как начальный *кофун*. Период ранний *кофун* сейчас датируется второй половиной III – IV вв. н.э.

[3] Понятие «общины–государства» введено в отечественное японоведение Д.А. Суро-

ствительно, как отмечает Д.А. Суровень, «процесс формирования общин–государств начинался с объединения нескольких небольших соседских общин–*поселений* в более крупную соседскую общину, получившую название *территориальной* общины. Затем происходило объединение несколько *территориальных* общин в *общину–государство*. … Если посмотреть структуру данного раннегосударственного образования, то можно увидеть, что община–государство включала в свой состав главное поселение (огороженное оборонительными сооружениями …), где находились органы управления государства, главные храмы, центральный рынок».[1]

Д. Барнс считает, что общество *яёй* Сев. Кюсю состояла из строго ранжированных, иерархичных и централизованных общин[2] (см. илл. 19-20). Д.А. Суровень на основе материалов китайских и корейских источников предложил следующую подробную схему социо- и политогенеза на Японских островах. Самые ранние гражданские общины (яп. *кунù*, кит. *го́*) у *вожэнь* (так в Китае называли японцев) возникли на рубеже нашей эры на о. Кюсю в процессе объединения (*синойкизма*) прежних первобытных соседских общин (*мура̀*) в территориальные общины (яп. *сатò*), которые представляли собой *простые вождества*. В связи с нарастанием классовой и сословной (т.е. социальной) дифференциации, последние развились в *сложные вождества* (*кунù*), в результате чего органы управления общин стали выполнять и политические функции, что превратило их в общины–государства.[3]

Итак, предполагается, что «страны» *кунù* 国 I–III вв. н.э. юго-западной Японии – это «общины–государства», «небольшие по размерам раннеполитические образования с общинной структурой управления отдельных клановых или этнических групп на стадии становления ранней государственности»[4]; эта стадия определяется как переход

венем, который в последнее время активно разрабатывает тематику политогенеза и формирования ранней государственности на Японских островах.

[1] *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства в древнем Силла // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке – 2018: VII Международная корееведческая конференция, 17-18 мая 2018 г.: тезисы и доклады / отв. ред. И.А. Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 143.

[2] *Barnes G.L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P.77-78.

[3] *Суровень Д.А.* Комментарий к переводам китайских династийных историй // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. С. 236, прим. *б*.

[4] *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. /

от простого к сложному вождеству.[1]

Илл. 21. Археологические находки на пам. Ёситакэ-Такаги 吉武高木遺跡 (г. Фукуока, о. Кю̄сю̄).
Вверху: 細形銅戈 *хосогата дōка* «узкий» клевец.
Внизу слева направо: 細形銅矛 *хосогата дōхоко* «узкий» наконечник копья; 細形銅剣 *хосогата дōкэн* «узкие» мечи; корейское бронзовые зеркало типа *татю̄саймонкё̄* 多鈕細文鏡 («зеркало с несколькими ушками и тонким узором»);
Справа: ожерелье из пронизок (*кудатама*) 管玉一連 с *магатама* из жада[2] ヒスイ勾玉.

Учёные считают, что стандартная «политическая единица» базировалась на большом селении, окружённом защитным рвом (вроде

глав. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. – Вып. 6-й. – С. 136.

[1] Там же. С. 139.

[2] *Жад* – общее название минералов жадеита и нефрита.

Ёсиногари[1] в преф. Сага); к нему примыкали небольшие деревни-спутники. Вместе с ними такие «государства» («страны») *куни* 国 в среднем занимали по 100-150 *кв. км*. Элита центрального селения управляла всем регионом, а главы («старосты») деревень-спутников, вероятно, приходили к ним с данью и «уважением». Такая «политическая единица» также составляла торговую зону для обмена ритуальной бронзовой утварью (бронзовыми зеркалами) и другими товарами. В первых трёх веках н.э. такие «страны» возникли на всём пространстве между Сев. Кюсю и Кинай. Эти «общины-государства» воевали между собой, торговали, обменивались ритуальной бронзовой утварью (например, китайскими бронзовыми зеркалами), стеклянными бусами и другими «символами престижа и власти; тридцать из них объединились в „конфедерацию"».[2]

Затем, в период III–VI вв. н.э. несколько региональных сообществ объединились и образовали центральную *политию* уровня раннего государства.[3] Некоторые японские учёные считают, что *политии куни* 国, подчинявшиеся в первой пол. III в. н.э. «царице» Химико, в середине III в. н.э., «плавно перетекли» в сферу влияния раннего государства Ямато. Процесс политогенеза проходил при переходе от *яёй* к *кофун* и в начале периода *кофун* взаимосвязано с формированием «курганной культуры»: «курганы типа Макимуку» появились в начале – первой пол. III в. н.э. в местности Макимуку (г. Сакураи, преф. Нара) в т. н. «политии Мива», ставшей зачатком раннего государства Ямато. Появление в сер. III в. н.э. в различных регионах Японии строго стандартизированных курганов *кофун* означало становление в III – IV вв. н.э. конфедерации (во главе с правителями Ямато) региональных *политий*, связанных общими ритуалами вождеских захоронений и наследования власти, в которых бронзовые зеркала играли едва ли не главную роль. При этом, появление стандартных курганов *кофун*

[1] Другие исследователи справедливо указывают, что территория Ёсиногари (21 *га*; с населением, оценочно, ок. 1-1,5 тыс. чел.) слишком мала, чтобы вместить даже «столицу» рядовой общины-государства, не говоря уж о Яматай-*коку*. Очевидно, это было поселение, находящееся не на самом высоком уровне иерархии – в системе классификации Тэрасава, очевидно, уровень «Kuni / Great chiefs» (см. илл. 20).

[2] *Farris William Wayne*. Japan to 1600: a social and economic history. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009. – P. 21.

[3] Считается, что процесс становления государственности на Японском архипелаге стартовал примерно в III в. н.э., т.е. с началом периода *кофун*, и длился до VI–VII вв. Тогда период *яёй* можно назвать эпохой протогосударственности.

не отменяло региональных различий; в процессе развития японского общества к большей сложности важным фактором выступало взаимодействие «местных автономных *политий*» и «центральной *политии*» (Ямато).[1]

В период *кофун* доминируют зеркала с треугольной кромкой и изображениями небожителей и животных; характерно то, что они концентрируются в нескольких больших курганах Ямато (равнина Нара); при этом, некоторые из этих зеркал были изготовлены в тех же литейных формах, что и зеркала, найденные в небольших курганах по всему архипелагу. Учёные (например, Кобаяси Юкио) считают, что бронзовые зеркала такого типа использовались крепнущим режимом Ямато в качестве «дипломатических даров» местным мелким вождям в обмен на их лояльность, – подобно тому, как в период *яёй* китайцы поступали с «варварами» японцами. Распространение таких зеркал – символа власти – свидетельствовало о развитии политических и культурных связей между различными регионами и об усилении центральной объединяющей власти режима Ямато.[2]

Кобаяси Юкио ещё в 1950-х интерпретировал наличие в курганных захоронениях раннего *кофун* одинаковых зеркал, отлитых в одних и тех же формах, как свидетельство тесных политических связей между элитами, которых хоронили в этих курганах. Он показал, что политическое верховенство в Японии в то время принадлежало могущественной элите центрального региона Кинай – режиму Ямато. Доминирующая группа режима Ямато, демонстрируя, что её власть легитимирована китайским двором, распределяла привозные китайские зеркала (с треугольной кромкой и изображениями «небожителей» и животных) среди зависимых от неё элит по всей Японии – тем региональным элитам, которые признавали власть режима Ямато, – для того, чтобы осуществить обширную политическую консолидацию.[3] По мнению Д. Барнс, зеркала могли вручаться региональным вождям в качестве «свидетельства» о поддержке «центром» их власти.[4]

---

[1] См.: *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи. С. 468-483.

[2] *Gilaizeeu Linda*. Les miroirs sankakubuchi shinjū: témoins de l'émergence d'un pouvoir centralisé dans le Japon protohistorique (IIIe-IVe siècle). P. 49-56.

[3] *Кобаяси Юкио* 小林 行雄. Кофун-но хассэй-но рэкиситэки иги「古墳の発生の歴史的意義」// Сирин『史林』. – 1955. – № 38 (1). – С. 1-20.

[4] *Barnes Gina L.* The Archaeology of Protohistoric Yamato // Beitrage zur AlIgemeinen und

В период ранний и средний *кофун* центр(ы) получения и распределения предметов престижа (бронзовых зеркал) были сосредоточены в *политии* Ямато в Кинай. Во многих регионах вокруг Ямато развились неустойчивые, подвижные властные отношения и конкуренция за обладание бронзовыми зеркалами, символом законной власти, особенно в момент смерти прежнего вождя или смены поколений элиты. Система распределения бронзовых зеркал была сосредоточена в руках правителей режима Ямато, которые одаряли этими символами инвеституры власти местных вождей различных регионов.

(7.4) Социально-политические и культовые функции бронзовых зеркал в древней Японии: магический амулет, погребальный инвентарь, священная реликвия, символ престижа и власти, императорская регалия

В религиозно-культовом мире Японии, в частности, в синтоизме с его сильными шаманистическими корнями, большую роль, особенно в древности, играли оружие и бронзовые изделия. В древних текстах (например, в «Идзумо фудоки») указывается, что копья и щиты (*татэ*) изготавливаются для синтоистских храмов и подносятся в дар богам (в том числе богам-предкам). По «Когосюи», жреческий род Имубэ, ведавший ритуалами почитания божеств, занимался и изготовлением различных «священных сокровищ»: [бронзовых] зеркал, копий, щитов, бус, ритуальных одеяний из луба бумажной шелковицы и конопли. По «Нихон сёки», в 39-й год правления Суйнин брат императрицы, Инисики-но микото, приказал изготовить тысячу мечей и преподнести их храму Исоноками в качестве дара (пожертвования) небесным и земным божествам; сам он был назначен ведать «священными сокровищами» этого храма (позднее эту должность занял глава рода *Мононобэ* – Мононобэ-но *оомурадзи*). По древним поверьям, боги спускались с небес на меч, поднятый острием кверху. И в наши дни в синтоистском поминальном алтаре *тамая*, где почитаются души (*митама*) предков, помещается символизирующее их зеркало. Можно утверждать, что в японской культуре сформировалась устойчивая традиция сакрализации бронзовых и – шире – металлических «вещей» (оружия, зеркал), что наиболее полно отразилось в синтоистском культе *синтай* («тело божества») и в наборе императорских регалий. Эта

Vergleichenden Archaologie / Komm. fur Allg. u. Vergleichende Archaologie d. Dt. Archaolog. Inst., Bonn. BAND 16. – Mainz am Rhein: v. Zabern, 1996. – S. 84, n. 16.

традиция во многом берёт начало в магико-шаманских функциях зеркал и других бронзовых предметов периода *яёй* и *кофун*.

В самом деле, в древних культурах Китая, Южной Маньчжурии, Корейского полуострова и Японских островов, как и во многих других обществах бронзового века, бронзовым зеркалам придавался особый, ритуально-магический смысл. Они считались важной принадлежностью жреца или шамана, с помощью которой служители культа могли «концентрировать» в своих руках свет (важную составляющую сакрального космоса) и «управлять» им. Изначально зеркала клали в могилы жрецов и причастных к культовым функциям знатных людей (часто в сломанном виде – «тот» свет мыслился полной противоположностью «этому», и то, что было целым «здесь», должно было непременно быть нецелым «там»).[1] Действительно, в шаманистических традициях Северной и Восточной Азии бронзовые зеркала выполняют особую роль; «вбирая» и отражая солнечный свет, они выступают в качестве солярного символа. Не случайно, в знаменитом мифе богиню солнца Аматэрасу извлекают/выманивают (=возвращают к жизни) из пещеры (гробницы) с помощью бронзового зеркала, предварительно воздвигнув «шаманское дерево».[2]

В древнекитайской культуре, в частности, в даосизме, бронзовые зеркала занимали важное место, их образ имел много коннотаций и ассоциаций. Это отражено, в частности, в известном изречении Чжуан-цзы: «Сознание мудреца подобно зеркалу, которое отражает Небо, Землю и всё сущее». Зеркало (бронзовое) постоянно фигурируют в китайских верованиях, обрядах и обычаях, наделяется в них способностью оживлять усопших, высвечивать истинную сущность природных явлений и живых существ, очищать от скверны и отпугивать злые силы. Согласно даосским религиозным представлениям, умершего можно воскресить, положив ему на грудь зеркало. В качестве оберегов бронзовые зеркала размещались на стенах комнат и подвешивались к краям крыш жилых зданий, дворцов и храмов. В орнаментике зеркал использовалось всё многообразие китайских образов и

[1] *Тихонов В.М.*, *Кан Мангиль*. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41). – М.: Наталис, 2011. – С. 51.

[2] При этом проводят гадание на лопатке оленя, а не на панцире черепахи; олень – атрибут северно-азиатской культуры (см.: Кодзики: Записи о деяниях древности, свиток 1-й / Пер. Е.М. Пинус. – СПб: Шар, 1994. – Т. I. – С. 55-57).

символов: от геометрических фигур и благопожелательных иероглифов до фигуративных изображений и развернутых сцен на религиозно-мифологические темы. Таким образом, зеркала являются своего рода энциклопедией китайской художественной образности и духовной культуры.[1]

Так, дизайн зеркал с квадратом и орнаментом в форме букв TLV, *хōкакукикукē̄* 方格規矩鏡 предположительно копировал доску для китайской настольной игры *любо* 六博 / 陸博 (кит. *лю-по* – букв. «шесть палочек»), которая была очень популярна в эпоху Хань; такой дизайн имел космологическое («Небо – круглое, Земля – квадратная»), магическое и гадательное значения.

В дизайне зеркал с орнаментом в форме букв TLV и с четырьмя мифическими животными-божествами, *хōкакукику сисинкē̄* 方格規矩四神鏡 нашёл отражение космологический концепт 四神 кит. *сы̀шэ́нь*, который широко представлен в китайской культуре и рано проник в Японию[2]; он означает четырёх мифических животных – божеств-покровителей четырёх сторон света: Юг – Красная птица 朱雀 яп. *судзаку / сюдзяку*, Север – Черная черепаха (букв. «Тёмный воин») 玄武 яп. *гэмбу*, Восток – Голубой (лазоревый) дракон 青龍 яп. *сэйрю̄*, Запад – Белый тигр 白虎 яп. *бякко*.[3]

В названиях важнейших типов бронзовых зеркал встречаются термины「神」и「神人」; их часто переводят как «небожители», но, на самом деле, за этим скрываются три вида божественных сущностей: (1) божества, вроде *Си-ван-му* 西王母 («Владычица Запада») и *Хуанди* 黃帝 («Жёлтый император»); (2) собственно «небожители» – *сяни* (ед. ч. *сянь*) 仙 «бессмертные»: *шэнь сянь* 神仙 – «божественный бес-

[1] *Кравцова М.Е.* Цзин-цзы — зеркало // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. — М.: Вост. лит., 2006–2010. Т. 6 (дополнительный). Искусство / ред. М.Л. Титаренко и др. — 2010. — С. 767-770.

[2] Этот концепт получил воплощение, в частности, в знаменитых росписях гробниц курганов Такамацу-дзука кофун 高松塚古墳 и Китора кофун キトラ古墳 (обе кон. VII – нач. VIII вв.) в преф. Нара, а также в градостроительстве и садовом искусстве. Так, в древних столицах Японии, построенных по китайскому образцу – Фудзивара-кē̄, Хэйдзē̄-кē̄ и Хэйан-кē̄ – была центральная «Главная улица Красной птицы» 朱雀大路 Судзаку ōдзи, которая вела с юга к императорскому дворцу, обращённому на юг; главными воротами дворца были «Врата Красной Птицы» 朱雀門 Судзакумон.

[3] См.: *Бакшеев Е.С.* Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун*. С. 240, фотография № 8.

смертный», *тянь сянь* 天仙 – «небесный бессмертный», «небожитель»; (3) 四神 *сы̀ш-э́нь* – четыре мифических животных, божества-покровители четырёх сторон света. Так, в декоре зеркал с треугольной кромкой и изображениями небожителей и животных, *санкакуэн синдзю̄кё̄* 三角縁神獣鏡 фигурирует древнее китайское божество «Владычица Запада» *Си-ван-му*, культ которой расцвёл в Китае в начале нашей эры. Видный археолог Д. Барнс выдвинула смелую гипотезу о том, что культ *Си-ван-му* проник в Японию вместе с импортом (в конце II в. н.э.) зеркал такого типа, которые «манифестируют» этот культ. Она высказала предположение, что «сакральная власть» Химико 卑弥呼, «жрицы-шаманки» (яп. *мико*)[1], правительницы Яматай-*коку*, которая «следовала пути демонов», поддерживалась «магической силой» нарратива / мифологии *Си-ван-му*, воплощённого в этих зеркалах.[2]

Выдающийся отечественный японовед Л.М. Ермакова ещё в 1995 г. обратила внимание на суждение японских исследователей, которые указывали, что занятия Химико «ворожбой» 鬼道 (яп. *кидо̄,* кит. *гуйдао*) могло иметь характер даосской магии[3]; новейшие разыскания японских учёных подтверждают эту гипотезу. «Путь демонов», иначе «Путь духов мёртвых» (таков буквальный перевод этого иероглифического бинома – *Е.С.Б.*), который практиковала Химико, возможно, представлял собой ранний религиозный культ, аналогичный протодаосизму в Китае; тогда особенно рельефно выявляется её ассоциация с китайскими бронзовые зеркалами, которые она во множестве получала в дар от «повелителя Поднебесной».[4]

Д. Барнс также связывает распространение культа *Си-ван-му* в Японии с археологическим памятником Макимуку 纒向遺跡, который находится в юго-восточной части равнины Нара (Сакураи, преф. Нара) у подножия священной горы Мива 三輪山. Примерно в течении 160

---

[1] 巫女; другие варианты записи этого термина: 神子, 神巫, 覡, 巫 .

[2] *Barnes Gina L*. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 178-192.

[3] «Исикава Такаси приводит неожиданную гипотезу проф. Сигэмацу Акихиса, согласно которой Химико была чем-то вроде даосского мага “Секты пяти доу риса”, одной из главных даосских школ, поскольку автор «Вэй чжи» употребляет слово *кидо* («ворожба») только применительно к Химико и Чжан Лю, главе этого направления» (*Ермакова Л.М*. Речи богов и песни людей: Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. – М.: Вост. лит., 1995. – С. 20).

[4] Автор данной статья оставляет за собой право вернуться к теме «Чем же всё-таки занималась Химико?» в отдельном исследовании.

лет (190-350 гг.) Макимуку являлся административно-политическим и церемониально-ритуальным центром «политии Мива», протогосударственного образования, которым в III – IV вв. н.э. правила т. н. «династия Мива» 三輪王朝. «Полития Мива» стала зачатком государства Ямато, важным шагом к становлению японской государственности в регионе Кинай. Считается, что во второй пол. II в. н.э. – первой пол. III в. н.э., т.е. в тот период, когда возникла «полития Мива» с центром в Макимуку, сложился ранний культ горы Мива.[1] Таким образом, комплекс верований, связанный с бронзовыми зеркалами – в первую очередь, даосизм – оказал влияние на формирование синтоизма.

В погребениях эпохи Хань бронзовые зеркала среди сопроводительного инвентаря занимали особое положение: они полагались в захоронения отдельно от других *минци* 冥器 / 明器 (предметов погребального инвентаря) – обязательно внутрь гроба (по одним данным, обычно рядом с головой покойника) – во время его герметизации в обряде, аналогичном японскому ритуалу *могари* («предварительного захоронения», выставление гроба с телом усопшего вне гробницы до ингумации).[2] Другие *минци* помещались уже в гробницу через много месяцев во время «официальных похорон» (ингумации, постоянного захоронения). С другой стороны, сообщается, что зеркала с орнаментом в форме букв TLV, самый распространенный тип в ханьских захоронениях, полагались в захоронения на грудь усопшего. Их дизайн, как отмечалось, имел космологический, магический и гадательный значения; они символизировали Иной мир, куда, как предполагалось, должен отправиться дух усопшего.

Как указывалось, в Японии, как в Китае и Корее, бронзовые зеркала служили в качестве сопроводительного (погребального) инвентаря.[3] В урновых захоронениях (*камэканбо* 甕棺墓) на Северном Кю̄сю̄ периода *яёй* зеркала помещали в гигантские широкогорлые урны *камэ* 甕 . В захоронениях в деревянном гробу периода *кофун* ино-

[1] *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи. С. 468-476.
[2] О ритуале *могари* см.: *Бакшеев Е.С.* Престолонаследие и фактор *могари* в древней Японии (некоторые правовые аспекты) // Японские древности (историко-правовые исследования): сборник научных трудов. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2023. – Вып. 1-й. – С. 244-277.
[3] См.: *Бакшеев Е.С.* Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун*. С. 242, фотография № 9.

гда зеркала оказываются положенными на грудь покойника.[1] С.В. Лаптев, отмечает, что это напоминает китайский обычай, когда зеркала тоже клали на грудь покойному для защиты от влияния злых сил. Этому же должны были способствовать орнаменты и благопожелательные надписи на обратной стороне зеркала, поэтому японские ремесленники подражали таким орнаментам и надписям.

(7.5) Зарождение древнеяпонского государства и теократия

Илл. 22. Бронзовое зеркало *рэйкē* с 6-ю бубенцами 六鈴鏡
(период поздний *кофун*, курган Уэно-кофун 上野古墳, преф. Ибараки;
Токийский государственный музей 東京国立博物館).

[1] *Воробьев М.В.* Древняя Япония: историко-археологический очерк. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – С. 77-78.

Исследователи отмечают, что в период *яёй* религия и ритуал продолжали играть важнейшую структурную роль в воспроизводстве и трансформации общин и сообществ Японского архипелага, хотя и в другой форме, чем в предшествующий период *дзёмон*».[1]

Илл. 23. Жрица *мико* 巫女.
На левом боку – японское зеркало с 5 бубенцами
рэйкё 鈴鏡 (*ханива*; VI в. н.э., период *кофун*, преф. Гумма).

[1] *Kaner Simon*. The Archaeology of religion and ritual in the prehistoric Japanese archipelago // The Oxford handbook of the archaeology of ritual and religion / Ed. by T. Insoll. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 462.

Миф о происхождении трёх регалий императорской династии Японии выразительно повествует о тесной связи бронзового зеркала с солярным божеством. Великая богиня Аматэрасу направила на землю бога Хикохо-но Нониги-но микото 日子番能邇邇藝命 и вручила ему *магатама*, меч Кусанаги и зеркало, которыми её выманивали из грота, со словами: «Это зеркало полностью считай моим духом, поклоняйся ему так, как мне поклонялся бы» (пер. Е.М. Пинус).[1]

Набор сопроводительного инвентаря, в который входили зеркала, мечи и *магатама*, и который стал прототипом трёх регалий императорской династии Японии, начал складываться уже в элитных погребениях периода *яёй* на о. Кю̄сю̄. Примером может служить археологические находки на пам. Ёситакэ-Такаги 吉武高木遺跡 в г. Фукуока. Среди различных найденных бронзовых артефактов были «узкие» боевые бронзовые мечи 細形銅剣 *хосогата дōкэн*, корейское бронзовые зеркало типа *татю̄саймонкэ̄* 多鈕細文鏡 («зеркало с несколькими ушками и мелким узором»), а также ожерелье из пронизок (*кудатама*) с *магатама* из жадеита или нефрита (см. илл. 21). Истоки же такого сопроводительного инвентаря обнаруживаются ещё в элитных захоронениях на Корейском полуострове.[2]

Маститый японский археолог Кодзи Мидзогути идентифицировал личность погребенного в захоронении № 3 на пам. в Ёситакэ-Такаги 吉武高木[3] как «шамана» или «вождя (правителя) шаманоидного типа», который являлся «посредником между общиной и сверхъестественным миром». Его похоронили вместе с бронзовым зеркалом (тип *татю̄саймонкэ̄* 多鈕細文鏡 «зеркало с несколькими ушками и тонким узором» – см. илл. 3), двумя бронзовыми кинжалами, бронзовым наконечником копья, бронзовым клевцом и ожерельем из пронизок с *магатама*. Мидзогути полагает, что этот человек при жизни обладал как «религиозным авторитетом», который символизировало бронзо-

[1] Кодзики, 1994. Т. I. С. 85. А.Н. Мещеряков, комментируя концепт «наследования солнцу небесному» (*хицуги* / др.-яп. *питуги* 日嗣・日継), указывает, что «речь идет о наследовании от Аматэрасу, вручившей Ниниги-но *микото* зеркало как регалию власти над страной и как собственный символ-заместитель (то есть как объект поклонения)» (Сёку нихонги: Продолжение «Анналов Японии» / Пер. со старояп. А.Н. Мещерякова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – С. 36, прим. 17).

[2] См.: *Song-nai Rhee*, *Aikens C. Melvin*, *Barnes Gina L.* Archaeology and history of Toraijin. P. 61.

[3] См. илл. 21.

вое зеркало, так и «социальным авторитетом», выраженным в оружии, и олицетворял «общинное лидерство»[1], т.е. был правителем-жрецом «общины-государства» периода *яёй*.

В данной статье описано ещё несколько элитных захоронений на Сев. Кюсю периода *яёй* с большим количеством бронзовых зеркал. Достаточно упомянуть захоронение № 1 пам. Хирабару 平原遺跡1号墓 в современном г. Итосима (вторая пол. II в. н.э., вторая пол. – конец позднего *яёй*); это «эпоха страны Яматай», «эпоха Химико». В этой «царской могиле» в Хирабару найдено 40 зеркал, причём пять из них – японские подражания гигантского размера, возможные «клоны» священного Ята-но кагами, одной из регалий императорской власти Японии. Там также обнаружены три стеклянных *магатама* и другие украшения и 1 железный меч (см. илл. 9, 10, 11, 12). Исследователи предполагают, что это захоронение принадлежит женщине-правительнице «общины-государства» Ито – такой же, как и жрица-шаманка[2] Химико, правительница «государства Яматай».

Исходя из материалов и данных, рассмотренных в этой статье, можно предположить, что уже в период *яёй* на Сев. Кюсю начал складываться культ, в котором зеркало становилось священной реликвией в рамках формирующегося комплекса синтоистских верований (бронзовые зеркала как *синтай* 神体 «тело бога», т.е. вместилище духа божества, почиталось сначала в жилище правителя-первожреца, а затем – в специальном святилище) и в одну из регалий императорской власти. Таким образом, бронзовые зеркала (в частности, массивные зеркала с орнаментом «внутренний цветок» японского производства) стали предметным символом «идеологии», которая позже получила название *сайсэй итти* 祭政一致, т.е. «единства культа и правления», когда религиозные обряды *мацури* (祭/まつり) составляли саму суть управления государством *мацуригото* (政/まつりごと).[3]

Многочисленные исследования показывают, что в древней Японии политогенез был тесно связан с верованиями, обрядами, культами,

---

[1] *Mizoguchi Koji*. An Archaeological history of Japan 30,000 BC to AD 700. – Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2002. – P. 153-154.

[2] Шаманизм или шаманоидный культ периода *кофун* нашел своё материальное воплощение в оригинальных японских зеркалах с бубенцами *рэйкё* 鈴鏡 (см. илл. 22 и 23).

[3] Примером может служить священный ритуал *Дайдзёсай* (см.: *Бакшеев Е.С.* Престолонаследие и фактор *могари* в древней Японии (некоторые правовые аспекты). С. 244-277.

религией. Так, исследователи считают, что во второй половине II в. н.э. – первой половине III в. н.э., т.е. в тот период, когда возникла т. н. «полития Мива» (с центром в Макимуку; совр. преф. Нара), зачаток древнеяпонского государства Ямато, сложился и ранний культ горы Мива 三輪山 .[1]

Как отмечалось, в Японии бронзовые зеркала полагались в захоронения со среднего *яёй* до конца раннего *кофун* (конец IV в. н.э.); период ранний *кофун* ещё сохранял магико-религиозный характер предыдущей эпохи (*яёй*), тогда зеркала являлись для региональных элит символами власти с ритуально-культовым значением. В период средний *кофун* (V в. н.э.), который приобрёл вождеский (воинско-всаднический) характер, состав погребального инвентаря сильно изменился: вместо зеркал в погребения стали полагать железные изделия: оружие, доспехи, конскую упряжь, а также орудия труда.

Известно, что в традиционной японской культуре, особенно в синтоизме, присутствует феномен «табуирования смерти». При этом, долгое время, пока в древней Японии погребальные обряды и ритуалы, посвящённые различным божествам (*ками*), представляли собой единый ритуальный комплекс, бронзовые зеркала использовались в обрядах обоего рода, т.е. и как погребальный инвентарь, и как символ божества (как *синтай* 神体 «тело бога», т.е. вместилище божественного духа). По некоторым археологическим данным, стадия общности (неразделенности) погребального и культов *ками*[2] в «основной» Япо-

[1] *Ishino Hironobu*. Rites and Rituals of the Kofun Period. P. 209; там же о возможной связи культа горы Мива и курганов Макимуку (в частности, Исидзука кофун). О культе горы Мива также см.: *Ellwood R.S*. The Sujin religious revolution // Japanese journal of religious studies. – 1990. – No. 7/2-3. – P. 199-217; *Kidder J. Edward*. Himiko and Japan's Elusive Chiefdom of Yamatai: Archaeology, history, mythology. P. 262-73; *Светлов Г.Е*. Колыбель японской цивилизации: Нара. С. 37-39; *Суровень Д.А*. Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 22/3. – С. 701-713; о «политии Мива» и курганах Макимуку см.: *Бакшеев Е.С*. Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи. С. 468-483.

[2] Об этом см.: *Бакшеев Е.С*. Разделение погребальной обрядности и культа божеств в Японии (I тысячелетие н.э.; по археологическим данным о. Окиносима) // Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель. – Диссертация ... кандидата культурологии. – М.: Российский институт культурологии, 2005. – Т. 2. – С. 49-51.

нии продолжалась до конца IV в. н.э. Разделение этих культов понимается как становление самостоятельного отдельного культа японских божеств *ками*[1], где бронзовое зеркало превращается в культовую реликвию раннесинтоистских святилищ. Так из совмещения у бронзового зеркала функций религиозной реликвии и символа власти правителя-первожреца родилась важнейшая императорская регалия.

Источники и использованная литература:
на русском языке:

1. *Арутюнов С.А*. Этническая история Японии на рубеже нашей эры // Труды Института этнографии: Восточноазиатский этнографический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 137-175.
2. *Бакшеев Е.С*. Древнейшие истоки погребального обряда *могари* по архе- ологическим данным периодов Дзёмон и Яёй // История и культура Японии / Отв. ред. В.М. Алпатов. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт+, 2001. – С. 7-25.
3. *Бакшеев Е.С*. «Понятия «души», «жизни» и «сердца» в раннеяпонской духовной культуре» // Япония 2000-2001. Ежегодник. – 2001. – С. 207-225.
4. *Бакшеев Е.С*. От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй // Вещь в японской культуре. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 28-59.
5. *Бакшеев Евгений Сергеевич*. Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель / Е.С. Бакшеев. – Диссертация ... кандидата культурологии. – Москва: Российский институт культурологии, 2005. – 224 с. + Прил. (112 с.).
6. *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 432-90.
7. *Бакшеев Е.С*. Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун* (вместо комментария к статье С.В. Лаптева) // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 222-243.
8. *Бакшеев Е.С.* Престолонаследие и фактор *могари* в древней Японии (некоторые правовые аспекты) // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 244-277.
9. *Бичурин Н.Я*. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II: Маньчжурия, Корея и Япония. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 335 с.
10. *Воробьев М.В*. Древняя Япония: историко-археологический очерк / Акад. наук СССР, Ин-т истории материальной культуры. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – 119 с.

[1] Точнее, набора множеств разрозненных и разнородных культов, практик, верований и видов обрядовой деятельности (устное сообщение Л.М. Ермаковой).

11. *Воробьев М.В*. Япония в III–VII веках. – М.: Наука, 1980. – 344 с.
12. *Гнездилова Ирина Сергеевна*. Погребальные комплексы периода Кофун (III–VII века нашей эры) на территории равнины Нара, остров Хонсю, Японский архипелаг (по данным археологии) / И.С. Гнездилова. – Автореферат ... кандидата исторических наук. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2020. – 16 с.
13. *Ермакова Л.М*. Речи богов и песни людей: Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. – М.: Вост. лит., 1995. – 271 с.
14. *Ермакова Л.М*. Верования и культура Идзумо // Синто – путь японских богов: в 2-х тт. – СПб.: Гиперион, 2002. – Т. I. – С. 122-135.
15. *Иванова Д.А*. Погребальные комплексы и обрядовая практика культуры яёй, Японский архипелаг // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – Т. 33. – № 4. – С. 244-266.
16. *Иофан Н.А*. Культура древней Японии. – М.: Наука, 1974. – 261 с.
17. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 тт. / Гл. ред.: С.Л. Тихвинский; отв. ред.: А.П. Деревянко. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н.э. – М.: Наука, 2016. – 974 с.
18. История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. Т. 1: С древнейших времён до 1968 г. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – 659 с.
19. Кодзики. Записи о деяниях древности. Св. 1-й. Мифы / Пер и комм. Е.М. Пинус. – СПб: Шар, 1994. – 313 с.
20. Кодзики. Записи о деяниях древности. Св. 2-й и 3-й / Пер., предисл. и комм. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб: Шар, 1994. – 250 с.
21. *Конрад Н.И*. Лекции по истории Японии: Древняя история (с древнейших времён до переворота Тайка, 645 г.) // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 6-129.
22. *Кожевников В.В*. Формирование древнего государства в Японии // Известия Восточного института. – 2017. – № 4/36. – С. 48-61.
22. *Крадин Н.Н*. Политическая антропология. 2-е изд. – М.: Логос, 2004. – 272 с.
23. *Кюнер Н.В*. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Изд. вост. лит., 1961. – 391 с.
24. *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 181-221.
25. *Лаптев Сергей Валерианович*. Китайско-японские отношения с глубокой древности до VI в. н.э. / С.В. Лаптев. – Диссертация ... кандидата исторических наук. – Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 262 с.
26. *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры (Тексты. 1. «Хань шу». 2. «Хоу Хань-шу» 3. «Вэй чжи») // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 206-235.
27. *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодиза-

ции культурного типа *яёй* // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 166-205.
28. *Мещеряков А.Н.*, *Грачёв М.В.* История древней Японии. – СПб.: Гиперион, 2002. – 512 с.
29. *Светлов Г.Е.* Колыбель японской цивилизации: Нара. История, религия, культура. – М.: Искусство, 1994. – 271 с.
30. Сёку нихонги: Продолжение «Анналов Японии» / Пер. со старояпонского А.Н. Мещерякова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 328 с.
31. *Суровень Д.А.* Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 8-45.
32. *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства в древнем Силла // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке – 2018: VII Международная корееведческая конференция, 17-18 мая 2018 г.: тезисы и доклады / отв. ред. И.А. Толстокулаков. – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. – С. 142-166.
33. *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / глав. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2019. – Вып. 6-й. – С. 110-268.
34. *Суровень Д.А.* Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / Глав. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2020. – Вып. 11-й. – С. 241-318.
35. *Суровень Д.А.* Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – № 22/3. – С. 701-713.
36. *Суровень Д.А.* Комментарий к переводам китайских династийных историй // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 236-418.
37. *Суровень Д.А.* Этническая история Южного Кюсю периода *яёй* // Мир Евразии: от древности к современности; сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 28 марта 2023 г.) / Отв. ред. Р.Р. Тухватуллин. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 34-45.
38. *Тихонов В.М.*, *Кан Мангиль*. История Кореи. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. Вып. 41). – М.: Наталис, 2011. – 533 с.
39. Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – 400 с.

на западноевропейских языках:

40. *Amakasu Ken*. The Significance of the Formation and Distribution of Kofun // Acta Asiatica. – 1977. – No. 31. – P. 24-50.
41. *An Zhimin*. Continental Roots of the Earliest Japanese Culture // Japanese as a member of the Asian and Pacific populations. International symposium 4. – Kyoto: IRCJS, 1992. – P. 175-86.
42. *Barnes Gina L. Jiehao*, *tonghao*: peer relations in East Asia // Peer Polity Interaction and Socio-Political Change / Ed. by Colin Renfrew & John F. Cherry. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – P. 79-92.
43. *Barnes Gina L*. Protohistoric Yamato: Archaeology of the first Japanese state. – Ann Arbor: University of Michigan, 1988. – 473 p.
44. *Barnes Gina L*. The Rise of Civilization in East Asia: The Archaeology of China, Korea and Japan. – London: Thames and Hudson, 1999. – 288 p.
45. *Barnes Gina L. Chokkomon*: the art of death in Kofun-period Japan // East Asia Journal: Studies in Material Culture. – 2003. – Vol. 1. – No. 2. – P. 43-64.
46. *Barnes Gina L*. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. – xxi, 261 p.
47. *Barnes Gina L*. Prestige Goods and Class Identity (Mid-3rd to Mid-4th Centuries) // State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. – P. 163-177.
48. *Barnes Gina L*. Kofun: mounded tombs of Japan and Korea // Oxford Companion to Archaeology. 2nd ed. / Ed. by Neil Asher Silberman. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – Vol. 2. – P. 193-194.
49. *Barnes Gina L*. A hypothesis for Early Kofun rulership // Japan Review. – 2014. – No. 27. – P. 3-29.
50. *Blacker Carmen*. The Catalpa Bow: A Study of Shamanistic Practices in Japan. – London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 1999. – 384 p.
51. *Cahill Suzanne.* All is contained in its reflection: A History of Chinese bronze mirrors // Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors / Ed. by Lothar von Falkenhausen, Suzanne Cahill. Volume I: Catalogue. – Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. – P. 13-64.
52. Dictionary of Korean archaeology / Ed. by Choi In Hwa. – Daejeon: National research institute of cultural heritage, 2017. – 991 p.
53. *Edwards Walter*. Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka kofun discovery and the question of Yamatai // Monumenta Nipponica. – 1999. – Vol. 54. – No. 1. – P. 75-110.
54. *Ellwood R.S*. The Sujin religious revolution // Japanese journal of religious studies. – 1990. – No. 17/2-3. – P. 199-217.
55. *Farris William Wayne*. Japan to 1600: a social and economic history. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009. – 228 p.
56. *Fogel Joshua A*. Japanese historiography and the Gold Seal of 57 C.E.: Relic, text, object, fake. – Leiden–Boston: Brill, 2013. – 386 p.
57. *Horlyck Charlotte*. Mirrors in Early Korea // Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors / Ed. by Lothar von Falkenhausen, Suzanne Cahill. Vol. II: Studies. – Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. – P. 120-129.
58. *Hudson Mark J*. Rice, bronze, and chieftains — An Archaeology of Yayoi Ritual // Japanese Journal of Religious Studies. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 139-189.

59. *Hudson M.J.*, *Barnes G*. Yoshinogari: A Yayoi settlement in Northern Kyūshū // Monumenta Nipponica. – 1991. – Vol. 46. – No. 2. – P. 211-235.
60. *Imamura Keiji*. Prehistoric Japan: new perspectives on insular East Asia. – London: UCL Press, 1996. – x, 246 pp.
61. *Ishino Hironobu*. Rites and Rituals of the Kofun Period // Japanese journal of religious studies. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 191-216.
62. *Kaner Simon*. The Archaeology of religion and ritual in the Prehistoric Japanese Archipelago // The Oxford handbook of the archaeology of ritual and religion / Ed. by T. Insoll. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 457-469.
63. *Kidder J. Edward*. Himiko and Japan's elusive chiefdom of Yamatai: Archaeology, history, mythology. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. – 416 p.
64. *Kim Minkoo*. Collective action and leadership strategies in the Mahan polities: An examination of grave goods from Bogam-ri Tomb, Naju, Korea // Archaeological research in Asia. – 2020. – Vol. 23. – P. 100-206.
65. *Kitagawa Joseph M*. On understanding Japanese Religion. – Princeton: Princeton University Press, 1987. – 343 p.
66. *Lapteff S*. Chinese influence on the technological development of Yayoi period Japan: Problems of metal casting and the production of bronze mirrors // Historical perspectives on East Asian science, technology and medicine / Ed. by Alan K.L. Chan, Gregory K. Clancey, Hui-Chieh Loy. – Singapore–New Jersey–London–Hong Kong: Singapore University Press, World Scientific, 2002. – P. 470-476.
67. *Lapteff Sergey*. A Comparison of technological characteristics of ancient bronze mirrors in China, Korea, Japan, and South Siberia // Historia Scientiarum. – 2008. – Vol. 17-3. – P. 242-252.
68. *Li Jaang*. Long-distance interactions as reflected in the earliest Chinese bronze mirrors // Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors / Ed. by Lothar von Falkenhausen, Suzanne Cahill. Vol. II: Studies. – Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2011. – P. 34-49.
69. Lloyd Cotsen Study Collection of Chinese Bronze Mirrors: Volume I: Catalogue; Volume II: Studies / Ed. by Lothar von Falkenhausen, Suzanne Cahill. – Los Angeles: Cotsen Occasional Press and UCLA Cotsen Institute of Archaeology Press, 2009. – Vol. I. – 257 p.; 2011. – Vol. II. – 268 p.
70. *Mizoguchi Koji*. An archaeological history of Japan 30,000 BC to AD 700. – Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 2002. – 274 p.
71. *Mizoguchi Koji*. The Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – xix, 371 p.
72. *Mizoguchi Koji*. The Evolution of Prestige Good Systems: an Application of Network Analysis to the Transformation of Communication Systems and their Media // Network Analysis in Archaeology. New Approaches to Regional Interaction / Edited by Carl Knappett. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 151-178.
73. *Moyer Alexandra Caroline*. Deep Reflection: An Archaeological Analysis of Mirrors in Iron Age Eurasia. – Dissertation … degree of doctor of philosophy. – Minnesota: University Of Minnesota, 2012. – 463 p.
74. *Nakakubo Tatsuo*. Interregional interaction strategies in the early state formation of ancient Japan // Japanese journal of archaeology. – 2020. – No. 8. – P. 79-124.
75. *Nam Sangwon*, *Walsh Rory*, *Lee Gyoung-Ah*. Innovation, imitation, and identity: *Mayeon* Black ware and social complexity in Southwestern Korea // Archaeological

Research in Asia. – 2020. – Vol. 23. – P. 100-197.
76. *Pearson Richard*. Ōsaka Archaeology. – Oxford: Archaeopress, 2016. – 136 p.
77. *Piggot Joan R*. Sacral Kingship and Confederacy in Early Izumo // Monumenta Nipponica. – 1989. – Vol. 44. – No. 1. – P. 45-74.
78. *Piggott Joan R*. Review "The Cambridge History of Japan, V.1: Ancient Japan by Delmer Brown" // Harvard journal of Asiatic studies. – 1996. – Vol. 56. – No. 1. – P. 208-227.
79. *Piggot Joan R*. The Emergence of Japanese kingship. – Stanford: Stanford University Press, 1997. – 434 p.
80. Recent archaeological discoveries in Japan / Ed. by Tsuboi Kiyotari; transl. by Gina L. Barnes. – Paris: UNESCO; Tokyo: Centre for East Asian cultural studies, 1987. – xiii, 108 p.
81. *Sahara Makoto*. Yayoi culture in the context of world history // Japanese as a member of the Asian and Pacific populations. International Symposium 4. – Kyoto: IRCJS, 1992. – P. 199-203.
82. *Seyock Barbara*. The Hirabaru Site and Wajinden Research. Notes on the Archaeology of the Kings of Ito // Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasien e.V. Universität Hamburg (NOAG). – 2003. – No. 173-174. – P. 207-225.
83. *Seyock Barbara*. Memories from abroad: Han 漢 Chinese and Nomadic heritage in Korean and Japanese archaeological contexts // Crossroads — Studies on the history of exchange relations in the East Asian world / Ed. by Barbara Seyock and Angela Schottenhammer. Vol. 9: Special issue: Trade and interaction in ancient Northeast Asia: Reassessing archaeological and documentary sources. – 2014. – P. 5-43.
84. The Cambridge History of Japan. Vol. 1: Ancient Japan / Ed. by Delmer M. Brown. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – xxvi, 602 p.
85. The Oxford handbook of the archaeology of ritual and religion / Ed. by T. Insoll. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 1108 p.
86. *Song-nai Rhee*, *Aikens C. Melvin*, *Barnes Gina L*. Archaeology and history of Toraijin: Human, technological, and cultural flow from the Korean Peninsula to the Japanese archipelago c. 800 BC – AD 600. – Summertown, Oxford: Archaeopress, 2022. – 242 p.
87. *Torrance Richard*. The Infrastructure of the Gods: Izumo in the Yayoi and Kofun Periods // Japan Review. – 2016. – No. 29. – P. 3-38.
88. *Tsude Hiroshi*. Chiefly lineages in Kofun-period Japan: political relations between centre and region // Antiquity. – 1990. – Vol. 64. – P. 923-929.
89. *Tsude Hiroshi*. Homogeneity and regional variability in cultures of the Kofun Period // Interdisciplinary perspectives on the origin of the Japanese. International symposium. – Kyoto: IRCJS, 1996. – P. 169-179.
90. *Tsujita Jun'ichiro*. Formation and transformation of the Prestige good system and identity: the case of the Japanese archipelago from the 3rd through the 5th centuries // Interaction and transformations: Bulletin of Japan society for the promotion of science. 21st Century COE Program (Humanities), East Asia and Japan. – 2006. – Vol. 4. – P. 53-89.
91. *Tsujita Jun'ichiro*. The change in the distribution system of bronze mirrors at the beginning of *kofun* period Japan: as seen from fragmented bronze mirrors // Bulletin of the Society for East Asian archaeology (BSEAA). – 2007. – No. 1. – P. 49-55.
92. *Wang Zhenping*. Ambassadors from the Islands of Immortals: China-Japan Relations in the Han-Tang Period. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2005. – 387 p.
93. *Young John*. The Location of Yamatai: A Case study in Japanese historiography, 720-1945. – Baltimore: Johns Hopkins Press, 1958. – 199 p.

на японском языке:
94. *Вада Ацуму* 和田 萃. Кофун-но дзидай 古墳の時代 // Тайкэй Нихон-но рэкйси 大系 日本の歴史. – Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1988. – T. 2. – 350 с.
95. Вадзин-но тодзё 倭人の登場 / Сост. Мори Кōити 森 浩一 (編者) // Нихон-но кодай 日本の古代. – Токио 東京: Тюō кōронся 中央公論社, 1985. – T. 1. – 366 с.
96. *Иноуэ Мицусада* 井上 光貞. Нихон кодай-ноōкэн то сайси 日本古代の王権と祭祀. – Токио 東京: Тōкёдайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1985. – 250 с.
97. *Кобаяси Юкио* 小林 行雄. Кофун-но хассэй-но рэкиситэки иги「古墳の発生の歴史的意義」// Сирин『史林』. – 1955. – № 38 (1). – С. 1-20.
98. Кокоро-но нака-но утю 心の中の宇宙 / Сост. Ōбаяси Тарё 大林 太良 (編者) // Нихон-но кодай 日本の古代. – Токио 東京: Тюō кōронся 中央公論社, 1996 (1986). – T. 13. – 484 с.
99. Кофун дзитэн 古墳辞典 / Сост. Ōцука Хацусигэ 大塚 初重, Кобаяси Сабурō 小林 三郎 (編集). – Токио 東京: Тōкёдō сюппан 東京堂出版, 1982. – 482 с.
100. Нихон дзэнси 日本全史. – Токио 東京: Тōкё-дайгаку сюппанкай 東京大学出版会, 1958. – T. I. – 321 с.
101. Нихон кōкогаку кодзитэн 日本考古学小辞典 / Сост. Эсака Тэруя 江坂 輝彌, Сэридзава Тёсукэ 芹沢 長介, Сакадзумэ Хидэити 坂詰 秀一 (編集). – Токио 東京: New Science Co. ニュー・サイエンス社, 1983. – 425 с.
102. Нихон рэкйси тайкэй 日本歴史大系 / Ред. Иноуэ Мицусада и др. 井上 光貞ほか編. T. 1: Гэнси-кодай 原始・古代.– Токио 東京: Ямакава сюппанся 山川出版社, 1984. – 1074 с.
103. Рэттō-но тиики бунка 列島の地域文化 / Сост. Мори Кōити 森 浩一 (編者) // Нихон-но кодай 日本の古代. – Токио 東京: Тюō кōронся 中央公論社, 1986. – T. 2. – 422 с.
104. *Сахара Макото* 佐原 真. Нихондзин-но тандзё 日本人の誕生 // Тайкэй Нихон-но рэкйси 大系 日本の歴史. – Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1987. – T. 1. – 350 с.
105. *Танака Мигаку* 田中 琢. Вадзин сōран 倭人争乱 // Нихон-но рэкйси 日本の歴史. – Токио 東京: Сюэйся 集英社, 1991. – T. 2. – 350 с.
106. Уми-о коэтэ-но кōрю 海をこえての交流 / Сост. Ōбаяси Тарё 大林 太良 (編者) // Нихон-но кодай 日本の古代. – Токио 東京: Тюō кōронся 中央公論社, 1985. – T. 3. – 372 с.
107. *Уэмура Сэйдзи* 植村 清二. Яматай-коку, Куна-коку, Тоума-коку 邪馬臺国・狗奴国・投馬国 // Сигаку-дзасси 史学雑誌. – 1955. – T. 64. – № 12. – С. 19-30.
108. *Уэно Ёсифуми* 上野 祥史. Кофун дзидай-ни окэру кагами-но бумпай то хою 古墳時代における鏡の分配と保有 // Кокурицу рэкйси миндзоку хакубуцукан кэнкюхōкоку 国立歴史民俗博物館研究報告. – 2018. – 第 211 集. – С. 79-110.
109. *Ямада Рёдзō* 山田 良三. Босэй дзю-но надзо 墓制10の謎 // Рэкиси ёмихон 歴史読本. – 1982. – № 27/5 (347). – С. 96-102.

Baksheev E.S.

Bronze mirrors of the Yayoi and Kofun periods and the process of politogenesis and formation of early statehood in Japan

The article analyzes the types of bronze mirrors (Chinese, Korean and Japanese) and their use in Japan of the Yayoi (ca. 5th c. BC – mid-3rd c. AD) and Kofun (mid-3rd c. – mid-6th c./early 7th c. AD) periods. Bronze mirrors are also considered as grave goods of the "royal graves" of the rulers of the polities ("community-states" *kuni* 国) of North Kyūshū and elite *kofun* mounded tombs in Kinai (Honshu Isl.), and as "prestige objects" in the "prestigious society" of Yayoi and Kofun. We trace how bronze mirrors within the framework of the Sinocentric "tribute system" and in the process of political genesis and formation of early Japanese statehood were transformed from valuable exotic imported luxury goods into a symbol of religious cult, prestige, status and power in ancient Japan, and eventually into a Shinto relic and the most important of the imperial regalia of Japan.

Keywords: bronze mirrors; ancient Japan; Yayoi; Kofun; "prestige objects"; symbol of religious cult, prestige, status and power in ancient Japan; "community-states" *kuni* 国; social stratification; political genesis; early Japanese state formation; Shinto relic; imperial regalia of Japan.

***

Выражаю благодарность археологу-кореееведу, к.и.н., доценту А.В. Загорулько за консультации по вопросам археологии древней Кореи.

Baksheev Evgeny Sergeevich – Ph.D. in Cultural Studies, Consultant at the New Institute for Cultural Research (*Russia*, Moscow).

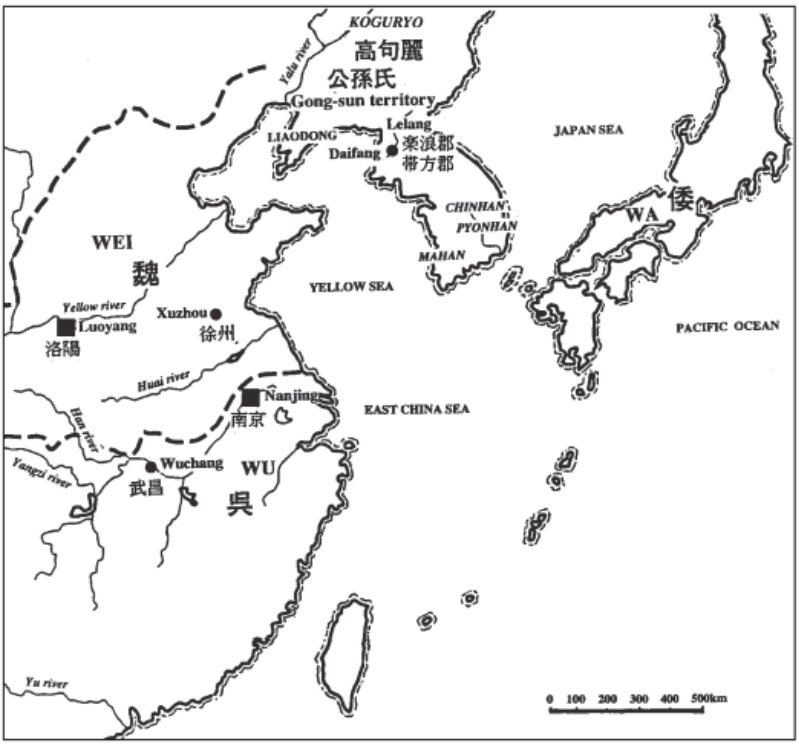
E-mail: e.baksheev@yandex.ru.

Бакшеев Е.С.

Бронзовые изделия периода *яёй* как символы социальной стратификации и ранней государственности Японии

(Приложение к статье *Е.С. Бакшеева* «Бронзовые зеркала периодов *яёй* и *кофун* и процесс политогенеза и формирования ранней государственности в Японии»)

(1) Общество *яёй* древней Японии: рис, металлы, война



Илл. 1. Восточная Азия в III в. н.э.[1]

Период *яёй* (弥生 ок. V в. до н.э. – сер. III в. н.э.[2]) по общему мнению

[1] *Kidder J. Edward*. Himiko and Japan's elusive chiefdom of Yamatai: Archaeology, history, mythology. – Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007. – P. 55.

[2] Новая стандартная (общепринятая) хронология периода *яёй*, используемая сейчас в Японии: Начальный *яёй* (*сōки* 早期) — V–III вв. до н.э.; Ранний *яёй* (*дзэнки* 前期), или Яёй-I, — III–II вв. до н.э.; Средний *яёй* (*тю̄ки* 中期) делится на три фазы: Яёй-II — II в. до н.э., Яёй-III — II–I вв. до н.э., Яёй-IV — I в. до н.э. – I в. н.э.; Поздний Яёй (*кōки* 後期) делится на две фазы: Яёй-V — I–II вв. н.э. и Яёй-VI — III в. н.э. При этом, первая

японских и зарубежных исследователей можно назвать «уникальным», «революционным» (начало использования металлов, широкое распространение производящего хозяйства – заливного рисоводства, резкий рост населения) и «переходным» (возникновение социальной дифференциации и стратификации, возникновение политической элиты, появление протогосударственных образований – *политий*).[1]

Итак, согласно одной из самых убедительных гипотез, примерно в

половина III в. н.э. – это переходный период; его также определяют и как финальный *яёй*, и как начальный *кофун*. Период Ранний *кофун* сейчас датируется второй половиной III в. – IV в. н.э. (см.: *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй // Вещь в японской культуре. – М.: Вост. лит., 2003. – С. 28). В отечественной японистике по-прежнему часто используют старую стандартную хронологию Яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.). Ведущие японские археологи Харунари Хидэдзи и Имамура Кэйдзи из Национального музея японской истории 国立歴史民俗博物館 на основе радиоуглеродной датировки отодвинули время начала Яёй к 1000 г. до н.э. (см. также: *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй* // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 169-172). Эта дата не является общепринятой, но, например, Кодзи Мидзогути, лидер современной японской археологии с международным именем также считает, что период *яёй* начался ок. 900 г. до н.э. (*Mizoguchi Koji*. The archaeology of Japan: from the earliest rice farming villages to the rise of the state. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – P. 53). Маститый археолог Р. Пирсон поддерживает такую точку зрения: по его оценке, в районе современного г.Осака период Яёй начался ок. 950 г. до н.э. (*Pearson Richard*. Ōsaka Archaeology. – Oxford: Archaeopress, 2016. – P. 15-16). В настоящее время японские и иностранные ученые используют для точки начала периода Яёй спектр дат от VIII в. до н.э. до V в. до н.э.

[1] *Hudson Mark J*. Rice, Bronze, and Chieftains —An Archaeology of Yayoi Ritual— // Japanese Journal of Religious Studies. – 1992. – No. 19/2-3. – P. 175; *Barnes Gina L*. State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. – P. 209; *Mizoguchi Koji*. The archaeology of Japan: from the earliest rice farming villages to the rise of the state. P. 53; *Суровень Д.А*. Ранняя форма государства в центральной Японии и образование территориального государства Ямато // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. / Глав. ред. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2020. – Вып. 11-й. – С. 241-242. С.В. Лаптев отмечает: «…Японцы в современном понимании, как тип популяции, сформировались именно в период Яёй. Период Яёй связывается и с кардинальными изменениями во всех областях жизни на архипелаге – это переход к земледелию, то есть к производящему хозяйству, появление бронзы и почти одновременно железа… и формирование первых государственных образований» (*Лаптев С.В*. Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй*. С. 168).

V в. до н.э. на Японские острова с Корейского полуострова началась массовая миграция носителей культуры заливного рисоводства, также владевших технологией обработки металлов (меди, бронзы и железа).[1] Так японцы, знакомые только с естественными материалами – камнем, костью, деревом, раковинами, глиной, впервые столкнулись с металлом – необычным рукотворным материалом, обладавшим необычными для них свойствами – особой прочностью и ярким блеском. Поначалу технология обработки металлов, очевидно, оставалась монополией переселенцев-носителей культуры *яёй*, хотя бы потому, что именно они контролировали импорт бронзовых и других металлических изделий с континента; металлические изделия были пока ценными и редкими и в основном использовались в их среде. Дзёмонцы-автохтоны копировали бронзовое оружие и изготавливали боевое каменное оружие и ритуальное деревянное.

Внедрение заливного рисоводства стало фундаментальным фактором формирования японского этноса, а знакомство с металлическими изделиями и технологией их изготовления имело политико-правовые[2] и религиозно-магические аспекты с длительным и мощным влиянием на государственное устройство и культурные традиции Японии.

В период *дзёмон*, как свидетельствуют археологические данные, случались мелкие стычки, но не было войн. Война как социальное явление появилась в период *яёй* (материалы захоронений свидетельствуют об изрубленных костях, о предметах оружия и доспехов; появляются оборонительные сооружения) только после проникновения на Японские острова континентальной культуры, базирующейся на заливном рисоводстве и металлах (бронзе и железе). Военные действия шли в основном среди яёйцев, поскольку почти все жертвы – мужчины-яёйцы континентального происхождения. Малая территория, пригодная для заливного рисосеяния (на Сев. Кюсю), быстрый рост населения (около 1% в год), стремительная стратификация общества *яёй* привели к образованию и последующему слиянию территориальных образований (общин, яп. *кунй* 国) и

[1] См. илл. 1. Исследователи установили, что эти переселенцы относились к культуре *сонгунни* из юго-западной Кореи периода средний *мумун* (ок. 900–400 гг. до н.э.) (о культуре *сонгунни* см. в настоящем сборнике статью Е.С. Бакшеева «Бронзовые зеркала периодов *яёй* и *кофун* и процесс политогенеза и формирования ранней государственности в Японии» (раздел 3). С. 178-179; см. также: *Song-nai Rhee*, *Aikens C. Melvin*, *Barnes Gina L*. Archaeology and history of Toraijin: Human, technological, and cultural flow from the Korean peninsula to the Japanese archipelago c. 800 BC – AD 600. – Summertown, Oxford: Archaeopress, 2022. – С. 12-31, 48-49).

[2] Японские историки применяют здесь синтоистский термин 神権 *синкэн* букв. «власть *ками*», «священное право».

появлению элит. Период раннего-среднего *яёй* – это время важнейших социально-политических преобразований: происходит переход от административно-политических единиц в виде «поселений» (邑 *мура*) к «владениям» («общинам–государствам» *кунѝ* 国), объединяющим несколько «поселений».[1] Конкуренция за плодородные земли, водные и пищевые ресурсы между соседними деревнями в сельскохозяйственном обществе постепенно переросла в противостояние политической силы и вооруженных формирований протогосударственных объединений.

(2) Железо и бронза

Изделия (орудия труда) из железа начали появляться в Японии в начале периода *яёй* как импорт с Корейского полуострова. Они использовались на протяжении всего периода *яёй*, в основном, на севере Кю̄сю̄; в позднем *яёй* они распространились от Кю̄сю̄ до северо-восточного Хонсю. А оружие из железа появилось на Японских островах в середине *яёй*, но на этой стадии большинство оружия всё ещё было из камня или бронзы. На смену последнему пришло железное оружие, и в период *кофун* большая часть оружия уже изготавливалась из железа. Большинство из сохранившегося оружия той эпохи было найдено в курганных захоронениях. Среди них – одно- и двулезвийные (обоюдоострые) мечи, копья[2], луки и стрелы, а также доспехи, шлемы и щиты.[3]

Итак, железо и бронза были ввезены на Японские острова примерно в одно время (по некоторым данным, железо даже несколько раньше, чем бронза). Самые ранние находки металлических изделий в Японии: железные топоры начального (преф. Фукуока, о-в Кю̄сю̄) и раннего *яёй* (преф. Кумамото, о-в Кю̄сю̄), бронзовое лезвие чекана (клевца) и бронзовые наконечники стрел раннего *яёй* (преф. Кумамото). В общем, можно считать, что если железные орудия использовались в практических целях (сельскохозяйственные и другие бытовые режущие инструменты), то бронзовые изделия в основном имели хождение как ритуально-церемониальная утварь и сокровища. Из истории многих стран известно, что потребность в такой утвари порождалась социальным развитием и усложнением структуры общества, вызванным внедрением сельскохозяйственного производства.

---

[1] См.: *Суровень Д.А*. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии. С. 110-268; см. также в настоящем сборнике статью Е.С. Бакшеева «Бронзовые зеркала периодов *яёй* и *кофун* и процесс политогенеза и формирования ранней государственности в Японии». С. 222-229.

[2] Об этих видах оружия подробнее см. ниже.

[3] *Yoshimura Kazuaki*, *Barnes G.L.* Appendix II: Iron armor and weapons in Protohistoric Japan // Journal of East Asian Archaeology. – 2000. – Vol. 2. – No. 3-4. – P. 104-111.

Главная причина функциональных различий между железными и бронзовыми изделиями состоит в их свойствах как металлов. Так, железную руду можно относительно легко добывать в большом количестве; у железных орудий, в том числе оружия, можно легко получить острую кромку (лезвие). Сырье для производства бронзы (медь, свинец, олово, сера, мышьяк) – более редкое и ценное; режущая кромка у бронзовых орудий не такая острая. В то же время, бронзу можно отливать в самых различных сложных формах, и отлитые бронзы имеют красивый золотистый цвет, что, несомненно, явилось одной из причин их использования в качестве ритуальной утвари и средства накопления сокровищ. Бронзы *яёй* можно отнести к таким категориям материальной культуры (предметам, «вещам»), которые рассматриваются как знаки и символы, олицетворяющие образные представления японцев об окружающем мире. По мнению семиотиков, к таким предметам с постоянно высоким семиотическим статусом относятся украшения, амулеты, маски и т.п.; в сущности, это не «вещи», а знаки, поскольку их «вещность», утилитарность стремится к нулю, в то время как «знаковость» выражена максимально; подобные вещи безусловно относятся к духовной культуре. Эстетическое отношение древних японцев к оружию и к другим бронзам было важной причиной превращения изначально бытовых вещей в знаковые. Таким образом, ещё на заре формирования японской нации и культуры выявились те некоторые эстетические характеристики, которые отличали её классические формы: ощущение фактуры материала, пластическое чувство, внимание к цвету, игра света.

(3) Значение бронзовых изделий

Систематический импорт бронз в Японию с континента начался не с самого начала периода *яёй*, а через некоторое время, с началом формирования – вследствие внедрения сельскохозяйственного производства) – относительно сложного стратифицированного общества, которому были нужны особо престижные вещи[1]: культовая и церемониальная утварь, символы власти. Так, в древнем Китае производство и функционирование бронзовых изделий контролировалось элитой; оружие и церемониальная утварь изготовлялись для поддержания её власти. И в древней Японии также очевидно имела место манипуляция престижными матери-

[1] О бронзах *яёй* как о престижных вещах, «предметах престижа» см.: *Бакшеев Е.С.* Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии периодов *яёй* и *кофун* (вместо комментария к статье С.В. Лаптева) // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 237-238.

альными объектами, которые символизировали принадлежность к группе; она осуществлялась посредством контроля над их приобретением (импортом), производством и распределением. Высказывается предположение, что вожди региона Кинай контролировали производство бронзовых колоколов *дōтаку* 銅鐸 и, возможно, раздавали их «как милость» различным общинам.[1] Точно так же элиты Северного Кю̄сю̄, которые контролировали изготовление ритуального оружия (копий), распределяли их между подконтрольны- ми им территориями.

Импорт в Японию корейских бронз (мечи, копья, клевцы, зеркала, маленькие колокола; многие их исходные прототипы – китайские) происходил с конца раннего *яёй* до начала среднего *яёй*. Вскоре началось их местное производство по корейским образцам, которое стало превалировать со средней стадии среднего *яёй*; в это же время начался импорт китайских зеркал.[2] Корейские бронзы (за исключением зеркал) копировались в Японии: сначала соблюдалось подобие, потом появилось своеобразие. В Японии в местном бронзолитейном производстве в качестве сырья использовались бронзы (бронзовые слитки и готовые изделия), импортируемые как из Кореи, так и из Китая.

Исследователи отмечают, что в период *яёй* инвентарь отличался большим региональным разнообразием. Среди бронзовых изделий, например, на Кю̄сю̄ – мечи китайского типа, клевцы 戈 (яп. *ка*, кит. *гэ*), наконечники копий (ритуальная утварь среднего и позднего *яёй*), корейские и китайские зеркала.[3]

---

[1] Бронзовые барабаны культуры *донгшон* (Южный Китай – Северный Вьетнам), с которыми типологически сходны японские *дōтаку* 銅鐸, служили, в частности, символом власти, знаком богатства и мерилом ценностей при товарообмене. Ареал распространения бронзовых барабанов весьма обширен: от Индонезии на юго-востоке до Бирмы на западе и Монголии на севере. Ещё в XX в. у *ламетов* Лаоса они являлись показателем общественного положения и материального благополучия, выступая в качестве заменителя денег, стоимостного критерия всех остальных реальных ценностей и даже людей.

[2] В Японии импорт китайских зеркал, начался во второй половине II в. до н.э. (период средний *яёй*, что соответствует эпохе Ранняя Хань) и продолжался до конца периода *яёй* (середина III в. н.э.); он имел значительный масштаб (см.: *Лаптев С.В*. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 224).

[3] См.: *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй*. С. 176.

Районирование производства и распространения бронз по двум основным культурным зонам Японского архипелага (Западный Сэто и Восточный Сэто) менялось на протяжении периода *яёй* (см. илл. 2, 3, 10).

1-й этап (ранний *яёй* – начало среднего *яёй*)

Западный Сэто (от Северного Кюсю до Западного Хонсю) – зона оружия: мечи различных типов, клевцы, копья. Восточный Сэто (Центральный Хонсю) – зона *дōтаку*: главным образом, *дōтаку*, а также, в некотором количестве, мечи, копья, клевцы, но на крайнем востоке Хонсю в это время бронзового оружия нет. Центральный Сэто (пересечение этих двух зон): есть и оружие, и *дōтаку*. Другими словами, на раннем этапе эти две основные культурные зоны ещё не сделали свой окончательный выбор, хотя тенденции к специализации уже обнаруживаются.

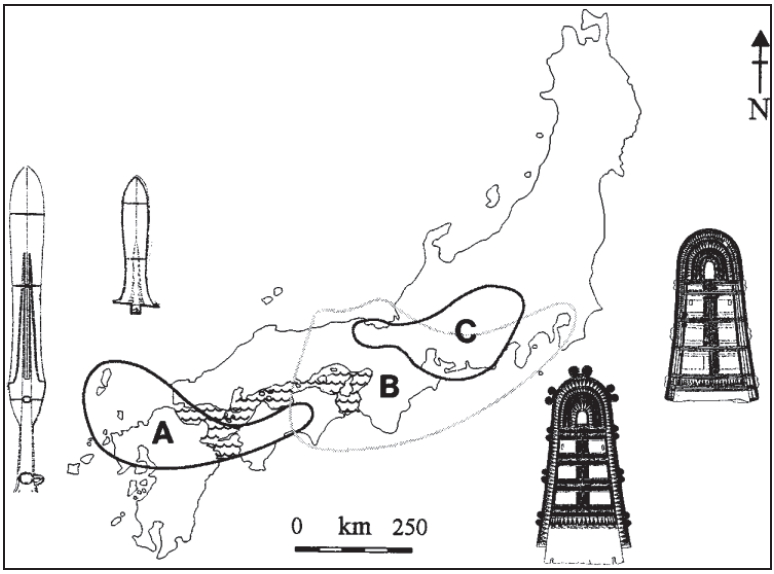
2-й этап (средний *яёй*)

В этот период картина усложняется, появляются местные разновидности бронз, т.е. идёт процесс формирования местных (региональных) культовых и политических центров. Западный Сэто: копья, клевцы. Восточный Сэто: *дōтаку*, оружие. Центральный Сэто: а) осакский тип клевца; б) особый, так называемый «плоский» меч 平形銅剣 (*хирагата дōкэн*) в бассейне Внутреннего моря *Сэтонайкай* (о. Сикоку: преф. Кагава, Эхимэ); в) особый тип меча из Идзумо.

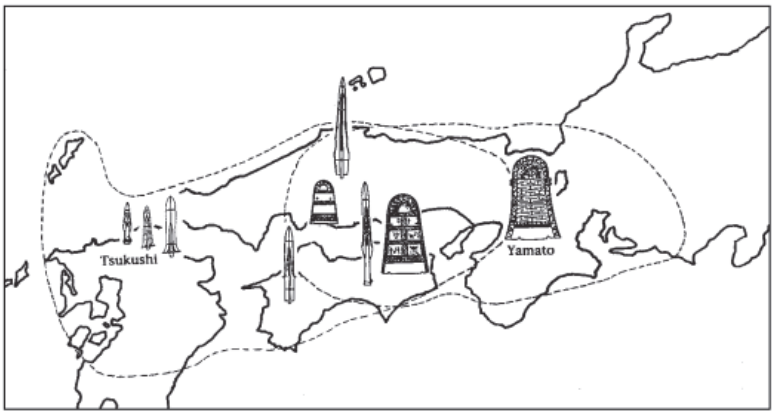
3-й этап (поздний *яёй*).

Происходит унификация производимых бронз, ритуальная идентификация двух основных зон завершена; их наложения (пересечения) практически не отмечаются, а ранее зависимые от них регионы отбросили навязываемые ритуальные символы и обрели свои качественно новые ритуальные формы. Западный Сэто: сохранились копья и клевцы, а мечи исчезли. Восточный Сэто: остались почти одни *дōтаку*.[1] Центральный Сэто: в Идзумо и на побережье Японского Внутреннего моря *Сэтонайкай* бронз уже нет; в Киби на могильных насыпях (*функюбо* 墳丘墓) появляются прототипы *ханива* (погребальная пластика).

[1] См.: *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй*. С. 182-183.

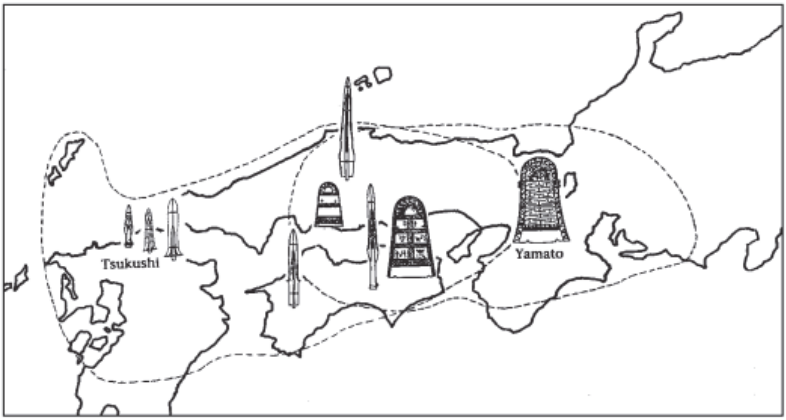


Илл. 2. Распространение бронз в западной и центральной Японии в начале II в. н.э. (период поздний *яёй*, 50-200 гг. н.э.)
Западный Сэто[1]: (**A**) клевцы с широкими лезвиями и втульчатые наконечники копий. Восточный Сэто[2]: (**B**) *дōтаку* «стиля Кинки» и (**C**) *дōтаку* «стиля *санъэн*».



Илл. 3 а. Зоны распространения бронзового оружия и *дōтаку*: период раннего – среднего *яёй*.

[1] Западный Сэто – от Северного Кю̄сю̄ до Западного Хонсю.
[2] Восточный Сэто – Центральный Хонсю.



Илл. 3 б. Зоны распространения бронзового оружия и *дōтаку*: период позднего *яёй*.[1]

Японский историк и мифолог Мисина Сёэй 三品 彰英 образно обрисовал смену бронзовой ритуальной утвари в ритуалах *яёй* и *кофун*: «ритуалы земли» с *дōтаку* и ритуальным бронзовым оружием (地的宗儀である銅鐸・武器形青銅器の祭祀) сменились «ритуалами неба» (天的宗儀である銅鏡の祭祀) с бронзовыми зеркалами.

(4) Оружие

В период *яёй* основным вооружением были мечи и кинжалы, а ближний бой был основным видом военного противоборства, что, по мнению японских специалистов, оказало решающее влияние на тактику, стратегию и философию боевых действий последующих исторических эпох. В китайской «Вэй чжи» («Записи царства Вэй», III в. н.э.) в разделе «Описания народа *во*» 魏志倭人伝 , отражающем ситуацию в первых веках нашей эры (предположительно в Западной Японии)[2], сообщается, что на Японских островах имелись копья, мечи, «корейские» луки, стрелы с костяными и железными наконечниками, что соответствует данным археологии. Действительно, по данным раскопок, в эту эпоху оружие было железным, бронзовым, каменным, костяным и даже деревянным.

[1] *Kidder J. Edward*. Himiko and Japan's Elusive Chiefdom of Yamatai: Archaeology, History, Mythology. P. 125.

[2] См.: *Лаптев С.В*. Описания народа *во* в I–III веках нашей эры (Тексты. 1. «Хань шу». 2. «Хоу Хань-шу» 3. «Вэй чжи») // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. С. 206-235.

Илл. 4. Каменные шлифованные кинжалы (короткие мечи) с рукоятью 有柄式磨製石剣 [1] (начальный *яёй* 弥生時代早期).
Из захоронения на пам. Дзассё-но кума 雑餉隈遺跡, г. Фукуока

Каменные шлифованные кинжалы 磨製石剣 (яп. *масэй сэккэн / сэкикэн*, короткие мечи) на континенте были распространены от региона Ляонин до Корейского полуострова; их изготавливали в подражание бронзовым кинжалам 銅剣 (коротким мечам), которые они и должны были заменять. В Японию (в первую очередь, на о. Цусима и в северную часть о. Кю̄сю̄ они попали с Корейского полуострова в период начальный–ранний *яёй*, когда на Японских островах бронзовые кинжалы были чрезвычайной редкостью. Это пришлось на то время, когда на Сев. Кю̄сю̄ нача-

[1] Три кинжала отличаются размерами и формой. Два экземпляра (в центре и справа) считаются точными копиями китайских бронзовых кинжалов (коротких мечей) (ляонинский тип). Слева (экземпляр с «пояском» на рукояти) – имитация бронзового кинжала, боевые характеристики которого стали декоративными.

ли культивировать заливное рисоводство; когда же, с конца раннего *яёй*, металлические изделия стали распространяться по архипелагу в массовом порядке, каменные кинжалы постепенно исчезли.

Четыре основных вида китайского бронзового оружия было завезено в Японию, в основном через Корею (а именно через китайский округ Лэлан 楽浪 [1]), в раннем *яёй* (III–II вв. до н.э.): наконечники для стрел, клевцы, мечи, копья. Местное производство некоторых из них началось с первой половины среднего *яёй* (II–I вв. до н.э.). Фактически, родоначальниками японского бронзового оружия периода *яёй*, превратившегося затем в важные ритуальные символы, стали клевцы *гэ* 戈 (яп. *ка*; также *дōка* «бронзовые *гэ*» 銅戈) и копья, которые издавна использовались в Северном Китае, а также короткий меч (меч-кинжал, или просто кинжал), который впервые появился в северокитайской провинции Ляонин; затем эти виды холодного оружия попали на Корейский полуостров. В Японии изготавливались различные типы бронзовых наконечников для стрел, но они использовались главным образом как боевые и имели ограниченное ритуальное значение.

Древнекитайское оружие *гэ* 戈 (яп. *ка*), которое попало в Японию, в русскоязычной литературе часто ошибочно называют «алебардой»[2], но его правильное название – «клевец»; у него клювовидное лезвие-крюк (20-30 *см*) закреплено на длинном деревянном (бамбуковом) древке под тем или иным углом. Клевец *цзи* 戟 (яп. *гэки*), сочетавший в себе качества копья и клевца *гэ*, развился в Китае в период Хань, но так и не достиг Японии. В древнем Китае клевцы были оружием воинов, сражавшихся на колесницах, а в ханьское время клевцы (теперь уже из железа) использовались конными и пешими бойцами против конных противников. В Японии периода *яёй* кони ещё не использовались для ведения боевых действий, поэтому клевцы *гэ* 戈 (яп. *ка*), хотя и производились в некотором количестве на Японских островах, всё-таки имели ограниченное распространение, претерпев при этом различные изменения.[3] Так, например, в подражание им здесь применяли чеканы («топорики»), у которых на коротком деревянном древке закреплялось отшлифованное каменное лезвие (Ōсака, I в. до н.э.); лезвие также могло быть бронзовым, железным или деревянным (для ритуальной утвари) (см. илл. 5).

---

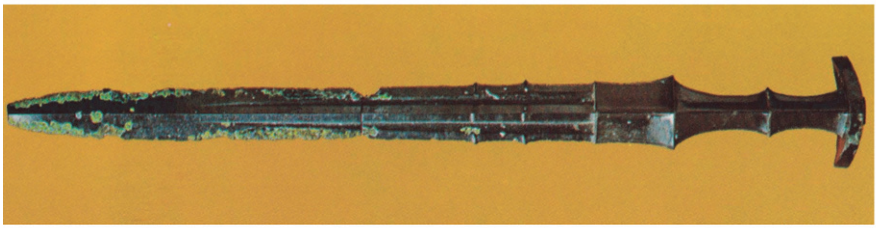
[1] См. илл. 1.

[2] Видимо, от англ. «*halberd*» и «*dagger-axe*».

[3] См. илл. 11 (артефакты № 3 и № 6), а также *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй*. С. 195, рис. 10.

Илл. 5. Воин из поселения Карако-Каги [1] 唐古･鍵
(Таварамото-тё̄ 田原本町, уезд Сики-гун 磯城郡, преф. Нара);
в руках клевец *гэ* 戈 (яп. *ка*) с коротким древком и щит (реконструкция)

[1] Площадь селения Карако-Каги была всего 30 *га*; примерно столько же у знаменитого Ёсиногари (0,36 *га* = 0,36 *кв. км*). Для сравнения: археологический памятник Макимуку 纒向遺跡 (Сакураи, преф. Нара), где с конца II в. н.э. до сер. IV в. н.э. находилась «полития («община–государство») Мива», занимал территорию в 10 раз больше: к сер. III в. н.э. – ок. 3,2 *кв. км*., а со второй пол. – конца III в. – 3,75 *кв. км*. (см.: *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьёва (1922-1995). Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Альфапринт, 2022. – С. 468-476).



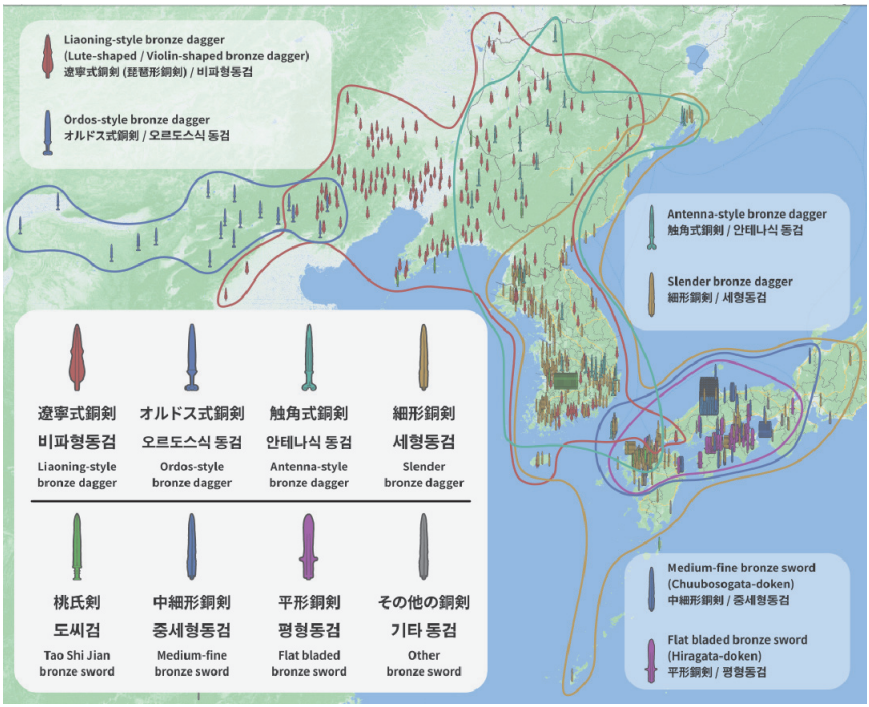
Илл. 6. Бронзовый однолезвийный меч китайского типа *тати* 太刀
(средний *яёй*, пам. Мигумо, преф. Фукуока, Кю̄сю̄)[1]

Из Китая в Японию также попало несколько видов бронзовых мечей (*дōкэн* 銅剣), которые еще называют 短剣 *танкэн* (кинжал), поскольку они были довольно короткими. Меч 剣 *кэн*, или つるぎ *цуруги*, – это обоюдоострое колющее оружие с прямым широким и коротким лезвием, характерное для периода *яёй* (см. илл. 7, 8). Использовалось пехотой в ближнем бою. Это оружие следует отличать от меча *тати* 太刀, или (позднее) *катана* 刀, – длинного однолезвийного (острого только с одной стороны) режущего оружия (см. илл. 6, 7), получившего широкое распространение (уже из железа) в эпоху *кофун*; оно ведёт своё происхождение от длинного узкого меча китайской кавалерии и стало прародителем самурайского меча. Среди бронзовых мечей *кэн / цуруги* периода *яёй* основной тип – меч, который ещё на континенте развился из кинжала ляонинского типа 遼寧式銅剣 (*рēнэй-сики дōкэн* 銅剣) (Северо-восточный Китай) (иначе, 琵琶形銅剣 яп. *бива-гата дōкэн,* скрипковидного, или *пипа*-образного[2], кинжала длиной ок. 30-35 *см*); использовались также китайские мечи, которые отливались вместе с рукоятью (см. илл. 6). По одним данным, в Японии[3] в ранний *кофун* было больше таких двулезвийных коротких мечей, чем длинных однолезвийных; в средний *кофун* двулезвийных мечей становится меньше, а однолезвийные практически исчезают; по другим данным, бронзовые двулезвийные короткие мечи *дōкэн* (кинжалы *танкэн*) исчезли уже в раннем *кофун.*

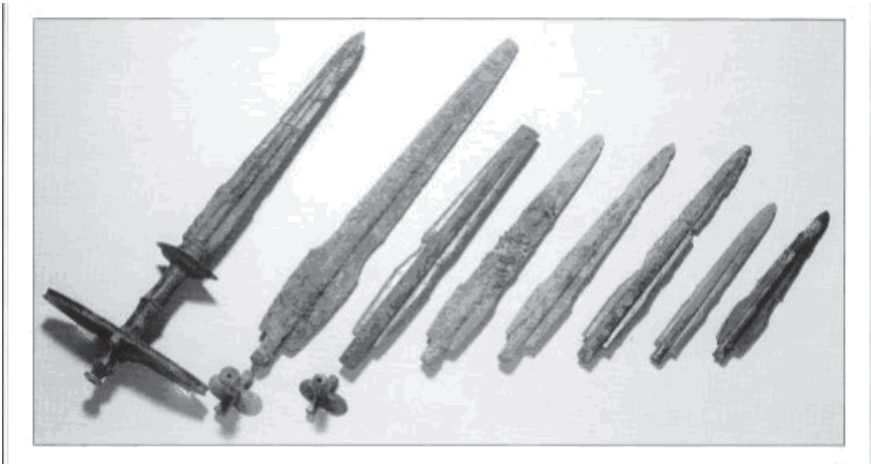
[1] *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй*. С. 195, рис. 11.

[2] 琵琶 *Пипа* (прототип японской *бива*) – китайский струнный музыкальный инструмент из семейства лютневых.

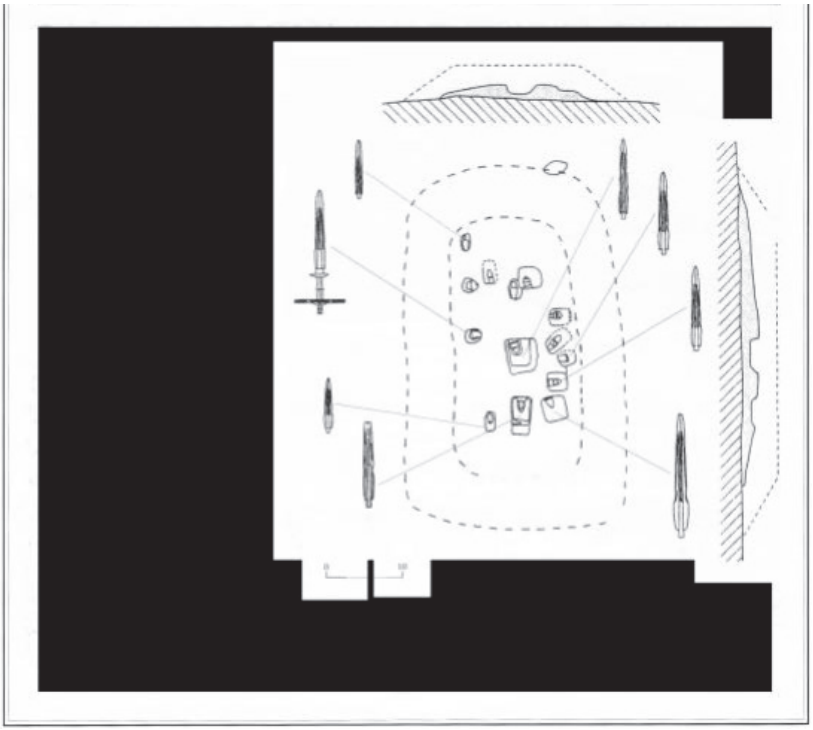
[3] На русском языке о мечах древней Японии см.: *Баженов А.Г.* История японского меча. – СПб.: Атлант, 2001. – С. 10-15.



Илл. 7. Распространение различных типов бронзовых мечей (*дōкэн* 銅剣) на континенте и в Японии.

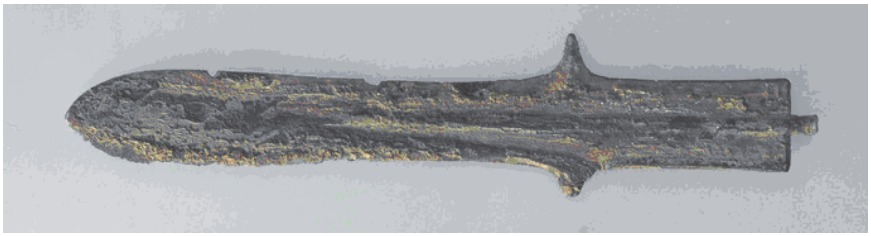


Илл. 8 а.



Илл. 8 б.

Илл. 8 а и 8 б. Бронзовые «узкие» мечи корейского типа
из «царских» захоронений (могил местных вождей)
на пам. Ёсиногари 吉野ヶ里遺跡
(IV в. до н. э. – III век н.э., преф.Сага, Кю̄сю̄)



Илл. 9. Японский бронзовый ритуальный меч типа *хирагата* («плоский»)
平形銅剣 средний *яёй* II–I вв. до н.э.
(длина 47,1 *см*, ширина 5,9-6,0 *см*, вес 436 *г*)

Мечи *кэн / цуруги* 剣 [1] фигурируют во многих важнейших японских мифах и легендах[2], например, о происхождении императорских регалий.[3] Одна из этих регалий, один из символов власти японских императоров – меч Кусанаги-но цуруги「草那藝剣」«Меч *цуруги*, косящий траву»[4] («Кодзики»: миф о *тэнсон кōрин* 天孫降臨 [5]), иначе「草薙剣」/「倶娑那伎能都留伎」(«Нихон сёки»). Можно предположить, что здесь имелся в виду именно короткий бронзовый меч (см. илл. 8), а не позднейший железный меч периода *кофун*. Меч, хранящийся в святилище Ацута-дзингу 熱田神宮, называется Кусанаги-но мицуруги 草薙神剣, т.е. «Священный меч *цуруги*, косящий траву». Таким образом, ядро этих сказаний начало формироваться предположительно уже в период *яёй*.

Копье (пика) 矛/鉾 *мао* (яп. *хоко*) с бронзовым (позднее железным) наконечником и с деревянным (бамбуковым) древком длиной около 280 *см* в Китае было стандартным вооружением пехоты и кавалерии в ближнем бою. В древней Японии копья стали самым престижным боевым оружием. Бронзовые копья *дōхоко* 銅矛 / 銅鉾 производились в Японии до конца II века в небольшом количестве мастерских только на северо-востоке Кю̄сю̄; именно бронзовое копье (а не меч, как часто говорят) явилось главным ритуальным символом региона Западный Сэто (север Кю̄сю̄ – запад Хонсю). Несколько важных мифов связаны с копьями: о

[1] В древних японских текстах, в основном, используется иероглиф 剣, хотя знак 刀 (*тō / мати / катана*) также встречается (например, в «Кодзики»). Подробнее о названиях древних японских мечей и нарративах, связанных с ними см.: *Naumann Nelly*, *Miller Roy Andrew.* Old Japanese sword names and stories relating to swords // Zeitschrift der Morgenlandischen Gesellschaft. – 1995. – No. 145. – P. 373-434.

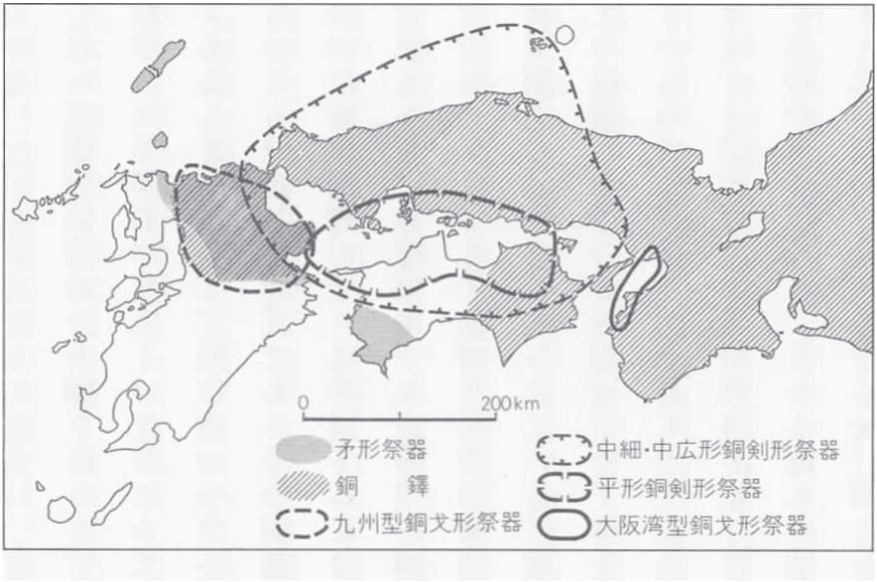
[2] В сказании (по определению А.Н. Мещерякова, «героическом эпосе») о Ямато-такэру-но *микото* 倭建命 / 日本武尊 также фигурирует меч *кэн* / *цуруги*「草那藝剣」: «Ямато-такэру выхватил короткий меч» (эпизод с братьями Кумасо-такэру из «Кодзики». – *Мещеряков А.Н.* Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 10), который прятал под одеждой (очевидно, что длинный меч так не удалось бы спрятать).

[3] Регалии японских императоров (三種の神器 яп. *сансю̄-но дзинги* – «Три священных сокровища») – бронзовое зеркало Ята-но кагами (八咫鏡), «яшмовые подвески» Ясакани-но магатама (八尺瓊勾玉) и меч Кусанаги-но цуруги (草薙剣).

[4] Иное толкование: «Меч *цуруги*, добытый из зловонного змея». Ещё одно название этого меча – Амэ-но муракумо-но цуруги 天叢雲剣 «Небесный меч из клубящихся облаков».

[5] Миф о схождении с Такамагахара (Небесного мира) в Асихара-но Накацукуни (Земной мир) Ниниги но микото, внука Аматэрасу, с тремя «священными» предметами (зеркалом, мечом, ожерельем с *магатама*) – будущими регалиями японских императоров, врученными ему богиней.

Сарута-хико с «драгоценным копьем» (*тамахоко*), ставшем проводником бога Ниниги, внука Аматэрасу, при вступлении во владение Японией; о принце *Амэ-но хибоко* («Копье небесного солнца»), а также о *Ятихоко-но ками* («Бог восьми тысяч копий», другое имя *Оо-кунинуси-но ками*).



Илл. 10. Районирование ритуальных бронзовых изделий местного производства (яп. *сайки* 祭器) на Японских островах[1]:

(*левый столбец*):

(1) 矛形祭器 наконечники ритуальных копий

(2) 銅鐸 колокола *дотаку*

(3) 九州型銅戈形祭器 ритуальные клевцы («стиль Кюсю»)

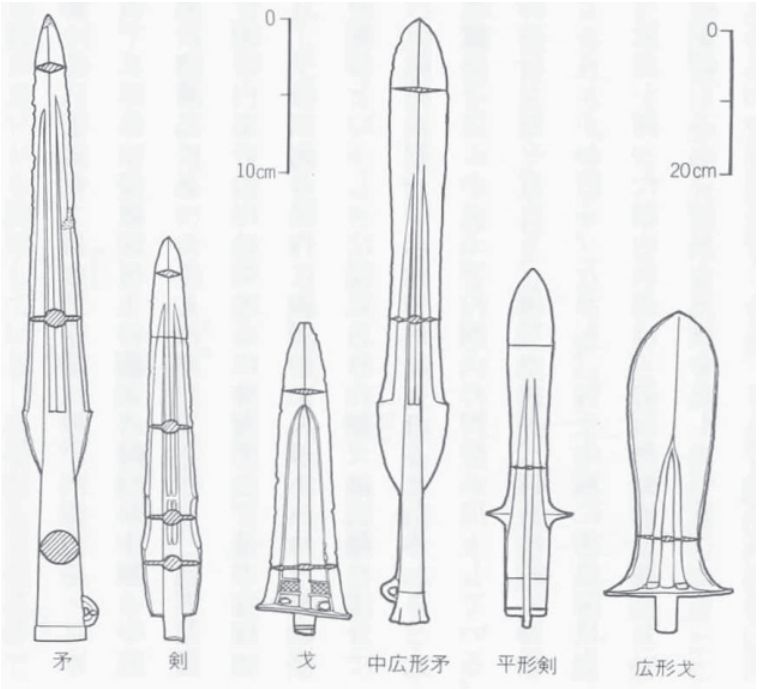
(*правый столбец*):

(4) 中細·中広形銅剣形祭器 ритуальные «среднеузкие» и «среднеширокие» бронзовые мечи

(5) 平形銅剣形祭器 «плоские» ритуальные бронзовые мечи

(6) 大阪湾型銅戈形祭器 ритуальные бронзовые клевцы («стиль Осакский залив»)

[1] Нихон рэкйси тайкэй 日本歴史大系 / Ред. Иноуэ Мицусада и др. 井上光貞ほか編. – Токио 東京: Ямакава сюппанся 山川出版社, 1984. – Т.1: Гэнси-кодай 原始·古代. – С. 188, илл. 37.



Илл. 11. Бронзовое оружие континентального и японского производства[1]
(слева направо; континентального производства):
1. 矛 наконечники копий; 2. 剣 мечи; 3. 戈 клевцы;
(от середины направо; японского производства):
4. 中広形矛 «среднеширокие» наконечники копий;
5. 平形銅剣 «плоские» мечи; 6. 広形戈 «широкие» клевцы.

(5) Бронзовое оружие: от боевого к ритуальному

На о. Кюсю и западе Японии производились некоторые виды бронзового боевого оружия и все виды ритуального (яп. *сайки* 祭器); в Кинай – ритуальные мечи и клевцы. В Японии копья, мечи и клевцы постепенно трансформировались из боевого в декоративное ритуально-церемониальное оружие. Изменение состояло в том, что оружие из узкого, массивного, с заточенным лезвием с течением времени превращалось в широкое, тонкое, с тупой кромкой; это сопровождалось резким увеличением его размеров[2]; теперь самым важным стал визуальный эффект. Весь процесс

[1] Там же. С. 188, илл. 38.
[2] Сходные процессы отмечались в то время и в странах Индокитая: так, длина брон-

такой трансформации можно разделить на четыре последовательные стадии:

1) 細形銅矛/ 銅鉾 *хосогата дōхоко* – боевые «узкие» наконечники копий; производились на севере Кю̄сю̄, найдены их литейные формы, но большинство импортировалось из Южной Кореи; их длина 20-50 *см*. Также «узкие» клевцы *хосогата дōка* 細形銅戈 использовались в начале периода *яёй*; обнаружены на севере о. Кю̄сю̄ в урновых захоронениях.[1]

2) 中細形銅矛/ 銅鉾 *накабосо-гата дōхоко* – «среднеузкие» наконечники копий; использовались в середине периода *яёй*, найдены в захоронениях северной части о. Кю̄сю̄ вместе с бронзовыми зеркалами. В конце периода *яёй* использовались в бассейне Внутреннего Японского моря в качестве ритуальной утвари наряду с бронзовыми мечами.

3) 中広形銅矛/ 銅鉾 *накахиро-гата дōхоко* – «среднеширокие» наконечники копий (50-70 *см* длиной); бытовали в конце периода *яёй*, преимущественно на Кю̄сю̄ и районе Идзумо; обнаружены археологами на стоянке Кōдзиндани в преф. Симанэ. Использовались как предметы культа.

4) 広形銅矛/ 銅鉾 *хирогата дōхоко* – «широкие» наконечники копий (длиной более 70 *см*). Также 広形銅剣形祭器 *хирогата дōкэн-гата сайки* «широкие» ритуальные бронзовые мечи, иначе 平形銅剣 *хирагата дōкэн* «плоские» мечи (см. илл. 9, 11).

Оружие типов 2-4 – ритуально-церемониальное. Другими словами, довольно быстро бронзовые копья и мечи утратили функцию боевого оружия, которая перешла к железному и каменному, а модифицированное бронзовое оружие стало использоваться как ритуально-церемониальная утварь.

Японские археологи не находят бронзовые изделия периода *яёй* в поселениях. Их обнаруживают только: а) в захоронениях (лишь на севере Кю̄сю̄, и только боевое оружие, а также зеркала); б) в специальных «кладах» (ритуальная бронзовая утварь) от Кю̄сю̄ до Тю̄бу (очень редко к северу от Кантō).

В ритуально-магическом обществе периода *яёй* бронзовое боевое

зового наконечника копья из могилы Цинь Ши-хуанди составляет 15,3 *см*, а из преф. Нагасаки – 84,3 *см*; размеры боевого клевца из Сычуани – 25,2 *см*, а его ритуальной формы из Таиланда – 72,5 *см*. Модель такой трансформации бронзового оружия из боевого в декоративное ритуально-церемониальное попала в Японию с Корейского п-ова.

[1] Первичные взрослые захоронения в гигантских широкогорлых керамических сосудах *камэ* (*камэканбо* 甕棺墓). Такие захоронения в гигантских урнах в Японии характерны только для Северного Кю̄сю̄ (см.: *Лаптев С.В.* Основные проблемы археологической классификации и периодизации культурного типа *яёй*. С. 190, рис. 1.

(«узкое») оружие клали в могилы убитых воинов только на севере Кюсю (в других регионах это не практиковалось), что расценивается как следование континентальным традициям; так, в захоронениях на Кюсю найдены боевые корейские мечи, в урновом захоронении I в. до н.э. обнаружен бронзовый клевец; в могильной насыпи *функюбо* II в. до н.э. – I в. н.э. — наконечник копья и меч. Можно определить этот обычай как элитарный (вождеский) воинский погребальный обряд.

При этом важно отметить, что ритуальное оружие никогда не клали в могилы того периода; не найдено оно и в поселениях; другими словами, бронзовое ритуальное оружие использовалось в ритуалах другого типа – особых магических обрядах, во время которых оружие закапывали в землю. Возможная интерпретация таких необычных действий: поклонение оружию как символу воинского духа и силы; вотивные пожертвования божествам; изгнание и магическая победа над врагами и злыми духами, которые могли помешать хорошему урожаю или благополучной поездке; обозначение сферы интересов господствующих элит Северного Кюсю (поскольку копья закапывались в особых, стратегических точках). Так, на острове Цусима найдено 81 ритуальное копье (это больше, чем на всем Кюсю, где эти копья производились); возможные мотивы того, что их закопали именно здесь: ритуалы с молениями об успешном путешествии на континент; магическая охрана границ Северного Кюсю. Похоже, что ритуалы с закапыванием бронзового оружия достаточно однотипны с закапыванием *дōтаку* (об этом см. ниже). В различных регионах Японии (за исключением Кюсю – совр. преф. Хиросима, на Сикоку (Кагава, Токусима), Осака, Хёго, Сига – бронзовые мечи и клевцы закапывали вместе с *дōтаку*. И только в Идзумо (преф. Симанэ; памятник Кōдзиндани 荒神谷遺跡 – см. илл. 17, 18) вместе с шестью *дōтаку* (высотой 20 *см*) обнаружены 16 ритуальных копий, а также 358 мечей; причём все мечи были новыми и принадлежали к специфическому местному «стилю Идзумо»[1] (тип «среднеширокий» *накабосо*; вес 1 шт. ок. 500 *г*; длиной ок. 50-53 *см*, в отличие от более широких и длинных ритуальных мечей, производимых на Кюсю), а *дōтаку* и копья поступили из других регионов (все бронзы датируются концом среднего-началом позднего *яёй*, ок. 100 г. н.э.).

Специалисты полагают, что бронзолитейная технология древнего

[1] Это самая большая находка (1988 г.) бронз (в частности, мечей, которых до тех пор было обнаружено 300 штук) в Японии. В Симанэ также найдены литейные формы для изготовления таких мечей; состав бронзы указывает на южнокитайское происхождение сырья; очевидно, что на рубеже эпох регион Идзумо поддерживал связи с Китаем и Кореей.

Идзумо заимствована из государства Силла, которое находилось на восточном побережье Корейского полуострова, на другой стороне Японского моря, напротив Идзумо, и металлургические технологии которого были известны во всей Восточной Азии. Японская мифология (сюжет о «подтягивании земли» *кунибики* 国引き神話) также позволяет сделать вывод о тесных связях Идзумо и Силла; бог Сусаноо-но микото 須佐之男命, возможно, происходит от силланского бога литейщиков и кузнецов; названия нескольких святилищ в Идзумо и г. Хирата 平田市 (преф. Симанэ) намекают на их возможную связь с иммигрантскими сообществами, специализировавшимися на обработке металлов.

(6) Что такое *дōтаку*?

Память о *дōтаку* 銅鐸, традиция изготовления которых загадочно прервалась в III в. н.э., не сохранилась ни в народных преданиях, ни в мифологических нарративах, но в исторических текстах есть упоминания об их находках. Так, сам термин *дōтаку* впервые появляется в «Сёку нихонги» 続日本紀 («Продолжение анналов Японии», 797 г.), но считается, что впервые *дōтаку* были обнаружены, согласно «Фусō рякки» («Сокращенные записи о стране Фусō (Япония)», 1094 г.), в 668 г. у буддийского храма Суфукудзи (провинция Ōми 近江国 Ōми-но куни) / совр. преф. Сига). До настоящего времени найдено более 500 штук. Следуя иероглифической записи 銅鐸 , *дōтаку* – это «бронзовые [колокола] *таку*». В древности в странах Дальнего Востока использовались различные виды колоколов/колокольчиков, бубенцов и других шумовых музыкальных инструментов. Колокольчики 鐸 яп. *таку* имелись и в Китае (кит. *до*), и в Корее (кор. *так*).[1] В V–VI вв. в Японию из Кореи ввозились различные виды колокольчиков, которые использовались элитой позднего *кофун* как атрибуты власти и авторитета (их часто находят в курганных гробницах того периода). В VI–VII вв. вместе с буддизмом был импортирован ещё один набор колоколов. Так, в Японии VII–VIII вв. использовались, в частности, два вида колоколов: 1) широко известные буддийские колокола 鐘 *канэ*, или *сē* (кит. *чжун*), без языка; в них бьют снаружи; 2) *таку* 鐸 (кор. *так*, кит. *до*) в виде так называемых *фӯтаку* 風鐸 / 風鈴 («ветряные колокольчики»)[2] с язычком, которые звенят на ветру.

[1] См.: *Cho Hyunjong*. The Musical Instruments of Prehistoric Korea // The International Journal of Korean Art and Archaeology. – 2009. – No. 3. – P. 30-31.

[2] Также *хōтаку* 宝鐸. Сохранились в японской культуре в виде 風鈴 *фӯрин* – маленьких звенящих от ветра колокольчиков, которые подвешиваются под карнизом крыши и т. п. Знак 鈴 (яп. *рин / рэй / судзу*; кит. *лин*) первоначально означал «бубенец», затем

Находки *дōтаку* при строительстве буддийских храмов считали благими знамениями и принимали их за «ветряные колокольчики» *таку*, которые якобы висели на пагоде, построенной индийским правителем Ашокой (II в. до н.э.).

По «Когосю̄и» 古語拾遺 (807 г.), для извлечения *Аматэрасу* из Небесного грота божеству *Амэ-но махитоцу-но ками* было велено изготовить мечи, топоры и «железные колокольцы»[1]; здесь использован иероглиф *таку* 鐸 и поясняется, что в древности он читался как *санаки / санаги* 佐奈伎.

Происхождение *дōтаку*

Наиболее достоверна гипотеза о происхождении *дōтаку* от корейских колокольчиков малых *дōтаку* 朝鮮式小銅鐸 *тёсэн-сики сё̄-дōтаку* (кор. *сотак*; высотой 8-12 *см*, максимум до 16 *см*) и их предшественников – ханьских колокольчиков, так называемых *батаку* 馬鐸 (*букв.* «лошадиные колокольчики»), попавших в Японию через о. Цусима. Корейская версия имеет надежное археологическое подтверждение.[2] В Корее такие колокольчики находят в рядовых захоронениях III в. до н.э.

Известно, что в Корее с её мощными шаманистскими традициями колокольчики и бубенчики (鈴 яп. *рин / судзу*)[3] использовались в магических шаманских обрядах[4] призывания и общения с духами и божествами

– колокольчик и, наконец, звонок. В древнем Китае «ветряные колокольчики» *сэнфӯ-таку*「占風鐸」использовались для гаданий по звуку.

[1] Любопытно, что в святилище Сува 諏訪神社 Сува-*дзиндзя* (г. Нагасаки) в качестве *синтай* («тела божества») до сих пор используются ритуальные копья (*такахоко*) с железными наконечниками и подвешенными железными колокольцами.

[2] Высказываются предположения о происхождении японских *дōтаку* от южнокитайских колоколов, но доказательств пока недостаточно.

[3] *Бубенцы*, бубенчики (鈴 яп. *судзу*, кит. *лúн*) – шумовой музыкальный инструмент в виде набора полых металлических шариков с прорезями, внутри которых свободно перемещается один или несколько мелких литых шариков или камешков. Используются с древнейших времён как оберег и украшение; во многих традиционных культурах сопровождают танцы, пляски (о бубенцах в Японии см. прим. 4, а также С. 235-236). В России бубенцы использовались в составе конской упряжи. Колокольчики и бубенцы часто подшивались к одежде и головным уборам шутов и скоморохов.

[4] Ритуальная «погремушка» 巫女鈴 *мико судзу*, или 神楽鈴 *кагура судзу*, на которую навешены бубенчики (12-15 шт.) и с которой храмовые жрицы *мико* исполняют в синтоистских святилищах ритуальные танцы *кагура* 神楽, имеет корейское происхождение (см. илл. 19 и 20). Минибубенчики также прикрепляют к оберегам *о-мамори* お守り; прихожане синтоистского святилища, дергая за веревку, привязанную к гигантскому бубенцу, его звуком призывают богов, которых почитают в этом святилище.

(так же как у народов Сибири и Дальнего Востока): шаманы вешали их на себя, на деревья и т.п. В Японии (Кю̄сю̄) находят не только колокольцы, но и литейные формы для их отливки; существует типологическая преемственность между ними и самыми ранними японскими *до̄таку* (стадия I; II в. до н.э.; высота 20-25 *см*), которые к тому же имеют общий декор с корейскими бронзами (мечами, копьями, клевцами, зеркалами *татю̄сомонкё̄*).

Илл. 12. Колокольчик малый *до̄таку* 小銅鐸 *сё̄до̄таку*
(поздний *яёй* I – III вв. н.э.; высота 7,8 *см*, вес 71,5 *г*;
г. Нумадзу, преф. Сидзуока; Токийский государственный музей).

Типологически *до̄таку* делятся на четыре хронологические стадии от II в. до н.э. до III в. н.э., примерно по одному веку на каждую стадию.

Стадии, в свою очередь, делятся на типы. I–III стадии – колокольчики с язычками – их слушали, IV стадия – без язычка, на них только смотрели.

Самые большие – *дōтаку* IV-5 (стадия IV, тип 5) высотой до 134,7 см. Сначала (стадии I–II) литейные формы для них были каменными, затем (стадии III–IV) — глиняными, что давало возможность более тщательной проработки рельефа и декора. Сырьё, очевидно, привозное, сначала корейское, затем китайское; это относится и к готовым бронзовым изделиям.[1]

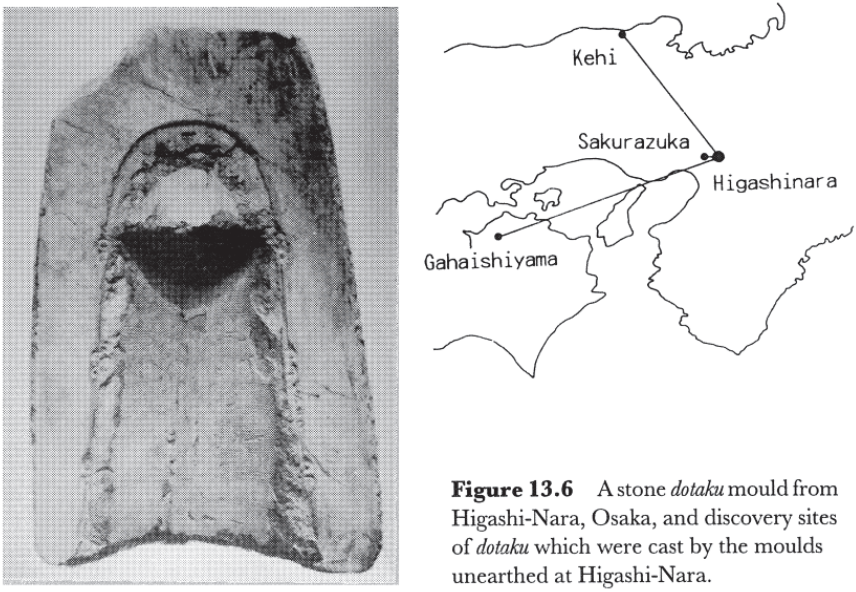


Figure 13.6 A stone *dotaku* mould from Higashi-Nara, Osaka, and discovery sites of *dotaku* which were cast by the moulds unearthed at Higashi-Nara.

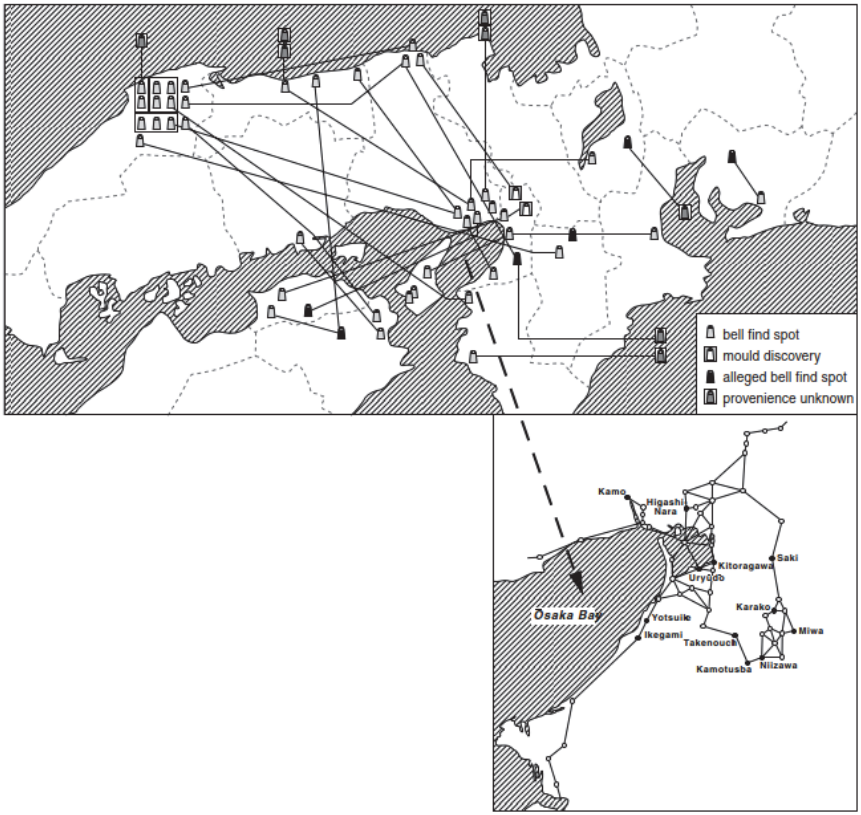
Илл. 13. Каменная форма для отливки *дōтаку*, найденная в Хигаси Нара (Осака), и карта находок *дōтаку*, отлитых в этих формах[2]

Дōтаку получили распространение от Кю̄сю̄ и Сикоку (преф. Коти) до Кантō (преф. Тотиги). Их производство было сосредоточено в нескольких крупных мастерских; затем продукция распределялась по регионам. Так, из одной литейной формы отливали несколько *дōтаку*; на-

[1] Бронзолитейные традиции Восточного Сэто (Кинай и его окрестности) основывались на переплавке импортных бронз в колокола *дōтаку* (см.: *Barnes Gina L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge – Taylor & Francis Group, 2007. – P. 59).

[2] *Imamura Keiji*. Prehistoric Japan: new perspectives on insular East Asia. – London: UCL Press, 1996. – P. 174.

пример, мастерская находилась в Хигаси-Нара (Осака), а колокола, произведенные в ней, найдены и в Осака, и в Хёго, и даже в Кагава (о-в Сикоку) (см. илл. 13). В начальный период (I в. до н.э., стадия II–2) в небольшом количестве *дōтаку* производились на севере Кюсю (преф. Сага, необычный декор – т. н. «глаза»), на побережье Японского моря – в Идзумо (преф. Симанэ, Тоттори) (см. илл. 15), на западе Хонсю на побережье Сэтонайкай – в префектурах Хиросима, Окаяма (тип Фукуда).

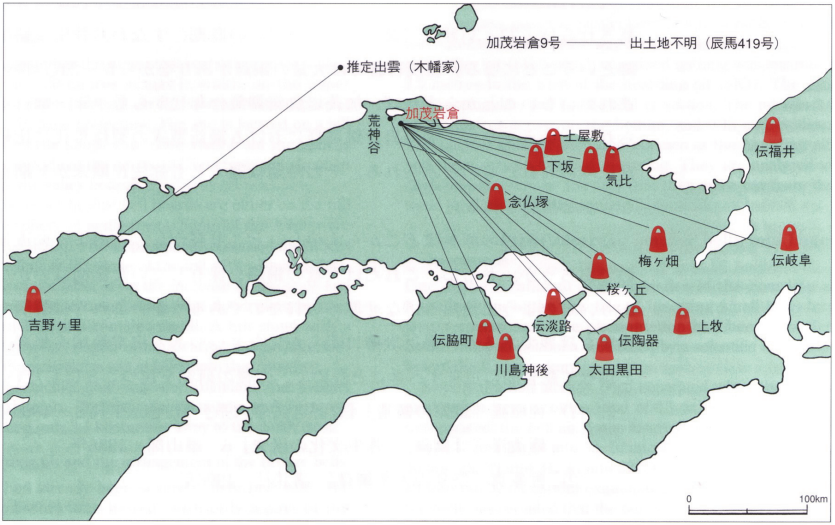


Илл. 14. Схемы распространения *дōтаку* в западной и центральной Японии (*вверху*) и связей между археологическими памятниками (селениями) в регионе Кинки (*внизу*) в период средний *яёй*[1]

Начало и главный центр производства и распространения *дōта- ку* –

[1] По: *Barnes Gina L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. P. 64, figure 3.4.

Кинай. Вторичный центр – Тōкай (преф. Сига, Гифу, Аити), где производство началось с I в. н.э. (стадия III). На стадии IV (конец I – III вв. н.э.) выработан так называемый «стиль *санъэнсики*» 三遠式 .[1] Особенностью этого типа являются овал в плане (для *дōтаку* из Кинай характерен круг) и фигуры оленя и цапли, если изображения имеются. Производство этого типа прекратилось в Тōкай во второй половине – конце II в. н.э., но ещё в начале III в. н.э. там были распространены *дōтаку* из Кинай. Причём последняя фаза *дōтаку* из Кинай восприняла стиль *санъэнсики*, т.е., очевидно, в их изготовлении участвовали мастера из Тōкай. Одновременно это и свидетельство усиления влияния Кинай, где производство *дōтаку* сохранялось до начала III в. н.э. В Кинай *дōтаку* остаются в земле, т.е. обряды с их использованием прекращаются в середине – второй половине III в. н.э. (с началом строительства курганов *кофун* и проведения обрядов нового типа на них именно в Кинай, т.е. с началом периода *кофун*).



出雲の銅鐸と兄弟銅鐸の関係図

Илл. 15. *Дōтаку* «стиля Идзумо» (II–I вв. до н.э.; пам. Камо-Ивакура 加茂岩倉遺跡, г.Уннан, преф. Симанэ) и распространение их «близнецов».

Декор *дōтаку*

В целом декор *дōтаку* можно подразделить на геометрический узор и фигуративные изображения. Геометрический узор *дōтаку* схож с бытовой

[1] От первых иероглифов в названиях провинций Микава 三河 и Тōтōми 遠江 .

керамикой того времени, что говорит о том, что *дōтаку* предназначались для всей общины. Узор *рю̄суймон* 流水文 («текущая вода») идентичен гребенчатой керамике *яёй* и интерпретируется как символ воды, столь важной в заливном рисоводстве. Стороны *дōтаку*, на которые нанесен геометрический узор, являются зеркальным отражением друг друга. Мотив «глаз», или «очков» (*хэкидзямон* 辟邪文 «личина»)[1], очевидно, является изображением глаз духа или божества; подразумевается, что его взгляд отвращает зло.

辟邪文銅鐸（伝出雲出土）　　吉野ヶ里銅鐸　写真提供：佐賀県教育委員会

Илл. 16. «Близнецы»[2] *дōтаку* с изображением личины *хэкидзямон* 辟邪文
Слева: найден в Идзумо; *справа:* с пам. Ёсиногари (оба I в. н.э., поздний *яёй*)

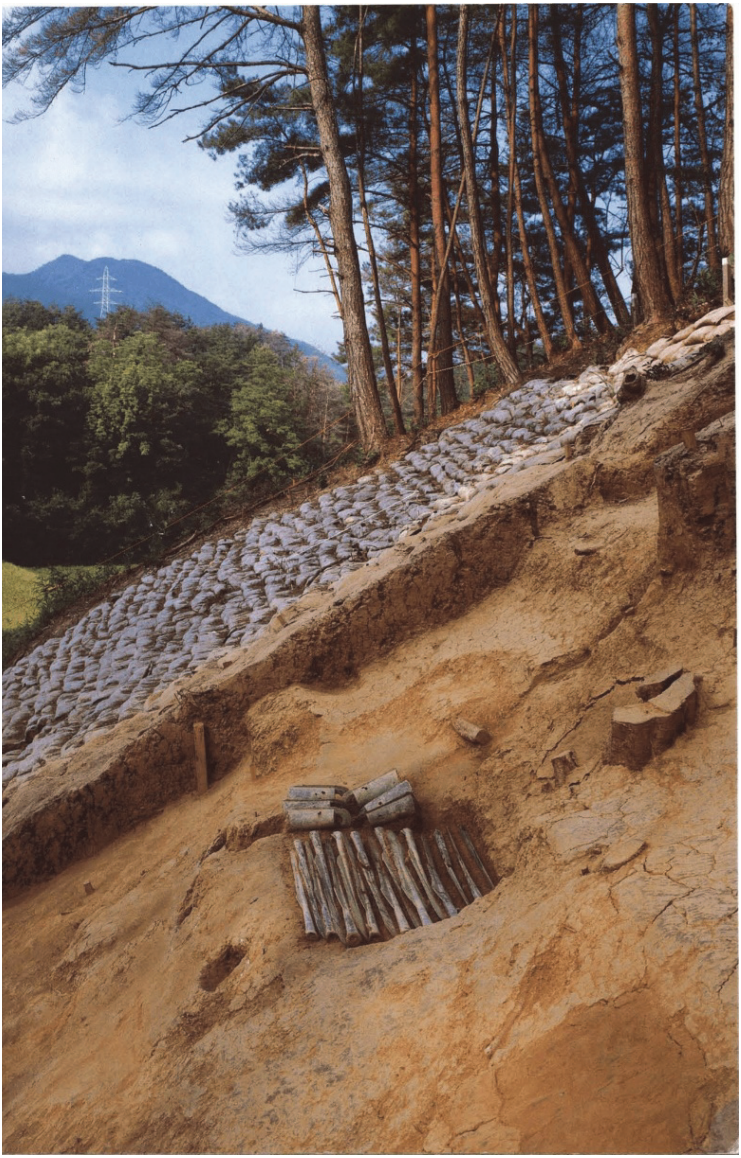
На *дōтаку* встречаются фигуративные изображения: насекомые (стрекоза), рыбы (карп), земноводные (лягушка), пресмыкающиеся (змея, черепаха) и – особенно часто – цапля (из птиц) и олень (из животных). Известно, что цапли появляются на рисовых полях сразу после того, как их заливают водой. Эти большие белые птицы, возможно, воспринимались

[1] См. илл. 16.
[2]「兄弟銅鐸」изготовлены в одних и тех же (одинаковых) литейных формах; на обоих также имеется изображение птицы.

земледельцами как воплощение духа риса и считались священными.[1] Некоторые животные на *дōтаку* изображены на полях в начале лета. А олень часто изображается на керамике *яёй* рядом с зернохранилищем – символом богатого урожая, осени. Другими словами, эти изображения животных и птиц представляли собой календарную сельскохозяйственную символику, получившую позже столь широкое распространение в японской классической культуре. Имеются также разнообразные жанровые сценки сезонного характера: различные работы, связанные с рисом (сбор, обмолот риса, хранение урожая), а также охота, рыболовство. В целом предстает некая картина мира людей *яёй*, их образ жизни, связанный главным образом с рисоводством.

Илл. 17. 358 бронзовых мечей (кинжалов) на пам. Кōдзиндани 荒神谷遺跡 (г. Идзумо, преф. Симанэ, регион Санъин)

[1] В Японии, как и в других рисоводческих цивилизациях Восточной Азии и Юго-Восточной Азии, существовал культ духа риса, отождествляемого с душой человека, предка или божества. Подробнее о различных аспектах «культуры души» Японии см.: *Бакшеев Е.С.* «Понятия «души», «жизни» и «сердца» в раннеяпонской духовной культуре // Япония 2000-2001. Ежегодник. – 2001. – С. 207-225; *Бакшеев Е.С.* Структура духовной сущности человека, правителя и божества в традиционной японской культуре // *Бакшеев Е.С.* Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель. Т. 1. С. 111-113; *Бакшеев Е.С.* Представления о душе в традиционной японской культуре // Там же. Т. 2. С. 52-65.



Илл. 18. Колокола *дōтаку* и бронзовые наконечники копий *in situ* на пам. Кōдзиндани 荒神谷遺跡 (период *яёй*; г. Идзумо, преф. Симанэ, регион Санъин)

***Дōтаку* в ритуалах**[1]

Дōтаку находят закопанными в землю (самая большая находка – 39 штук); новые и старые типы, только что отлитые и использованные, закапывали вместе, похоже, в определённом порядке (иногда в особых деревянных футлярах); сверху подчас возводилось деревянное строение[2]. Однако *дōтаку* никогда не обнаруживают в захоронениях (могилах) или поселениях. Встречаются и смешанные «клады» *дōтаку* и оружия: на острове Хонсю в префектурах Хиросима, Кобэ, Сига, Хёго, Симанэ (с копьями – единственный случай), на острове Сикоку — в преф. Кагава и Токусима. Можно выделить два способа размещения *дōтаку*: 1) *дōтаку* стадий I–III (в том числе, стадия III вместе с ритуальным оружием в одной яме) в течение всего периода их бытования закопаны вдали от селений на склонах гор; 2) *дōтаку* стадий III–IV, т.е. в последней фазе, — рядом с селениями на равнине (без ритуального оружия). Этнографические материалы о древних ритуалах, сохранившихся в Японии до последнего времени, дают возможность следующего толкования.

Первый способ относится к сельскохозяйственным обрядам, связанным с освоением земель (например, обряд *дзикон* 地魂 – «умиротворение духа земли»), весенним обрядам, направленным на обеспечение плодородия почвы («разбудить» духов земли перед высадкой рассады в поле), к обряду испрашивания дождя (*амагои*), обряду типа моления об обильном урожае *тосигой-но мацури / кинэнсай* 祈年祭 и пр. Второй способ захоронения символизирует защиту границ поселений и общин в связи с возможным усилением соперничества между ними. С конца среднего *яёй* поселения стали перемещаться с равнин в горную местность; отмечается быстрый рост производительности труда и урожайности риса. В результате этого, в позднем *яёй* население увеличивается, и размеры поселений растут, что приводит к усилению трений между ними. Так, на пам. Кōдзиндани отмечаются многократные массовые закопки ритуальных бронз в «священной земле» (самый массовый «клад» – 358 мечей, 6 *дōтаку* и 16 копий); очевидно, что маленькая община не справилась бы с таким грандиозным предприятием. Его можно рассматривать и как ритуал для сплочения такой большой общины; возможно, *дōтаку* использовались и в ритуалах формального вступления вождей во власть (типа

[1] О культе *дōтаку* см.: Recent archaeological discoveries in Japan. – Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies, 1987. – P. 49-54.

[2] Те тщательность и строгий порядок, с которыми *дōтаку* закапывали, оставляет мало места для версии о чрезвычайном или экстренном характере этого действия (например, в случае внезапного военного нападения).

позднейшего *сокуи* 即位)[1], и в ритуалах наследования харизматической власти правителя (типа *хицуги* 日嗣・日継 [2] букв. «наследование Солнцу» – наследование власти правителя, причем *хи* также может означать *рэй* 霊 – «дух, харизма», таким образом, *хицуги* толкуется как 霊次 «наследование души (царской харизмы)»).

В Кōдзиндани также обнаружены специфические четырехугольные могильные насыпи 四隅突出形墳丘墓 *ё суми тоссюцу гата функюбо* (букв. «могильные насыпи с четырьмя угловыми выступами»)[3] конца II – III вв. н.э., предположительно захоронения вождей Западного Идзумо. Исследователи полагают, что эти насыпи служили ритуальными площадками, где вся община проводила обряды, обеспечивающие благожелательное отношение духа покойного вождя, в частности, направленные на то, чтобы он не причинял ей вред, а нёс различные благодеяния (хорошую погоду, обильный урожай риса и т.п.).

Японские учёные на основании археологических данных выдвинули гипотезу, что обряды типа *хицуги* 日嗣・日継 (букв. «наследование Солнцу»[4] – наследование власти правителя)[5], в древности входившие в риту-

---

[1] Тайный ритуал «восхождения на престол» («интронизация») нового правителя (императора) Японии (см.: *Бакшеев Е.С.* Престолонаследие и фактор *могари* в древней Японии (некоторые правовые аспекты) // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1-й. – С. 253).

[2] Др.-яп. *питуги*; возможно, первоначальным значением слова «*питуги / хицуги*» было «наследование души» (т.е. харизмы царского/императорского рода), которая передавалась из поколения в поколение от государя к его преемнику. В соответствии с традиционными древнеяпонскими представлениями, «властную харизму» = душу (*рэйи* 霊威 = *рэйкон* 霊魂), которая пребывала в телах государей многих поколений, из тела усопшего правителя, выставленного во «временном погребальном дворце» *могари-но мия*, «перемещают» в тело его преемника; тем самым «рождается» новый государь (Там же. С. 264, 269).

[3] О таком виде погребальных сооружений см.: Рэттō-но тиики бунка 列島の地域文化 / Сост. Мори Кōити 森 浩一 (編者) // Нихон-но кодай 日本の古代. – Токио 東京: Тюō кōронся 中央公論社, 1986. – Т. 2. – С. 296-300; *Torrance Richard*. The Infrastructure of the Gods: Izumo in the Yayoi and Kofun Periods // Japan Review. – 2016. – No. 29. – P. 3-38; *Бакшеев, Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи // Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история. С. 456-458.

[4] Толкуется также как 霊次 «наследование души (царской харизмы)».

[5] О принципах наследования, отношениях родства и системах счёта родства в Японии в период *кофун* см.: *Mizoguchi Koji*. The Archaeology of Japan: From the Earliest Rice Farming Villages to the Rise of the State. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – P. 280-281.

альную погребальную систему *могари* 殯 [1], проводились, по крайней мере, с I в. н.э. на местах захоронения вождей и правителей – могильных насыпях периода *яёй* 弥生時代 и курганах периода *кофун* 古墳時代 .[2] Так, с I по III века н.э. по побережью острова Хонсю вдоль Японского моря (включая Идзумо 出雲) на «могильных насыпях с четырьмя угловыми выступами» *ё суми тоссюцу гата функю̄бо*, где были погребены местные правителя («вожди» 首長), их преемники устраивали ритуальные пиры для их душ (типа тризны) и получали (наследовали) от них «властную харизму» (権威 *кэнъи*). В этот же период в других регионах Японии могильные насыпи (*функю̄бо* 墳丘墓) также служили ритуальным локусом для проведения аналогичных обрядов для душ усопших предков, в центре которых были покойный вождь и его преемник; проводился обряд «наследования власти вождя», в ходе которого преемник, унаследовав власть от своего предшественника, становился авторитарным вождём, а не просто лидером общины.[3]

---

[1] См.: *Бакшеев, Е.С.* Престолонаследие и фактор *могари* в древней Японии (некоторые правовые аспекты). С. 244-277; *Бакшеев Е.С.* Двустадийная погребальная обрядность Японии и Окинавы как культурная модель. – Диссертация ... кандидата культурологии / Евгений Сергеевич Бакшеев. – М.: Российский институт культурологии, 2005. – 224 с. + Прил. (112 с.).

[2] О могильных насыпях периода *яёй* и курганах периода *кофун* в связи со становлением государственности в древней Японии см.: *Бакшеев Е.С.* Погребальные сооружения с насыпью периода *яёй* – предшественники курганов периода *кофун* в историко-культурном контексте эпохи. С. 432-490; *Barnes G.L.* State formation in Japan: Emergence of a 4th-century ruling elite. – London–New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. – xxi, 261 p. О культах и культуре периода *яёй* см.: *Бакшеев Е.С.* От войны к ритуалу: ритуальные бронзы периода Яёй // Вещь в японской культуре. – М.: Восточная лит-ра, 2003. – С. 28-59.

[3] В период *кофун* в условиях, когда не существовало установленного порядка наследования «царского» престола, «строительство погребальных курганов (*кофун*) и проведение погребальных обрядов являлись символическими средствами, благодаря которых духовная сила усопшего правителя «передавалась» его наследнику» (см.: *Танака Мигаку* 田中 琢. Вадзин сбран 倭人争乱 // Нихон-но рэкйси 日本の歴史. – Токио 東京: Сю̄эйся 集英社, 1991. – Т. 2. – С. 185, 190; *Бакшеев, Е.С.* Престолонаследие и фактор *могари* в древней Японии (некоторые правовые аспекты). С. 252-255). При этом, стандартизация погребальных курганов означала создание «фиктивного родства» между всеми могущественными кланами, которые были связаны с общими предками через восприятие одного и того же ритуала (*Imamura Keiji*. Prehistoric Japan: new perspectives on insular East Asia. – London: UCL Press, 1996. – P. 192). Вада Ацуму реконструирует следующий обряд периода *кофун*: на вершине задней круглой части гигантских «квадратно»-круглых курганов 前方後方墳 *дзэмпо̄ ко̄хо̄-фун* – могилах вождей и царей – там, где находилось захоронение прежнего правителя, возводили некое

Японскими археологами пока ещё достоверно не восстановлены ритуалы с *дōтаку*, но наиболее убедительной выглядит гипотеза, поддерживаемая многими видными учёными, о том, что *дōтаку* постоянно хранились в земле и периодически извлекались для совершения обрядов (*титӣохокансэцу* 地中保管説).[1] В пользу этого говорит и ритуальная практика народов Южного Китая, Вьетнама и Юго-Восточной Азии, до последнего времени сохранивших древнейшие обряды с бронзовыми барабанами 銅鼓 (яп. *дōко*), которые рассматриваются исследователями как ритуальный аналог *дōтаку*[2]; большую часть времени такие барабаны закопаны в земле и извлекаются лишь на период важных церемоний (например, когда в них бьют, чтобы вызвать духов предков). У каренов Бирмы ещё в конце III в. н.э. бронзовые барабаны продолжали играть огромную роль в ритуальной, социальной и производственной сферах. Обобщая различное использование барабанов и те смыслы, которые им придаются, этнографы говорят о них как о средствах призыва неких сил (духов), чтобы «управлять» ими или повлиять на них для достижения благоприятного результата в этой и иной жизни.

Возможный смысл сокрытия *дōтаку* в земле: духам земли, божествам роста подносятся бронзы, несущие изобилие; *дōтаку* могли быть и *ёрисиро* 依代 (вместилищем) таких духов; когда же в них звонили, то призывали дух риса. В Южной Азии этнографам известны обряды призыва и удержания души риса с помощью музыкальных инструментов. В отличие от бронзовых зеркал, которые являлись собственностью отдельного лица и обнаруживаются в индивидуальных захоронениях, *дōтаку* – ритуальная утварь, принадлежавшая всей общине и служившая благу

возвышение 壇 (*дан* – помост, «алтарь»); на нём, вероятно, «глубокой ночью» проводили тайный обряд «восхождения на престол» («интронизация» *сокуи* 即位) нового правителя. Вероятно, этот обряд представлял собой «вселение» души предка в нового правителя. На рассвете новый правитель переходил на переднюю квадратную часть кургана, поднимался там на другое возвышение и представал перед «взирающим на него снизу народом» – таков, как предполагается, был обряд «восхождения на престол». По окончании обряда по периметру задней круглой части кургана ставили кольцо из *ханива* (погребальная керамическая пластика) – таким образом, огораживалась сакральная территория (*Вада Ацуму* 和田 萃. Кофун-но дзидай 古墳の時代 // Тайкэй Нихон-но рэкйси 大系 日本の歴史. – Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1988. – Т. 2. – С. 295).

[1] См.: Нихон рэкйси тайкэй 日本歴史大系. Т. 1: Гэнси-кодай 原始・古代 / Ред. Иноуэ Мицусада и др. 井上光貞ほか編. – Токио 東京: Ямакава сюппанся 山川出版社, 1984. – С. 183, прим. 2.

[2] Там же. С. 183.

всех её членов. Возможно, *дōтаку* закапывали в землю после обрядов сельскохозяйственного толка, призванных, в частности, стимулировать плодородие. Смысл обрядов с сокрытием *дōтаку* в земле, возможно, заключался в идее трансмиграции (цикла рождений и смерти), когда благодаря поднесению божеству земли бронз, которые несут изобилие, вновь и вновь порождаются новые плоды. В таких обрядах участвовала вся община, а проводили их, вероятно, жрецы или шаманы. В начале их существования, звучащие «магические» колокола, очевидно, подвешивали на дерево или специальную П-образную стойку-ворота (напоминающую примитивные *тории*) у зернохранилища; в них звонили, чтобы призвать дух риса и обеспечить изобилие (так, рисунки на донгшонских барабанах показывают, что барабан подвешивали на веревках, пропущенных сквозь ушки у верхней кромки, на перекладину, укрепленную на стойках; несколько человек пестами для обрушивания риса били по его «мембране» (плоскости). Позднее, после того как *дōтаку* значительно увеличились в размерах, лишились языка и умолкли, их ставили на специальные подставки, найденные впоследствии археологами, а рядом на деревянном шесте устанавливали деревянную фигурку птицы. Прорисовки японских жрецов с крыльями или птичьими головами встречаются на керамике *яёй* (похожие изображения «крылатых» шаманов имеются на бронзовых барабанах культуры *донгшон* Южного Китая). Орнитологическая символика[1], связанная с ритуальным комплексом *дōтаку*, может означать такие верования: птицы как посредники между небом и землею, посланцы небесных богов, приносят душу риса.

Во многих традиционных культурах металлическим изделиям придавалось особое, сакрально-магическое значение, а звон металла всегда осмысливался как ритуально-магический акт, обладающий как апотропейным (охранительным), так и очистительным действием. Как отмечал ещё Дж. Фрэзер, в различных этнических культурах мира звон металла, будь то колокола/колокольчики, бубенцы, цимбалы, бронзовые тарелки, гонги или металлические украшения, связан со всеобщей верой в его чудодейственную силу изгонять и отпугивать вредоносных («злых») духов, «демонов». Поэтому такое значение, особенно в детском, женском и ритуальном (шаманском) костюме, придавалось звенящим металлическим украшениям, различным подвескам, колокольчикам или бубенцам, наши

[1] Об этом см.: *Бакшеев Е.С.* Мотив *хагоромо* в контексте континентальных влияний» // Япония 2001-2002. Ежегодник. – 2002. – С. 276-297. Любопытно, что символ преф. Симанэ, которая располагается на территории древнего Идзумо – лебедь (в древнеяпонских мифо-легендарных нарративах он выступает и как своего рода *психопомп* (др.-греч. *ψυχοπομπός* – «проводник душ»), и как «податель душ». – См.: Там же).

Илл. 19. Ритуальная «погремушка» 神楽鈴 *кагура судзу* (иначе, 巫女鈴 *мико судзу*) с бубенчиками; с ней храмовые жрицы *мико* исполняют в синтоистских святилищах Японии ритуальные танцы *кагура*; имеет корейские истоки (XVII в., святилище Оомива-дзиндзя 大神神社 / Мива-дзиндзя 三輪神社, Сакураи, преф.Нара).

Илл. 20. Ритуальная «погремушка» корейских шаманок *мудан* 무당 / 巫堂

тым на одежду или вделанным в ручные и ножные браслеты. В Японии периода *кофун* среди установленных на «царских» курганах *ханива* у «воинов-шаманов» бубенцы закреплены на «коронах», остроконечных шапках (преф. Фукусима), «касках» (преф. Гумма), одежде вокруг пояса (преф. Сайтама), бронзовых поясных подвесках (Киото) или подвязках под коленами (преф. Гумма), на *кото* (преф. Тотиги); у шаманок-*мико* на левом боку – бронзовое зеркало с бубенцами[1]; у коней – бубенцы (на удилах) и колокольцы (на сбруе) (преф. Сайтама).

Кроме того, у многих народов с древнейших времен металлические предметы, издающие звон (в первую очередь различные колокола, бубенцы, гонги), широко применялись в магических и религиозных обрядах.

Дōтаку укрывались в земле в местах, обладавших с древнейших вре-

[1] См. в данном сборнике илл. 23 в статье Е.С.Бакшеева «Бронзовые зеркала периодов *яёй* и *кофун* и процесс политогенеза и формирования ранней государственности в Японии».

мён особо сакральным смыслом; священный характер этих мест сохранялся на протяжении сотен лет, хотя сами бронзовые колокола исчезли из ритуальной практики. Так, находки *дōтаку* соотносятся с расположением синтоистских святилищ в средние века (по императорскому указу X в.). Даже в современных названиях местностей, где находят *дōтаку*, сохранились указания на их сакральность: 神庭 Камба[1] (преф. Симанэ) – «Двор божества», 荒神谷 пам. Кōдзиндани (там же) – «Долина гневного божества», 神領 Синрē (там же) – «храмовые угодья»[2] (*букв*. «божьи владения»), 神岡 Камика[3] (преф. Хēго) – «Холм божества», 神種 Конокуса[4] (там же) – «Божьи (священные) семена»[5], 神於 Кōно (Осака) – «Там, где пребывает божество».[6]

Местность Камбара 神原 («Поле бога») находится на юго-западном склоне священной горы Каннаби 神名火山, одной из четырёх сакральных гор Идзумо.[7] Отсюда видны все поселения на равнине и побережье Западного Идзумо. До последнего времени древнее святилище Камбара-*дзиндзя* «несло священную стражу» на южном склоне горы, а гигантский клад бронз в Кōдзиндани «охранял» её с севера. Возле залива Идзумо находился храм Кидзуки-*тайся* 杵築大社 (сейчас больше известен как Идзумо-*тайся* 出雲大社); в его пределах обнаружены следы поселения эпохи *яёй* и клад из бронзовых ритуальных мечей и копий. Храм Кидзуки,

---

[1] Местность Камба, г. Идзумо 島根県出雲市斐川町神庭.

[2] Территория синтоистского святилища.

[3] Разговорное название, стандартное прочтение этого бинома – Камиока.

[4] 神種村/このくさむら, Юмэсаки-тē (夢前町神種).

[5] Перевод очень приблизительный и требует уточнения. – *Прим. автора*.

[6] *Дōтаку* стиля *рюсуймон* («текущая вода») 流水文銅鐸 был найден на горе Кōнояма 神於山 (Кōно-тē, г. Кисивада, Осака 大阪府岸和田市神於町). Эта гора в древности считалась *синтайсан* 神体山 («горой-телом (почитаемого) божества») – ей поклонялись, ее называли «Горой, где пребывает бог» (к *синтайсан* относятся такие знаменитые горы, как Фудзи, а также Мива в преф. Нара). На этой горе бил источник, который давал начало двум речкам – Аманогава 天の川 и Харукигава 春木川, которые еще в период *яёй* обеспечивали водой заливные рисовые поля у подножия горы. Поэтому, видимо, не случайно, что *дōтаку*, зарытый на этой горе, имел узор «бегущей воды» (*рюсуймон*). Еще одно название этой горы – Кунимияма (Кунимисан)「国見山」, т. е. «Гора для ритуального оглядывания/обозрения владений/ своей страны» (о феномене *куними* см.: *Ермакова Л.М*. Речи богов и песни людей: Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – С. 108, 256). Позже у её южного подножия был построен буддийский храм Кōнодзи 神於寺 (школа Тэндай 天台宗).

[7] Упоминаются в «Идзумо-фудоки».

очевидно, был основан как святилище морского божества, обеспечивавшего безопасное путешествие по Японскому морю, но после распространения в Идзумо рисоводства божество храма – Оокунинуси-но *ооками* 大国主大神 (Великий бог-хозяин великой страны / великий хозяин страны)[1], – тоже стало «курировать» сельское хозяйство. Археологи предполагают, что упадок культуры бронзы в Западном Идзумо мог быть вызван мощным культурным и политическим давлением со стороны региона Киби 吉備国 (совр. преф. Окаяма 岡山県); так, курганы *кофун* и их сопроводительный инвентарь IV века в Идзумо отчётливо демонстрируют стиль Киби.

Всё это знаменовало закат разнородных региональных культур *яёй* и начало сложения относительно гомогенной курганной культуры периода *кофун* – культуры государства Ямато.

***

Хочу выразить благодарность выдающемуся отечественному ученому д.ф.н., профессору Л.М. Ермаковой за консультации и советы по вопросам древнеяпонской культуры.

[1] Также именуется Ятихоко-но ками 八千矛神/八千戈神 Бог восьми тысяч копий, Оонамудзи-но ками 大己貴神 и пр.

УДК 340.152, 94 (510).01-02, (520).01

Ханов С.А.

КИТАЙСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА В ДРЕВНЕЙ ЕВРАЗИИ И ИСТОРИЯ ИХ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ

- Вступительная статья и библиографический список -

(Приложение к статье *Е.С. Бакшеева* «Бронзовые зеркала периодов *яёй* и *кофун* и процесс политогенеза и формирования ранней государственности в Японии»)

В данной статье выделяются кластеры изучения бронзовых зеркал, раскрываются их особенности и проблематика исследований, а также содержится небольшой обзор истории изучения зеркал из Восточной Азии на территории России и сопредельных стран, предваряющий библиографию работ по данной тематике.

Ключевые слова: древний Китай; бронзовое зеркало; китайское зеркало; зеркало Восточной Азии.

Когда мы говорим о бронзовых зеркалах, обнаруженных на археологических памятниках Евразии и, в первую очередь, России, то предполагаем достаточно большой кластер изучаемых объектов. Их можно было бы распределить на несколько подгрупп, поскольку они происходят из различных территорий с разным типом воспроизводства, с разной моделью хозяйствования. К примеру, бронзовые зеркала циркумпонтийского круга древностей, которые в большом количестве вошли в обиход кочевнических культур Евразийского пространства. Обнаружив такие зеркала в погребениях кочевников, принято относить их к так называемому скифо-сарматскому кругу древностей. Наиболее полная и удобная классификация зеркал этого круга создана Т.М. Кузнецовой.[1] Зачастую зеркала италийского и греческого производства несли следы местных доработок, – доливок ручек изящными зооморфными навершиями в бронзе, использовались доделки костяных или деревянных боковых ручек, их инкрустация и подгравировка. При этом, к зеркалам причерноморского импорта в кочевнических культурах добавляются зеркала южного происхождения из стран Центральной Азии, включая регионы Афганистана, Паки-

Ханов Сергей Азатович – научный сотрудник, ООО «Челябинский научный центр» (*Россия*, г. Челябинск, ул. К. Маркса, д. 54).

E-mail: dozer009@bk.ru

[1] *Кузнецова Т.М.* К вопросу о классификации зеркал скифского времени // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии; сб. науч. тр.: 20-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ посвящается. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 62-66.

стана, северо-востока Индии. Интересные зеркала индийского происхождения находились в памятниках раннего железного века Локоть-4а, Рогозиха-I, Мечетсай. Я.В. Васильков и П.И. Шульга дают описание уникальных находок и характеристику их яркого семантического кода.

В этот же временной период, приходящийся на IV–III вв. до н.э. раннего железного века, в Восточной и Южной Сибири, Алтае, сопредельных территориях соседнего Казахстана, Предуралья и Южного Урала появляется восточный вектор импорта из стран Восточной Азии и прежде всего Китая. Самой западной находкой китайского зеркала этого периода считается обнаружение фрагмента зеркала с изображением иероглифа с изображением иероглифа 山 «гора» (кит. *шань*) из Чкаловского могильника Оренбургской области. Опубликовавший находку М.Ю. Трейстер продемонстрировал в этой работе прекрасную аналитику и стратегическое мышление. Если же говорить об Алтае, то подобный фрагмент, обнаруженный в ходе археологических раскопок памятника Фирсово-XIV, публикуют А.А. Тишкин и Н.Н. Серёгин, чьё научное внимание и профессионализм фиксируют китайский импорт бронзовых зеркал во множестве трудов и публикаций.

Фото 1. Тэцу Масумото

Период Сражающихся царств 戦国 (*Чжаньго*) даёт массу необычных бронзовых зеркал со сложным геометрическим орнаментом по обратной (неполированной) стороне. Казалось бы, что они появились как будто вдруг, из ниоткуда. Отличную типологию и датировку зеркал этого пери-

ода, вплоть до раннего этапа Западной Хань приводит исследователь из Японии Масумото Тэцу (фото 1), посвятивший серию своих публикаций китайским зеркалам, найденным на территории России. Сюжетная орнаментация поражает своим многообразием. В научной литературе пока не существует исчерпывающего ответа на вопрос о происхождении этого многообразного геометрического орнамента. Однако, если вчитаться в работы советского искусствоведа Е.И. Лубо-Лесниченко, работавшего в Эрмитажа (отдел Востока), то можно увидеть, что описание орнамента китайских бронзовых зеркал разительно совпадает с описанием орнамента на шелковых и камчатых тканях с саржевым переплетением. Описанные выше зеркала с изображением иероглифа *шань* фактически повторяют узоры ткани с подобным геометрическим изображением священных гор, расположенных по сторонам света. В качестве иллюстрации можно привести в пример ранее не публиковавшийся фрагмент зеркала (рис. 1), случайно обнаруженный в районе села Знаменка Минусинского района Красноярского края.

Рис. 1. Ранее не публиковавшийся фрагмент зеркала из Южной Сибири

В основе его орнамента – геометрический узор, подобный образованному шелковым утоком на саржевой ткани из погребения Мавандуй I (г. Чанша, провинция Хунань 湖南), обнаруженной в 1972 г. (рис. 2). Поле центральной кнопки («ушко», «ручка» 鈕 кит. *нǐю*) заполнено орнаментом «чашечка плода хурмы» (柿蒂紋 кит. *шì дì вэ́нь*). К слову, большин-

ство зеркал подобного типа происходят из царства Чу 楚 , куда входила и территория современной провинции Хунань. Это во многом объясняет и многообразие орнамента и, собственно, причины его появления – повторение существовавшего разнообразия форм тканевых узоров. Работы Е.И. Лубо-Лесниченко точны, метки и лаконичны. Его вклад в историю изучения бронзовых зеркал Китая неоценим.

Рис. 2. Узор на саржевой ткани из погребения Мавандуй-I

Опыт изучения распространения зеркал по Евразийскому континенту показывает, насколько важно фиксировать и изучать даже не- большие фрагменты зеркал, в том числе, в случайных находках и сборах. Методичная фиксация такого рода находок китайских зеркал на протяжении почти двух десятков лет привела независимого исследователя Ю.В. Оборина к созданию «Корпуса случайных находок».[1] Богатейшая коллекция китайских зеркал в музейных собраниях хранится в фондах Минусинского регионального краеведческого музея имени Н.М. Мартьянова. В своё время, по заданию Челябинского научного центра автор данной публика-

[1] *Оборин Ю.В.*, *Савосин С.Л.* Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок [Электронное издание]. – Красноярск–Москва: [б. и.], 2017. – 527 с.

ции совместно с Ю.В. Обориным создали фотоархив бронзовых зеркал из музейных фондов Минусинского, Красноярского и Хакасского национального краеведческих музеев. Часть архива вошла в указанную выше работу.

В причерноморских памятниках сарматского и позднесарматского времени юга России существует небольшой, но очень значимый в историческом плане кластер зеркал, происходящий из Восточной Азии. По сарматским памятникам юга России известна работа Ли Джи Ын (диссертация на соискание ученой степени к.и.н.), анализирующая китайский импорт (в том числе, зеркал). Кроме этого, в диссертации отлично проведена типология бронзовых зеркал и хорошо раскрыта тема местных подражаний ханьским зеркалам. Много сказано о Великом Шёлковом пути. Но именно предметы китайского импорта ярко и отчетливо маркируют как его маршруты, так и хронологию. И это, конечно, не только китайские зеркала, но и вооружение, монеты, ткани, предметы домашнего обихода, посуда, в том числе, лаковая.

Говоря о Шёлковом пути, нужно упомянуть и о территориях, по которым этот путь проходил. К примеру, север Монголии – это логистически короткое его плечо, с ответвлением на север, в Забайкалье. Находки ханьских (Западной и Восточной Хань) зеркал в Монголии достаточно хорошо описывает монгольский учёный Цагаан Турбат (Tsagaan Törbat). Далее ханьские зеркала проникают в Чуйскую, Таласскую и Ферганскую долины. Находки зеркал Ферганской долины фиксируются и широко рассматриваются в публикации Б.А. Литвинского. Зеркала Восточной Хань – это уже практически период Великого переселения народов. В этом плане, север Средней Азии буквально – «котёл народов». Этот период хорошо освещён С.Г. Боталовым в четвёртом томе «Истории Южного Урала»[1]; в том числе, фиксируются находки зеркал этого периода, происходящих из степных территорий Северного Казахстана и Южного Урала. При этом, им картографированы порядка 120 ханьских зеркал на территории от Причерноморья до Забайкалья. С.Г. Боталов это один из немногих ав- торов, обладающих высоким стратегическим уровнем мышления, способный легко и понятно объяснять этногенез народов.

Отдельно замечу, что в регионе Урала в III–V вв. бронзовые зеркала династии Восточная Хань помимо степных районов появляются и в лесостепной и таёжной ландшафтных зонах. Такая временная «задержка» объясняется как правило долгим сроком их бытования в вещественных

[1] *Боталов С.Г.* Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневековье Южного Урала (II–VIII века) // История Южного Урала: в 8-ми тт. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – Т. 4. – 384 с.

комплексах. При том, что сами зеркала ничем особенным не выделяются, то сам факт их обнаружения не в погребальных, а в ритуальных комплексах представляет собой настоящий Урало-Сибирский феномен, особенности которого ещё только предстоит проанализировать и опубликовать. Зачастую, зеркала в составе таких ритуальных комплексов имеют так называемые графические рисунки таежных культур. Предполагаю, что было несколько путей распространения бронзовых зеркал Восточной Хань на Средний и притаежный Урал. Один путь, по всей вероятности, торговый, с юга, вдоль рек Миасс и Тобол. И если отслеживать находки восточноханьских зеркал в комплексах кулайского времени, то второй путь можно проложить из Южной Сибири. Научный сотрудник Института водных проблем РАН, член-корреспондент МАНЭБ С.В. Яковлев, считает такой путь вполне возможным и логичным. Его цепочка может

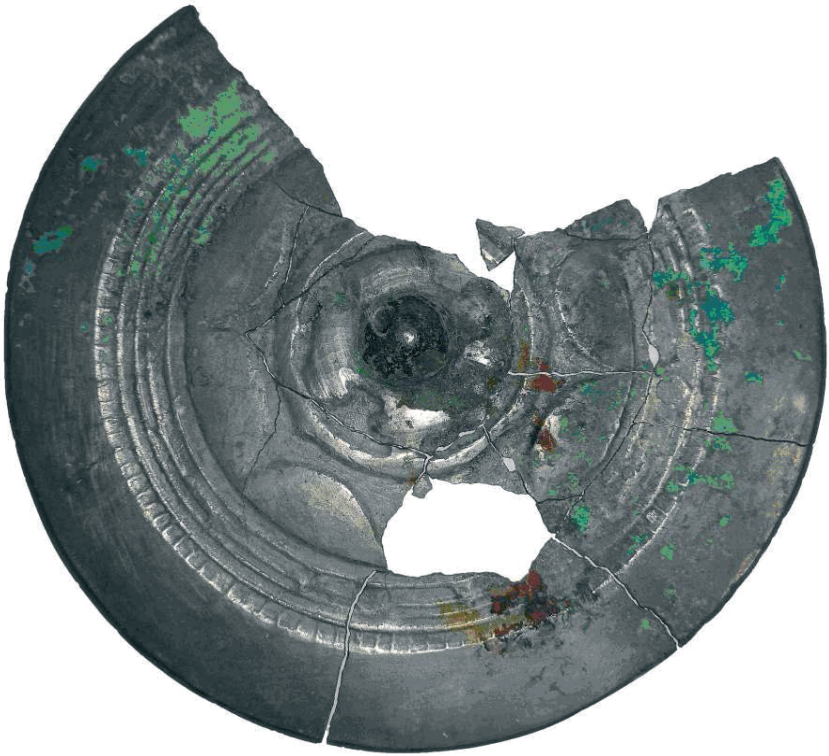


Рис. 3. Фрагментированное бронзовое зеркало династии Восточная Хань, окрестности Надыма, ХМАО РФ

быть такова – из Енисейского водного бассейна от р. Енисей, через р. Абакан, р. Уйбат, р. Ниня, далее следовал волок в р. Томь, далее в реку Обь и, соответственно, реки Обского бассейна (Иртыш, Тура, Тобол). А также несколько иной путь, который, вероятно был кратковременным. Из Енисея в реку Карасуг, далее 30 километровый волок через озерную сеть Утиньи, Власьево, Шира, Итколь в реки Туим, Белый Июс, Чулым, Обь. По сути, все три водных пути приводят в Обь. Как мы знаем, например, по Горнокнязевскому кладу с зеркалами[4] по Оби импорт из Восточной Азии доходит на север до побережья Карского моря (Северный Ледовитый океан). Также фрагментированное бронзовое зеркало восьмиарочного типа династии Восточная Хань (диаметр 207 *мм*) было обнаружено близ Надыма, Надымский район ЯНАО (рис. 3).

Зеркала по-прежнему маркируют процесс этногенеза периода переселения народов. Какие-то зеркала отмечают путь праболгар на запад, сначала в Краснодарский край и на Кавказ; другой их след идёт в Дунайскую Болгарию. Образовавшаяся в степях Средней Азии хунно-сарматская конфедерация устремляется в Причерноморье, а также на Кавказ. Сложившийся в VII веке Хазарский каганат объединял весьма полиэтничный состав. Здесь и алано-сарматские племена, и черные и белые угры, и болгары… Значительный вклад в изучение зеркал региона внёс А.К. Амброз. Его прорисовки комплексов позволили обобщить массу материала. Большой вклад внесли З.Х. Албегова и В.Б. Ковалевская. Они создали исчерпывающий классификатор зеркал Кавказа и Прикавказья времен Хазарского каганата, а также картографировали находки. После успеха Арабского халифата на Кавказе и поражения Хазарского каганата, происходит массовая миграция в Поволжье. Зеркала опять выступают, в буквальном смысле, маркером «дорожной карты». Поселения, образованные в Волжской Булгарии, содержат пласт зеркал и алано-сарматского круга (вернее, это уже аланские зеркала), и зеркала, которые несут в себе болгарские признаки. К слову, отмечу, что зеркала Дунайской Болгарии, которые достаточно полно описаны археологами Б. Тотевым и О. Пелевиной, также встречаются и в Поволжье, и на Кавказе, хоть и являются весьма немногочисленными.

История находок китайских зеркал – это история региональных взаимоотношений с Китаем. Находки зеркал танского периода не исключение. Они крайне редки и, в основном, происходят из Южной Сибири.

[4] *Федорова Н.В.*, *Гусев А.В.*, *Подосенова Ю.А*. Горнокнязевский клад: науч. изд-е / Отв. редактор О.Н. Корочкова; Науч. центр изучения Арктики. – Калининград: ИД «РОСДОАФК», 2016. – 79, [1] с.

Можно сказать, что государственное образование на землях енисейских кыргызов имело военно-политический союз с танским Китаем в период правления императора Сюань-цзуна.

Рис. 4. Зеркало из собрания Минусинского музея, шифр 5203 МКМ

В 729 году день рождения императора был провозглашен государственным праздником под названием «День долголетия», в честь чего были изготовлены зеркала с благожелательной надписью 千秋 *цянь цю* («тысяча осеней / лет», «Долгой Вам жизни!») – как пожелание долгих лет жизни. Такое зеркало (рис. 4), датируемое VIII в., украшает экспозицию Минусинского музея (шифр 5203 МКМ, найдено в 1902 г. у дер. Саянское Шушенского района). В российской литературе известно о четырёх дипломатических миссиях Кыргызского каганата в Китай периода династии Тан, что свидетельствует о крепких дипломатических связях этих регионов.

Бронзовые зеркала китайской династии Сун и некитайских династий Ляо и Цзинь обнаруживают в России на средневековых памятниках Южной и Восточной Сибири и Забайкалья, памятниках дальневосточного Приморья. Если рассматривать научные работы по Дальнему Востоку, то надо особо отметить публикации Э.В. Шавкунова. Из современников на-

до отметить роль таких специалистов как Е.В. Асташенкова, А.Л. Ивлиев, Н.Г. Артемьева, и, конечно, Н.Н. Крадин, учёный с панорамным научным мышлением.

Временное военно-политическое объединение двух крупных держав Восточной Азии XII в., династий Цзинь и Сун, в противостоянии с династией Ляо 遼朝 позволило одержать военную победу над Ляо. Это привело к тому, что Елюй Даши, правитель Ляо, принявший титул *гурхана*, вместо энергичных военных действий против чжурчжэней на востоке отводит войска киданей на юго-запад, на земли Чуйской долины. Там им вскоре будет образовано Кара-киданьское (Каракитайское) государство Западное Ляо 西遼 (Си Ляо). И это опять новый вектор в торевтике зеркал. По образцам бронзовых зеркал этих трёх империй на территории Средней Азии появляется новых кластер подражаний китайским зеркалам, где они повторяют предыдущие типы сюжетов, но при этом имеют собственные технологические особенности, характерные для существующих местных центров производства.

Говоря о дальневосточном Приморье, надо отметить ещё одну особенность. Помимо династии Цзинь на востоке существовала, хоть и недолговременно, династия Восточное Ся 東夏 (Дун Ся), этот период содержал зеркала с некоторыми особенностями в исполнении; как правило, это редкие вариации, существующие очень локально и не имеющие прямых аналогов в самом Китае. Мало того, среди зеркал есть корейские или несущие признаки корейского производства. Это малоизученный фактор, требующий большой репрезентативной выборки.

В золотоордынский период китайские зеркала, наряду с иранскими, встречаются практически на большинстве археологических па- мятников этого времени. При этом появляется новый кластер зеркал. Ордынские подражания китайским зеркалам имеют несколько производных уровней. Первый тип подражаний носит высокий уровень детализации сюжета, фактически повторяя его, включая широкий бортик. Зеркала выполнены из хороших бронз с высоким содержанием олова, отлично подходящих для производства изделий такого рода. Второй тип дериватов тоже достаточно узнаваем, он встречается на территории России практически на большинстве золотоордынских памятников. Зеркало двусоставное с центральной кнопкой, которое припаивается на олово; края зеркал имеют тонкий вертикально возвышающийся бортик. Зачастую по центру зеркала поле кнопки оконтурено невысоким округлым валиком. Основное сюжетное поле зеркал-подражаний этого типа имеют меньший уровень детализации сюжета, однако в целом полностью его повторяют, за исключением мелких деталей. Третий тип дериватов, наименее похож на ки-

тайский оригинал, уровень детализации крайне низкий. Практически нет одинаковых зеркал, полностью бы повторяющих линии орнамента. Зеркала этого типа подражаний в большинстве своем обладают невыразительным бортиком по краю для упрочения конструкции. По центру также небольшая окружность валиком для подпаиваемой центральной кнопки-державки. От других имитаций шаблона отличается слабо декорированным деталями фоном, невысоким рельефом.

В истории изучения зеркал на памятниках золотоордынского времени можно отметить таких исследователей как Г.А. Фёдорова-Давыдова, К.А. Руденко, Л.Ф. Недашковский, Г.Ф. Полякова. Каждый из них имеет собственный богатейший опыт изучения археологических памятников. Можно сказать, что каждый на основании своих открытий создал собственный классификатор бронзовых зеркал. Но в чем же их особенности? Для каждого памятника имеется своя типология. Один и тот же тип бронзовых зеркал с разных памятников будет иметь свой, особенный тип классификации. Для изучения зеркал со всех золотоордынских памятников необходима единая типология для каждого хронологического пласта. Во-вторых, как правило, городские застройки – это огромные объёмы перемещенного и переотложенного слоев грунта. Порою это нарушает датировку зеркал. Также неудобно, когда в одной типологической системе координат сведены разновременные зеркала, от скифо-сарматских до позднемонгольских. Все эти проблемы будут решены в ходе дальнейших исследований.

Конечно, достижения многих исследователей в области зеркал остались за рамками этого текста, который просто не может вместить столько имен. Поэтому было решено составить краткую библиографию работ, в которых публикуются бронзовые зеркала. Автор надеется, что это поможет многим исследователям в работе и позволит дополнить эту библиографию в дальнейшем.

Источники и использованная литература:

1. *Албегова З.Х.*, *Ковалевская В.Б.* Компьютерное картографирование мас- совых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой как исторический источник (таксоны 9-17) // Историко-архе- ологический альманах РАН № 13. – Армавир–Краснодар–Москва: Ин-т археологии РАН – МУК Армавирский краеведческий музей, 2015. – С. 71-90.
2. *Боталов С.Г.* Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневе- ковье Южного Урала (II–VIII века) // История Южного Урала: в 8-ми тт. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – Т. 4. – 384 с.
3. *Кузнецова Т.М.* К вопросу о классификации зеркал скифского времени // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии; сб. науч. тр.: 20-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ посвящается. – Барнаул: Аз-

бука, 2008. – С. 62-66.
4. *Ли Джи Ын*. Китайский импорт в памятниках юга России (I в. до н.э. – III в. н.э.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 329 с.
5. *Литвинский Б.А*. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – 215 с.
6. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Древние китайские шёлковые ткани и вышивки V в. до н.э. – III в.н.э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. – 67 с., 54 табл.
7. *Масумото Тэцу*. К вопросу о китайских зеркалах из Сибири периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. – С. 49-55.
8. *Оборин Ю.В*., *Савостин С.Л*. Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок [Электронное издание]. – Красноярск–Москва: [б. и.], 2017. – 527 с.
9. *Полякова Г.Ф*. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, 1996. – С. 154-269.
10. *Тотев Боян*, *Пелевина Олга*. Старобългарски огледала от Северното и Западно Черноморие // Археология. – 2013. – Вып. 2. – С. 57-79.
11. *Трейстер М.Ю*. Самая западная находка китайского зеркала с Т-образ- ными иероглифами в Евразии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всероссийского (с междунар. участием) науч. конф. / Ред. кол.: В.И. Богдановский (председатель) и др.; отв. ред. А.Д. Таиров. – Челябинск: ЮУрГУ, 2017. – С. 140-147.
12. *Трейстер М.Ю*. Существовал ли Трансъевразийский «Меховой путь» в эпоху Хань? (размышления на основании археологии) // Материалы по археологии и истории Античного и Средневекового Причерноморья. – 2022. – № S 1. – С. 50-109.

Khanov S.A.
Chinese bronze mirrors in ancient Eurasia and the history of their study in Russia

This article highlights clusters for the study of bronze mirrors. It reveals their features and research problems. The article contains a short overview of the history of the study of bronze mirrors from East Asia in Russia and neighboring countries, preceded by a bibliography of works on bronze mirrors.

Keywords: ancient China; bronze mirror; Chinese mirrors; East Asian mirrors.

Khanov Sergei Azatovich – Researcher, LLC Chelyabinsk Scientific Center (*Russia*, Chelyabinsk, K. Marks street, 54). *E-mail*: dozer009@bk.ru

Библиографический список

А

Абрамова М.П. Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М.: Наука, 1971. – С. 121-132.

Адамов А.А., *Балюнов И.В.*, *Данилов П.Г.* Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2008. –114 с.

Азбелев П.П. Хуннские элементы в таштыкском декоре // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2008. – Вып. 7. – С. 66-75.

Аймагамбетова Ж. Классификация прохоровских зеркал Орско-Уральского Междуречья // XLII РАЭСК. Секция "Ранний железный век Евразии". – Актюбинск, 2002.

Айналов Д.В., *Катанов Н.Ф.* Описание металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Публичному музею города Минусинска Енисейской губернии, и несколько слов о металлических зеркалах, описанных другими // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань: Типо-лит. Имп. [Казан.] ун-та, 1900. – Т. XVI. – Вып. 3. – С. 273-291.

Айткул Х.А., *Мякишева О.А.* Вопросы изучения торевтики в искусстве номадов Великой степи // Lingvo-Science: Ежемесячный международный научный журнал. – Варна (Болгария). – 2018. – № 19. – С. 15-23.

Аксёнов В.С. Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника // Древности (Харківський історико-археологічний щорічник Старожитності = Харьковский историко-археологический ежегодник Древности) / Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина. – 2015. – Т. 13. – С. 288-305.

Аксёнов В.С. Зеркала из праболгарских захоронений салтовской культуры Верхнего Подонечья // Древности Юга России. – М.: Таус, 2008. – С. 441-445.

Аксёнов В.С. Подвески-амулеты в виде коней из катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника: типология, хронология // Хазарский альманах / Ин-т славяноведения РАН, Ин-т востоковедения им. А.Е. Крымского, НАН Украины, Международный Соломонов ун-т. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2016. – Т. 14. – С. 15-36.

Аксьонов В.С. Роботи на катакомбному могильнику Біля с. Верхній Салтів // Археологічні дослідження в Україні 2013. – Київ: Інститут археології НАН України К, 2014. – С. 242-244.

Албегова З.Х., *Ковалевская В.Б.* Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой как исторический источник (таксоны 9-17) // Историко-археологический альманах РАН. – Армавир–Краснодар–Москва, 2015. – № 13. – С. 71-91.

Албегова З.Х., *Ковалевская И.Б.*, *Пьянков А.В.*, *Евсюков А.Н.* Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. – М.: ИА РАН, 2006. – Вып. 3. CD.

Александрова А.И. Фрагментированные зеркала в погребальном обряде сарматов Южного Приуралья / Отв. ред. А.Т. Ахатов // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практич. конф. молодых учёных. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016. – С. 18-21.

Алкин С.В. Небесные змеи на зеркале из Ганьсу // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1999. – № 3. – С. 79-83.

Алпаткина Т.Г., *Минасянц В.С.* Китайские «звезды и облака» с кушанского Кампыртепа // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура.

(материалы международной конференции, посвященной 80-летию Г.И. Шишкиной). – М.: Государственный музей Востока, 2010. – С. 9-10.

Аманжолов А.С. Руническая надпись на бронзовом зеркале (Западный Казахстан) // История и теория древнетюркского письма. – Алматы: Мектеп, 2003. – С. 247-248.

Аманжолов А.С. Руническая надпись на китайском (Восточный Казахстан) // История и теория древнетюрпкского письма. – Алматы, 2003. – С. 199-200.

Арсланова Ф.Х., *Кляшторный С.Г*. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Тюркологический сборник. – М., 1972. – С. 306-315.

Арсланова Ф.Х., *Кляшторный С.Г*. Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана: Издательская группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. – С. 224-230.

Арсеньева Т.М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 20-23.

Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага–Л.: Артия, Советский художник, 1966. – 120 с., 92 л. ил.

Артемьева Н.Г. Бронзовое зеркало с Краснояровского городища // Мир древних образов на Дальнем Востоке: Девяностолетию светлой памяти А.П. Окладникова посвящ. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – Вып. 10. – С. 151-154.

Артемьева Н.Г., *Сун Юйбин*. Древности чжурчжэней из Приморского края России / Сост. Се Фэн; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Институт археологии провинции Цзилинь. – Пекин: Вэньу, 2013. – 258 с.

Асеев И.В. Два бронзовых зеркала из Чиндантского могильника // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск, 1972. – Ч. 1. – С. 60-65.

Асташенкова Е.В., *Ивлиев А.Л*. Археологические свидетельства киданьских традиций в культуре чжурчжэней // Россия и АТР. – 2017. – № 4 (98). – С. 186-205.

Асташенкова Е.В., *Ивлиев А.Л*. Ляоские аналогии средневековых бронзовых зеркал из Приморья // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы международной научной конференции, Улан-Удэ, 7-8 апреля 2015 г. / Отв. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Оттиск, 2015. – С. 347-360.

Асташенкова Е.В. Бронзовые зеркала из коллекции музея ИИАЭ ДВО РАН г. Владивостока // Дальний Восток России в древности и средневековье: проблемы, поиски, решения: Материалы региональной научной конференции (Владивосток, 26-27 апреля 2010 г.). – Владивосток: ООО “Рея”, 2011. – С. 81-90.

Асташенкова Е.В. Декоративно прикладное искусство населения Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – Владивосток, 2019. – № 2. – С. 62-81.

Асташенкова Е.В., *Буравлев И.Ю*., *Бойко А.А*., *Гельман Е.И*. Бронзовое зеркало из Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Вып. 2: Городища и поселения. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 9-16.

Б

Бадеев Д.Ю. Усадьбы золотоордынского Болгара // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Казань–Кишинёв: Stratum, 2019. – Т. 2. – С. 297-306.

Базаров Б.А., *Бураев А.И*., *Миягашев Д.А*. Металлические зеркала из археологических памятников Западного Забайкалья // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Материалы VII Междунар. науч. конф.: в 2-х тт. – Крас-

ноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 17-23.

Базаров Б.А., *Бураев А.И.*, *Миягашев Д.А.* Металлическое зеркало эпохи средневековья: новая археологическая находка в Бурятии // Научный журнал Вестник БНЦ СО РАН. – 2016. – № 2 (22). – С. 32-41.

Базаров Б.А., *Миягашев Д.А.*, *Именохоев Н.В.*, *Клементьев А.М.* Раскопки жилища монгольского времени на Нур-Тухумском археологическом комплексе // Поволжская археология. – Казань, 2018. – № 4 (26). – С. 84-97.

Базаров Б.А., *Миягашев Д.А.* Нур-Тухумские зеркала // Поволжская археология. – Казань, 2019. – № 4 (30). – С. 28-42.

Байпаков К.М., *Смагулов Е.А.*, *Ержигитова А.А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. – Алматы: БАУР, 2005. – 236 с.

Байпаков К.М., *Терновая Г.А.* Группа зеркал с городища Красная Речка и случайная находка из Текели // Новые исследования по археологии Казахстана: тр. науч.-практ. конф. «Маргулановские чтения – 15». – Алматы: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. – С. 116-124.

Берлизов Н.Е. О нескольких забытых находках круга «золотого кладбища» // Древности Кубани. – 1998. – С. 10-14.

Бандрівський М. Образотворчі традиції на заходіукраінського лісостепу у VII напочатку VI ст до нар. хр.: витоки и причины трнасформації // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Археологический альманах: сб. ст. – Донецк, 2010. – № 21. – С. 145-177.

Бань Гу. История ранней династии Хань. Гл. 54 Жизнеописание Су Цзяня (пер. В.С. Таскина) // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам).– М.: Наука, 1973. – Вып. 2. – С. 100-109.

Базылхан Н. Древнетюркские письменные памятники Казахстана // Түркология. – 2008. – № 5-6 (37-38). – С. 117-122.

Базылхан Напил. Древнетюркские (VI–IX вв.) письменные памятники Алтайских горных систем // Мир Большого Алтая (World of Great Altay). – 2015. – № 1 (1). – С. 95-102.

Бакшеев Е.С. Бронзовые зеркала как предметы престижа и символы инвеституры власти в Японии в периоды *яёй* и *кофун* // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. – Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1. – С. 222-243.

Баринова Е.Б. Зеркала как источник по истории контактов народов Средней Азии с Китаем в древности и средневековье // Вестник РУДН, серия Всеобщая история. – 2012. – № 4. – С. 57-92.

Басов В.И., *Нарожный Е.И.* Новые позднекочевнические комплексы с территории Северного Кавказа (публикация материалов, ч. 1) // МиаСк. вып. 5 / гл. ред. В.Б. Виноградов. – Армавир: Международная академия наук, 2005. – С. 199-216.

Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.

Бауло А.В. «Старик священного города»: иконография божества в облике медведя по археологическим и этнографическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 44 (2). – С. 118-128.

Бауло А.В., *Белогай О.И.* Казымский клад. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. – 248 с.: ил.

Бауло А.В. «Изваян от меди…»: Каталог сибирских древностей, отлитых из бронзы / Отв. ред. А.И. Соловьев; Сиб. отд-ние РАН. – Новосибирск: СО РАН: ИАЭТ СО РАН, 2022. – 231 с.

Белоусов Р.В., *Оборин Ю.В.* Фрагмент китайского зеркала эпохи воюющих царств из лесостепного Алтая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд, Барнаул, 2-7 октября 2017 г.: сб. науч. тр. – Барнаул: Алтай. гос. ун-т, 2017. – С. 96-97.

Бейсенов А.З., *Минасян Р.С.* Зеркало из тасмолинского могильника Бирлик // Вестник дагестанского научного центра. – 2015. – № 58. – С. 60-64.

Билимович З.А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XVII: Культура и искусство античного мира. – Ленинград: Аврора, 1973. – С. 32-36.

Бисембаев А.А. Памятники кочевников Западного Казахстана в эпоху Золотой Орды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. III. – С. 358-362.

Блохин В.Г., *Яворская Л.В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 225, [44] с.

Бобров Л.А., *Худяков Ю.С.* Развитие защитного вооружения у чжурчженей и маньчжуров в периоды развитого и позднего средневековья и раннего нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: сб. науч. тр. – Новосибирск: ООО "РТФ", 2003. – С. 66-212.

Боброва Л.Ю., *Ширин Ю.В.* Егозовский клад // История и археология. Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 13-24.

Богданов Е.С. Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства // Материалы международного симпозиума «Terra Scythica» (17-23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 23-28.

Богданов Е.С., *Слюсаренко И.Ю.* Бронзовое зеркало с «тамгообразным знаком» из могильника Коол-1 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – 2008. – Т. II. – С. 12-13.

Богданова-Березовская И.В. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М.: Наука, 1975. – С. 131-149.

Богомолов Г.И. Сфинкс из Бешкуби: к истории сложения образа // История материальной культуры Узбекистана. – Самарканд: Институт археологии АН РУз, 2012. – Вып. 38. – С. 163-167.

Богомолов Г.И., *Максудов Ф.А.*, *Бабаджанов Б.М.* Бронзовое зеркало из селения Бешкуби Зааминского района // Последний энциклопедист. К юбилею Б.А. Литвинского. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 121-136.

Боковенко Н.А., *Данченко Е.М.*, *Лубо-Лесниченко Е.И.*, *Матвеев А.В.* Бронзовые китайские зеркала из собрания Омского государственного историко-краеведческого музея // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск: 1999. – № 7. – С. 47-55.

Бондаренко С.Ю., *Грушин С.П.*, *Фролов Я.А.*, *Мерц И.В.* Фотограмметрия в археологии: современные технологии документирования и реконструкции (проекты НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай») // Народы и религии Евразии. – 2024. – Т. 29. – № 2. – С. 31-46.

Борисенко А.Ю., *Орозбекова Ж.О.*, *Скобелев С.Г.*, *Худяков Ю.С.* Бронзовые зеркала из могильника Бай-Даг-1 в долине реки Ээрбек в Туве // Вестник Новосибирского Гос. Университета. – 2012. – Т. 11. – № 5. – С. 120-126.

Бородовский А.П., *Тишкин А.А*. Металлические зеркала из Барабы // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2016. – Т. 16. – № 4. – С. 23-24.

Бородовский А.П., *Тишкин А.А*. Обломок китайского зеркала из шагирских юрт в Барабинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. – № 1 (11). – С. 87-93.

Бородовский А.П. Еще одна находка восточного зеркала со сфинксами на Среднем Енисее // Теория и практика археологических исследований. – 2023. – Т. 35. – № 2. – С. 9-21.

Боталов С.Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр // Российская археология. – М.: Ин-т археологии РАН, 1992. – С. 230-239.

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: Рифей, 2009. – 672 с.

Боталов С.Г. Эпоха Великого переселения народов и раннее Средневековье Южного Урала (II–VIII века) // История Южного Урала: в 8-ми тт. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – Т. 4. – 384 с.

Боталов С.Г., *Байоглу А*., *Маслюженко Д.Н*. Письменные традиции и языковые заимствования в среде тюркоязычных кочевников Урало-Казахстанских степей // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 1. – С. 174-188.

Боталов С.Г., *Маслюженко Д.Н*., *Миргалеев И.М*., *Парунин А.В*., *Русланов Е.В*., *Сорогин Е.И*. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) // История Южного Урала: в 8-ми тт. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. – Т. 5. – 424 с.

Боталов С.Г., *Плешанов М.Л*. Новые материалы раннесакского круга из лесостепного Зауралья // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 2. – С. 82-89.

Боталов С.Г., *Юминов А.М*., *Гиззатуллина М.Н*. Опыт применения метода рентгенофлуоресцентных исследований и евклидовой метрики для кластерного анализа бронзовых зеркал раннегуннского периода // Вестник Южно-уральского государственного унитверситета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 17-21.

Ботвич И.Я., *Оборин Ю.В*., *Исаков Р.В*. Новые находки металлических зеркал в Хакасии //Социально-экономические проблемы развития Саяно-Алтая: прил. к «Вестнику Крас ГАУ»: сб. науч. тр. Вып. 7. – Красноярск: Красноярский гос. аграрный ун-т; Хакас. фил., 2012. – С. 68-76.

Бравина Р.И., *Дьяконов В.М*., *Зайцев В.П*., *Тэцу Масумото*. Китайские изделия в культовой атрибутике якутов // Россия и АТР. – Владивосток, 2016. – № 4. – С. 259-279.

Бравина Р.И., *Дьяконов В.М*., *Степанов А.Д*., *Масумото Т*. Предметы китайского происхождения в атрибутике якутских шаманов // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: VI Международная научная конференция, Хух-Хото, 12-16 октября 2015 г. / Музей Внутренней Монголии КНР; Институт археологии и культурных реликвий Внутренней Монголии КНР и др.. – Пекин: Наука-Пресс, 2015. – Т. 3. – С. 1327-1334.

Бродянский Д.Л. Бронзовое зеркало с мифологическим сюжетом из Краснояровского городища // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: сб. науч. тр. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 79-83.

Бурханов А.А., *Измайлов И.Л.*, *Рахматуллина Ч.З.* Находка золотоордынского зеркала в бассейне реки Ик // Археология евразийских степей. – 2020. – № 6. – С. 379-386.

Бянь Ц. Изображения дракона на древнекитайских бронзовых зеркалах // Искусствоведение. Международный научно-исследовательский журнал. – 2018, ноябрь. – Вып. № 11 (77). – С. 78-84.

В

Вагнер Е.В. История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4, История. – 2012. – № 1 (21). – С. 168-176.

Вайнбергер Е.В. Ханьское зеркало из Чендека // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан: АГПИ им. Н.Ф. Катанова, 1993. – С. 57-59.

Варенов А.В. Семантика наскальных изображений стилизованных оленей и сцен с хтоническими хищниками в Китае // Археологические вести / Институт истории материальной культуры РАН [Гл. ред. Н.В. Хвощинская]. – СПб., 2020. – Вып. 26. – С. 178-187.

Варенов А.В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 163-172.

Васильев Д.Д. Тюркская руника на металлических зеркалах из Минусинской коллекции // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (декабрь 1978), г. Москва. – М.: Наука, главная редакция восточной литературы, 1979. – Ч. I. – С. 27-33.

Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.

Васильков Я.В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002 [2003]. – Кн. II. – С. 28-33.

Васильков Я.В. Семантика изображений на индийских «зеркалах-погремушках» из погребений Алтая и Урала скифо-сарматского времени // Комплексные исследования и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2004. – С. 283-288.

Валеев Р.М. Металлические Зеркала как предмет внешней и внутренней торговли в Золотой орде // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 36. – 2009. – № 37 (175). – С. 47-53.

Валиулина С.И. Золотоордынский Биляр // Генуэзская Газария и Золотая Орда / АН РТ Институт археологии им А.Х. Халикова. – Казань–Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 379-413.

Валиулина С.И. Материальная культура раннего казанского ханства по результатам исследований Торецкого поселения // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: Институт археологии РАН, 2011. – Т. IV. – С. 118-123.

Валиулина С.И. Раскопки Балынгузского III (Торецкого) селища // Археологические открытия в Татарстан 2000 г, Казань. – Казань: АН РТ Ин-т истории, 2001. – С. 50-53.

Виноградов В.Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии // Советская археология. – 1987. – № 1. – С. 267-269.

Виноградов В.Б. К происхождению сарматских зеркал подвесок Северного Кавказа // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1977. – Вып. 148. – С. 44-49.

Виноградов В.Б., *Петренко В.А.* К происхождению зеркал подвесок Северного Кавказа // Краткие сообщения института археологии АН СССР. – М.: Наука, 1977. – С. 23-29.

Ворошилова О.М. Преднамеренно поврежденные зеркала некрополя Фанагории //

Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. II. – С. 26-29.

Г

Гаджиев М.С., *Давудов Ш.О.* Об одной группе раннесредневековых металлических зеркал Дагестана // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск–Новосибирск, 2018. – № 4 (62). – С. 153-164.

Гарустович Г.Н. Самый богатый клад золотоордынского времени в Башкирском Предуралье (Брик-Алгинское местонахождение) // Проблемы востоковедения. – 2011. – № 3 (53). – С. 33-42.

Гарустович Г.Н., *Иванов В.А.* Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.). – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 328 с.

Гарустович Г.Н., *Иванов В.А.*, *Проценко А.С.* Колпаковский I курганный могильник// Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 63. – 2015. – № 6 (361). – С. 28-34.

Гарустович Г.Н., *Рязанов С.В.*, *Яминов А.Ф.* Брик-Алгинское местонахождение XIV в Башкирском Приуралье. – Уфа: ТАУ, 2005. – 151 с.

Гельман Е.И., *Асташенкова Е.В.*, *Буравлёв И.Ю.*, *Бойко А.А.* Бронзовое зеркало из Краскинского городища // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Вып. 2: Городища и поселения. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 9-16.

Гельман Е.И., *Асташенкова Е.В.* Новые поступления в фонд музея ИИАЭ ДВО РАН в 2020 году // Мультидисциплинарные исследования в археологии. – 2021. – № 2. – С. 146-164.

Герцен А.Г. Золотоордынское зеркало из раскопок княжеского дворца Мангупа // Откровения древнего Солхата / Ред. А.Г. Герцен. – Керчь: Боспор, 2010. – С. 96-105.

Глазистова Н.И. Находки металлических зеркал золотоордынского времени на памятниках левобережного лесостепного Самарского Поволжья // Платоновские чтения. XIX Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 6-7 декабря 2013 г.). Материалы и доклады. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – С. 13-15.

Глебов В.П. Зеркала раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВГУ, 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 86-104.

Глухов А.А. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени (по материалам междуречья Волги и Дона) // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – Вып. 6. – С. 89-102.

Гольцова А.Д. Интерпретация сюжетов китайских бронзовых зеркал в Южной Сибири в Средневековье // МНСК-2018: Востоковедение. Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции, 22-27 апреля 2018, Новосибирск. – Новосибирск: ННИГУ, 2018. – С. 7-8.

Горбунова Н.Г. Бронзовые зеркала кугайско-карабулакской культуры Ферганы // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа: древность и средневековье. – М.: Наука–ГРВЛ, 1990. – С. 45-51.

Горюнова О.И., *Павлуцкая В.В.*, *Худяков Ю.С.* Бронзовое зеркало из могильника Шидэ V (Малое море оз. Байкал) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – С. 293-296.

Готун І.А. Дзеркало золотоординської доби з передмістя Києва // Пам'ятки східного походження на теренах України. – 2015. – № 3. – С. 69-75.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 264 с.

Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-вана в Туве // Советская этнография. – 1958. – № 4. – С. 18-37.

Грач А.Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // Древности Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. – М.: КСИА, 1968. – Вып. 114. – С. 105-111.

Грач А.Д. Балгазынская археологическая экспедиция // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. – Кызыл: [б. и.], 1980. – С. 149-153.

Грач А.Д. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени // Советская археология. – 1967. – № 3. – С. 215-233.

Гроот Я.Я. Демонология Древнего Китая. – СПб.: Евразия, 2000. – 346 с.

Грушин С.П. Китайское зеркало из северо-западных предгорий Алтая // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука, 2005. – С. 134-137.

Гугуев В.К., *Трейстер М.Ю.* Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы // Российская археология. – 1995. – № 3. – С. 143-156.

Гультов С.Б., *Кириллов Е.Л.* Раскопки на озере Ашпыл // Археологические открытия 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 195.

Гусева Л.Н. Чжурчжэньские бронзовые зеркала с изображением рыб и их символика // Древний и средневековый Восток. – М.: Наука–ГРВЛ, 1985. – Ч. 2. – С. 56-66.

Гуцал А.Ф. Курганный комплекс з бронзовым дзеркалом із Шутновець // *Гуцал А.Ф.*, *Гуцал В.А.* Эпоха раннего железа: сб. науч. трудов к 60-летию С.А. Скорого. – Киев–Полтава: Ин-т археологии НАН Украины, 2009. – С. 125-135.

Д

Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 111 с.

Данилов С.В. Китайские зеркала из памятников хунну (Бурятия) // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – С. 115-121.

Данилов С.В., *Филиппова И.В.*, *Амоголонов А.Г.* Находки китайских зеркал в археологических памятниках хунну // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С. 115-121.

Дегтярева А.Д., *Шуваева О.В.* Бронзовые украшения могильника Чепкуль // Вестник археологии и этнографии. – 2008. – № 9. – С. 22-31.

Дзаттиаты Р.Г. Предметы импорта из катакомб Даргавса // Известия СОИГСИ. История. Этнология. Археология. – 2016. – № 19 (58). – С. 5-16.

Длужневская Г.В. Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: НГУ, 2000. – С. 178-188.

Длужневская Г.В. Древние тюрки в Саянском каньоне Енисея // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции): коллективная монография. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 173-186.

Дракон и феникс в искусстве и культуре Востока. Каталог выставки. – М.: Государственный музей Востока, 2012. – 200 с.

Драчук В.С. Бронзові дзеркала з коллекції Дніпропетровского державного історичного музею //Археологія. – 1977. –Вып. 21. – С. 84-91.

Дружинина И.А. Металлические зеркала из погребальных памятников адыгов эпохи средневековья района Анапы-Новороссийска // Боспор Киммерийский и варварски мир в период античности и средневековья: Ремесла и промыслы. Материалы XI Боспорских чтений. 2010. – Керчь: Центр археол. исследований, БФ «Деметра», 2010. – С. 121-127.

Душенко А.А., *Антипенко А.В.* Результаты анализа химического состава металлических зеркал золотоордынского времени из раскопок Мангупа // Поволжская археоло-

гия. – 2022. – № 4 (42). – С. 61-73.

Душенко А.А. Металлические зеркала из раскопок Мангупского княжеского дворца // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Объекты искусства в археологическом контексте. Матер. междунар. науч. конф. / Ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. – Симферополь–Керчь: Пронто, 2020. – С. 101-109.

Дяченко А.В., *Кравченко О.В*. Орнаментация зеркал из сарматских погребений в Северном Причерноморье // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 145-148.

Е, Ё

Евгенова О.В. Китайские зеркала, обнаруженные в районе Обь-Иртышского междуречья // Археология Евразии, 2011. Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс», 16-20 апреля 2011 г.: Археология Евразии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2011. – С. 85-86.

Ежов В.В. Мифы Древнего Китая. – М.: Астрель АСТ, 2004. – 496 с.

Ежов В.В., *Родин И.О*. Мифы Древнего Китая (Серия «Мифы народов мира»). – М.: АСТ, 2003. – 441 с.

Ениосова Н.В., *Ковалевская В.Б*., *Царикаева З.Х*. Средневековые литые зеркала из Юго-Восточной Европы // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 78-79.

Ермолаев А. Ишимская коллекция // Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический. – Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1914. – 19 с.

Есин Ю.Н., *Осава Т*., *Чистобаева Н.С*., *Бурнаков А.А*., *Оборин Ю.В*. Фрагмент зеркала династии Тан с новой рунической надписью // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2020. – № 1 (25). – С. 133-143.

Ж

Журавлёва Я.А. Моделирование семиотического пространства идиоматического знака (на материале китайских фразеологизмов типа Чэнъюй). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Благовещенск: ГОУ ВПО, Благовещенский ГПУ, 2007. – 287 с.

Журба Т.А., *Ходакова Н.В*. «Китайское» зеркало из собрания НОКМ // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб гос. ун-т, 2000. – Т. 2. – С. 25-26.

З

Заднепровский Ю.А. Находки зеркал сарматского типа в Северном Иране // Искусство и археология Ирана. – М.: Наука, 1971. – С. 133-141.

Засецкая И.П. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья //Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.: Советский художник, 1968. – Вып. 10. – С. 35-53.

Зах В.А. Комплексы кургана 7 могильника Чепкуль 9 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – № 9. – С. 4-21.

Зах В.А., *Глушкова Т.Н*. Тканые пояса из могильника Чепкуль-9 кургана 7 // Археология, антропология и этнография Евразии. – 2009. – № 4 (40). – С. 57-66.

Захарова И.В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии // Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР.

– Алма-Ата: ИИАЭ АН КазССР, 1960. – Т. 8. – 1960. – С. 32-65.

Зуев В.Ю. Третья серия зеркал борисфенитского типа (к вопросу о классификации массового археологического материала эпохи архаики) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2019. – № 11. – С. 73-145.

Зуев В.Ю. Феномен зеркал борисфенитского типа в Евразии эпохи скифской архаики // Археологические вести / [Гл. ред. Н.В. Хвощинская]. – 1992. – Вып. 26. – СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2020. – С. 283-293.

Зыков А.П. Коллекция городища Искер М.С. Знаменского // Архивные разыскания. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 12: [сб. ст.]. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Томск. ун-та, 2014. – С. 336-378.

И

Иванов А.А., *Копылов В.П.* Бронзовые зеркала из раннесредневековых подкурганных погребений Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Донская археология. – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 2001. – № 3-4 (12-13). – С. 126-130.

Иванов С.С. Ирдыкский клад с зеркалом с зооморфным декором из района озера Иссык-Куль // Стратум плюс. Археология и культурная антропология: Между светом и тьмой. – Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2022. – № 3. – С. 393-403.

Ивлиев А.Л. О надписях на бортиках средневековых бронзовых зеркал // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978. – С. 104-118.

Ивлиев А.Л., *Крупянко А.А.* О находке клада металлических изделий в долине р. Зеркальной (Кавалеровский район, Приморский край) // Россия и АТР. – Владивосток: Изд-во «Дальнаука» ДВО РАН, 2012. – № 3. – С. 118-125.

Ивлиев А.А., *Асташенкова Е.В.*, *Никитин Е.Ю.* Коллекция бронзовых изделий из музея Дальневосточного Федерального Университета г. Владивостока // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – Владивосток, 2020. – Т. 26. – № 1. – С. 133-156.

Илюшин А.М. Фрагменты зеркал как амулеты в материальной и духовной культуре средневековых кочевников Кузнецкой котловины // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. тр.: 20-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ посвящается. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 42-44.

Итс Р.Ф. О надписи на китайском зеркале из Тувы // Советская этнография. – 1958. – № 4. – С. 35-37.

Иченская О.В. Орнаментация зеркал Салтовского могильника // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры: сб. науч. тр. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 151-163.

К

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. Вещевой инвентарь Байряки-Тамакского могильника. – М.: Наука, 1978. – 132 с.

Казакова И.В. Образ дракона в китайской мифологии, фольклоре и других культурных пластах // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2018. – № 2. – С. 93-99.

Казанский М.М. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст // Tractus aevorum: сетевой научный журнал. – Белгород, 2014. – Т. 1. – № 1. – С. 28-51.

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация) (серия «Археология евразийских степей», Вып. 16) / Отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш. Мар-

джани АН РТ, 2013. – 212 с. + 8 с. цв. вкл.

Катанов Н.Ф. Описание одного металлическаго зеркала с арабской надписью, принадлежащего Публичному музею г. Минусинска Енисейской губ., и несколько слов о металлических зеркалах, описанных другими. – Казань, 1900. – 21 с. (отдельный оттиск из Известий ОАИЭ. – 1900. – Т. XVI. – Вып. 3. – С. 273-291).

Катанов Н.Ѳ. Описаніе одного металлическаго зеркала съ арабской надписью, принадлежащаго Обществу Археологіи, Исторіи и Этнографіи // Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ. – Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1898. – Т. XIV. – Вып. 6. – С. 662-664.

Квитницкий М.В., *Тельнов Н.П.*, *Лысенко С.Д.*, *Разумов С.Н.*, *Синика В.С.* Золотоордынский погребальный комплекс с зеркалом с изображением сфинксов на Нижнем Днестре // В поисках сущности: сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / Под ред. М.Е. Ткачука и Г.Г. Атанасова. – Кишинёв: Stratum plus P. P., 2019. – С. 275-290.

Кдырниязов М.Ш. Ремесло Хорезма в XIII–XIV вв. // Археологические исследования в Каракалпакии / Академия наук Узб. ССР, Каракалпакский филиал. – Ташкент: Фан, 1981. – С. 123-139.

Килуновская М.Е., *Леус П.М.* Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2020. – № 1 (25). – С. 97-125.

Килуновская М.Е., *Леус П.М.* Новые данные по социальной структуре населения Тувы в конце I тыс. до н.э. // «Мужской и женский мир в отражении археологии». Материалы Всероссийской с международным участием конференции г. Уфа, 19-21 ноября 2018 г. – Уфа: [б. и.], 2018. – С. 126-136.

Килуновская М.Е., *Леус П.М.*, *Бусова В.С.*, *Андреева О.В.* Деревянный туесок-шкатулка из могильника Терезин в Туве // «Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948-2020) / Отв. ред. Н.Н. Николаев, В.Б. Трубникова. – СПб.: ИИМК РАН, 2023. – С. 166-169.

Киреев С.М. Китайское зеркало из могильника булан-кобинской культуры Чендек (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. тр.: 20-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ посвящается. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 50-53.

Кирюшин Ю.Ф., *Шамшин А.Б.*, *Нехведавичюс Г.Л.* Музей археологии Алтая как учебно-научное и культурно-просветительное подразделение Алтайского государственного университета // Культурное наследие Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 99-114.

Кляшторный С.Г., *Лубо-Лесниченко Е.И.* Бронзовое зеркало из Восточного Туркестана с рунической надписью // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л.: Аврора, 1974. – Вып. XXXIX. – С. 45-48.

Кисель В.А. Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // Вестник древней истории. – 1993. – № 1. – С. 111-125.

Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Москва–Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Колесниченко А.Н. Зеркала золотоордынского времени из собрания Одесского археологического музея // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. – Одесса: СМИЛ, 2010. – Т. I. – С. 126-136.

Колода В.В. К вопросу о салтовских погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности. – Харьков: ХИАО; ООО “НТМТ”, 2011. – С. 261-272.

Комиссаров С.А., *Черемисин Д.В.* Культура, отраженная в зеркалах// Вести НГУ. Серия: история филология. Вып. 4: Востоковедение. – 2014. – Т. 13. – С. 228-233.

Коновалов П.Б. Хуннуская ветвь этногенеза во Внутренней Азии // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 2. – С. 175-181.

Коновалов П.Б. Хуннуская ветвь этногенеза во Внутренней Азии // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: Материалы II международной научной конференции, посвященной 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, 2017. – С. 155-161.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. (Погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурятское книжное из-во, 1976. – 248 с.

Копылов И.И. Зеркала древнего Талхира (Талгара). Личный фонд И.И. Копылова // Фонды ГИКЗМ «Есик». КП ЕҚМ ҒКҚ 220. Рукопись. 1986. – 10 с.

Копылов И.И. Зеркала из Талгарского городища (к проблеме этнокультурных контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: сб. ст. / Отв. ред. Э.В. Шавкунов. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 70-78.

Коробкова Е.А. О семантическом значении зеркал в сарматской культуре // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – Вып. 6. – С. 103-108.

Королькова Е.Ф. Бронзовые зеркала с выступом и «контурный» стиль зооморфных изображений // Изобразительные памятники. Стиль. Эпоха. Композиции. – СПб.: СПбГУ, 2004. – С. 130-134.

Королькова Е.Ф. Об одном типе бронзовых зеркал скифской эпохи // Сообщения Государственного Эрмитажа LVII. – СПб.: Государственный эрмитаж, 1997. – С. 32-35.

Корочкова О.Н., *Фёдорова Н.В.* Клады Урала и Западной Сибири эпохи бронзы – раннего железного века: состав, контексты, интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 3 (46). – С. 17-28.

Косяненко В.М. К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // Историко археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году. – Азов: Изд-во Азов. краевед. музея, 1994. – Вып. 13. – С. 70-83.

Косяненко В.М., *Максименко В.У.* Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону // Советская археология. – Наука, 1989. – № 1. – С. 264-267.

Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / АН РТ Институт археологии им А.Х. Халикова. – Казань-Симферополь-Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 411-478.

Кравцова С.Л., *Ли Джи Ын*. Об одном зеркале из фондов Ставропольского Государственного историко-культурного и природно-ландшафтного Музея-заповедника имени Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве // Материалы Первого Маджарского археологического форума, Пятигорск – Будённовск – 2012 год. Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 23. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость»; Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. – С. 53-56.

Краева Л.А., *Радивоевич М.*, *Равич И.Г.*, *Черникова Л.П.*, *Шутелева И.А.*, Щерба-

ков Н.Б. Китайское зеркало из позднесарматского комплекса «Черный Яр» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23. – № 3. – С. 176-188.

Краминцев В.А., *Ивлиев А.Л.* Бронзовые зеркала с поселения Покровка-I // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 140-143.

Краснопёров А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения: сб. науч. ст. – Екатеринбург: Квадрат, 2006. – С. 144-148.

Крачковская В.А. О бронзовых зеркалах Донского музея // Исследования по истории культуры народов Востока. – М-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 356-360.

Кривошеев М.В. О хронологии позднесарматских зеркал с центральной петелькой // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. I Международной Нижневолж. археол. конф. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – С. 238-242.

Крупа Т. Бронзовое зеркало из раскопок Донецкого городища 1957 года // *Бондаренко Г.*, *Златогорський О.*, *Крупа Т.*, *Силюк А.* (ред. група). Минуле і сучасне Волині та Полісся. Шацьке поозер'я у світовій та українській історії. Матеріали XLV Міжнародної наукової історико краєзнавчої конференції, м. Луцьк — смт. Шацьк, 24-26 травня 2013 року. – Луцьк: Волинські старожитності, 2013. – С. 158-161.

Крупянко А.А. О кладе с зеркалом в долине реки Зеркальной (Приморский край) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Иркутск–Омск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – Т. 2. – С. 202-205.

Крюков М.В., *Малявин В.В.*, *Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII-XIII вв.). – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – 335 с.

Крюков М.В., *Переломов Л.С.*, *Софронов М.В.*, *Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй / АН СССР институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая институт ДВ. – М.: Наука, 1983. – 416 с.

Кубанкин Д.А. Погребальные памятники увекского городища // эпоха средневековья и русской колонизации // Археология восточно-европейской степи. – Саратов, 2007. – Вып. 4. – С. 190-213.

Кубанкин Д.А., *Масловский А.Н.* Предметы импорта с Увекского городища (случайные находки из фондов Саратовского Областного музея краеведения) // Поволжская археология. – 2013. – № 4 (6). – С. 130-154.

Кубанкин Д.А., *Сергеева О.В.* Клад с Увекского городища (случайная находка 1994 года) // Поволжская археология. – 2013. – № 2 (4). – С. 259-271.

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 63-78.

Кубарев Г.В. Китайское зеркало с Юстыда // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы конференции. – Барнаул: Изд-во Алтай. гос. ун-та, 1995. – Вып. V. – Ч. 1. – С. 126-130.

Кузнецова Т.М. Восточные музыкальные зеркала // Петербургский археологический вестник. – СПб.: Ин-т археологии РАН, 1994. – Вып. 7. – С. 82-87.

Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии I–III вв. до н.э. – М., 2002. – Т. I. – 349 с.

Кузнецова Т.М. К вопросу о классификации зеркал скифского времени //Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. трудов 20-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ посвящается. – Барнаул, 2008. – С. 62-66.

Кузнецова Т.М. Пути распространения «зеркал» скифского типа // Маргулановские чтения. – Алма-Ата: АН Казах. ССР, 1989. – С. 144-145.

Кузнецова Т.М. Три восточных зеркала // Сохранение и изучение культурного на-

следия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. 5. – Ч. 2. – С. 124-128.

Кунгурова Н.Ю., *Оборин Ю.В.* Клад, обнаруженный на р. Уйбат (Минусинская котловина) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 126-136.

Л

Лаврова М.П. Китайские зеркала Ханьского времени // Материалы по этнографии. – Л.: Изд-е Гос. Русского музея, 1927. – Т. IV. – Вып. 1. – С. 1-14.

Лаптев С.В. Бронзовые зеркала как символ власти и священная реликвия в древней Японии и их распространение во II в. до н.э. – VI в. н.э. // Японские древности (историко-правовые исследования): сб. науч. тр. / Ред. Л.М. Ермакова, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень.– Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2023. – Вып. 1. – С. 181-221.

Левина Л.М., *Равич И.Г.* Бронзовые зеркала из джетыасарских памятников // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. V: Джетыасарская культура. Часть 5. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. – С. 122-184.

Леньков В.Д. Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке. (По материалам исследований Шайгинского городища). – Новосибирск: Наука, 1974. – 188 с.

Леус П.М. Китайские бронзовые зеркала из могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Вторая всероссийская научная конференция “Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург”, посвященная 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача, 10-14 декабря 2018 г., Санкт-Петербург: тезисы / ИИМК. – СПб.: ООО “Редакционно-издательский центр "КУЛЬТ-ИНФОРМ-ПРЕСС"”, 1998. – С. 104-110.

Леус П.М., *Бельский С.В.* Терезин I – могильник эпохи хунну в Центральной Туве // Археологические вести. – СПб., 2016. – № 22 (2016). – С. 93-104.

Leus Pavel M. New finds from the Xiongnu period in Central Tuva. preliminary communication // Xiongnu Archaeology – Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn Contributions to Asian Archaeology 5. – Bonn, 2011. – С. 515-536.

Лещенко Н.В., *Прокопец С.Д.* Средневековые музыкальные инструменты (по памятникам Приморья) // Россия и АТР. – 2015. – № 4. – С. 222-235.

Лещенко Н.В. Кочевой мир и музыкальная культура средневековых государств Приморья // III Международный конгресс средневековой археологии Евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». – Владивосток: Дальнаука, 2017. – С. 181-184.

Ли Хао-гу. Студент Чжан Юй морскую варит воду у острова Шамэнь / Пер. с кит. Л. Меньшикова // Юаньская драма. – Л.-М.: Искусство, 1966. – С. 311-346.

Ли Хао-гу. Студент Чжан Юй морскую варит воду у острова Шамэнь // Китайская классическая драма. – СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – С. 21-64.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. – М.: Наука, ГРВЛ, 1978. – 216 с.

Литвинский Б.А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1971. – С. 34-67.

Литвинский Б.А. Зеркало в верованиях древних ферганцев // Советская этнография. – М., 1964. –№ 3. – С. 97-104.

Ломан В.Г., *Дмитриев Е.А.*, *Кукушкин И.А.*, *Кукушкин А.И.* Золотоордынские погребения могильника Нураталды-2 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сборник научных статей, посвященный 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. – Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. – Т. 2. – С. 209-218.

Лопан О.В., *Волков И.В*. Об одном редком типе зеркал золотоордынского времени // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 248. – М.: ИД “Языки славянской культуры”, Институт Археологии РАН, 2017. – С. 57-71.

Лопан О.В. Новые находки металлических зеркал с Маджарского городища // Материалы Первого Маджарского археологического форума, Пятигорск, Будённовск – 24-25 сентября 2012 года (Серия «Археология евразийских степей») / Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. – Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2016. – С. 79-89.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. С приложением статьи И.В. Богдановой-Березовской. – М.: Наука, 1975. – 170 с. + 109 илл.

Лубо-Лесниченко Е.И. Зеркала с надписями периода Хань (в собрании Государственного Эрмитажа) // Эпиграфика Востока. – М.: Наука, 1960. – Т. XIV. – С. 32-35.

Лубо-Лесниченко Е.И. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II–XVI вв.) // Страны и народы Востока. – М.: Наука, 1969. – Вып. VIII. – С. 70-78.

Любчанский И.Э. Восточные элементы материальной культуры в памятниках кочевников II–VI вв. н.э. южноуральского региона // Уфимский археологический вестник. – Уфа, 2004. – Вып. 5. – С. 197-217.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шёлковом пути (Шёлк и связи древнего и раннесредневекового Китая). – М.: Вост. лит., 1994. – 326 с.

Лупанова Е.М. История оптики на материалах коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) // Современные проблемы сервиса и туризма: научно-практический журнал. – М., 2014. – № 4. – С. 88-101.

М

Максименко В.Е., *Ли Джи Ын*. Предметы из Восточной Азии в погребальных комплексах кочевников эпохи раннего железного века Нижнего Дона // Ταναιν δε ποταμον διαβαντι. Памяти В.Е. Максименко (1934-2014) / Ред. В.А. Кореняко, Л.А. Бойко. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. – С. 138-144.

Маракуев А.В. Китайские бронзы из Басандайки // Басандайка: сборник материалов и исследований по археологии Томской области (Труды ТГУ им. В.В. Куйбышева. Т. 98). – Томск: ТГПИ, 1947. – С. 167-174.

Маракуев А.В. Фрагмент китайского бронзового зеркала в Археологическом музее Томского университета // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Серия гуманитарных наук. – Томск: ТГПИ, 1946. – Т. III. – С. 145-152.

Маркова К.Ю. Бронзовые зеркала северовосточного Семиречья в эпоху развития городской культуры (конец VIII – начало XIV вв.) // Вестник КемГУ. – 2013. – № 4 (56). – Т. 2. – С. 36-40.

Марсадолов Л.С. Зеркало из алтайской коллекции П.К. Фролова // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1982. Вып. XLVII. – С. 30-33.

Маслюженко Д.Н. История одного зеркала // Вестникъ: газета дискуссионного клуба исторического факультета Курганского государственного университета. № 2 (2): Зауральская археология. – Курган, 2011, октябрь. – С. 4-5.

Маслюженко Д.Н., *Ларионова Е.И*. Находки золотоордынских зеркал на территории Притоболья // XI Зыряновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Курган: Курган. гос. ун-т, 2013. – С. 18-20.

Маслюженко Д.Н., *Рябинина Е.А*. Новые находки зеркал золотоордынского вре-

мени в Среднем Притоболье // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11-14 октября 2022 г.). В 5-ти тт. – Алматы–Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. – Т. 4. – С. 194-199.

Маслюженко Д.Н., *Ханов С.А*. Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (г. Курган, 8 декабря 2016 г.). – Курган: Курган. гос. ун-т, 2016. – С. 69-76.

Маслюженко Д.Н., *Ханов С.А*. Позднесредневековый "клад" с территории лесостепного Притоболья: состав и интерпретация. // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы всерос. науч. конф. «VI Емельяновские чтения», Курган, 26-28 апреля 2012 г. – Курган: Курган. гос. ун-т, 2012. – С. 76-79.

Маслюженко Д.Н., *Шилов С.Н*., *Рябинина Е.А*. Китайское зеркало эпохи Хань из Нижнего Прииртышья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. – Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2009. – С. 120-123.

Мастыкова А.В. Зеркало из «княжеского» погребения гуннского времени с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. – М.: ЯСК 2015. – Вып. 241. – С. 207-213.

Мастыкова А.В. Зеркала типа Карповка. К вопросу о формировании салтово-маяцкой культуры Среднего Дона // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье» / Под ред. А.З. Винникова; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье». – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. – Вып. 6. – С. 241-254.

Масумото Т. Бронзовые зеркала из поселения Покровка-1 // Древности Алтая. – 2002. – № 9. – С. 124-132.

Масумото Тэцу. Бронзовые зеркала с закрытой дырочкой в шишке петли // Материалы V Международной научной конференции «Древние культуры Монголии и байкальской Сибири» (Кызыл, 15-19 сентября 2014 г.). – Кызыл: ТувГУ, 2014. – Ч. I. – С. 280-284.

Масумото Тэцу. Китайские бронзовые зеркала (семиотический аспект) // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: ДонНУ, 2005. – Т. 2. – С. 295-304.

Масумото Тэцу. К вопросу о китайских зеркалах из Сибири периода Чжаньго (V–III вв. до н.э.) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Материалы II Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей (Барнаул, сентябрь 2012 г.). – Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2021. – С. 49-55.

Масумото Тэцу. О бронзовых зеркалах, случайно обнаруженных на Алтае // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. II. – С. 248-251.

Масумото Тэцу. Серебряная чарка, найденная у села Байтени и её место в истории прикладного искусства Восточной Азии // Творчество в археологическом и этнографическом измерении: сб. науч. тр. – Омск: Издательский дом «Наука», 2013. – С. 163-173.

Масумото Тэцу. Шаманский пояс рода Ульчей айнского происхождения с Нижнего Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 118-124.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара: Изд-во

самарский университет, 1997. – 226 с.

Матюшко И.В. Распределение инвентаря в группе земляных курганов XIII–XIV веков н.э. на Южном Урале // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2014. – № 4 (12). – С. 21-35.

Минасянц В.С., Китайские зеркала из собрания Государственного музея истории Узбекистана, обнаруженные на территории Ташкентской и Самаркандской областей (*Минасянцў В.С*. Тасукэнтосю-то Самарукандосю-дэ хаккуцусарэта Удзубэкистан кокурицу хакубуцукан сюдзо тюгоку кагами [V.S. ミナシャンツ. タシケント州とサマルカンド州で発見された ウズベキスタン国立博物館収蔵中国鏡]) / пер. на яп. яз. Икуэ Отани. // Археологический бюллетень университета Каназавы (Канадзава дайгаку кокогаку киё). – 2017. – № 38. – С. 93-102. (на яп. яз.).

Минеева О.И., *Скрипкин А.С*. О происхождении и времени появления одного из типов бронзовых зеркал у сарматов // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – Вып. 7. – С. 51-56.

Миняев С.С. Элитный комплекс сюннуских захоронений в пади Царам (Забайкалье) // Эпоха палеометалла // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2 (38) – С. 40-58.

Миняев С.С., *Елихина Ю.И*. К хронологии курганов Ноин-Улы // Записки института истории материальной культуры РАН. – СПб., 2010. – № 5. – С. 169-182.

Миняев С.С., *Сахаровская Л.М*. Захоронение Гуннского вождя в Забайкалье // Культура номадов Центральной Азии: материалы Международной конференции, Самарканд, 22-24 ноября 2007 г. – Самарканд: издание МИЦАИ, 2008. – С. 140-149.

Миняев С.С., *Сахаровская Л.М*. Ханьское зеркало из могильника Царам // Записки ИИМК РАН. – СПб.: Дм. Булавин, 2006. – Вып. 1. – С. 77-82.

Могильников В.А. Находка китайского зеркала в Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – Вып. VII. – С. 158-162.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 184 с.

Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 170: Железный век. – М.: АН СССР, 1982. – С. 80-87.

Мухтарова Г.Р., *Железняков Б.А*., *Жумай Г*. Бронзовые зеркала из Тальхира как источник по материальной культуре: исследования И.И. Копылова // Археология Казахстана. – 2021. – № 2 (12). – С. 43-60.

Н

Напил Базылхан. Древнетюркские письменные памятники Казахстана // Түркология. – Түркістан, 2008. – № 5-6 (37-38). – С. 117-122.

Нарожный Е.И. Металлические зеркала XIII–XIV вв. с изображением аль-бораков (Северный Кавказ) // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар, 2009. – С. 270-275.

Нарожный Е.И. Этнокультурные процессы XIII–XIV вв. на Северном Кавказе (по историко-археологическим данным) // Труды 11 (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 490-494.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 224 с.

Недашковский Л.Ф. Металлические изделия и литейные формы с Увекского городища // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всероссийской научной конфе

ренции (Ижевск, 21-23 ноября 2000 г.) / Ред. В.И. Завьялов. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. – С. 349-364.

Недашковский Л.Ф., *Ракушин А.И.* Бронзовые зеркала второй половины X – XIV вв. из музеев Саратовской области // Татарская археология. – Казань: Тип. Управления делами Президента Республики Татарстан, 1998. – № 2 (3). – С. 87-108.

Недашковский Л.Ф., *Ракушин А.И.* Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // Татарская археология. – 1998. – №1 (2). – С. 32-51.

Недашковский Л.Ф., *Шигапов М.Б.* Металлические изделия с Багаевского селища // Поволжская археология. – Казань, 2020. – № 4 (34). – С. 185-198.

Недашковский Л.Ф., *Шигапов М.Б.* Находки с селища Широкий Буерак // Нижневолжский археологический вестник. – 2017. – Т. 16. – № 2. – С. 116-130.

Недашковский Л.Ф., *Шигапов М.Б.* Украшения и зеркала с Хмелевского I селища // Ученые записки казанского университета. Т. 157, кн. 3: Гуманитарные науки. – 2015. – С. 34-45.

Незабитовска-Вишневска Б. Зеркала из Горнокнязевского клада (Ямало-Ненецкий автономный округ, Россия) – попытка интерпретации // I Международная конференция «Археология Арктики»: тезисы докладов. – Екатеринбург: Деловая пресса, 2017. – С. 102-103.

Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока. – М.: Прсвещение, 1994. – 367, [1] с.

Немировский А.И. Мифы и легенды Древнего Востока (Серия «Легенды и мифы»). – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 544 с.

Нестеркина А.Л., *Соловьева Е.А.*, *Кудинова М.А.* Китайские зеркала с надписями из погребальных комплексов раннего железного века Кореи и Японии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2022. – № 21 (10). – С. 9-21.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников Юга Средней Сибири в XII–XIV веках: Усть-талькинская культура. – Владивосток–Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Николаев В.С., *Миняев С.С.* Работы Центрально-Азиатской археологической экспедиции на могильнике Оргойтон // Государственный Эрмитаж: Археологический сборник. Вып. 41: Материалы и исследования археологии Евразии. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2017. – С. 143-158.

Николаев В.С., *Масумото Тэцу*, *Кустов М.С.* Бронзовые зеркала из Ангарской долины // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 184-193.

Новиков А.В., *Тишкин А.А.* Зеркало из памятника Ташара-Карьер-2 (Новосибирское Приобье) // Торевика в древних и средневековых культурах Евразии: сб. науч. тр. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 79-83.

Нуретдинова А.Р., *Оборин Ю.В.* Китайские древности в фондах Археологического музея КФУ // Средневековые древности Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – Вып. 4. – С. 302-310.

О

Оборин Ю.В. Бронзовое зеркало из Усть-Абаканского района Хакасии // Родная старина. – М: Группа «ИскателИ», 2012. – № 1. – С. 15-18.

Оборин Ю.В. Собаки Будды. Четыре фрагмента бронзовых зеркал с изображениями животных и винограда // Родная старина: Поиск. Находки. Открытия. – 2012. – № 2. – С. 49-53.

Оборин Ю.В., *Савосин С.Л.* Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. – Красноярск–Москва (электронное издание), 2017. – 527 с.

Оборин Ю.В., *Ханов С.А.* Зеркало с Бодхидхармой // Домонгол. – 2011. – № 2. – С. 229-231.

Оборин Ю.В., *Савосин С.Л.* Китайские бронзовые зеркала в описаниях и рисунках XVIII столетия // Средневековые древности Приморья. Вып. 5. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2022. – С. 365-376.

Овчинникова Б.Б. Погребально-поминальный комплекс древних тюрок на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). Коллективная монография. – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 139-186.

Овчинникова Б.Б., *Длужневская Г.В.* «Дружинное захоронение» енисейских кыргызов в центре Тувы (по материалам могильника Аймырлыг 2). – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – 50 с.

Ожередов Ю.И. Семантика изображений на одном средневековом зеркале из Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Торевтика в древних средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 144-147.

Ожередов Ю.И., *Плетнева Л.М.*, *Масумото Т.* Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск: Томский гос. ун-т, 2008. – Вып. 2. – С. 136-157.

Олейников О.М., *Руденко К.А.* Металлическое зеркало китайского типа из Великого Новгорода // Российская Археология. – 2018. – № 3. – С. 141-152.

Ольговский С.Я. О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях // Археология Евразийских степей. – 2017. – № 3. – С. 209-223.

II

Петенёва Г.Г. Китайские бронзовые застежки «дайгоу» с изображением дракона и рыбы // Материалы Международной научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 2014», посвященной 110-летию академика А.Х. Маргулана, 3-5 декабря 2014 г. – Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; Павлодар: Павлодарский государственный педагогический институт, 2014. – С. 401-412.

Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тысячелетия н.э. (по археологическим источникам). Изд-во Томского университета, г. Томск, 1997. – 350 с.

Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана и государство Кангюй (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11-14 октября 2022 г.). В 5-ти тт. – Алматы–Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. – Т. 2. – С. 166-175.

Подушкин А.Н. Ханьское зеркало из катакомбы 12 могильника Култобе // Вопросы археологии Казахстана: сб. науч. ст. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 363-373.

Полосьмак Н.В., *Чистякова А.Н.*, *Богданов Е.С.*, *Шацкая С.С.* Китайское зеркало из 22 Ноин-Улинского кургана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН XIX. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2013. – С. 315-317.

Полякова Г.Ф. Зеркала с драконами из Болгар // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 216-219.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 1996. – С. 154-257.

Полякова Г.Ф. К вопросу о систематизации зеркал Волжской Булгарии // Древности Волго-Камья. – Казань: Ин-т яз., лит., истории, 1977. – С. 78-82.

Полякова Г.Ф. О времени появления зеркал аланской группы на территории Волжской Болгарии // История и культура Евразии по археологическим данным. – М.: Гос. истор. музей, 1980. – С. 146-147.

Попандопуло З.Х. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. – Запоріжжя: Запорізький державний університет, 2002. – Т. Х. – С. 226-238.

Приступа О.И. Графические рисунки на металлических дисках из Ханты-Мансийского и Берёзовского музеев // Памятники Югры: вчера, сегодня, завтра. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – Вып. 1. – С. 86-97.

Приступа О.И., *Стародумов Д.О.*, *Яковлев Я.А.* Окно в Бесконечность: Бронзовые зеркала раннего железного века. – Томск: ГалаПресс, 2002. – 89 с.

Прокопенко Ю.А., *Чаплыгина С.Ф.* Центральное Предкавказье в пространстве влияния Великого Шелкового пути и других транскавказских торговых магистралей в V – начале XIII вв. – Ставрополь: Печатный Двор, 2017. – 272 с.

Пугаченкова Г.А. Бронзовое зеркало из Термеза // Советская этнография. – М.: 2-я типография издательства АН СССР, 1961. – № 1. – С. 153-156.

Пугаченкова Г.А., *Галёркина О.И.* Миниатюры Средней Азии в избранных образцах (из советских и зарубежных собраний). – М.: Изобразительное искусство, 1979. – 208 с.

Пугаченкова Г.А., *Ремпель Л.И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. – М: Искусство, 1965. – 688 с., ил.

Пшеницына М.Н., *Хаврин С.В.* Исследование металла клада литейщика Ай-Дай (тесинская культура) // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. Материалы 1-й Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Якова Ивановича Сунчугашева (Абакан, 23-27 сентября 2015). – Абакан-Эхимэ: Изд-во ун-та Эхимэ, 2015. – С. 67-70.

Пьянков А.В., *Раев Б.А.* Металлические зеркала из коллекции Донского музея (Новочеркасск) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2004. – Вып. 2. – С. 219-250.

Пьянков А.В. Зеркала из могильника Бжид 1. Приложение 1 // *Ковалевская В.Б.*, *Албегова З.Х.*, *Евсюков А.Н.* Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. – М.: Ин-т археологии РАН, 2006. – Вып. 3. – 11-я статья (Компакт-диск).

Р

Равич И.Г., *Трейстер М.Ю.* Китайские зеркала из погребений кочевников Восточной Европы второй половины I тыс. до н.э. – первых веков н.э.: типология, хронология, распределение и технология их изготовления // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. – 2021. – № 13. – С. 404-452.

Рапэн К., *Исамиддинов М.*, *Хасанов М.* «Аристократическая» гробница кочевников на городище Коктепе близ Самарканда // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. – Самарканд: МИЦАИ, 2014. – Т. II. – С. 70-116.

Распопова В.И. Зеркала из Пенджикента // Краткие сообщения Института археологии. – 1972. – Вып. 132. – С. 65-69.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. – Казань, 2013. – № 2 (4). – С. 189-211.

Руденко К.А. Металлические зеркала Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как отражение трансконтинентальных связей в Евразии эпохи средневековья // Средневековые древности Приморья / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – Вып. 4. – С. 270-301.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. – 2004. – № 1-2 (12-13). – С. 111-156.

Руденко К.А. Металлические зеркала из Волжской Булгарии и их сибирские параллели // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. – № 5 (17). – С. 159-170.

Руденко К.А. Могильники Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды как источник по изучению мировоззрения средневекового населения Волго-Камья: вопросы систематизации // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013. – Вып. IV. – С. 72-102.

Руденко К.А. О датировке одного типа зеркал из Булгарского улуса Золотой Орды (к вопросу о культурных связях на евразийском пространстве в Средневековье) // III Международный конгресс средневековой археологи евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй». – Владивосток: Дальнаука, 2017. – С. 230-233.

Руденко К.А. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / АН РТ, Институт археологии им А.Х. Халикова. – Казань–Симферополь–Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 255-364.

Руденко К.А. Происхождение некоторых булгарских металлических зеркал (к характеристике культурных связей Поволжья со Средней Азией, Сибирью и Дальним Востоком в средневековье) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2017. – № 8 (20). – С. 169-181.

Руденко К.А. Трансформация китайских и чжурчженьских изобразительных сюжетов на металлических зеркалах Поволжья эпохи Золотой Орды // Средневековые древности Приморья / Отв. ред. Н.Г. Артемьева. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – С. 135-152.

Руденко К.А. Этногеография Булгарской области Золотой Орды (по археологическим материалам) // Генуэзская Газария и Золотая Орда: памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. – Казань–Кишинёв: Stratum Plus, 2019. – Т. 2. – С. 325-378.

Руденко К.А., *Беговатов Е.А*. Редкие археологические находки с Семеновского острова // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней): сб. науч. ст. / Министерство образования и науки республики Казахстан, комитет науки;. – Алматы: Институт археологии им А.Х. Маргулана, 2016. – С. 186-201.

Руденко К.А., *Оборин Ю.В*. Зеркала с фантастическими животными из Булгара и их аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. – Горно-Алтайск, 2017. – № 8 (20). – С. 143-159.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время [отв. ред. А.П. Окладников] ; АН СССР, Ин-т истории матер. культуры.. – М.-Л.: АН СССР, 1953. – 402 с. + 120 табл.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.-Л.: Наука, 1962. – 206 с.

Руденко С.И., *Глухов А.Н*. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Л.: Изд-е Гос. Русск. музея, 1927. – Т. 3. – Вып. 2, – С. 37-52.

Рузанов В.Д. Металлические зеркала сапаллинской культуры: типы, химико-металлургическая характеристика и техника изготовления // Археология и история Центральной Азии. – Самарканд: [б. и.], 2004. – С. 129-134.

С

Савенко С.Н., *Бурков С.Б.* Новые находки зеркал с крестообразными изображениями из Ингушетии // Из истории культуры народов Северного Кавказа: научное издание. – Ставрополь: Графа, 2010. – Вып. 2. – С. 40-41.

Савенко С.Н. Хронологические особенности зеркал X–XII вв. н.э. Центрального Предкавказья // Проблемы хронологии археологических памятников Центрального Предкавказья. – Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1986. – С. 97-109.

Свистун Г.Е., *Шевченко О.А.* Золотоордынское зеркало из фондов Художественно мемориального музея И.Е. Репина // Восточноевропейские древности: сб. науч. тр. (Вестник Острогожского ист.-худ. музея им. И.Н. Крамского). – Воронеж, 2013. – С. 238-244.

Серегин Н.Н. Металлические зеркала в погребениях раннесредневековых кочевников северо-западных районов Центральной Азии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып. 5. – С. 115-121.

Серегин Н.Н., *Радовский С.С.*, *Чегодаева Л.И.* Раннесредневековое зеркало с «надписью» из комплекса Ближние Елбаны (лесостепной Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2022. – № 21 (5). – С. 89-98.

Серегин Н.Н., *Матренин С.С.* Археологические комплексы Алтая II в. до н.э. – XI в. н.э.: история исследований и основные аспекты интерпретации: монография. – Барнаул: Азбука, 2014. – 230 с.: +28 с. цв. вкл.

Серегин Н.Н. Комплексное изучение металлических зеркал из раннесредневековых памятников кочевников Южной Сибири // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сборник Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. – Томск: Том. гос. ун-т, 2008. – Вып. 2. – С. 197-205.

Серегин Н.Н., *Чен А.* Китайский импорт из памятников тюрок Центральной Азии (VI–XI вв. н.э.): динамика распространения, историко-культурный контекст // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 66. – С. 181-189.

Серёгин Н.Н., *Чистякова А.Н.*, *Монгуш К.М.* Редкое металлическое зеркало чжурчжэньского времени из Тувы // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – Т. 33. – № 1. – С. 172-188.

Серегин Н.Н., *Нарудцева Е.А.*, *Чистякова А.Н.*, *Радовский С.С.* Металлическое зеркало Юаньского времени из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 1 (52). – С. 42-49.

Серегин Н.Н., *Нарудцева Е.А.*, *Чистякова А.Н.*, *Радовский С.С.* Средневековые зеркала из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Теория и практика археологических исследований. – 2021. – Т. 33. – № 2. – С. 226-242.

Сидоренко О.В., *Супруненко О.Б.* Знахідка золотоординського дзеркала під Лубнами // Археологічний літопис Лівобережної України. – 2005. – № 1-2. – С. 155.

Силакова С.А., *Гайнуллина Л.А.* Корейские бронзовые зеркала как образец культурного влияния Китая // Современные востоковедческие исследования. – 2021. – № 3 (3). – С. 449-455.

Скрипкин А.С. Бронзовое зеркало из фондов музея Шицзячжуанского педагогиче-

ского института (провинция Хэбэй, Китай) // Нижневолжский археологический вестник. – 2001. – Вып. 4. – С. 246-248.

Скуднова В.М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Труды Государственного Эрмитажа. Т. VII: Культура и искусство античного мира. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Передольская. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. – С. 5-27.

Смирнов К.Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 116-121.

Сомкина Н.А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений // Вестник СПбГУ. Сер. 13. – 2009. – Вып. 2. – С. 77-86.

Сотникова С.В. Гравированные изображения на дисковидных предметах раннего железного века и средневековья в свете индо-иранских параллелей (по материалам Урало-Сибирского региона) // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – Т. 11. – № 1. – С. 41-55.

Стариков В.С. Бронзовое зеркало с неизвестными иероглифическими письменами из Минусинской котловины // Древние системы письма. Этническая семиотика. – М. : Наука, 1986. – С. 232-237.

Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-азиатский этнографический сборник (Труды Института этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 73). – М.: АН СССР, 1961. – Вып. 2. – С. 47-78.

Сэкия А. Бронзовые зеркала и их продвижение на Восток // Материалы международного симпозиума «Terra Scythica» (17-23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – С. 269-271.

Т

Табалдиев К.Ш. Зеркала из погребений внутреннего Тянь-Шаня // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: НГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 78-81.

Табарев А.В., *Иванова Д.А.* Повелительницы зеркал: особенности погребального инвентаря культуры яёй, японский архипелаг // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23. – № 2. – С. 15-18.

Ташак В.И. Бронзовые зеркала из села Усть-Кяхта // Известия лаборатории древних технологий: сб. науч. тр. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. технич. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С. 215-220.

Тигеева Е.В., *Белоногова Л.Н.* Зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимского междуречья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 4 (43). – С. 84-96.

Тишкин А.А. Археологические памятники монгольского времени на юге Западной Сибири и Алтае: результаты исследований и опыт интерпретации // Генуэзская Газария и Золотая Орда. – Казань–Кишинев: Stratum Plus, 2019. – Т. 2. – С. 185-198.

Тишкин А.А. Зеркала раннего средневековья на Алтае и результаты их рентгенофлюоресцентного анализа // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 78-81.

Тишкин А.А. Китайские зеркала из памятников ранних кочевников Алтая // Археология и этнография [раздел] // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С. 111-115.

Тишкин А.А. Китайские изделия в материальной культуре кочевников Алтая (2-я половина I тыс. до н.э.) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. – С. 176-184.

Тишкин А.А. Металлические зеркала монгольского времени на Алтае и некоторые

результаты их изучения // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. – М.: Нумизматическая литература, 2006. – С. 191-193.

Тишкин А.А. Телеутский Взвоз-I – курганная группа золотоордынского времени на юге Западной Сибири (результаты междисциплинарных исследований) // Поволжская археология. – 2020. – № 2 (32). – С. 107-118.

Тишкин А.А., *Горбунов В.В*., *Серегин Н.Н*. Металлические зеркала в коллекциях Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сб. науч. тр.: 20-летию кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ посвящается. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 100-103.

Тишкин А.А., *Ожередов Ю.А*. Металлическое зеркало золотоордынского времени из фондов Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ // Научный Татарстан: Гуманитарные науки. – 2010. – № 4. – С. 107-113.

Тишкин А.А., *Серегин Н.Н*. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. – 2013. – № 1 (7). – С. 49-72.

Тишкин А.А., *Серегин Н.Н*. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с.

Тишкин А.А., *Серегин Н.Н*. Результаты комплексного изучения металлических зеркал из средневековых памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 434. – С. 129-136.

Тишкин А.А., *Серегин Н.Н*. Формирование коллекции металлических зеркал в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ // Теория и практика археологических исследований : сб. науч. тр. – Барнаул: Азбука, 2009. – Вып. 5. – С. 111-120.

Тишкин А.А., *Фролов Я.В*. Обломки металлических зеркал из Верхнего Приобья и их рентгенофлюоресцентный анализ // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т., 2013. – С. 103-106.

Тишкин А.А., *Хаврин С.В*. Использование рентгенофлюоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алтайю ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 74-85.

Тишкин А.А., *Хаврин С.В*. Предварительные результаты спектрального анализа изделий из памятника гунно-сарматского времени Яломан-II (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 300-306.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Вост. лит., 1962. – 324 с.

Торежанова Н.Ж. О бронзовых зеркалах ЦГМ РК // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья: Сборник научных статей. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – 286 с.

Тотев Боян, *Пелевина Олга*. Старобългарски огледала от Северното и Западно Черноморие // Езическа България: Власт и общество. – София: Национален археологически институт с музей – БАН, 2017. – С. 57-79.

Трейстер М.Ю. Существовал ли Трансъевразийский «Меховой путь» в эпоху Хань? (размышления на основании археологии) // Материалы по археологии и истории Античного и Средневекового Причерноморья. – 2022. – Suppl. 1. – С. 50-109.

Трейстер М.Ю. Самая западная находка китайского зеркала с Т-образными иероглифами в Евразии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение: материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. / Ред. кол.: В.И. Богдановский (предс.) и др.; отв. ред. А.Д. Таиров. – Челябинск: ОГБУК “Госу-

дарственный исторический музей Южного Урала", 2017. – С. 140-147.

Treister Mikhail, *Ravich Irina*. Chinese mirrors from the burials of the nomads of Eastern Europe of the second half of the 1st millennium BC-first centuries AD: Typology, chronology, distribution and technology of manufacture // Advances in Archaeomaterials. – 2021, June. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 24-48.

Трубникова В.Б. Китайские бронзовые зеркала в ранних сяньбэйских памятниках: хронология и традиция // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.): материалы Международной археологической конференции молодых исследователей (Новосибирск, 21-25 ноября 2022 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. – С. 197-207.

Туаллагов А.А. Об одном редком типе орнаментации средневековых аланских зеркал // Из истории культуры народов Северного Кавказа. – Ставрополь: Графа, 2010. – Вып. 2. – С. 33-37.

У

Уланов И.В. Новые погребения на острове Осинском (Братское водохранилище) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2017. – Вып 6. – С. 294-302.

Уманский А. К вопросу о семантике зеркала из Рогозихи // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. – Барнаул: Алтай. гос. ун-т, 1999. – С. 207-211.

Ф

Федорова Н.В., *Гусев А.В.*, *Подосенова Ю.А.* Горнокнязевский клад / Отв. ред. О.Н. Корочкова; Научный центр изучения Арктики. – Калининград: ИД «РОСДО-АФК», 2016. – 80 с. (С. 41-44).

Федорова Н.В., *Гусев А.В.* Западносибирский Север и культурные миры Евразии на рубеже эр // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2019. – Т. 64. – Вып. 2. – С. 740-761.

Фёдорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // Эпоха палеометалла: Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 1 (57). – С. 90-98.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – С. 76-84.

Фиалко Е.Е. Бронзовое зеркало с гравировкой из Северо-Западного Приазовья // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. – СПб.: Изд-во "Гос. Эрмитаж", 2007. – С. 55-62.

Фидельский С.А., *Чореф М.М.* Бронзовое зеркало золотоордынского времени из окрестностей села Тея на левобережье Нижнего Днестра // В поисках сущности: сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссева / Под редакцией М.Е. Ткачука и Г.Г. Атанасова. – Кишинёв: Stratum, 2019. – С. 263-274.

Филиппова И.В. Китайские зеркала из памятников хунну // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 100-108.

Филиппова И.В., *Амоголонов А.А.* Китайское зеркало из хуннского городища Баян-Ундэр // 275 лет сибирской археологии: мат-лы XXXVII РАЭСК. – Красноярск: Универс, 1997. – С. 90-91.

Х

Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // Советская эт-

нография. – 1963. – № 4. – 89-96.

Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // Советская археология. – 1963. – № 4. – С. 58-71.

Хаврин С.В. Металл эпохи хунну могильника Терезин I (Тува) // Археологические вести. – Санкт-Петербург, 2016. – № 22. – С. 105-107.

Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 140 с.

Ханов С.А. Графические изображения на металлическом зеркале из Тавды // Деньга: альманах. – М.: Рейком групп, 2020. – № 1 (28). – С. 12-15.

Ханов С.А. Исторический экскурс по находке бронзового зеркала близ Чинги-Тура // Деньга: альманах. – 2024. – № 2 (41). – С. 14-15.

Ханов С.А. Лотосовые заводи Уссури // Деньга: альманах. – М., 2014. – № 2 (10). – С. 44-47.

Ханов С.А. Металлическое зеркало ранга трёх высших сановников в Зауралье // Деньга: альманах. – 2019. – № 3 (27). – С. 10-11.

Ханов С.А. Не описанный ранее художественный сюжет бронзового зеркала из Приморья // Деньга: альманах. – М., 2021. – № 2 (32). – С. 30-32.

Ханов С.А. О чём молчит зеркало // Домонгол: альманах древней культуры и искусства. – М.: Форум «Домонгол»; ООО“Альфа 2002”, 2011. – № 2. – С. 68-71.

Ханов С.А. Пояснение к одному из популярных сюжетов зеркал ордынского времени // Деньга: альманах. – М., 2022. – № 2 (35). – С. 16-17.

Ханов С.А. Редкая форма китайских зеркал // Деньга: альманах. – М., 2023. – № 1 (37). – С. 18-20.

Ханов С.А. Частица сиянья безупречного сердца // Домонгол: альманах древней культуры и искусства. – 2013. – № 3. – С. 229-232.

Ханов С.А., *Боталов С.Г*. Орнитоморфные изобразительные образы в оформлении нескольких китайских бронзовых зеркал из музейных собраний и случайных сборов Сибири и Приморья // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркутского нац. исслед. технич. ун-та, 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 52-66.

Хасенова Б.М., *Хабдулина М.К*. Зеркала в погребальной обрядности населения Сарыарки в эпоху Золотой Орды // Поволжская археология. – 2017. – № 4 (22). – С. 297-309.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. – 238 с. (С. 126-129).

Харинский А.В. Захоронения в колодах как показатель процесса монголизации южного Предбайкалья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современны х обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-географической конференции. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 214-219.

Хлебникова Т.А. Билярское зеркало с изображением грифона // Древности Восточной Европы. – М.: Наука, 1969. – С. 281-284.

Худяков Ю.С. Бронзовые зеркала из курганов пазырыкской культуры в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. – Вып. 7. – С. 94-102.

Худяков Ю.С. Зеркала из могильника Усть-Эдиган // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – № 3. – С. 135-143.

Худяков Ю.С., *Борисенко А.Ю*., *Орозбекова Ж*., *Скобелев С.Г*. Бронзовые зеркала из могильника Бай-Даг-1 в долине реки Ээрбек в Туве // Вестник НГУ: История. Филология. Вып. 5: Археология и этнография. – 2012. – Т. 11. – С. 120-126.

Ч

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР: Древняя история Нижнего Приобья. – 1953. – № 35. – С. 121-178.

Чжан Тунъян, *Ху Фанфан*, *Янь Синъе*. Мифы и легенды Китая / Пер. с китайского А.С. Жмак; 3-е издание исп. и доп. (серия «Поднебесная в рассказах»). – М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 271 с.

Чжао Цзунфу, *Лю Юнхун*. Звери и птицы как символы в китайской культуре / Пер. с кит. Е.И. Ежовой (серия: культура и история Китая). – Пекин: Пекинская компания «Шанс»; СПб: КАРО, 2013. – 236 с.

Чижова А.А. О находке китайского зеркала в Джераховском ущелье // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа Магас. 26-30 апреля 2010 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Магас: ООО «Пилигрим», 2010. – С. 357-359.

Чистякова А.Н. Зеркала с орнаментом боцзюй 博局纹: происхождение, эволюция и семантика // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 468. – С. 191–201.

Чичко Т.В. Восточная торевтика в системе культурных связей и военно-политической истории населения Прикамья и Приуралья в раннем средневековье (конец VI – первая половина IX вв.). Диссертация на соискание ученой степени канд. историч. наук. – Уфа, 2016. – 259 с.

Членова Н.Л. Значение находок бронзовых шлемов и медалевидного зеркала из Монголии // Российская археология. – М., 2000. – № 2. – С. 149-155.

Ш

Шавкунов Э.В. Два бронзовых зеркала из Новонежинского городища // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: материалы междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения А.П. Окладникова и 50-летию Дальневосточной археологической экспедиции. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2003. – С. 358-360.

Шавкунов Э.В. Древние металлические зеркала: терминология, использование, классификация и проблема датировки // Проблемы средневековой археологии Дальнего Востока. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – С. 92-108.

Шавкунов Э.В. Зеркала в магико-религиозных обрядах в древности и средневековье (препринт). – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – 38 с.

Шавкунов Э.В. Клад чжурчженьских зеркал // Труды Дальневосточной археологической экспедиции. – М.-Л.: Из-во АН СССР, 1960. – Т. 1. – С. 231-237.

Шавкунов Э.В. О происхождении двух бронзовых зеркал из случайных находок в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. – С. 59-69.

Шавкунов Э.В. О семантике декора из четырёх лепестковых розеток на средневековых металлических зеркалах // Древний и средневековый Восток. – М.: Наука, 1988. – Ч. 2. – С. 352-363.

Шавкунов Э.В. О стоимости зеркал у чжурчжэней // Древний и средневековый Восток. – М.: [б. и.], 1985. – Ч. 1. – С. 224-235.

Шавкунов Э.В. Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВНЦ ФН СССР, 1981. – С. 93-110.

Шавкунов Э.В. Тайны древних зеркал. – Владивосток: Дальпресс, 1993. – 51 с, ил. 19.

Шавкунов Э.В., *Конькова Л.В*., *Хорев В.А*. Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1987. – С. 80-95.

Шавкунов Э.В., *Хорёв В.А*., *Тригуб Ф.П*. Новые находки средневековых зеркал в Приморском крае // Российская археология / Институт археологии РАН. – М., 1992. – № 2. – С. 221-228.

Ширин Ю.В. Бронзовое зеркало с гравировкой из северных предгорий Алтая // След на песке. Материалы и исследования по археологии. – Томск: Дельтаплан; Северск, 2010. – С. 200-209.

Шульга Д.П. Зеркала эпохи Шан как маркёр культурных связей населения Центральной долины и Хамийской впадины // Современные востоковедческие исследования. – 2020. – № 2 (2). – С. 88-93.

Шульга Д.П. Происхождение ранних чжоуских зеркал // Современные востоковедные исследования. – 2019. – № 3. – С. 73-76.

Шульга П.И. Жреческие парные захоронения с зеркалами-погремушками (к постановке проблемы) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – 1999. – № 4. – С. 82-91.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а: монография / Науч. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с.

Шульга П.И. Датировка курганов Пазырыка и китайских зеркал с Т-образными знаками // Археология Западной Сибири и Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – С. 366-371.

Шульга П.И., *Оборин Ю.В*. «Восточные» зеркала-погремушки и бронзовые диски с гравировками // Старожитности раннего зализного вику. – Киев: Ин-т археологии НАН Украины, 2017. – Вып. 2 (23). – С. 381-389.

Шульга П.И., *Оборин Ю.В*. Бронзовые диски из Казымского клада и «восточные» зеркала-погремушки // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск–Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – Вып. 15. – С. 84-123.

Шульга П.И., *Оборин Ю.В*. Зеркало-погремушка из Среднего Урала // Народы и религии Евразии. – 2021. – № 1 (26). – С. 7-24.

Shenkar Michael, *Kurbanov Sharof*. A unique Sogdian bronze pin and a fragment of a Chinese “Zhenzifeishuang” 真子飞霜 mirror from Sanjar-Shah (Tajikistan) // Asian archaeology. – 2018. – Vol. 2. – P. 33-42.

Э

Эрдман Ф.И. О восточных зеркалах // Заволжский муравей. – Казань, 1832. – Ч. 1. – № 5. – С. 272-277.

Я

Яворская Л.В. Материалы к золотоордынской хронологии (по погребальным памятникам из окрестностей Царевского городища) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2001. – Вып. 1. – С. 76-92.

Яворская Л.В. Металлические зеркала из городов и некрополей золотоордынского Поволжья: к проблеме типологии и традиций орнаментации // Вопросы археологии Западного Казахстана. – 2011. – № 1. – С. 266-275.

УДК 340.141, 340.152, 94 (520).01

Щепетунина М.В.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ – РИТУАЛИЗАЦИЯ И ТАБУИРОВАНИЕ РОДОВ[1]

В данной работе рассматриваются некоторые аспекты ритуализации и табуирования родов в древней Японии и процесс закрепления этих традиций посредством синтоистских и буддийских текстов. Проанализированы особенности домиков для рожениц *убуя* и табу на взгляд в мифологических сводах «Кодзики» и «Нихон сёки», они сопоставлены с народными сказками и этнографическим материалом. Роды в Японии регламентировались именно нормами обычного права на уровне традиций и религиозных предписаний, которые принято объяснять концепцией *кэгарэ*. С другой стороны, домики для рожениц *убуя* также считались и священным местом, где божества даруют детей. В данной статье проблематизируется, какое мифологическое мировоззрение могло лежать в основе табуирования родов.

Ключевые слова: древняя Япония; обычное право; роды; *убуя*; *кэгарэ*; табу на взгляд; «Кодзики»; «Нихон сёки»; мифология.

Изучение традиционных аспектов семейного права в древней Японии представляет большой интерес, так как это право отражает глубокие культурные и религиозные убеждения, а также социальные нормы того времени. В данной работе мы рассмотрим табу как форму обычного права, освещая такие темы, как табу, налагаемые самой роженицей, особенности хижин для рожениц в мифологии, запрет смот-

Щепетунина Марина Вячеславовна – PhD «Язык и культура», внештатный преподаватель Киотского университета Сангё, Муниципального Университета иностранных языков города Кобэ (г. Осака, *Япония*).

E-mail: shchepetuninamarina@gmail.com

[1] Данная работа выполнена на основе следующих публикаций автора: *Shchepetunina M.* Убуя о мэгуру дэнсэ̄: Кики синва о сюппацутэн то ситэ 産屋をめぐる伝承—記紀神話を出発点として— (Легенды о родовых домиках: начиная с мифов «Кодзики» и «Нихон сёки») // Тайкоку Нихон кэнкю̄ кокусай симпозиуму 2010 ромбун хо̄кокусё タイ国日本研究国際シンポジウム 2010 論文報告書 (Сборник статей по докладам на международном симпозиуме по японским исследованиям в Таиланде 2010). – Таиланд: Parbpim Ltd., 2011. – С. 125-145; *Shchepetunina M.* The power of vision in mythological thinking: ‘to see the forbidden’ in Japanese myths and fairy tales // Vision: beyond visual perception / Ed. J. Toyota, I. Richards, B. Kovačević, M. Shchepetunina. – Cambridge: Cambridge Scholars, 2017. – P. 25-35.

реть на роды и его смысл в мифологии и сказках, а также табуирование родов и хижины для рожениц на этнографическом материале. Наш анализ будет основан на мифологических текстах сборников «Кодзики» («Записи о деяниях древности», 712 г.)[1] и «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.)[2], японских народных сказках и этнографических данных.

Начиная с периода японской древности и до сравнительно недавнего времени, среди обычаев, регулирующих рождение ребенка, существовал обычай строить родильные хижины *убуя* 産屋, в которых роженица уединяется для родов. Родильная хижина – это место, где роженица живёт изолированно от семьи, и пищу ей готовят на отдельном огне. Беременная женщина входит в эту хижину, когда чувствует приближение родов, и остаётся там определённое время после родов на «период очищения».[3] Самое первое упоминание об *убуя* мы видим в «Кодзики», а в XX веке роды в *убуя* были зафиксированы в 1913 году в *убуя* Ообара в Мива-тё, город Фукутияма, префектура Киото.

Традиционно роды регулировались рядом табу, которые налагались как на роженицу, так и на её мужа, в некоторых случаях и на членов семьи. «Этнографический атлас Японии», том V «Роды и воспитание детей» (1977 г.) приводит сведения о табуировании и ритуализации родов в том виде, как эти обычаи или память о них сохрани-

---

[1] Цит. по: Кодзики: записи о деяниях древности. Свиток 1 / Пер. с древнеяп. Е.М. Пинус. – СПб.: Кристалл, 2000. – 601 с.; Кодзики. Норито 古事記　祝詞 (Записи о деяниях древности. Молитвословия норито) / с коммент. Курано Кэндзи 倉野 憲司 (Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй» 日本古典文学大系 (Древнеяпонская литература)). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1963. – 342 с.; Кодзики 古事記 (Записи о деяниях древности) / с испр. и коммент. Ямагути Ёсинори 山口 佳紀, Кōноси Такамицу 神野志 隆光 (Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю̄» 日本古典文学全集 (Полное собрание древнеяпонской литературы)). – Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1997. – 461 с.

[2] Цит. по: Нихон сёки 日本書紀 (Анналы Японии): Свиток первый / с испр. и коммент. Сакамото Тарō 坂本 太郎 [и др.] (Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй» 日本古典文学大系 (Древнеяпонская литература)). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1967. – 654 с.

[3] *Ока Масао* 岡 正雄. Убуя, тая, нэя, моя, камая, инкёя 産屋、他屋、寝屋、喪屋、竈屋、隠居屋 (Комнаты для рожениц, отдельные комнаты на период табу, комнаты для сна, для погребения, кухни, покои, где живут после ухода от дел) // Ока Масао ромбунсю̄: Идзин соно та 岡正雄論文集 異人その他 (Сборник статей Ока Масао: Иные и прочее), Хока дзю̄ни-хэн 他十二篇 (Ещё 12 статей) / Под ред. Ообаяси Тарё̄ 大林 太良. – Иванами сётэн 岩波書店, 1994. – С. 142.

лись к моменту их фиксирования.[1]

Родильные хижины *убуя* упоминаются в трёх мифологических сюжетах «Кодзики» и «Нихон сёки»: 1) сцена, в которой мужское божество Идзанаки-но микото убегает из мира мёртвых и на границе, по другую сторону холма Ёмоцухира-дзака, обменивается прощальными словами с Идзанами-но микото; 2) история о дочери божества гор, деве-богине Коноханосакуя-химэ, строящей специальную хижину для родов *убуя*; 3) история о дочери морского царя, деве-богине Тоётама-химэ, которая тоже строит родильную хижину.

Эти эпизоды считаются самыми древними примерами упоминания родильных хижин. О них подробно говорится в работах Ёсино Хироко (1990 г.) «И цзин и Пять элементов и традиции родильных хижин» в книге «Культура побережья Восточно-Китайского моря и древняя Япония: Даосизм и ареал его распространения»; и Танигава Кэнъити (1981 г.) «Исследование традиций родильных хижин» в книге «Традиции, связанные с родильными хижинами: записи о родильных хижинах в заливе Вакаса». Ёсино Хироко рассматривает традиции родильных хижин через призму древнего культа змеи и философию даосизма. Она интерпретирует первые два эпизода как отражение традиции строить временные хижины для рожениц и утверждает, что причина создания родильных хижин связана не столько с понятием нечистоты или скверны, сколько с необходимостью магических ритуалов для перехода из мира предков в мир людей. Третий эпизод, эпизод о дочери морского божества Тоётама-химэ, она объясняет культом змеи как первопредка.[2] Тоётама-химэ скрывается в *убуя* и запрещает смотреть на себя, потому что в момент родов она должна превратиться в змею, в первопредка.

---

[1] Сбор этнографических данных проводился в 1962-1964 гг. во всех префектурах по 30 населённым пунктам в каждой. – Нихон миндзоку тидзу: сюссан, икудзи 日本民俗地図: 出産・育児 (Этнографический атлас Японии: роды и воспитание детей) (Сер. «Нихон миндзоку тидзу» 日本民俗地図 (Этнографические атласы Японии)) / Сост. Бункатё̄ 文化庁 (Агентство по делам культуры). – Токио 東京: Кокудо тири кё̄кай 国土地理協会 (Издательство Географической ассоциации), 1977. – T. V. – 464 с.

[2] *Ёсино Хироко* 吉野 裕子. Эки・гогё̄-то убуя-но миндзоку 易・五行と産屋の民俗 (И цзин, Пять элементов и обычаи хижин для рожениц) // Кан Сина-кай бунка-то кодай Нихон: Дōкё̄-то соно сюхэн 環シナ海文化と古代日本—道教とその周辺 (Культура побережья Восточно-Китайского моря и древняя Япония: Даосизм и ареал его распространения). – Киото 京都: Дзинбунсёин 人文書院, 1990. – С. 277.

Танигава Кэнъити (1981 г.) рассматривает родильные хижины в мифах «Кодзики» и «Нихон сёки» в контексте древних обычаев прибрежных районов префектур Фукуи и Киото. Он уделяет особое внимание конструкции родильных хижин, отмечая, что в «Нихон сёки» они описываются как «無戸室» (комната без дверей), а в «Кодзики» как «戸無き八尋殿» (просторные покои без дверей). Это указывает на то, что в древности родильные хижины не имели окон, а вход был запечатан, что создавало замкнутое пространство.[1]

В данной статье мы ставим задачей рассмотреть мифологические концепции родильной хижины и особенности табуирования родов в мифе. Мы проанализируем, кто строит родильные хижины и кто накладывает табу, постараемся выявить особенности гендерной иерархии. Особое внимание будет уделено запрету «не смотреть», выраженному в форме приказа, мы проанализируем его значение в мифах и сопоставим с примерами из японских народных сказок и этнографического материала.

Домики для рожениц *убуя* в мифах

Первый сюжет из «Кодзики», в котором упоминается родильная хижина, относится к циклу о рождении страны первопредками-сиблингами Идзанаки и Идзанами.[2] Идзанаки-но *микото* и Идзанами-но *микото* породили острова и различных божеств. Последним богиня Идзанами рождает божество огня, вследствие чего умирает. Идзанаки отправляется в загробный мир Ёми-но куни, чтобы вернуть её. Идзанами-но микото выходит к нему и отвечает, что ей надо «посоветоваться с богами Страны Жёлтых Вод»[3], запрещает смотреть на неё и удаляется «обратно в свои покои». Идзанаки нарушил запрет, увидел её облик, испугался увиденного и пустился в бегство. Идзана-

[1] *Танигава Кэнъити* 谷川 健一. Убуякō 産屋考 (Исследование традиций родильных хижин) // Убуя-но миндзоку: Вакаса-ван ни окэру убуя-но кикигаки 産屋の民俗—若狭湾における産屋の聞書 (Традиции, связанные с родильными хижинами: записи о родильных хижинах в заливе Вакаса). – Токио 東京: Кокусёканкōкай 国書刊行会, 1981. – С. 10.

[2] *Ки* – означает “мужчина”, *ми* – “женщина”. Как указывает исследователь древнеяпонского языка Ооно Сусуму, это самые древние слова японского языка с этим значением. – *Ооно Сусуму* 大野 晋. Нихонго о саканобору 日本語をさかのぼる (Обращаясь к истокам японского языка). – Токио 東京: Иванами синсё 岩波新書, 1974. – С. 7.

[3] Цитаты из «Кодзики» приводятся по переводу Е.М. Пинус: Кодзики: записи о деяниях древности, 2000. С. 608.

ми послала за ним в погоню «фурий Страны Жёлтых Вод». Идзанаки добрался до границы между миром живых и миром мёртвых, Ёмоцухирадзака. Там они обменялись прощальными словами. И здесь, в конце сюжета, и упоминается родильная хижина *убуя*.

«Напоследок та богиня Идзанами-но микото, жена, сама пустилась в погоню. Тогда 〔бог Идзанаги[1]〕 скалу, что лишь тысяче человек была бы под силу, к тому проходу Ёмоцухира придвинул-загородил, и, когда (они) по обе стороны той скалы, друг против друга стоя, (свой) брак расторгали, богиня Идзанами-но *микото* сказала: "Мой возлюбленный муженек-бог! Если так поступишь, я поросль людскую в твоей стране по тысяче в день душить стану", – так сказала. Тогда бог Идзанаги-но *микото* изволил сказать: "Моя возлюбленная женушка-богиня! Если ты так поступишь, я по тысяче пятьсот домиков для рожениц в день возводить стану", – так изволил сказать. Потому-то на тысячу человек, что непременно в день умирает, непременно по тысяче пятьсот человек в день нарождается».[2]

Идзанаки говорит о строительстве тысячи пятисот родильных хижин *убуя*, что означает рождение тысячи пятисот человек в день. Ёсино Хироко[3] считает, что основная идея этого отрывка, вероятно, заключается в увеличении численности населения, но вместе с тем упоминание *убуя* показывает, насколько важны были родильные хижины в древней Японии и свидетельствует о том, что для каждого рождения в древней Японии обязательно строилась новая родильная хижина.

Родильная хижина является неотъемлемой частью процесса рождения и символизирует само рождение. Таким образом, Идзанаки отвечает своей жене Идзанами, ставшей богиней смерти, тем, что создаёт необходимое условие для рождения людей.

В японской мифологии отсутствуют истории о происхождении человека, однако эпизод с родильной хижиной объясняет как происхождение смерти, так и рождения людей.

Далее рассмотрим сюжет о браке Ниниги-но *микото* и Конохананосакуя-химэ. Для анализа гендерных отношений сосредоточимся на событиях от их встречи до рождения ребёнка. Ниниги-но *микото* встретил прекрасную девушку и спросил её имя. Она ответила, что её

[1] При цитировании источников мы сохраняем транслитерацию переводчика.
[2] Кодзики: записи о деяниях древности, 2000. С. 75.
[3] *Ёсино Х.* Эки·гогё-то убуя-но миндзоку. С. 276.

зовут Коноханаиосакуя-химэ и что она дочь божества гор Ооямацуми-но *ками*. Ниниги-но *микото* выразил желание жениться на ней, на что девушка ответила, что это должно быть решено её отцом. Ооямацуми-но *ками* обрадовался и отправил вместе с младшей дочерью и её старшую сестру Иванага-химэ, снабдив их множественными дарами. Однако Ниниги-но *микото* не понравилась старшая сестра, и он отправил её обратно, оставив только Коноханасакуя-химэ, с которой провёл одну ночь.

Продолжение этого сюжета, в котором описываются роды в *убуя*, рассмотрим, разложив на мифемы:

(1) Ниниги-но *микото* проводит ночь с Коноханаиосакуя-химэ.

(2) Женское божество приходит к Ниниги-но *микото*.

(3) Она объясняет причину своего прихода, говоря, что настало время родить, но это дитя небесных богов[1], и оно не должно быть «рождено тайно».

(4) Мужское божество сомневается, считая, что дитя может быть от земных божеств.

(5) Женское божество клянётся, что если она благополучно родит в огне, то тем самым докажет, что это дитя небесного божества.

(6) Женское божество возводит «просторные покои без дверей».

(7) Она заходит в родильную хижину.

(8) Хижина запечатывается глиной.

(9) Во время родов поджигается хижина.

(10) Рождаются три сына небесного божества.

Рассмотрим этот сюжет с точки зрения семейно-брачных отношений. Женское божество Коноханаиосакуя-химэ, дочь земного божества гор, приходит к мужу, небесному божеству Ниниги-но *микото*, чтобы родить детей, говоря, что эти дети – потомки небесных богов и их нельзя рожать тайно. Ниниги-но *микото* сомневается в том, что это потомки небесных богов, и богиня совершает обряд-гадание *укэхи*[2], чтобы доказать верность своих слов. Можно предположить, что эти элементы отражают патриархальную систему, в которой дети при-

[1] *Ниниги-но микото* – небесное божество, внук богини солнца Аматэрасу, а Коноханасакуя-химэ – дочь земного божества. Как мы видим, женское и мужское божества принадлежат к разным мирам.

[2] Обряд клятвы-гадания *укэхи* также встречается в эпизоде о сокрытии богини солнца Аматэрасу в гроте, когда Аматэрасу и Сусаноо, обменявшись предметами, принадлежащими друг другу, порождают божеств, а рождение божеств становится доказательством чистоты.

надлежат мужчине, а женщина рожает для мужчины.

Далее обратимся к мифемам, описывающим *убуя*. Это родильная хижина, построенная девой-богиней по собственному волеизъявлению (6), которая не имеет дверей и запечатывается глиной (8). Она также является местом для совершения клятвы *укэхи* (5) и сжигается после использования (9).

Чтобы дополнить это описание, сравним его с соответствующими эпизодами из «Нихон сёки».

Этот сюжет имеет пять версий в «Кодзики» и «Нихон сёки» – «Кодзики», главная версия «Нихон сёки», и три дополнительные версии «Нихон сёки». Сравнение этих версий показано в Таблице 1.[1]

Таблица 1. **Мифемы сюжета о Конохананосакуя-химэ**

Мифема	К	Н [9]	Н [9.2]	Н [9.5]	Н [9.6]
Сомнения мужского божества	+	+	+	+	+
Гнев (стыд) богини	—	+	+	+	+
Клятва *укэхи*	+	+	+	+	—
Доказательство чистоты, т.е. верности слов богини	+	+	+	+	+
Объяснение сомнений	—	—	—	+	—
Негативные последствия	—	—	—	—	+

Мы видим, что дополнительные версии «Нихон сёки» содержат элементы, отсутствующие в «Кодзики»: гнев (стыд) богини (четыре версии), объяснение сомнений мужского божества (одна версия) и негативные последствия (одна версия).

В разных версиях мифа мужское божество сомневается в словах Конохананосакуя-химэ, считая, что она родит дитя не небесного, а земного божества. Женское божество, чувствуя гнев или стыд, клянётся, что если она родит в огне, то это значит, что дети – потомки не-

[1] В таблице 1 «К» – «Кодзики», «Н» – «Нихон сёки», а нумерация сюжетов и вариантов сюжета дана по переводу «Нихон сёки», Свитков I и II Л.М. Ермаковой (*Ермакова Л.М.* Космология по «Анналам Японии» («Нихон сёки») // *Ермакова Л.М.* Когда раскрылись небо и земля: миф, ритуал и поэзия ранней Японии. В 2-х тт. Т. 2: Переводы. – М.: Наука–Восточная литература, 2020. – С. 13-198). Знак «+» означает наличие мифемы, знак «—» – её отсутствие.

бесных божеств. Она рожает детей в огне, и это подтверждает её чистоту. Мужское божество объясняет причину своих сомнений, но всё равно наступают негативные последствия.

Приведём цитату из дополнительной версии «Нихон сёки»[1] H [9.6] для иллюстрации негативных последствий:

> «Вот, царственный внук взял в жёны Тоё-атату-пимэ.[2] И с одной ночи она понесла. Засомневался царственный внук. Далее – 〔как говорится в главном повествовании〕.
>
> И вот [Тоё-атату-пимэ] родила По-но сусэри-но *микото*. Потом родила По-но вори-но *микото*. Ещё одно его имя – Пикопоподэми-но микото. Так исполнилась клятва-обет *укэпи* их матери. То есть так и в самом деле узнали, что это дети царственного внука. Однако возненавидела Тоё-атату-пимэ царственного внука и больше с ним говорить не желала. Опечалился царственный внук <…> и сложил песню».[3]

Эти дополнительные элементы, включая гнев (стыд) богини, объяснение сомнений мужского божества и негативные последствия, позволяют предположить, что в древности табуирование родов инициировалось женщиной. К этой же мысли приводит и тот факт, что в следующем рассматриваемом нами эпизоде, о родах Тоётама-химэ, табу «не смотреть» на момент родов накладывает именно женское божество.

Кроме того, в дополнительной версии из «Нихон сёки» H [9.5] богиня приходит к Ниниги-но *микото* с уже рождёнными детьми, но всё равно строит родильную хижину и уединяется в ней. Это показывает, что родильная хижина имела значение не только как место для родов, но также понималась как вход в этот мир.

Последний эпизод о родильной хижине в мифах «Кодзики» рассказывает о рождении детей небесного божества Хоори-но *микото*, который родился в предыдущем рассмотренном нами эпизоде, и Тоётама-химэ, дочери морского царя. В этом эпизоде женское божество Тоётама-химэ находится в Морском царстве, а мужское божество

---

[1] Цитаты из «Нихон сёки» приводятся по переводу Л.М. Ермаковой: *Ермакова Л.М.* Космология по «Анналам Японии» («Нихон сёки») // *Ермакова Л.М.* Когда раскрылись небо и земля: миф, ритуал и поэзия ранней Японии. В 2-х тт. Т. 2: Переводы. – М.: Наука–Восточная литература, 2020. – С. 13-198.

[2] Другое имя Конохананосакуя-химэ.

[3] *Ермакова Л.М.* Космология по «Анналам Японии» («Нихон сёки»). С. 148.

приходит туда и женится на ней. После выполнения своей цели в стране жены (получение утерянного рыболовного крючка), Хоори-но микото возвращается в свою страну. Когда Тоётама-химэ чувствует, что наступает время родов, она, как и Конохананосакуя-химэ, приходит к мужу, чтобы родить в его мире, и строит родильную хижину. Рассмотрим основные элементы этого сюжета согласно «Кодзики»:

1. Тоётама-химэ приходит в страну, где находится её муж Хоори-но *микото*.
2. Она объясняет причину своего прихода: «...не должно дитя небесных богов быть рождено в море. Потому вышла-пришла».
3. Она строит родильную хижину, используя перья бакланов в качестве кровельного материала.
4. Крыша *убуя* ещё не завершена, а Тоётама-химэ чувствует, что начинаются роды.
5. Она заходит в родильную хижину.
6. Начинаются роды.
7. Она запрещает мужу Хоори-но *микото* смотреть на неё, объясняя это тем, что рожает в своей истинной форме.
8. Хоори-но *микото* находит её слова странными.
9. Начинаются роды.
10. Мужское божество тайно подглядывает за ней.
11. Женское божество превращается в огромного крокодила.[1]
12. Мужское божество, испугавшись, убегает.
13. Тоётама-химэ узнаёт, что муж подглядывал за ней.
14. Женское божество чувствует стыд.
15. Тоётама-химэ оставляет ребёнка.
16. Тоётама-химэ объясняет причину своего возвращения в Морское царство.
17. Тоётама-химэ закрывает «морской проход».
18. Тоётама-химэ навсегда остаётся в Морском царстве.

Тоётама-химэ приходит к мужу, чтобы родить, и говорит, что «не должно дитя небесных богов быть рождено в море», затем строит родильную хижину *убуя*. Эти элементы также присутствуют и в сю-

[1] Е.М. Пинус переводит *яхиро вани,* в которого превращается Тоётама-химэ, как «огромный крокодил». С другой стороны, в «Нихон сёки» мы видим *самэ*, акула. В некоторых версиях Нихон сёки Тоётама-химэ превращается в огромную змею *хэби*. В данной работе нам важно, что это некое хтоническое существо, принадлежащее водной стихии.

жете о Коноханаиосакуя-химэ и подчёркивают, что рождение детей осуществляется для мужчины и что для рождения нужна *убуя*. Родильная хижина в этом сюжете создаётся по воле женского божества (согласно мифеме 3) и включает в себя использование перьев бакланов (мифема 3), а также является местом, где женское божество налагает табу (мифема 7).

Этот сюжет представлен в пяти версиях: «Кодзики», основная версия «Нихон сёки», и три дополнительные версии «Нихон сёки», и в трёх версиях из «Нихон сёки» – [10.] (главной), ⟨10.1⟩ и ⟨10.3⟩ – Тоётама-химэ просит Хоори-но *микото* построить *убуя*.

В главной версии «Нихон сёки» она говорит следующее: «В день бурных волн и сильного ветра я непременно выйду на берег. Прошу тебя, построй «дом для родов и жди».[1] Как мы видим, *убуя* может быть построена не только женским, но и мужским божеством, к тому же, следует отметить, согласно волеизъявлению женского божества.

Попробуем обобщить характеристики домиков для рожениц *убуя*, которые можно проследить в японских мифах из сводов «Кодзики» и «Нихон сёки». Ниже приведены эти характеристики с указанием соответствующих эпизодов[2]:

1. Родильная хижина необходима для рождения человека, она символизирует само рождение (Эпизоды 1, 2, 3).
2. Родильная хижина строится для каждого отдельного случая родов (Эпизоды 1, 2).
3. Родильная хижина служит местом уединения для родов (Эпизоды 1, 2).
4. Родильная хижина используется после родов для сокрытия в ней с ребёнком (Эпизод 2).
5. Родильную хижину может построить женское божество (сама роженица) (Эпизод 2).
6. Родильную хижину может построить и мужское божество (Эпизоды 1, 2).
7. Для крыши родильной хижины могут использоваться перья бакланов (Эпизод 2).
8. Роды рассматриваются как обрядовое действие, связанное с клятвой *укэхи* (Эпизод 2).

[1] *Ермакова Л.М.* Космология по «Анналам Японии» («Нихон сёки»). С. 151.
[2] Нумерация эпизодов согласно порядку рассмотрения в данной работе.

9. Родильную хижину можно сжечь после использования (Эпизод 2).
10. Родильная хижина – это место, где женское божество может наложить запрет (табу) на мужское божество (Эпизод 3).

С точки зрения социальной регламентации родов мы можем обратить внимание на две нормы обычного права в древней Японии – во-первых, роды должны проходить в изолированном отдельном домике для рожениц *убуя*; и, во-вторых, на процесс родов нельзя смотреть. Если данный запрет нарушается, то женское божество не может оставаться в мире мужского божества. Д.А. Суровень трактует это условие так, что «нарушение данного запрета (табу на подглядывание за родами) приводило к прекращению брачных отношений».[1]

Убуя, роды и понятие «нечистоты»

Чтобы конкретизировать образ *убуя*, обратимся к этнографическому материалу.

В Японии вплоть до начала XX века существовал обычай, при котором роженица уединялась в специальной хижине, называемой *убугоя* 産小屋 или *убуя* 産屋, предназначенной для родов. Этот обычай предполагал изоляцию роженицы от семьи и приготовление пищи для неё на отдельном огне.

Существовало множество табу, связанных с родами и использованием родильной хижины. Эти табу касались как самой роженицы, так и её мужа и других членов семьи. Табу, касающиеся роженицы, включали сокрытие в родильной хижине или отдельном помещении, изоляцию от семьи, приготовление пищи на отдельном огне, запрет на посещение святых мест (буддийских и синтоистских святилищ) до окончания периода табу, а также избегание солнечного света, огня.

Табу, налагаемые на мужа роженицы, включали следующее: запрет на выполнение определённых работ, таких как охота и рыбалка, до окончания периода табу, запрет на посещение святых мест, на участие в похоронах и праздниках, а также запрет мужчинам входить в родильную хижину.[2] Отметим, что из вышесказанного следует, что

---

[1] *Суровень Д.А.* Эволюция родства и брака в древней Японии // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.); в 2-х тт. Т. 1: Эволюция российского и зарубежного права: историко-юридические исследования. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. – С. 245.

[2] *Нисияма Яёи* 西山 やよい. Убугоя сю̄дзоку-но нака-но оннатати: Вакаса-ван энган тихо̄-но санъику сю̄дзоку「産小屋」習俗の中の女たち—若狭湾沿岸地方の産育習俗

мужчинам в период табу нельзя быть в тех местах, которые сопряжены со входом в другой мир.

Табу и обычаи, связанные с рождением, значительно варьируются по регионам Японии. Однако одно из общих правил заключается в строгом запрете мужчинам входить в родильную комнату или хижину, а также принимать участие в процессе родов, что соотносится с регламентацией, которую предлагает нам миф. В Этнографическом атласе Японии, том V «Роды и воспитание детей» (1977)[1] это табу зафиксировано в таких префектурах, как Гумма, Ниигата, Тояма, Исикава, Яманаси, Хёго, Ямагути, Токусима, Фукуока. Приведём несколько примеров:

(1) Канто, префектура Гумма, Акихата:

Считается, что роды проходят легче, если муж отсутствует. Ночью муж также должен спать и не просыпаться.[2]

(2) Кинки, префектура Хёго, Итинохо:

Мужчинам запрещается входить в родильную хижину, когда там находится роженица.[3]

(3) Остров Сикоку, префектура Токусима, Асахи:

Рождение считалось нечистым, поэтому роды проходили в отдельной комнате. Мужчинам категорически запрещалось входить внутрь.[4]

Вышеуказанные запреты направлены на то, чтобы мужчина не видел роды и не соприкасался с ними. Среди объяснений причины есть как концепция скверны *кэгарэ* (пример (3), преф. Токусима), так и беспокойство, что «иначе роды могут пройти неблагополучно» (пример (1), преф. Гумма).

Традиционно принято считать, что причиной табуирования родов и строительства *убуя* является понимание крови как чего-то нечистого, стремление избежать нечистоты крови *ти-но кэгарэ* 血の穢れ.

(Женщины и традиции домиков для рожениц: традиции родов и воспитания детей в прибрежной области залива Вакаса) // Убуя-но миндзоку: Вакаса-ван ни окэру убуя-но кикигаки 産屋の民俗—若狭湾における産屋の聞書 (Традиции, связанные с домиками для рожениц: записи о домиках для рожениц в заливе Вакаса). – Токио 東京: Кокусё-канкōкай 国書刊行会, 1981. – С. 194-195.

[1] Нихон миндзоку тидзу, 1977. Т. V. 464 с.

[2] Там же. С. 94-95.

[3] Там же. С. 277.

[4] Там же. С. 355.

С другой стороны, являясь местом изоляции нечистоты крови, *убуя* также считалась местом, где божества даруют ребёнка, и местом возрождения предков. Это создает противоречие с концепцией понимания *убуя* исключительно как места для изоляции нечистоты.

Этнограф Оотō Токихико следующим образом описывает табу, связанные с родами: «Роды – это получение ребёнка от богов, поэтому они священны и следовало соблюдать табу. Поэтому концепция нечистоты родов, так называемая «белая скверна» *сирафудзё* или табуирование крови *тиими,* возможно, не соответствует изначальному пониманию родов. В некоторых местностях, например, на острове Токусима, есть люди, которые не придают значения нечистоте крови. Однако нельзя отрицать, что беременность и роды сопряжены с риском, существует вероятность выкидыша, мертворождения или трудных родов, и это вызывает тревогу. Представляется, что обычные люди избегали контакта с беременными женщинами и роженицами, находящимися в этом опасном состоянии. Это делалось из-за страха перед опасностью, которая могла постигнуть также и тех, кто вступал в контакт. Концепция опасности способствовала соблюдению табу, связанных с родами, а понятия чистоты и нечистоты во многом определяются более поздней идеологией. В изначальном понимании, возможно, не было такого противопоставления между табуированием священного и нечистого, как это представляется нам сейчас».[1]

Таким образом, Оотō Токихико указывает, что изначально роды не воспринимались как нечто нечистое, а главной причиной соблюдения табу были опасности, связанные с родами. Позднее к этому добавились представления о «чистоте» и «нечистоте», что привело к более строгому разделению между священным и нечистым.

Ряд японских исследователей (Намихира, 1985; Катаока, 2015) указывают на то, что связь концептуализации родов и понятии нечистоты *фудзē* 不浄 в синтоизме можно проследить по письменным памятникам начиная с периода Хэйан.[2] Намихира Эмико (1985) отмеча-

---

[1] *Оотō Токихико* 大藤 時彦. Сан-но ими 産の忌 (Табуирование родов) // Нихон дзē-мин бунка киē 日本常民文化紀要. – Сэйдзē дайгаку дайгакуин бунгаку кэнкūка 成城大学大学院文学研究科 (Отделение литературы аспирантуры университета Сэйдзё), 1973. – Вып. № 1. – С. 22.

[2] См.: *Намихира Эмико* 波平 恵美子. Кэгарэ ケガレ («Нечистота»). – Токио 東京: Тō-кēдō сюппан 東京堂出版, 1985. – 294 с.; *Катаока Кōхэй* 片岡 耕平. Нихон тūсэй-но кэгарэ каннэн-то ояко канкэй 日本中世の穢観念とオヤコ関係 (Представления о нечис-

ет, что согласно «Уложению годов *Кōнин*» – «*Кōнинсики*» (弘仁式) (810-824 гг.), в котором прописаны ежегодные синтоистские ритуалы, роды следует считать нечистыми и табуировать. Надлежащее табу детально прописано в несколько более позднем уложении – во «Внутриведомственных инструкциях годов *Энги*» («*Энгисики*» 延喜式) (927 г.), где устанавливается соблюдать период табу в течение семи дней, как и в случае смерти.

Далее усиление и детализацию связи понятия нечистоты и табуирования родов можно проследить в «Хрониках годов *Бумпō*»[1] («*Бумпōки*» 文保記) Камакурского периода. Сэгава Киёко в своей книге «Женские обычаи» приводит этот источник при исследовании понятия нечистоты, связываемого с женщиной. «"Бумпōки" (1317 г.) периода Камакура представляет собой запись дискуссий о ритуалах синтоистских священнослужителей. Составлены в Исэ *дайдзингӯ*. Здесь первым делом проблематизируется нечистота, связанная с родами. Устанавливается определенное количество дней, когда необходимо соблюдать табу, налагаемые в результате нечистоты рождения ребенка или в результате выкидыша, а также нечистоты рождения детёнышей одного из шести видов домашних животных, таких как корова, лошадь, собака, олень и другие. Нечистота родов приравнивается к нечистоте смерти. Смерть считается нечистой начиная с момента остановки дыхания, а что касается родов, то здесь есть неясный момент – следует ли считать началом нечистоты момент, когда ребёнок выходит из утробы, или когда выходит послед?».[2]

Эти источники показывают, как понятие нечистоты родов укореняется в японской культуре и ритуалах.

Если мы обратимся к буддизму, то, пожалуй, наиболее показательным будет буддийская «Сутра Кровавой чаши» «*Кэцубонкē*» (血盆経), распространившаяся в Японии в период Муромати. Как указывает Сэгава Киёко, «в Японии впервые концепция ада кровавого пруда распространилась в конце периода Муромати, и следование учению «*Кэцубонкē*» утвердилось как средство для поминовения умерших, молений за перерождение, молений о благополучных родах, как

тоте в средневековой Японии и отношения родителей и детей) // Хикаку кадзокуси кэнкю 比較家族史研究. – Хикаку кадзокуси гаккай (Общество исследования сравнительной истории семьи). – 2015. – Вып. № 29. – С. 1-22.

[1] Годы *Бумпō*: февраль 1317 г. – апрель 1319 г.

[2] *Сэгава К.* Онна-но миндзокуси – соно кэгарэ-то симпи. С. 91.

способ защиты от скверны». Дальше Сэгава приводит цитату из этой сутры: «Святой Нитирэн, находясь в провинции Усю в Хироно, увидел ад кровавого пруда и, проникнувшись жалостью, с помощью своей духовной силы отправился в обитель Будды, чтобы узнать способ спасения женщин. Он спросил о причинах, по которым женщины попадают в ад, и получил ответ: «Когда женщина рожает, она оскверняет землю кровавыми выделениями, а нечистую одежду стирает в реках и ручьях. Затем на этой воде заваривают чай и подносят его святым. За этот грех женщины попадают в кровавый пруд. Также женщины ежемесячно имеют менструальные выделения».[1]

Можно сказать, что вышеприведённые синтоистские и буддийские средневековые тексты канонизировали концептуализирование родов как нечистых, следовательно, требующих изоляции, и укрепляли традиции строительства *убуя*. Морияма Тайтаро (1983 г.) отмечает, что табуирование родов в районе Китацугару в префектуре Аомори, Китаунума-гун префектуры Ниигата и в префектуре Сидзуока обусловлены пониманием родов как нечистых и стремлением отдалиться от этой «нечистоты» *кэгарэ*, а целью приготовления пищи для роженицы на отдельном огне является предотвращение распространения *кэгарэ* через огонь, а также недопущение осквернения священного огня в доме.[2]

С другой стороны, существуют примеры родильных хижин *убуя*, которые воспринимались скорее как священные места. Один из таких примеров – родильная хижина в районе Ообара, которая сохранилась в своей первоначальной форме и является одной из немногих оставшихся в Японии. Она расположена в районе Ообара, город Фукутияма, Мива-тё̄, на границе между городами Аябэ и Кё̄танба, в 100 метрах от синтоистского святилища Ообара *дзиндзя*.

---

[1] *Сэгава Киёко* 瀬川 清子. Онна-но миндзокуси – соно кэгарэ-то симпи 女の民俗誌—そのけがれと神秘— (Женские обычаи: нечистота и таинство). – Токио 東京: Тōкёсё-сэки 東京書籍, 1980. – С. 97.

[2] *Морияма Тайтарō* 森山 泰太郎. Сан-но ими 産の忌 (Табуирование родов) // Нихон миндзоку кэнкю̄ тайкэй 日本民俗研究体系. – Токио 東京: Кокугакуин дайгаку 國學院大學 (Университет Кокугакуин), Нихон миндзоку кэнкю̄ тайкэй хэнсю̄ иинкай 日本民俗研究体系編集委員会 (Редакционный комитет по исследованиям японского фольклора), 1983. – Т. 4. – С. 169-182.

Фотография № 1. Ообара-но *убуя*

Фотография № 2. Ообара-но *убуя*

Размеры хижины составляют 3,20 *м* в глубину, 2,40 *м* в ширину и 1,60 *м* в высоту, а внутри она представляет собой небольшое помещение площадью около трёх татами. Эта родильная хижина упоминается в «Летописи святилища Ообара» («*Ообара дзиндзя хонки*» 大原神社本記) годов *Камбун* (1661-1673 гг.), а фактическое использование этой хижины для родов продолжалось до 2-го года *Тайсэ̄* (1913 г.). Начиная с 20-х годов эпохи *Сэ̄ва* (после Второй мировой войны) после родов в домашних условиях женщины стали приходить туда на несколько часов для отдыха. Родильная хижина в Ообара рассматри-

валась не столько как место для изоляции нечистоты, сколько как священное место; считалось, что именно там божества даруют ребёнка. Расположена *убуя* таким образом, что её видно с территории синтоистского святилища Ообара *дзиндзя*.

В «Летописи святилища Ообара» об использовании и значении *убуя* говорится следующее[1]: «Согласно местным обычаям, роды не происходят в собственном доме. За пределами святилища, в некотором отдалении находится специальная хижина для родов. Все женщины, вне зависимости от положения и статуса, приходят в эту родильную хижину, почувствовав приближение родов. В этом месте никогда не бывает трудных родов, и ни одна женщина ни из тысячи, ни из десяти тысяч рожениц не может здесь не родить благополучно. После семи дней пребывания в родильной хижине женщина возвращается в свой дом, и тогда надлежит произвести определенные действия, но здесь о них подробно говорить не станем. А песок из этой родильной хижины поэтому называют ‘песком лёгких родов’».

Среди сохранившихся до наших дней родильных хижин большинство связано с концепцией нечистоты, и эта идеология была закреплена и поддерживалась как синтоизмом («Бумпо̄ки»), так и буддизмом («Сутра Кровавой чаши»). Однако, как показывает пример родильной хижины в Ообара, существуют случаи, где *убуя* понимается не столько как место изоляции от скверны, сколько как место, где роды проходят безопасно, где божества охраняют роженицу. Согласно Фрейзеру (1989), в древнем мифологическом мышлении способы табуирования особ, которых почитали священными, и тех, кто считался нечистым, во многом совпадали, потому что оба состояния считались опасными для обычных людей. Различие в трактовке родильных хижин, которое мы наблюдаем, можно, думается, считать восходящим к такому мировоззрению.[2]

Понятие нечистоты родов усилило существовавшие вокруг них табу и способствовало их фиксации и неуклонному выполнению.

В самом древнем из известных нам источников, где говорится о табуировании родов, мы встречается с единственным табу в форме запрета – не смотреть на процесс родов. О магической силе взгляда в

[1] Цитата из Летописи приведена по: *Нисимура Масаёси* 西村 正芳. Ообара но убуя 大原の産屋 (Родильные хижины Ообара) // Мива-тэ̄ кэ̄до сирэ̄кан 三和町郷土資料館 (Краеведческий музей г. Мива), 1999. – С. 6.

[2] *Фрейзер Дж. Дж*. Золотая ветвь. – Москва: Политиздат, 1989. – 576 с.

мировоззрении древних японцев писала Л.М. Ермакова (1991, 1996). Автор указывает, что в древних культурах основная сверхъестественная сила зрения заключалась в его способности влиять на объект с целью его стабилизации, умиротворения или наделения силой.[1]

Далее на материале мифов и сказаний подробнее рассмотрим, на что именно нельзя было смотреть и к каким последствиям могло привести нарушение этого табу.

Табу на взгляд

В японской мифологии мы встречаем запрет смотреть на что-то в двух сюжетах: это сюжет о Идзанаки и Идзанами, в котором объясняется, почему люди умирают, и миф о Тоётама-химэ, дочери морского царя, которая запрещает смотреть на неё в момент родов. В японских мифах этот запрет связан со смертью и рождением, и следует отметить, что два вышеуказанных сюжета имеют сходства в своей структуре. Общая линия этих историй такова: (1) женское божество входит в хижину; (2) запрещает мужскому божеству смотреть на неё; (3) мужское божество нарушает этот запрет; (4) женское божество не может пребывать в этом мире и навсегда удаляется в другой, хтонический мир; и (5) устанавливается граница между мирами или закрывается проход между двумя мирами. Эти две истории имеют не только общее табуированное действие «смотреть», запрет на взгляд, но и схожую структуру.

Сюжет о путешествии Идзанаки-но *микото* в Страну Желтых Вод с целью вернуть в мир живых свою жену Идзанами-но *микото* записан в «Кодзики» и в восьми вариантах в «Нихон сёки». Во всех вариантах присутствуют следующие элементы сюжета:

(1) Идзанаки-но *микото* следует за Идзанами-но *микото* в Страну Жёлтых Вод; (2) женское божество входит в «хижину» или «покои», чтобы подготовиться к возвращению в мир живых; (3) она запрещает мужскому божеству смотреть на неё; (4) мужское божество нарушает этот запрет; (5) Идзанаки-но *микото* убегает, и его преследуют до границы между мирами; (6) женское божество не может вернуться в мир живых и навсегда остаётся в другом мире; (7) рассказывается о том, почему люди умирают.

[1] *Ермакова Л.М.* Взгляд и зрение в древнеяпонской словесности // Сад одного цветка: сборник статей и эссе. – Москва: Наука, 1991. – С. 212-223; *Ermakova L.M.* Naming and Seeing Things in Early Japanese Poetry // Proceedings of the 38th Permanent International Altaistic Conference (PIAC). – Wiesbaden, 1996. – P. 135-141.

Запрет на взгляд в этих эпизодах обычно понимается как табу, связанное со смертью, что запрещено смотреть на умершего, потому что смерть считалась нечистой.[1]

С другой стороны, когда бог Идзанаки-но *микото* прибывает в Страну Желтых Вод, Идзанами-но *микото* выходит ему навстречу «из дверей, преграждавших вход», и, надо полагать, он видит её. На этом этапе нет запрета смотреть на неё. Идзанами-но *микото* накладывает запрет на взгляд, когда входит «обратно в свои покои», чтобы подготовиться к возвращению в этот мир, когда она пытается вернуться к жизни, в момент как бы повторного рождения в мире живых. Когда Идзанаки-но *микото* нарушает этот запрет и входит в «покои», он видит, что «[у неё в теле] несметное количество червей копошилось-шуршало», иными словами, он видит разложение, нечистоту смерти, и что «...всего – восемь богов грома явилось-было», иначе говоря, она родила божеств грома. Место, где сокрылась Идзанами-но *микото*, прежде всего является местом, где происходит переход, и смотреть на этот переход и было табуировано. В этом эпизоде говорится о смерти, перерождении и рождении. Все эти процессы объединяет то, что они представляют собой своего рода переход между разными мирами.

В этой части мифа, где Изданами-но *микото* удаляется в «покои», мы видим мотивы смерти и рождения, а в конце эпизода снова упоминается эта дихотомия. Идзанами-но *микото* и Идзанаки-но *микото* устанавливают причину, по которой люди умирают и рождаются. Женское божество, которое вынуждено оставаться в потустороннем мире, говорит: «..я поросль людскую в твоей стране по тысяче в день душить стану», а мужское божество отвечает: «если ты так поступишь, то я по тысяче пятьсот домиков для рожениц в день возводить стану», что означает, что будет рождаться полторы тысячи человек в день. Эта история устанавливает онтологический порядок жизни и смерти, показывает, что мёртвые должны оставаться в ином мире, люди будут умирать и рождаться. Переломным моментом в этом сю-

[1] Кодзики. Норито 古事記　祝詞 (Записи о деяниях древности. Молитвословия норито), с коммент. Курано Кэндзи 倉野 憲司 (Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй» 日本古典文学大系 [Древнеяпонская литература]). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1963. – 342 с.; Кодзики 古事記 (Записи о деяниях древности), с испр. и коммент. Ямагути Ёсинори 山口 佳紀, Кōноси Такамицу 神野志 隆光 (Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю» 日本古典文学全集 [Полное собрание древнеяпонской литературы]). – Токио 東京: Сēгакукан 小学館, 1997. – 461 с.

жете стало нарушение запрета на взгляд, из-за которого Идзанаки-но *микото* увидел инаковость Идзанами-но *микото*, и это её состояние стало её главной характеристикой.

Связь между происхождением смерти и взглядом зафиксирована, например, в африканской, юго-восточно-азиатской и южноамериканской мифологиях.[1] Здесь описывается, что люди теряют способность к омоложению из-за нарушения запрета на взгляд. В своём фундаментальном исследовании «Африка, миграции, мифология. Области распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе» Ю.Е. Берёзкин (2013) указывает, что во многих африканских мифологиях смена кожи является условием для вечной жизни. Африканские, индонезийские, меланезийские и южноамериканские версии содержат общий элемент: люди больше не могут сбрасывать кожу, потому что родственники не узнали их в новом облике или потревожили в момент омоложения (мотив H4A[2]).[3] Существуют варианты, в которых ребёнок видит, как старик меняет кожу, и рассказывает об этом, нарушив запрет на рассказ (племя Эве, Южная Уганда), или старуху потревожил внук, когда она сбрасывала кожу (племя Лур, Северная Уганда). Отметим, что во многих примерах нарушение связано именно со взглядом. Приведём одну из таких историй, как она рассказывалась в племени Чагга в Кении и Танзании.

«Мать отослала ребёнка за водой, стала менять кожу. Вернувшийся раньше срока ребёнок увидел, как она вылезает из старой кожи. Мать умерла, люди больше не омолаживаются».[4]

Запрет на взгляд, хотя и не обозначенный напрямую, проявляется в контексте омоложения. Другие истории с мотивом H4A рассказывают нам о том, что процесс возрождения не должен быть нарушен, и, если человека не узнают в новом облике, это приводит к потере способности к омоложению. Можно предположить, что как только иное, в форме сброшенной кожи или нового облика, становится реальностью, оно не может быть изменено, и устанавливается новый порядок бытия, то есть, смертность.

Японский миф о путешествии Идзанаки-но *микото* в другой мир

---

[1] *Берёзкин Ю.Е.* Африка, миграции, мифологии. Ареал распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. – СПб.: Наука, 2013. – 320 с.
[2] Нумерация мотивов по Ю.Е. Берёзкину (*Берёзкин Ю.Е.* Африка, миграции, мифологии, 2013).
[3] *Берёзкин Ю.Е.* Африка, миграции, мифологии. С. 33.
[4] Там же.

и африканские истории об омоложении дают разные объяснения человеческой смертности, но они разделяют идею о том, что процесс перехода между разными состояниями не должен быть нарушен и что, как только объект увиден, он сохраняет эту форму. Никто не должен быть увиден в момент перехода между этим и хтоническим мирами или в момент превращения. В японской мифологии и сказках мы сталкиваемся с этой идеей в сюжете о Тоётама-химэ, дочери морского царя.

Тоётама-химэ приходит на берег моря к Хоори-но *микото* из морского царства, чтобы родить его ребёнка. Она объясняет причину следующим образом: «…не должно дитя небесных богов быть рождено в море. Потому вышла-пришла».[1] Будучи хтоническим существом, она приходит из другого мира и приносит ребёнка в этот мир.

Тоётама-химэ начинает строить родильную хижину, но не успевает её закончить, входит внутрь и накладывает запрет: «Повсюду в чужих странах люди, когда приходит время родить, приняв облик своей [родной] страны, рожают. Поэтому я сейчас в прежнем [своём] облике собираюсь родить. Просьба моя: не изволь смотреть на меня».[2]

Хоори-но *микото* нарушает этот запрет, посмотрев на неё «как она родить собиралась, а [она], обернувшись огромным крокодилом, ползала-извивалась».[3] Хоори-но *микото* был напуган увиденным. Тоётама-химэ сказала, что она собиралась приходить сюда из морского мира, но из-за того, что Хоори-но *микото* посмотрел на неё, она испытала стыд, закрыла «морской проход» и навсегда ушла в Морское царство.

Тоётама-химэ запрещает Хоори-но *микото* смотреть на неё в момент родов, объясняя, что в этот момент она изменит свою форму, и это нельзя видеть. Нарушение табу приводит к тому, что богиня остаётся в той форме, в которой её увидели, иными словами, принадлежащей к другому миру, и больше не может перемещаться между мирами.

Японские исследователи предлагают несколько объяснений этому табу. Сакамото Тарō в своих комментариях к переводу «Нихон сёки» на современный японский язык представляет теорию тотемизма, предложенную Мацумото Нобухиро, который утверждал, что Тоётама-химэ и Хоори-но *микото* принадлежали к разным тотемным груп-

[1] Кодзики: записи о деяниях древности, 2000. С. 174.
[2] Там же. С. 174-175.
[3] Там же. С. 175.

пам. Тотемным животным Тоётама-химэ был крокодил или дракон, и при родах необходимо было провести специальный ритуал, связанный с этим тотемом, и это не должны были видеть представители другой тотемной группы.[1]

Танигава Кэнъити, подчеркивая связь Тоётама-химэ с водой, интерпретирует этот миф как вариант широко распространённого мотива о сверхъестественной женщине, которая превращается в животное, купаясь в воде, и после того, как её видят, она вынуждена уйти.[2]

Ёсино Хироко утверждает, что в древней Японии существовала вера в змееобразного предка и что женщина во время родов превращалась в его прототип – змею, а ребёнок рождался тоже в форме змеи, и видеть это было табу.[3]

Танигава (1981) и Ёсино (1990) объясняют, почему Тоётама-химэ должна изменить облик, но не касаются причины запрета смотреть, констатируя сам факт существования табу. Нам же кажется очевидной связь этого эпизода с магической функцией, и само возникновение этого табу можно объяснить тем, что древние люди приписывали взгляду магическую силу и что, глядя на объект, можно на него повлиять.[4]

Структура этой истории в части наложения табу имеет те же элементы, что и история об Идзанами-но микото в Стране Желтых Вод, а именно: (1) женское божество входит в хижину; (2) запрещает мужскому божеству смотреть на неё; (3) мужское божество нарушает этот запрет; (4) женское божество не может оставаться в мире живых и навсегда удаляется в другой мир; и (5) устанавливается граница между мирами или закрывается проход между ними.

В обоих мифологических сюжетах запрещено смотреть на женское божество, и обе богини в табуированный момент принадлежат к другому миру и принимают форму существа из другого мира. Идзанами-но *микото* принадлежит к стране мёртвых, а Тоётама-химэ – к Морскому царству. В «Нихон сёки» она превращается в дракона (глав-

---

[1] Нихон сёки 日本書紀 (Анналы Японии, свиток 1-й), с испр. и коммент. Сакамото Тарō 坂本 太郎 [и др.] (Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй» 日本古典文学大系[Древнеяпонская литература]). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1967. – С. 165-167.

[2] *Танигава К.* Убуякō. С. 12.

[3] *Ёсино Х.* Эки гогē-то убуя-но миндзоку. С. 275-302.

[4] Танигава (*Танигава К.* Убуякō, 1981) и Ёсино (*Ёсино Х.* Эки･гогē-то убуя-но миндзоку, 1990). Подробнее эту проблему автор рассматривает в: *Shchepetunina M.* The power of vision in mythological thinking, 2017. P. 25-35.

ная история «Нихон сёки») или морское чудовище (варианты из «Нихон сёки»).

Похожая структура также встречается в японских сказках о сверхъестественной жене, а именно о жене-змее. В сборнике японских сказок Сэки Кэйго (1972) указывает, что сказка о жене-змее распространена по всей Японии, от префектуры Аомори до префектуры Хиросима, и существует в 47 вариациях.[1] Он рассказывает обобщённую историю следующим образом:

Однажды мужчина спасает змею. Потом она приходит в дом своего спасителя в облике красивой молодой женщины и становится его женой. Затем, когда пришло время рожать ребёнка, она запрещает смотреть на неё и скрывается в родильной хижине. Мужчина нарушает этот запрет и видит её в облике змеи. В результате она вынуждена покинуть его, но оставляет мужу свой глаз, чтобы помочь в воспитании ребёнка. Затем глаз украли, и мужчина отправляется его искать. Он встречает женщину, у которой был только один глаз. Она даёт ему этот глаз, чтобы он оберегал ребёнка. Сказка заканчивается тем, что жена просит бить в колокол, чтобы сообщать ей время суток, в другом варианте она, разгневанная, обещает отомстить тому, кто украл её глаз.[2]

В этой сказке можно выделить следующие ключевые элементы: рождение ребёнка, родильная хижина, запрет на смотрение и наказание за нарушение этого запрета. Эти элементы, как отмечает Сэки Кэйго, встречаются в различных регионах Японии: Аомори, Акита, Фукусима, Тотиги, Канагава, Гифу, Киото, Нара, Вакаяма, Хиросима и Кагава. В девяти из 47 версий этой сказки упоминается родильная хижина или комната, специально созданная для родов.[3]

Все истории с запретом на взгляд в контексте родов говорят о запрете смотреть на женщину в момент родов, подчеркивают её хтоническую природу и показывают, что нарушение этого табу приводит к невозможности для неё остаться в этом мире, и она остаётся в том облике, в котором была увидена. В сказке не говорится о том, что же-

[1] *Сэки Кэйго* 關 敬吾. Нихон мукасибанаси сю̄сэй: дайнибу 1 хонкаку мукасибанаси 日本昔話集成: 第二部1本格昔話 (Собрание японских народных сказок. Часть 2, Том 1: Народные сказки в первоначальном изложении). – Токио 東京: Кадокава сётэн 角川書店, 1972. – 483 с.

[2] Сказка приведена по: *Сэки К.* Нихон мукасибанаси сю̄сэй. С. 124.

[3] *Сэки К.* Нихон мукасибанаси сю̄сэй. С. 112.

на уходит в иной мир, но любопытен элемент потери зрения. В итоге она лишается обоих глаз, она не может видеть этот мир и остаётся в темноте, символически уходит из этого мира. Как мы видим, структура сказок во многом соответствует структуре мифа.

Обратимся подробнее к той части сказки, которая непосредственно описывает роды. Сюжет развивается следующим образом: жена запрещает смотреть на неё во время родов → муж нарушает запрет и видит её превращение → жена уходит. Здесь не описывается родильная хижина, но ясно выражены запрет, накладываемый женщиной во время родов, и негативные последствия нарушения запрета («Теперь, когда ты узнал моё истинное обличие, я не могу здесь оставаться»). Приведём два примера вариаций этой истории, в которых упоминается родильная хижина.

Молодые люди устраивают пир. К ним приходит девушка, приносит с собой сакэ, присоединяется к ним. На самом деле это змея, принявшая облик девушки. Когда приходит срок родов, она строит хижину и уединяется в ней. За ней подглядывают и видят, что она превратилась в змею. Из-за этого она возвращается в болото.

Преф. Аомори, Саннохэ-гун, *г. Гонохэ*[1]

Женщина приходит, останавливается на одну ночь на ночлег, становится женой. Однажды она накладывает запрет не смотреть на неё и уединяется в родильной хижине. На неё посмотрели и увидели, что она превратилась в огромную змею, обвивающую младенца. Женщина оказывается спасённой ранее змеёй, которая пришла отплатить за добро. Она оставляет записку о том, как воспитывать ребёнка с помощью оставленного шара, и уходит.

Преф. Аомори, *Минамицугару-гун*, *г. Оовани*[2]

Обе эти истории развиваются по следующей схеме: женщина уединяется в родильной хижине (или уединяется после наложения запрета на смотрение) → муж нарушает запрет и видит её превращение → женщина уходит. Эта структура параллельна структуре сюжетов мифов об Идзанами-но *микото* и Тоётама-химэ, где богини накладывали запрет на то, чтобы смотреть на них в момент превращения или родов. Нарушение этого табу приводит к таким последствиям, как потеря супруги и разрыв между мирами.

[1] Там же. С. 113.
[2] Там же. С. 113.

В заключение

Мифология, сказки и этнографический материал предлагают нам две общие нормы обычного права по регламентации родов: во-первых, роды должны проходить в изолированном отдельном домике для рожениц *убуя* и, во-вторых, на это нельзя смотреть. Традиционно принято считать, что первопричиной этих табу является понимание крови как чего-то нечистого, стремление избежать «нечистоты крови». С другой стороны, мифология и сказки показывают, что нельзя наблюдать тот момент, когда происходит переход между мирами или рождение, перерождение.

Мифологические сборники предлагает нам два варианта развития событий при родах в *убуя*: если табу соблюдается, и если оно нарушено.

В сюжете о Конохананосакуя-химэ строительство *убуя* завершено, и *убуя* представляет собой закрытое пространство, нет нарушения табу, *убуя* поджигают, и в итоге гадание-клятва *укэхи* оказывается успешным, и рождаются потомки небесных божеств. Миф показывает, что *убуя* должна быть закрытым пространством и видеть таинство рождения запрещено. Здесь табу «не смотреть» не озвучивается, но это условие выполняется.

А в сюжете о Тоётама-химэ подчёркивается, что строительство *убуя* не закончено, кровля крыши не завершена, таким образом, условие создания закрытого пространства не выполнено. А дальше налагается запрет, который нарушается, и в итоге меняется существующий порядок вещей, то есть закрывается граница между мирами. Миф будто предлагает нам два варианта развития событий: правильный и с нарушением табу.

Эти же элементы – изоляция роженицы и запрет смотреть на неё – мы находим и в сказках, и в народных традициях.

Такое мировоззрение было подкреплено пониманием «нечистоты» родов, зафиксировано в синтоистских текстах и усилено буддийскими. Как показывают данные этнографического атласа, традиции изоляции роженицы в *убуя* сохранились в некоторых местностях вплоть до первой половины XX века.

Следует отметить, что роды в Японии регламентировались именно нормами обычного права на уровне традиций и религиозных предписаний и никогда не становились объектом государственного правового регулирования.

Источники и использованная литература:

На русском языке:

1. *Берёзкин Ю.Е.* Африка, миграции, мифологии. Ареал распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. – СПб.: Наука, 2013. – 320 с.
2. *Ермакова Л.М.* Космология по «Анналам Японии» («Нихон сёки») // *Ермакова Л.М.* Когда раскрылись небо и земля: миф, ритуал и поэзия ранней Японии. В 2-х тт. Т. 2: Переводы. – М.: Наука–Восточная литература, 2020. – С. 13-198.
3. *Ермакова Л.М.* Взгляд и зрение в древнеяпонской словесности // Сад одного цветка: сборник статей и эссе. – Москва: Наука, 1991. – С. 212-223.
4. Кодзики: записи о деяниях древности. Свиток 1 / Пер. с древнеяп. Е.М. Пинус. – СПб.: Кристалл, 2000. – 601 с.
5. *Суровень Д.А.* Эволюция родства и брака в древней Японии // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918-2018 гг.); в 2-х тт. Т. 1: Эволюция российского и зарубежного права: историко-юридические исследования. – Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. – С. 206-271.
6. *Фрейзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. – Москва: Политиздат, 1989. – 576 с.

На японском языке:

7. *Ёсино Хироко* 吉野 裕子. Эки・гогё-то убуя-но миндзоку 易・五行と産屋の民俗 (Ицзин, Пять элементов и обычаи хижин для рожениц) // Кан Сина-кай бунка-то кодай Нихон: Дōкё-то соно сю̄хэн 環シナ海文化と古代日本―道教とその周辺 (Культура побережья Восточно-Китайского моря и древняя Япония: Даосизм и ареал его распространения). – Киото 京都: Дзинбунсёин 人文書院, 1990. – С. 275-302.
8. *Катаока Кōхэй* 片岡 耕平. Нихон тю̄сэй-но кэгарэ каннэн-то ояко канкэй 日本中世の穢観念とオヤコ関係 (Представления о нечистоте в средневековой Японии и отношения родителей и детей) // Хикаку кадзокуси кэнкю̄ 比較家族史研究. – Хикаку кадзокуси гаккай (Общество исследования сравнительной истории семьи). – 2015. – Вып. № 29. – С. 1-22.
9. Кодзики. Норито 古事記　祝詞 (Записи о деяниях древности. Молитвословия норито) / с коммент. Курано Кэндзи 倉野 憲司 (Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй» 日本古典文学大系 (Древнеяпонская литература)). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1963. – 342 с.
10. Кодзики 古事記 (Записи о деяниях древности) / с испр. и коммент. Ямагути Ёсинори 山口 佳紀, Кōноси Такамицу 神野志 隆光 (Сер. «Нихон котэн бунгаку дзэнсю̄» 日本古典文学全集 (Полное собрание древнеяпонской литературы)). – Токио 東京: Сёгакукан 小学館, 1997. – 461 с.
11. *Морияма Тайтарō* 森山 泰太郎. Сан-но ими 産の忌 (Табуирование родов) // Нихон миндзоку кэнкю̄ тайкэй 日本民俗研究体系. – Токио 東京: Кокугакуин дайгаку 國學院大學 (Университет Кокугакуин), Нихон миндзоку кэнкю̄ тайкэй хэнсю̄ иинкай 日本民俗研究体系編集委員会 (Редакционный комитет по исследованиям японского фольклора), 1983. – Т. 4. – С. 169-182.
12. *Намихира Эмико* 波平 恵美子. Кэгарэ ケガレ («Нечистота»). – Токио 東京: Тōкё̄дō сюппан 東京堂出版, 1985. – 294 с.
13. Нихон миндзоку тидзу: сюссан, икудзи 日本民俗地図: 出産・育児 (Этнографический атлас Японии: роды и воспитание детей) (Сер. «Нихон мин- дзоку тидзу» 日

本民俗地図 (Этнографические атласы Японии)) / Сост. Бункатё 文化庁 (Агентство по делам культуры). – Токио 東京: Кокудо тири кёкай 国土地理協会 (Издательство Географической ассоциации), 1977. – T. V. – 464 с.
14. Нихон сёки 日本書紀 (Анналы Японии): Свиток первый / с испр. и коммент. Сакамото Тарō 坂本 太郎 [и др.] (Сер. «Нихон котэн бунгаку тайкэй» 日本古典文学大系 (Древнеяпонская литература)). – Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1967. – 654 с.
15. *Нисимура Масаёси* 西村 正芳. Ообара но убуя 大原の産屋 (Родильные хижины Ообара) // Мива-тё кёдо сирёкан 三和町郷土資料館 (Краеведческий музей г. Мива), 1999. – 44 с.
16. *Нисияма Яёи* 西山 やよい. Убугоя сōдзоку-но нака-но оннатати: Вакаса-ван энган тихō-но санъику сōдзоку「産小屋」習俗の中の女たち—若狭湾沿岸地方の産育習俗 (Женщины и традиции домиков для рожениц: традиции родов и воспитания детей в прибрежной области залива Вакаса) // Убуя-но миндзоку: Вакаса-ван ни окэру убуя-но кикигаки 産屋の民俗—若狭湾における産屋の聞書 (Традиции, связанные с домиками для рожениц: записи о домиках для рожениц в заливе Вакаса). – Токио 東京: Кокусёканкōкай 国書刊行会, 1981. – С. 39-237.
17. *Ооно Сусуму* 大野 晋. Нихонго о саканобору 日本語をさかのぼる (Обращаясь к истокам японского языка). – Токио 東京: Иванами синсё 岩波新書, 1974. – 222 с.
18. *Ототō Токихико* 大藤 時彦. Сан-но ими 産の忌 (Табуирование родов) // Нихон дзёмин бунка киё 日本常民文化紀要. – Сэйдзё дайгаку дайгакуин бунгаку кэнкюка 成城大学大学院文学研究科 (Отделение литературы аспирантуры университета Сэйдзё), 1973. – Вып. № 1. – С. 1-22.
19. *Ока Масао* 岡 正雄. Убуя, тая, нэя, моя, камая, инкёя 産屋、他屋、寝屋、喪屋、竈屋、隠居屋 (Комнаты для рожениц, отдельные комнаты на период табу, комнаты для сна, для погребения, кухни, покои, где живут после ухода от дел) // Ока Масао ромбунсю̄: Идзин соно та 岡正雄論文集 異人その他 (Сборник статей Ока Масао: Иные и прочее), Хока дзūни-хэн 他十二篇 (Ещё 12 статей) / Под ред. Ообаяси Тарё 大林 太良. – Иванами сётэн 岩波書店, 1994. – С. 142-152.
20. *Сэгава Киёко* 瀬川 清子. Онна-но миндзокуси – соно кэгарэ-то симпи 女の民俗誌—そのけがれと神秘— (Женские обычаи: нечистота и таинство). – Токио 東京: Тōкёсёсэки 東京書籍, 1980. – 176 с.
21. *Сэки Кэйго* 關 敬吾. Нихон мукасибанаси сōсэй: дайнибу 1 хонкаку мукасибанаси 日本昔話集成: 第二部1本格昔話 (Собрание японских народных сказок: Часть 2, Том 1. Народные сказки в первоначальном изложении). – Токио 東京: Кадокава сётэн 角川書店, 1972. – 483 с.
22. *Танигава Кэнъити* 谷川 健一. Убуякō 産屋考 (Исследование традиций родильных хижин) // Убуя-но миндзоку: Вакаса-ван ни окэру убуя-но кикигаки 産屋の民俗—若狭湾における産屋の聞書 (Традиции, связанные с родильными хижинами: записи о родильных хижинах в заливе Вакаса). – Токио 東京: Кокусёканкōкай 国書刊行会, 1981. – С. 1-27.
23. *Shchepetunina M.* Убуя о мэгуру дэнсё: Кики синва о сюппацутэн тоситэ 産屋をめぐる伝承—記紀神話を出発点として— (Легенды о родовых домиках: начиная с мифов «Кодзики» и «Нихон сёки») // Тайкоку Нихон кэнкю кокусай симпозиуму

2010 ромбун хококусё タイ国日本研究国際シンポジウム 2010 論文報告書 (Сборник статей по докладам на международном симпозиуме по японским исследованиям в Таиланде 2010). – Тайланд: Parbpim Ltd., 2011. – С. 125-145.

На английском языке:

24. *Ermakova L.M*. Naming and Seeing Things in Early Japanese Poetry // Proceedings of the 38th Permanent International Altaistic Conference (PIAC). – Wiesbaden, 1996. – P. 135-141.
25. *Shchepetunina M.* The power of vision in mythological thinking: 'to see the forbidden' in Japanese myths and fairy tales // Vision: beyond visual perception / Ed. J. Toyota, I. Richards, B. Kovačević, M. Shchepetunina. – Cambridge: Cambridge Scholars, 2017. – P. 25-35.

Shchepetunina M.V.

Certain aspects of family law in Ancient Japan: ritualization and tabooing of childbirth

This paper examines certain aspects of the ritualization and tabooing of childbirth in Ancient Japan, as well as the process of solidifying these traditions through Shinto and Buddhist texts. We will analyze the characteristics of the childbirth huts *ubuya* and the taboo of looking in the mythological compilations «Kojiki» and «Nihon shoki», compare our findings with folk tales and ethnographic material. Childbirth in Japan was regulated by customary law norms i.e. by traditions and religious prescriptions, which are commonly explained by the concept of impurity *kegare*. On the other hand, the childbirth huts *ubuya* were also considered sacred places where deities bestowed children. This article explores the issue of what mythological worldview might have underpinned the taboos surrounding childbirth.

Keywords: Ancient Japan; customary law; childbirth; *ubuya*; *kegare*; looking taboo; «Kojiki»; «Nihon shoki»; mythology.

古代日本における家族法を巡って―産の忌と習俗の考察―

シピトゥーニナ・マリーナ

本論では、古代日本における産の忌と習俗、そして、それらは神道および仏教によって確立させる過程を考察する。『古事記』・『日本書紀』における産屋の特徴と見るなのタブーの文脈を考察し、民話や民俗学的資料と対比しながら分析する。日本では、古来から、出産は習俗や宗教的な規範、すなわち慣習法によって規制されており、その規制の理由が穢れの概念で説明されることは一般的である。一方、産屋はまた、神々が子を授ける聖地でも理解されていた。本稿では、出産をめぐる規制や忌の思想的基盤として神話的思考のどのような観念が考えられるかと問題視されている。

キーワード: 古代日本、慣習法、出産、産屋、穢れ、見るなのタブー、『古事記』、『日本書紀』、神話。

Shchepetunina Marina Vyacheslavovna – PhD in Language and Culture, part-time lecturer at Kyoto Sangyo university, Kobe City University for Foreign Studies (Osaka, *Japan*).
E-mail: shchepetuninamarina@gmail.com

Оглавление

Предисловие ……..... С. 3-4

Горегляд В.Н. (Санкт-Петербург, *Россия*)
Мифы древней Японии: отражение процесса генезиса государства, становления ранней государственности и этнической истории в сказаниях древней Японии…….…….. С. 5-22

Лаптев С.В. (Сигараки, *Япония*)
«Описания *во*» в китайских династийных историях («Цзинь шу», «Сун шу», «Нань-Ци шу», «Лян шу») ……..….. С. 23-34

Суровень Д.А. (Екатеринбург, *Россия*)
Комментарий к переводам китайских династийных историй …. С. 35-120

Ермакова Л.М. (Кобэ, *Япония*)
Фрагменты фудоки: мифическое и юридическое (*Предисловие к переводу*) ……..……..... С. 121-130
Фрагменты фудоки
Перевод ……..……. С. 131-148

Симонова-Гудзенко Е.К. (Москва, *Россия*)
О появлении богини Аматэрасу в японском пантеоне: формирование культа божества–покровителя династии Ямато .. С. 149-169

Бакшеев Е.С. (Москва, *Россия*)
Бронзовые зеркала периодов *яёй* и *кофун* и процесс политогенеза и формирования ранней государственности в Японии…….…. С. 170-247

Бакшеев Е.С. (Москва, *Россия*)
Бронзовые изделия периода *яёй* как символы социальной стратификации и ранней государственности Японии
(Приложение к статье *Е.С. Бакшеева* «Бронзовые зеркала периодов *яёй* и *кофун* и процесс политогенеза и формирования ранней государственности в Японии») ……. С. 248-284

Ханов С.А. (Челябинск, *Россия*)
Китайские бронзовые зеркала в древней Евразии и история их изучения в России
- Вступительная статья и библиографический список - ……. С. 285-323

Щепетунина М.В. (Кобэ, *Япония*)
Некоторые аспекты семейного права в древней Японии – ритуализация и табуирование родов ……..... С. 324-351

Оглавление ……..…… С. 352

Научное издание

Японские древности: восточноазиатское обозрение

(историко-правовые исследования)

Сборник научных трудов

Выпуск 2-й

Редакционная коллегия
ЕРМАКОВА Людмила Михайловна
БАКШЕЕВ Евгений Сергеевич
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович

Составитель оригинал-макета, технический редактор
СУРОВЕНЬ Дмитрий Александрович
Кафедра истории государства и права
тел.: 8 (343) 367-40-55
Уральский государственный юридический
университет им. В.Ф. Яковлева
620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21
E-mail: igp@usla.ru

Подписано в печать 20.01.2025.
Формат бумаги 70 × 100/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. 21,9. Заказ № 323214. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Принт».
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.